

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

M

M

M

M

M

M

M

M

M

M

M

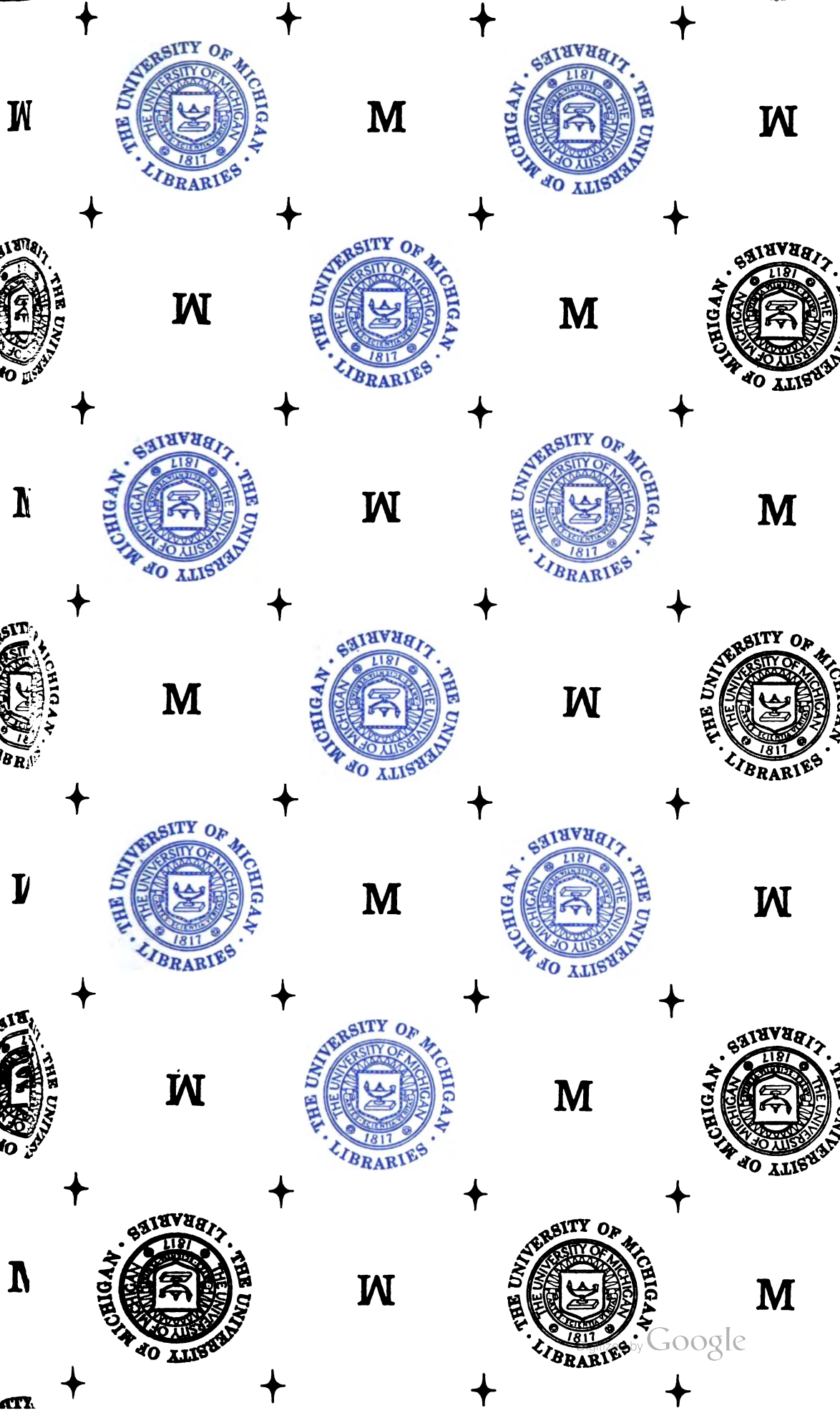
M

M

M

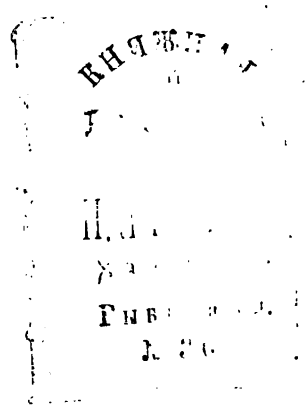
В. Кареве

ПЪСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРЪЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

МОСКВА.
Въ типографіи Вахметова.
1883.

Одобрено Ценсурой. Москва, Іюня 5-го, 1863 года.

61-107978

**Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей
Россійской Словесности *)**

— 1862 года, Марта 6-го, LIII засѣданіе; пунктъ 6. Д. Членъ П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что Коммиссіею для изданія «Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ,» изготовленъ къ печатанію 5-й выпускъ. Положено: «Выпускъ 5-й, который будетъ заключать въ себѣ Былевья пѣсни Новгородскія и Княжескія, «Приложенія,» какъ-то объяснительныя замѣтки, преданія, сказки, и «Указатель,» а слѣдовательно будетъ объемомъ приближаться къ 4-му выпуску, продавать также, какъ и сей послѣдній, по 1 руб. сер. за экземпляръ. — Всѣ распоряженія по печатанію 5 выпуска и продажѣ его, не ожидая новаго постановленія, возложить, на прежнемъ основаніи, на Д. Члена П. А. Безсонова.»

*

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1862-й годъ.

Выпускъ 5.

Пѣсни Былевыя: I. Новгородскія. — II. Княжескія.

Пѣсни Былевыя:

I

Новгородскія.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ.

*

I.

1 *).

(Арханг. губ., Шенкурскаго уѣзда).

- Садился Васька на ременчатой стуль,
Писалъ ярьки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставлено:
«Кто хоцетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
5. «Валися къ Васькѣ на широкой дворъ,
«Тотъ пей и ѣшь готовое,
«И носи платье разноцвѣтное!»
Разсымалъ тѣ ярьки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
10. И на тѣ частые переулочки.
Въ то же время
Поставилъ Васька шанъ среди двора **),
Наливалъ шанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.
15. Во славномъ было во Новѣ-градѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярьки скорописчаты,

*) Начало пѣсни такое же, какъ ниже изъ Кириши Данилова.—О.

**), Вѣроятно стихи таковы:

Во ту же пору во то время
Поставилъ Васька шанъ среди двора...
Шанъ—чавъ.—О.

- Пошли ко Васькѣ на широкій дворъ,
 Ко тому шану—зелену вину *)....
20. Вылѣзають добры молодцы изъ—подъ избицы,
 Котельная Пригарина да Потанюшко Хроменькій,
 Бѣжать они, добры молодцы,
 Ко Васькѣ Буслаеву.
 Котельная Пригарина напередъ бѣжить,
25. Потанюшко Хроменькій позадѣ бѣжить,
 Позадѣ бѣгучи, онъ одно **) спѣшить:
 На праву ножку Потанюшко припадываетъ,
 На лѣву ножку Потанюшко прихрамываетъ,
 Изъ-подъ рученьки Потанюшко посматриваетъ.
30. Прибѣгали братаны ни широкій дворъ:
 На широкомъ дворѣ три шанѣ вина.
 Размахнули ребята на шанахъ зелено вино,
 Выпивали ребята по пивнѣму по ковшику,
 А пивной-то ковшикъ полтора ведра.
35. Увидалъ Васька удалыхъ ребятъ,
 Соходилъ Васька со красна крыльца,
 Погонилъ братановъ со двора долой.
 Замолились братаны рѣчьми хорошими:
 «Хоть ты дай намъ, Васька, опохмѣлиться.»
40. Захватилъ онъ ихъ за бѣлы руки,
 Поташилъ онъ ихъ во нову избу:
 Тамъ онъ ихъ угощалъ, тамъ и чествовалъ.

- Мужики Новогорѣдчана, на питье они завидные,
 Никола Зиновьевичъ, Оома Родіоновичъ,
45. Засмѣкали они собирать братовщѣины Никольщины:
 Насобирали они хлѣба семнадцать мѣръ,
 Накурили они зелена вина:
 Пьютъ—веселятся мужики Новогорѣдчана.

Правятся Васька Буслаевъ сынъ

*) Отселѣ собственно начинается Шенкурское разнорѣчіе пѣснѣ.—О.

**) Одинокково; все таки.—О.

50. Съ Котельной Пригариной да съ Потанюшкой Хромень-
кинь

На пиръ на трапезу *).

Тутъ они на пиру напивалися,

Тутъ они на пиру наѣдалися,

Тутъ они другъ другу поперечили.

55. Подходилъ Васька къ чану зеленѣ вина,
Размахнулъ Васька въ чанъ зелено вино,
Охлеснулъ Васька посудину полтретья ведра,
Самъ проговорилъ Васька таково слово:

«Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичъ,

60. «Не боюсь я тебя, Ѳома Родіоновичъ,

«Не боюсь я всего Новгорода!

«Лишю **) боюсь я крестоваго батюшка,

«Матераго Старчища Игнатыща,

«Да боюсь я крестоваго брѣтелка,

65. «Молода Григорья Игнатыча:

«Ишь отъ меня и честь и почётъ;

«А что по чему пойдеть ***),—такъ и всѣхъ не боюсь!»

И ударился Васька о великъ закладъ,

Не остъ рублей, не о тысячѣ,

70. Ударился Васька о своей буйной головѣ:

За утро бится Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ.

Пришелъ Васька Буслаевъ ко родимой ко матушкѣ,

Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимоѳеевнѣ;

Приводилъ съ собой товарищей,

75. Котельную Пригарину да Потанюшку,

Посадилъ онъ ихъ за дубовый столъ,

Учалъ онъ ихъ, Васька, чествовать,

Самъ сталъ матушкѣ своей рассказывать:

«Родна матушка, Амелѣа Тимоѳеевна!

*) Стихъ долженъ быть таковъ:

Правятся они на пиръ на трапезу.—О.

**) Лишь.—О.

***) А коли дойдеть до настоящей расдѣлки, коли ужъ на то пойдеть.—О.

80. «Ударился я не о малъ закладъ,
 «Съ Николюй Зиновьевичемъ да съ Ѳомой Родіоновичемъ,
 «Не о стѣ рубляхъ, не о тысячь,
 «Ударился о своѣй буйной головѣ:
 «За утро мнѣ битися со всѣмъ Новымъ-городомъ.»
85. Заплакала матера вдова Амелѣа Тимошеевна,
 Садила она Ваську въ погреба глубокіе,
 Замыкала замками крѣпкими,
 Заметывала рогатками булатными.

Котельная Пригарина да Потанюшко Хроменькій,

90. Ото сна встають, братаны, пробужаются,
 Умываются они бѣдешенько,
 На востокъ они, братаны, Богу кланяются,
 Битися со всѣмъ Новымъ-городомъ сряжаются.
 Сутки быются они съ Новымъ-городомъ:
95. Не подходитъ Васька Буслаевичъ;
 Другія они быются съ Новымъ-городомъ:
 Не подходитъ Васька Буслаевичъ;
 Третья они быются съ Новымъ-городомъ:
 Васьки Буслаева въ очю нѣтъ.
100. Говорятъ мужики Новгородчана:
 ««Еще чтò же, братцы, Васька за дуракъ такой?
 ««Измѣнилъ, братцы, Васька своимъ товарищамъ,
 ««Продалъ за дешево, братцы, Васька своихъ товарищей:
 ««Трои сутки быются братаны за Ваську Буслаева,
105. ««Молотами у нихъ головы испроломаны,
 ««Кушаками у нихъ головы испривязаны,
 ««А Васьки Буслаева въ явѣ нѣтъ.
 ««Еще чтò же, братцы, Васька за дуракъ такой?»»

- Въ погребу учулъ Васька эту гóворю похúльную *)
 110. Заторчалъ **) Васька за дверями дубовыми,
 Тутъ бросился Васька на ободверины укладныя ***):

*) Рѣчь бранную, а вмѣстѣ похвальную—хвастливую.—О.

**) Рванулся.—О.

***) Изъ закаленного желѣза.—О.

Высадилъ онъ двери на́ пята,
Разметалъ онъ рогатины булатныя.
Не пала Васькѣ никакая ура́зина *)

115. Захватилъ онъ осіще телѣжное,
Бѣжить онъ съ осіщемъ на улицу:
«Садитесь вы, братцы, на лавочку!
«Продаю васъ не я, добрый молодець,
«Продаю васъ моя матушка родимая:

120. «Теперь я съ ними одинъ побратаюсь!»
Заходило чернённое **) осіще по мужикамъ Новгород-
чанамъ:

Побѣжали мужики Новгородчана,
На часу́ одинъ всю силу выгубилъ.
Въ стрѣту палъ ему крестовый брателко:

125. На головѣ держитъ мѣдный колоколъ,
Не величекъ колоколъ—девяносто пудъ.
Засвѣтилъ ***) Васька осью въ мѣдный колоколъ,—
Разбилъ колоколъ въ мелко жеребѣ;
Тялъ ****) брата осью телѣжною,—

130. Зашибъ его до смерти до скорыя.
Идетъ Васькѣ въ стрѣту Старчище Игнатьище:
Къ землѣ Игнатьище покляпцается ****),
Костылемъ Игнатьище подпирается,
На головѣ несетъ мѣдный колоколъ,

135. Не величекъ колоколъ—полтораста пудъ.
Говоритъ Васька Буслаевичъ:
«Ужъ ты здравствуешь, крестовый батюшко!
«Ты за чѣмъ идешь, старъ человекъ?»
Отвѣчаетъ Старчище Игнатьище:

140. —Ты молодой, Васька *****)!.....—

*) Орудіе битвы.—О.

**) Червленое, прозвище вяза, которымъ билась.—О.

***) Блеснулъ, махнулъ.—О.

****) Ударилъ.—О.

*****) Сгябается.—О.

*****) Здѣсь записавшій пѣсню, къ сожалѣнію, изъ мнимаго приличія вы-
пустилъ строки.—О.

Отвѣчаетъ Васька Буслаевъ сынъ:

«Не корись ты, старая шлея бросовая *),

«Не корись ты, корзина дертѣжкая **),

«Дертѣжкая корзина, вѣковалая!

145. «Колько я тебя Крѣстнымъ ни назывывалъ,

«На вѣку ты мнѣ яичка не даывалъ:

«Вотъ тебѣ красное яичко,—Христось воскресь!»

Ударилъ онъ колоколъ осьей телѣжною,—

Разкромилъ онъ колоколъ въ мелко жѣребье;

150. Застегнулъ онъ Старчища Игнатьища,

Разъ ударилъ осью,—грязей сдѣлалъ.

Еще сердце въ емъ не уходилося,

Еще граеть ***)) надъ тѣломъ Васька Буслаевъ сынъ:

«Лежи ты здѣсь, сѹчище облѣзлое,

155. «Вотъ тебѣ яичко,—Христось воскресь!»

(Записано А. Харитоновымъ, доставлено В. И. Далемъ).

*

2.

(Тамъ же).

Наварилъ Васька пива пьянаго,

Накурилъ Васька зелена вина,

Разоставилъ чаны посередь двора,

Спускаетъ чару—полтора ведра,

5. Ко чарочкѣ приговариваетъ:

«Кто выдынетъ ****)) чару единой рукой,

«Выпьеть чару на единый духъ,

«Будетъ Васькѣ тотъ милый другъ,

«Милый другъ будетъ, названный братъ.»

10. Приходили мужики Новгородчана

*) Негодная, брось.—О.

***) Изъ драгиды.—О.

****) Играетъ, наемѣхается. О.

****) Выдѣмуть—поднять.—О.

Ко Васькѣ на почестенъ пирь:
Они на питье были завидные.
Не то *) имъ чарочка эта вышити,
Не могли они чарочку вы́здынуть;

15. Шатаются день до вечера.

Тутъ-то Васькѣ за бѣду стало,
За бѣду стало за великую;
Пошелъ Васька на широкой дворъ,
Схватилъ Васька череный вязъ,

20. Побѣгъ Васька на широкой дворъ,
Взялъ тутъ мужиковъ битъ-окутывать,
За заплоти **) взялъ—всѣхъ повыветалъ.

Пошли мужики—сами заплакали:
«Были у Васьки на честномъ пиру,

25. «Не упили мы, не уѣли,
«А въ безвѣчье ***) залѣзли у Васьки на вѣки!»»

Бѣжить на встрѣту Котельная Пригарина,
Говорить мужикамъ таковы рѣчи:

—Были вы у Васьки на честномъ пиру,

30. —Каково у Васьки упили,
—Каково у Васьки вы уѣли?—

«Мы не упили, не уѣли,
«Мы въ безвѣчье залѣзли на вѣки.
«Ты куда бѣжишь, ты куда спѣшишь?»»

35. Котельная Пригарина тому не бардуеть ****),

Онъ одно бѣжить, онъ одно спѣшить.
Прибѣгалъ ко Васькѣ на широкой дворъ,
Размахнулъ на чанѣ зелено вино,
Зачерпаетъ чара *****)—полтора ведра,

40. Воздѣваетъ чарочка единой рукой,

*) Не только что.—О.

**) *Заллотъ*—заборъ, ограда.—О.

***) Увѣчье.—О.

****) Не обращаетъ на то вниманія.—О.

*****) Весьма рѣдкое словосочиненіе.—О.

- Выпиваетъ чарочка на единой духъ;
 Крутѣхонько *) и во второй разъ—
 Воздымаетъ чара единой рукой,
 Выпиваетъ чара на единой духъ;
45. Онъ крутѣхонько и въ третій разъ—
 Захотѣлъ выпить чара зелена вина.
 И пошолъ Васька на широкой дворъ,
 И схватилъ Васька черненьй вязъ,
 Билъ Васька дѣтину въ буйну голову:
50. Дѣтина стоитъ—не ворóхнется,
 На ёмъ синь кафтанъ не колѣхнется,
 Кудри черныя не трѣхнутся,
 Полна чарочка въ рукахъ не всплѣщется;
 Не мало ведро выпилъ,—полпятá ведра.
55. —Окатилъ ты меня, Васька Буслаевичъ,
 —Окатилъ ты мнѣ ретиво сердце,
 —Возвеселилъ ты мнѣ буйну голову:
 —Ужь ты дашь ли мнѣ опохмѣлиться?—
 Онъ бралъ его за бѣлы руки
60. И повель его во свѣтлицу:
 «Будь ты мнѣ милый другъ,
 «Милый другъ да и названный братъ!»
 Посадилъ его за дубовый столъ
 И учаль его въ тѣ поры чествовать.
65. Въ тѣ поры въ то времячко
 Увидѣли мужики Новгородчана,
 Бѣжитъ на встрѣту Потанюшко Хроменькій;
 Спрашаетъ онъ у мужиковъ у Новгородчанъ:
 —Были ли у Васьки на честномъ пиру?—
70. Онъ одно бѣжитъ, онъ одно спѣшить:
 На праву ножку онъ припадываетъ,
 На лѣву ножку онъ прихрамываетъ,
 Изъ-подъ рученьки Потанюшко посматриваетъ.
 Прибѣгалъ ко Васькѣ на широкой дворъ,

*) Крутѣхонько—скорѣхонько, отъ круто—скоро.—О

75. Размахнулъ на чагѣ зелено вино,
 Зачерпаетъ чара—полтора ведра,
 Выздынаетъ чарочка единой рукой,
 Выпиваетъ чарочка на единой духъ;
 Крутѣхонько и во второй разъ—
80. Выздынаетъ чара единой рукой,
 Выпиваетъ чара на единой духъ;
 Онъ крутѣхонько и въ третій разъ—
 Захотѣлъ выпить чара зелена вина.
 Пошолъ Васька на широкій дворъ
85. И схватилъ Васька черненый вязъ,
 Билъ Васька дѣтину въ буйну голову:
 Дѣтина стоитъ—не ворѣхнется,
 На ѣмъ синь кафтанъ не кольхнется,
 Кудри черныя не тряхнутся,
90. Полна чарочка въ рукахъ не всплѣщется.
 Говоритъ дѣтина Васькѣ Бусланчу:
 —Окатилъ ты меня, Васька Буслаевичъ,
 —Возвеселилъ ты мнѣ буйну голову:
 —Хоть ты дай мнѣ, Васька, опохмѣлиться!—
95. Онъ бралъ его за праву руку
 И повелъ его во свѣтлицу:
 «Будь ты мнѣ милый другъ,
 «Милый другъ да и названный братъ!»
 Посадилъ его за дубовый столъ
100. И учалъ его въ тѣ поры потчивать.
- Мужики Новгородчана,
 На питье они были завидные,
 Никола Зиновьевичъ, Ома Родіоновичъ,
 Вздумали они собирать брѣтщины Никольщины.
105. Взяли они двѣнадцать мѣръ,
 Пиварили зелена вина;
 Тутъ они запризновали,
 Никола Зиновьевичъ, Ома Родіоновичъ.
 Тутъ Васька Буслаевичъ съ своими товарищами,
110. Съ Котельной Пригаринной, съ Потанюшкой Хромень-
 кимъ,

- Пошли на честной пиръ.
 Тутъ на пиру наѣдалися,
 Тутъ на пиру напивалися,
 Тутъ они другъ другу перечеили.
115. И говоритъ Васька Буслаевичъ:
 «Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичъ,
 «Не боюсь я тебя, Оома Родіоновичъ,
 «Не боюсь я всего Нова-города,
 «Окромъ крестоваго батюшка,
120. «Старичища Игнатьища,
 «И крестоваго брателка Григорья Игнатьича:
 «А что по чему поидеть,—такъ и всѣхъ не боюсь!»
 И ударился Васька о великъ закладъ,
 Не о ста рубляхъ, не о тысячѣ,
125. Ударился Васька о своей буйной головѣ:
 За утро битися Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ.

- Тутъ пришлоъ Васька Буслаевъ къ матушкѣ родной,
 Къ матерой вдовѣ къ Амелѣ Тимоеевнѣ,
 Пришлоъ онъ со своимъ товарищима,
130. Посадилъ онъ ихъ за дубовый столъ;
 Учалъ онъ ихъ потчивать—чествовать,
 А самъ сталъ матушкѣ своей рассказывать:
 «Родимая матушка, Амелѣа Тимоеевна!
 «Ударился я съ Николой Зиновичемъ и съ Оомой Роді-
 оновичемъ,
135. «Ударился я о великъ закладъ,—
 «За утро мнѣ битися со всѣмъ Новымъ-городомъ!»
 Тутъ матерà вдова Амелѣа Тимоеевна заплакала,
 Садила она Ваську въ погреба глубокіе,
 Запирала замками крѣцкими,
140. Запирала рогатками булатными.

За утро встають Котельная Пригарина,
 Потанюшко Хроменькій ранѣшенько,
 Умываются бѣлѣшенько,
 И идуть добры молодцы—сряжаются

145. Со всѣмъ битися съ Новымъ-городомъ.
 Дерутся они съ Новымъ-городомъ трои суточки:
 Молотами у ихъ головы испроломаны,
 Кушаками головы завязаны.
 «Что ты, Васька Буслаевичь,
 150. «Измѣнилъ ты своимъ товарищамъ!»»

Туть бросился Васька на двери съ ободверинами,
 Бросился—двери высадилъ;

На пути Васькѣ не пало черненое вѣзище,
 Не пала Васькѣ никакая уразина,

155. Схватилъ Васька телѣжное осище:

«Садитесь вы, братцы, на лавочку:
 «Измѣнилъ вамъ не я, добрый молодець,
 «Измѣнила вамъ моя родна матушка;
 «Теперь я съ ними побратаюсь!»

160. На часу силу всю выгубилъ;

Онъ дошолъ до крестоваго брателка:
 Идетъ онъ—несетъ колоколъ на головѣ сорокъ пудъ.
 Ударилъ Васька Буслаичъ въ мѣдный колоколъ,—
 И расшилъ колоколъ въ мелки жеребьи;

165. Туть его тягъ о бѣлы груди осью телѣжною,—

Покатился за мертво крестовый брателко.
 Идетъ Старичище Игнатище:
 Костылемъ онъ подпирается,
 На головѣ несетъ колоколъ—девяносто пудъ.

170. «На что ты идешь, крестовый батюшко?»

Говоритъ Васька Буслаевичъ.

Отвѣчаетъ Старичище Игнатище:

—Ты Васька, молодойне.....!—

«Вотъ я тебя Хрестнымъ ни назывывалъ,

175. «Вотъ тебѣ яичко ты мнѣ яичка не даывалъ;

«Теперь мы съ тобой похристосуемся:
 «Вотъ тебѣ красно яичко—Христось воскресъ!»

Васька ударилъ колоколъ осью телѣжною,—

Расшилъ колоколъ въ мелки жеребьи;

180. Онъ застегнулъ Старичищу Игнатищу,

Застегнулъ осью телѣжною,—
На единой разъ грязью сдѣлалъ.

(Записано г. Н. Борисовымъ въ 1844 г.).

3.

(Кирша Даниловъ).

- Въ славномъ Великомъ Новѣ-градѣ,
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ—не перечился,
Со мужики Новгородскими
5. Поперегъ словечка не говаривалъ;
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалось его житье-бытье
10. И все имѣнїе дворянское;
Осталась матера вдова,
Матера Амелѣа Тимоеевна,
И оставалось чадо милое
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
15. Будеть Васиенька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелѣа Тимоеевна,
Учить его во грамотѣ,—
А грамота ему въ наукъ пошла;
20. Присадила перомъ его писать,—
Письмо Василю въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,—
Пѣтье Василю въ наукъ пошло.
А и пѣть у насъ такова пѣвца,
25. Во славномъ Новѣ-городѣ,
Спротивъ Василя Буслаева!

Поводился вѣдь Васька Буслаевичъ
 Со пьяницы, съ безумницы,
 Съ веселыми удалыми—добрыми молодцы:

30. До пьяна ужь сталъ напиватися;
 А и ходя въ городъ уродуетъ:
 Котораго возметъ онъ за руку,
 Изъ плеча тому руку выдернетъ;
 Котораго задѣнетъ за ногу,
 35. То изъ..... ногу выломить;
 Котораго хватить поперегъ хребта,
 Тотъ кричитъ—реветъ, окарачь ползеть.
 Пошла-то жалоба великая.
 А и мужики Новгородскіе,
 40. Посадскіе, богатые,
 Приносили жалобу они великую
 Матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимошеевнѣ
 На того на Василья Буслаева;
 А и мать-то стала его журить—бранить,
 45. Журить—бранить, его на умъ учить:
 Журьба Васькѣ не взлюбилася.

Пошелъ онъ, Васька, во высокъ теремъ,
 Садился Васька на ременчатой стулѣ,
 Писалъ ярмыки скорописчаты,

50. Отъ мудрости слово поставлено:
 «Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
 «Валися къ Васькѣ на широкой дворъ,
 «Тотъ пей и ѣшь готовое,
 «И носи платье разноцвѣтное!»
 55. Разсымалъ тѣ ярмыки со слугой своимъ
 На улицѣ широкия
 И частые переулочки.
 Въ то же время
 Поставилъ Васька чанъ среди двора *),
 60. Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
 Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.

*) См. № 1-й.—0.

- Во славномъ было во Новѣ-градѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
65. Пошли ко Васькѣ на широкой дворъ
Къ тому чану, зелену вину.
Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ;
Пришелъ онъ, Костя, на широкой дворъ:
Василій тутъ его опробоваль,
70. Сталь его бити червленымъ вязомъ,—
Въ половинѣ было налито
Тяжела свинцу Чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ;—
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ:
75. Стоитъ тутъ Костя—не шевельнется
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся;
Говорилъ Василій сынъ Буслаевичъ:
«Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
«А и будь ты мнѣ названой братъ,
80. «И паче мнѣ брата родимаго!»
А и мало время позамѣшкавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей Дѣти Боярскіе,
Пришли ко Васькѣ на широкой дворъ:
85. Молодой Василій сынъ Буслаевичъ
Тѣмъ молодцамъ сталь радошень и веселешенежъ.
Пришли тутъ мужики Залѣшена:
И не смѣлъ Василій показатися къ нимъ.
Еще тутъ пришло семь братовъ Збродовичи.
90. Собиралися—сходилися
Тридцать молодцовъ безъ единого,
Онъ самъ Василій тридцатой сталь:
Какой зайдетъ,—убьютъ его,
Убьютъ его, за ворота бросять.
95. Послышалъ *) Васинька Буслаевичъ

*) Вѣроятно: „прослышалъ“, „заслышалъ“.—О.

- У мужиковъ Новгородскихъ
 Канунъ *) варень, пива ячныхъ:
 Пошелъ Василій со дружиною.
 Пришелъ во братчину въ Никольщину:
100. ««Не малу мы тебѣ сыпь **) платимъ,
 ««За всякого брата по пяти рублевъ!»»
 А за себя Василій даетъ пятьдесятъ рублевъ.
 А и тотъ-то староста церковной ***)
 Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину.
105. А и зачали они тутъ канунъ варень пить,
 А и тѣ-то пива ячныхъ.
 Молодой Василій сынъ Буслаевичъ
 Бросился на царевъ кабакъ
 Со своею дружиною хороброю ****):
110. Напилися они тутъ зелена вина
 И пришли во братчину въ Никольщину.
 А и будетъ день ко вечеру:
 Отъ малаго до стараго,
 Начали ужъ ребята боротися,
115. А въ иномъ кругу въ кулаки битися;
 Отъ тое борьбы отъ ребячїа,
 Отъ того бою отъ кулачнаго,
 Началася драка великая;
 Молодой Василій сталъ драку° разнимать:
120. А иной *****) дуракъ зашолъ съ носка,
 Его по уху оплелъ,—
 А и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ:

*) Церковное празднованіе известнаго дня начинается съ вечера, съ вечера, съ кафона или камуна, откуда наше на канунъ, а самыя кушанья и пштя, заготовляемыя съ вечера подъ праздникъ, назывались—и называются—сладкими, а кануномъ. Здѣсь разумѣется Никольнѣй день и то, что было заготовлено къ Никольской братчинѣ, къ пиру, который дѣлали въ складчину со всего прихода.—О.

**) Доля складчины, сыпаемая или сливаемая вмѣстѣ со всякого приноса.—О.

***) Начальникъ братчины.—О.

****) Должно быть: „хороброу.“—О.

*****) Одинъ, какой-то; случилось, что внякой-то.—О.

- «Гой еси ты, Костя Новоторженинъ
«И Лука, Моисей, Дѣти Боярскіе!
125. «Уже Ваську меня бьютъ!»
Поскакали удалы-добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
130. Руки-ноги переломали;
Кричатъ-ревутъ мужики посадскіе;
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
«Гой еси вы, мужики Новгородскіе!
«Бьюсь съ вами о великъ закладъ:
135. «Напущаюсь я на весь Новгородъ
«Битися-дратися,
«Со всею дружиною хораброю;
«Тако *) вы меня съ дружиною побьете Новымъ-горо-
домъ,—
«Буду вамъ платить дани-выходы по смерть свою,
140. «На всякой годъ по три тысячи;
«А буде же я васъ побью,
«И вы мнѣ покоритесь,—
«То вамъ платить мнѣ такову же дань.»
И въ томъ-то договорѣ руки они подписали.
145. Началась у нихъ драка-бой великая.
А мужики Новгородскіе,
И все купцы богатые,
Всѣ они вмѣстѣ сходилися,
На млада Васютку напущалися,
150. И дерутся они день до вечера;
Молодой Василій сынъ Буслаевичъ,
Со своею дружиною хораброю,
Прибили они во Новѣ-градѣ,
Прибили уже много до смерти.
155. А и мужики Новгородскіе догадалися,
Пошли они съ дорогими подарки

*) Должно быть: „только,“ если.—О.

Къ матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимоѣевнѣ:

«Матера вдова Амелѣѣ Тимоѣевна!

«Прими у насъ дороги подарочки,

160. «Уйми свое чадо милое,

«Василья Буслаевича!»»

Матера вдова Амелѣѣ Тимоѣевна

Принимала у нихъ дороги подарочки,

Посылала дѣвушку—чернавушку

165. По того Василья Буслаева.

Прибѣжала дѣвушка—чернавушка,

Сохватала Ваську во бѣлы руки,

Потаница къ матушкѣ родимыя,

Притащила Ваську на широкой дворъ:

170. А и та старуха неразмьшлена

Посадила въ погреба глубокіе

Молода Василья Буслаева,

Затворяла дверьми жегѣзными,

Запирала замки булатными.

175. А его дружина хорабрая

Со тѣми мужики Новгородскими

Дерутся—бьются день до вечера;

А и та-то дѣвушка—чернавушка

На Волхъ—рѣку ходила по воду,

180. А взмолятся ей тутъ добры молодцы:

«Гой еси ты, дѣвушка-чернавушка!

«Не подай ты насъ у дѣла у ратнаго,

«У того часу смертнаго!»»

И тутъ дѣвушка-чернавушка,

185. Бросила она ведро кленовое,

Брала ромысло кипарисово,

Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати

По тѣмъ мужикамъ Новгородскимъ:

Прибыла ужъ много до смерти.

7) Не выдай.—0.

190. И тутъ дѣвка запыхалася,
 Побѣжала ко Василью Буслаеву,
 Срывала замки булатные,
 Отворяла двери желѣзныя:
 —А и спишь ли, Василій, или такъ лежишь?
195. —Твою дружинну хорабрую
 —Мужики Новгородскіе
 —Всѣхъ прибили—переранили,
 —Булавами буйны головы пробиваны!—
 Ото сна Василій пробуждается,
200. Онъ выскочилъ на широкой дворъ,—
 Не попала палица желѣзная,
 Что попала ему ось телѣжная;
 Побѣжалъ Василій по Нову-городу,
 По тѣмъ по широкимъ улщамъ;
205. Стоитъ тутъ Старецъ Пилигримища,
 На могучихъ плечахъ держитъ колоколъ,
 А вѣсомъ тотъ колоколъ во триста пудъ;
 Кричитъ тотъ Старецъ Пилигримища:
 —А стой ты, Васька, не попорхивай,
 —Молодой глуздырь, не полетывай:
210. —Изъ Волхова воды не выпити,
 —Во Новѣ-градѣ людей не выбити,
 —Есть молодцовъ сопротивъ тебя,
 —Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ!—
 Говорилъ Василій таково слово:
215. «А и гой еси, Старецъ Пилигримища!
 «А и бился я о великъ закладъ
 «Со мужики Новгородскими,
 «Опричь *) почестнаго монастыря,
 «Опричь тебя, Старца Пилигримища:
220. «Во задоръ войду—тебя убью!»
 Ударилъ онъ Старца во колоколъ
 А и той-то осью телѣжною,—
 Начается, Старецъ не шевѣлится,—

*) Не считая въ уговорѣ.—О.

Заглянулъ онъ, Василій, Старца подъ колоколомъ,
225. А и во лбѣ глазъ—ужь вѣку нѣтъ *)).

Пошелъ Василій по Волхъ-рѣкѣ.

А идетъ Василій по Волхъ-рѣкѣ,
По той Волховой по улицѣ,
Завидѣли добрые молодцы,

230. А его дружина хорабрая,
Молода Василья Буслаева,—
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
У нихъ-то молодцовъ думушки прибыло;
Молодой Василій Буслаевичъ

235. Пришелъ-то молодцамъ на выручку;
Со тѣми мужики Новгородскими
Онъ дерется-бьется день до вечера;
А ужь мужики покорилися,
Покорилися и помирился.

240. Понесли они записи крѣпкія
Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимоѣевнѣ;
Насыпали чашу чистаго серебра,
А другую чашу краснаго золота,
Пришли ко двору дворянскому,

245. Бьютъ челомъ—поклоняются:
«Осударыня матушка!
«Принимай ты дороги подарочки,
«А уйми свое чадомилое,
«Молода Василья со дружиною;

250. «А и ради мы платить
«На всякой годъ по три тысячи,
«На всякой годъ будемъ тебѣ носить
«Съ бѣбниковъ по хлѣбику,

*) *Качается*—есть исправленіе К. Θ. Калайдовича, очевидно противорѣчащее выраженію „не шевельнется;“ въ рукописи было, какъ оставляемъ и мы, *качается*, надѣется, думаетъ, полагаетъ; ударилъ Василій въ колоколь и думаетъ, старецъ отъ того не шевельнется, а какъ заглянулъ подъ колоколь,—глаза ужь закрылись давно, давно умеръ отъ удара.—Думаемъ такъ же, что вѣрнѣе чтеніе—„старцу подъ колоколь.“—О.

- «Съ калачниковъ по калачику,
 255. «Съ молодницъ повѣнчанное,
 «Съ дѣвицъ повалешное,
 «Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
 «Опричь поповъ и дяконовъ *)»»

Втапоры матера вдова

260. Амелѣа Тимоѣевна
 Посылала дѣвушку-чернавушку
 Привести Василья со дружиною.
 Пошла та дѣвушка-чернавушка,
 Бѣжавши та дѣвка запыхалася:
 265. Не лзя пройти дѣвкѣ по улицѣ,
 Что полтен **) по улицѣ валяются
 Тѣхъ мужиковъ Новгородскихъ.
 Прибѣжала дѣвушка-чернавушка,
 Сохватила Василья за бѣлы руки,
 270. А стала ему рассказывати:
 —Мужики пришли Новгородскіе,
 —Принесли они дороги подарочки
 —И принесли записи заручныя
 —Ко твоей сударынѣ матушкѣ,
 275. —Къ матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимоѣевнѣ.—
 Повела дѣвка Василья со дружиною
 На тотъ на широкой дворъ,
 Привела-то ихъ къ зелено вино.
 А съли они молодцы во единой кругъ,
 280. Выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина,
 Со того уразу ***) молодецкаго
 Отъ мужиковъ Новгородскихъ;
 Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ:

*) Разряды древицъ податей, исключая безподатныхъ церковниковъ: *повалешное*—подать съ брака, вѣнца; *повалешное*—съ валька, съ портомойни, съ плоту.—О.

**) Туши убитыхъ, половники, окорока разорванныхъ: одинаково еродное и съ *плотѣ*, *плоть*, и *моло*, половина (корень словъ *однѣ*).—О.

***) Удара, побойща.—О.

- «У мота и у пьяницы,
 285. «У млада Васютки Буслаевича,
 «Не ушито, не уѣдено,
 «Въ краснѣ хорошо *) не уложено,
 «А цвѣтнаго платя не уношено,
 «А увѣче на вѣкъ залѣзено **)!»»
290. И повель ихъ Василій обѣдати
 Къ матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимошеевичѣ;
 Втапоры мужики Новгородскіе
 Приносили Василью подарочки,
 Вдругъ сто тысячей;
295. И за тѣмъ у нихъ мирова ***) пошла;
 А и мужики Новгородскіе
 Покорилися и сами поклонилися.

* *

II.

4.

(Оттуда же).

- Подъ славнымъ Великимъ Новымъ-городомъ,
 По славному озеру по Ильменю,
 Плаваетъ-поплаваетъ сѣръ селезень,
 Какъ бы ярой гоголь поныриваетъ:
5. А плаваетъ-поплаваетъ чермень корабль
 Какъ бы молода Василья Буславъевича,
 А и молода Василья, со его дружиною хороброю ****),

*) Должно быть: „въ краснѣ-хорошѣ.“—О.

**) Преступные неосторожные издатели, какъ на примѣръ г. Сахаровъ, исправляли—„залѣзъ.“ Но „залѣзъ“ значитъ—добыть, пріобрѣсть, и предыдущій образъ дѣйствія доказываетъ, что такое чтеніе правильно: не выпить, не проѣсть всего, что есть у Васютки, не износить платя цвѣтнаго, за то и увѣче добыто на вѣкъ!—О.

***) Мирова (сдѣлка).—О.

****) Стихи должны быть:

А и молода Василья со его дружиною,
 Со его дружиною хороброю.—О.

- Тридцать удалыхъ молодцовъ.
 Костя Никитинъ корму держитъ,
 10. Маленькой Потаня на носу стоитъ,
 А Василий—то по кораблю похаживаетъ,
 Таковы слова поговариваетъ:
 «Свѣтъ моя дружина хорабрая,
 «Тридцать удалыхъ—добрыхъ молодцовъ!»
15. «Ставьте корабль поперегъ Идьменя,
 «Приставайте, молодцы, ко Нову—городу.»
 А и тычками къ берегу притыкалися,
 Сходни бросали на крутой бережокъ,
 Походилъ тутъ Василий ко своему онъ двору дворян-
 скому *) ,
20. И за нимъ идетъ дружинишка хорабрая,
 Только караулы оставили.

- Приходитъ Василий Буслаевичъ
 Ко своему двору дворянскому,
 Ко своей сударынѣ матушкѣ,
 25. Матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимоѣевнѣ;
 Какъ вьюнъ около ея убивается **),
 Проситъ благословеніе великое:
 «А свѣтъ ты моя сударыня матушка,
 «Матера вдова Амелѣѣ Тимоѣевна!»
30. «Дай мнѣ благословеніе великое,
 «Итти мнѣ Василью въ Ерусалимъ градъ,
 «Со всею дружиною хораброю,
 «Мнѣ ко Господу помолитися,
 «Святой святынѣ приложитися,
35. «Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися.»
 Что взговоритъ матера вдова,
 Матера Амелѣѣ Тимоѣевна:

*) Стихи должны быть:

Походилъ тутъ Василий ко своему двору,
 Къ своему онъ двору ко дворянскому.—О.

**) Должно быть: „увивается.“—О.

- Гой еси ты, мое чадо милое,
—Молодой Василий Буслаевич!
40. —То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
—Тебѣ дамъ благословеніе великое;
—То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
—И не дамъ благословенія великаго,
—А и не носи Василья сыра земля!—
45. Камень отъ огня разгорается,
А булатъ отъ жару разтопляется:
Материно сердце распушается;
И даетъ она много свинцу—пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбныя,
50. И даетъ оружье долгомѣрное:
—Побереги ты, Василий, буйну голову свою!—
Скоро молодцы собираются
И съ матерой вдовой прощаются;
Походили они на червленъ корабль,
55. Подымали тонки парусы полотняныя,
Побѣжали по озеру Ильменю.

- Бѣгутъ они ужь сутки другія,
А бѣгутъ уже недѣлю другую,
Въ стрѣчу имъ гости корабельщики:
60. «Здравствуй, Василий Буслаевич!
«Куда, молодець, поизволилъ погулять?»»
Отвѣчаетъ Василий Буслаевичъ:
«Гой еси вы, гости корабельщики!
«А мое—то вѣдь гулянье неохотное *)»
65. «Съ молоду бито много, граблено,
«Подъ старость надо душа спасти **)»
«А скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго пути
«Къ святому граду Іерусалиму?»»
Отвѣчаютъ ему гости корабельщики:
70. «А и гой еси, Василий Буслаевич!

*) По неволѣ.—О.

**) Обычный древній оборотъ словосочиненія.—О.

- «Прямымъ путемъ въ Иерусалимъ градъ
 «Бѣжать семь недѣль,
 «А окольной дорогой полтора года.
 «На славномъ морѣ Каспійскимъ,
 75. «На томъ острову на Куминскимъ,
 «Стоитъ застава крѣпкая,
 «Стоять атаманы козаціе,
 «Не много, не мало ихъ—три тысячи:
 «Грабятъ бусы-галеры,
 80. «Разбиваютъ червлены корабли *)»
 Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
 «А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
 «А и вѣрую въ свой червеной вязъ:
 «А бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ!»
85. И завидѣвъ Василій гору высокую,
 Приставалъ скоро ко круту берегу,
 Походилъ Василій сынъ Буслаевичъ
 На ту ли гору Сорочинскую,
 А за нимъ летитъ дружина хоробрая.
90. Будетъ Василій въ полу-горѣ,
 Тутъ лежитъ пуста голова,
 Пуста голова, человѣчья кость:
 Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
 Провѣщится пуста голова человѣческая:
95. —Гой еси ты, Василій Буславьевичъ!
 —Ты къ чему меня, голову, побрасываешь?
 —Я, молодець, не хуже тебя былъ,
 —Умѣю я, молодець, валятися;
 —А на той горѣ Сорочинскія,
100. —Гдѣ лежитъ пуста голова,
 —Пуста голова молодецкая,
 —И лежать будетъ головѣ Васильевой!—
 Пклонулъ Василій, прочь пошелъ:
 «Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ,

*) Должно быть: „карабл.“—О.

105. «Или нечистой духъ!»
 Пошелъ на гору высокую.
 На самой сопкѣ тутъ камень стоитъ:
 Въ вышину три сажени печатныя,
 А и черезъ его только топоръ подать,
110. Въ долину три аршина съ четвертью;
 И въ томъ-то подишь подписана:
 ««А кто, де, у камня станетъ тѣшиться,
 ««А и тѣшиться-забавлятися,
 ««Вдоль скакать по каменю,—»
115. ««Сломить будетъ буйну голову.»»
 Василий тому не вѣруеть;
 Приходилъ со дружиною хораброю,
 Стали молодцы забавлятися,
 Поперегъ того каменю поскакивати:
120. А вдоль-то его не смѣютъ скакать.

- Пошли со горы Сорочинскія,
 Сходятъ они на червленъ корабль,
 Подымали тонки парусы полотняны,
 Побѣжали по морю Каспійскому
125. На ту на заставу корабельную,
 Гдѣ-то стоятъ козаки разбойники,
 А стары атаманы козаціе:
 На пристани ихъ стоятъ сто человекъ.
 А и молодой Василий на пристань стальъ;
130. Сходни бросали на крутъ бережокъ,
 И скочилъ-то Буслай на крутъ бережокъ,
 Червленнымъ вязомъ подпирается.
 Тутъ караульщики, удалы-добры молодцы,
 [redacted] на караулъ испугалися;
135. [redacted] его не дожидаются:
 Побѣжали съ пристани корабельныя
 Къ тѣмъ атаманамъ козачимъ.
 Атаманы сидятъ—не дивуются,
 Сами говорятъ таково слово:
140. ««Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ,

- «Не видали страху великаго!
 ««Это, де, идетъ Василій Буслаевичъ:
 ««Знать, де, полетка соколиная,
 ««Видѣть, де, поступка молодецкая *)!»»
145. Пошагаль-то Василій со дружиною,
 Гдѣ стоять атаманы козачіе;
 Пришли они, стали во единой кругъ;
 Тутъ Василій имъ поклоняется,
 Самъ говорить таково слово:
150. «Вздравствуйте, атаманы козачіе!
 «А скажите вы мнѣ прямаго путя
 «Ко святому граду Іерусалиму?»
 Говорять атаманы козачіе:
 ««Гой еси, Василій Буслаевичъ!
155. ««Милости тебя просимъ за единой столъ хлѣба ку-
 шати **)!»»
- Втапоры Василій не ослушался:
 Садился съ ними за единой столъ.
 Наливали ему чару зелена вина въ полтора ведра ***):
 Принимаетъ Василій единой рукой
160. И выпилъ чару единымъ духомъ;
 И только атаманы тому дивуются,
 А сами не могутъ и по полу-ведру пить.
 И хлѣба съ солью откушали ****),
 Сбирается Василій Буслаевичъ
165. На свой червленъ корабль,—
 Даютъ ему атаманы козачіе подарки свои:
 Первую мису чиста серебра,
 И другуу красна золота,

*) Замѣтно по полету сокола, видно по поступкѣ молодца.—О.

**) Стихи должны быть:

««Милости тебя просимъ за единой столъ,
 ««За единой столъ хлѣба кушати!»»—О.

***) Стихи:

Наливали ему чару зелена вина,
 Зелена вина въ полтора ведра.—О.

****) Т. е. когда откушали.—О.

Третью скатнаго жемчуга.

170. За то Василій благодарить и кланяется,
 Просить у нихъ до Ерусалима провожатаго:
 Тутъ атаманъ Василью не отказывали,
 Дали ему молодца провожатаго,
 И сами съ нимъ прощались.
175. Собрался Василій на свой червленъ корабль
 Со своею дружиною хораброю,
 Подымали тонки парусы полотняные,
 Побѣжали по морю Каспійскому.

Будуть они во Ердань-рѣкѣ,

180. Бросали якори крѣпкіе,
 Сходни бросали на крутъ бережокъ,
 Походить тутъ Василій Буслаевичъ,
 Со своею дружиною хораброю,
 Въ Іерусалимъ градъ.
185. Пришелъ во церкву соборную:
 Служилъ обѣдни за здравіе матушки
 И за себя Василья Буслаевича;
 И обѣдню съ панихидою служилъ
 По родимомъ своемъ батюшкѣ
190. И по всему роду своему;
 На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
 Про удалыхъ-добрыхъ молодцовъ,
 Что съ молоду бито много, граблено.
 И ко святой святынѣ приложился онъ,
195. И въ Ерданѣ рѣкѣ искупался.
 И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
 И которые старцы при церкви живутъ *),
 И за золотой казны не считаючи;
200. Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль.

Втапоры его дружина хорабрая

*) Богородице старцы, въ богадѣльнѣ, страннопримницѣ и больницѣ.—О.

Купались во Ерданѣ рѣкѣ;
Приходила къ нимъ Баба Залѣсная,
Говорила таково слово:

205. —Почто вы купаесться во Ерданѣ рѣкѣ?
—А некому купатися опричь Василья Буслаевича!
—Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ Господь Исусъ Хри-
тось *):

—Потерять его вамъ будетъ,
—Большаго атамана Василья Буслаевича **) —

210. И они говорятъ таково слово:
«Нашъ Василій тому не вѣруеть, ни въ сонъ, ни въ
чохъ ***)»»

И мало время поизойдучи,
Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,
Приказалъ выводить корабль

215. Изъ устья Ердань-рѣки.

Подняли тонки парусы полотняны,
Побѣжали по морю Каспійскому,
Приставали у острова Куминскаго;
Приходили тутъ атаманы козачіе,

220. И стоять всѣ на пристани корабельныя;
А и выскочилъ Василій Буслаевичъ
Изъ своего червленаго корабля,
Поклонились ему атаманы козачіе:
«Здравствуй, Василій Буслаевичъ!

*) Стихи:

—Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ Господь,
—Самъ Господь Исусъ Христось.—О.

**) Изъ другихъ разнорѣчій пѣсни знаемъ, что не купаться въ Ерданѣ считалось грѣхомъ, а грѣхомъ было купаться „нагимъ тѣломъ“, ибо такъ крестился только Господь; Баба догадывается, что некому было сдѣлать эту дерзость кромѣ Василья, и за то предскаываетъ, что путники потеряютъ своего атамана.—О.

***) Стихи:

«Нашъ Василій тому не вѣруеть,
«Не вѣруеть Василій ни въ сонъ, ни въ чохъ.»—О.

225. «Здорово ли съѣдиль въ Ерусалимъ градъ?»
 Много Василій не бантъ съ ними,
 { Подалъ письмо въ руку имъ,
 { Что много трудовъ за ихъ положилъ,
 { Служилъ обѣдни съ молебнами за ихъ, молодцовъ;
 230. Втапоры атаманы козачіе
 Звали Василья обѣдати:
 И онъ не пошелъ къ нимъ,
 Процался со всѣми тѣми атаманы козачими.
 Подымали тонки парусы полотняные,
 235. Побѣжали по морю Каспійскому къ Нову-городу.

- А и ѣдутъ недѣлю споряду,
 А и ѣдутъ уже другую,
 И завидѣлъ Василій гору высокую Сорочинскую:
 Захотѣлось Василью на горѣ побывать.
 240. Приставали къ той Сорочинской горѣ,
 Сходни бросали на ту гору,
 Пошелъ Василій со дружиною.
 И будетъ онъ въ полъ-горы,
 И на пути лежитъ пуста голова, человѣчья кость *):
 245. Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
 Провѣщится пуста голова:
 —Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!
 —Къ чему меня, голову, попинываешь
 —И къ чему побрасываешь?
 250. —Я, молодець, не хуже тебя былъ,
 —Да умѣю валятися на той горѣ Сорочинскія;
 —Гдѣ лежитъ пуста голова,
 —Лежать будетъ и Васильевой головѣ!—
 Ппонулъ Василій, прочь пошелъ.

*) Стихи:

И завидѣлъ Василій гору высокую,
 Высокую гору Сорочинскую...
 И на пути лежитъ пуста голова,
 Пуста голова, человѣчья кость.—0.

255. Взомель на гору високую,
 На ту гору Сорочинскую,
 Гдѣ стоитъ високой камень:
 Въ вышину три сажени печатныя,
 И черезъ его только топоромъ подать,
260. Въ долину три аршина съ четвертью;
 И въ томъ-то подпись подписана:
 «А кто, де, у камня станеть тѣпиться,
 «А и тѣпиться-забавлятися,
 «Вдоль скакать по каменю,—
265. «Сломить будетъ буйну голову.»»
 Василій тому не вѣруеть;
 Сталь со дружиною тѣпиться и забавлятися,
 Поперегъ каменю поскакивати;
 Захотѣлось Василью вдоль скакать,—
270. Разбѣжался—скочилъ вдоль по каменю:
 И не доскочилъ только четверти,
 И тутъ убился подъ каменемъ.
 Гдѣ лежитъ пуста голова,
 Тамъ Василья схоронили.
275. Побѣжала дружина съ той Сорочинской горы
 На свой чермень корабль,
 Подымали тонки парусы полотняные,
 Побѣжали къ Нову-городу.
- И будутъ у Нова-города,
280. Бросали съ носу якорь и съ кормы другой,
 Чтобы крѣпко стоялъ и не шатался онъ.
 Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелѣѣ Тимошеевнѣ.
 Прошли *) и поклонилися,
 Всѣ письмо въ руки подали;
285. Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
 Говорила таковы слова:
 «Гой вы еси, удалы-добры молодцы!
 «У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего;

*) Пришла?—О.

- «Подите въ подвалы глубокіе,
 290. «Берите золотой казны не считаючи!»
 Повела ихъ дѣвушка-чернавушка
 Къ тѣмъ подваламъ глубокимъ,
 Брали они казны по малу числу;
 Пришли они къ матерой вдовѣ,
 295. Возговорили таковы слова:
 ««Спасибо, матушка Амелеа Тимошеевна,
 ««Что помла-кормила, обувала и одѣвала добрыхъ мо-
 лодцовъ *)!»»
- Втапору матера вдова Амелеа Тимошеевна
 Приказала наливать по чарѣ зелена вина;
 300. Подносить дѣвушка-чернавушка
 Тѣмъ удалымъ-добрымъ молодцамъ;
 А и выпили они, сами поклонилися,
 И пошли добры молодцы,
 Кому куда захотѣлося.

*
 * *

*) Стихи:

Прочитала письмо матера вдова,
 Прочитала письмо, сама заплакала...
 ««Что помла-кормила, обувала-одѣвала,
 ««Обувала-одѣвала добрыхъ молодцевъ!»»—О.

САДКО КУПЕЦЪ, БОГАТЫЙ ГОСТЬ.

I.

1.

(Олоонец. губ., Повънецк. уѣзда, деревни Клеишцъ).

- Будучись Садко Купецъ, Богатый Гость,
Подъ славнымъ Новымъ-городомъ,
Похвасталъ онъ съ оними своей буйной головой,
Что «Я у васъ повыкуплю товары всѣ,
5. «Съ Нова-города на свои корабли всѣ повыгружу:
«Если не могу товаровъ всѣхъ повыкупить,
«Да на свои корабли повыгрузить,—
«Отдамъ отсѣчь свою буйную голову!»
И сталъ онъ въ Новѣ-городѣ гулять,
10. Сталъ онъ товаровъ покупать
И на свои корабли нагружать:
И всѣ товары съ Нова-города повыкупилъ,
И на свои черны корабли онъ повыгрузилъ.
И вскричалъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
15. «Друзги и братья корабельщики!
«Катайте-ко якори съ синя моря,
«Распускайте-ко парусы полотнянны!»
И всѣхъ кораблей были тридцать три:
Единой корабль передомъ пошолъ,
20. На которомъ ѣдетъ Садко Купецъ, Богатый Гость.

И ѣдетъ Садке Купецъ, Богатый Гость, среди моря,
И остановился корабль Садки Купца Богатаго.
И вскричалъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
Друзьямъ-братьямъ корабельщикамъ:

25. «Ай же вы, дружки—братья корабельщики!
 «Берите—ко шупы желѣзныи,
 «Щупайте во синѣмъ мори:
 «Нѣтъ ли луды *) или каменя,
 «Нѣтъ ли отмели песочныя?»
30. Они щупали во синѣмъ мори:
 Не нашли они ни луды, ни каменя,
 И не нашли отмели песочныя.
 Тутъ скрычалъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «Эй вы, дружка—братья корабельщики!
35. «Вы спускайте во синѣ морѣ якори мѣртвыи
 «И становитесь всѣ по поряди.»
 Оны кидали якори мертвыи
 И становились всѣ по поряди.
 И собиралися на одинъ корабль,
40. И говоритъ Садке Купецъ, Богатый Гость:
 «Ай же вы, дружка—братья корабельщики!
 «Вы насыпьте одну мису чиста серебра,
 «Другую насыпьте красна золота,
 «А третью насыпьте скатна жемчуга,
45. «Положите на дощечку золоту казну
 «И бросьте дощечку во синѣ морѣ:
 «Я двѣнадцать лѣтъ по морю ѣзживалъ,
 «А Поддѣльному Царю пошлыны не влачивалъ,—
 «Вѣрно пошлыны онъ отъ меня требуетъ!»
50. Положили на дощечку золоту казну:
 Тутъ дощечка не тонетъ, а гоголѣмъ плыветъ.
 Тутъ говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «Ай же вы, дружка—братья корабельщики!
 «Вѣрно не пошлыны Поддѣльной Царь требуетъ,
55. «А требуетъ онъ голову человѣческу!
 «Возмите—тко дерево сосновое,
 «Нарѣжьте жеребьи помянно всѣмъ,
 «Подпишите подпись по отечеству,
 «Бросьте жеребьи во синѣ морѣ

*) Подводнаго камня: который лудитъ, обманываетъ плывущихъ.—О.

60. «Ко тому Царю ко Поддѣнному.»
 Оны бросили жеребьи во синѣ морѣ:
 Все жеребьи гоголѣмъ плывуть,
 А который жеребей Садки Купца Богатаго,
 Тотъ пошелъ каменѣмъ ко дну.
65. Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «Это есть дерево не правое,
 «Не правое дерево—сосновое!
 «А возьмите вы дерево еловое,
 «Нарѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
70. «И подпишите подпись по отечеству,
 «Бросьте жеребьи во синѣ морѣ
 «Ко тому Царю ко Поддѣнному.»
 Оны бросили жеребьи во синѣ морѣ:
 Всѣ жеребьи гоголѣмъ плывуть,
75. А который жеребей Садки Купца Богатаго,
 Тотъ пошелъ каменѣмъ ко дну.
 Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «Это дерево есть не правое,
 «Не правое дерево—еловое!
80. «Возьмите—ко дерево ольховое,
 «Вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ
 «И подпишите подпись по отечеству:
 «Кому у насъ, братцы, итти во синѣ морѣ
 «Ко тому Царю ко Поддѣнному?»
85. Оны бросили жеребьи во синѣ морѣ;
 Всѣ жеребьи гоголѣмъ плывуть,
 А которой жеребей Садки Купца Богатаго,
 Тотъ пошелъ каменѣмъ ко дну.
 Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:
90. «Это есть дерево не правое!
 «А возьмите—ко дерево дубовое,
 «Вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
 «Подпишите подпись по отечеству.»
 Подписали жеребьи поимянно всѣмъ
95. И бросили жеребьи во синѣ морѣ:
 Всѣ жеребьи гоголѣмъ плывуть,

А которой жеребей Садки Купца Богатаго,
Тоть пошоль каменёмъ ко дну.

Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:

100. «Это есть дерево не правое,
«Не правое дерево—дубовое!
«А возьмите-ко дерево кипарисное,
«И вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
«И подпишите жеребьи по отечеству:
105. «На томъ вѣдь деревѣ Христось распять есть,
«Это есть дерево правое,
«Правое дерево—кипарисное.»
Оны брали дерево кипарисное,
Вырѣзали жеребьи поимянно всѣмъ,
110. Подписали подпись по отечеству
И бросили жеребьи во синѣ морѣ:
Всѣ жеребьи гоголёмъ плывуть,
А которой жеребей Садки Купца Богатаго,
Тоть пошоль каменёмъ ко дну.
115. Говорить Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Видно, бѣда пришла мнѣ неминучая:
«Самому Садку, Купцу Богатому
«Иттить будетъ во синѣ морѣ!
«Насыште-ко, братцы, мису чиста серебра,
120. «Другу насыште красна золота,
«А третью насыште скатна жемчуга.»
Туть онъ взялъ во праву руку
Образъ Микола Угодника,
А во лѣвую гусли яворчеты *) ,
125. Камочку **) Сибирскую да заморскую,
Въ которой наигрыши есть нездѣшніи,
А нездѣшніи наигрыши—Сибирскіи.
И приказалъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
Мисы класть на дощечечку,

*) Яворчеты, яворыня.—О.

**) Вѣроятно ошибка пѣвца, соблазненного прозвищемъ „Сибирскую“: дѣло идетъ о гусяхъ и ихъ наигрышахъ.—О.

130. И самъ садился на тую же:
И быдто въ сонъ заснулъ,
Ушелъ онъ каменёмъ ко дну.

И приняло *) дощечку во синёмъ морѣ
Ко той полаты бѣлокаенны,

135. А корабли его всѣ въ ходъ пошли,
А онъ пришелъ въ полату бѣлокаенну
Ко тому Царю ко Поддонному.
Онъ ему съ Царицею билъ челомъ,
Челомъ билъ и низко кланялся,

140. Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же ты, Поддонный Царь!
«За чѣмъ ты меня сюда требовалъ?»
Говоритъ Поддонной Царь:

—Я за тѣмъ тебя сюда требовалъ,—

145. —Ты скажи—скажи и повѣдай мнѣ,
—Что у васъ на Руси есть дорого:
—У насъ съ Царицею разговоръ идетъ,
—Злато или серебро на Руси есть дорого,
—Или булатъ—желѣзо есть дорого?—

150. Говоритъ ему Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же ты, Поддонной Царь!
«Я скажу тебѣ и повѣдаю:
«У насъ злато—серебро на Руси дорого,
«А булатъ—желѣзо не дешевлѣя;

155. «Потому оно дорого,
«Что безъ злата—серебра сколько можно жить,
«А безъ булату—желѣза жить—то нѣ можно,
«А нѣ можно жить вѣдь никакому званію.»

Говоритъ ему Поддонной Царь:

160. —Что у тебя есть во правой руки
—И что у тебя есть во лѣвой руки?—
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Есть у меня во правой руки

*) Принесло: какъ въ языкѣ Сербскомъ.—О.

«Образъ Миколы Угодника,

165. «А во лѣвой руки гусли яровчеты.»
 Тутъ беретъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
 Беретъ онъ гусельшки яровчеты:
 Тутъ Поддонной Царь распотѣшился
 И началъ плясать по полаты бѣлокаменной,
170. Онъ полами бьетъ и шубой машетъ,
 И шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ.
 Проигралъ Садко ровно три часу.
 Говорить ему Царица Поддонная:
 «Ай же ты, Садко Купецъ, Богатый Гость!
175. «Сломай—ко ты гусли яровчеты:
 «Тебѣ кажется, что скачетъ по полатамъ Царь.
 «А скачетъ Царь по крутымъ берегамъ;
 «Отъ его отъ пляски тонуть—гинуть
 «Безповинныя буйны головы.»»
180. Тутъ сломалъ Садко гусли яровчаты
 И прирвалъ струны золочѣныя.
 Тутъ Поддонной Царь велитъ играть,
 Велитъ играть друго три-часу;
 Тутъ отвѣтъ держитъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
185. «У меня сломались гусли яровчаты.»
 Говорить ему Поддонной Царь:
 —У насъ есть слесаря и починять ихъ.—
 Говорить Садке Купецъ, Богатый Гость:
 «Ай же ты, Поддонной Царь!
190. «Не починить здѣсь моихъ гусельшекъ яровчатыхъ:
 «Надобно починить—на Русь сходить.»

Говорить ему Поддонной Царь:

—Не хочешь ли ты здѣсь пожениться?—

Говорить ему Садко Купецъ, Богатый Гость:

195. «Надо бы жениться мнѣ, да невѣсты нѣтъ.»
 Тутъ пошелъ Поддонной Царь по хорошихъ дѣвицъ.
 Говорить ему Царица Поддонная:
 «Ай же ты, Садко Купецъ, Богатый Гость!
 «Первую толпу дѣвицъ приведетъ Поддонной Царь,—

200. «Такъ въ той толпы княгини *) ты не выбери,
 «А скажи Царю ты Поддонному,
 «Что «въ этой толпы мнѣ княгини нѣтъ по разуму;»
 «Такъ приведетъ Царь толпу другую,—
 «И въ другой толпы княгини ты не выбери;
205. «А третью толпу приведетъ Поддонной Царь,—
 «Въ третьей толпы княгину себѣ выбери,
 «Которая идетъ позади всѣхъ,
 «Поменьше она и почернѣя всѣхъ:
 «Тогда ты будешь на Святой Руси,
210. «Ты увидишь тамъ бѣлый свѣтъ,
 «Увидишь и солнце красное.»»
 Тутъ привелъ Царь хорошихъ дѣвицъ
 И потребовалъ Садка Купца Богатаго
 Выбрать себѣ княгину по разуму.
215. Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «Въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму.»
 И привелъ тутъ Поддонной Царь толпу другую,
 И говоритъ онъ Садку Купцу Богатому:
 —Выберай княгину ты по разуму.—
220. Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «И въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму.»
 И привелъ тутъ Поддонной Царь
 Толпу дѣвицъ третьейю,
 И говоритъ Садку Купцу Богатому;
225. —Ай же ты, Садко Купецъ, Богатый Гость!
 —Выберай теперь княгину ты по разуму.—
 Въ этой толпы Садко Купецъ, Богатый Гость,
 Сталъ выбирать себѣ княгину по разуму,
 И выбралъ дѣвицу по разуму,
230. Которая шла позади всѣхъ и чернѣя всѣхъ.
 И говоритъ тутъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
 «Ай же ты, Поддонной Царь!
 «Эта мнѣ дѣвица полюбилася.»
 И тую дѣвицу Царь за его отдалъ,

*) Молодой, молодицы въ бракъ.—О.

235. И далъ ему во приданыхъ
 Одну бочку чиста серебра,
 Другу бочку красна золота,
 Третью бочку красна *) жемчуга.
 Отвели Садка во ложню спать,

240. Заспалъ Садко Купецъ Богатый во крѣпкой сонъ.

Какъ проснулся онъ со сна крѣпкаго,
 И увидѣлъ онъ свѣтъ бѣлый и солнце красное,
 И увидѣлъ, что встаетъ на крутомъ крежу **),
 На крутомъ крежу, у быстрой рѣки,

245. И бочки съ имѣниемъ лежатъ подли его,
 А невѣсты его и въ слыху нѣтъ.
 И тутъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
 Съ имѣниемъ и домой пошелъ.

(Записано П. Н. Рымниковымъ въ июлѣ 1862 г. отъ Корѣяна, крестьянина
 Василья Лазарева).

*

2.

(Кирша Даниловъ).

Какъ по морю—морю по синему,
 Бѣгутъ—побѣгутъ тридцать кораблей,
 Тридцать кораблей—единъ Соколъ корабль
 Самого Садки, Гостя Богатаго.

5. А всѣ корабли что соколы летать:
 Соколъ корабль на морѣ стоитъ.
 Говоритъ Садко Купецъ, Богатой Гость:
 «А ярыжки ***) вы, люди наемные,
 «А наемны люди, подначальные!

*) Скатна?—0.

***) Каменистомъ берегу.—0.

***) Матросы, гребцы.—0.

10. «А въ мѣсто всѣ вы собирайтесь,
 «А и рѣжте жеребья вы валжены,
 «А и всякъ-то пиши на имена *)»,
 «И бросайте вы ихъ на сине море.»
 Садко покинулъ хмѣлево перо,
15. И на немъ-то подпись подписана,
 А и самъ Садко приговариваетъ:
 «А ярыжки, люди вы наемные!
 «А слушай рѣчи праведныхъ **):
 «А бросимъ мы ихъ на сине море,—
20. «Которые бы ***) по верху плывутъ,
 «А и тѣ бы душеньки правыя;
 «Что которые-то во морѣ тонутъ,
 «А мы тѣхъ спихнемъ во сине море.»
 А всѣ жеребья по верху плывутъ,
25. Кабы яры гоголи по заводямъ:
 Единъ жеребій во морѣ тонетъ,
 Во морѣ тонетъ хмѣлево перо
 Самого Садки, Гостя Богатаго.
 Говорилъ Садко Купецъ, Богатой Гость:
30. «Вы ярыжки, люди наемные,
 «А наемные люди, подначальные!
 «А вы рѣжте жеребья ветляные,
 «А пиштите всякъ себѣ ****) на имена,
 «А и сами къ нимъ приговаривай:
35. ««А которы жеребьи во морѣ тонутъ,
 ««А и то бы душеньки правыя!»»
 А и Садко покинулъ жеребій булатной,
 Синяго булату вѣдь заморскаго,
 Вѣсомъ-то жеребій въ десять пудъ.
40. И всѣ жеребьи во морѣ тонутъ:
 Единъ жеребій по верху плыветъ
 Самого Садки, Гостя Богатаго.

*) По имени, поименно.—О.

***) Рѣчій, т. е. рѣчей, или «рѣчи праведны.»—О.

****) Буде, будетъ, если.—О.

****) Кромѣ такого чтенія можно допустить: „себе, себя.“—О.

Говорить тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость:

«Вы ярыжки, люди наемные,

45. «А наемны люди, подначальные!

«Я, Садъ-Садко, знаю-вѣдаю:

«Бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ,

«Тому Царю Заморскому

«Не платилъ я дани-пошлины

50. «И во то синее море Хвальшское

«Хлѣба съ солью не опускавалъ, —

«По меня, Садку, смерть пришла!

«И вы, купцы, гости богатые,

«А вы, цѣловальники любимые,

55. «А и всѣ прикащики хорошие!

«Принесите шубу соболиную.»

И скоро Садко наряжается,

Береть онъ гусли звончаты

Со хороши струны золоты,

60. И беретъ онъ шахматницу дорогу

Со золоты тавлеями,

Со тѣми дороги, вальятчаты *).

И спушали сходню вѣдъ серебряну,

Подъ краснымъ золотомъ:

65. Походилъ **) Садко Купецъ, Богатой Гость,

Спустился онъ на синее море,

Садился на шахматницу золоту;

А и ярыжки, люди наемные,

А наемны люди, подначальные,

70. Утащили сходню серебряну,

И серебряну подъ краснымъ золотомъ,

Ее на Соколъ корабль:

А Садко остался на синемъ морѣ,

А Соколъ корабль по морю пошелъ;

75. А всѣ корабли какъ соколы летятъ,

А единъ корабль по морю бѣжитъ,

*) См. выш. 2, стр. 85.—О.

**) Т. е. на сходню, спустился, отправился.—О.

Какъ бѣлъ кречеть ^{*)},
Самого Садки, Гостя Богатаго.

- Отца-матери молитвы великія ^{**}),
80. Самого Садки, Гостя Богатаго,
Подымалася погода тихая,
Понесло Садку, Гостя Богатаго,
Не видалъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Ни горы, ни берегу,
85. Понесло его, Садку, къ берегу,
Онъ и самъ Садко туто дивуется.
Выходилъ Садко на круты береги,
Пошелъ Садко подлѣ синя моря,
Нашелъ онъ избу великую,
90. А избу великую—во все дерево,
Нашелъ онъ двери и въ избу пошелъ.
И лежитъ на лавкѣ Царь Морской:
—А и гой еси ты, Купецъ, Богатой Гость!
—А что душа радѣла ^{***}), того Богъ мнѣ далъ:
95. —И ждалъ Садку двѣнадцать лѣтъ,
—А нынѣ Садко головой ^{****}) пришелъ!
—Поиграй, Садко, въ гусли ты звончаты.—
И сталъ Садко Царя тѣшити,
Заигралъ Садко въ гусли звончаты:
100. А и Царь Морской зачалъ скакать, зачалъ плясать ^{*****}).
И того Садку, Гостя Богатаго,
Напоилъ питьями разными;
Напивался Садко питьями разными,
И развалялся Садко, и пьянъ онъ сталъ,

^{*)} Вѣроятно опущено „летить“, „перепархиваетъ“ или что ли въ этомъ родѣ.—О.

^{**}) По молитвамъ отца-матери Садки: подымалася погода тихая, и проч.—О

^{***}) Чего душа желала.—О.

^{****}) Лично, самъ.—О.

^{*****}) Стихи:

А и Царь Морской зачалъ скакать,
Зачалъ скакать, зачалъ плясать.—О.

105. И уснулъ Садко Купецъ, Богатой Гость.
 А во снѣ пришелъ Святитель Николай къ нему,
 Говоритъ ему таковы рѣчи:
 «Гой еси ты, Садко Купецъ, Богатой Гость!
 «А рви ты свои струны золоты
110. «И бросай ты гусли звончаты:
 «Разплясался у тебя Царь Морской,—
 «А сине море всколебалось,
 «А и быстры рѣки разливались,
 «Топять много бусы-корабли *)»,
115. «Топять души напрасныя
 «Того народу православнаго.»»
 А и тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
 Изорвалъ онъ струны золоты
 И бросаетъ гусли звончаты,
120. Пересталъ Царь Морской скакать и плясать:
 Утихло море синее,
 Утихли рѣки быстрыя.

А по утру сталъ туто Царь Морской,
 Онъ сталъ Садку уговаривать:

125. А и хочеть Царь Садку женить,
 И привелъ ему тридцать дѣвиць.
 Никола ему во снѣ наказывалъ:
 «Гой еси ты, Купецъ, Богатой Гость!
 «А станеть тебя женить Царь Морской,
130. «Приведеть онъ тридцать дѣвиць,—
 «Не бери ты изъ нихъ хорошую **), бѣлыя-румяныя,
 «Возми ты дѣвушку поваренную ***)
 «Поваренную, что котора хуже всѣхъ.»»
 А и тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,

*) Бусы—извѣстный видъ судна: см. Словарь В. И. Даля.—О.

**) Сообразно съ послѣдующимъ, вѣроятнѣе родительный: „хорошія,“ хорошей.—О.

***) Черную, чернавку.—О.

135. Онъ думался *)—не продумался,
И беретъ онъ дѣвушку поваренную,
А котора дѣвушка похуже всѣхъ.
А и тутъ Царь Морской
Положилъ Садку на подклѣтъ **) спать,
140. И ложился онъ съ новобрачною.
Николай во снѣ наказывалъ Садкѣ
Не обнимать жену, ««не цѣлуй ее.»»
А и тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Съ молодой женой на подклѣтъ спить,—
145. Свои рученьки ко сердцу прижалъ ***);
Со полуночи, въ просоньи, ногу лѣву
Накинулъ онъ на молодую жену:
Ото сна Садко пробуждался,
Онъ очутился подъ Новымъ-городомъ,
150. А лѣвая нога во Волхъ-рѣкѣ.

- И скочилъ Садко, испужался онъ,
Взглянулъ Садко онъ на Новгородъ,—
Узналъ онъ церкву, приходъ свой,
Того Николу Можайскаго;
155. Перекрестился крестомъ своимъ,
И глядитъ Садко по Волхъ-рѣкѣ,—
Отъ того синя моря Хвалынскаго,
По славной матушкѣ Волхъ-рѣкѣ,
Бѣгутъ-побѣгутъ тридцать кораблей,
160. Единъ корабль самого Садки, Гостя Богатаго;
И встрѣчаетъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Цѣловальниковъ любимыхъ.
Всѣ корабли на пристань стали,
Сходни метали на крутой берегъ,
165. И вышли цѣловальники на крутъ берегъ.
И тутъ Садко поклоняется:

*) Онъ прибавлено по соответствію съ „не продумался (притиженіе, аттракція).“—О.

**) Гдѣ владутъ обычно молодыхъ.—О.

***) Чтобъ не обнять.—О.

«Здравствуйте, мои цѣловальники любимые
«И приказники хорошіе!»

И тутъ Садко Кудецъ, Богатой Гость,
Со всѣхъ кораблей въ таможеню положишь
170. Казны своей сорокъ тысячей *):
По три дни не **) осматривали.

* *

II.

3 ***).

(Оттуда же).

По славной матушкѣ Волгѣ рѣкѣ,
А гулялъ Садко молодецъ тутъ двѣнадцать лѣтъ:
Никакой надъ собой притки ****)
И скорби Садко не видывалъ,
5. А все молодецъ во здоровьи пребывалъ.
Захотѣлось молодцу побывать во Новѣ-городѣ;
Отрѣзалъ хлѣба великой сукрой,
А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ:
«А спасибо тебѣ, матушка Волга рѣка!»
10. «А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
«Никакой я притки-скорби не видывалъ надъ собой,
«И въ добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ;
«А иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать.»

*) Т. е. вступивши въ городскую пристань.— О.

**) Ес, кажу?— О.

***) Эта былина, по нѣкоторымъ чертамъ содержанія, должна бы помѣститься
первою: см. въ Приложеніяхъ „Замѣтку.“— О.

****) Лихой встрѣчи, несчастнаго случая, который наталкивается на чело-
вѣка или человѣкъ на него.—

Стихи должны быть:

Никакой надъ собой притки и скорби,
Притки и скорби Садко не видывалъ.— О.

- Проговорить ему matka Волга рѣка:
 15. —А и гой еси, удалой-доброй молодець!
 —Когда придешь ты во Новгородъ,
 —А стань ты подъ башню проѣзжую *)),
 —Поклонися отъ меня брату моему,
 —А славному озеру Ильмену.—
 20. Втапоры Садко молодець отошедъ поклонился.

- Подошелъ ко Нову-городу,
 И будетъ у тоя башни проѣзжія,
 Подлѣ славнаго озера Ильменя,
 Править челобитье великое
 25. Отъ тоя-то матки Волги рѣки,
 Говорить таково слово:
 «А и гой еси, славной Ильмень-озеро!
 «Сестра тебѣ Волга челобитье посылаетъ двою **)»
 Говорилъ самъ и кланялся.
 30. Малое время замѣшкавши,
 Приходилъ тутъ отъ Ильмень-озера
 Удалой-доброй молодець,
 Поклонился ему, добру молодцу:
 —Гой еси, съ Волги удалъ молодець!
 35. —Какъ ты, де, Волгу сестру знаешь мою?—
 А и тотъ молодець Садко отвѣтъ держить:
 «Что, де, я гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ,
 «Со вершины знаю и до устья ее—
 «А и нижняго царства Астраханскаго.»
 40. А сталъ тотъ молодець наказывати,
 Которой посланъ отъ Ильмень-озера:
 —Гой еси ты, съ Волги удалъ молодець!
 —Проси бошлыковъ ***) во Новѣ-городѣ,

*) Такъ доселѣ назывался на Русѣ всякая башня съ воротами, черезъ которые проѣзжаютъ по суку ли, или по водѣ.—О.

**) Вдвойнѣ, двойное.—Здѣсь также, можетъ быть, ослышка записавшаго вмѣсто „мною“, черезъ меня?—О.

***) Восточное: голова, атаманъ, особенно рыболовнѣй, неводнѣй; правильнѣе башмы, отъ башъ—голова.—О.

—Ихъ *) со тремя неводами

45. —И съ тѣми людьми со работными,
—И замечывай ты неводы во Ильмень-озеро.
—Что будетъ тебѣ Божья милость.—

Походили онъ молодець

Къ тѣмъ бошлыкамъ Новгородскимъ,

50. А пришелъ онъ, самъ кланяется,
Самъ говоритъ таково слово:
«Гой вы еси, бошлыки, добры молодцы!
«А и дайте мнѣ тѣ три невода
«Со тѣми людьми со работными,
55. «Рыбы половити во Ильменѣ озерѣ:
«Я вамъ, молодцамъ, за труды заплачу.»
А и втапоры ему бошлыки не отказывались,
Сами пошли бошлыки со работными людьми,
А закинули три невода во Ильмень-озеро:
60. Первой неводъ къ берегу пришелъ,—
И тутъ въ немъ рыба бѣлая,
Бѣлая вѣдь рыба мелкая;
И другой-то вѣдь неводъ къ берегу пришелъ,—
Въ томъ-то рыба красная **);
65. А и третій неводъ къ берегу пришелъ,—
А въ томъ-то вѣдь рыба бѣлая,
Бѣлая рыба въ три четверти.
Перевозился Садко молодець на гостинной дворъ
Со тою рыбою ловленою:
70. А и перву рыбу перевозили всю,
Клали они рыбу въ погребы;
Изъ другаго же невода онъ въ погребъ же возилъ,
Та была рыба вся красная;
Изъ третьяго невода возили они
75. Въ тѣ же погребы глубокіе,

*) Неловко. Вообще въ этой былинѣ стихи записаны дурно и раздѣлены неправильно.—О.

**) Известное русское дѣленіе видовъ рыбы.—О.

Запирали они погребы на крѣпко,
Ставили караулы на гостинномъ на дворѣ.
А и отдалъ тутъ молодець тѣмъ бошлыкамъ
За ихъ за труды сто рублевъ.

80. А не ходитъ Садко на тотъ на гостинной дворъ по три
дни *) ,

На четвертой день погулять захотѣлось;
А и первой въ погребъ заглянетъ онъ,—
А на силу Садко туто двери отворить:
Котора была рыба мелкая,

85. Тѣ—то вѣдь стали деньги дробныя;
И скоро Садко опять запираетъ.
А въ другомъ погребу заглянулъ онъ:
Гдѣ была рыба красная,
Очутились у Садки—червонцы лежать.

90. Въ третьемъ погребу заглянулъ Садко:
Гдѣ была рыба бѣлая,
А и тутъ у Садки все монеты лежать.

Втапоры Садко Купецъ, Богатой Гость,
Сходилъ Садко на Ильмень—озеро,

95. А бьетъ челомъ, поклоняется:

«Батюшко мой, Ильмень—озеро!

«Поучи меня жить во Новѣ—градѣ?»

А и тутъ ему говорилъ Ильмень—озеро:

—А и гой еси, удалой—доброй молодець!

100. —Поводись ты со людьми со таможенными,

—А и только про ихъ ты обѣдъ доспѣй,

—Позови молодцовъ, посадскихъ людей:

—А стануть те **) знать и вѣдати.—

Тутъ молодець догадается,

*) Стихи:

А не ходитъ Садко на тотъ на гостинной дворъ,
На гостинной дворъ не ходитъ по три дни.—О.

**) Въроятнѣе это не *ты*, а *те*—тебя: будешь съ ними въ знакомствѣ, а
они больше всего тебѣ нужны.—О.

105. Сдѣлалъ обѣдъ про таможенныхъ людей,
 А сталъ онъ водиться со посадскими людьми.
 И будетъ *) во Новѣ-городѣ,
 У того ли Николы Можайскаго **),
 Тѣ мужики Новгородскіе сохотилися
110. На братчину Никольщину,
 Начинають пить канунъ, пива ячныя ***);
 И пришелъ тутъ къ нимъ удалой-добрый молодецъ,
 Удалой молодецъ былъ Волгской сурь ****),
 Бьетъ челомъ, поклоняется:
115. «А и гой вы еси, мужики Новгородскіе!
 «Примите меня во братчину Никольщину:
 «А и я вамъ сыпь *****) плачу не малую.»
 А и тѣ мужики Новгородскіе
 Примали его во братчину Никольщину:
120. Далъ молодецъ имъ пятьдесятъ рублевъ.
 А и зачали пить пива ячныя,
 Напивались молодцы уже до пьяна,
 А и съ хмѣлю тутъ Садко захвастался:
 «А и гой еси вы, молодцы, славны купцы!
125. «Припасите вы мнѣ товаровъ во Новѣ-городѣ,
 «По три дни и по три упова *****):
 «Я выкуплю тѣ товары по три дни, по три упова,
 «Не оставлю товаровъ ни на денежку,
 «Ни на малу разну полушечку;
130. «А то коли я товары не выкуплю,
 «Заплачу казны вамъ сто тысячей.»

*) Случится, случилось.—О.

**) Рѣзной образъ Святителя, особенно чтимый въ народѣ: онъ есть во многихъ старыхъ городахъ, между прочимъ въ Можайскѣ, откуда и принялъ свое имя; вносѣдствіи Садко построилъ ему на свой счетъ церковь.—О.

***) Сличь выше.—О.

****) См. „Замѣтку“ къ 4-му выпуску, стр. LXIV, LXV.—О.

*****) Сличь выше.—О.

*****) Изъ многихъ значеній этого слова по областямъ, здѣсь оно, вѣроятно, имѣетъ смыслъ вообще—„въ три пріема“, а пріемъ — разстояніемъ времени съ утра до обѣда или съ обѣда до вечера, сколько рабочій человекъ можетъ протянуть свой трудъ не ѣвши и не отдыхая.—О.

- А и тутъ мужики Новгородскіе
 Тѣ-то, де, рѣчи его записывали^{*)}.
 А и выпили канунъ, пива ячмыи,
 135. И заставили Садку ходить по Нову-городу,
 Закупати товары во Новѣ-городѣ
 Тою ли цѣною повольною.
 А и ходитъ Садко по Нову-городу.
 Закупаеть онъ товары повольной цѣною:
 140. Выкупилъ товары во Новѣ-городѣ.
 Не оставилъ товару ни на денежку.
 Ни на малу разну полушечку.
 Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце:
 А и шедъ Садко, Божій храмъ соорудилъ
 145. А и во имя Стефана Архидьякона,
 Кресты, наковницы золотомъ золотилъ,
 Онъ мѣстны иконы изукрашивалъ,
 Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
 Царскія двери вызолачивалъ.
 150. А и ходитъ Садко по второй день по Нову-городу:
 Во Новѣ-градѣ товару больше стараго;
 Онъ выкупилъ товары и по второй дѣнь,
 Не оставилъ товару ни на денежку.
 Ни на малу разну полушечку.
 155. И вложивалъ ему Богъ желанье въ ретиво сердце:
 Шедъ Садко, Божій храмъ соорудилъ
 А и во имя Софїи Премудрыя,
 Кресты, наковницы золотомъ золотилъ,
 Мѣстны иконы изукрашивалъ,
 Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
 Царскія двери вызолачивалъ.
 160. И ходитъ Садко по третій день.
 По третій день по Нову-городу:
 Во Новѣ-городѣ товару больше стараго,
 165. Всякіихъ товаровъ заморскіихъ;
 Онъ выкупилъ товары въ половину дня,

^{*)} Сдѣлали по его рѣчамъ запись, письменное условіе.— О.

- Не оставилъ товару ни на денежку,
 Ни на малу разну полушечку.
 Много у Садки казны осталось,
 170. Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце:
 Шедъ Садко, Божій храмъ соорудилъ
 Во имя Николая Можайскаго,
 Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
 Мѣстны иконы изукрашивалъ,
 175. Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
 Царскія двери вызолачивалъ.
 А и ходитъ Садко по четвертой день,
 Ходилъ Садко по Нову-городу,
 А и цѣлой день онъ до вечера:
 180. Не нашелъ онъ товаровъ во Новѣ-городѣ
 Ни на денежку, ни на малу разну полушечку.
 Зайдетъ Садко онъ во темной *) рядъ:
 И стоять тутъ черепаны, гнилые горшки,
 А всѣ горшки уже битые;
 185. Онъ самъ Садко усмѣхается,
 Даетъ деньги за тѣ горшки,
 Самъ говоритъ таково слово:
 «Пригодятся—ребятамъ черепками играть,
 «Поминать Садку, Гостя Богатаго!
 190. «Что не я, Садко, богатъ,—богатъ Новгородъ
 «Всякими товарами заморскими
 «И тѣми черепанами, гнилыми горшки!»

* *
 *

*) Обычное прозваніе всякаго русскаго торговаго ряда, который, какъ извѣстно, съ намѣренною цѣлю дѣлается темнымъ.—О.

ГОСТЬ ТЕРЕНТЬИЩЕ.

(Оттуда же).

- Въ стольномъ Новъ-городѣ,
Было въ улицѣ во Юрьевской,
Въ слободѣ было Терентьевской,
А и жиль-быль богатой гость,
5. А по имени Терентьище.
У него дворъ на цѣлой верстѣ,
А кругомъ двора желѣзной тынъ,
На тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ;
10. Ворота были вальшчатые *)),
Веревы хрустальныя,
Подворотина—рыбій зубъ **).
Среди двора гридня стоитъ:
Покрыша сѣдыхъ бобровъ,
15. Потолокъ черныхъ соболей,
А и матица—то валженая ***),
Была печка муравленая,
Середа ****) была кирпичная;
А на середи кроватка стоитъ,
20. Да кровать слоновыхъ костей:
На кровати перина лежитъ,
На перинѣ зголовье лежитъ,
На зголовьѣ молодая жена
Авдотья Ивановна.

*) См. въ прежнихъ выпускахъ.—О.

**) См. тамъ же.—О.

***) Ср. вып. 4, стр. 81.—О.

****) Поль.—О.

25. Она съ вечера трудна-больна,

Со полуночи недужна вся:

Разходился недугъ въ головѣ,

Разыгрался утинъ *) въ хребтѣ,

Пустился недугъ къ сердцу **),

.

30. Говорила молодая жена Авдотья Ивановна:

«А и гой еси, богатой гость,

«И по имени ***) Терентьище!

«Возми мои золоты ключи,

«Отмыкай окованъ сундукъ,

35. «Вынимай денегъ сто рублевъ,

«Ты поди—дохтуровъ добывай,

«Волхи-то ****) спрашивати.»

А втапоры Терентьише,

Онъ жены своей слушался

40. И жену-то во любви держалъ:

Онъ взялъ золоты ея ключи,

Отмыкалъ окованъ сундукъ,

Вынималъ денегъ сто рублевъ

И пошелъ дохтуровъ добывать.

45. Онъ будетъ *****), Терентьище,

У честна Вадвиженя *****)),

*) Боль въ поясницѣ, чаще въ спинѣ, съ нервнымъ волненіемъ, особенно когда что-то словно бьется или дерзывается, иначе въ народѣ *жмичка*.—*О.*

**) Хотя скромный издатель, К. Ф. Калайдовичъ, опустилъ въ слѣдъ за сямъ нѣсколько стиховъ, за пропавшю рукописи Кирши Данилова теперь для насъ также утраченныхъ, но, по сравненію съ другими былинами, мы можемъ предположительно возстановить ихъ:

Пустился недугъ къ сердцу (животу),

Опустился недугъ ниже пояса,

Во тѣ ли во нижни во черева.—*О.*

***) Вѣроятнѣе: „изъ-по имени.“—*О.*

****) Тѣхъ, которые лѣчатъ волшебствомъ, заговорами, наузами.—*О.*

*****) По нынѣшнему: когда онъ будетъ, когда былъ онъ.—*О.*

*****) Церкви или прихода.—*О.*

- У жива моста калинова,
 Въ стрѣчу Терентьищу Веселые Скоморохи.
 Скоморохи люди вѣжливые,
50. Скоморохи очестливые :),
 Объ ручку Терентью челомъ:
 «Ты здравствуй, богатой гость,
 «И по имени Терентьище!
 «Доселѣ—ва те **) слыкомъ не слыхать
55. «И доселѣ—ва видомъ не видать:
 «А и нонѣ ты, Терентьище,
 «А и бродишь по чисту полю,
 «Что корова заблудящая,
 «Что ворона залетающая?»»
60. А и на то—то онъ не сердится,
 Говорить имъ Терентьище:
 —А и вы гой, Скоморохи Молодцы!
 —Что не самъ я, Терентій, зашелъ
 —И не конь—то богатаго ***) завезъ,
65. —Завела нужда—бѣдность:
 —. . . (?) у меня есть молодая жена
 —Авдотья Ивановна:
 —Она съ вечера трудна—больна,
 —Со полуночи недужна вся:
70. —Разходился недугъ въ головѣ,
 —Разыгрался утинъ въ хребтѣ,
 —Пустился недугъ къ сердцу,
 —.
 —А кто бы, де, недугашъ пособилъ,
 —Кто недуги бы прочь отгонилъ
75. —Отъ моей молодой жены,
 —Отъ Авдотьи Ивановны,
 —Тому дамъ денегъ сто рублевъ

*) Знающіе, кого и какъ почестъ или уважить.—О.

***) Тебя.—О.

***) Меня, богатаго гостя.—О.

—Безъ единыя денежки *).—

Веселые Молодцы **) догадалися,

80. Другъ на друга оглянулися,

А сами усмѣхнулися:

«А и ты гой еси, Терentyше!

«Ты намъ что за труды заплатишь?»»

—Вотъ вамъ даю сто рублей. —

85. Повели его, Терentyща,

По славному Нову-городу, ●

Завели его, Терentyща,

Во тотъ во темной рядъ,

А купили шелковой мѣхъ:

90. Дали два гроша мѣшокъ:

Пошли они во червленой рядъ ***) ,

Да купили червленой вязъ,

А и дубину ременчатую,

Половина свинцу налиту:

95. Дали за нее десять алтынъ:

Посадили Терentyща

Во тотъ шелковой мѣхъ,

Мѣхоноша за плеча взялъ ****) ,

Пошли они, Скоморохи,

100. Ко Терentyеву ко двору.

Молода жена опасливая, —

Въ окошечко выглянула:

*) Этотъ отрицательный оборотъ значить напротивъ: сполна, всё до денежки; это-то *до* и выражается словомъ *безъ* или *разомъ* (ср. Сербск. и Болгарск. *измкн*).—*О.*

**) Обыкновенная прозвища Скомороховъ: *Веселые молодцы* или просто *Веселые*.—*О.*

***) Ниче „красный рядъ,“ съ „краснымъ товаромъ,“ къ которому, оказывается, въ старину причисляли особый галантерейный товаръ—вязъ, дубины и т. п., въ родѣ нынѣшнихъ тросточекъ, зонтиковъ и т. п.—*О.*

****) Мѣхоноша закинуть мѣшокъ за свои плеча. Это лицо, *мѣхоноша*, известное и нынѣ въ артели Волоочобниковъ, медвѣжьихъ поводчиковъ и т. п., тащить обыкновенно за плечами мѣшокъ съ разными орудіями, иногда пидею и т. п.—*О.*

- «А и вы гой еси, Веселые Молодцы!
 «Вы къ чему на дворъ идете,
 105. «Что *) хозяина въ дому нѣтъ?»
 Говорятъ Веселые Молодцы:
 ««А и гой еси, молодая жена
 ««Авдотья Ивановна!
 ««А и мы тебѣ челобитье несемъ
 110. ««Отъ гостя богатаго,
 ««И по имени Терентьица.»»
 И она спохватилася за то:
 «А и вы гой еси, Веселые Молодцы!
 «Гдѣ его видѣли,
 115. «А гдѣ про него слышали?»
 Отвѣчаютъ Веселые Молодцы:
 ««Мы его слышали,
 ««Сами доподлинно видѣли
 ««У честна креста Вздвиженья,
 120. ««У жива моста калинова:
 ««Голова по себѣ **) его лежитъ
 ««И вороны въ клюютъ.»»
 Говорила молодая жена
 Авдотья Ивановна:
 125. «Веселые Скоморохи!
 «Вы подите во свѣтлую гридню,
 «Садитесь на лавочки,
 «Пунграйте во гусельцы
 «И пропойте-ко пѣсенку
 130. «Про гостя богатаго,
 «Про стараго сына,
 «И по имени Терентьица!
 «Во дому бы его вѣкъ не видать!»
 Веселые Скоморохи
 135. Садилися на лавочки,
 Замграли во гусельцы,

*) Тогда какъ.— 0.

**) Отдѣльно, оторванная.— 0.

Загѣли они гвѣсенку:

«Слушай, шелковой мѣхъ,
«Мѣхоноша за плечами »),
«А слушай, Терентій гость,

140. «Что про тебя говорятъ!
«Говорить молодая жена
«Авдотья Ивановна
«Про стара мужа Терентьища,
«Про старого сына:

145. «—Во дому бы тебя вѣкъ не видать!—
«Шевелись, шелковой мѣхъ,
«Мѣхоноша за плечами,
«Вставай-ко, Терентьище,
«Лѣчить молодую жену,

150. «Бери червеной вязъ,
«Ты дубину ременчатую!
«Походи-ко, Терентьище,
«По своей свѣтлой гридни
«И по среди кирпичатой

155. ««Ко занавѣсу бѣлому,
««Ко кровати слоновыхъ костей,
««Ко перинѣ ко пуховья!
««А лѣчи-ко ты, Терентьище,
««А лѣчи-ко ты молодую жену

160. ««Авдотью Ивановну!»»
Вставалъ же Терентьище,
Ухватилъ червеной вязъ,
А дубину ременчатую,
Половина свинцу налиту,

165. Походилъ онъ, Терентьище,
По своей свѣтлой гриднѣ,
За занавѣсу бѣлую,
Ко кровати слоновыхъ костей,
Онъ сталъ молодую жену лѣчить

170. Авдотью Ивановну:

*) Слушай ты, шелковой мѣхъ, что вѣснѣ у мѣхоноши за плечами.—О.

- Шлыкъ съ головы у нея спибы;
 Посмотрить Терентьище
 На кровать слоновыхъ костей,
 На перину на пуховую:
175. А недуго-тъ *) пошевеливается
 Подъ одбляомъ соболинымъ.
 Онъ-то, Терентьище,
 Недуга-то вонъ погналъ
 Что дубиною ременчатою;
180. А недуго-тъ не путемъ въ окошко скочилъ:
 Чуть головы не сломилъ,
 На корачкахъ ползаетъ,
 Одва отъ окна отполозъ.
 Онъ оставилъ **), недужище,
185. Кафтанъ хрущатой ***) камки,
 Камзолъ баберековой ****),
 А и денегъ пятьсотъ рублей.

Втапоры Терентьище

Даль еще Веселымъ другое сто рублей

190. За правду великую.

* *
 *

*) Молодецъ, лежавшій съ Авдотьей Ивановной: ради него она, подъ предлогомъ недуга, выпроводила мужа; Скоморохи вскрыли тайну.—О.

***) Послѣ себя.—О.

****) См. прежніе выпуски.—О.

*****) Шелковая парча; см. Словарь В. И. Даля. О.

Пѣсни Вылевыя:

II.

Княжескія.

ДИМИТРІЙ КНЯЗЬ.

(Смѣльск. губ., Сызранск. уѣзда, с. Языково).

- Какъ идѣть-то Димитрій Князь ко заутрени;
Увидала его въ окно Домна Фалелеевна,
Закричала она громкимъ голосомъ:
«Охъ вы мои нянюшки-мамушки!
5. «Ужъ не этотъ ли Димитрій Князь,
«Ужъ не этотъ ли жениха-тъ мой?
«Онъ идѣть ко заутрени—
«Онъ сутуль-горбать,
«У него носъ курносъ, косые глаза,
10. «У него-то зубы—что соломенны нукли *),
«А ногами-то онъ загребаеть,
«И весь-то снѣгъ по улицѣ занетаеть!»

- Какъ услыхалъ туто Димитрій Князь
Насмѣшку своей невѣсты Домны Фалелеевны,
15. Онъ пришелъ домой отъ заутрени,
И пошелъ ко своей сестрѣ ко Оленѣ Степановнѣ:
—Ты сестрица моя, Олёнушка!
—Ты сдѣлай для дѣвицъ пирь
—И позови же туто Домну Фалелеевну.—
20. «Ты любезный, родимый мой братецъ!
«И я все для тебя могу сдѣлать.»»
Стала сестра его готовиться
И за своими подругами стала посылать пословъ,
Послала посла къ Домнѣ Фалелеевнѣ.

*) Пучки или торчки отбитой соломы.—О.

25. Ужь какъ первый посолъ, онъ на дворъ взошелъ,
И онъ шляпы не скинулъ, не поклонился:
««Вы пожалуйста, Домна Фалелеевна,
««Ко нашей ко Оленъ Степановнѣ,
««Хлѣба—соли къ ней кушати.»»
30. «Не пойду я, не подумаю:
«У Олѣнушки братецъ холость—неженать.»
Другой посолъ на крыльцо взошелъ,
Онъ шляпы не скинулъ, не поклонился:
««Вы пожалуйста, Домна Фалелеевна,
35. ««Ко нашей ко Оленъ ко Степановной,
««Хлѣба—соли кушать.»»
«Не пойду я, не подумаю:
«У Олѣнушки братецъ холость—неженать.»
Ужь какъ третій посолъ, онъ въ горницу взошелъ,
40. Шляпу скинулъ, поклонился:
««Вы пожалуйста, Домна Фалелеевна,
««Ко нашей ко Оленъ ко Степановнѣ,
««Хлѣба—соли кушати:
««Она безъ васъ хлѣба—соли не кушаетъ
45. ««И бѣлаго лебедя на столѣ не разрушиваетъ *)»»
«Не пойду я, не подумаю:
«У Олѣнушки братецъ холость—неженать.»
Услыхала ее родимая матушка:
—Ты поди, моё дитятко,
50. —Ты поди, моё чадо милое.—
«Государыня моя, родимая матушка!
«Не хорошъ мнѣ нынѣшнюю ночь сонъ видѣлся:
«Бархатная моя юпка вся изодраная
«И золотъ—то мой перстень распаянъ лежитъ.»
55. —Ты дитѣ ль мое, дитятко!
—Ужь какъ нынче снамъ не вѣрують.—
Ужь какъ тутъ Домна Фалелеевна
Убралася—снарядилася
И пошла ко Оленъ ко Степановнѣ.

*) Должно быть: „не рушаетъ.“—О.

60. Какъ встрѣчаетъ Олёна Степановна
 Домну Фалелеевну,
 Посадила Домну Фалелеевну по конецъ стола,
 Ниже всѣхъ подруженекъ.
 Ужь не сами-то двери растворилися:
65. Растворялъ двери Димитрій Князь.
 Какъ возговоритъ Домна Фалелеевна:
 «Охъ ты, Димитрій Князь!
 «Ужь какъ ты сутуль-горбать,
 «У тебя носъ курносъ, косые глаза,
70. «У тебя-то зубы какъ соломенны пукли,
 «И ты ногами-то загребаешь,
 «И всѣ-то ковры въ кучу сметаешь!»
 Ужь какъ взялъ-то Димитрій Князь
 Домну Фалелеевну за правую руку,
75. Онъ повелъ ее во свою спальню,
 И онъ билъ Домну до полусмерти.

Ужь какъ посылаетъ посла Домна къ своей матушкѣ,
 Чтобъ прислала ей матушка три платица:

Ужь какъ первое платье—дѣвичье,

80. А другое-то—подвѣнечное,

А третіе-то—смертное.

Ужь тутъ возговоритъ ея матушна:

—Ужь я буду нынче снамъ вѣровать!—

* *
 *

ВАСИЛІЙ КНЯЗЬ.

(Арханг. губ., Шенкурскъ.)

На синѣмъ было на морѣ,
На тихомъ было заводѣ,
Потонулъ тутъ Василій Князь
Отъ злата вѣнца идуци.

5. Оставалась молода Княжна:

«Ужь вы бояра, бояра!

«Воротите вы комоня *)

«На родимую сторону

«Ко родимому батюшкѣ,

10. «Къ государынѣ матушкѣ.»

Они прѣехали къ батюшкѣ;

Посмотрѣла въ окошечко

Молодая невѣстушка:

—Богоданая матушка!

15. —Къ намъ не гостыюшка прѣехала,

—Къ намъ прѣехала подворница,

—Вѣковая постельница.—

«Ой вы гой еси, бояра!

«Воротите вы комоня

20. «Ко святому монастырю,

«Къ саомобольшей игуменьѣ.—

«Ты цестная игуменья!

*) Кома.—О.

«Постриги меня въ стáрици,
«Ты построй мнѣ-ка кѣлейку

25. «Просѣки три окошецька:

«Первое-то окошецько
«Ко святому Благовѣщенью,

«А второе-то окошецько

«На родимую сторону,

30. «А какъ третьё-то окошецько

«На синее на́ море,

«На тихое на за́водьё:

«Потонулъ тутъ мой вѣнцянной мужъ,

«Мой вѣнцянной мужъ—Василій Князь!»

(Доставлено г. Борисовымъ.)

* *
*

КНЯЗЬ МИХАЙЛО.

I.

1.

(Тульск. губ. в уѣзда, с. Покровское).

- Какъ поѣхалъ Князь Михайло
Во царскую во службу,
Какъ приказывалъ Княгиню
Своей матушкѣ родимой:
5. «Береги жь мою Княгиню
«И корми мою Княгиню
«Бѣлъ-крупчатými колачами,
«И ты пой мою Княгиню
«Сладкою сытою.»
10. Не успѣлъ Князь Михайло
Съ широка съ двора съѣхати,
Его матушка родима
Жарко мыленку *) топила,
Жарко мыленку топила,
15. Горючій камень разжигала:
—Ты пойдѣмъ-ко, моя невѣстка,
—Въ мыленку—помою,
—Въ мыленку—помою,
—Твой животикъ поправлю.—
20. Какъ клала ее матушка

*) Баян.—О.

На бѣлую лавочку,
 Какъ клала горючъ камень
 На бѣлую грудь.

Ужъ какъ первый разъ она закричала,—

25. Добрый конь его спотыкнулся:

«Ахти, братцы, нездорово!

«Либо матушки не стало,

«Либо молодой Княгини!»

Какъ къ воротамъ подъѣзжаетъ,

30. Его слуги встрѣчаютъ:

«Охъ вы вѣрны мои слуги,

«Всё ли дома здорово?»

««Слава Богу, да не само!»!»

На высоко крыльцѣ входить,

35. Его нянюшки встрѣчаютъ:

«Охъ вы няньки мои, мамки,

«Всё ли дома здорово?»

««Слава Богу, да не само!»!»

Во новыя сѣни входить,

40. Сѣнны дѣвушки встрѣчаютъ:

«Охъ вы сѣнны мои дѣвушки,

«Всё ли дома здорово?»

««Слава Богу, да не само!»!»

Во высокъ теремъ входить,

45. Его матушка встрѣчаетъ:

«Государыня матушка!

«Да гдѣ жь моя Княгиня?»

—Твоя Княгиня во свѣтлой свѣтлицѣ,

—Въ дубовой гробницѣ.—

50. Скоры ноги подгибались,

Бѣлы руки опускались,

Бѣлы руки опускались,

Ясны очи закрывались.

*) Не совсѣмъ, не очень, не весьма.—О.

Его матушка родима

55. Позили *) гуляеть:

—Ахти, братцы, согрѣшила,

—Я три души погубила:

—И я сына, я невѣстку,

—Молоденца я во чревѣ!—

(Записано П. В. К. отъ старухи).

*

2.

(Тульск. губ., Алексинскаго уѣзда).

Собирался Князь Михайло

Онъ во царскую во службу,

Онъ приказывалъ свою молоду Княгиню

Своей матушкѣ родимой:

5. «Не покинь мою молоду Княгиню

«Да при нужномъ при времѣ!»

Какъ съѣхалъ Князь Михайло

Со широкаго подворья,

Велѣла она банюшку топяти,

10. Горючь камень разжигати:

Молодой Княгинѣ

На бѣлыя груди клала;

Она первый разъ закричала,

А въ другой—то застонала,

15. А въ третій замолчала.

*) П. В. К. оставилъ это слово съ знакомъ вопроса. Вѣроятно: *по зели*; *зелъ*—зелень, зеленя, могила, обросшая новой травой, иначе „буевка.“—О.

Воротился Князь Михайло

Со пути ли со дорожки

Ко широкому подворью;

Его матушка встрѣчала,

20. Во сахарныя уста цѣловала:

«Охъ ты, мать ты мнѣ родная!

«Да гдѣ жъ моя молода Княгиня?»

—Твоя молода Княгиня

—Съ няньками-шамками играетъ.—

25. Какъ кинулся Князь Михайло

Свою молоду Княгиню искати:

«Охъ ты, матушка мнѣ родная!

«Ты скажи, не утой,

«Гдѣ жъ моя молода Княгиня?»

30. Какъ взговорятъ Князю

Красны дѣвушки:

«Мы бъ сказали тебѣ,

«Гдѣ твоя молода Княгиня,

«Да мы боимся

35. «Твоей матушки родиной?»»

«Охъ вы дѣвушки-голубушки!

«Вы скажите, не утайте,

«Гдѣ жъ моя молода Княгиня?»

«Твоя молода Княгиня

40. ««Въ грановитой *) во палатѣ:

«Тажъ твоя молода Княгиня!»»

Какъ кинулся Князь Михайло:

«Ужь не мать ты мнѣ, злодѣйка!

«Три души ты загубила:

45. «И ты сына со невѣсткой,

«И младенца во утробѣ!»

*

*) Гранной, угольчатой, т. е. въ Гробницѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ сопоставленіе и съ граненою палатою, кака была у князей и осталась повнѣ въ Москвѣ.—О.

(Шенкурскъ).

Какъ собрался Князь Михайло
 На грозную службу царскую;
 Онъ наказываетъ родной матушкѣ:
 «Охъ ты матушка родимая!

5. «Береги мою молодую Княжну:
 «Клади ее спать во соборную вечерню,
 «Подымай ее во соборную обѣдню;
 «Ты корми ее крупичатыми калачами,
 «Ты пой ее медовой сытой.»
10. Онъ сядилъ на добра коня,
 Соѣзжаетъ со широкаго двора.

- Не успѣлъ Князь со двора съѣхать,
 Его матушка родимая
 Приказала жарко мыленку топить:
 15. Горючь камень разжигала,
 На бѣлыя груди Княгини клала.

- Выѣзжаетъ онъ на чисто поле,—
 Подъ Княземъ конь спотыкнулся,
 Подъ правой рукой
20. Ясный соколъ встрепенулся,
 Съ Князя шапочка свалилась;
 Какъ возговорить Михаилъ Князь:
 «Ахти, дома всѣ здоровы ль?
 «Вѣрно матушки не стало
25. «Или молодой моей Княгини!»

- Какъ воротился Князь Михайло,
 Онъ въѣзжаетъ на широкій дворъ,
 Ево матушка встрѣчаетъ:
 «Ахъ ты матушка моя родная!
30. «Гдѣ моя молода Княгиня?»

—Пошла твоя Княгиня во высокъ теремъ,
 —Во высокъ теремъ бѣлиться—румяниться.—
 Пошелъ Князь Михайло во высокъ теремъ:
 Бѣлilочки всѣ не тронуты,

35. Румяночки не ворохнуты,
 Всѣ дѣвочки въ черномъ платьѣ наряжены,
 Русы косы расплетены.
 «Гдѣ моя молодая Княгиня?»
 ««Ахъ ты батюшко нашъ, Михайлъ Князь!
 40. ««Мы не смѣемъ вамъ сказать:
 ««Наша молодая Княгиня переставилась,
 ««Она стоитъ во соборной церкви.»»

Какъ бросился Князь Михайло во соборну церковь,
 Увидалъ свою молодую Княгиню.

45. Какъ взговорить Князь Михайло:
 «Ахти, ты матушка родная!
 «По родству—то ты мнѣ мать родная,
 «По разлукѣ *) же змѣя лютая!»
 Вынимаетъ шпагу острую **),
 50. Онъ пронзаетъ свое ретиво сердце.
 Его матушка раскалалась,
 Со слезами слово молвила:
 —Передъ Богомъ согрѣшила я,
 —Три души я погубила вдругъ:
 55. —Первую душеньку—сыновнюю,
 —Другую душу—невѣсткину,
 —А третью—младенца во утробѣ!—

(Записано г. Кузьмищевымъ.)

*

*) Что разлучила мужа съ женою.—О.

***) Поздвѣшая передѣлка.—О.

(Орловск. г., Малоарханг. уезда, с. Сабурово).

Какъ женился Князь Михайло
Онъ на душеньки на Княгинѣ,
На молодой душѣ Катеринѣ.

Князь у службу собиралси,
5. Его матушка провожала:
«Ужь ты матушка родная!
«Ты корми мою Княгиню,
«Молоду душу Катерину!»

Во пути во дороженьки несчастіе случилось,—
10. Подъ нимъ воронъ конь споткнулся,
Пухова шляпа упала:
«Вы постойте жь, мои братцы,
«Знать, что дома нездорово:
«Жива ли моя Княгиня,
15. «Молода душа Екатерина?»

«Ужь ты матушка родная!
«Гдѣ жь моя Княгиня?»
—Ужь твоя, сударь, Княгиня
—Во бѣлыхъ палатахъ:
—Во тесовой во гробницѣ.—
20. Вынимаетъ Князь саблю остру,
Съ себя голову снимаетъ.

—Ахти, Боже, согрѣшила,
—Я три души погубила:
—Я сына и невѣстку,
25. —А третьяго младенца!—

*

5.

(Вологодск. губ.).

- Собирался Князь Михайло
 Въ государеву во службу;
 Онъ приказывалъ своей матушкѣ,
 Онъ приказывалъ своей государынѣ:
 5. «Ужь ты матушка моя родная!
 «Береги ты мою Княгиню,
 «Береги мою молодую:
 «Ужь ты пой-корни Княгиню,
 «Ужь ты пой-корни молодую,
 10. «Все сытою медовою,
 «Все крупнцатымъ калачами *)»

- Это матушкѣ за досаду.
 Со двора Князя проводили **),
 Его матушка говорила:
 15. —Ужь вы няньки, вы мамки!
 —Истопите баню жарко,
 —Накалите вы горючь камень!
 —Ты поидежь-ко со мной, невѣстка,
 —Мы поидежь съ тобой въ баню!—
 20. Въ трои рученьки сноху держали,
 Въ четвертыя грудь пороли,
 Горючь камень опускали.

- Она въ первой разъ возмолилась,—
 У Князя Михайла шляпа спала,
 25. На сажень прочь отлетѣла;
 Она въ другой разъ возмолилась,—
 У Князя Михайла конь споткнулся:

*) Начиная съ этого стиха и всѣ слѣдующіе повторяются по два раза.—О.

**) Проводила?—О.

- «Ахти, братцы-государи!
 «У меня въ домъ нездорово:
 30. «Либо матушки не стало,
 «Либо молодой Княгини!»
 Съ половины съ дорожки воротился.

- Его матушка встрѣчаетъ,
 И со нянькамъ, со мамкамъ,
 35. А безъ молодой Княгини:
 «Ужь ты мать моя родная!
 «Ужь какъ гдѣ же моя Княгиня,
 «Ужь какъ гдѣ моя молодая?»
 —Что твоя-то ли Княгиня,
 40. —Что твоя-то ли молодая
 —Всю ноченьку не спала,
 —Все съ друзьями просидѣла;
 —Она топеречи почиваетъ
 —Что во свѣтлой во свѣтлицѣ:
 45. —Во дубовой во гробницѣ.—

- «Ужь вы няньки, ужь вы мамки!
 «Вы подайте мнѣ саблю острую!»
 Онъ срубилъ себѣ буйную голову.
 Ево матушка закричала:
 50. —Ахти, я, сука, согрѣшила,
 —Ровно три души погубила:
 —Ужь я сына со невѣсткой,
 —Я младенца во утробѣ!—

(Ср. «Народныя пѣсни Вологодск. и Олонецк. губ., собран. Ѳ. Студитскимъ»
 С. П. Б., 1841 г.).

* *

СМЕРТЬ КНЯЗЯ МИХАЙЛА.

II

1.

(Тульск. губ., Чернского у.).

- Изъ за горь—то изъ за горь крутыихъ,
Изъ за лѣсовъ—то лѣсовъ дремучихъ,
Не краснѣ солнушко выкаталося,
Выкаталися войска Рускія,
5. Войска Рускія—козаки Украинскіе;
Командиروهъ былъ армеюшки Князь Михайло.
Ужь и взговорилъ Князь Михайло своимъ добрымъ вои-
нанъ:
«Охъ вы братцы мнѣ родные, солдатушки бодрые!
«Не робѣйте вы—ступайте на злыхъ—чѣрныхъ Молда-
ванъ,
10. «Вы рубите—не падите злыхъ—безбожныхъ Татаръ!»
Какъ ни бились, ни рубились, не смогли ихъ одолѣть:
А самъ—то Князь Михайло во полонъ къ нимъ попалъ.
Какъ ни мучили, ни били, души его не выняли:
И умеръ Князь Михайло на тридцатомъ на году.

* *

Король-Королевичъ *)

III.

1.

(Орловск. губ. и узда).

Поѣхалъ Королевичъ на воёваньяца.

Не доѣхалъ Королевичъ до воёваньяца,
Становился Королевичъ на гореваньяцѣ,
Ложился Королевичъ спать на гореваньяцѣ

5. Во бѣломъ шатрѣ.

Привидился Королевичу одинъ дивенъ сонъ:
«Изъ правой моей рученьки ясенъ соколъ вылеталъ,
«Изъ лѣвой моей рученьки сѣрая утица.»

Поѣхалъ Королевичъ къ старой бабѣ ворожить:

10. «Скажи, скажи, бабусенька, мнѣ правду-истинну:

«Вечёръ я Королевичъ ложился спать
«На крутой на горѣ, во бѣломъ шатрѣ;
«Изъ правой моей ручки ясенъ соколъ вылеталъ,
«Изъ лѣвой моей ручки сѣрая утица?»

15. —Скажу тебѣ, Королевичъ, правду-истинну:

—Вечёръ твой Марусенька сына родила,
—По утру ранешенько сама померла.

*) Слѣдующія Безымянныя пѣсни, тѣсно связанныя съ предыдущими о Князѣ Михайлѣ, помѣщены при нихъ для сравненія; см. ниже „Замѣтку.“—О.

—Косищеты окошечки всё въ траворѣ висятъ,
—Генералы твои всё въ тровурѣ стоятъ.—

20. Воротился Королевичъ съ воеваньца.

*

2.

Повѣхалъ же Королевичъ на гуляньце,
Оставляетъ свою жену на гореваньце.

Вѣхалъ же Королевичъ на круту гору,
Раскинулъ же Королевичъ свой бѣлый шатеръ,
5. Ложился спать Королевичъ подъ бѣлымъ шатромъ;
Не хороша-тъ сонъ Королевичу привидѣлся:
Со праваго со плечика соколъ солетѣлъ,
Со лѣваго со плечика сѣрая уточка.
На встрѣчу же Королевичу старушка идѣтъ:
10. «Постой, постой, старушенька, я спрошу тебя,
«Разсуди мой сонъ:
«Со праваго со плечика соколъ солетѣлъ,
«Со лѣваго со плечика сѣрая утица?»
—Будто твоя Королева сына родила,
15. —Сама померла.—

Подъѣзжаетъ Королевичъ къ широку двору:
Стеколчатые окошечки повывставлены,
Генералы-фельдмаршалы въ трубы трубятъ,
Всѣ нянюшки и мамушки въ троурѣ стоятъ,
20. Его жена Королева во гробу лежитъ.

*

3.

Сбирается Королевичъ на воеваньце,
Оставляетъ жену свою на гореваньце.

- Поѣхалъ Королевичъ во чисто поле,
 Раскинулъ Королевичъ свой тонкой-бѣлый шатеръ,
 5. Пустилъ своего добраго коня въ зелены луга,
 Ложился спать Королевичъ подъ бѣлымъ шатромъ.
 Привидѣлся Королюшки дивнѣхонекъ сонъ:
 Изъ подъ праваго рукава соколъ вылеталъ,
 Изъ подъ лѣваго сѣра утушка.
10. Испугался Королюшка, вставалъ скоро отъ сна,
 Съѣдалъ онъ скоро, Королюшка, своего добраго коня,
 Поѣхалъ же Королевичъ въ зелены луга.
 На встрѣчу тутъ ему старушка идетъ:
 «Старушничка, баушничка *), рассуди мой сонъ?»
15. —Королюшка молоденькой, расскажи мнѣ сонъ.—
 «Изъ подъ правой руки соколъ вылеталъ,
 «Изъ подъ лѣвой руки сѣра утица?»
 —Королюшничка молоденькой, расскажу твой сонъ:
 —Твоя жена, Королева, сына родила,
20. —Ко бѣлой ко зореньки сама померла.—
 Испугался Короленька, поѣхалъ домой.

- Подъѣзжаетъ Короленька ко широкому двору:
 Генералы-фельдмаршалы всѣ въ черномъ стоять,
 «Одна моя Королева вся въ бѣломъ лежитъ.»
25. Сплеснулся Короленька бѣлыми руками,
 Залился же Короленька горячими слезами:
 «Бывало, Королева встрѣчала меня,
 «А нынче Марусничка не встрѣтила!»

*

4.

(Москва)

Какъ поѣхалъ Королевичъ на воеваньице,
 Оставилъ свою Королеву на гореваньице.

*) Бабушничка.—О.

- Становился Королевичъ при пути большой,
 При пути большой становился, при крутой горѣ;
5. Пустилъ своего коня въ зеленѣ луга,
 Ложился спать въ бѣломѣ шатрѣ,
 Въ бѣломѣ шатрѣ, на крутой горѣ.
 Привидѣлся Королевичу чуденъ-ивенъ сонъ:
 Изъ подѣ правой его ручки соколникъ вылеталъ,
 Изъ подѣ лѣвой изъ подѣ бѣлой лебедь бѣлый.
10. «Поѣду я, Королевичъ, къ старой бабѣ въ домъ!—
 «Скажи, скажи, Марусенька *), всю правду мнѣ;
 «Вечеръ я спать въ бѣломѣ шатрѣ,
 «Въ бѣломѣ шатрѣ, на крутой горѣ:
15. «Привидѣлся мнѣ чуденъ-ивенъ сонъ.»
 —Вечеръ твой Королева сына родила,
 —По утру ранѣхонько сама померла.—
 «Ворочусь ли я, Королевичъ, къ дому своему!»

- Широкія ворѣточки растворены стоять,
 20. Всѣ красныя окошечки подѣ бѣлымѣ полотномѣ,
 Генералы—сенаторы всѣ въ троурѣ стоять,
 «Одна моя Королева въ червоннымѣ лежитъ!»
 Ударился Королевичъ объ дубовый гробъ,
 Зливался Королевичъ горючьимѣ слезамъ:
25. «А свѣтъ моя хорошая Королева!
 «Еслибъ зналъ, еслибъ вѣдалъ, не вѣдалъ бы я!
 «Пуцай моя Королева при мнѣ бѣ родила,
 «Пуцай моя хорошая при мнѣ бѣ померла!
 «Подломилась Королевнѣ **) рѣзвы ноженки еѣ,
30. «Опустилися Королевнѣ бѣлы рученьки еѣ,
 «Закрылися Королевнѣ ясныя очи еѣ!»

*

*) Ошибка вмѣсто „бабусенька.“—О.

**) Вѣроятно „Королевнѣ.“ королевичу: рѣчь объ его смерти.—О.

5.

Отъѣзжаетъ Королевичъ на разгуляище,
Покидаетъ Марусеньку на гореванище.

- Пустилъ своего добраго коня во зеленые луга,
Ложился спать въ бѣломъ шатръ,
5. Въ бѣломъ шатръ, на крутой горѣ.
Привидѣлся Королевичу явнотунѣкъ сонъ:
Изъ подъ ручки изъ подъ правой соколъ вылеталъ,
Изъ подъ лѣвой изъ подъ ручки сѣрая утица.
Сказали вѣсть Королевичу—и радость, и печаль:
10. —Твоя жена Марусенька сына родила,
—По утрицу ранѣшенько сама померла.—

- Воротился Королевичъ къ дому своему:
Широкіе воротички растворены стоятъ,
Косячетыя омошечки повыставлены,
15. Генералы-полковнички въ черномъ убраны:
—Твоя жена Марусенька въ цвѣтномъ убрана.—
Ударился Королевичъ объ дубовый столъ:
«Ахъ свѣтъ моя Марусенька, опустѣлъ домокъ!
«Очи еѣ прекрасныя не уарѣли меня,
20. «Ножки еѣ рзавѣшуньки не встрѣтили меня,
«Ручки еѣ бѣлѣшуньки не обняли меня,
«Уста еѣ сахарныя не промолвили!»

*

6.

Сбирался Королюшка на воеваньцо,
Береть съ собой силы множество.

Выходилъ-выступалъ въ поле чистое,
Разкидывалъ-разметывалъ бѣль-танкѣй шатеръ,

5. Ложился же Королюшка во шатрики спать.
 Нехорошъ-та Королюшки сонъ привидѣлся:
 Во снѣ изъ праваго рукавчика соколъ вылеталъ,
 Изъ лѣвой изъ полочки сѣра утычка.
 На встрѣчу же Королюшки старушка идетъ:
10. «Старушинька, бабушинька, разсуди-ка мой сонъ?»
 —Королюшка, военной сытъ, рассказывай.—
 «Изъ праваго у меня рукавчика соколъ вылеталъ,
 «Изъ лѣвой изъ полочки сѣра утычка.»
 —Жена ль твоя хозяйюшка сына родила,
15. —Въ третій день, Королюшка, сама померла;
 —Воротись-ка ты, Королюшка, возвратно назадъ!—

Домой подъѣзжаетъ жа Королюшка къ широкому двору:
 У воротъ-та притворщички печальны стоятъ,
 Всѣ окошачки распечатаны.

*

7.

(Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда, с. Языково).

Собирается Королѹшка на гуляньице,
 Оставляетъ свою хозяйюшку на гореваньице:
 «Прости, моя хозяйюшка, до свиданьяца!»

- «Самъ я пошелъ, Королюшка, во чисто поле гулять,
 5. «Пустилъ я, Королюшка, своего добра коня въ зеленые луга.»
 А самъ пошелъ Королюшка на круту гору,
 На крутенькой на горочкѣ раскинулъ шатерьъ,
 Подъ шатрикомъ Королюшка самъ легъ почивать;
 Онъ спать—не спать, Королюшка, больше такъ лежить.
10. Привидѣлся Королюшкѣ дивнѣшенекъ сонъ:
 Со правой со рученьки соколъ вылеталъ,
 Со лѣвой со бѣлой сѣрая утица.
 «И туто-то я, Королюшка, задумался,

- «Садился я, Королюшка, на добра коня,
 15. «Повзхалъ я, Королюшка, во Питеръ городокъ.»
 Во Питеръ во городъ старушка живетъ:
 «Старушенька, бабушенька, разгадай мой сонъ?»
 —Ты еси, Пруцкѣй Король, рассказывай свой сонъ.—
 «Со правой со ручушки соколъ вылеталъ,
 20. «Со лѣвой со бѣлой съра утица.»
 —Въ твоємъ дому, Королюшка, есть радость и печаль:
 —Твоя жена Королевна сына родила,
 —Во третій день Королевна сама померла.—

- Пѣхотны солдаты разставлены,
 25. Генералы-половнички у гроба стоятъ,
 «Моя жена во гробъ лежитъ,
 «Сынчикъ мой любезный на бѣлой груди!»

*

8.

(Саратовск. губ.)

- Король молодой собирался,
 Королюшка во нну землю.
 Покинулъ Королюшекъ
 Молодую жену,
 5. Какъ горькую кукушечку
 Въ темнымъ лѣсу,
 Какъ горькую полынушку
 Въ чистомъ полѣ.

- Подъзхалъ Королюшка
 10. Къ крутой горѣ,
 Пристигла же здѣсь Королюшку
 Здѣсь темная ночь;
 Раскинулъ же Королюшка

- Бѣль-тонкой шатерь,
 15. Ложился Королюшка
 Визъ бѣлымъ лицемъ.
 Привидѣлся Королюшкѣ
 Чудень-страшенъ сонъ:
 Изъ правой его рученьки
 20. Ясенъ соколъ вылеталъ,
 Изъ лѣваго изъ бѣлаго
 Сѣра утушка.
 «Знать, моя хозяйюшка
 «Сынка родила
 25. «И сама померла!
 «Знать, мнѣ Королюшкѣ
 «Воротиться назадъ!»

- Подъѣхалъ Королюшка
 Къ широкому двору:
 30. Широки воротички
 Растворенны,
 Косящеты окошечки
 Всѣ повскрытыя;
 Коней шестерочка
 35. Заложенная,
 Всѣ кучера и фореиторы
 Приневеселые;
 Стѣнны дѣвушки
 Всѣ наряженыя,
 40. Во черныхъ во платьицахъ,
 Во печальныхъ.
 «Знать, моя хозяйюшка
 «Впереди лежитъ
 «Подъ черной тѣтой!»
 45. Взшелъ Королюшка
 Въ нову гореньку,
 Восплакнулся Королюшка
 Горючими слезами.

А дѣвушки-служанушки

50. Разговариваютъ:

«Не плачь, не плачь, Королюшка,

«Не воротить ея назадъ!»»

(Ср. „Бытъ Р. нар.“ Терещенки, ч. II).

*

9.

(Тамъ же).

Поѣхалъ нашъ Королевичъ на воеваньице,
Оставилъ свою Марьяшечку на гореваньице.

Не доѣхалъ Королевичъ до воеваньица,
Становился Королевичъ среди пути,

5. Среди путь-дороженьки, близъ крутой горы;
Какъ самъ пошелъ Королевичъ на круту гору,
Пустилъ свою добра коня въ зеленые луга,
Раскинулъ же Королевичъ свой бѣлый шатерь,
Ложился спать Королевичъ подъ бѣлымъ шатромъ.

10. Увидѣлъ же Королевичъ явный сонъ во снѣ:
Изъ подъ правой пѣлушки соколъ вылеталъ,
Изъ подъ лѣвой пѣлушки сѣрая утица;
Вылетывалъ соколушка—онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
15. —Въ твоємъ дому, Королевичъ, несчастье случилось!—
Какъ тутъ же нашъ Королевичъ призадумался:
«Пойду, пойду къ старушечкѣ, къ своей ворожеѣ!»

Пошелъ же нашъ Королевичъ путемъ-дорогой,
На встрѣчу Королевичу старушка идетъ;

20. Какъ сталъ же онъ старушечку выпрашивать:
«Старушенька, бабушенька, разсуди мой сонъ,
«Скажи, скажи, старушенька, всеё правду мнѣ!»»

—Королюшка, мой батюшка, какой же твой сонъ?—

«Изъ подъ правой полушки соколъ вылеталъ,

25. «Изъ подъ лѣвой полушки сѣрая утица;

«Вылеталъ соколушка—онъ высвистывалъ,

«Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:

«—Въ твоёмъ дому, Королевичъ, несчастье случилось!—»

—Королюшка, мой батюшка, не хорощъ твой сонъ:

30. —Твоя жена Марьяшечка сына родила,

—Ко бѣлой зарѣ ранеховько сама померла.—

Поѣхалъ же Королевичъ къ дому своему:

Въ саду его всѣ пташечки приунывъ сидятъ,

Слуги его вѣрные всѣ въ черномъ траурѣ,

35. Жена его Марьяшечка вся въ златѣ убрана,

Вся въ златѣ убрана и въ гробъ положена.

«Ахъ свѣтъ моя Марьяшечка, не встрѣтила меня,

«За бѣлыя за рученьки не приняла меня,

«За убраны за столики не посадила,

40. «Сахарными конфетами не потчивала *)!»

(Ср. „Лѣтоп. Р. литер. и др.“ Т. IV, запис. гг. Мордוצевой и Костомаровы).

* *

*) Такая же точно пѣсня поется со вставкою вмѣсто „Королевичъ,“ „Королюшка,“—„Козачелька:“ ср. тамъ же, „Лѣтоп. Р. лит. и др.“ Н. Костомарова въ „Современникъ“ за 1856 г. № 10 и въ „Пам. стар. Р. литер.“ вып. I; см. также слѣдующій за симъ IV-й отдѣлъ пѣсенъ.—О.

Козаченька

IV.

1.

Военный казаченько
Во службу пошелъ.
Сходилъ казаченько
На широкій на дворъ,
5. Осѣдывалъ-обратывалъ *)
Своего добраго коня,
Поѣхалъ же во чисто поле.

Пускалъ своего коня
Во зелены луга,
10. Самъ взомелъ
На высокъ бугоръ,
Раскидывалъ-развертывалъ
Бѣль-тонкой шатеръ,
Ложился спать
15. Во бѣломъ шатрѣ.
Дивнѣхонекъ ему
Сонъ привидѣлся:
Со праваго со плечика
Соколъ солеталъ,
20. А изъ лѣваго рукавчика
Съра уточка.
Пошелъ путь-дорожкой,

*) Отъ обротать, обуздать.— Q.

На встрѣчу казаченькѣ

Старушка идетъ,

25. Онъ бантъ *) ее:

«Старушенька, страпушенька,

«Разсудлива!»

«Разсуди ты мой сонъ.»

—Военный сынъ, казачишка,

30. —Разскажи свой сонъ.—

«Старушенька, страпушенька,

«Разскажу свой сонъ:

«Со права со плечка

«Соколы солеталъ,

35. «Со лѣваго рукавчика

«Съра утунка.»

—Военный казачишка!

—Несчастье во домъ:

—Въ третій день жена твоя

40. —Сына родила,

—Черезъ часъ сама померла.—

Пошелъ казачишка

Во домикъ назадъ.

Подходить ко своему

45. Широкому двору:

Широкія воротника

Растворенныя стоятъ,

Окошечки повывставлены;

Всходитъ казаченька

50. На высокъ крылецъ:

На встрѣчу ему

Жену-хозяйку

Хоронить несуть.

«Прости-прощай.»

55. «Жена моя Марусенька!»

*

*) Уговариваетъ. О.

(Русь Юго-западная).

Пойхавъ козакъ на полюванья *),
Зоставивъ жону свою на горюванья.

Пустывъ коныченька на попасанья,
А самъ прилигъ къ сырий земли на спочиванья.

5. Приснывся козакови дивнесенький сонъ:

Зъ-пидь рученьки вылынувь **) ясененький соколь,
Зъ-пидь другою билон сира утинка.

Пойхавъ козаченько до вороженьки:

«Вороженько, голубонько, одгадай мий сонъ.

10. «Шчо вынувь ***) зъ-пидь рученьки ясененький соколь,

«Зъ-пидь другою билон сира утинка.»

— Бижи, бижи, козаченьку, и не сточчи ****),

— А вже твой мыльничкой не застаючи:

— Учора изъ вечера *****) сына привела,

15. — Сама молоденька до гробу лягла.—

Призжае козаченько къ новымъ воротамъ, —

Ажь выводитъ-выбигае найменьшая свистъ *****)

И выносыть козакови недобрую вистъ:

— Чоломъ, чоломъ *****)), пане зятю, чужый та не нашъ!

20. — А уже твоею мыльничкой на свити не машъ *****)):

— А учора изъ вечера сына привела,

— Сама молоденька до гробу лягла.—

*) Полеванье — воеванье. — О.

**) Выскользнулъ, выпорхнулъ. О.

***) Вылынувь? — О.

****) Не мѣшкай. — О.

*****) Изъ вечера, зъ вечера? — О.

*****) Невѣстка. — О.

*****) Здравствуй, кланяюсь. — О.

*****) Не имѣешь, вѣтъ ея. — О.

Призжае козаченько на новенький двирь:

Ударил по мыленький у голосный дзвирь *);

25. Увиходить козаченько у нову свитлицю:

Лежить его мыленькая на усю скамницю;

Няньки-мамки молоденьки за столомъ сидятъ,

Дытя его коханое **) на ручкахъ держать.

«Ножки мои походящи, чомъ ***) не ходыте?»

30. «Ручки мои роботящи, чомъ не робыте?»

«Уста мои сахарныи, чомъ не мовыте?»

«Очьки мои чорненькыи, чомъ не глянете?»

— Не той же, козаченько, теперъ свить наставъ,

— Шчобъ умершый еще зъ навы ****) вставъ;

35. — А не тая, козаче, теперъ година,

— Шчобъ умершая еще говорила!—

(Ср. «Пам. стар. Р. литер.», вып. I, и «Лѣтоп. Р. литер. и др.», Т. IV).

*
* *

* Громкій, церковный звонъ.— О.
 ** Любимое.— О.
 *** За тѣмъ?— О.
 **** Изъ мертвыхъ.— О.

КНЯЗЬ РОМАНЪ.

I.

1.

(Архангельской губ.).

- Жилъ-былъ Князь Романъ Митріевичъ,
Съ женой спалъ и ей прищавилось *) ночью,
Что у ней перстень спалъ съ правой руки,
Съ правова перстечка съ мезѣночка,
5. И разсыпался на мелкія зѣрnochка.
«Дажь **) мы знать по всѣмъ землямъ,
«[По всѣмъ землямъ] по всѣмъ ордамъ,
«Чтобы твой сонъ разсудили,
«Чтобы твой сонъ рассказали ***)?»
10. —Я свой сонъ сама разсужу,
—Я свой сонъ сама разскажу:
—Прибѣгутъ ко мнѣ изъ за моря
—Три червленыехъ три корабля ****),
—Увезутъ меня, Марью, за сине море,
15. —За сине море за Соленое,
—Къ тому Мануилу сынъ-Ягайлову.—
Онъ не слушалъ тѣхъ рѣчей,
Онъ ушелъ скорѣй въ тихи-шелки заводи,

*) Представилось.—О.

**) Дадимъ?—О.

***) По всему видно, что это слова Романа. О.

****) Скорѣе, по силу пѣсни всей, „корабля.“—О.

Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
20. Маленькихъ чернатыхъ сѣрыхъ утокъ.

Она сѣла къ окошечку косивчиту *)
И глядитъ: бѣжать изъ за моря,
Изъ за моря изъ за снѣга,
Три черныхъ три корабля,
25. Приворачиваютъ къ нимъ въ гавань корабельную.

И видитъ Марья—Увезутъ меня
—За сини моря за Соленыя!—
Она заширала окошечко ковшивчето **),
Пошла по палатѣ бѣлокаменной,
30. Изъ бѣлыхъ палатъ на новы сѣни,
Съ новыхъ сѣней на красно крыльцо,
Съ краснаго крылечка на дубовый мостъ ***),
Съ дубоваго моста на тропиночку,
По тропиночкѣ Марья въ чисто поле:

35. И засѣла подъ яблонь кудреватую.

И прибѣгали три кораблика три черныхъ
Прямо въ гавань корабельную,
Подбирали парусы полотняны,
И метали якоря булатны,
40. И вышущали шеенки ****) шелковыя,
И спуцали на воду шлюпку легкую,
И сѣдлись въ шлюпочку, прѣѣхали
Прямо въ гавань корабельную.
И шли въ палаты бѣлокаменны,
45. И искали Марью: не могуть найти.
Одинъ былъ воръ, поваренный дѣтинушка,
Не искомъ ищеть—слѣдочки выправливаетъ,
Выправливаетъ да вырѣзываетъ:
По тропиночкѣ Марьи слѣдочки выправливаетъ,

*) Косивчету.—О.

***) Ошибка вмѣсто: „ковшивчето, косивчето.“—О.

****) Помость, мостовую.—О.

*****) Отъ шейма: якорные канаты.—О.

50. Дѣтинушка поваренный вырѣзываетъ:
 И нашелъ ее подь яблонью кудреватую.
 ««Ты ли есть Марья Юрьевна?»»
 —Я не Марья Юрьевна,
 —Я Марьяна служаночка.—
55. ««Скажи, ты ли есть Марья Юрьевна?»»
 —Я есть Марья Юрьевна, Лебядь Бѣлая.—
 Онъ и бралъ ее за ручки бѣлыя
 И за тѣ ли перстни злеченыя.
 И увозилъ на червленомъ на кораблѣ
60. За сине море за Соленое.

- И пришелъ дѣтинушка поваренный
 Къ Мануилу сыну Ягайлову.
 Онъ встрѣчаетъ его съ честью съ радостью,
 Онъ бралъ Марью за руки за бѣлыя,
 65. За тѣ ли перстни злеченыя,
 Онъ хочетъ цаловать ее въ сахарны уста;
 Говорить ему Марья Юрьевна:
 —У насъ до трехъ годовъ не цалуются,
 —[Не цалуются,] не обнимаются.—
70. И ушелъ Мануйло Ягайловичъ
 На тихи-мелки заводи,
 Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
 Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ утѣчекъ;
 Пойдучи матери наказывалъ:
75. «Дай ей нянюшекъ-служаночекъ,
 «Ежели она закручинится.»

- Она сидѣла у окошечка косивчата,
 Глядѣла въ околенку стекольчату;
 Вотъ мать его идетъ—спрашиваетъ:
80. ««Чего ты сидишь у окошечка у кошивчата,
 ««Чего плачешь-уливаешься?»»
 —Сегодня у меня, на Руси, Великъ праздникъ,
 —Великъ праздникъ—Свѣтло Христово Воскресеніе,

- Гуляють жены христіанскія *),
85. —Купеческія, министерскія, крестьянскія,
—И послѣднія жены солдатскія,
—И голы кабацкія:
—А я сижу у окошечка,
—Проливаю свои слезы горючія!—
90. Мать дала ей няничекъ—служаночекъ
[Няничекъ—служаночекъ] въ сады гулять,
И дала напитковъ всякихъ разныхъ,
И дала козла любимова Моналинова **).
Она напоила нянекъ до пьяна,
95. Что няньки лежатъ сами бѣзъ себя:
Вотъ она взяла козла—зарѣзала,
Пришла Марья на гору высокую,
Скидала свое платье цвѣтное,
Надѣвала на лѣсиночку.
100. И пошла съ горы,
Ей на встрѣчу быстра рѣка:
И быстра рѣка идетъ,
Что громъ грешить.
И взмолилась Марья быстрой рѣкѣ:
105. —Ой же ты, мать Дарья рѣка!
—Сдѣлайся по женскимъ перебродищамъ ***)
—Станьте переходы узкіе, переброды мелкіе,
—Пропустите меня, Марью Юрьевну!—
И рѣка Марью послушалась:
110. Сдѣлалась по женскимъ перебродищамъ,
Перебрела она черезъ быстру рѣку,
Пошла она впередъ попадать ****):
И пришла ей больше того рѣка,
Она видитъ, что перейти нельзя;
115. Смотрить—плаваесть на другой сторонѣ

* Крестыянскія, хотя ниже онѣ и поминаются особо.—О.

** Мануилинова, мужняго; ср. „Замѣтку.“—О.

***) Перебродищемъ по женскому, намъ бы можно было перебродити женскимъ.—О.

****) Начала идти дальше.—О.

- [Плаваеъ] колода бѣлодубова;
 И взмолился Марья той колодѣ бѣлодубовой:
 —Ой же ты, колода бѣлодубова!
 —Перевези меня черезъ быстру рѣку:
 120. —А выйду на Святую Русь,—
 —Вырѣжу тебя на мелки кресты,
 —[На мелки кресты] на чудны образы,
 —И вызолочу червоннымъ—краснымъ золотомъ.—
 И колода ее послушалась:
 125. Перевезла ее черезъ быстру рѣку.

- И пришла Марья Юрьевна
 Къ Роману Митріевичу,
 Сама взговоритъ таковы рѣчи:
 —Ой еси ты, Романъ Князь Митріевичь!
 130. —Вывеземъ мы колоду бѣлодубову
 —На Святую Русь:
 —Вырѣжемъ на мелки кресты
 —И на чудны образы,
 —И вызолотимъ червоннымъ—краснымъ золотомъ.—
 135. И вывезли ту колоду бѣлодубову
 На святую Русь,
 И вырѣзали на мелки кресты
 И на чудны образы,
 И вызолотили червоннымъ—краснымъ золотомъ,
 140. И разослали по церквамъ.

(Запис. г. Максимовымъ, ср. Сборникъ П. И. Якушкина, Отеч. Зап.
 1860, Апрель).

*

2.

(Калгалаиша; на Бломъ морѣ).

Романъ Князь Митріевичъ младъ,
 Поѣзжалъ онъ въ чисто поле,

- Сбирать дани за тѣ годы за старые;
И унимаетъ его Княгиня Марья Юрьевна:
5. «Душенька, Романъ Князь сударь Митриѣвичъ!
«Ни *) уѣдь ты въ далеко-чисто поле,
«Сбирать тѣ дани, сударь, пошлнны;
«Какъ почесь мнѣ, Марьѣ Юрьевнѣ,
«Мало спалось, много видѣлось,
10. «Много видѣлось, во снѣ грезилось:
«Будто спалъ у меня, у Марьюшки, злаченъ перстень
«Съ меньшова перста, съ низѣночка,
«И разсыпался на мелкія зѣрнотка **) , на мушенки;
«Тутъ изъ далѣча-далѣча, изъ чиста поля
15. «Прилетѣло стадо черныхъ вороновъ,
«Расклевали мой, Марьюшкинъ, злаченъ перстень.
«Кто бы могъ мой сонъ теперь рѣсудить?»
Говоритъ Князь Романъ сударь Митриѣвичъ:
—Ты не плачь, Княгиня Марья Юрьевна,
20. —Юрьевна ты, Лебедь Бѣлая!
—Я какъ съѣзжу въ далеко-чисто поле,
—Такъ сыщу тамъ много знахарей,
—Что могутъ тебѣ рѣсудить твой сонъ.—
Говоритъ Княгиня Марья Юрьевна:
25. «Ты душенька, Романъ Князь сударь Митревичъ!
«Не надо мнѣ твоихъ много знахарей ***),
«Я могу этотъ сонъ сама весь рѣсудить:
«Какъ ты уѣдешь въ далече-чисто поле,
«Такъ изъ той земли изъ бусурманскія
30. «Наѣдутъ многи поганы Татарове,
«На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ,
«Увезутъ меня, Княгиню Марью Юрьевну.»
Ничего Князь Романъ не побароваль ****)
И уѣзжалъ въ далече-чисто поле.

*) Не?—О.

**) Зерночки?—О.

***) Знахарей?—О.

****) Не поспотнвился, не поспорилъ; не обратилъ вниманія, не видалъ. О.

35. Въ ту пору въ то время
 Приѣзжали поганы Татарове
 На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ.
 Тутъ Княгиня въ побѣгъ пошла:
 Выходила изъ висока-нова терема
40. На новыя сѣни,
 Съ новыхъ сѣней на широкій дворъ,
 Съ широка двора въ зеленый садъ,
 Тамъ призынула *) яблонь кудреватую,
 И садилась подъ яблонь кудреватую.
45. А тѣ поганы Татарове
 Выѣзжали на крутой-красенъ бережокъ,
 Приходили въ высокъ теремъ:
 Тутъ ходитъ Марына протомойница,
 Они тутъ взяли плеточки шелковыя,
50. Стали тутъ бить Марыну протомойницу:
 «Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
 «Ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»
 И говорила имъ Марына протомойница:
 —Я есть не Княгиня Марья Юрьевна,
55. —Я есть Марына протомойница.—
 Они стали тутъ бить Марыну клюшницу:
 «Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
 «Ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»
 И говорила имъ Марына клюшница:
60. —Я есть не Княгиня Марья Юрьевна,
 —Я есть Марына клюшница.—
 И стали они Марью отыскивать:
 Выходили они изъ висока-нова терема
 На новы сѣни,
65. Со новыхъ сѣней на широкій дворъ,
 Съ широка двора во зеленый садъ,
 Призынули тутъ яблонь кудреватую,

*) Приводила.—О.

И нашли Княгиню Марью Юрьевну.

Стали Марьюшку допрашивать:

70. «Скажи: ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»

«Нѣтъ, я не Княгиня есть Марья Юрьевна,

«Я есть Марьяна постельница.»

Туть они брали плѣточки шелковыя,

Стали ее бить не жалѣючись

75. И стали ее снова допрашивать:

«Скажи, скажи, не утай—скажи:

«Ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»

Туть она и сказалась имъ:

«Я есть Княгиня Марья Юрьевна.»

80. Взяли они Княгиню за бѣлы руки

И веди на пристань корабельную.

И привезили *) къ Батышу на червленѣ корабль;

Береть ее Батыша за бѣлы руки

И цалуеть Княгиню въ сахарны уста;

85. Говорить Княгиня Марья Юрьевна:

«Ой же ты, Батышъ царь Батуревичъ!

«Не цалуй ты меня въ сахарны уста,

«Не скверни устовъ моихъ сахарныхъ:

«Когда привезешь въ землю бусурманскую...»

(1-го августа 1856 г. записано тѣмъ же. Дальше пѣвецъ не зналъ, а сослался на второй вариантъ. Ср. Отеч. Зап.).

* *

*) „Привозила“ или „привела?“—О.

КНЯЗЬ РОМАНЪ: ЖЕНУ ТЕРЯЛЪ.

II.

1 11.

(Москва).

Ужь какъ Князь Романъ тутъ жену терялъ **),
Онъ терялъ-терялъ и тѣло терзаль,
Онъ терзаль-терзаль, во рѣку бросаль,
Во тоё ль рѣку во Смородинку.
5. Что летѣла туто птица грозная,
Птица грозная, владѣ-сизой орѣль:
Онъ схватилъ туто что праву руку
Въ золотыхъ перстняхъ, въ золотыхъ перстняхъ.

*) Начало этой пѣсни такъ записано М. П. Лисицынымъ въ Волховѣ, Орловской губ.:

Во чистомъ полѣ подѣ ивкою,
Подѣ ивкою, подѣ ракеткою,
Князь Романъ тутъ жену терялъ **),
Пускалъ руду ***) во сыру землю,
Металъ тѣло по чисту полю.
Летѣлъ-пролетѣлъ туто яснѣй соколъ,
Онъ взялъ-поднялъ праву руку,
Праву руку съ золотымъ перстнемъ...—О.

***) Губиль.—О.

***) Кровь.—О.

Что пошла Марья дочь Романовна

10. Къ своему къ отцу къ родимому:
 «Ты родимый мой, родной батюшка!
 «Да и гдѣ же, гдѣ жь моя родна матушка?»
 —Что твоя матушка во высокомъ терему,
 —Она бѣлится и румянится,
 15. —Она въ гости снаряжается
 —Ко своему къ отцу, къ твоему дѣдушки.—
 Какъ пошла Марья дочь Романова
 Во высокъ терѣмъ,
 Она смотрѣть-глядѣть свою матушку:
 20. Ужь и нѣтъ, и нѣтъ ея матушки.

Какъ пошла Марья дочь Романовна

- Ко своему къ отцу къ родимому:
 «Ты родимый мой, родной батюшка!
 «Да ужь гдѣ жь моя родна матушка?»
 25. —Твоя матушка поѣхала къ батюшки,
 —Къ своему отцу, къ твоему дѣдушки.—
 Какъ пошла Марья дочь Романовна
 На [царатно] крыльцо смотрѣть-глядѣть матушку:
 Ужь и нѣтъ ея матушки.

30. Что летить-летить птица грозная,
 Птица грозная, младъ-сизой орѣлъ:
 Во когтяхъ держитъ онъ праву руку,
 Что праву руку въ золотыхъ перстняхъ.
 Увидѣла Марья дочь Романовна,
 35. Закричала она грохкимъ голосомъ:
 «Ой же ты, птица грозная,
 «Птица грозная, младъ-сизой орѣлъ!
 «И ты гдѣ же взялъ ты праву руку,
 «Ты правую руку въ золотыхъ перстняхъ?»
 40. ««Ой же ты, Марья дочь Романовна!
 ««Ужь какъ Князь Романъ тутъ жену терялъ,
 ««Онъ терялъ терялъ и тѣло терялъ.
 ««Онъ терялъ-терялъ, во рѣку бросаъ,
 ««Во тоѣ ль во рѣку во Смородинку.»»

45. Залилася Марья горячьми слезми,
И пошла дочь Романовна
Къ своему къ отцу къ родимому:
«Ты родимый мой, родной батюшка,
«Потерялъ—погубилъ мою матушку!»
50. — Ты не плачь, Марья дочь Романовна:
— Я сострою тебѣ новъ-высокъ терѣмъ,
— Я складу тебѣ печь муравленую,
— Я солью тебѣ золотъ перстень,
— Я сошью тебѣ кунью шубу;
55. — Приведу я къ тебѣ молодую мать,
— Молодую мать, злую мачиху.—
«Ты сгори, сгори, новъ-высокъ терѣмъ,
«Провалися ты, печь муравленая,
«Растопися, мой золотъ перстень,
60. «Ты соглѣй, моя шуба куньяя,
«Ты умри, моя молодая мать,
«Молодая мать, злая мачиха,
«И ты встань—проснись, родная матушка!»

(Отъ 70-лѣтней старухи мѣщанин).

*

2.

(Тульск. губ., Черискаго уѣзда).

Какъ Князь Романъ—онъ жену терялъ,
Онъ жену терялъ, онъ тѣло терзаль,
Во Смородину бросаль, во калинникъ.

Какъ встревожится и всплачется
5. Любезная дочка Аннушка:
«Родимый мой батюшка!
«Куда дѣваль мою матушку?»

- Твоя матушка во чистомъ полѣ,
 —Во чистомъ полѣ цвѣточки рветь,
 10. —Цвѣточки рветь, вѣночки вьетъ.—
 Вскидалася—взбросалася любезная дочка Аннушка:
 «Родимый же мой батюшка!
 «Куда дѣваль мою матушку?»
 —Твоя матушка во чистомъ полѣ,
 15. —Во чистомъ полѣ цвѣточки рветь,
 —Цвѣточки рветь, вѣночки вьетъ.—
 Вскидалася—взбросалася любезная дочка Аннушка:
 «Родимой же мой батюшка!
 «Куда дѣваль мою матушку?»
 20. «Цвѣточки растутъ нерватые,
 «Вѣночки лежатъ невитые!»
 —Твоя матушка во высокомъ теремѣ,
 —Бѣлится—румянится, въ цвѣтно платье одѣвается.—
 Вскидается—взбрасается любезная Аннушка:
 25. «Родимый же мой батюшка!
 «Куда дѣваль мою матушку?»
 «Бѣлилы стоятъ небѣленые,
 «Румяны стоятъ нерумянные!»

- Какъ летить тутъ орель—птица,
 30. Онъ несетъ въ когтяхъ праву руку,
 Онъ кричитъ звонкимъ голосомъ:
 ««Какъ Князь Романъ—онъ жену терялъ,
 ««Онъ жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
 ««Во Смородину бросалъ, во калинникъ.»»
 35. Какъ вскидается любезная дочка Аннушка:
 «Родимый же мой батюшка!
 «Куда дѣваль мою матушку?»
 —Не плачь, не тужи, дочка Аннушка:
 —Сострою тебѣ высокой теремъ,
 40. —Складу тебѣ хрущатую *) печь,

* Хрящеватую.—Подозрительно, не сбито ли это вмѣсто „сошью платье—хрущатую какку?“—О.

- Солью тебѣ золотую цѣпь,
 —Приведу тебѣ молодую мать.—
 «Сгори, сгори, мой высокой теремъ,
 «Упади, упади, хрущатая печь,
 45. «Растопись, растопись, золотая цѣпь,
 «Ты умри, умри, молодая мать,
 «А ты встань—проснись, моя матушка!»

*

3.

Жилъ Князь Романъ: жену терялъ,
 Терялъ—терзалъ, во Двину бросалъ.

У него дочка была Марьюшка,
 Она слезно заплакала:

5. «Ты сударь, ты мой батюшка!
 «Ты куда дѣвалъ мою матушку?»
 —Ты не плачь—ка, дочка Марьюшка:
 —Я куплю тебѣ золотъ перстень,
 —Золотъ перстень со алмазами.—
 10. «Мнѣ не надо золота перстня,
 «Золота перстня со алмазами:
 «Ты куда дѣвалъ мою матушку?»
 —Твоя мать въ новой горницѣ,
 —Она бѣлится и румянится,
 15. —Во цвѣтно платье наряживатся.—

- Пошла дочь въ нову горницу:
 Въ новой горницѣ нѣту матушки,
 Бѣльнички стоятъ на окошечкѣ,
 Румянички стоятъ на столикѣ,
 20. Цвѣтно платье въ золотой казнѣ.
 «Ты сударь, ты мой батюшка!
 «Въ новой горницѣ нѣту матушки:
 «Ты куды дѣвалъ мою матушку?»

—Ты не плачи, дочь Марьюшка:

25. —Я куплю тебѣ село крестьянъ.—

«Мнѣ не надо села крестьянъ:

«Ты куды дѣвалъ мою матушку?»

—Твоя мать въ зеленомъ саду,

—Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.—

30. Пошла дочь во зеленый садъ:

Въ зеленомъ саду нѣту матушки,

Всѣ цвѣточки на стебелечкаль.

Э, пошла дочь къ своему батюшкѣ:

«Э, ты, сударь, ты мой батюшко!

35. «Ты куды дѣвалъ мою матушку?

«Въ зеленомъ саду нѣту матушки.»

—Ты не плачи, дочи Марьюшка:

—Твоя мати во темнымъ лѣсу,

—Подъ зеленой сосною, гдѣ волки сидятъ,

40. —Гдѣ волки сидятъ, гдѣ львы ревутъ.—

Пошла дочь во темный лѣсъ:

На встрѣчу ей волки сѣрые,

Волки сѣрые несутъ руку бѣлую,

Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ:

45. «Вы постоитъ же, волки сѣрые!

«Ужь вы гдѣ взяли руку бѣлую,

«Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ?»

««Быль Князь Романъ: жену терялъ,

««Терялъ-терзалъ, во Двину бросалъ.»»

50. «Вы подайте жь руку бѣлую,

«Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ!»

Пришла дочка съ своему батюшкѣ:

«Ты сударь, ты мой батюшка!

«Въ темнымъ лѣсу [подъ зеленой сосною],

55. «Подъ зеленой сосною нѣту матушки.»

—Охъ ты, дочка моя Марьюшка!

—Твоя мать во выстрой рѣкѣ,

—Во матушкѣ во Двинѣ рѣкѣ!—

*

Какъ князь Романъ жену терялъ,
Терялъ—терзалъ, въ рѣку бросалъ,
Во ту рѣку во Смородину.

- Приѣхалъ къ своему широку двору,
5. Встрѣчаетъ его дочь любимая,
Принимаетъ [изъ кареты] за бѣлы руки,
Стала у батюшки выпрашивать:
«Государь мой, родной батюшко!
«Куда ты дѣвалъ мою матушку?»
10. — Не плачь, не плачь, дочь любезная:
— Пошла твоя матушка во высокъ теремъ,
— Бѣлитися и румянитися,
— Во цвѣтное платье наряжати.—

- Пошла Княжна во высокъ теремъ,
15. Искать своей матушки родимыя:
Бѣлилки *) стоять не бѣлены,
Румянечки и не тронуты,
Цвѣтно **) платье на грядочкѣ.
Идетъ Княжна—какъ рѣка льется:
20. «Государь ты мой, родной батюшко!
«Куда дѣвалъ мою матушку?»
— Не плачь, не плачь, дочь любимая:
— Поѣхала матушка въ чисто поле **),
— Цвѣточки рвать, вѣночки вить.—

25. Выходила Княжна на крылечушко,
Закричала своимъ громкимъ голосомъ:

*) Разборъ пѣсенника Чулковскаго: „бѣлилки.“—О.

**) Чулк. „цвѣтно.“—О.

***) Чулк. „поѣхала твоя матушка въ чисто поле.“—О.

- «Ахъ вы слуги мои, слуги вѣрныя!
 «Запрягайте скорѣ колясочку,
 «Повезите меня къ матушкѣ родимой,
 30. «Ахъ далече-далече, во чисто *) поле,
 «Цвѣточки рвать, вѣночки вить.»
 Приѣхала далече во чисто поле:
 Цвѣточки стоятъ не сорваны,
 А вѣночки и не свиваны,
 35. «Ахъ нѣтъ моей матушки родимыя!»
 Какъ билася Княжна объ сыру землю,
 Она плакала громкимъ голосомъ.
 Надъ ней леталъ младъ орелъ-птица,
 Орелъ-птица, птица царская,
 40. Спускался къ ней на бѣлы руки,
 Въ когтяхъ держалъ руку бѣлую,
 Со перстнями со алмазными;
 Что возговоритъ **) орелъ-птица:
 ««Не плачь ***), молода Княжна,
 45. ««Не ищи ты своей родной матери:
 ««Какъ Князь Романъ жену терялъ,
 ««Терялъ-терзалъ, во рѣку бросалъ,
 ««Во ту рѣку во Смородину.
 ««Вотъ твоей матушки права рука
 50. ««Со перстнями со алмазными!»»

Приѣхала Княжна къ широкому ****) двору,
 Восходила она во высокъ теремъ,
 Она била руки о дубовой столъ.
 Услышалъ ея *****) батюшка родимой,
 55. Бѣжить къ Княжнѣ во высокъ теремъ:
 —Ты о чемъ плачешь, дочь любимая?—
 «Государь ты мой, родной батюшко!

*) Чулк. „въ чистомъ“—О.

***) Чулк. „возговоритъ“—О.

****) Чулк.: „не плачь, плачь.“—О.

*****) Должно быть: „къ широку.“—Чулк. „къ широку.“—О.

*****) Чулк. „еѣ.“—О.

- «За что погубить мою матушку?»
 —Ахъ, свѣтъ моя дочь любезная!
 60. — Не я терялъ, не мои руки:
 — Потеряло ея *) слово противное,
 — Приведу я тебѣ матушку любезную.—
 Что возговорить молода Княжна:
 «Не желаю матушки любезныя,
 65. «Желала бь свою матушку родимую!»

(Ср. Новиковскій пѣсненикъ, ч. II, 1780 г., № 128, стр. 143—145; то же въ Чулковскомъ, откуда приведены разнорѣчія, 1770, ч. II, № 128, стр. 177—179).

*

5.

(Кирша Давыловъ).

- А Князь Романъ жену терялъ,
 Жену терялъ—онъ тѣлю терзаль,
 Тѣлю терзаль—во рѣку бросалъ,
 Во ту ли рѣку во Смородину.
 5. Слетались птицы разныя,
 Сбѣгались звѣри дубравныя **):
 Откуль взялся младъ—сизой орель,
 Унесъ онъ рученьку бѣлую,
 А праву руку съ золотымъ перстнемъ.
 10. Схватилася молода Княжна,
 Молода Княжна Анна Романовна:
 «Ты гой еси, сударь мой батюшка,
 «А Князь Романъ Васильевичь!
 «Ты гдѣ дѣвалъ мою матушку?»
 15. Отвѣтъ держитъ ей Князь Романъ,

* Погубило ее. Чулк. „ее.“—О.

**) Вѣроятно: „дубравныя.“—О.

А Князь Романъ Васильевичъ:

—Ты гой еси, молода Княжна,

—Молода душа Анна Романовна!

—Ушла твоя матушка мыться,

20. —А мыться и бѣлиться,

—А въ цвѣтно платьѣ наряжатся.—

Кидалась молода Княжна,

Молода душа Анна Романовна:

«Вы гой еси, мои нянюшки-мамушки,

25. «А сѣнныя красны дѣвушки!

«Пойдемъ-то *) со мной на высокіе теремы,

«Смотрѣть мою сударыню матушку,

«Каково она моется-бѣлится,

«А въ цвѣтно платьѣ наряжаются.»

30. Пошла она, молода Княжна,

Со своими няньки-мамками:

Ходила она по всѣмъ высокимъ теремамъ,

Не могла-то найти своей матушки.

Опять приступила къ батюшкѣ:

35. «Ты гой еси, сударь мой батюшка,

«А Князь Романъ Васильевичъ!

«А гдѣ ты дѣвалъ мою матушку?

«Не могли мы сыскать въ высокіяхъ теремахъ.»

Проговорить ей Князь Романъ,

40. А Князь Романъ Васильевичъ:

—А и гой еси ты, молода Княжна,

—Молода душа Анна Романовна

—Со своими няньками-мамками,

—Со сѣнными красными дѣвицами!

45. —Ушла твоя матушка родимая,

—Ушла гулять во зеленой садъ,

—Во вишеньѣ, въ орѣшеньѣ.—

Пошла вѣдь твоя молода Княжна

*) „Пойдемъ-ко?—О.“

- Со няньками-мамками во зеленой садъ:
 50. Весь повигуляли, никого не нашли въ зеленомъ саду *)
 Лишь только въ зеленомъ саду увидѣли,
 Увидѣли новую диковинку:
 Ниотколь взялся младъ-сизой орель,
 Въ когтяхъ несетъ руку бѣлую,
 55. А и бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ;
 Уронилъ онъ, орель, бѣлу руку,
 Бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
 Во тотъ ли зеленой садъ;
 А втапоры нянюшки-мамушки,
 60. Подхватили они рученьку бѣлую,
 Подавали они молодой Княжнѣ,
 Молодой душѣ Аннѣ Романовнѣ;
 А втапоры Анна Романовна,
 Увидѣла она бѣлу руку,
 65. Опознавала она хорошъ-золотъ перстень
 Ея родимыя матушки;
 Ударилась о сыру землю,
 Какъ бѣлая лебедушка скрикнула,
 Закричала тутъ молода Княжна:
 70. «А и гой еси вы, нянюшки-мамушки,
 «А сѣнныя красныя дѣвушки!
 «Бѣгите вы скоро на быстру рѣку,
 «На быстру рѣку Смородину:
 «А что тамо птицы слетаются,
 75. «Дубравныя звѣри сбѣгаются?»
 Бросалися нянюшки-мамушки,
 А сѣнныя красныя дѣвушки:
 По край рѣки Смородины
 Дубравныя звѣри кости дѣлятъ,
 80. Сороки-вороны кишки тащатъ.

*) Стихи должны быть:

Зеленой садъ весь повигуляли,
 Никого не нашли въ зеленомъ саду.—0.

А ходить тутъ въ зеленомъ саду
 Молода душа Анна Романовна,
 А носить она руку бѣлую,
 А бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ;

85. А только вѣдь нянюшки,
 Нашли они пусту голову,
 Сбирали они съ пустою головой
 А всѣ тутъ кости и ребрушки:
 Хоронили они и пусту голову
90. Со тѣми костями, со ребрушки,
 И ту бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ.

*

6.

(Саратовск. губ.).

Князь Демьянъ *) жену терялъ:

- Отрубилъ у нея руку правую,
 Руку правую съ золотымъ кольцомъ,
 Кидалъ—бросалъ во Неву рѣку,
 5. Во Неву вѣку самородную **).
- Гдѣ ни взялся младъ-сизой орелъ,
 Унесъ—укралъ руку правую,
 Руку правую съ золотымъ кольцомъ.

Хватилася молода Княжна:

10. «А папонька! Гдѣ же мамонька?»
 —Твоя мамонька въ новой горницѣ,
 —Въ новой горницѣ убирается,
 —Во цвѣтно платьице наряжается.—
- Пошла Княжна въ нову горницу:
 15. Цвѣтно платье [въ шкапу] висить.

*) Испорчено вмѣсто „Романъ.“—О.

***) Ошибка вмѣсто „Смередицу.“—О.

Пошла Княжна—заплакала:
 «Папоська, нѣту мамоськи!»
 — Не плачь, не плачь, молода Княжна:
 — Твоя мамоська въ Божьей церкви,
 20. — Въ Божьей церкви Богу молится.—
 Пошла Княжна въ Божью церковь:
 Божья церковь пустымъ пуста.

Пошла Княжна—заплакала:
 «А папоська, нѣту мамоськи!»
 25. — Не плачь, не плачь, молода Княжна:
 — Твоя мамоська во чистомъ полѣ,
 — Во чистомъ полѣ *)—гулять пошла.—
 «Заложите мнѣ легки дрожечки,
 «Поѣду я во чисто поле,
 30. «Погляжу—посмотрю свою мамоську!»
 Гдѣ ни взялся младъ—сизой орелъ,
 Подаетъ Княжнѣ руку правую,
 Руку правую съ золотымъ кольцомъ.

«А папоська, все обманывает!»
 35. — Не плачь, не плачь, молода Княжна:
 — Я сострою тебѣ новъ—высокъ теремъ,
 — Я со красными со оконцами,
 — Со хрустальными со стекольцами;
 — Я возьму тебѣ молодую мать.—
 40. «Возстань, возстань, моя мамоська!»

(Ср. „Лѣтоп. Р. литер. и др.“ Т. IV, запис. гг. Костомаровыхъ и Мордочевой).

* * *

*) Во чисто поле?—О.

Донской Козакъ).

Ш.

1.

Охъ ты матушка, раздвѣкая стень Саратовска,
Далекохонько протянулася,
Далѣ города и Саратова!

- У ключа было у гремичаго
5. Донской Козакъ коня поилъ,
Гдѣ коня поилъ, тутъ жену терилъ.
Жена мужу возмолилася,
Ниже пояса поклонилася:
«Мужь мой, батюшко, Донской Козакъ!»
10. «Не теряй меня рано съ вечера,
«Потеряй меня во глуху полночь,
«Какъ добры люди спать полагутся,
«Наши дѣтушки угомонятся.»

- Большая дочка Аннушка,
15. Дочка Аннушка догадалася:
«Ты родимый нашъ батюшка!
«Гдѣ родимая наша матушка?»»
—Ваша матушка въ свѣтлой свѣтлицѣ,
—Она бѣлится и чистится,

* Слѣдующія пѣсни, сами по себѣ Былевыя Безъимянныя, присоединены сюда по ближайшему родству: ср. „Замѣтну.“—О.

20. — Во цвѣтно платьѣ наряжается,
 — Ко заутрени собирается.—
 «Охъ ты батюшко, ты насъ обманываешь:
 «Отъ чего же ты невеселъ ходишь,
 «Невеселъ ходишь и нерадошень?»»
25. — Чѣму же мнѣ веселитися
 — И на что глядя радоватися?
 — Ваша матушка распутная:
 — Пошла гулять съ полюбовникомъ.—

*

2.

(Новгородъ).

- У колодезя у глубокаго
 Не Донской Козакъ коня поилъ,
 Не коня поилъ *) онъ жену губилъ.
 Что жена мужу возмолилася,
 5. Во скорыи ноги поклонилася:
 «Ахъ ты мужъ ты, мужъ мой, Донской Козакъ!
 «Не губи меня съ вечера рано,
 «Погуби меня со полуночи:
 «Всѣ добрыи люди спать уляжутся,
 10. «Малы дѣтушки поразбѣсятся,
 «Поутру пробѣдутся, матушки схватятся **).»
- ««Родный батюшко, гдѣ наша матушка?»»
 — Ваша матушка
 — Во высококомъ-новомъ теремѣ,
 15. — Она бѣлится и румянится,

*) Отрицательный оборотъ: на самомъ дѣлѣ «Донской Козакъ» и «коня поилъ».—О.

**) Пѣсня постепенно забываетъ, что это слова жены и беретъ ихъ уже какъ разговоръ, послѣ коего выводятся дѣти.—О.

—Въ цвѣтно платьице надѣвается.—

«Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!

«Посмотрите вы, гдѣ наша матушка?»»

«Вашей матушки нѣтъ въ новомъ теремѣ.»

20. «Родный батюшко, куда дѣвалъ матушку?»»

—Ваша матушка во темномъ лѣсу,

—Во темномъ лѣсу, во сырѣмъ борѣ,

—Во сырѣмъ борѣ берётъ ягоды.—

«Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!

25. «Вы сходите—посмотрите, гдѣ наша матушка?»»

«Вашей матушки нѣту въ темномъ лѣсу.»

«Родный батюшко, куда дѣвалъ матушку?»»

—Ваша матушка во сырѣй землѣ,

—Во сырѣй землѣ, въ гробовѣй доскѣ,

30. —Въ гробовѣй доскѣ, въ золотѣй парчѣ.—

(Записано 10 Сент. 1834 г., отъ крестьянки Обѣды).

*

3.

(Москва).

У столба-столба новоточенаго,
У колодезя у студенаго,
Молодая-тъ Казакъ онъ коня поилъ,
Не коня-то поилъ, онъ жену губилъ.

5. Какъ жена-то возмоллася,
Во рѣзвыя ноги поклонилася:
«Не губи же ты меня, мужь, со вечера:

«Погуби со полуночи,
«Когда дѣтушки спать улягутся.»

40. Просыпалися малы дѣтушки.
Взыскались своей матушки:
««Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!
««Ужь и гдѣ же наша матушка?»»
—Ваша матушка въ новой горницѣ,
45. —Въ новой горницѣ Богу мѡлится.—
««Ужь и тамъ-то нѣту нашей матушки!»»
—Ваша матушка въ высокѡмъ терему:
—Она бѣлится-румянится.—
««Ужь и нѣтъ тамъ нашей матушки!»»
20. —Ваша матушка въ зеленѡмъ саду,
—Рветъ алы вишенья.—
««Ужь и тамъ нѣтъ нашей матушки!»»
—Пошла ваша матушка на Дунай-рѣку,
—Съ ведрами по воду.—
25. Какъ пошли-то наши дѣтушки на Дунай-рѣку:
Изъ за горь-горь высокиихъ
Вылеталъ-то младъ-сизѡй орелъ,
Во когтяхъ-то несетъ правую рученьку.
Воскричали-то малыя дѣтушки:
30. ««Охъ вы нянюшки, наши мамушки!
««Ужь какъ несѣтъ-то орѣлъ рученьку,
««Несетъ рученьку нашей матушки
««И со перстнемъ обрученнымъ!
««Ужь и Богъ же суди нашему батюшкѣ,
35. ««Что оставилъ насъ безъ родимой матушки!»»

(Отъ мѣщанъ Рогожской части).

(Саратовск. губ.).

- На степи-то степи на Саратовской,
 На другой-то степи на Камышинской,
 У лѣсика было у дремучаго,
 У ключа-то было у текучаго,
 5. У колодезя у студенаго,
 Младъ Донской Казакъ коня помлг.
 Коня чорнаго, возбочѣнаго *).
 Не коня-то онъ помлг, онъ жену журилг,
 Онъ жену журилг, погубить хотѣлг.
 10. Какъ жена-то мужу возмолилася,
 Во рѣзвы ноженки поклонилася:
 «Ужь ты мужь мой, младъ Донской Казакъ!
 «Не губи ты меня рано съ вечера:
 «Погуби ты меня со полуночи,
 15. «Когда дѣтушки спать полягутся,
 «Шабры **) ближніе припокоются.»

- Просыпались малы дѣтушки.
 Хватилися они родной матушки:
 «Ты скажи, скажи, родной батюшка,
 20. «Гдѣ дѣвалася наша матушка?»»
 —Ваша матушка въ новой горницѣ,
 —Она бѣлится и руминится,
 —Во цвѣтно платьѣ наряжается.
 —Въ Божью церковь собирается.—
 25. Пошли дѣтушки во Божью церковь:
 А и встѣхъ людей они видѣли,
 Ихней матушки тамъ нѣтъ какъ нѣтъ.

*) Крутубокаго.—

**) Сосѣди. О.

- «Охъ ты батюшка, ты родимой нашъ!
 «Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»»
30. —Ваша матушка во сыромъ бору,
 —Во сыромъ бору беретъ ягоды.—
 Какъ пошли малы дѣтушки во сырой боръ:
 А и вѣсѣхъ людей они видѣли,
 Берутъ ягоды, берутъ красныя,
35. Ихней матушки все нѣтъ какъ нѣтъ.

- Какъ расплакались малы дѣтушки,
 Какъ ударились объ сыру землю,
 Завопили громкимъ голосомъ:
 «Не обманывай насъ, родной батюшка:
40. «Наша матушка во темномъ лѣсу,
 «Во темномъ лѣсу подъ колодою,
 «Подъ колодою подъ дубовою.
 «Ужъ и Богъ тебѣ судья, родной батюшка:
 «Ты убилъ—убилъ нашу матушку!»»
45. —Вы не плачьте, малые дѣтушки:
 —Я сострою вамъ нову горницу,
 —Я складу вамъ муравлену печь,
 —Я собью вамъ дубовую дверь,
 —Я собью *) вамъ золотую цѣпь,
50. —Я возьму вамъ молодую мать.—
 «Загорись, загорись, нова горница,
 «Развались, развались, муравлена печь,
 «Расколись, расколись, дубовая дверь,
 «Растопись, растопись, золотая цѣпь,
55. «Ты умри, умри, злая мачиха,
 «Ты возстань, возстань, родна матушка!»»

Ср. «Лѣтоп. Р. литер. и др.» т. IV, записанное гг. Костомаровымъ и Мордовцевой).

*

*) Солью.—О.

5.

Охъ ты матушка, степь Саратовска,
 Широка-долга протянулася,
 Дальше города Саратова,
 До того ключа до гремячаго,
 5. До колодезя до студенаго!

У того ключа у гремячаго,
 Тутъ Донской Козакъ коня поилъ,
 Поилъ коня—выглаживалъ
 И самъ коню наказывалъ:
 10. «Ужь ты стой-постой, мой добрый конь,
 «И до той поры, до бѣлой зари,
 «Какъ красная дѣвка за водой пойдетъ.»

У того у ключа у гремячаго,
 Тутъ Донской Козакъ жену губилъ:
 15. Какъ жена-то мужу возмоллася,
 Въ рѣзвы ноженьки поклонилася.

*

6.

Охъ ты матушка, степь Саратовска,
 Далеко ты, степь, протянулася,
 Далѣ города—далѣ Питера,
 Далѣ матушки каменной Москвы!
 5. Ничего въ степи не уродилося:
 Уродилася тутъ часть-ракитовъ кустъ,
 Изъ подъ куста тутъ колодець бьетъ.

У ключа, у ключа у гремячаго,

- У колодезя у студеного,
 10. Добрый Молодец тутъ коня поилъ,
 Онъ поилъ коня, самъ выглаживалъ,
 Онъ выглаживалъ, выхорашивалъ *):
 «Охъ ты стой-постой, мой добрый конь!»

- Во кусту, во кусту во ракивовомъ,
 15. Тутъ Донской Козакъ жену терялъ.
 Что жена мужу возмоллася,
 Во рѣзвы ноги поклонилася:
 «Охъ ты гой еси, мужь, Донской Козакъ!
 «Не теряй меня поздно вечеромъ:
 20. «Охъ ты дай уснуть дочкѣ Аннушкѣ!»

- Дочка Аннушка догадалася,
 На шеюшку она кидалася:
 ««Охъ ты гой еси, родной батюшка!
 ««Нетеряй-ка ты родиму матушку:
 25. ««Возкують тебя во желъзушки,
 ««Отдадутъ тебя во солдатушки!»»

*

7.

Далекохонько степь протянулася,
 Далѣ города—далѣ Питеру,
 Далѣ матушки каменной Москвы.

- У ключа-то было у гремучаго.
 5. У колодезя было у студеного,
 Добрый молодецъ коня поилъ;
 Онъ бьетъ по крутымъ бедрамъ:

*) Долженъ быть еще стихъ:

Выхорашивалъ, выговаривалъ.—О.

«Охъ ты конь мой, конь,

«Ты добра лошадь!

10. «Что же ты, конь, спотыкаешься,

«За ковыль—траву запинаешься?»

—То-то я, конь, спотыкаюсь:

—Какъ со вечера мужъ жену терялъ,

—Какъ жена мужу возмоллася,

15. —Ниже пояса поклонилася:

—«Охъ ты мужъ мой, Донской Козакъ!

—«Не теряй меня, мужъ, со вечера,

—«Геряй меня, мужъ, близъ полуночи:

—«Чтобы дѣти наши приуспули,

20. —«А чужи люди не слыхали бы!»

—Потерялъ мужъ жену близъ полуночи *).—

Поутру малы дѣти догадалися,

Пришли малыя дѣти къ своему батюшкѣ:

««Ты сударь ты, нашъ батюшко!

25. ««Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»»

—Охъ вы дѣти мои малыя, глушыя!

—Ваша матушка въ зеленомъ саду гуляетъ.—

««Ты сударь ты, нашъ батюшко!

««Все неправда ваша:

30. ««Наша матушка во гробу лежитъ,

««Во сырой землѣ **)»»

*

8.

(Тульской губ., Чернского уѣзда).

Изъ-подъ бережку изъ-подъ крутова.

Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго

*) Стихъ этотъ изъ... лица дѣйствующаго переходитъ въ рассказъ о событїи также, какъ... — О.

**) Стихи во многомъ сокращены: какъ слѣдуетъ ихъ дополнить, указаны примѣры выше. О.

- Течеть рѣчка быстрая.
 Во той рѣчкѣ дѣвка мылася,
 5. Во цвѣтно платьѣ одѣвалася,
 Она бѣлилася и румянилася,
 Набѣлѣвши она, на румянивши, на гору взошла,
 Диво видѣла—дивовалася:
 Какъ Донской Козакъ коня поилъ,
 10. Онъ коня поилъ, съ дѣвкой рѣчи говорилъ,
 Съ дѣвкой рѣчи говорилъ, какъ жену погубить:
 «Не губи жену рано съ вечера,
 «Погуби жену ко полуночи:
 «Малы дѣтушки спать полягутся.»
 15. Малы дѣтушки расплачутся:
 ««Государь батюшка, гдѣ наша матушка?»»
 —Ваша матушка на Дунай пошла—утопилася).—

* *

* Здѣсь, какъ и въ предыдущихъ образцахъ, непрерывно рассказъ переходитъ въ рѣчь дѣствующихъ лицъ и обратно.—О.

Добрый Молодецъ.

IV.

1.

На степи-степи на Саратовской,
У ключа была у гремячаго,
Добрый Молодецъ тутъ коня поилъ,
Поилъ—кормилъ, выглаживалъ,

5. Выглаживалъ, охорашивалъ:

«Охъ ты батюшка, конь, добра лошады!

«Увези ты меня отъ побѣдушки *):

«Отъ худой жены—отъ любовницы!»

Охъ не коня поилъ,

10. Тутъ поилъ мужъ—жену терялъ **).

Жена мужу возмолилася,

Во рѣзвы ноги ему поклонилася:

«Не губи ты меня, мужъ, на дикой степи:

«Потеряй ты меня на большой дороженьки,

15. «Близъ кустика ракитова,

«Подъ мостикомъ подъ калиновымъ!»

Подъѣзжаетъ мужъ ко широкому двору,

Встрѣчаютъ его малы дѣтушки,

Малы дѣтушки, голубятушки:

20. «Государь ты нашъ, родной батюшка!

*) Отъ бѣды.—О.

**) Сообразно ближайшимъ стихамъ, здѣсь должно быть: „губилъ.“—О.

- «Ты куда дѣваль нашу матушку?»
 —Охъ вы мои малые дѣти!
 —Ваша матушка ушла во чисто поле,
 —Во чисто поле, въ боръ по ягоды.—
25. Побѣжали же малы дѣтушки,
 Искать свою матушку:
 «Государь ты нашъ, родной батюшка!
 «Не нашли мы свою матушку!»»
 —Подите-ка вы во чисто поле:
30. —Ваша матушка лежитъ подь кустикомъ,
 —Подь мостикомъ подь калиновымъ.—
 Побѣжали малые дѣти:
 Нашли они свою мать убитую.

*

2.

- Изъ подь камушка-камня бѣлова,
 Протекала тутъ рѣка быстрая,
 Какъ по той ли по рѣченьки
 Плыла легка лодочка, 2.
5. За той ли за лодочкой
 Плылъ тамъ корабличекъ,
 Въ томъ ли корабличкѣ
 Душа красна дѣвица.
 Она мылася и бѣлилася, 2.
10. И бѣлилася, и румянилася, 2.
 Нарумянившись на гору взошла. 2.
- Какъ увидѣла она Добраго Молодца 2.
 У колодезя у студеного:
 Онъ стоялъ тутъ в коня помѣлъ, 2.
15. Не коня помѣлъ—онъ жену терялъ *)

*) Должно быть: „губиль.“—О.

Какъ жена мужу возмоллася: 2.

« Не губи ты меня со вечеру, 2.

« Потерай меня ко бѣлу свѣту: 2.

« Ко бѣлу свѣту малыхъ дѣтушекъ

20. « [Малыхъ дѣтушекъ] прибаюкаю.» 2.

(Пѣсенникъ 1803 г.).

*

3.

(Саратовск. губ.).

Полетѣлъ орелъ черезъ сырой боръ,
Во когтяхъ-то держитъ востру саблицу,
Подъ правымъ крыломъ слезну грамотку,
Въ этой грамоткѣ есть написано,

5. [Есть написано,] нарисовано:

« Родной матушкѣ разнизкой поклонъ,

« Родному батюшкѣ на заботище,

« На заботище—на работище,

« Молодой женѣ на загульбище.»

10. Добрый Молодецъ коня поилъ,

Напоевши коня во луга пустилъ,

Во луга пустилъ, за ворота сталъ,

За ворота сталъ, думу думаетъ,

Думу думаетъ, думу крѣпкую:

15. — Ужь и какъ-то мнѣ жену убить?

— Я убью жену не со вечера,

— Я убью жену со полуночи.

— Когда дѣтушки спать полягутся,

— Всѣ народушки приугомонятся.—

(Ср. „Дѣтов. Р. литер. сб.“ т. IV, записанное гг. Костомар. и Мордовц.).

* *

Молодой Маіоръ.

У.

1.

Вы луга мои зелёные, вы колодези ключёвые!
Во колодезяхъ Молодой Маіоръ самъ коня поилъ,
Напоя коня сталъ думу думати,
Думу крѣпкую, съ красною дѣвкой:

5. «Красная дѣвушка, какъ мнѣ быть,
«Какъ мнѣ быть, какъ мнѣ жену сгубить?
«Я со вечера со полуночи
«Малыхъ дѣтушекъ прилюлюкавши,
«Прилюлюкавши, прибаюкавши!»

10. Бóльшая дочь просыпалася,
Рóдной матушки взыскалася:
«Сударь батюшка, гдѣ наша рóдная матушка?»
—Ваша матушка въ зеленóмъ саду,
—Въ зеленóмъ саду, въ новой горенки,
15. —Въ новой горенки, подъ краснымъ окномъ,
—Подъ краснымъ окномъ увивается *),
—Шелковымъ платкомъ утирается.—

(Пѣсня *тѣлѣная*).

*

* Увивается?—О.

(Москва).

У колодца у студеного
Молодой Маіоръ коня поялъ,
Красная дѣвица воду черпала.

- Добрый Молодецъ у воротъ стоитъ,
5. У воротъ стоитъ, думу думаетъ,
Думу думаетъ, какъ жену убить.
А жена-то его уговариваетъ:
«Ты не губи меня, другъ, со вечера,
«Погуби ты меня со полуночи:
10. «И ты дай уснуть малымъ дѣтушкамъ.»

- Какъ заря-то занимается,
Малыя дѣтушки просыпаются:
«Ты родимый—родной батюшка!
«Да и гдѣ же наша родна матушка?»»
15. —Вы не плачьте, малыя дѣтушки:
—Я сострою вамъ новъ-высокъ терѣмъ,
—Я складу вамъ печь муравую,
—Я солью вамъ цѣпь серебряную,
—Приведу я къ вамъ молодую мать,
20. —Молодую мать, злую мачиху.—
«Ты родимый нашъ батюшка!
«Все-то ты говоришь намъ неправдушку!
«Ужь сгори, новъ-высокъ терѣмъ,
«Провалися, печь муравая,
25. «Растопишь ты, цѣпь серебряная,
«Ты умри, наша молодая мать,
«Молодая мать, злая мачиха,
«И ты встань-проснися, наша родимая матушка!
«Ужь мы безъ тебя холодиѣхоньки,
30. «Холдиѣхоньки, холодиѣхоньки!»»

(Отъ мѣщанки, 70-тигѣтней старухи).

* *
*

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКІЙ
и
ВАНЯ КЛЮШНИЧЕКЪ.

I.

1. /стр 4 от 90
- Какъ у Князя было, Князя,
У Князя Волоконскаго,
Собиралася бесѣда,
Бесѣда веселая.
5. Они шли и гуляли,
Прохлаждалися,
Молодыми женами
Князя похвалялися.
Выхвалялся Князь Волконскій,
10. Молодой Княгиню;
««Не хвалися, Князь Волконской,
««Ты своей Княгиней:
««Какъ твоя ли Княгиня
««Живеть съ Ваней Ключничкомъ,
15. ««Живеть—поживаетъ
««Ровно три годочка *)»»
- На четвертый на годочикъ
Князчикъ дождался.
Какъ выпшелъ Волконской Князь

*) Известный изъ предыдущихъ примѣровъ переходъ отъ рѣчи къ событію.—О.

20. На свой на высокъ [балконъ],
 Да кричалъ Волконской Князь
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ужь вы слуги мои, слуги,
 «Слуги мои вѣрные,
 25. «Вы послы мои, послочки,
 «Послы мои скорые!
 «Вы пойдите—приведите
 «Ко мнѣ Ваню Ключничка;
 «Ужь какъ стану я Ваню—
 30. «Ванюшку допрашивать *)):
 «Ты скажи, скажи, Ванюша,
 «Скажи, варваръ мой!
 «Со которой поры-времени
 «Ты живешь съ Княгинею?»
 35. —Ужь я знать тово не знаю,
 —Вѣдать, Князь, не вѣдаю,
 —Со которой поры-времени
 —Живу я съ Княгинею.—
 Закричалъ Волконской Князь
 40. Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ужь вы слуги мои, слуги,
 «Слуги мои вѣрные,
 «Вы послы мои, послочки,
 «Послы мои скорые!
 45. «Вы берите лопатки,
 «Лопатки желѣзныя,
 «Вы берите веревки,
 «Веревки куровыя **)»,
 «Ужь вы ройте-копайте
 50. «Ямочки глубокия,
 «Становите столбики,
 «Столбики точёные,
 «Вы кладите переклады,

*) То же.—О.

**) То же, что „суровыя,“ корявыя, жесткія.—О.

- «Перекладины дубовыя,
 55. «Вяжите петельку,
 «Петельку куровую,
 «Вѣшайте—цѣпляютъ
 «Ванюшку за ножку.»

Какъ возговорить Ванюша

60. Тихимъ голосомъ:
 —Прикажи жь ты мнѣ, Волконской Князь,
 —При смертной кончинѣ
 —Заиграть въ послѣдній разъ
 —Любимую пѣсню:
 65. —«Во саду ли во садочкѣ,
 —«Въ садикъ зеленомъ,
 —«Съ молодой Княгиней
 —«Было тамъ погуляно
 —«И во сахарныя уста
 70. —«Было поцѣловано!»—

Какъ со вечера Ванюшу—

- Ванюшку повѣсили;
 Сы полуночи Ванюша—
 Ванюшка качается:
 75. Молодая же Княгиня
 Въ постели кончается.

*

2.

(Арханг. губ., Шенкурск. уѣзда).

У славнаго Князя у Волконскаго
 Тутъ живетъ да поживаетъ Ваня Ключничёкъ,
 Молодой его Княгини полюбѣвничёкъ.

Ваня годъ живётъ, онъ другой живётъ,—Князь не вѣ-
дасть.

5. На третій годочикъ Князь навѣдался
Черезъ малую дѣвчѣнку, черезъ чѣрную,
Черезъ самую службу послѣднюю.
Видитъ Князь: ведётъ дѣвка Ваню изъ палатушки,
Изъ палатушки, со кровати;
10. Тутъ сзычалъ—скрычалъ Князь громкимъ голосомъ:
«Вы берите, слуги, Ваню Ключника!»
За бѣлы руки взяли Ваню—подхватили,
Повели Ваню ко Князю во палатушки.

Идѣтъ Ваня широкимъ дворомъ,

15. На всѣ стороны Ванюша поклоняется,
На головкѣ жѣлты кудри рассыпаются,
На нёмъ синенькой кафтанчикъ раздуваѣтся,
На нёмъ красенька рубашка словно жаръ горить.
Привели Ванюшу во палатушки,
20. Сталъ тутъ Князь Ванюшу допытывати:
Ваня часъ стоялъ—не спокаялся,
Онъ другой стоялъ—не спокаялся,
На третій часочикъ спокаялся:
—Я живу со твоей Княгиней третій годъ,
25. —Третій годъ живу, каждый часъ хожу.—
Показалось Князю за досадушку:
Онъ ударилъ Ваню по бѣлѣ лицу,—
У Вани съ бѣла лица руда *) пробрызнула,
Изъ ясныхъ очей слѣзы покаталися.
30. Говоритъ Князь Волхонскій слугамъ своимъ:
«Слуги, беритѣ у Вани золоты ключи,
«Беритѣ золоты ключи, отпирайте окованны ларцы,
«Подьтѣ-ко, слуги, на Дунай-рѣку,
«Постройте столбъ на Дунай-рѣкѣ!»

*) Кровь.—О.

35. Построили столбы на Дунай-рѣкѣ,
 Поставили вереюшки дубовыѣ,
 Заложили грядочки таловыѣ *),
 Повѣсили петелки шелковыѣ,
 Повели Ванюшеньку на висѣльницу
40. Идѣтъ Ванюшенька на висѣльницу,
 Ступилъ Ванюшенька на пѣрву ступень,
 Таково слово Ванюша проговоришь:
 —Вы позволѣтѣ, братцы, нову пѣсню спѣтъ
 —Про славнаго про Князя про Волхонскаго:
45. —«Какъ доселѣва я жилъ со Княгинею,
 —«Какъ я жилъ съ ёю, три годочка жилъ!—»»

Въ эту пору ходила молодá Княгиня по новымъ сѣ-
 нямъ:

Она съ горя со кручины упала со новыхъ сѣней
 И сломила себѣ буйну голову:

50. Въ эту пору въ это времячко
 Ванюшу повѣсили на шелковыя петли.
 Тутъ дался Князь Волхонскій во тоску во кручи-
 нушку.

(Записано г. Кузьмищевымъ).

*

3.

У нашего Князя у Волхонскаго
 Солучилося несчастьицо великое,
 Разбранилась красна дѣвица со Ключничкомъ:
 ««Ты собака, вѣрной Ключничекъ!»

*) Гладкія перекладни.—0.

5. «Ты живешь, воръ-собака, не порядками,
 «Ты и дѣлашь дѣла незаконныя,
 «И живешь ты, воръ-собака, со Княгинею:
 «Донесу на тебя самому Князю Волхонскому!»»
 Какъ возговорить красна дѣвица:
10. «Охъ ты гой еси, Волхонской Князь!
 «У тебя ли есть вѣрной Ключничекъ,
 «Онъ живетъ, вѣрной Ключничекъ, не порядочно,
 «И дѣлаеть дѣла-та незаконныя,
 «И живетъ онъ со Княгинею.»»
15. Закидался-заметался нашъ Волхонской Князь:
 «Ужь вы гой еси, слуги вѣрные,
 «Слуги вѣрные и злые палачи!
 «Ведите Ключничка скоро-немедленно!»

Вѣрной Ключничекъ по сѣночкамъ похаживаетъ:

20. Ево личико пермѣняется,
 Миткалинова рубашечка тускнѣть стала;
 Брали палачи за бѣлыя руки,
 За тѣ ли перстни позлачоныя,
 Повели ево въ палату бѣлокаменну
25. Къ тому ли Князю Волхонскому:
 — Не прикажи казнить-вѣшать,
 — Прикажете слово говорить:
 — Поставленную хлѣбъ-соль кто не кушаетъ?
 — Налитую чару и дуракъ пьетъ!—

*

4.

На зарѣ было, на зорьки. на зарѣ утренней,
 Ой утреннею ой выходилъ Князь Волхонской
 Со своею со Княгинею;
 Ваня Ключничекъ

5. Молодой Княгини забавничекъ;
 Выходилъ Князь Волхонской на высокъ [балконъ],
 Закричалъ—завошилъ
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Копайте ямы глубокия,
 10. «Становите столбы точеные,
 «Вѣшайте петельки шелковыя!...»

*

5.

- Долинка—долинушка!
 На этой долинушки
 Стояли палаты,
 У этихъ у палатахъ
 5. Живеть Князь Волхонской;
 У него былъ Ванюша
 Вѣрной Ключничикъ,
 Молодой Княгини
 Полюбовникъ её.
 10. Жилъ Ванюша
 Съ Княгиней три года;
 У четвертомъ году вѣрной Князь
 Довѣдалси
 Черезъ тое черезъ шельму
 15. Черезъ Ванюшину первую любовницу.
 Посылать къ Ванюши
 Свою молодова хлопчика:
 «Ты поди—сходи, молодой хлопчикъ,
 «За Ванюшою,
 20. «Ты скажи Ванюши:
 «Тобе, Ваня, Князь зоветъ,
 «Онъ хочить тебе, Ванюша,
 «Подарить и пожаловать,

«По большимъ чинамъ Ванюшу—
25. «Сёлами-дерёвнями!»

- Надѣвалъ Ванюша зеленъ кафтанъ
На распашачку,
Надѣвалъ сафьянъ сапогъ
На босу ножку,
30. Надѣвалъ красну шапычку
На одно ушечко:
Идетъ Ванюша вдоль по улицы—
Словно маковъ цвѣтъ твѣтеть.
Входитъ Ванюша къ Князю Волхонскому;
35. Сталъ Князь Волхонской
У Вани допрашивать:
«Ты скажи, Ванюша,
«Скажи, злодѣй-варваръ мой:
«Много ли лѣтъ, Ванюша,
40. «Сы Княгиней жиль?»
—Вольно, сударь, Князь Волхонской,
—Людымъ сказать,
—Вольно жа имъ
—Понапраслину!—
45. Взялъ жа Князь Волхонской
Ваню за русы кудри,
Ударилъ объ дубовый полъ:
Прошибъ онъ Ванюши
Буйную голову;
50. Русы кудри по полу валяются,
Миткаливая рубашичка кровью заливается:
Молодая Княгиня слезьми обливается.
Закричалъ Князь Волхонской
Своимъ гордимъ *) голосомъ:
35. «Ужь вы слуги мои, слуги,
«Слуги вѣрнаи мои!
«Вы берите-ка заступы востры,

*) Высокимъ, громкимъ.—О.

- «Вы ройте двѣ ямы глубоки,
 «Становьте два столба дубовые,
 60. «Вы вейте два мотка шалковые,
 «Вы ведите Ванюшу во чисто поле,
 «Вы стравите Ванюшу злыми собаками,
 «Вы повѣсьте Ванюшу на релицы *)!»

- Позвольте, сударь, Князь Волхонской,
 65. —При послѣднемъ концу мнѣ пѣсню спѣть:
 —«Что попито было и поѣдино,
 —«На кроватушкахъ съ Княгиней
 —«Много посышано,
 —«Въ садахъ съ нею много погулено!»—
 70. Повѣсили жь Ванюшу на релицы.

Висить Ванюша—качанца:
 Молодая Княгиня на ножу кончанца.

*

6.

- Воздалече—воздалече, во чистомъ полю,
 Стояли тамъ хоромы высокіе,
 Во тѣхъ ли во хоромахъ жилъ—былъ молодой Князь.
 Сы молодою своею сы Княгинею.
 5. Улюбился у Княгиню Ваня Ключничикъ;
 Онъ и жилъ годъ сы Княгинею, онъ и два живеть:
 Вотъ на третій ли годочикъ Князь довѣдался,
 Посылаетъ онъ хлопца сы новыхъ сѣней:
 «Ты поди—ка ты, хлопецъ, пошли Ключничка,
 10. «Ты скажи же ему, что я жаловаѣ хочу.»

*) Качели, висячія петли.—О.

- Приходилъ же ли хлопецъ сы новыхъ сѣней,
 Говорилъ ли онъ Ванюшѣ громкимъ голосомъ:
 «Ты поди-ка ты, Ключникъ, тебе Князь зоветъ,
 «Вотъ и хочеть тебя ли Князь жаловать,
 15. «Онъ такой тебе казною—все несмѣтною.»»
 Вотъ идетъ же ли Ключникъ—убирается,
 Двумя мылами Ключникъ умывается,
 У сафьянные сапожки обувается,
 Онъ зеленый свой кафтанъ на распахичку,
 20. Соболью онъ шапку на бекрень держать.
 Приходилъ же ли Ключникъ на новы сѣни;
 Вотъ какъ сталь-та ево ли Князь жаловать,
 Онъ во три во кнута во ременные,
 Во четвертую плетку Калмыцкую;
 25. Закричалъ ли вѣдь Князь-та громкимъ голосомъ:
 «Отведите вы его, шельму, на конюшій дворъ!»

- Вотъ идетъ оттыль Ключникъ—утирается,
 Свой зеленый кафтанъ за рукавъ ташить,
 Сафьянные сапожки полны крови,
 30. Онъ соболью онъ шапку подъ мышкой несеть.
 Закричалъ же ли Ключникъ громкимъ голосомъ:
 —Не водите вы меня, братцы, на конюшій дворъ,
 —Вы сведите вы меня, братцы, въ приворотную избу,
 —Ну подайте мнѣ гусельки звончатые,
 35. —Заиграю я пѣсню заунывную:
 —«Што и то-то и пошито, и погуляно,
 —«Сы младою-та Княгинею поѣзжано,
 —«За бѣлы груди Княгинины подержано!»—

*

7.

(Псковск. губ.).

Тутъ жилъ-поживалъ господинъ Волконскій Князь,
 У этого у Князя жилъ Ванюша Ключничикъ.

Ваня годъ живётъ, другой живётъ,
На третій годъ Князь довѣдался:

5. Закричалъ Князь Волконскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Какъ есть ли у меня слуги вѣрные при мнѣ?
«Вы подите—приведите вора Ваньку Ключничка!»

- Какъ ведутъ Ванюшу широкимъ дворомъ,
Какъ у Ванюшки головка вся проломана,
10. Коленкоровая рубашка на немъ изорвана,
Сафьянные сапожки кровью принаполнены.
Закричалъ-та господинъ Волконскій Князь громкимъ
голосомъ:

- «Вы подите-ка,—вы выройте двѣ ямы глубокихъ,
«Вы поставьте-ка два столбика дубовыхъ,
15. «Положите перекладецъ сосновый,
«Повѣсьте двѣ петли шелковыя:
«Пускай Ваня покачается,
«Молодая-то Княгиня попечалится!»

(Записано А. С. Пушкинымъ).

*

8.

- Какъ на горкѣ на гóрушкѣ
Стоитъ новъ-высокъ теремъ, 2.
Какъ во этомъ теремочкѣ
Живетъ онъ Бояринъ-Князь;
5. Не одинъ-то онъ живетъ, Князь-Бояринъ,—
Съ молодой съ Княгинею.
Какъ у этого ли Князя
Жилъ-былъ Ванька Ключничекъ,
Молодой его Княгини вѣрный полюбви́чекъ;
10. Молодая его душа Княгиня

- Полюбила Ванюшку;
 Она его не годъ любила,
 Ой да и не два года;
 Какъ на третій годъ, Князь-Бояринъ,
 15. Онъ только довѣдался,
 Онъ дознался только, догадался
 Черезъ красную дѣвушку.
 Какъ и выходитъ Князь-Бояринъ
 На свое красно крыльцо,
 20. Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
 «Слуги мои вѣрные!
 «Вы подите—ко мнѣ приведите
 «Охъ да ворона коня,
 «Охъ приведите ко мнѣ воронова
 25. «Съ Черкасскими новыми сѣдлами,
 «Да подите—ко мнѣ приведите
 «Ивана Ключничка:
 «Ужъ я его подарю ли
 «Охъ да воронымъ конемъ,
 30. «Воронимъ его конемъ ли
 «Съ Черкасскими сѣдлами!»

- Какъ идетъ-идетъ Ванюша,
 Ваня усмѣхается:
 Молодая его душа Княгиня
 35. Слезьми обливается.
 Какъ и сталъ онъ, Князь-Бояринъ,
 Ванюшку допрашивать:
 «Ты скажи мнѣ, скажи, Ванюша,
 «Съ какихъ поръ съ Княгинею живешь?»
 40. —Я не годъ съ нею, сударь, живу ли,
 —Охъ да не два года.—
 Какъ и вышелъ Князь-Бояринъ
 На свое красно крыльцо,
 Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
 45. «Слуги мои вѣрные!
 «Вы подите, мои слуги,

- «Во кузницу новую,
 «Вы возьмите, мои слуги,
 «Лопатки острые,
 50. «Вы поройте, мои слуги,
 «Двѣ ямы глубокіе,
 «А во ямы—то поставьте
 «Столбики точенныя,
 «На столбахъ на тѣхъ положьте
 55. «Матицу кленовую,
 «На матицу повѣсьте
 «Мотки шолковые,
 «А на этихъ на моткахъ повѣсьте
 «Иванушку Ключничка!»
60. Какъ идетъ—идетъ Ванюша—
 Ваня спотыкается:
 Молодая его Княгиня
 Слезьми обливается;
 Охъ виситъ—виситъ Ванюша—
65. Ванюшка качается.

(Ср. Сборникъ П. И. Ялушкіна, Отеч. Зап. 1860 г., Апрель).

* *

II.

1.

Въ томъ ли во городѣ живетъ Ванька Ключничкомъ,
 • Во того ли живетъ во Князя, во Князя Волхонскаго;
 Онъ не годъ живетъ Ванюша, Ванюшка другой жи-
 веть;
 Да на третій годъ—годочикъ самъ Князь довѣдался

3. Черезъ тую дѣвку—дѣвчонку Аннушку,
 Черезъ такую подлость—самаго послѣдняго *);
 Какъ воскрикнулъ Князь Волхонскій
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ужь вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!»
10. «Вы подите—ка, вы слуги, во чистое поле.
 «Вы ройте, вы копайте, вы, ямы глубокия,
 «Вы становте столбочки дубовые,
 «Вы кладите перекладины—кладите кленовыя,
 «Да вы вѣшайте—дѣпляютъ вы петельку шелковую,
15. «Вы подите—приведите ко мнѣ Ваню Ключничка,
 «Да вы вѣшайте—дѣпляютъ въ петельку шелковую!»

Какъ Ванюшкина головка качается:
 Молода его Княгинья—Княгинья кончается.

* , *

III.

1.

Какъ во славной во Москвѣ было, на Большой на
 Дмитровкѣ,
 Вотъ живеть ли—поживаить, тамъ живеть Волхонскій
 Князь.
 У того ли было вѣдь у Князя—былъ Ванька Ключни-
 чикъ,
 Молодой его жены—Княгини Ваня полубовничикъ.
 5. Онъ и жилъ—былъ со Княгиней—онъ ровно й три года;
 На четвертый ли годочикъ—Князь—то довѣдался,

*) Самую послѣднюю.—О.

Онъ черезъ ту ли дѣвку, дѣвку сѣнную,
Черезъ подлую паскуду, паскуду послѣднюю.

Приходила же та сѣвная дѣвка къ самому Князю,

10. Закричала же та дѣвка своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь ты батюшка, ты Князь нашъ, покровитель мой!
«Ты отслушай отъ меня, дѣвки, усто правду сущую:
«Што живетъ твоя Княгиня со Ванюшей Ключничкомъ.»»

«Ты послушай, ты разшельма, слушай, разканалья!

15. «Если правду ты сказала, буду жаловать тебя,
«Если правды не сказала мнѣ, повѣшаю.»
«Ужь ты батюшка, ты Князь нашъ, ты отецъ ли мой!
«Когда хочешь ты, Князь,—жалуешь, хочешь,—вѣшаешь меня!»»

Закричалъ ли Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:

20. «Вы подите, вы пошлите Ваньку Ключничка мово,
«Вы поставьте его, шельму, супротивъ мово лица!»

Вотъ только и сталъ Князь Волхонскій Ваню допрашивать:

«Ты скажи же мнѣ, Ванюшка, Ванька Ключничикъ,
«Ты скажи же, варваръ-воръ, со которыхъ любишь поръ?»

25. Отвѣчаютъ же Ванюша, Ваня Ключничикъ:
—Што и знать-то я не знаю и вѣдать не вѣдаю!—
Закричалъ тутъ Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:

«Ужь вы люди, мои слуги, слуги вѣрные мои!

«Ужь вы ройте, мои слуги, канавы глубокия,

30. «Вы становите, мои слуги, вы столбы дубовые,
«Перекладивки кладите все ильмовыя,
«Вы идите—приведите Ваньку Ключничка мово,
«Ну повѣсьте вы Ванюшку, Ваньку Ключничка!»

Закричалъ же Ваня Ключничикъ громкимъ голосомъ своимъ:

35. —Прикажите вы Ванюшѣ съ горя пѣсню спѣть:

- «Што ужь то-то и попито, и погуляно,
 —«Ужь со молодою Княгинею поѣзжано,
 —«За бѣлы груди Княгинины подержано,
 —«На пуховыхъ перинахъ со Княгинею полежано!»—

*

2.

Какъ въ Москвѣ-то было въ городѣ,
 На Большой-то было—было на Дмитровкѣ,
 Тамъ живетъ ли—споживаитъ да тамъ Волхонскій Князь.
 Во ево-то живетъ, живетъ Ванька Ключничикъ;

5. Онъ и годъ Ванька живетъ, и другой идетъ,
 Какъ на третій-то годочекъ Князь довѣдомъ сталъ
 Черезъ самую разшельму да послѣднюю:
 Дарить дѣвку, дѣвку, да вотъ дѣвку...
 Выходилъ-ли Князь Волхонскій да Князь на высокъ
 [балконъ],

10. Закричалъ-ли Князь Волхонскій своимъ громкимъ го-
 лосомъ:

«Да вы слуги мои, слуги, да вы слуги вѣрные!
 «Вы подите—приведите ко мнѣ Ваньку Ключничка,
 «Молодой шельмы этой полюбовничка!»

«Ты поди, поди, Ванюша, да ко Князю Волхон-
 скому:

15. ««Какъ тебе, тебе, Ванюша, хочетъ Князь пожаловать
 ««Воронымъ тебе конемъ, золотымъ сѣдломъ!»»
 Приходилъ-то Ванюша да ко Князю Волхонскому,
 Какъ и сталъ-то Князь у Ваньки спрашивать:
 «Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ мой:
 20. «Со которой поры-время, Ваня, въ полюбовъ пришолъ?»
 —Я ни знаю, я ни вѣдаю за собою ничево.—
 Закричалъ-то Князь Волхонскій своимъ громкимъ го-
 лосомъ:

«Ужь вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
 «Вы берите—тка лопаты, лопаты желѣзные,
 25. «Ужь вы ройте—тка—копайте вы ямы глубокия,
 «Становите—тка столбочки, столбочки точонные,
 «Перекладочку кладите вы тонку—дубовую,
 «Ужь вы вѣшайте моточикъ да шелковинькой,
 «Ужь вы вѣшайте Ваньку за бѣлу шею!»

30. —Ты позволъ—ка, Князь Волхонскій, позволъ Ванькѣ
 пѣсню спѣть:
 —«Тутъ было пошито, погуляно,
 —«Не одново ли съ тобой платья было поношено,
 —«Молодую—то Княгиню за груди да подержано!»—

Какъ въ вечеру Ванюшу да Ваню повѣсили,
 35. Со полуночи Ванюша—Ванюшка да кончанца:
 Молодая—то Княгиня слезьми заливанца;
 Какъ у Ванюшки рубашечка кровью наливалася:
 Молодая ли Княгиня въ теремѣ кончалася.

«Если—бъ я зналъ Князь то, вѣдалъ, Ваньку—бъ я не
 вѣшалъ!»

*

3.

Какъ во славномъ было въ Москвѣ—городѣ,
 Какъ по Дмитровской было по улицѣ,
 Стояли палаты бѣлокаменныя,
 Жилъ въ нихъ Князь Волхонскій со Княжною.
 5. У нихъ былъ вѣрный слуга Ваня Ключничекъ,
 Его женѣ, шельмѣ, полюбовничекъ.
 Любилъ ее годъ, и любилъ ее и два,
 Но на третьемъ году Князь довѣдался
 Отъ еѣ ли отъ дѣвки отъ сѣнной.

10. Выходилъ Князь Волхонскій на крыльцы высокія,
Вскрычалъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли у меня такіе слуги вѣрные!
«Пошлите ко мнѣ Ваню Ключничка,
«Княгини шельмы полюбовничка!»

15. «Ты про то ли, Ваня, знаешь ли, вѣдаешь ли,
«Кто моей жены, шельмы, полюбовничекъ?»
—Я про то не знаю и не вѣдаю,
—Кто молодой Княгини, шельмы, полюбовничекъ!—
Выходилъ Князь на крыльцы высокія,

20. Воскрячалъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли у меня такіе мастера!
«Дѣлали-бъ заступы желѣзные,
«Рыли бы ямы глубокія,
«Ставили бы столбы дубовые,

25. «Переклады клали бы кленовые,
«Повѣсили бы Ваню Ключничка!
«Позовите ко мнѣ Ваню Ключничка!»

—Прикажите мнѣ спѣть гѣсеньку:

—«Попито было, погулено,

30. —«Во золотой-то колясочкѣ вмѣстѣ поѣзжано,

—«На пуховыя перины было вмѣстѣ полежано,

—«Во сахарныя уста было поцѣловано,

—«На бѣлой-то рукѣ на еѣ было полежано!»—

Повѣсили Ваню Ключничка.

35. Виситъ Ваня и качается:

А подъ окошечкомъ Княгиня рвется и метается;

Къ вечеру Княгиня переставилась.

Ну а послѣ Князь Волхонскій спокаялся.

*

Не далеча, не далеча, близко каменной Москвы,
 Какъ на славной улицѣ, улицѣ на Дмитровкѣ,
 Здѣсь живеть-поживаетъ, живеть Волхонскій Князь.
 У Волхонскаго у Князя былъ Ваня Ключничекъ,
 5. Молодой моей *) Княгини вѣрный полюбовничекъ.
 Онъ ни годъ живеть, и другой Ваня годъ живеть,
 Какъ на третій годчикъ вѣрно Князь довѣдался,
 Черезъ этаку дѣвчоночку, дѣвку сѣнную;
 Закричалъ же Князь Волхонскій своимъ громкимъ го-
 лосомъ:

10. «Ужь вы слуги, слуги, слуги мои вѣрные!
 «Вы подите—приведите вора Ваню Ключничка,
 «Молодой моей Княгини вѣрнаго любовничка!»

Што ведутъ, ведутъ Ванюшу,—Ваня спотыкается,
 Надъ Ванюшиной головкой надругаются,
 15. Што Ванюшина головка вся проломана,
 Коленкорова рубашка вся на немъ изорвана,
 Што сафьяновы сапожки кровью понаполнились.
 Закричалъ же Князь Волхонскій своимъ громкимъ го-
 лосомъ:

- «Ужь вы слуги, слуги, слуги мои вѣрные!
 20. «Вы подите-ка—возмите лопаты желѣзныя,
 «Вотъ вы ройте—вы копайте двѣ ямы глубокиа,
 «Вы ставьте—постановьте два столба, два дубовые,
 «Ужь вы вейте—повивайте двѣ петли шелковыя,
 «Ужь вѣсьте-ка—повѣсьте вора Ключничка,
 25. «Молодой моей Княгини вѣрнаго любовничка!
 «Вотъ пушай, пушай Ванюша—Ваня покачнется,
 «Молодая-то Княгиня пушай попечалится!»

Вотъ Ванюша-то качается, Княгиня кончается.

*) Замѣченный выше переходъ отъ событія къ рѣчи лица дѣйствующаго.—О.

5.

(Новгородск. губ., Валдайск. уѣзда, деревня Сосница).

Какъ во городѣ было въ каменной Москвѣ,
 Какъ во ѹлочкѣ было во Дмитровской,
 Жилъ тутъ—поживалъ тутъ батюшка Волконскій Князь
 Со своей ли то вѣрною со Княгинею.

5. Жилъ тутъ—поживалъ тутъ Ванюшка Ключничекъ;
 Онъ не годъ живѣ со Княгинею,
 Онъ не годъ живѣ,—ровно два года;
 Какъ на третій на годочикъ Князь—то все довѣдался
 Черезъ сѣнную дѣвчонку, черезъ сѣнную послѣднюю.
10. Какъ вышелъ—то Князь на крыльцѣ на (парадное),
 Онъ вскричалъ—то громкимъ голосомъ:
 «Ахъ вы слуги мои вѣрные!
 «Вы подите—приведите Ваню Ключничка,
 «Вы поскуйте ему скорые ножѣнки,
15. «Вы свяжите назадъ бѣлыя ручушки!»

- Посковали Ванюшкѣ скорыя ножѣнки,
 Какъ связали ему назадъ—то бѣлыя ручушки,
 Какъ ведутъ ли то Ванюшку подъ бѣлы—то руки:
 На Ванюшкѣ коленкорова рубашка вся изорвана,
20. Какъ буйная—то головушка въ трехъ мѣстахъ пролом-
 лена,
 Какъ у Ванюшки скорыя—то ножѣнки поскованы,
 Какъ сафьянные сапожки кровью понаполнены.
 Вотъ стоитъ—ли то Князь на крыльцѣ—то (порѣтомъ),
 Увидѣлъ же то Ванюшка Князя—то Волконскаго:
25. —Ахъ ты батюшка, Князь ты Волконскій!
 —Ты прости меня большой—то виной,
 —Я не буду, я не стану никакихъ я дѣль—то дѣ-
 лать!—
- Какъ вскричалъ Князь Волконскій своимъ громкимъ го-
 лосомъ:
 «Ахъ вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!

30. «Вы подите—вы возьмите заступы желѣзные,
 «Вы роите—тко—копайте двѣ ямы глыбокія,
 «Вы поставьте два столба высокіе,
 «Положите переводы—то дубовые,
 «Вы повѣсьте—тко двѣ петли шелковья,
 35. «Вы сдѣлайте крячья—то золочёные,
 «Три ступени тесовья,
 «Вы покройте—тко ступени черниль сукномъ,
 «Вы ведите—тко Ванюшу на крутой—то крылецъ,
 «На крутой крылецъ на тесовый!»
40. Идетъ ли Ванюшенька—поклоняется,
 Со всемъ добрымъ людямъ прощается:
 —Прости батюшка, прости матушка,
 —Прости ты меня, мать сыра земля!—
 Какъ вошёлъ да то Ванюшко на крутой крылецъ на
 тесовый,
45. Онъ вскричалъ ли тутъ громкимъ голосомъ:
 —Ахъ ты батюшка, Волхонскій Князь!
 —Ты позволъ—ко—ся мнѣ надъ послѣднимъ краюшкомъ
 —Или пѣсенку спѣть, или на рожкѣ сыграть?—
 «Вѣшайте вы Ванюшеньку:
 50. «Пускай Ванюшка качается,
 «Моя молодая—то Княгиня пушай не печалится!
 «Какъ дознается моя—то вѣрная Княгиня,
 «То—то она попечалится!»

Со печали—то тоски на третій денекъ,
 55. Какъ на третій на денѣчикъ вѣрная Княгиня по-
 мѣрла.

(Записано 6 Сент. 1834 г., отъ Новгородца Савелья).

*

(Саратовск. губ.).

- Далеко было, далече,
 Въ бѣлокаменной Москвѣ,
 Во второй было во улицѣ *)
 Во славной Митревской,
 5. Что у Князя было у Волконскаго
 Солучилася пирь—бесѣдушка,
 Тиха и смиренна, зѣло радошна.
 Соѣзжались къ нему князья—бояре,
 Пили—ѣли, прохлаждалися,
 10. Разговорами они занималися.
 Богатый хвалится богачествомъ,
 Бѣдный хвалится своей бѣдностью **),
 Сильный хвалится своей силою,
 А Волконскій Князь своей Княгиниею:
 15. «У меня Княгиня умная,
 «Она умная—разумная,
 «Она тихая—смиренная,
 «До рабовъ она милостлива,
 «Передо мной она очестлива.»
 20. У дверей стоитъ слуга вѣрная,
 Слуга вѣрная, дѣвушка сѣнная;
 Какъ возговорить сѣнна дѣвушка:
 ««Ужъ ты батюшка нашъ, Волконскій Князь!
 ««Не приказывай меня казнить—вѣшати,
 25. ««Прикажи ты мнѣ слово молвити?»»
 «Говори ты мнѣ, слуга вѣрная,
 «Ты скажи мнѣ правду—истину.»
 ««Похвалился ты своей Княгиниею:
 ««Твоя ли Княгинюшка нечестная,

*) Т. е. во первыхъ въ Москвѣ, во вторыхъ—далѣе—на Дмитровкѣ.—О.

**) Весьма странно и необычно.—О.

30. «Твоя ли Княгинюшка невѣрная!
 ««Что живетъ она съ младымъ Ключникомъ,
 ««Со твоимъ ли со харечникомъ,
 ««Со моимъ ли братцемъ роднымъ;
 ««Что живетъ она не теперича,
 35. ««А не много, не мало—ровно девять лѣтъ.»»
 На десятомъ-то году Князь довѣдался.
 Посылаетъ онъ за Ключникомъ
 Своего ли слугу вѣрнаго:
 «Ты скажи: батюшка-Князь требуетъ,
 40. «Ты скажи: хочеть тебя дарить-жаловать.»»

- Какъ встаетъ Ключникъ съ постелюшки,
 Собирается онъ, снаряжается,
 Обуваетъ онъ сапожки сафьянные,
 Надѣваетъ онъ лисью шубу до долу *) ,
 45. Шуба лисья словно лѣсъ шумить
 И золотъ перстень ровно жаръ горить,
 На немъ шапочка рытаго бархата,
 Во правой рукѣ тонка тросточка,
 А во тросточкѣ ала ленточка;
 50. Идетъ Ключникъ—что соколъ летить.
 Онъ восходитъ во палаты бѣлокаменны,
 Отдаетъ Князю низкой поклонъ:
 —Ужь ты здравствуй, нашъ батюшка-Князь!
 —Ты почто меня скоро требовалъ,
 55. —Ужь чѣмъ хочешь меня дарить-жаловать?—
 «Подарю я тебя хоромами высокими,
 «Не мошанными, не свершенными **),
 «Ты скажи мнѣ только правду-истину:
 «Ты который годъ живешь со Княгинєю?»
 60. —Ужь ты батюшка нашъ, Волконскій Князь!
 —Я живу съ нею ровно девять лѣтъ:
 —Много было попито, поѣдено,

*) Ковчею: „до полу.“—О.

***) Безъ верху, безъ крыши.—О.

—На пуховыхъ перинахъ полежано!—

Князь Волконскій *) прогнѣвался,

65. Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:

«Ой вы гой есте, мои слуги вѣрные!

«Вы берите лопатки желѣзныя,

«Ужь вы ройте—ка двѣ ямы глубокия,

«Вы постройте рельюшки **) высокия,

70. «Вы столбы—то дѣлайте точеныя,

«Перекладыны положите вы кленовыя,

«Вы колечки вверните позлащенные,

«А петелки повѣсьте вы шелковыя,

«Вы возьмите моего млада Ключника,

75. «Вы повѣсьте на рельи высокия:

«Да пускай же онъ, воръ, покачается,

«Молодал—то Княгиня на него показнится!»

Подхватили Ключника за бѣлы руки,

Повели его на рельюшки высокия,

80. Повѣсили на петельки шелковыя.

На петелькахъ виситъ Ключникъ—мотается:

А впереди—то лежитъ Княгинюшка—кончается.

Какъ ударится батюшка Волконскій Князь

{Объ дубовый столъ:

85. «Ужь ты гой еси, дѣвушка сѣрная,

«Ты моя ли слуга вѣрная!

«Погубила ты младаго Ключника,

«Умертвила ты молодую мою Княгинюшку!»

(Ср. „Извѣст. Р. литер. и др.“ Т. IV, запис. гг. Костомаровымъ и Мордеевой).

*

*) Волконскій?—О.

**) См. пѣсни выше.—О.

(Орловск. губ.).

Въ Москвѣ было во городѣ, на Сѣнной было площади,
 Тамъ стояли-то хоромы, хоромы высокіе,
 Что и того ли то Князя, Князя-Боярина.
 Что и жилъ-то тамъ Князь со своей Княгиней,
 5. Что и жилъ-то тамъ Ванюша-Ваня, Князю Ключни-
 чикъ,
 Молодой его Княгини вѣрной полюбовничикъ.

Что и годъ живетъ Ванюша съ Княжней *)), другой
 живетъ,
 Вотъ на третій годъ-годочекъ самъ Князь да довѣдался
 Что отъ самой отъ послѣдней дѣвки сѣнной-горьнишной.
 10. Вотъ выходитъ Князь-Бояринъ на свой красенъ крылецъ,
 Какъ возгаркнетъ Князь—воскликнетъ своимъ громкимъ
 голосомъ:

«Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя!
 «Вы идите—приведите вора Ваньку Ключника!»

Какъ идетъ Ванюша-Ваня черезъ Княжій дворъ,
 15. Какъ на Ванюшкѣ рубашка вѣтромъ раздувается,
 Какъ у Ванюшки кудерцы-кудри завиваются.....
 Какъ возговорить **) Князь—воскликнетъ своимъ гром-
 кимъ голосомъ:
 «Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ, ...сынъ:
 «Ты съ которой поры-время живешь со Княжнею?»
 20. —Что я знать того не знаю, вѣдать я не вѣдаю.—
 Какъ и сталь-то Князь Ванюшу пытать—крѣпко спра-
 шивать:
 Не добился Князь-Бояринъ таей правды-истины.

*) Княгиней? И ниже то же.—О.

**) Возгаркнетъ?—О.

Какъ воскликнетъ Князь—возгаркнетъ своимъ громкимъ
голосомъ:

«Ужь вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!

25. «Вы берите-тко, берите заступы желѣзныя,
«Ужь вы ройтя-тко—копайтя двѣ ямы глубокія,
«Ужь вы ставьте-тко—ставьтя два столба точоныя,
«Перекладину кладитя, слуги, вы кленовою,
«Вы идитя—приведитя вора Ваньку Ключника!»

30. Вотъ ведутъ—ведутъ Ванюшу—Ваню черезъ Княжій
дворъ,

Какъ у Ванюшки—Ванюши руки—ноги скованы,
Руки—ноги въ Вани скованы, да все переломаны *).

Вотъ идетъ—идетъ Ванюша—Ванюшка—шпатается:

А и Князь—то стоитъ—ухмыляется,

35. Молодая—то Княгиня въ теремѣ слезами заливаается.
Какъ воскликнетъ Князь—возгаркнетъ своимъ громкимъ
голосомъ:

«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду—истину?»

—Ужь позволъ ты, Князь—Бояринъ, позволъ Вани пѣсню
спѣть,

—Что и пѣсню Вани, пѣсню, пѣсенку послѣднюю:

40. —«Что и было, Князь—Бояринъ, попито—поѣдено,
—«Въ краснѣ было, Бояринъ, въ хорошѣ похожено,
—«На кроватушкѣ тесовой въ насъ ***) было полежено,
—«Да за бѣлыя—то за груди въ насъ было похватано,
—«Во уста—то во сахарны было поцаловано,
45. —«Съ одного плеча было въ насъ поношено ***!)!»—

*) Прибавка въ разнорѣчїи:

А сабянные сапожки кровью понаполнены.—Примѣчаніе зани-
савшаго.

**) У насъ.—О.

***) Въ разнорѣчїи прибавка:

Про твою ля, сударь, милость много было ругано.—Примѣч.
занисавшаго.

Какъ воскликнетъ Князь—возгаркнетъ своимъ громкимъ
голосомъ:

«Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя!

«Ужь вы вѣшайте Ванюшу, вора Ваньку Ключничка!»

Вотъ повѣсили Ванюшу, Ванюшка качается:
50. Молодая—то Княгиня въ теремѣ кончается.

(Ср. сборникъ П. И. Якушина, Отеч. Зап. 1860 г. Апрель).

* *

IV.

1.

Было въ городѣ, было на Митровкѣ,
Тутъ жилъ—проживалъ Волхонскій Князь.
Какъ во Князя во Волхонскаго былъ Ваня Ключничкомъ,
Молодой его Княгини полюбовничкомъ.

5. Онъ и годъ живетъ Ванюша, онъ и два года,
Какъ на третій годочикъ Князь доведася
Черезъ ту ли дѣвку, дѣвку сѣнную,
Черезъ самую подлячку, черезъ п...ю *).
Закричалъ Князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
10. «Ужь вы слуги мои, слуги вѣрныя!
«Вы подите—приведите Ваню Ключничка,
«Молодой моей Княгини полюбовничка!»

Все ведутъ—ведутъ Ванюшу къ самому Князю:
У него шубенка вся изорвана,

*) Последнюю, последнюю.—О.

15. Его буйная голова вся проломана,
 А миткалева рубашка вся съ кровью помѣшана.
 Приведуть все Ванюшу къ самому Князю:
 «Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, Ванюша:
 «Со которыхъ поръ живешь со Княгиньею?»»
20. — Ужь я звать того не знаю, сударь, не вѣдаю.—
 Какъ пристилъ всё Ванюшѣ Князь Волхонскій.

- Какъ пошелъ Ванюша прочь отъ Князя,
 Онъ пошелъ ли Ванюша вдоль и по двору,
 Все загѣлъ Ванюша пѣсню новую;
25. Какъ услышала Княгиня Ванюшинъ голосокъ,
 Выходила Княгиня, выходила на [балконъ]:
 ««Ты не вѣшай-ка, Ванюша, своей буйной головы!»»
 Услышалъ ли Князь Волхонскій голосокъ Княгини той,
 Закричалъ ли Князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
30. «Ужь вы слуги мои, слуги мои вѣрные!
 «Вы берите-ка топоры желѣзные,
 «Ужь вы роите-ка, копайте ямы всё глубокия,
 «Становите-ка столбы всё дубовые,
 «Перекладины кладите всё кленовыя,
35. «Ужь вы вѣшайте ремни *) всё шелковые,
 «Ужь вы вѣшайте Ванюшу вора Ключичка!»

- Все ведутъ Ванюшу-Ваню вѣшати;
 Какъ со всѣми-то Ваня кланяется,
 Онъ со всѣми Ваня распрощается,
40. Распрошавшись Ваня, слово вымолвилъ:
 — Вы позвольте вы, братцы, пѣсню нову сгѣть:
 — «То-то, братцы, было попито,
 — «Было попито-поѣдено,
 — «На тесовой на кроваткѣ было полежено,
45. — «У сахарны усточки было поцѣловано!»—

Какъ повѣсили Ванюшку—удавить хотять,

*) Ошибка вмѣсто «релья» петли. О.

Всё висить Ванюша, висить,—всё мотается:
 Молодая Королевна *) всё кончается;
 Молодой ли Ванюша удавляется:
 50. Молодая Королевна по немъ перставляется;
 Всё Ванюша удавился:
 Молодая Княгиня всё перставилась.

Какъ и Князь Волхонскій по ней сумлѣвается:
 «Скверная дѣвчонка! На что ты донашивала?
 55. «Что и лучше бы тово—самъ Князь перенесъ бы я!»

*

2.

(Звенигородск. уѣзда, село Ильинское)

На улицѣ Вѣтрѣвицѣ **)
 Живѣтъ—проживаетъ Иванъ Ключничикъ,
 Молодой нашей Княгини полюбовничикъ.

Живѣтъ онъ годочикъ, живѣтъ онъ другой,
 5. Спозналъ Князь, довѣдался.
 Выходилъ же Князь Волхонскій на своё ново крыльцѣ,
 Какъ воскрикнулъ Князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
 «Ой вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
 «Вы подите—приведите Ваню Ключничка,
 10. «Молодой нашей Княгини полюбовничка!»

По двору широкому ведутъ Ванюшу,
 У нашего Ванюшеньки ноженьки путляются:
 А стоитъ же Князь Волхонскій—усмѣхается.
 Закричалъ Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
 15. «Принесите вы лопаты широкія,

*) Ср. ниже пѣсни.—О.

**) Митровицѣ, Митровкѣ.—О.

- «Ужь вы ройте, вы копайте ямы глубокиа,
 «Становите вы столбѣчки точёныя,
 «Вы давайте *) переводы ильмовые **),
 «И вы вѣшайте—цѣпляютъ пѣтельки шелковыя,
 20. «И вы вѣшайте—цѣпляютъ Ваню Ключничка!»

Ваня Ключничикъ въ пѣтелькѣ болтается:
 Молодая—то Княгиня слезами обливается;
 Ваня Ключничикъ въ пѣтелькѣ болтается:
 Молодая—то Княгиня въ перинахъ кончается.

25. Понапрасну Князь Волхонскій двѣ души загинуль **),
 Черезъ самую такую дѣвочку скверную,
 Черезъ самую такую подлячку послѣднюю.
 Приказываетъ Князь Волхонскій сыграть пѣсенку,

 30. Что «Попито было—поѣдено,
 «Съ молодой своей Княгиней въ коляскѣ поѣзжено,
 «На тесовой кровати полѣжано
 «И за бѣлыя за груди подержано!»

(Пѣсня *протѣжвая*; записано 5 Юля 1831 г.)

*

3.

(Москва).

- Что на славной было улицѣ на Димитровкѣ,
 Что у славнаго!ли у Князя у Боярина,
 Побранилася кухарка съ молодымъ Ключничкомъ:
 ««Ты не лайся, не бранися, молодой Ключничекъ:
 5. ««Я пойду ли—донесу Князю—Боярину!»»

*) Дѣлайте?—О.

**) Ср. *Штис, Ште*.—О.

***) Загубилъ.—О.

«Ужь ты батюшко ты нашъ, ты Бояринъ—Князь!
 «Ничего же ты не знаешь да не вѣдаешь:
 «Что живетъ—то твоя Княгиня съ младымъ Ключни-
 комъ!»»

Что возговоритъ нашъ батюшка Бояринъ—Князь:

10. «Ужь какъ есть ли у меня да слуги вѣрные!
 «Вы подите—приведите млада Ключничка,
 «Вы поставьте млада Ключника въ среди двора,
 «Что подъ то ли подъ косящато окошечко;
 «Ужь я стану младаго Ключника доспрашивать *)»
 15. «Ты скажи, скажи, младый Ключничекъ, не утай грѣха,
 «Коли да правду ты мнѣ скажешь,—я помиую,
 «А неправду ты мнѣ скажешь,—я подъ кнутъ да подъ
 кнутъ отдамъ:
 «Что живетъ ли моя Княгиня съ твоей милостью?»
 —Что живетъ ли твоя Княгиня со мною да три, ахъ
 да три года.—
 20. Что возговоритъ нашъ батюшка да Бояринъ, ахъ да Боя-
 ринъ—Князь:
 «Ужь какъ есть ли у меня скорые конюхи!
 «Ужь вы ройте мнѣ ямочки глубокія,
 «Вы поставьте два столба вы да два высокіе,
 «Перекладнику вы поставьте **) вы кленовую,
 25. «Ужь вы петельку повѣсьте вы шелковую!»

Молодой Ключникъ на петелькѣ качается:
 Молодой—то ли Княгини жизнь кончается ***).

(Записано А. А. Григорьевичъ отъ цыгана Антона Сергѣева; ср. Отеч. Зап., 1860,
 Апрель).

* *

*) Отсеявъ переходъ изъ рѣчи къ описанію самого событія, отъ перваго
 лица къ третьему.—О.

**) Положите?—О.

***) Или:

Молодая ли Княгиня на ножѣ кончается.—Примѣч. П. И.
 Якушкина.

V.

1.

(Сарат. губ., Сердобск. уезда, село Ивановское, Пляшъ ташъ).

Какъ во славномъ-то городѣ Саратовѣ,
Въ улицѣ во Дмитровской,
Какъ тутъ живеть-то—поживаетъ
Батюшка Волхонскій Князь;

5. Какъ у этого у Князя
Живеть Ванька Ключничкомъ.

- Какъ и вышелъ батюшка Волхонскій Князь
На крылечко на новое,
Закричалъ-то батюшка Волхонскій Князь
10. Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои!
«Вы подите—приведите ко мнѣ Ваню Ключничка!»

- Какъ ведутъ-то Ваню Ключничка:
Бѣлыя куделюшки разчѣсаны,
15. Бархатный кафтанчикъ раздувается;
Привели-то Ванюшу ко Князю Волхонскому:
«Ахъ ты Ванька, сынъ!
«Ты скажи, сколько лѣтъ со моею Княгиней жилъ?»
—Отъ кого вы узнали, батюшка Волхонскій Князь?—

20. «Я узналъ отъ дѣвчонки сѣнной,
«Отъ самой послѣдней.»
—Скажу вамъ, батюшка Волхонскій Князь:
—Ровно только девять лѣтъ.—
Закричалъ-то Князь Волхонскій

25. Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ слуги мои, служеньки, слуги вѣрные!
«Какъ вы сдѣлайте хоромы, хоромы не мшѣныя,
«Совсѣмъ не свершѣныя,

«Вы сдѣлайте въ хоромахъ релюшки *) точеныя,
 30. «Релюшки точёныя, петельки шелковыя,
 «Вы подите—приведите сюда Ваню Ключничка!»

Стали Ваню жаловать релюшками точёными,
 Релюшками точёными, петельками шелковыми:
 —Ахъ ты батюшка, Волхонскій Князь!
 35. —Прикажи мнѣ слово молвити!....—

Какъ и Ванюшка—то на реляхъ качается:
 Молодая Княгиня во теремѣ кончается.

*

2.

Какъ во славныемъ городѣ во Питерѣ,
 Тутъ живетъ ли—поживаетъ
 Батюшка Волконскій Князь;
 Какъ у этого у Князя есть Ванюшка Ключничекъ,
 5. Молодой его Княгинѣ вѣрный полюбовничекъ;
 Какъ не годъ живетъ Ванюша и не два живетъ,
 А живетъ—поживаетъ съ ней ровно три годочка;
 На четвертыемъ на годочкѣ самъ Князёкъ довѣдался,
 А не самъ узналъ Князёчикъ, сказала дѣвчѣночка,
 10. Дѣвчѣночка сѣнная, самая послѣдняя.

*

3.

(Симбирск. губ., село Усть-Урень).

Какъ у Князя было у Волхонскаго
 Солучилося большое несчастье:
 Повелась его жена съ Ваней Ключничкомъ.

*) См. выше.—О.

Во селѣ-то было во Измайловѣ,

5. Протекала рѣчка быстрая,
 Рѣчка быстрая, Волга матушка;
 Какъ по рѣчушкѣ растеть часть равитничекъ:
 Разливалась Волга широкохонько,
 Потопляла всѣ горы-долы и сухіе острова,
 10. Оставлялся *) одинъ часть-равитовъ кустъ:
 Какъ на кустикѣ сидитъ пташка вольная,
 Пташка вольная, младъ-ясенъ соколъ:
 «Полети-ко, младъ-ясенъ, на родимую сторону,
 «Къ моему батюшкѣ на широкій дворъ,
 15. «Скажи батюшкѣ низкой поклонъ,
 «Родной матушкѣ челобитьице **)!»

(Отъ ратника Николая Картавенко, записано П. В. Шейномъ).

*

4.

(Той же губ., Бунинскаго уѣзда, дер. Козловна).

Во селѣ-то во селѣ было Измайловѣ,

- У Князя было у Волхонскаго,
 Изъ терема было изъ високова,
 Изъ окошечка было изъ косяшева ***),
 5. Изъ стекольца изъ хрустальнаго,
 Вылеталъ тутъ вылеталъ младъ-ясенъ соколъ,
 Младъ-ясенъ соколъ, пташка вольная.
 За соколомъ бѣжитъ слуга вѣрная ****),
 Онъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
 10. «Охъ ты ой еси, младъ-ясенъ соколъ!
 «За тебя ли меня, сокола, казнить хотять *****),

*) Оставляла?—О.

**) Слова Книгини или Ключника?—О.

***) Косящета?—О.

****) Ключникъ?—О.

*****) Вѣроятно такъ:

«За тебя ли, сокола, меня казнить хотять.—О.

«Казнить—то хотять, хотять вѣшати.»

Онъ кричить—то ему кричить громкимъ голосомъ:

—Воротись ты, воротись, слуга вѣрная!

15. —Я теперь соколъ на своей волѣ;

—Вечеръ—то вы надо мною надругались:

—Кормили вы меня, сокола, мертвою вороною,

—Поили сокола водою болотною!—

(Записано тѣмъ же отъ Максима Щербакова).

*

5.

(Болловъ).

Во городѣ было во Питерѣ,

Во главной улицѣ Митревской,

Живеть тутъ—поживаетъ Волконскій Князь

Со своею молодою Княгинею.

5. Влюбился въ Княгиню Иванушка Ключничекъ,

Молодой моей *) Княгини, шельма, полюбовничекъ.

Ужь онъ годъ живеть, Ванюша, и другой живеть,

А на третій годъ Князь довѣдался,

Что на шельму на Ваню—на Ваню прогнѣвался,

10. Черезъ тоѣ черезъ дѣвку, дѣвчѣнку сѣнную,

Черезъ самую подлячку, подлячку послѣднюю.

Закричалъ же Князь Волконскій своимъ громкимъ го-

лосомъ:

«Ужь вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные,

«Ужь вы други мои, други неизмѣнные!

15. «Вы подите—приведите ко мнѣ Ваню Ключничка,

«Молодой моей Княгини полюбовничка!»

*) Перенесено со словъ Князя.—О.

- «Ты поди, поди, Ванюша, тебя Князь зоветъ:
 «Ужь онъ хочетъ тебя жаловать
 «Селами-деревнями, третьими кнутами ременными.»»
20. «Слуги мои, слуги! Вы копайте-ка двѣ ямы,
 «Двѣ ямки глубокиа,
 «Становите столбочки все точеные,
 «Вбивайте-ка колечки, кольца золочѣныя,
 «Вѣшайте моточки, моточки шелкóвые,
25. «Ужь вы вѣшайте Ванюшку и Ванюшу Ключничка.»
 —Вы послушайте, братцы, дайте нову пѣсню спѣть:
 —«Что во городъ во Питеръ,
 —«На главной на улицѣ на Митревской,
 —«У того ли Князя—у Князя Волконскаго,
30. —«Было попито, было и погуляно,
 —«На пуховыхъ перинахъ было полежано,
 —«За бѣлыя груди было подержано!—»

Какъ Иванушку повѣсили:

А молодая Княгиня въ хоромахъ зарѣзалась:

35. А Иванушка качается:

А молодая Княгиня во хоромахъ кончается.

(Записано М. П. Лисицынымъ).

* *

Молодецъ у Короля въ службѣ *).

VI.

Сравни выпускъ 3, пѣсни о богатырѣ Дунаѣ Ивановичѣ.

1.

(Новгородъ).

Молодецъ у Короля на вѣстѣхъ служилъ:
Что Король-то его любилъ-жаловалъ,
Королевна его при себѣ держала.

Еще сталъ Молодецъ уживатися,

5. При хмѣлю удадой похвалятися:
«Много было хожено, погужено,
«И въ краинѣ въ хорошѣ похожено,
«Много красныхъ дѣвушекъ цѣловано!
«Поцѣлована дочь прекрасная,
10. «Дочь прекрасная Королевская!»
За досаду Королю показалось,
За досадушку такъ за великую;
Закричалъ тутъ Король на своихъ вѣрныхъ слугъ:
«Ахъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные,
15. «Слуги вѣрные и неизмѣнные!
«Вы подите далече въ чистѣ поле:

*) Значеніе этихъ Пѣсень, тѣсно связанныхъ съ предыдущими, объяснено ниже въ „Замѣткѣ.“—О.

- «Ужь вы ройте ямы глыбокія,
 «Становите столбы дубовые,
 «Перекладинку кладите кленовую,
 20. «Вы повѣсьте петли шелковыя,
 «Вы повѣсьте Добра Молодца!»

Молодѣць палачамъ по рублю сулить:

- Не ведите меня позадь гораицы,
 — Поведите меня вдоль по улицѣ,
 25. — Чтобъ увидѣла дочь прекрасная,
 — Дочь прекрасная Королевична!—

Попросилася дочь у батюшки:

- «Ты пусти, пусти рѳднѣй батюшка,
 «Молодецкой смерти поглядѣти!»
 30. Молодѣць на петляхъ качается:
 Королевна подъ релью кончается.

(Записано 11 Сент. 1834 г. отъ Акулины).

*

2.

(Москва).

Какъ Короля-ть Молодца любилъ-жаловалъ,
 Съ одного плеча платьице нашивалъ.

- Ужь и сталъ Молодѣць пьянъ ушватися,
 Во хмѣлю сталъ Молодѣць похвалятися:
 5. «Ужь и то-то пошѣто, братцы, погѣлено,
 «Въ хорошствѣ-то въ красѣ много хѳжено,
 «Что на мягкихъ перинахъ много лѣжано,
 «Королеву за ручку много дѣржано!»
 Донесли-то на Молодца своя братья.

10. Какъ Короля-ть на Молодца прогнѣваеся,
Закричалъ Король громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги вы, слуги мои вѣрные!
«Вы подите далѣче во чисто поле,
«Ужь вы выройте двѣ ямушки глыбокія,
15. «Становите вы релюшки высокія,
«Поведите Молодцà казнить-вѣшати!
«Не водите Молодцà впереди могò двorca,
«Поведите Молодцà позади могò двorca.»

Молодецъ солдатъ по рублю дарилъ:

20. —Поведите Молодцà впереди меня двorca!—
Какъ увидѣла Молодца Королевна изъ окна,
Закричала Королевна громкимъ голосомъ:
««Ахъ ты батюшка, сударь мой, пусти меня гулять,
««Да двѣ ямушки глыбокія посмотри!»»
25. Какъ пошла Королевна въ чисто поле гулять,
Да двѣ ямушки глыбокія посмотри;
Молодѣца-ть на релюшкахъ качается:
Королевна подъ релями скончалася.

(7 Октября 1834 г. отъ мѣщанинъ Татьяны Андреевны).

*

3.

(Сибирск. губ., село Головино).

Изшелъ я *) всеѣ землю Свято-Русскую,
Я сине море исплавалъ изъ край въ край,
Изъ самова изъ устья до вершиночки,
Я зашелъ-загулялъ къ самому Королю,

*) Извѣстное намъ перенесеніе событія на лицо или 3-го лица въ 1-е.—О.

5. Къ самому Королю ко Латинскому *)
 А за то меня Король любилъ-жаловалъ,
 Посадилъ меня Король во вѣрны Ключники:
 Я сидѣлъ у него ровно тридцать лѣтъ,
 Служилъ Королю вѣрой-правдою **).
10. Никто про то не знаетъ и не вѣдаетъ,
 Только знаетъ одинъ маленькой дѣтинушка,
 Одинъ маленькой дѣтинушка, поваренной;
 Онъ дошолъ-донесъ собака самому Королю:
 «Ой ты гой еси, нашъ батюшка, Литонской Король!
15. «Ничего, сударь, не знаешь и не вѣдаешь:
 «Твой-то Ключничикъ до пьяна напивается,
 «Во хмѣлю Ключникъ негоже похваляется,—
 «Похваляется мизерной ***) твоей дочерью.»»
 За досаду Королю показалось;
20. Выходилъ тутъ Король на красенъ крылецъ,
 Восклицалъ онъ—возгаркнулъ громкимъ голосомъ:
 «Ище есть ли у меня таки мастера,
 «А по нашему по русскому грозенъ палачъ!
 «Онъ бы вѣхалъ далече во чисто поле,
25. «Дѣлалъ бы релюшки высокіе,
 «Становилъ бы онъ столбики дубовые,
 «Перекладники клалъ бы кленовые,
 «А петельки вязалъ бы шелковыя,
 «Онъ бы велъ мово Ключника къ повѣшанью,
30. «Не водилъ бы онъ кремль-городомъ ****),
 «Провелъ бы онъ позадь города!»

Молодецъ молодцу *****) крѣпко кланялся:
 —Ой ты гой еси, нашъ батюшка, грозенъ палачъ!

*) Лиховинскому.—О.

***) Послеъ этого должно было слѣдовать затерянное въ пѣсни описа
 любви.—О.

****) Меньшою.—О.

*****) Разумѣется не Московскій, а всякій кремль, вышгородъ, Вург.—О.

*****) Ключникъ палачу.—О.

- Дай ты мнѣ, Молодцу, звончаты гусли,
 35. —Передъ смертью Молодцу наигратися!
 —Не води ты меня, добрый молодець, позадь города,
 —Проведи ты меня кремлемъ-городомъ,
 —Мимо тѣхъ ли палатъ Королевниныхъ.—
 Онъ повелъ Молодца кремлемъ-городомъ,
 40. Мимо свѣтлицы свѣтлицы Королевниной.
 Онъ и сталъ тутъ наигрышки наигрывать:
 —Бывало меня Король любилъ-жаловалъ,
 —А нынче на меня скоро прогнѣвался,—
 —Ведеть-то Молодца ко повѣшенью!—
45. Услыхала ево мила дочь мизинная,
 Выходила она на красенъ крылець,
 Воскричала она своимъ громкимъ голосомъ:
 ««Ой ты гой еси, нашъ батюшка, Литонской Король!
 ««Ты за что на Клюшничка прогнѣвался?»
 50. ««Я сама-то, красна дѣвица, пойду ко повѣшанью!»»
 Услыхалъ то ея батюшка, Литонской Король:
 ««Еще Богъ его прощаетъ, Сударь жалуетъ!»»

(Доставлено П. М. Ямковымъ).

*

4.

(Тамъ же).

Изшелъ я Волгу матушку изъ конца въ конецъ,
 Изплавалъ я сине море изъ краю въ край,
 Не нашолъ я лучше-краше-краснѣй города *),—
 Ой зашелъ я, Молодець, къ Королю въ Литву.

*) Т. е. Литовскаго, Литвы.—О.

5. Онъ за то меня Король любилъ—жаловалъ,
Посадилъ же Молодца въ вѣрны Ключнички.

Онъ до пьяна, Молодецъ, напивается,
Во хмѣлю-то онъ негоже похваляется,—
Онъ и хвалится его мизанрой дочерью.

10. За досаду Королю показалось;
Онъ выходитъ, Король, на красенъ крылецъ,
Онъ вскричалъ громкимъ своимъ голосомъ:
«Ище есть ли у меня такіе мастера,
«А по вашему по русскому грозенъ палачы!»

15. «Ище скоро бы онъ ѣхалъ во чисто поле,
«И сохи *) ты бы ставилъ дубовыя,
«Переклады бы клалъ кленовыя,
«А петли бы вѣшалъ шелковыя,
«Не водите Молодца кремль-городомъ,

20. «А ведите Молодца позадь гуменья!»

Увидала ево Королева дочь;
«Поведите ево кремль-городомъ,
«Кремль-городомъ, славой доброю!»»

(Доставлено тѣмъ же).

*

5.

Вотъ ходилъ ли я, Молодчикъ, по чистомъ я полю,
Я билъ я побивалъ я гусей-лебедей,
Застрѣлилъ ли я, удалый, сизаго голубя;
Опоздалъ ли я, Молодчикъ, птвичь-ѣхати:
5. Всему городу воротички были заперты,
Караульщички молоденьки—они крѣпко спать.

*) Высокіе козлы, на которые кладутся перекладыны.—О.

- Што одна ли не силаа ли — красная дѣвушка,
 Она такая Перекраса Королевишна;
 Вынимала изъ [комода] золоты ключи,
 10. Успущала Добра Молодца, все наказывала:
 «Ты дворомъ иди, Молодчикъ, — не закашляйся,
 «Къ новымъ сѣнямъ подходи, — не застукайся,
 «Не услышалъ бы родимый сударь батюшка,
 «Не сказалъ бы онъ родимой моей матушкѣ;
 15. «Ты на утрѣ жь ли, Молодчикъ, не упейся пьянь,
 «Во хмѣлю-та, разудалый, не похвастайся!»»

- Какъ на утрѣ-та Молодецъ напивался пьянь,
 Во хмѣлю-та разудалый похваляться сталъ:
 —Какъ вечеръ ли я, Молодчикъ, у гостяхъ гостилъ:
 20. —Я въ такой ли Перекрасы Королевишны!—
 Што по утру про удалова дозналися;
 Призывалъ Король Молодчика во палатушки:
 «Ты скажи, скажи, Молодчикъ, гдѣ въ гостяхъ гостилъ?
 «Я за то тебя удалова пожалую,
 25. «Я пожалую Молодчика все палатушками,
 «Вотъ такими ли палатами—на двухъ столбахъ,
 «Я построю тебѣ релюшки точеные,
 «Я повѣшу тебѣ петельку шелковую.»

- Ужь какъ Добрый Молодецъ сталъ качатися:
 30. Перекраса во саду стала кончатися.

*

6.

Крапива-крапивушка, крапива стрекучая,
 Одолѣла крапивушка поле чистое!

Охочь былъ Молодецъ по полямъ ѣздить,
 Онъ охочь былъ стрѣлять гусей-лебедей;

5. Опоздалъ же Молодецъ домой взяти.

Въ чистомъ въ полѣ было три дороженьки:

Первая дорога къ отцу къ матери,

Вторая дорога къ роду къ племени,

Третья къ своему городу.

10. Въ городѣ ворота были заперты;

У воротъ караульщики крѣпко спать да не проснутся;

Выходила Королевна на небо крыльце,

Отпирала Королевна городскіе воротечки.

Она впускала удалова-добрава Молодца:

15. «Ты иди со мной полегоничку,

«Говори со мной потихоничку.»»

Королева на утро стала спрашивати:

«Ужь ты дочь моя, дочь любимая!

«Ужь съ кѣмъ же ты нынче ночью разговаривала?»

20. ««Ужь ты милая моя мать родимая!

««Нынче ночью мало мнѣ спалось,

««Мало мнѣ спалось, во снѣ много видѣлось:

««Будто ты, моя мать, во гробу лежишь,

««Предъ тобой стоять попы, дьяконы,

25. ««Они поютъ память вѣчную.»»

У стола, стола государева

Служилъ Добрый Молодецъ.

Добрый Молодецъ хмѣлень напивается,

Во хмѣлю Королевской дочерью похваляется:

30. —Ужь я спалъ-почивалъ съ Королевской дочерью

—На одной кровати!—

Были люди донощики,

Донесли самому Королю;

Какъ вскричить Король громкимъ голосомъ:

35. «Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!

«Вы подите—приведите Добрава Молодца!»

Стагъ Король у него спрашивати:

«Сколько же ты жилъ съ моею дочерью?»

—Я не мало, не много,—ровно три года.—

40. Какъ вскричалъ Король громкимъ голосомъ:
 «Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
 «Вы подите въ чисто поле,
 «Копайте двѣ ямы глубокія,
 «Становите два столба еловые,
 45. «Кладите перекладыны дубовыя,
 «Вѣшай петельку шелковую,
 «Вы возьмите—приведите Доброва Молодца,
 «Не ведите Молодца переди дворца,
 «Вы ведите Молодца позади дворца!»
50. Молодецъ въ петелькѣ качается:
 Королевская дочь въ терему кончается.

*

7.

(Тулск. губ. и уезда).

Ты крапиво ли крапиво, зла-стрекучая,
 Одолѣла ты, крапива, поле чистое,
 Что ни конному, ни пѣшему пройтять нельзя,
 Что ни мнѣ ли, Доброму Молодцу, проѣхати!

5. Проходилъ тутъ—проѣзжалъ удалъ-добрый Молодецъ,
 Что во тѣ ли во снѣга-снѣга глубокіе,
 Это въ тѣ ли во морозы въ Крещенскіе.
 Загуляю я, Молодѣцъ, къ Королю въ гости.
 Что Король то меня, Молодца, любилъ-жаловалъ,
 10. Королевская дочка во любви жила.

- Что у города были ворѣты крѣпко заперты,
 Караульные вокругъ города все крѣпко спятъ;
 Не спала только Елена дочь Королевская:
 Отпирала у города ворѣточки,
 15. Что брала Добраго Молодца за руки,

Повела Добраго Молодца въ новую горницу,
Посадила Добраго Молодца въ новую спаленку...

(Отъ солдата, записано въ Новгородѣ, 11 Сент. 1834 г.).

*

8.

(Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда, село Ямково).

- Передрогъ-перезябъ Добрый Молодецъ,
За стѣною стоячи бѣлокаменной,
Красну дѣвицу дожидаячи,
Что Прекрасную Елену, дочь Королевскую.
5. Что со сна-то пробуждалася красная дѣвица,
Что Прекрасная Елена, дочь Королевская,
Она брала со столику золотые ключи,
Она пошла къ широкимъ воротамъ желѣзнымъ,
Отшпирала ворота желѣзные,
10. Принимала Молодца за бѣлыя руки,
Вела его во высокъ терѣмъ,
Вела да приказывала:
«Ты иди, мой миленькій, потихонечку,
«Говори, милъ-сердечный другъ, полегонечку,
15. «Чтобы не слышали наши солдаты
«И всѣ наши караульщики,
«Не пробуди со сна мою матушку!»»

Какъ со сна-то ея матушка просыпалася:

- «Ты дитѣ ль мое, дитятко,
20. «Ты дитѣ ль мое, чадо милое,
«Ты Прекрасная Елена, дочь Королевская!
«Ты кого называешь милымъ,
«Ты кого величаешь: милъ-сердечный другъ?»
«Ахъ, государыня моя матушка!

25. «Не хорошь-то мнѣ сонъ видѣлся:
 «Будто ты, моя матушка, переставилася,
 «Надъ тобою горять свѣчи воску яраго,
 «Надъ тобою поють все попы, дяконы:
 «Я тебя называла милымъ,
 30. «Я тебя величала: мнѣ-сердечный другъ!»»

*

9.

Что гулялъ Молодецъ по Украинны,
 Загулялъ Молодецъ Королю въ Литву.
 Онъ служилъ Королю вѣрой-правдою,
 Онъ въ очью за очью неизмѣною.

5. Что Король Молодца любилъ-жаловалъ,
 Королевна любила паче Короля:
 Пили-ѣли съ Королевной съ одного блюда,
 Цвѣтно платьице носили одные парчи.

- Загулялъ Молодецъ во трактирной домъ,
 10. Еще пьетъ Молодецъ зелено вино,
 Запиваетъ Молодецъ пивомъ пьянымъ,
 Заѣдаетъ Молодецъ бѣлымъ сахаремъ,
 Во хмѣлю онъ, Доброй Молодецъ, похваляется:
 —Я живу съ Королевной, красной дѣвицей,
 15. —Пили-ѣли съ Королевной съ одного блюда,
 —Цвѣтное платьице носили одные парчи!—

- Еще лихи на Молодца дѣвичьи братья,
 Они скоро доносили самому Королю.
 Что Король на Добра Молодца прогнѣвался,
 20. Посадилъ Добра Молодца во темницу,
 Еще призывалъ два плотничныхъ мастера:
 «Вы подите во далече—чисто поле,
 «Вы поставьте два столбичка дубовые,
 «Перекладницу кладите вы кленовую,

25. «Вы вяжите двѣ петелки шелковыя,
«Вы ведите Добраго Молодца во чисто поле!»

Добрый Молодец во петелки качается:
Королевна скорой смертію кончается.

(Изъ рукописнаго сборника пѣсень, П. В. Кир.).

10.

Гулялъ Молодец по Украинѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Загулялъ Молодец къ Королю въ Литву.

Король Молодца любилъ—жаловалъ,

5. Королевна не могла наглядѣться
На его красоту молодецкую.
Какъ сталъ Молодец упиваться,
Буйными словесами похваляться:
—Ужь попито, братцы, поѣдено,
10. —Въ краснѣ въ хорошѣ похожено,
—Съ одного плеча платья поношено,
—Королеву за ручку повожено,
—Съ Королевой на перинушкѣ полежено!—

Ужь какъ злы-лихи на Молодца своя братья,

15. Доносили на Молодца самому Королю:
«Ты гой еси, нашъ батюшко, грозной Король!
«Не знаешь про то дѣло, не вѣдаешь:
««Живеть Королевна съ Добрымъ Молодцемъ *)»»
Король на Молодца вдругъ прогнѣвался,
20. Закричалъ—завоилъ громкимъ голосомъ:

*) Чулковскій пѣсенникъ: „молодцомъ.“—О.

- «Какъ есть ли у меня слуги вѣрные?
 «Вы возмите удалова—добра Молодца,
 «Посадите его въ темну темницу,
 «А сами подите во чисто поле,
 25. «Вы ройте двѣ ямы глубокія
 «И вы ставьте два столбичка высокіе,
 «Перекладнику положите кленовую,
 «Вы петельку повѣсьте шелковую,
 «Поведите удалова—добра Молодца,
 30. «Не водите вы его вдоль по улицѣ,
 «Поведите вы его позади дворца,
 «Не увидѣла бы Королевишна!»

На первую ступень ступилъ Молодецъ:

—Прости, прости, мой отецъ и мать!—

35. На другу ступень ступилъ Молодецъ:

—Прости, прости, весь родъ-племя!—

На третью ступень ступилъ Молодецъ:

—Прости, мой свѣтъ Королевишна!—

Далеко Королева голосъ слышала,

40. Бѣжала во свой во высокъ теремъ,

Брала она свои золоты ключи,

Отпирала [шкатулу] серебряну,

Вынимала два ножичка булатные,

Порола свои груди бѣдыя.

45. Молодецъ въ чистомъ полѣ качается:

Королевишна на ноженькахъ *) кончается.

Пришолъ къ ней скоро родной батюшка.

Не успѣлъ Король лише взорити **).

Увидѣлъ убиту Королевишну.

50. И онъ билъ свои руки о дубовой столъ:

*) На ножичкахъ.—Такъ въ „Новѣйшемъ избранномъ пѣсненикѣ.“— У Сахорова: „на ножечкахъ.“— О.

**) Чук.: „взорити.— О.

«Ахъ, свѣтъ ты моя дочь любезная!
 «Для чего мнѣ заранѣе не повѣдала,
 «Что жила во любви съ Добрыгь Молодцемъ?
 «Ужь я бы Доброва Молодца пожаловалъ,

55. «Отъ смерти бѣ Добра Молодца помиловалъ!»

Закричалъ-завопилъ громкимъ голосомъ:

«Ужь есть ли у меня слуги вѣрные?
 «Пошлите ко мнѣ двухъ грозныхъ палачей,
 «Рубили бы головы доносчикамъ,

60. «Кто доносилъ на Королевишну *)!»

Новиковскій пѣсенникъ, 1780 г., ч. III, № 58, стр. 60—62; то же у Чулкова, ч. III, № 58, стр. 77—79, и въ «Новѣйшемъ избранномъ пѣсенникѣ» безъ года, стр. 311 № 376, ч. III; изъ обонъ приведены разночѣтя).

*

44.

(Сарат. губ.).

Я любилъ—то, любилъ дочь Королевскую.
 Я не годъ ее любилъ и не два года,
 Я любилъ ее ровнехонько девять лѣтъ.

На десятомъ году самъ Король довѣдался,
 5. Приказалъ онъ своимъ слугамъ вѣрнымъ сдѣлать рельюшки:
 «Вы слуги ли мои, слуги вѣрные!
 «Сдѣлайте, слуги вѣрные, рельы высокія,
 «На рельюшки надѣньте петельки шелковыя,
 «Вы повѣсьте-ка моего слугу вѣрнаго Ванюшку!»

*) Въ «Новѣйшемъ избран. пѣсенникѣ»:

«Тыгь, которы доносили мнѣ на дочь мою.»—O.

10. Въ перву петельку повѣсили,—петелька оборвалася;
 Въ другу петельку повѣсили,—и эта оборвалася;
 Въ третьей петлѣ удушился Ванюшка.

Узнавала его родимая матушка:

- Она плакала—какъ рѣка лилась,
 15. Слезы катятся—какъ ручьи текутъ,
 Возрыдалася—что погоды бьютъ.

(Записано гг. Костомаровымъ и Мордовцовой, ср. «Литоп. Р. литер. и др.» т. IV).

* *

Князь Румянцовъ.

VII.

1.

(Симбирск. губ.).

У Князя Румянцева былъ слуга вѣрный, нелицемѣрный:
Поѣхалъ Князь Румянцовъ въ свою [девицію],
Безъ него слуга вѣрный жилъ со Княгинею.

Пріѣхалъ Князь Румянцовъ,

5. Узналъ про свою слугу вѣрнова,

Что онъ живетъ со Княгинею;

Призвалъ Князь Румянцовъ свою слугу вѣрнова.

Ужь и сталъ Князь Румянцовъ его спрашивать:

«Со котораго числа—времени живешь со Княгинею?»

10. —Я живу съ твоей Княгиней съ января перваго.—

Ударилъ Князь слугу вѣрнаго,

По блѣмому лицу, по румяной щекѣ,

И велѣлъ его вестъ въ присутствіе.

Сталъ губернаторъ его спрашивать:

15. «За што тебя Князь Румянцовъ

««Отдаетъ въ солдаты?»»

—За то меня Князь отдаетъ въ солдаты.

—Что я жилъ съ его Княгинею.—

* *

Камеръ-лакей.

VIII.

4.

(Оттуда же.).

Время проходить, время летить,
Время проводить, ничто не льститъ.

Любила Книгиня Камеръ-лакея *) ,

Любила она четыре года:

5. На пятомъ году Князь догадался,

На Книгиню прогнѣвился:

«Слуги мои, слуги вы вѣрныя, неллицемѣрные!»

«Вы поймите Камеръ-лакея,

«Вы поймите молодова,

10. «Руки вы ноги свяжите,

«И вы бросьте въ тоё рѣку,

«Въ тоё рѣку во Смородинку!»

Книгиня догадалась,

Молодая стосковалась;

15. Разболѣла, захотѣла свѣжей рыбы,

Свѣжей рыбы, бѣлужины:

«Слуги мои вѣрныя,

«Слуги мои неллицемѣрные!»

*) И ниже, каждый стихъ повторяется дважды.—О.

- «Возьмите вы шелковый неводъ,
20. «Поймайте мнѣ свѣжей рыбы,
«Свѣжей рыбы, бѣлужины!»»

- Сколько ловили,—не изловили,
Только поймали бѣлое тѣло,
Бѣлое тѣло Камеръ-лакея,
25. Камеръ-лакея молодова.
«Не кладите вы на землицу,
«Вы положите на скамьицу,
«Вы несите во свѣтлицу,
«Отворите—откройте двери, окошки!
30. «Подымитесь вы, буйные вѣтры,
«Вывѣйте изъ Князя душу,
«Вы вложите въ Камеръ-лакея,
«Вы вложите въ молодова!»»

- Её вѣтры не послушались,
35. Изъ Князя душу не вывѣвали
И въ Камеръ-лакея не вдували,
Въ молодова не вдували.
«Охъ вы, мои рѣзвыя ноги,
«Знать-то вы ко мнѣ не находились!
40. «Охъ вы, мои бѣлыя руки,
«Знать-то вы меня не наобнимались!
«Охъ вы, мои очи ясныя,
«Знать-то вы на меня не наглядѣлись!
«Охъ вы, мои уста сахарныя,
45. «Знать-то меня не нацѣловались!
«Охъ вы, мои цвѣтныя платья,
«Знать-то мнѣ васъ не носили!
«Охъ вы, мои чѣрныя платья,
«Знать-то мнѣ васъ надѣвати,
50. «Знать-то мнѣ цвѣтное платье скидавати,
«Надѣвати-то мнѣ платье чѣрное!»»

*

2.

- Любила Книгиня Камерь-лакея,
 Любила ровно четыре года.
 Увѣдалъ Князь про Книгиню,
 Что любить Камерь-лакея:
5. «Есть ли у меня вѣрные слуги,
 «Вѣрные слуги, камерь-лакея!
 «Берите вы, слуги, тугіе луки,
 «Стрѣляйте вы въ бѣлое тѣло,
 «Въ бѣлое тѣло—въ Камерь-лакея,
10. «Бросайте вы тѣло въ быструю рѣку!»

- Увѣдала Книгиня *) про Камерь-лакея:
- «Есть ли у меня вѣрные слуги,
 «Вѣрные слуги, камерь-лакея!
 «Вязите **), вязите шелковы неводы,
15. «Бросайте вы неводъ въ быструю рѣку,
 «Ловите, ловите бѣлое тѣло,
 «Бѣлое тѣло Камерь-лакея,
 «Кладите вы тѣло въ золоту гробницу,
 «Несите вы тѣло во свѣтлу свѣтлицу!
20. «Вадунте вы, вадунте, буйные вѣтры,
 «Выньте вы, выньте душу изъ Князя,
 «Душу изъ Князя, изъ моего мужа,
 «Вложите вы душу въ бѣлое тѣло,
 «Въ бѣлое тѣло въ Камерь-лакея,
25. «Камерь-лакея, моего шлюва!
 «Кого я любила, того бѣ оживила,
 «Кого не любила, того бѣ погубила!»»

(Новик. пѣсен., 1780, ч. III, № 168, стр. 168; то же у Чулкова, ч. III, № 168,
 стр. 216, 217).

* *
 *

*) Подлинникъ: „Княгиня.“—О.
 **) Вязите.—О.

КНЯЗЬ ДАНИЛО.

1.

(Орловск. губ., Малоарх. уѣзда).

- Князь Данило ходитъ,
По дорожинькѣ онъ бродитъ,
На красныхъ *) поглядываетъ,
На нихъ онъ посматриваетъ,
5. Сладки рѣчи говоритъ,
Фаты шелковы сулитъ:
«Ой вы, красныя дѣвицы,
«Ой вы, молодежи!
«Спойте вы мнѣ пѣсенку
10. «Про голову горемышненку,
«Про удалаго молодца
«Про Илью Муромца,
«Да про Егора Царевича **),
«Молодца Молодцевича,
15. «Какъ онъ съ Туркомъ воевалъ,
«Какъ Султана въ полонъ взялъ,
«Какъ его онъ засмолилъ,
«Всю Турещину изрубилъ.»
«Нѣтъ не станемъ
20. ««Мы пѣть пѣсенку
««Про голову горемышненку,
««Про удалаго молодца

*) Дѣвухекъ.—О.

***) Егоръ—Святогоръ (см. выш. 4, объ Ливкѣ) или Егорій храбрый.—О.

- ««Про Илью Муромца,
 ««Ни про Егора Царевича,
 25. ««Молодца Молодцевича.
 ««А споемъ мы тебѣ пѣсенку
 ««Про Данилу про каналью,
 ««Про разбойника-бусурмана,
 ««Про мерзавца-нехристиана.»»
 30. Тутъ Данило взбѣленился
 И велѣлъ онъ всѣхъ казнить,
 Бѣлы головы рубить.

- Тутъ народъ весь подымался
 И стражей гонять пускался:
 35. Разогнали всѣхъ стражей,
 До Данилы добралися
 И его колотъ пустилися.

(Записано П. М. Перевѣскимъ).

* *
*

КНЯЗЬЯ БОРИСЪ И ГЛЪБЪ.

СМОТРИ «КАЛЪКИ ПЕРЕХОЖІЕ,» ВЫПУСКЪ 3.

*
* *

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

СМ. ТАМЪ ЖЕ.

*
* *

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ.

СМ. ТАМЪ ЖЕ.

*
* *

КНЯЗЬ МОСКОВСКІЙ СИМЕОНЪ ИВАНОВИЧЪ.

СМ. ТАМЪ ЖЕ.

*
* *

КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ.

СМ. ТАМЪ ЖЕ.

*
* *

**КНЯЗЬЯ ФЕДОРЪ, ДАВИДЪ И КОНСТАНТИНЪ
ЯРОСЛАВСКІЕ.**

СМ. ТАМЪ ЖЕ.

*
* *

КНЯЗЬЯ ТВЕРСКІЕ.

1.

(Карша Даниловъ).

- А и дѣлося въ Ордѣ,
Передѣлося въ Большой:
На стулѣ золотѣ,
На рытошѣ бархатѣ,
5. На червчатой кашкѣ,
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
10. Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По Татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
15. Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу *),
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ.
20. Одного не пожаловалъ—
Любимаго шурина

*) Въ Плесковѣ, Исковѣ.—О.

Щелкана Дюдентьевича.

За что не пожаловалъ?

И за то онъ не пожаловалъ:

25. Его дома не случилось,
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальнюю землю Литовскую,
За моря синія;
Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
30. Дани-невыходы,
Царски невыплаты,
Съ князей бралъ по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ;
35. У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
40. Того самого головой возметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани-выходы,
Царскія невыплаты,
Вывелъ младъ Щелканъ
45. Коня во сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ—цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота:
50. Она тѣмъ узда дорога,—
Царское жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять,
55. И друга дарить,
Щелкана Дюдентьевича *).

*) Щелкану Дюдентьевичу—нельзя той уздой и друга дарить?—О.

- Проговорить младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичъ:
«Гой еси, царь Азвякъ,
60. «Азвякъ Тавруловичъ!
«Пожаловалъ ты молодцовъ,
«Любимыхъ шуриновъ,
«Двухъ удалыхъ Борисовичевъ,
«Василья на Плесу,
65. «Гордья къ Вологдѣ,
«Ахрамея къ Костромѣ:
«Пожалуй ты, царь Азвякъ.
«Пожалуй ты меня
«Тверью старою,
70. «Тверью богатою,
«Двумя братцами родимыми,
«Дву удалыми Борисовичи.»
Проговорить царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
75. —Гой еси, шуригъ мой,
—Щелканъ Дудентьевичъ!
—Заколи-тко ты сына своего,
—Сына любимаго,
—Крови ты чашу нацѣди,
80. —Вышей ты крови тоя,
—Крови горячія:
—И тогда я тебя пожалую
—Тверью старою,
—Тверью богатою,
85. —Двумя братцами родимыми,
—Дву удалыми Борисовичи.—
Втапоры младъ Щелканъ
Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
90. Крови горячія,
Выпилъ чашу тоя крови горячія:
А втапоры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ

Тверью старою,
 95. Тверью богатою,
 Двумя братцами родимыми,
 Дву удалыми Борисовичи.

И втѣпоры, владѣ Щелканѣ,
 Онѣ судьейо насѣлъ
 100. Въ Тверь-ту старую,
 Въ Тверь-ту богатыю.
 А не много онѣ судьейо сидѣлъ:
 И вдовы-то безчестити *),
 Красны дѣвицы позорити,
 105. Надо всѣми наругатися,
 Надѣ домами насмѣхатися.

Мужики-то старые,
 Мужики-то богатые,
 Мужики посадскіе,
 110. Они жалобу приносили
 Двумъ братцамъ родимымъ,
 Двумъ удалымъ Борисовичамъ.
 Отъ народа они съ поклономъ
 Пошли, съ честными подарками **),
 115. И понесли они честные подарки,
 Злата-серебра и скатнаго жемчугу.
 Изошли ***) его въ домѣ у себя,
 Щелкана Дудентьевича:
 Подарки принялъ отъ нихъ,
 120. Чести не воздалъ имъ.

* Только и дѣло его было, что вдовъ безчестить, и проч.—О.

** Стихи должны быть:

Отъ народа они съ поклономъ пошли,
 Съ поклономъ пошли, съ честными подарками.—О.

*** Нашли, застали.—О.

Втапору, младъ Щелканъ,
Зачванился онъ, загординился,
И они съ нимъ раздорили:
Одинъ ухватилъ за волосы,
125. А другой за ноги,
И тутъ ево разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на кожь не сыскалося *)).

Конецъ пьесы 5-го выпуска.

*) Не смекалася (смерть)?—О.

ПРИЛОЖЕНІЯ
КЪ 5-МУ ВЫПУСКУ ПЪСЕНЬ,

СОБРАНІЕЪ И. В. КИРЪВСКІИЪ.

I.

СКАЗКИ

ПРО ВАСИЛЬЯ БУСЛАВА.

1.

(Периской губерніи).

Жилъ-былъ Буславъ девяносто годовъ; живучи Буславъ, переставился; остается его молода жена Ванильа Тимоеевна, остается у нее младъ сынъ Василій Буславичъ. И сталъ этотъ сынъ Василій Буславичъ съ маленькими ребятами поигрывать: у кого руку оторветъ, у кого голову расколетъ. Отдала Ванильа Тимоеевна своего сына любимаго Старика Угрумищу *) учить—во листы писать: а выучился Василій Буславичъ не во листы писать, а выучился соколомъ летать.

Однажды у Старика Угрумища сдѣлался пиръ и бесѣда: онъ не позвалъ на него своего любимаго Василья Буславича; пришелъ самъ Василій Буславичъ на пиръ на бесѣду; изъ передняго угла гостей повыхваталъ, со скамеечки повыдергалъ, проводилъ на новы стѣни съ чернымъ **) вязомъ. Старша ***) Угрумища осерчалъ на него, на своего любимаго, и сказалъ ему:—Ты не стѣкчи, молодой свѣтугъ! Тебѣ не выпить изъ Оби воды, не выбить изъ граду людей; выпьешь изъ Оби воду, выбьешь изъ граду людей,—вотъ тебѣ пять сотъ рублей.—

*) Пилигримищу.—О.

***) Черленнымъ, червленымъ.—О.

***) Старичища, старичище.—О.

II

Пришелъ Василій Буславичъ домой къ своей матери и говорить: «Ахъ, матушка родимая! Я въ молодыхъ лѣтахъ расквастался, съ Старшомъ Угрумищей разсорился.» Мать взяла его—пьянаго наполнила и въ темную темницу заложила. Вотъ народъ собрался съ нимъ воевать, а онъ спать да спать, ничего не знаетъ. Женщина по воду ходила и ему въ окошко закричала: «Что, говорить, Василій Буславичъ, спишь, ничего не знаешь? Я, говорить, по воду ходила,—сколько людей коромысломъ прибила!»» Василій Буславичъ, услыхавъ эти слова, вышибъ каменную стѣну и пошелъ силу бить,—народъ *).

Старша Угрумища ему и взмолился: — Гой ли ты еси, Василій Буславичъ! Уходи, говорить, свое сердце ретивое, утоли плеча богатырскія: я тебѣ пять сотъ судилъ, а теперь отдамъ всю тысячу!— Вотъ Василій Буславичъ смиловался и пошелъ къ своей матери: «Ахъ, говорить, матушка родимая! Я сегодня много крови пролилъ, много народу погубилъ!» Вотъ мать на него осерчала, сдѣлала ему корабль, набрала людей и отправила по морю: сказала ему, чтобъ вхалъ куда хочеть, и рукой въ слѣдъ махнула.

Василій Буславичъ приплылъ на зеленые луга: лежитъ тутъ Морская Пучина *), вокругъ глаза. Онъ вокругъ ее похаживаетъ, сапожкомъ ее попинываетъ, а она ему и говорить:—Не пинай меня: и самъ тутъ будешь!— Вотъ послѣ этого рабочіе его расшутились межъ собой и стали скакать чрезъ Морскую Пучину: всѣ перескакали; онъ скокнулъ напоследѣ, и задѣлъ только ее пальцемъ, да тутъ и померъ.

(Записано г. Огаревымъ, доставлено В. И. Ламанскимъ).

*) См. „Замѣтку“ къ 4-му выпуску, стр. IV. и ниже.—О.

III

2).

Жизль Богуслай девяносто лѣтъ; живучи Богуслай переставилса. Оставалось у него малое дѣтище Василей Богуслаевичь. Когда онъ достигнетъ пятнадцати лѣтъ, выходитъ онъ на улицу на Рогатицу, играть онъ не съ малыми ребятами, съ усатыми и бородатами: котораго изъ нихъ схватить за руку, у того рука прочь; а кого за голову, головы нѣтъ.

Отъ такихъ его наглыхъ шутокъ чернь взволновалася. Собираются посадники Новгородскіе, думаютъ крѣпку думушку; они приходятъ къ его родимой матери и говорятъ громкимъ голосомъ: «Ты гои еси, честная жена Амелѣа Тимоѣевна! Уйми ты свое мило чадо Василья Богуслаевича, чтобъ онъ не ходилъ на улицу на Рогатицу и не игралъ бы по своему: уже нашъ Великой градъ отъ его шутокъ людьми порѣже сталъ.»^{*)} Отъ такихъ рѣчей честная жена Амелѣа Тимоѣевна прикручинилася, обѣщаетъ имъ управу дать, отпускаетъ она посадниковъ съ почестью и призываетъ къ себѣ свое чадо Василья Богуслаевича. Призвавъ его, говоритъ такіа рѣчи: —Охъ ты мое чадо милое! Перестань ты ходить на улицу на Рогатицу, полюбь тебѣ играть съ мужиками Новгородскими! Вижу я въ тебѣ силу богатырскую; но ты еще дитя младое; твои шутки неудалыя: кого ты схватишь за руку, отрываешь изъ могучихъ плечъ; а возьмешь за буйну голову, остается она въ твоихъ рукахъ. Скорбать на тебя посадники и мужики Новгородскіе. Когда они на насъ подымутся, на кого намъ понадѣяться? Въ сиротствѣ мы съ тобой остались. Хотя твоя сила велика, но стать ли тебѣ на тысячу? А побіеешь ты и тысячу, за тысячью ихъ и смѣты нѣтъ. Послушай слова добраго: перестань ходить ты на улицу!—

Сіе выслушавъ Василей Богуслаевичь поклоняется своей матушкѣ, честной женѣ Амелѣѣ Тимоѣевнѣ до сырой земли; поклонивши-

^{*)} О достоинствѣ этой сказки, не смотря на ея поддѣлки, см. въ „Замѣткѣ.“ Языкъ изъ народнаго во многомъ переначенъ на книжный языкъ.—О.

ся онъ отвѣтъ держитъ: «Государыня ты моя матушка! Не боюсь я посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новгородскіе; а боюсь твоихъ рѣчей родительскихъ, мнѣ страшно твое слово доброе. Не пойду я уже на улицу: но чѣмъ же мнѣ позабавиться, съ кѣмъ отвѣдати могуча плеча? Не сидѣть ты меня породила, не даромъ мнѣ моя звѣзда щастливая дала силу богатырскую. Какъ придетъ моя пора, укрочу я всѣхъ посадниковъ, мнѣ поклонится земля Старо-Славенская и княжество Руское. А теперь я во твоей волѣ; но прикажи ты мнѣ потѣшиться: благослови выбрать товарищей, съ кѣмъ бы было мнѣ слово молвити, съ кѣмъ отвѣдати мнѣ своей руки. Ты вели мнѣ дать зелена вина и наварить пива пьянова: я дамъ почете всему граду и найду чрезъ то товарищей, чтобъ были они на мою руку.»

Получа позволеніе отъ своей матушки, Василей Богуслаевичъ выставляетъ у своего двора бѣла-каменна, у своихъ широкихъ воротъ, чаны дубовые, наливаетъ въ нихъ зелена вина и пива пьянаго по края полны; онъ пускаетъ въ нихъ золоты чары, съ тѣми камнями самоцвѣтными, въ каждой чарѣ вѣсу тридцать пудъ. Посылаетъ онъ бирючей по всѣмъ улицамъ и велитъ имъ кличь кликати: «Кто хочетъ пожить весело, кто хочетъ въ краснѣ въ хорошѣ походить, тотъ бы шелъ къ Василью Богуслаевичу на широкой дворъ не обылаючи, но спросяся только съ своей силою, понавѣявшись на буйну голову!» Бирючи ходятъ день до вечера, они кличутъ громкимъ голосомъ: никто имъ не вызывается. Самъ Василей Богуслаевичъ смотритъ съ высока терема въ окно косящетое: чаны стоятъ непочаты, никто къ нимъ не появляется.

Тогда жилъ-былъ нѣкто Ома Толстой сынъ Ременниковъ. Онъ идетъ къ широкому двору не обылаючи, подходитъ къ чанамъ не спрашивая; онъ беретъ золоту чашу: одной рукой поднимаетъ, однимъ духомъ выпиваетъ. Увидѣвъ то Василій Богуслаевичъ, бѣжитъ съ высока терема, не одѣвшись, безъ чебатовъ, за собою онъ тащить стемляныи вязъ, и этотъ вязъ свинцомъ налить Сарочинскимъ; онъ бьетъ вязомъ Ому по уху по правому: на Омѣ головушка не тряхнется, черны кудри не ворохнутся. Богатырь тому удивляется, а ретиво сердце играетъ въ немъ отъ радости. Обнимаетъ онъ Ому въ бѣлыхъ рукахъ и ведетъ его въ свои теремы

златоверхіе. Приведши его въ свой высокъ теремъ, пѣгуетъ во уста, и тутъ кладутъ они между собою слово крѣпкое—богатырское, чтобъ были нѣмъ братьями, не щадить другъ за друга буйныхъ головъ, чтобы нѣмъ изъ одной чары и ѣсти нѣмъ съ одного блюда, носить платье цвѣтное съ одного плеча. Потомъ сажаетъ его за столы дубовые, за скатерти бранныя, за ѣствы сахарныя: пили—ѣли, прохлаждалися, межъ собой забавлялися.

Между тѣмъ Василью Богуслаевичу лежитъ на сердцѣ дума крѣпкая: онъ поглядываетъ въ окно косящетою и ждетъ, не придетъ ли кто къ дубовымъ чанамъ не спрашаючи. Появляется тутъ вдоль по улицѣ Новгородецъ Потанюшка: онъ малъ собою, невеличекъ и на одну ногу прихрамываетъ. Приходитъ онъ къ дубовымъ чанамъ, онъ бросаетъ вонъ золоты чары, подымаетъ чанъ зелена вина одной рукой, выпиваетъ его однимъ духомъ до суха, онъ выпивши разбиваетъ чанъ о сыру землю, и того чана не осталось ни щепочки. Увидѣвъ то Василей Богуслаевичъ, вспрыгнулъ онъ изъ окна отъ радости, закричалъ громкимъ голосомъ: «Охъ братецъ мой, Юма Толстой сынъ Ремениковъ! Пойдемъ встрѣтить молодца удалова: вонъ пришелъ къ намъ третій братъ!» Они схватываютъ палицы булатныя, во которыхъ вѣсу по пятьдесятъ пудъ, бѣгутъ съ высока терема въ широки ворота, прибѣгаюгъ они ко Потанюшкѣ, они бьютъ его въ буйну голову: палицы въ части разлетаются, а на Потанюшки головушка не тряхнется. Тогда взяли богатыри Потанюшку подъ бѣлы руки, повели его на широкой дворъ, на крыльцо красное, во теремы златоверхіе. Тамъ они поцѣловалися и дали другъ другу клятву крѣпкую, чтобъ были нѣмъ всѣмъ братьями и были нѣмъ душами за единую.

Скоро прошелъ слухъ по всему граду, что Василей Богуслаевичъ выбралъ богатырей сильныхъ, изъ всей земли Старо-Славенскія, что живутъ они съ нѣмъ безъ выводу, что пьютъ—ѣдятъ съ одново стола, цвѣтно платье *) съ одново плеча. Отъ молвы сей посадники взволновалися, собираются они во теремы тайницкіе, начинаютъ большой совѣтъ и думу крѣпкую. Когда всѣ посадники по скамьямъ

*) Носятъ.—О.

VI

усѣлись, встаетъ тутъ чуденъ старъ—матѣрь человекъ, выходитъ онъ на средину горницы, на всѣ четыре стороны поклоняется, онъ поглаживаетъ свою сѣдую бороду, трожды ударяетъ о полъ посохомъ, и начинаеть слово мудрое: «Вы той еси, мужи Славенскіе и всѣ посадники Новгородскіе! Не стало князя въ нашей области: Богуслай оставилъ намъ мало дѣтище; мы правимъ всею землею Рускою. Уповаемъ мы на это дѣтище княженецкое: мы ждемъ въ немъ обороны крѣпкія и управы добрыя, ждемъ лишь въ немъ ума зрѣлаго, чтобъ поставить его во главу себѣ. Но сіе дѣтище неудалое, пропадетъ отъ него земля Славенская, опустѣетъ княжество Руское: Василей Богуслаевичъ дошелъ едвакъ лѣтъ пятнадцать, а ужъ замыслы его не робяцкіе и забавы его не обычные. Прежде онъ своими шутками осиротилъ людей—смѣты нѣтъ: а теперь прибираетъ къ себѣ богатырей изъ всея земли Рускія. Въ чемъ будетъ его такова дума? Онъ хочетъ насъ прибрать во свои руки и владѣть нами своей волею. Пропадетъ наша вся слава добрая! Насмѣется намъ бѣлой свѣтъ, что мы, мудрые посадники, покорилися малому дѣтищу! Оле намъ стыда сего! О вы, посадники могучіе! Соберите вы свое единодушіе, призовите вы свой крѣпкой умъ! Не дѣтищу нами ругатися, подсѣчемъ мы зло въ его корени, поколь оно не утолщено! Мы сдѣлаемъ пиръ на цѣлой мѣри: призовемъ мы на оной Василья Богуслаевича и учнемъ выпытывать; поднесемъ мы ему братину вина заморскаго; буде не станетъ пить, инъ онъ зло мыслить; буде вышьетъ, во хмѣлю онъ промолвится, и чтѣ есть на сердцѣ, онъ все выскажетъ. Коль примѣтимъ мы, что не кормилецъ онъ земли Славенскія, мы сорвемъ ему голову съ могучихъ плечъ. Насъ бѣлой свѣтъ не осудитъ въ томъ: не одинъ онъ роду княжескаго на бѣлой Руси, мы промыслимъ себѣ князя по сердцу. Буде жъ нѣтъ, проживемъ мы, братцы, и своимъ умомъ!»»

Сію мудру рѣчь выслушавъ посадники, съ мѣсть своихъ поднимались и до пояса они предъ Чудинномъ поклонялися. Всѣ сказали они однимъ голосомъ: ««Быть по твоему, какъ придумала твоя голова умная!»»

На зарѣ потомъ на утренней, на восходѣ красна солнышка, въ тѣхъ теремахъ тайницкихъ становяты столы дубовые, разстилаютъ скатерти бранныя, готовятъ ѣствы сахарныя, привозятъ бадья зелена

VI

вина и пива сыченаго, бросаются по гостямъ торговымъ, покупають вина заморскія, что ни пьяныя, и всѣ посадники собираются. Приѣзжаютъ они въ Старо-Славенской дворець и приходятъ къ княгинѣ, честной женѣ Амелѣ Тимоѣевнѣ съ честію: они просятъ ее въ Великой Новгородъ на почестный пирь. Итъ (въ) отвѣтъ держать честіа жена:—Не мое дѣло по иирамъ ходить; погуляла я и натъ-нилась, когда живъ былъ мое солнышко, государь Богуслай, вашъ князь. Вы подите къ моему чаду милому Василью Богуслаевичу: можетъ, онъ почтитъ вашъ пирь своею молодостію. — Чего ждали, то и сдѣлалось: идутъ мужики Новгородскіе къ своему княжичу, они просятъ его съ великою честію на свой пирь въ Великой Новгородъ. Василей Богуслаевичъ идетъ къ своей матушкѣ спрощатися, благословляетъ ево княгиня къ нимъ на пирь итти, благословляючи наказываетъ своему чаду милому:—Ты пей, мой другъ,—не пропей ума! Мужики Новгородскіе хитры-лихорадливы *), обойдутъ тебя словомъ лестивымъ; но ты, когда до похвалъ доидеть, не хвались ничѣмъ у нихъ, лѣта твои младыя, не груби ты ни въ чемъ посадникамъ. — Сіе выслушавъ Василей Богуслаевичъ, поклоняется своей матушкѣ, что ево надоумила, и идетъ на пирь во Новъ-городъ одинъ однихонекъ; оставляетъ онъ въ дому своихъ побратениковъ, Оому и Потанюшку.

Приходитъ онъ во Новъ-городъ. Посадники ево встрѣчаютъ на улицѣ, принимаютъ подъ бѣлы руки, ведутъ во палаты тайницкія. Тамъ сажаютъ его за столы дубовые въ переднемъ углу. Василей Богуслаевичъ имъ за честь поклоняется и не хочетъ сѣсть во переднемъ углу. Посадники его пудятъ добрымъ словомъ: «Садись ты тамъ, чадо княжее: тамъ сживалъ твой батюшко, Богуслай, нашъ князь.» За слово сіе доброе княжичъ ихъ послушался: садится онъ въ переднемъ углу. Ему подносятъ стопу вина заморскова, онъ пьетъ и ѣсть—проклажается, онъ въ полсыта наѣдается и въ полпьяна пашивается, онъ сидитъ какъ красная дѣвушка, ни молвить онъ ни одного слова. Уже посадники на веселѣ, начинаютъ они похвалъбу держать. Иной хвалится добрымъ конемъ, иной хвалится молодой женой, иной слякою и богатствомъ, иной храбростію и мудростію: одивъ

*) Лихорадливы.—О.

VIII

лишь Василей Богуслаевичъ ни чѣмъ не похваляется. Тутъ встають съ скамьи первые посадники, Чудингъ да Сатко Богатой Гость, они громкимъ вопиють голосомъ: «Ты гой еси, нашъ батюшка, Василей Богуслаевичъ! Что ты такъ приунывъ сидишь? Что ни чѣмъ ты не похвалишься?» Игъ отвѣтъ держалъ молодой княжичъ: «Охъ вы люди почетные, посадники Новгородскіе! Чѣмъ предъ вами мнѣ похвалитися? Я послѣ государя моего батюшки сиротою остался малешенекъ, государыця моя матушка во вдовствѣ живеть. Хотя есть у меня золота казна, имѣнье и богатество: то не я собралъ, а мой батюшко. Когда буду я въ порѣ-времени, тогда буду я похвалитися.»

Таковымъ рѣчамъ посадники удивилися, начали между собою перешептывать. Наливають они братину зелена вина, начинаютъ пить приговаривая: «Кто другъ Великому Нову-граду и всей земли Славенскія, тотъ пей братину до суха!» Подаютъ они братину Василью Богуслаевичу. Уже нельзя ему было отговоритися: онъ ее въ бѣлы руки принимаетъ и до суха выпиваетъ; и сталъ онъ отъ того на веселѣ. Тогда посадники опять начинаютъ похвалитися и опять приставать къ своему княжичу, для чего онъ ни чѣмъ не похвалитися. Тогда заиграла въ немъ хмѣлинушка, закипѣла въ немъ кровь молодецкая, заговорилъ онъ имъ такovy рѣчи: «Ой еси вы, посадники Новгородскіе! Се похвала Василья Богуслаевича: что сидѣтъ ему надъ землею Славенскою и княжить надъ Рускою; быть Нову-граду всему за нимъ; онъ будетъ брать пошляны датошныя со всея земли, съ лову заячья и гоголиного; всѣ посадники предъ нимъ поклонятся, онъ принудитъ всѣхъ своею рукою богатырскою!» Выслушавъ такovy слова, всѣ посадники взволновалися и кричали вопреки ему: «Не бывать за тобой Нову-граду, не сидѣтъ тебѣ надъ землею Славенскою и не княжить надъ Рускою! Не доживъ поры ты похваляешься: не стерпѣтъ того намъ посадникамъ! Младъ еще, незрѣлъ твой умъ, намъ нечево отъ тебя дожидатися: на утро ты иди изъ земли нашей; не пойдешь, игъ погонимъ тебя не съ честію, потеряешь ты буйну голову!» Игъ (въ) отвѣтъ держалъ Василей Богуслаевичъ: «Не боюсь я васъ, посадниковъ: собирайте вы всю силу Новгородскую, я иду съ ней перевѣдаться; не изгнать вамъ меня изъ земли Славенскія; таки быть за мной всему Нову-граду, а вамъ, посадникамъ, у ногъ моихъ!» Сказавъ сіе, встаетъ онъ изъ за стола дубоваго, отдаетъ поклонъ всѣмъ посадникамъ и идетъ къ своей матушкѣ. По-

IX

садники наумилися, даютъ ему широкой путь. Пропустя его, думу думаютъ, похвальбѣ его насмѣхаются, посылаютъ они собрати всю силу Новгородскую на улицу на Рогатицу, чтобъ убити имъ своего княжича, разметати его косточки по чисту полю. Они мнятъ: «Гдѣ ратовать съ нами малу дѣтищу!»»

Ужъ на вѣтъ бьютъ въ большой колоколъ, волнуется вся страна Старо-Славенская, собирается рать сильная на одного младаго княжича. Въ то время дошла вѣсть къ честной женѣ Амелѣѣ Тимоеевнѣ, что похвалялся ея милу чадо Василей Богуслаевичъ словами неудальми, чтобъ биться ему со всею силою Новгородскою. Отъ того честна жена прикручинилась; она идетъ со крыльца краснаго къ своему сыну во высокъ теремъ, она укоряетъ его за незрѣлой умъ, что нагрубилъ онъ всеѣмъ посадникамъ: — Гдѣ тебѣ, вѣщаетъ она, биться одному противу силы Новгородскія? Погубилъ ты меня въ старости!—Сказавъ сіе, схватываетъ его въ беремечко и мчитъ въ погреба бѣлы-каменные, задвигаетъ двери засовами желѣзными, насыпаетъ ихъ песками сыпучими, оставляетъ его тутъ хмѣлю выспати; а сама идетъ въ свою казнохранильницу, беретъ она золото блюдо, насыпаетъ на него каменья самоцвѣтнаго и ѣдетъ въ Великой Новгородъ ко посадникамъ. Она кланяется имъ до пояса, поставляетъ золото блюдо на дубовой столъ, говоритъ имъ рѣчи умильныя, чтобъ простили они ея милу чадо Василья Богуслаевича за слова, что онъ во хмѣлю сказалъ, что нельзя ему стоять противу силы Новгородскія, ибо дѣты его младыя, чтобъ, попомниа они Богуслая, своего князя, пощадилъ его дѣтище.

Отъ сего посадники возгордилися, говорятъ они своей княгинѣ невѣжливо: ««Подя ты вонъ, баба старая! Не пойдешъ, имъ вышлемъ тебя съ нечестію. Намъ не надобно злата-серебра, ни каменья самоцвѣтнаго, дорога намъ похвальба Богуслайченкова, намъ надобна его буйна голова!»» За такое дурно честная жена припечалилась, залилась она горячьми слезы, возвратилась во свой дворецъ бѣлой-каменной, велѣла запереть широки ворота и засѣла въ кручинѣ великой.

На утрей день лишь просіялъ бѣлой день, не гуси и лебеди подымаются съ великаго Иршера озера, идетъ то сила Новгородская

Х

на улицу на Рогатицу: не вешняя вода тутъ облегла, окружили то посадники и мужики Новгородскіе широкой дворъ Василья Богуслаевича: выбиваютъ они широки ворота изъ пяты, валятся они на обширной дворъ.

Тутъ съ ними встрѣтилась дѣвчонка, чернешенька - малешенька: она шла изъ избы приспѣшныя въ рѣку Волховъ по воду, на плечѣ у ней коромыслица, не тяжело и не легкое, — всего вѣсу въ немъ триста пудъ. Увидѣвши то невѣжество, вскричала она къ мужикамъ и посадникамъ: — Охъ б . . . вы дѣти неудалые! Сметъ ли бы вамъ ходить на широкой дворъ не спрашаючи? Почиваетъ еще нашъ батюшко Василей Богуслаевичъ, а вы сюда гремѣть пришли! Погоню я васъ съ широкова двора! — Не дали ей докончить словъ, принялись ее колотить въ дубины вязовыя. За ту шутку дѣвчонка осердилася, бросаетъ она ведры дубовыя, беретъ въ руки свое коромыслицо, гонитъ она ихъ съ широка двора на улицу на Рогатицу. Гдѣ лишь разъ махнетъ, тамо улица, а въ другой хватить, — съ переулочками. Побивала дѣвчонка тысячу, добивалася она до трехъ полковъ. Уже руки ея примахалися, коромыслицо изломалося: бѣжить она на широкой дворъ во теремы высокіе. Прибѣжавъ туда, кричитъ громкимъ голосомъ: — Вы гой еси, богатыри могучіе! Чтѣ вы спите-почиваете? На вашего брата названаго нападаетъ вся сила Новгородская, уже выломали ворота на широкой дворъ, приступаютъ къ погребамъ бѣлымъ-каменнымъ, гдѣ почиваетъ Василей Богуслаевичъ. — Ей въ отвѣтъ сказали Оома Толстой сынъ Ременниковъ со Потанюшкой: «Не сила то Новгородская нападаетъ на нашего брата названаго: налетѣли то комары изъ болотъ Каростанскихъ; пусть пробудятъ они его жуужаніемъ, а не честь будетъ богатырская намъ боронить богатыря отъ болотныхъ мухъ. Онъ прогонитъ ихъ однимъ замахомъ.» Сіе молвивши, завернули они буйны головы во подушки пуховыя.

Между тѣмъ Василей Богуслаевичъ отъ крика - воля народнаго пробуждается: онъ вскакиваетъ на рѣзвы ноги и потряхается, отъ того въ погребѣхъ стѣны бѣлы-каменны распадаются, желѣзные засовы ломаются и желты пески разсыплются; становится онъ среди двора. То увидѣвъ сила Новгородская, бросается на него тысячами. У молодого княжича нѣтъ оружія, ни збруи ратныя. За своихъ стемляныхъ вазомъ показалось ему далеко итти, ибо тѣ вазы были у

XI

него въ высокомъ теремѣ: онъ схватываетъ ось дубовую необдѣланную; ею гонитъ онъ силу на улицу Рогатицу; побиваетъ онъ людей тысячи. Не успеютъ посадники подковъ наготовиться. Уже вся сила дрогнула, но онъ гонитъ ихъ на чисто поле, пригоняетъ ихъ къ быстрой рѣкѣ, не даетъ онъ имъ развернуться, не внимаетъ онъ ихъ покорности, молодецка кровь разогрѣлася, онъ хочетъ бить всѣхъ на голову.

Узрѣвши то посадники, приуныли все, буйны головы повѣсили; они бросаются во Новгородъ, насыпаютъ злата-серебра, камня самошвѣтнаго на златы блюды; идутъ они въ Старь-Славенскъ дворецъ ко честной женѣ Амелѣѣ Тимошеевнѣ. Они хочутъ на дворъ взойти, а въ широки ворота заперты. Они выходятъ на улицу противъ широка терема, противу оконъ косящетыхъ, преклоняютъ они буйны головы ко сырой землѣ и кричатъ громкимъ голосомъ: «Охъ ты мать паша, честна жена Амелѣя Тимошеевна! Прогнѣвали мы тебя, свою осударыню, и своего княжича, твоего мила чада Василья Богуслаевича: онъ побилъ ужъ всю силу Новгородскую. Упроси ты его словомъ родительскимъ, чтобъ оставилъ онъ людей хотя на сѣмена!» Но княгиня, то услышавши, не показала имъ своихъ ясныхъ очей, отослала ихъ съ нечестіемъ. Она лишь велѣла имъ возвѣстить: —Какъ вы дѣло затѣяли, такъ и оканчивайте; я баба старая, не возмусь за ваши дѣла ратныя.—

Посадники, услышавши свою опазу великую, видятъ бѣду неминуемую, поспѣшаютъ они въ Новгородъ. Тамъ жилъ Старчище Многолѣтище: воевалъ онъ при прежнихъ князьяхъ, побивалъ онъ силы ратныя, раззорялъ грады крѣпкіе; но когда обуяли его лѣты древнія, не выходилъ онъ изъ теремовъ своихъ ровно тридцать лѣтъ. Къ нему припадаютъ посадники и молятъ его спасти свою отчизну, и унять младаго княжича. Долго Старчище не слушалъ ихъ, однако на кручину ихъ умляется. Поднимается съ дубовой скамьи, идетъ онъ на сборную дворъ: тамъ снимаетъ онъ съ вѣча большой колоколъ, которой колоколъ шести сотъ пудъ; надѣваетъ оной на буйну свою голову вмѣсто шапочки. Отголъ шествуетъ во чисто поле, къ той быстрой рѣкѣ, гдѣ Василей Богуслаевичъ остальную рать доколачивалъ. Онъ, подшедь къ нему, закричалъ громкимъ голосомъ:—Ты гои еси, Богуслаевъ сынъ! Не за свои ты шутки принимаешься: перестань ша-

XII

лать при старомъ мужѣ! — Отъ такихъ рѣчей молодой витязь прогнѣвается, набѣгаетъ онъ на Старчица Многолѣтища, бьетъ рукою крѣпко во тяжелъ колоколъ. Красная мѣдь разсыпается, присядаетъ старой мужъ къ сырой землѣ, онъ молить-просить пощады своей: — Отъ ты сильной-могучь богатырь! Не чаялъ я такой силы въ твоей младости! Я живу на свѣтѣ сто лѣтъ и двадцать, не видалъ я себѣ спорника и побѣрника: днесь пропала моя слава богатырская, побѣдиль меня молодой юноша. Не убивай ты меня до смерти: много я служилъ Славенской землѣ, ты дай мнѣ жизнь на упокаянье. — Убивать его Василей Богуслаевичъ не держалъ ни въ умѣ въ разумѣ, а хотѣлъ ему лишь острастку дать. Поднимаетъ онъ его отъ сырой земли, обнимаетъ его въ бѣлыхъ рукахъ и отпустилъ домой съ честію.

Въ ту пору, познавъ посадники свою бѣду неизбежную и завидѣвъ гибель скорую, бросаются въ Новгородъ, во теремы тайниціе, они пишутъ крѣпкіи записи, чтобъ быть Василью Богуслаевичу княземъ надъ всемъ Новымъ-градомъ, землей Славенскою и Рускою, брать пошанны, какіи онъ хочеть, и владѣть ему своею волею. Написавъ ту записъ крѣпкую, идутъ они ко дворцу Василья Бугуслаевича, умоляютъ его названныхъ братьевъ, Оому Ременникова со Потанею, чтобы шли они упросить своего князя, перестать проливать кровь Славенскую, пощадити своихъ подданныхъ и оставити людей хотя на сѣмена.

На просьбу ихъ богатыри преклонилися, бросаютъ они вязы стемляные, кои держали на готовѣ въ рукахъ своихъ, буде бы ослабѣлъ въ рати братьевъ ихъ. Они идутъ въ поле со посадники; не дошедъ къ мѣсту побойща, кладутъ на голову записъ крѣпкую и кричатъ громкимъ голосомъ: «Здравствуй, батюшко нашъ, Славенской князь, Василей Богуслаевичъ! Перестань губить свою отчину: покорилась тебѣ земля Славенская и все княжество Руское! Поклонилися къ ногамъ твоимъ всѣ посадники: вотъ ихъ записъ крѣпкая, чтобъ владѣть тебѣ по своей волѣ надъ всемъ Великимъ Новымъ-градомъ со всеми землями и областями!» Они, сказавъ сіе, со всеми посадники у ногъ его повалилися.

Тутъ Василей Богуслаевичъ укротилъ свой сильной гнѣвъ. Онъ простилъ и пожаловалъ всѣхъ, кто остался отъ побойща. Онъ вла-

ХІІІ

дѣлъ надъ Новымъ-градомъ съ мудростью и милостью. Никто не смѣлъ на него подняться, всѣ сосѣди дальніе присылали къ нему мирныхъ пословъ со дарами многими. Вся Чудь платила ему дани со вѣрностью. Онъ не держалъ рати многіа: его рать была въ его братенкахъ Оомѣ и Потанюшкѣ. Созывалъ онъ богатырей и витазей со всего свѣта блага, съ кѣмъ бы силы опровѣдати: но не выискалось ему спорника ни противоборника. Онъ княжилъ лѣты многіа, проживалъ годы мирныя. Не оставилъ онъ по себѣ роду-племени: лишь оставилъ онъ свой стемляной вязъ на память Великому Нову-граду.

(Русскія сказки Чулкова, часть IV).

*

3 *).

Во славномъ было въ Великомъ Новѣ-градѣ, а и жилъ тамъ Буслай девяносто лѣтъ, а и жилъ Буслай съ Новымъ городомъ во миру: съ мужиками Новгородскими **) не перечился, со житыми посацкими поперегъ словечка не говаривалъ; жилъ Буслай и состарѣлся, состарѣлся и переставился. Послѣй его вѣку долгаго оставалось житье—бытье великое, все имѣнье посацкое, да оставалась матера вдова, матера вдова Амелеа Тимошеевна, да оставалось чадо милое, молодой сынъ Василій Буслаевичъ. И будетъ молодой Васька на возрастѣ, отдавала его родимая матушка, матера вдова Амелеа Тимошеевна, граматѣ да пѣнью церковному учить. Грамата и пѣнье Васькѣ въ науку не пошло ***). А и не было такого молодца супротивъ Васьки Буслаева.

А и стало Васькѣ пятнадцать лѣтъ, выходитъ Васька на улицу на Рогатицу, играть со малыши со ребятами. Повадился Васька на

*) Опѣвку этой сказки см. въ „Замѣткѣ.“—О.

**) Слишкомъ длинная для народнаго языка форма.—О.

***) Это уже конечно подправка: изъ пѣсень и народныхъ сказаній знаемъ противоположное.—О.

улицу на Рогатицу гулять, со удалыми молодцы до пьяну напивати-ся. А и ходитъ Васька съ ними по улицѣ, а и ходитъ—уродуетъ: котораго возьметъ за руку, изъ плеча руку выдернетъ; котораго возьметъ за голову, у того головы не бывадо. Пошла по Нову-городу жалоба великая на Ваську Буслаева. Сошлись мужики Новгородскіе и думали думушку крѣпкую. А мужики-то Новгородскіе, все люди посацкіе, богатые, несутъ жалобу великую къ матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимошеевнѣ, а и говорятъ таковы рѣчи: «Ты гой еси, честна вдова Амелѣа Тимошеевна! Уйми ты свое чадо милое, Василія Буслаевича: ходитъ онъ на улицу на Рогатицу, водитъ дружбу со удалыми молодцы, со удалыми молодцы до пьяну напивается, надъ мужики Новгородскіими насмѣхается; котораго возьметъ за руку, изъ плеча руку выдернетъ; котораго возьметъ за ногу, ногу выдернетъ; котораго возьметъ за голову, головы не бывало. Соизволь, честна вдова Амелѣа Тимошеевна, сказать свою заповѣдь великую Василью Буслаевичу: не ходитъ на улицу на Рогатицу, не играть по своему. Ужь нашъ Великой Новгородъ отъ его шутокъ порѣже сталъ.» И чинитъ отвѣдь честна вдова Амелѣа Тимошеевна мужикамъ Новгородскіимъ, обѣщаетъ надъ Ваською дать управу. И чинитъ почестъ честна вдова Амелѣа Тимошеевна мужикамъ Новгородскіимъ. А и стала мать Ваську журить-бранить, журить-бранить, его на умъ учить: — Перестань, Васька, на улицу на Рогатицу ходитъ, не водись со удалыми молодцы, не пей вина до пьяна, не шути шутокъ до смертнава съ мужиками Новгородскіими. Не въ твои лѣта малыя шутить шути богатырскія, вынимать руки изъ могучихъ плечъ, соимать буйны головы со добрыхъ людей. Скорбятъ на тебя мужики Новгородскіе и весь міръ крещеный. Съ твоей ли силой стать на тысячу? Будетъ ты побьешь тысячу, а за тысячью ихъ смѣты нѣтъ. Заповѣдаю тебѣ моимъ словомъ великіимъ: не ходитъ на улицу на Рогатицу, не водитъ дружбу съ удалыми молодцы, не пить съ ними вина до пьяна, не шутить съ мужиками Новгородскіими шути богатырскія.—Честной вдовѣ Амелѣѣ Тимошеевнѣ, своей родной матушкѣ, Васька поклоняется до сырой земли, а въ отвѣтъ держитъ таковы рѣчи: «Осударыня моя матушка! Не боюсь страху посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новгородскіе, а боюсь твоей великой заповѣди, страшно мнѣ твое слово великое. Не пойду на улицу на Рогатицу, не сведу дружбы со удалыми молодцы, не стану шутить

шутки богатырскія. Не таланъ же мнѣ сидѣть дома, не таланъ же силу безъ пробы износить. Придетъ пора, укорочу я мужиковъ Новгородскіихъ: придадутъ съ покорищемъ посадники. Прикажи своимъ словомъ, родимая, накурить зелена вина, наварить меду пьянова, потѣшить Новгородъ съ мужики Новгородскими.»

Пошелъ Васька во высокъ теремъ, сѣдѣлъ онъ, Васька, на ременчатый стулъ, писалъ ярлыки скорописчаты, а въ ярлыкахъ отъ мудрости слово поставлено: «Кто хочеть пить да ѣсть готовое, вались къ Васькѣ на широкъ дворъ, пей, ѣшь до сыта, носи платье разноцвѣтное до вѣку. А шелъ бы на широкъ дворъ не обсылаючи, понадѣющес на буйну голову.» Несутъ бюрючи по улицамъ ярлыки скорописчаты, ключутъ ключъ по улицамъ широкимъ, по тѣмъ частымъ переулкамъ. Выставлялъ Васька у своихъ бѣдокаменныхъ палатъ, у своихъ широкіихъ воротъ, чаны дубовые, наливалъ въ нихъ зелена вина, меду пьянова съ краями полны, опускалъ въ чаны дубовые золоты чары во тридцать пудъ со камнями самоцвѣтными. Во славномъ было Новѣградѣ, шли люди грамотные, читали ярлыки скорописчаты. Васька сидитъ во своемъ терему, смотреть въ окошко косящатое: чаны стоятъ непочаты, а повольниковъ по улицамъ итъ. Идутъ къ Васькѣ на широкой дворъ къ тому чану, къ зеленой вину, къ меду пьяному, идетъ Ѳомка Ременниковъ къ широку двору, не обсылаючи: беретъ чару единой рукой, выпиваетъ чару единымъ духомъ. Какъ завидѣлъ то Васька, бѣжить съ высока терема не одѣваючись, за собой тащитъ червеной вязъ, вѣсомъ тотъ вязъ во двѣнадцать пудъ, а въ томъ червеномъ вязу въ половинѣ было налито свинца Сорочинскаго *), и тутъ Васька сталъ его Ѳомку опробовать, сталъ его бити червенымъ вязомъ по уху по правому: стоитъ Ѳомка—не шевельнется, на буйной головѣ кудри не тряхнутся. Загорается ретиво сердце у Васьки Буслаева, отъ дива руки опускаются. «Гой еси ты, Ѳомка Ременниковъ!» говорятъ Васька Буслаевъ: «а и будь ты мнѣ назвапой братъ, пуще брата родимаго!» Ведетъ его Васька во высокъ теремъ, и тутъ они кладутъ прожежь себя слово крѣпкое: «Быть одинъ за одинъ, пить изъ од-

*) Это, какъ и въ сказкѣ Чулково, выдумка. вмѣсто народнаго—„Чебурацкаго.“—О.

ной чары, носить цвѣтно платье съ одного плеча.» И сажаетъ его Васька за столы дубовые, за скатерти бранныя, за ѣства сахарныя, за питья медвяныя. Пьютъ-прохлаждаются отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари до свѣту бѣлаго. Вертятся у Васьки ретивое, думаетъ Васька думу крѣпкую, а самъ въ окошечко поглядываетъ: не придетъ ли кто къ дубовымъ чанамъ не спрашаючи? Идетъ-плыветъ по улицѣ удалъ-добрый молодецъ Потанюшка, малъ-малехонекъ, невеличекъ, на одну ногу прихрамываетъ, на головкѣ шапочку окорашиваетъ, на высокѣ теремъ поглядываетъ. Приходитъ онъ, Потанюшка, къ дубовымъ чанамъ, бросаетъ золоту чару за веревушку, подымаетъ чанъ съ зеленымъ виномъ единой рукой, выпиваетъ зелено вино единымъ духомъ до суха: только и видѣли зелено вино. А выпивши, разбиваетъ Потанюшка дубовой чанъ о сыру землю: и того чана дубоваго не осталось ни полщепочки. А Васька въ окошечко косячатое на удалъ молодецкую посматриваетъ, горько *) поглядываетъ, а завидѣвши его обычья богатырскія, кричитъ громкимъ голосомъ: «Гой еси ты, братецъ мой, Ѳомка Ременниковъ! Пришелъ къ намъ удалъ-добрый молодецъ, нашъ названой братъ. Бери ты палицу булатную во пятьдесятъ пудъ, бѣги со терема высокова въ широки ворота.» Бѣгутъ Васька съ Ѳомкою въ широки ворота, бьютъ Потанюшку въ его буйну голову: Потанюшка стоитъ—не шевельнется, палицы на щепочки разлетаются, а на Потанюшкѣ головушка не тряхнется. Берутъ Потанюшку подъ бѣлы руки, ведутъ его на широкъ дворъ, на крыльцо красное, во терема златоверхіе. А и тутъ они цѣловались, и кладутъ промежъ себя слово крѣпкое: «Быть одинъ за одинъ, пить изъ одной чары, носить цвѣтно платье съ одного плеча.» И сажаетъ они братца названого за столы дубовые, за скатерти бранныя, за ѣства сахарныя, за питья медвяныя. Пьютъ-прохлаждаются отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари до свѣту бѣлаго. А и мало время позамѣшкавши, идутъ къ нимъ гости не спрашаючи, идутъ Дѣти Боярскіи, Лука да Матвей **) Васька молодцамъ сталъ радешенекъ и веселешенекъ. А и мало время позамѣшкавши, пришли мужики Залѣшане; единой сходкой входятъ они на широкъ

*) Зорко?—О.

**) Моисей.—О.

XVII

дворѣ, единымъ словомъ говорятъ таковы рѣчи: «А и не было такого удалаго-добра молодца супротивъ Васьки Буслаевича, а нынѣ во теремѣ потѣшается, названными братцами похваляется, а насъ Васька на встрѣчу не встрѣчаетъ, чановъ не поставяетъ.» Тутъ Васька спохватился, что Потанюшка сокрушилъ чаны, что въ укоръ дался мужикамъ Загѣшанамъ. А и говоритъ Васька таковы слова: «Есть про васъ чаны дубовые съ зеленымъ виномъ, есть про васъ меды пьяные во подвалахъ. Коли добръ человекъ есть възъ васъ, иди сюда: пей-ѣшь, прохладжайся, со мной, Васькой, потѣшайся.» И вошли мужики Загѣшане къ Васькѣ во высокъ теремъ. Сходились-собирались къ Васькѣ добры молодцы со всѣхъ концовъ, опричь Посацкой. И было всѣхъ тридцать молодцовъ безъ единого, а самъ Васька тридцатой сталъ

Скоро прослышали мужики посацкіе про Ваську Буслаева и про его названныхъ братцовъ, что живутъ они съ нимъ безъ выходу, пьютъ-ѣдятъ съ одного стола, носятъ цвѣтно платье съ одного плеча, грозятъ грозу всему Новгороду. Собирались мужики посацкіе въ терема тайницкіе, собирались—по скамьямъ садились. А и мало время позамѣшавши, встаетъ тутъ чудень старецъ, мать человекъ. Мужики Новгородскіе пріосамялись, отъ стараго до малаго всѣ были челоми. А и сталъ чудень старецъ, мать человекъ посередъ терема тайницкаго, на всѣ стороны онъ поклоняется, сѣду бороду поглаживааетъ, о носохъ вязовой спирается и говоритъ слово мудрое: «Вы гои еси, мужики посацкіе! Вѣдомо вамъ дѣтище неудалое, Василій Буслаевичъ, вѣдомы вамъ его замыслы неребацкіе, знаемы вамъ его забавы необычныя: собираетъ онъ названныхъ братцовъ, живетъ съ ними безъ выходу, пьетъ-ѣсть съ одного стола, носитъ цвѣтно платье съ одного плеча, грозитъ грозу всему Новгороду. Премъ того шутилъ онъ шутки великія, спротилъ людей—сѣты нѣтъ: а теперъ задумалъ дѣло злое, прибираетъ насъ подъ свои руки крѣпкія, владѣтъ нами по своей волѣ. Не дѣтищу ругатися мужикамъ посацкіимъ: поживемъ мы, люди посацкіе, своимъ умомъ. Созовемъ пиръ на цѣлой міръ для Василія Буслаевича: будетъ онъ на пирѣ, ударимъ челоми отъ всей поземщины, поднесемъ ему братину вина заморскаго; будетъ станетъ пить, во хвѣлю промолвится; будетъ пить не станетъ, инъ зло на насъ мыслить. Будетъ не кормилецъ намъ, сорвемъ ему голову съ могучиныхъ плечъ. Насъ бѣлой свѣтъ не охулитъ, ужъ и онъ намъ

XVIII

остуды не положить. Не одинъ онъ во Новгородѣ, промыслилъ добраго молодца по сердцу.» Кланялся чюдотъ старецъ, мать чело-вѣкъ на всѣ стороны. Поднимались мужики посацкіе съ мѣсть своихъ, кланялись старцу до поясу и говорили всѣ во одну рѣчь: ««Быть по твоему, какъ придумала твоя голова умная!»» На зарѣ-то было на утренней, на всходѣ красна солнышка, подымались мужики посацкіе, становили столы дубовые во тѣхъ терехахъ тайницкіихъ, разстилали скатерти бранья, ставили ѣства сахарныя, приво-зили бодья съ зеленымъ виномъ да съ медомъ сыченымъ; приходили гости торговыя съ винами заморскими, ни съ пьяными, ни съ по-хмѣльными *). Идутъ мужики посацкіе къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѣѣ Тимошеевнѣ съ честію, просятъ матеру вдову на честной пиръ и говорятъ таковы рѣчи: ««Гой еси ты, матера вдова, честна жена Амелѣа Тимошеевна! Иди къ намъ на честной пиръ.»» И кланялись мужики Новгородскіе до пояса. Возговорить имъ мате-ра вдова, честна жена Амелѣа Тимошеевна: — Не мое дѣло по пи-рамъ ходить: было время свѣтлое, погуляла я и натѣшилась, какъ жилъ-былъ мое солнышко, осударь Буслай. Подите вы къ моему дѣтищу, Василью Буслаевичу: онъ почтитъ вашъ пиръ своею моло-достью. — Идутъ мужики посацкіе къ Василью Буслаеву во высокъ теремъ, просятъ Ваську съ великою честію на великъ пиръ и гово-рятъ таковы рѣчи: ««Гой еси ты, Василій Буслаевич! Иди къ намъ на честной пиръ.»» Выслушалъ рѣчи посольскія, идетъ Васька къ матерой вдовѣ, къ честной своей матери Амелѣѣ Тимошеевнѣ, спро-шать благословеніе на пиръ иттить къ мужикамъ посацкіимъ. Гово-ритъ ему честна вдова Амелѣа Тимошеевна: — Ты пей, мое дѣтище, не до пьяна: мужики посацкіе хитры-лихорадливы; не взвидишь ты, мое милое дѣтище, какъ обойдутъ тебя словомъ лестливымъ. Будеть учнутъ хвалить тебя мужики посацкіе, не хвались, мое дѣтище: лѣта твои малыя. Будеть учнутъ тебѣ поминать про шутки молодецкія, не чини отповѣдь грубую: лѣта твои малыя.—И даетъ ему благо-словеніе матера вдова, честна жена Амелѣа Тимошеевна, иттить на пиръ къ мужикамъ посацкіимъ. И чинилъ Васька отповѣдь

*) Это что такое? См. „Замѣтку.“—О.

XIX

мужикамъ посаджіиъ, быть къ нимъ на честной вѣръ одинъ на одинъ. Спроедали согласіе мужики посаджіе, собирались въ терема тайницкіе.

Прослышалъ Васька про канугъ варенъ—пѣва ячныя у мужиковъ посаджіихъ, пошелъ въ терема тайницкіе. Встрѣчаютъ Ваську въ теремахъ тайницкіихъ мужики посаджіе, принимаютъ его подъ бѣлы руки, ведутъ въ палаты посольскія, сажаютъ за столы дубовые, въ переднемъ углу. Говоритъ Васька мужикамъ посаджіимъ: «Вы кой еси, люди степенные, честны мужики посаджіе! Велика честь моей молодости: есть постарше меня.» И кланялся Васька за честь мужикамъ посаджіимъ. И нудили Ваську посаджіе ласковымъ словомъ: ««Садись, дѣтище: тутъ сиживалъ твой родимый батюшка, Буслай Довмонтьевичъ).»» И кланялся Васька за честь мужикамъ посаджіимъ шуде того. Пустились мужики посаджіе на злорадны хитрости, говорили небилы рѣчи: ««Садись, дѣтище: сидѣть тебѣ будетъ на отнемъ столѣ и править мужиками посаджіими по своей волѣ.»» За сіе слово Васька спохватается, во передней уголъ сажается. И стали чевствовать Ваську мужики посаджіе. Застучали стопы съ зеленымъ виномъ, понесался **) ѣтвы сахарныя. Пьютъ—ѣдятъ, прохладяются, въ полныя напиваются, рѣчи держатъ крупныя. Одинъ Васька сидитъ не пьянъ, сидитъ — не молвить словечушка. Стали мужики посаджіе похвалу держать; Садко ***) молвить: ««А и нѣтъ нигдѣ такого ворона коня супротивъ моего Сокола ****): онъ броду не спрашиваетъ, рѣки проскакиваетъ, доли промахиваетъ, горы перелетываетъ.»» Чурило *****) молвить: ««А и нѣтъ такой нигдѣ молодой жены супротивъ моей Настасьи Апраксѣвны: ужъ она ли ступить не ступить—по алу бархату; ѣсть ѣтва сахарныя, запиываетъ сытой медовой; ужъ у моей ли молодой жены очи соколы, брови соболян, походка павлиная, грудь лебедная, а и краше ея

*) Отчество Буслая присочинено.—О.

**) Не народно.—О.

***) Вотъ и Садко, помянутый Чулковымъ.—О.

****) Соколъ у Садки былъ не конь, а корабль.—О.

*****) Для краснаго слова попалъ сюда и Чурило, притомъ съ чужою женою—Дуная Иваковича.—О.

нѣтъ нигдѣ во всей околицѣ поднебесной.»» Коста Новоторженнигъ молвить: ««А и нѣтъ нигдѣ такого богатства супротивъ моего: три корабля плывутъ за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ, три корабля плывутъ по лукоморью съ соболями, три корабля плывутъ по морю Хвалынскому со камнями самоцвѣтными, а златомъ и серебромъ потягаюсь со всѣмъ Новымъ-городомъ.»» Ставръ *) молвить: ««А и нѣтъ нигдѣ такого удалаго молодца супротивъ Ставра: ѣдятъ ли онъ въ поѣздѣ богатырскомъ—не вѣтры въ поляхъ подымаются, не вихри буйные крутятъ пыль черную, выѣзжаетъ сильный-могучъ богатырь Ставръ Путятичъ **) на своемъ конѣ богатырскомъ, съ своимъ слугою Анкудиномъ. На Ставрѣ доспѣхи ратные словно жаръ горятъ, на бедрѣ виситъ мечъ кладенецъ, во правой рукѣ копье булатное, во лѣвой шелковая плеть, того ли шелку Шемаханскаго, на конѣ сбруя красна золота. Назъезжаетъ Ставръ на Чудь поганую, вскрикиваетъ богатырскимъ голосомъ, засвистываетъ молодецкимъ посвистомъ: сыры боры преклоняются, зелены листья съ деревъ опускаются; онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ: богатырской конь осержается, мечеть изъ-подъ копыть по сѣнной копнѣ, бѣжитъ въ полѣ—земля дрожить, изо рта пламя валитъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ. Ставръ гонитъ силу поганую, конемъ вернетъ—улица, копьемъ махнетъ—нѣтъ тысячи, мечемъ хватитъ—лежитъ тьма людей.»» Задумался Васька, держитъ онъ думу крѣпкую, слушаетъ рѣчи мужиковъ посацкихъ, а самъ ни чѣмъ не похвально. А и тутъ посацкіе догадалися, догадалися-спохватилися, встають со скамьи, а сами молвятъ: ««Ты гой еси, дѣтище, Василій Буслаевичъ! Ты что по что приуныль сидишь, что ни чѣмъ не хвалишься?»» Встаетъ Васька со скамьи, встаетъ—всѣмъ поклоняется и держитъ отвѣдъ: ««На что мнѣ, молодцу, радоватися? Чѣмъ передъ вами похвалитися? Оставилъ меня осударь батюшка во сиротствѣ, а осударыня матушка живеть во вдовствѣ. Есть у меня золота казна, богатства несмѣтныя, и то я не самъ добылъ: оставилъ мнѣ осударь батюшка; мои лѣта малыя, похвалитися мнѣ не чѣмъ; придетъ пора да время, и я буду похвалитися.»» Отъ слова умнаго Васьки Буслаева мужики

*) Сколько набрало издатель богатырей изъ Кирши, в съ такими рѣчами, какихъ имъ никогда не вложилъ бы народъ!—О.

**) У народа „Годиновичъ.“—О.

посацкіе дивовалися, стали промеж себя перешептывать: «Зло держитъ Васька на сердцѣ.»» Наливаютъ братину зелена вина, ставятъ на столы дубовые, отошедъ кланяются и всѣ едину рѣчь говорить: «Кто хочеть дружить Новгороду, тотъ пей зелено вино до суха!»» Садятся мужики посацкіе за дубовы столы усмѣхаячися и ждутъ отвѣди отъ Васьки. Встаетъ Васька—поклоняется, принимаетъ братину во бѣлы руки, выпиваетъ зелено вино единымъ духомъ. И стала братина пуста до суха, а Васька сидитъ въ полпьяна. Заиграла хмѣлинушка, закипѣла кровь молодецкая и сталъ Васька похвалятися: «Глухие вы, неразумные, мужики посацкіе! Взять будетъ Василью Буслевичу Новгородъ за себя, править будетъ мужиками посацкими на своей волѣ, братъ будетъ пошлины даточныя со всей земли, съ лову заячьего и гоголиннаго, съ заѣзжихъ гостей пошлины мытныя, а мужикамъ посацкіимъ будетъ лежать у ногъ кони!» Нелюбы стали мужикамъ посацкіимъ рѣчи спорныя, закричали всѣ во едино слово: «Младъ еще ты, дѣтище неудалое, незрѣлъ твой умъ: не бывать за тобой Новгороду, потерять тебѣ буйну голову. Не честь тебѣ съ нами жить, нѣтъ про тебя съ нами земли!»» Разгорается сердце молодецкое пуще прежняго, распаляется голова буйная: «Не честь мнѣ съ вами жить,»—отвѣдъ держитъ Васька—«иду съ вами перевѣдаться!» Встаетъ Васька изъ за стола дубоваго, встаетъ—идеть, не кланяется. И только видѣли его.

Собираются въ терема тайницкіе мужики посацкіе, думаютъ думу крѣпкую, пишутъ записи поручныя: ««Битися-дратися всею дружиною съ Ваською, а въ великъ закладъ за Новгородъ держимъ дани и выгоды *) по три тысячи на всякъ годъ.»» И на томъ мужики посацкіе руки подписали. Скоро сprovѣдаетъ матера вдова, честна жена Амелва Тимооевна, что ея дѣтище похваляется словами неудальными, хочеть битися со всѣми мужиками посацкіими; беретъ она золото блюдо, насыпаетъ на него каменя самоцѣтныя, идетъ къ мужикамъ посацкіимъ и во слезахъ молвить рѣчи умильныя:—Нельзя стоять дѣтину малому противъ всей силы Новгородской.—И кланялась мужикамъ посацкіимъ каменьями самоцѣтными, а кланявшися

*) Выходы.—О.

ставила золото блюдо на дубовый столъ. Зартачились мужики посацкіе: «Намъ не надобно алата и серебра, и каменя самоцвѣтнаго: дорога похвальба Буслайченкова!» На томъ и рѣчь ставили мужики посацкіе.

Не полая вода по дугамъ разлеглася, не бѣлы лебеди со водѣ чистыиъ подымалися: сходилися-собиралися мужики посацкіе, сходились на улицу на Рогатицу, собиралися ратью сильною противъ Васьки Буслаева. Втапоры матера вдова, честна жена Амелева Тимоеевна догадалася, схватила Ваську въ беременце, кидала въ погребъ бѣлокаменны, задвигала двери засовами желѣзными, засыпала песками сыпучими. Стучать мужики посацкіе въ ворота дубовыя, а отповѣди нѣтъ. И выбиваютъ они широки ворота изъ пяты, валятся на широкъ дворъ ко крыльцу рѣшетчату. Втапоры на встрѣчу имъ выходитъ изъ избы приспѣшная дѣвка чернавка, маленька-чернешенька, на плечѣ висить у ней коромыслицо, не тяжело, не велико—вѣсомъ въ триста пудъ, а сама кричитъ: — Охъ вы, мужики посацкіе, глушые-неразумныи! Смѣтъ ли бы вамъ ходить на широкъ дворъ не спрошаючи! Погоню я васъ съ широка двора! — За такое дурно учали мужики посацкіе бить дѣвку чернавку въ дубины вазовыя. За тѣ шутки неумѣстныя дѣвка осержается, бросаетъ ведра дубовыя, хватаетъ въ руки коромыслицо вазовое, гонитъ мужиковъ посацкіиъ съ широка двора на улицу на Рогатицу. Гдѣ разъ махнетъ, тамъ улица; гдѣ два махнетъ, тамъ улица съ переулочками. Побивала дѣвка тысячу, добиралась дѣвка до трехъ полковъ. Бѣлы руки примахалися, коромыслицо изломалося, стало дѣвкѣ не въ мочь. Бѣжитъ дѣвка въ терема высокіе, кричитъ дѣвка: — Вы гои еси, богатыри могучіе! Нападаетъ вся сила Новгородская на Василья Буслаевича, разломала широки ворота, приступаетъ къ погребамъ бѣлокаменнымъ, хотять соимать буйну голову съ Василья Буслаевича.—Оумка Ременниковъ со Потанюшкой просыпаются, на всѣ стороны оглядываются, а и говорятъ дѣвкѣ таковы рѣчи: «Не сила то Новгородская нападаетъ на брата названнаго, на Ваську Буслаева: налетаютъ то комары изъ болотъ. Не честь будетъ богатырская боронить богатыря отъ болотныхъ мухъ.» А молвивши таково слово, Оумка со Потанюшкой, завернули они буйны головы во подушки пуховыя. Только ихъ и слышали. Завопила дѣвка пуще прежняго.

Отъ того ли крика Васька пробуждается: онъ встаетъ—поднимается, на рѣзвы ноги опирается, бѣло-каменны погребя распадаются, желѣзны засовы ломаются, желты пески разсыплются; онъ вскопчилъ на широкъ дворъ: на дворѣ вся сила Новгородская. А и не было на Васькѣ сбруи ратныя, не попалась ему палица желѣзная, что попалась ему ось тележная: гонить ея Васька мужиковъ Новгородскихъ на улицу на Рогатицу. Бьются мужики съ Ваською, хочетъ Васька побить всѣхъ на голову. Махнетъ Васька на право—вся улица пуста; махнетъ на лѣво—въ переулочкахъ пусто. Ужь учаль побивать Васька третью тысячу. Приуныли мужики посацкіе, повѣсили буйны головы, идутъ въ терема тайниціе, насыпаютъ злата и серебра, и каменя самоцѣтнаго, идутъ къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѣ Тимошеевнѣ. Клонятъ мужики посацкіе буйны головы предъ окошками косячатыми и молвятъ во едину рѣчь: «Гой еси ты, матера вдова, честна жена Амелѣ Тимошеевна! Прогнѣвали мы, люди глупые, тебя, осударыню, нагубили рѣчью грубою твоему дѣтищу, Василью Буслаевичу. Побилъ онъ рать несмѣтную, грозить извѣсть весь Новгородъ. Упроси ты его словомъ ласковымъ оставить людей на сѣмена.» И кланялись мужики посацкіе златомъ и серебромъ, и каменьями самоцѣтными. Отсылала ихъ матера вдова, честна жена Амелѣ Тимошеевна съ нечестіемъ.

Вспомнили мужики посацкіе про Старчица Многолѣтища. Идутъ мужики посацкіе въ почестной монастырь, буйны головы повѣсили, бьютъ челомъ Старчищу Многолѣтищу и просятъ его во едину рѣчь унять шутки неудалы Васьки Буслаева. А молвить имъ Старчище Многолѣтище:—Гой еси вы, мужики посацкіе! Побивалъ я рати сильные, разоралъ грады крѣпкіе, а нонѣсь обули меня лѣта древнія, сижу я во теремѣ неисходно ровно тридцать лѣтъ. Не моеи старости унять шутки неудалы Васильки Буслаева. — И на томъ ставилъ рѣчь свою Старчище Многолѣтище. И пронали мужики посацкіе его пуще прежняго. Старчище съ дубовой скамьи подымается, словно соколъ молодой вздымается, не беретъ онъ ни палицы булатныя, ни сбруи ратныя, а надѣваетъ на голову колоколь во триста пудъ вмѣсто шапочки. Идетъ Старчище Многолѣтище *) на улицу на Рогатицу. Добивалъ

*) Многолѣтище.—О.

Васька третью тысячу, а добивши Васька бѣжить по улицамъ широкоимъ. Стоитъ тутъ Старчище Многолѣтище, на могучихъ плечахъ держитъ колоколъ во триста пудъ, безъ сбруи ратныя, безъ палицы булатныя. Кричитъ тотъ Старчище Многолѣтище:—А и стой ты, Васька, не попархивай, молодой глудыр не полетывай: изъ Волховой воды не выпити, есть молодцовъ супротивъ тебя! Стоить мы, молодцы, не хвастаемъ, не шутимъ шутки неудалы!—Отъ таковыхъ рѣчей Васька разсержается, а молвить таково слово: «А и гои еси ты, Старчище Многолѣтище! А и бился я о великъ закладъ со мужики Новгородскими опричь тебя, Старчища Многолѣтища. Въ задоръ войду, тебя убью!» И ударилъ Васька Старчища во колоколъ тою осью тельжною: качается Старецъ, шевелится, ко сырой землѣ клонится. Заглянулъ онъ Васька Старцу подъ колоколъ: а во лбѣ глазъ ужъ вѣку нѣту. И проситъ Ваську Старчище Многолѣтище дать животъ на успокаяніе. Поднимаетъ Васька Старчища со сырой земли, обнимаетъ его во бѣлыхъ рукахъ и отпускаетъ на покой съ честію ^{*)}).

Пошелъ Васька по Волхвъ-рѣкѣ, по той улицѣ Волховой, завидѣвъ его удалы молодцы, Оюмка со Потанюшкой: у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ молодцовъ думушки прибыло. Молодой Васька сталъ выручать ихъ.

Втапоры мужики посацкіе вспознали бѣду неминучую, идуть въ терема тайниціе, пишуть крѣпки записи: ««Быть Новгороду за Васьюкою Буслаевымъ.»» Насыпаютъ чашу чиста серебра, а другую чашу красна золота со камнями самоцвѣтными, идуть къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелеѣ Тимошеевнѣ. Пришли они къ терему высокому, бьютъ челомъ — поклоняются: ««Осударыня матушка! Принмай ты дороги подарочки, унимай свое чадо милое, молада Василья со дружиною. А и ради мы платитъ на всякъ годъ по три тысячи, на всякъ годъ будешь носить съ хлѣбниковъ по хлѣбнику, съ калачниковъ по калачику, съ молодцовъ повѣнчное, съ дѣвиць повалешное, со всѣхъ людей и со ремесленныхъ, опричь поповъ и дяжковъ.»» И на томъ ставили рѣчь свою мужики посацкіе.

^{*)} Этотъ исходъ у Чулкова и принятъ Сахаровымъ: Буслаевъ убилъ Старца и это-то обозначено словами—„во лбѣ глазъ ужъ вѣку нѣтъ.“—О.

Втапоры матера вдова, честна жена Амелеа Тимоосевна опосылаеть дѣвку чернавку привести Ваську со дружиною. И пошла та дѣвка чернавка по Ваську, а идетъ дѣвка—запыхалася, нельзя дѣвкѣ по улицѣ пройти: полтен по улицѣ валяются отъ мужиковъ Новогородскихъ. Прибѣжала дѣвка чернавка, схватила Ваську за бѣлы руки, учала ему рассказывать:—Не вѣдаешь ты, малое дѣтище, что пришли мужики Новогородскіе, принесли они дороги подарочки и принесли записи поручныя ко твоей осударынѣ матушкѣ, къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелеѣ Тимоосевнѣ.—И на томъ дѣвка рѣчь свою ставила. Ведеть дѣвка Ваську со дружиною на широкъ дворъ, приводить дѣвка Ваську къ зелену вину.

И сѣли молодцы во единъ кругъ, выпивали по чарѣ зелена вина съ того уразу молодецкаго. Кричить Ѳомка Ременниковъ со Потапюшкой: «У мота, у пьяницы, у молада Васьки Буслаева не ушто не уѣдено, вкраснѣ хорошо не ухожено, цвѣтна платья не уошено, увѣчье на вѣкъ залѣчено *)!» И повелъ Васька молодцовъ ко осударынѣ своей матушкѣ, къ матерой вдовѣ, къ чествой женѣ Амелеѣ Тимоосевнѣ. Втапоры мужики посацкіе клали записи поручныя на буйны головы, приносили дороги подарочки, вдругъ сто тысячей. И съ той поры мужики посацкіе поклонилися, поклонилися—сами покорилися.

(«Русск. нар. сказки.» Сахарова, 1841 г.).

* *
* *

*) Такъ, обличая свой источникъ, ошибочно исправляетъ Сахаровъ выраженіе изъ сборника Кирши; см. въ пѣсняхъ.—О.

II.

СКАЗКА

про Новгородца Акундина и Князя Глеба Ольговича *).

Созволяте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приглубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя, какъ въ стары годы прежніе жили люди старыя. А и то-то, родимые, были вѣки мудрыя, вѣки мудрыя, народъ все православный. Живали старики не по нашему, не по нашему—по заморскому, а по своему—православному. А житье-то, а житье-то было все привольное да раздольное. Вставали ранымъ раненько, съ утренней зарей, умывались ключевой водой со бѣлой росой, молились всѣмъ святымъ и угодникамъ, кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада, выходили на красенъ крылецъ со рѣшеточкой, созывали слугъ вѣрныхъ на добры дѣла. Старики судъ рядили, молодые слушали, старики придумывали крѣпкія думушки, молодые бывали во посылушкахъ. Молодыя молодицы правили домкомъ, красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ день. Старыя старушки судили-рядили и сказки сказывали. Бывали радости великія на Великъ день, бывали бѣды со кручинами на велико сиротство. А что было, то былью поросло; а что будетъ, то будетъ не по старому, а по новому. Русскимъ людямъ долгое житье, а родимой сторонѣ долѣ того.

Какъ во старомъ было городѣ, братцы, во Новѣгородѣ, какъ во томъ ли во Новѣгородѣ жилъ Акундинъ молодець, а и тотъ ли

*) О значеніи этой сказки, еще болѣе невсортенной, чѣмъ предидущая, см. въ „Замѣткѣ.“—О.

Акундинъ, молодой молодецъ, былъ со посадской стороны, со посадской стороны, со торговой. Ужь и онъ ли, Акундинъ, ни пива не варилъ, ни вина не курилъ, ни въ торгу торговалъ, а ходилъ онъ, Акундинъ, со повольницей, и гулялъ онъ, Акундинъ, по Волгѣ по рѣкѣ на суденышкахъ. Понаскучило ему, Акундину, повольницу водить; вотъ и думаетъ Акундинъ: кабы ему до Кіева дойти, во Москвѣ побывать? Садится Акундинъ на суденышко оснащенное, беретъ весельца кленовыя, кладетъ весельца кленовыя во замки дубовые, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко по Волгѣ по рѣкѣ, а плыло суденышко ровно тридцать и три дня, и пришло суденышко ко круту берегу. На ту пору Акундинъ пробуждается ото сна, а самъ съ собой думу думаетъ: «А и что то за городъ? А и что то за люди?» Подумавши Акундинъ подымался въ нарядъ со суденышка на крутъ бережокъ. Какъ во ту пору на встрѣчу ему идетъ Калѣчище Перехожій.—Богъ на помощь, и добрый путь молодцу заѣзжему!—говоритъ Калѣчище Перехожій. «Спасибо тѣ на ласковомъ словѣ,» молвитъ Акундинъ. И были челомъ другъ другу. А бивши челомъ, спрашалъ Акундинъ его Калѣчища: «А и что то за сторона? А что то за городъ? А и что то за люди?» И молвитъ Калѣчище:—Сторона то широкая, что отъ Оки рѣки потягла до Дону глубокаго, зовутъ Рязанью, а править тою стороною стельный князь Олегъ; а что городъ-то посадежъ по Окѣ по рѣкѣ, то зовутъ Ростиславль, а на столѣ княжить Рязанскаго роду князь, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ; а люди-то Рязанцы, его молода князя Глѣба Олеговича слуги исконныя.—«Такъ!» молвилъ Акундинъ, да и задумался, а задумавшись говорить себѣ рѣчь невзначай: «А кабы ты широкую сторону Рязань, и со молодымъ княземъ Глѣбомъ Олеговичемъ, и со всеми его исконными слугами покорить Новугороду?» Во ту пору Калѣчище слушалъ его слова неудалыя, а самъ себѣ держитъ на умѣ:—Не корыстна сторона для Новагорода: кабы Рязань не полонили алы Татарове, кабы Рязань не обложили данью великою, постояла бъ Рязань за себя. Да и Рязань не та чета Новугороду.— А и мало время помѣшавши, беретъ Калѣчище Акундина за его бѣлыя руки, водеть его, Акундина, поодакъ крута бережка, и ставитъ его, Акундина, на высокъ курганъ, а остановивши на высокъ курганъ говорилъ таковыя рѣчи:—Погляди-ко, молодой молодецъ, на городъ

Ростиславль, а поглядѣвши повѣдай, что́ дѣется во городѣ во Ростиславль?—Какъ глянуть Акундинъ во городъ во Ростиславль, а тамъ бѣда великая: исконыя слуги молода князя Глѣба Олеговича стоять посередь торго, хотать войной городъ отстоять, да силы нѣтъ войной стоять. Какъ загорѣлось у Акундина ретивое сердечушко по исконнымъ слугамъ молода князя Глѣба Олеговича, какъ заходили у Акундина ноженьки по курганчику, какъ замоталася головушка буйная по молоду князю по Глѣбу Олеговичу, такъ туту Калѣчище не вспозналъ, что и дѣлать. «Пойду за исконыхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича,» говорить Акундинъ, «войной стоять.» А и туту молвить Калѣчище Перехожій: — Погляди-ко, молодой молодецъ, на Оку рѣку, а поглядѣвши повѣдай, что́ дѣется въ Окѣ рѣкѣ?—Глядитъ Акундинъ на Оку рѣку, а въ Окѣ рѣкѣ плыветь чудовище невиданное, змѣй Тугаринъ: длиною-то былъ тотъ змѣй Тугаринъ во триста сажень, хвостомъ бьетъ рать Рязанскую, спиною валить круты берега, а самъ все проситъ стару дань. Какъ загорѣлося у Акундина ретивое сердечушко по исконымъ слугамъ молода князя Глѣба Олеговича, такъ и знай себѣ говорить: «Пойду за исконыхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича войной стоять!»

Во ту пору Калѣчище беретъ Акундина за его бѣлы руки, везеть его, Акундина, во чисто поле, а приведши во чисто поле ко крутой горѣ, молвить таково слово: — Ты гои еси, доброй молодецъ изъ Новагорода! Ты скажи, какъ звать тебя по имени, какъ величать тебя по изотчеству? — На тѣ ли рѣчи спросныя возговоритъ Акундинъ: «Родомъ я изъ Новагорода, со посадской стороны; зовутъ меня, молодца, Акундинъ Акундинычъ.» — Тебя-то, Акундинъ Акундинычъ, я ждалъ тридцать и три года, съ крута бережка не сходячи, а и думалъ тебя вѣкъ не видать.—И туту Калѣчище складъ съ себя платье перехожее, надѣвалъ на себя платье посадничье, а самъ вымолвлялъ рѣчи вѣстныя:—Ты гои еси, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундинычъ! Спознай своего дядюшку родимаго, Заматню Путятича: а вѣдь и мой-то братъ, Акундинъ Путятичъ, былъ тебѣ родимый батюшка. Не влюбилъ люди Новгородскіе твоего батюшку родимаго, а правдъ, вишь, ими не такъ. Какъ не влюбил твоего батюшку родимаго, какъ перѣшила сгубить его съ родомъ съ племе-

немъ, такъ и не стало звать Акундина Путятича: сокрушили его со всѣмъ домою. Со той поры не важилося мнѣ на посадничествѣ сидѣть, и придумалось мнѣ до Кіева дойти; со той поры, во тоскѣ во кручинѣ, горе гореваньицею качу, тебя, мое милое дѣтище, дожидаячи. А и вотъ тебѣ мечъ кладенецъ твоего батюшки родимаго, Акундина Путятича; а и вотъ тебѣ калена стрѣла твоего батюшки родимаго, Акундина Путятича; а вотъ тебѣ тугой лукъ твоего батюшки родимаго, Акундина Путятича. — Не домоливши рѣчи вѣстныя, сталъ Замятня Путятичъ кончатися, со бѣлымъ свѣтомъ раставатися. Видно на роду ему, братцы, такъ написано, что довелось посередъ поля переставитися. Какъ сталъ Замятня Путятичъ со бѣлымъ свѣтомъ раставатися, и учалъ отповѣдь чинить:—А и гои еси ты, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундиничы! Какъ и будешь ты во славноу во Новѣ-городѣ, и ты ударь челомъ ему, Новугороду, и ты скажи, скажи ему Новугороду: «А и дай же то Боже, тебѣ ли, Новугороду, вѣкъ вѣковать, твоимъ ли дѣтушкамъ славы добывать, какъ и быть ли тебѣ, Новугороду, во могучествѣ, а твоимъ ли дѣтушкамъ во богатствѣ! — Какъ переставился, Замятня Путятичъ, и туто Акундинъ схоронилъ его во сыру землю, а самъ пошелъ войной стоять за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича.

Во ту пору змѣй Тугаринъ спалъ-почивалъ. А приплылъ онъ, Тугаринъ, отъ Калуги по Окѣ по рѣкѣ, и приплылъ онъ, Тугаринъ, ко городу Ростиславлю за старою данью. Во ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичъ задумалъ женитися, а приговорилъ взять себѣ жену изъ роду княжова, у стольнаго князя у Рязанскаго, у Олега Ивановича, его молодую дочь Настасью Олеговну. А и не думалъ и не ждалъ онъ, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, такой бѣды на свой городъ Ростиславль. Да и запросилъ же онъ, злодѣй Тугаринъ, старую дань за всѣ годы старыя, а дани-то всея насчитывали старыя люди съ три осминныхъ мѣшка съ чистымъ золотомъ, съ чистымъ серебромъ, со каменьями самоцвѣтными. Сидитъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ во своемъ терему думу думаючи, бѣду отбываючи. И жаль-то стало ему и молодую княжву Настасью Олеговну, и своихъ исконныхъ слугъ Ростиславичей. Коли дань платитъ, такъ и свадьбѣ не быть. Во ту пору приходитъ во его высокъ теремъ, ко молодому

князю Глѣбу Олеговичу, старый посадникъ Юрья Микитичъ, и бьетъ ему старый посадникъ большіише челобитьицею, а самъ вымолвляетъ таковы рѣчи: «Ты гой еси, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, наше свѣтлое солнышко! Не прикажи рубить-казнить, а прикажи слово вымолвить?» И билъ на томъ челомъ молоду князю старый посадникъ. Какъ возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ:—А и гой еси ты, старый посадникъ Юрья Микитичъ! Не придумалъ ли ты думушки, какъ бѣду отбыть? — «Не кручинься, нашъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ,» молвилъ Юрья Микитичъ. ««Велика Божья милость до вѣку, сильны твои исконныя слуги по всей землѣ. Отбывали въ старину не тѣ бѣды великія, а эта бѣда не бѣда. Повели только посла снарядить съ хлѣбомъ съ солью да съ ласковымъ словомъ, и дѣло уладится.»»—Будь по твоему, какъ придумала голова твоя умная,—молвилъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ. И билъ челомъ молоду князю на ласковомъ словѣ старый посадникъ Юрья Микитичъ.

Идетъ—не идетъ старый посадникъ Юрья Микитичъ на площадь. Шуба-то на немъ собольная во сто рублевъ, а то данье стараго князя Олега Олельковича; шапка-то на немъ корабликомъ во двадцать рублевъ, а то данье старой княгини Настасьи Ивановны; какъ на шубѣ-то пуговицы валящаты серебряны во десять рублевъ, а то данье молода князя Глѣба Олеговича; какъ на стару посаднику, у того ли Юрья Микитича, гривна золотая, что и цѣны ей нѣтъ, а то данье стольнаго князя Рязанскаго Олега Ивановича; какъ на шубѣ-то у Юрья Микитича камка Цареградская, что и цѣна-то ей у молода князя въ казнѣ, а то данье стольнаго князя Московскаго Дмитрія Ивановича; какъ на шубѣ-то у Юрья Микитича обошелъ поясъ узорчатой со камнями, что и цѣна-то ему у молода князя въ казнѣ, а то данье молодой княжны Рязанской Настасьи Ивановны. Какъ сталъ старый посадникъ Юрья Микитичъ посередѣ площади во своемъ ли во нарядѣ, а ставши на всѣ стороны поглядываетъ, сѣду бородушку поглаживаетъ, а самъ ни словечка не молвить.

Во ту пору Старчице у княжа двора бьетъ во набать, а пробивши одинъ разъ бьетъ и въ другой, а пробивши въ другой разъ бьетъ и въ третій. Во ту жь пору бирючи клѣчь клѣкали по всему городу

ю Ростиславлю. Идетъ миръ крещеный, кто на конѣ, кто самъ о себѣ. Какъ увидалъ старый посадникъ Юрья Микитичъ народъ Божій вокругъ себя, такъ и давай кланяться на всѣ стороны, а кланявшися сталъ слово вѣстное говорить: «А и гой еси вы, исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича! Вѣдомо вамъ стало, что подъ нашъ столичный градъ Ростиславль пришелъ войной лютой змѣй Тугаринъ за старой данью?» На его-то слово вѣстное, стара посадника Юрья Микитича, блии челомъ старъ и младъ, и говорили всѣ во едину рѣчь:—Вѣдаемъ, родимый, бѣду неминучую, и что приду-маетъ твоя голова умная, такъ тому и быть.—Тутъ старый посадникъ Юрья Микитичъ приосамился, да и сталъ грозну рѣчь говорить: «А и гой еси вы, исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича! Ваши-то стары старики силы не спрашивали, сами бѣды отбывали. Да за то и жаловалъ ихъ старый князь. Какъ обѣлъ на столѣ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, такъ вы и головушки не клоните, какъ отбыть бѣду неминучую. Али вамъ лучше въ ордѣ жить полоняниками? Не хочу болѣй посадничать и печаловать миромъ крещенымъ!» И молили люди посадскіе его, стара посадника Юрья Микитича, порадытъ и печаловаться за миръ крещеный. И тутъ молвилъ имъ Юрья Микитичъ: «Ну, имъ быть такъ! Стану по старому посадничать, отбуду бѣду неминучую. Только слушайте, люди посадскіе: снаря-дить казну княжую, да пристроить хлѣбъ-соль на поклонъ люту змѣю Тугарину!» На ту-то рѣчь грозную стара посадника Юрья Микитича блии челомъ старъ и младъ, и говорили всѣ во едину рѣчь:—Снарядимъ тѣ, родимый, княжую казну, пристроимъ хлѣбъ-соль на поклонъ люту змѣю Тугарину, только отбудь бѣду неминучую!—И на томъ кланялись Ростиславичи.

Бьетъ Старчище у княжа двора во набать, а бивши растворяетъ тесовы ворота на обѣ стороны, а самъ сталъ на особицу. Во ту пору идетъ—не идетъ со красна крыльца княжова старый посадникъ Юрья Микитичъ пословъ радить. Бирючи по гореду разбѣгались, а сами кличутъ кличъ на княжой дворъ. Идетъ миръ крещеный изъ всѣхъ домовъ, кто на конѣ, кто самъ о себѣ. Идутъ на княжой дворъ послы наряженные съ хлѣбомъ-солью. А молодой князь Глѣбъ Олеговичъ во высокомъ теремѣ сидитъ, думу думаячи, бѣду отбываючи: внишь жаль ему стало исконныхъ слугъ. Какъ собрался народъ Божій на княжой дворъ, и старый посадникъ Юрья Микитичъ

послать наряженныхъ сталъ наказъ чинить: «Гой еси вы, послы наряженые! Повелѣлъ вамъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ пойти съ хлѣбомъ-солью челомъ бити люту змѣю Тугарину и словомъ ласковымъ миръ урядити. Коли будетъ миръ да любовь со Тугариннымъ, напишите записи поручныя; коли дѣло пойдетъ на брань, киньте грамоты разбитыя. А ино все будетъ по старому, а дани не дадимъ!»»

Бьеть Старчище у княжа двора во набать. Идутъ послы наряженные изъ городу. Во ту пору лютый змѣй Тугаринъ пробужается, а самъ на городъ посматриваетъ:—Коли честью старой дани не дадутъ, такъ ужъ весь городъ затопаю!—Подходятъ послы наряженные ко круту бережку, не дошедши до крута бережка бьютъ Тугарину большимъ челобитьемъ, а сами молвятъ: «Ты гой еси, воевода грозенъ змѣй Тугаринъ! Не топи нашъ стольный городъ Ростиславль, а прийми хлѣбъ-соль отъ молода князя Глѣба Олеговича, да подари словомъ привѣтливымъ пословъ наряженныхъ!»—Давно бы такъ!—возговорить Тугаринъ,—спасибо на хлѣбъ и на соли молоду князю Глѣбу Олеговичу; спасибо и на большомъ челобитьѣ послы наряженныхъ!—И принималъ Тугаринъ отъ пословъ наряженныхъ хлѣбъ-соль молода князя Глѣба Олеговича, а принявши съѣлъ за единъ разъ.—Коли вы послы наряженые,—молвилъ Тугаринъ,—присланы миръ урядити, такъ урядимъ перву рѣчь о старой дани.—Кланялись послы наряженые, а кланявшись говорили во едину рѣчь: «Миръ готовы урядити: на то мы и послы наряженые, а дани не вѣдаемъ за собой.»—Какъ вы, смерды Ростиславичи, дани за собой не вѣдаете?—заговорилъ грозну рѣчь змѣй Тугаринъ;—припомните-ка по записямъ поручнымъ, сколько потягло за вами?—И тому-то слову изоймаючи, выступаетъ дьякъ Чоботокъ на особицу, да развернулъ записи поручныя и по тѣмъ записямъ свелъ, что долгъ съ Ростиславичей изстари поконченъ, и отъ дани такожде слобожденны на всѣ вѣки грядущіе. И на томъ дьякъ Чоботокъ ставилъ свою рѣчь. Да ту жь рѣчь опослѣй вымолвляли и послы наряженые.—Ой вы, смерды Ростиславичи! Позабыли все старое,—говорилъ посламъ наряженнымъ змѣй Тугаринъ;—знаю я, сколько за вами приходится старой дани; знаю я, сколько потягло дани за вашими отцами; знаю я, сколько приряжено дани за вашими дѣдами, опричь того старой годовщины и мостовщины съ Оки рѣки, что идетъ въ Золоту орду.

Ужь коли миру быть, такъ насыпьте всё три мѣшка съ краями полными *) колны. И вы насыпьте во одинъ мѣшокъ чиста золота, —то дань за себя; и вы во другой мѣшокъ кладите чиста серебра, —то дань за вашѣхъ отцовъ; и вы во третій мѣшокъ уберите каменья самонцвѣтныхъ.—то дань за вашѣхъ дѣдовъ. Безъ того и миру не быть. Ужь коли рать поведу, то затоплю вашъ городъ Ростиславль, погублю вашъ родъ со дѣтьми и внучатами, а женъ вашихъ въ орду продамъ! — На тѣ угрозы небывалыя послы наряженные не знали не вѣдали, какой отвѣтъ чинить. Одинъ дьякъ Чоботокъ на ту пору догадавсь былъ, онъ догадавшись просилъ у зятя Тугарина показать мѣшки во городѣ во Ростиславль: да потомужъ ему нужно вымѣрять, кому сколько придется со двора насыпать въ мѣшки.—А и ты-то посоль, а и ты-то умная голова, а и тебѣ-то даю мѣшки!—говорилъ Тугаринъ дьяку. На тѣ-то рѣчи посольныя дьякъ и руки протянулъ, и мѣшки прибралъ. «Ладно,» думаетъ дьякъ про себя: «безъ мѣшковъ-то не во что будетъ и дань собирать. Скорѣй бы ихъ въ банѣ смечь, да на вѣтеръ пустить.» И вопрошавши послы наряженные его, зятя Тугарина: коли не хочеть безъ даней миръ урядить, иво бы размѣняться и грамотами разметными? А зятѣ Тугаринъ молвить имъ:—Кабы вы приславы были не послами уряженными, такъ бы васъ всѣхъ съѣлъ за одинъ разъ!—И клави послы грамоты разметныя на круть бережокъ, а клавши приговаривали: «А будь на порушителя въ записи поручной судъ 'Божій!» И тѣмъ-то рѣчамъ зятѣ вѣры не ималъ: онъ злодѣй держится еретицествомъ.

Идутъ послы ко городу, ворота растворяются, входятъ послы на княжой дворъ, бѣтъ Старчище во набать. А и туто на княжомъ дворѣ встрѣчалъ ихъ, пословъ наряженныхъ, старый посадникъ Юрья Микитичъ. Ему-то послы наряженные били челомъ и повѣдали рѣчи отъ зятя Тугарина. На ту пору дьякъ Чоботокъ клалъ три мѣшка предъ старшимъ посадникомъ предъ Юрьемъ Микитичемъ, а положивши говорилъ свою рѣчь: «А и выманилъ я тѣ мѣшки у зятя Тугарина, во что онъ, собака, дань собираетъ: а безъ нихъ-то онъ,

*) Полныиъ?—О.

собака, не будетъ знать, сколько со города Ростиславля дани по-
тягло.» И на той своей рѣчи Чоботокъ былъ ему, посаднику, боль-
шимъ челобитыицемъ. Какъ глянулъ старшій посадникъ на тѣ три
мѣшка, такъ отъ страха и не вѣсть, что съ нимъ содѣялось: вынь
жалъ ему стало книгой казны. «А постой ты, дьякъ! А и погоди
ты, дьякъ!» кричить старшій посадникъ Юрья Микитичъ. «А и
ты то, дьякъ, злой еретикъ, за одно съ Тугаринимъ держишься ере-
тичества; а и знаю я, какъ тебе со бѣла свѣта согнать! А и бо-
рите вы, люди посадскіе, того дьяка за его бѣлы руки, опускайте
вы того дьяка во всѣ три мѣшка, а и несите вы того дьяка ко змѣю
Тугарину!» По сказанному, какъ по писанному, хватили его, дьяка,
нодъ бѣлы руки, опускали его, дьяка, во всѣ три мѣшка, и по-
несли его, дьяка, ко змѣю Тугарину. Какъ принесли его, дьяка, ко
круту бережку, какъ заглянули Тугарину во глаза, такъ и дай же
то Боже ноги бѣжать. И онъ, дьякъ Чоботокъ, на ту пору догад-
ливъ былъ: давай мѣшки глотать, свѣту Божьяго искать. Какъ про-
ѣдалъ онъ единъ мѣшокъ, два зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ вто-
рой мѣшокъ, три зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ третій мѣшокъ,
всѣ пять сломалъ. И увидалъ онъ, дьякъ Чоботокъ, крутъ бере-
жокъ, а возлѣ бережка змѣя Тугарина, да и давай себѣ молвить:
«Гой еси ты, дядюшка, змѣя Тугаринъ молодой! А и выслушай мое
челобитыице не малое: а и злой-то посаднище, старой Юрья Мики-
тища, не соизволяетъ тебѣ платить стару дань; ужъ и онъ ли, ста-
рой Микитища, насмѣячись надъ тобой, завязалъ меня, дьяка, во
всѣ три мѣшка, будто за твои, дядюшка, грѣхи; а и били меня, ко-
лотили меня, все, родимый дядюшка, за тебя; а ты, де, дьякъ, съ
Тугаринимъ за одно.» И не вѣсть, что дьякъ причитывалъ, а Ту-
гаринъ про то не зналъ, не вѣдалъ. И вставалъ Тугаринъ на крутъ
бережокъ, приподнималъ дьяка во мѣшкѣ, а самъ себѣ молвить:—А
и что то за дань во мѣшкѣ? Ни то чисто золото, ни то чисто серебро,
ни то камѣня самоцвѣтныя.—Какъ развязалъ Тугаринъ мѣшки да за-
глянулъ туда, а тамъ дьякъ сидитъ, а самъ слезно плачетъ.—А и той
дани не надо мнѣ, а и та дань на смѣхъ мнѣ!—кричить змѣя Туга-
ринъ. И туто Тугаринъ пыталъ его дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю
правду скажи: сколько у молада князя Глѣба Олеговича золотой каз-
ны?—И на то-то дьякъ молвить: «Ай право скажу, ничего не утаю:
лишь вынь, дядюшка, изъ мѣшка!»—Туто Тугаринъ вынималъ его,

дьяна, изъ иѣника, и ставилъ его на особицу. «Золотой-то казна, возговорить дьякъ, «у молода князя Глѣба Олеговича сѣты нѣтъ, а тѣ золота казна во високомъ теремѣ, въ золотомъ ларцѣ лежитъ; а ключи отъ того золота ларца на рукахъ у стара посадника у Юрья Микитища; а сколько тамъ золотой казны, про то онъ, дьякъ, не вѣдаеть.» И туто Тугаринъ пыталъ его, дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича каменьевъ самоцвѣтныхъ?—«А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дялюшка, сойди въ Оку рѣку да уйми крутоярыя волны!» И туто Тугаринъ послушавъ былъ: онъ сходилъ съ крута бережка въ Оку рѣку да уймалъ крутоярыя волны. «Каменьевъ самоцвѣтныхъ у молода князя Глѣба Олеговича,» говорилъ дьякъ, «сѣты нѣтъ; а тѣ каменя самоцвѣтныя во високомъ теремѣ, во золотомъ ларцѣ лежать; а ключи отъ того золота ларца на рукахъ у стара посадника у Юрья Микитища; а сколько тамъ каменьевъ самоцвѣтныхъ, про то онъ, дьякъ, не вѣдаеть.» И туто Тугаринъ пыталъ его, дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича силы ратной?—«А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дялюшка, окунись въ Оку рѣку да достань бѣлосыпучаго песку!» И туто Тугаринъ послушавъ былъ: онъ окунался въ Оку рѣку, доставалъ бѣлосыпучаго песку, а доставши подавалъ дьяку. «А и вотъ какова сила ратная у молода князя Глѣба Олеговича:» и учалъ дьякъ бѣлосыпучій песокъ по полю розсыпачь, а самъ отъ крута бережка утекаючи, ко городу Ростиславлю убѣгаючи. А змѣй-то Тугаринъ думаетъ не то: онъ чалъ силу ратную сочестъ, а дьякъ себѣ на умѣ, кабы живу домой уйти. И туто Тугаринъ догадался, что дьяку въ обманъ дался, а догадавшись давай Оку рѣку гонять, городъ Ростиславль затоплять. И дьякъ Чоботокъ ко городу прибѣгалъ, въ тесовы ворота стучалъ, а самъ приговаривалъ: «Ай, братцы, нустите скорѣй! Ай, родимые, растворите ворота! Смиаился Тугаринъ злодѣй: хочеть онъ, собака, миръ урядить.» На его ли слова вѣстныя тесовы ворота растворялися. Входитъ онъ, дьякъ, на княжьей дворъ, а и бьетъ онъ, дьякъ, большимъ челобитьемъ: «Ты гои еси, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! Пошли посломъ стара посадника Юрья Микитища ко змѣю Тугарину: хочеть онъ змѣй миръ урядить.» На ту ли рѣчь неожиданую выходитъ со красна крыльца старый посадникъ Юрья Микитищъ, а самъ грозну рѣчь говоритъ:

«А и зелье ты злое, старый дьякъ! А и тебе-то, дьяка, змѣй не брать!» И молилъ его дьякъ выслушать словеса посольскія, а самъ знай себѣ бьетъ большія челобитыца. И туто воевода пріосамился, а дьякъ Чоботокъ правилъ ему словеса посольскія: «Отъ грознаго воеводы змѣя Тугарина слово милостивое стару посаднику Юрью Микитичу; бьетъ челомъ змѣй Тугаринъ ему, посаднику, до земли и шлетъ ему, посаднику, слово вѣстное: не надо мнѣ ни чиста золота, ни чиста серебра, ни каменьевъ самоцвѣтныхъ; а и знаю я тебя за добра челоуѣка; а ты ли одинъ славень въ ордѣ! Супротивъ стара посадника Юрья Микитича нѣтъ никого; а и съ нимъ-то я миръ поряжу, стару дань слажу; а и пускай онъ самъ о себѣ принесеть записи поручныя.» И тому-то старый посадникъ вѣру ималъ. А и не зналъ онъ, старый посадникъ, что то дьякъ его избывалъ. Да и дьяку ли вѣру имать? И волчья снасть у дьяка на зубахъ: пулы беретъ, на суды суды ведеть.

Вотъ и пишеть онъ, посадникъ, записи поручныя, а самъ наряжается во большой нарядъ, да и идетъ ко змѣю Тугарину самъ о себѣ. Какъ завидѣлъ его Тугаринъ издалеца, такъ и давай себѣ говорить:—А и знаю я, то старый дьякъ идетъ; а и онъ-то оиать хочеть въ обманъ ввести, надо мною, змѣемъ, насмѣхаючись.—Во ту пору приходитъ старый посадникъ Юрья Микитичъ, становится на крутъ бережокъ, а самъ вымолвляеть словеса посольскія, не бивши змѣю челомъ: «Отъ стара посадника Юрья Микитича слово великое тебѣ ли, змѣю Тугарину; повѣдалъ ты, змѣй Тугаринъ, дьяку, что придумалось тебѣ, Тугарину, миръ урядить, буде старый посадникъ Юрья Микитичъ придетъ самъ о себѣ. Ино ты доброе дѣло задумалъ. А и я-то, старый посадникъ Юрья Микитичъ, а и я-то принесъ записи поручныя.» На тѣ-то слова посадничья змѣй вѣры не ималъ; а и онъ-то змѣй знай себѣ говорить:—А и знаю я, что ты старый дьякъ; а и тебѣ въ обманъ не дамся; а и будетъ того, что на первомъ разу неправдой ушелъ! — И туто его, стара посадника, змѣй Тугаринъ съѣлъ за одинъ разъ. И дьякъ Чоботокъ на ту пору догадливъ былъ: онъ злодѣй во воротахъ за Старчица стоялъ да на стара посадника глядѣлъ. Какъ, де, завидѣлъ онъ, дьякъ, что змѣй Тугаринъ стара посадника съѣлъ, то и давай себѣ кричать: «Ай, батюшки, бѣда! Ай, родимые, бѣда! Не стало нашего

XXXVII

стара посадника, Юрья Микитича, на бѣломъ свѣтѣ, ужь его ли, роднаго, змѣй Тугаринъ съѣлъ! А и что мы, сироты, будемъ безъ него?» И его дьячьи слова скоро во высокъ теремъ дошли, ко молодому князю Глѣбу Олеговичу. А никто про то во городѣ не вѣдаетъ, а никто про то не знаетъ, что то дьячья стрепня, стара дьяка Чобота.

Бьеть Старчище у княжа двора во набать. Бирючи по городу разсыпалися, сами кликали кличь на княжой дворъ. И туто молодой князь Глѣбъ Олеговичъ выходилъ изъ высока терема на свой княжой дворъ радъ радить, миромъ править. Какъ сталъ онъ, молодой князь, на свое мѣсто показанное, и во ту пору всѣ князья и бояре и весь миръ крещеный становился въ ряды: стары люди къ старикамъ, молодые молодцы къ молодцамъ, а князья и бояре тожь по себѣ. И били князю челомъ. И возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Гой еси вы, князья и бояре, и весь миръ крещеный! Не стало нашего стара посадника Юрья Микитича на бѣломъ свѣтѣ. Ужь вы сами, князья и бояре, придумывайте, какъ бѣду отбыть.» На его слова, молада князя Глѣба Олеговича, князья и бояре и весь миръ крещеный били челомъ, а бывши челомъ говорили всѣ во одну рѣчь: «Вѣдаемъ, свѣтлое наше солнышко, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ, про стара посадника Юрья Микитича, что его на бѣломъ свѣтѣ не стало. Не кручинься и не печалуйся ты, наше свѣтлое солнышко, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! Пойдемъ всѣ войной, отъ стара до мала, на змѣя Тугарина, и положимъ всѣ свои животы за тебѣ, наше свѣтлое солнышко!» И возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Спасибо вамъ, князья и бояре, и весь миръ крещеный! Порадѣю за васъ на своемъ столѣ. Коли войной бѣду отбывать, такъ и я иду съ вами!» И били челомъ всѣмъ миромъ молодому князю Глѣбу Олеговичу.

Бирючи по городу разсыпалися, кликали кличь на большу войну. Напередъ идетъ ко княжу двору стрѣлецкая дружина, со топорами, со рогатинами, да со большими копьями; а за ними шли стары старики, кто на конѣ, кто самъ о себѣ; а далѣй шли молодые молодцы всѣ во ратныхъ досѣхахъ: со стрѣлами, со колчанами, да со большими мечами. Какъ на тѣхъ ли, молодыхъ молодцахъ, омац-

рядочки шелковы, всё узорчаты; какъ на тѣхъ ли, молодыхъ молодцахъ, шапочки цырковы, всё корабликами; какъ у нихъ ли, молодыхъ молодцовъ, сѣтхи раты словно жаръ горять. Какъ и тѣ ли, молодые молодцы, головкой цамахивають, шапочки побрасываютъ, а сами говорятъ: «А и дай же те Боже, супостата неборать, за молодца князя постоятъ! У насъ ли молодой князь Глѣбъ Олеговичъ воеводою большой, наряжался во походъ со тремя полками. Какъ во первомъ-то полку все дружина удалая, стары конейщики. Какъ в первой-то полкъ ведетъ самъ боярской сынъ, молодой стрѣлецъ; какъ и второй-то полкъ ведетъ самъ княженецкой сынъ, молодой боецъ; какъ и третій-то полкъ ведетъ старый бояринъ, стрѣлецкая голова. Какъ у тѣхъ ли у полковъ ѣдетъ напередъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ. Порадѣйте, братцы молодцы, супостата неборать, за молодца князя постоятъ!» Сходила-ся-собиралася рать ко князю двору. Какъ и ту ли рать уряжалъ старый бояринъ, стрѣлецкая голова. Предъ нимъ дьякъ читаетъ грамоты урядныя, кому быть головой во первомъ полку. Доставалось быть головой сыну боярскому, тому сыну боярскому Данилѣ Ивановичу. Какъ доставалось быть головой во старомъ *) полку сыну княжецкому, тому Микитѣ Ивановичу, молодому бойцу. Какъ во третій полкъ приговорилъ быть себѣ старый бояринъ, стрѣлецкая голова, онъ ли Нежданъ Борисовичъ. И становилъ онъ, старый бояринъ, всё полки на особицу: напередъ урядилъ большой полкъ старинныхъ стрѣльцовъ; далѣй того выводилъ середній полкъ молодыхъ молодцовъ; а послѣй того становилъ сторожевую рать старинныхъ стариковъ. У большова-то полка, что у знамечка стрѣлецкова, стоялъ молодой княжецкій сынъ, то наименьшій сынъ стара князя Олега Омельновича. А урядивши рать, во терема высокіе пошелъ старый бояринъ къ молодцу князю Глѣбу Олеговичу вѣсть подать. Бьетъ Старчище во большой набатъ. Идетъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ изъ высока терема, садится онъ на крутояраго **) коня. Конь подъ нимъ воздымается выше гѣсу стоячева, выше облака хвѣчева; а и молодой князь бьетъ того коня по крутымъ бедрамъ: конь подъ нимъ смиряется, клонитъ голову до земли, а самъ канцтопъ въ землю бьетъ. Какъ на молодцу ли князю на Глѣбу Оле-

*) Во второмъ?—**) Любопытнѣе знать, нигдѣ у народа не встрѣчался.—О.

голицу былъ ратный сбруй, батырской: колчанъ съ каленой стрѣлой, дѣловской, да мечъ владенца его батюшки родимаго. И повелѣньемъ, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, на войну рать стрѣлецкую, да другу рать молодыхъ молодцовъ; а третью рать старинныхъ стариковъ урядилъ во городѣ сидѣть; а городомъ вѣдать указалъ имъ тому старому боврину, стрѣлцкой головѣ Неждану Борисовичу.

Не грозна туча во широкомъ полѣ подымалася, не полая вода на круты берега разливалася: а выводилъ-то молодой князь Глѣбъ Олеговичъ рать на войну. Какъ прочуалъ змѣй Тугаринъ рать немилую, и началъ мутить Оку рѣку широкиимъ хвостомъ. Широка Ока рѣка возмутилася, круты берега разсыпалися, мутна вода разливалася. Нельзя къ змѣю подойти, нельзя змѣя войной воевать. Широко поле Рязанское, а негдѣ рати стать. На широкиихъ поляхъ кони не стоять, на круты холмы вода взошла. На ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичъ догадивъ былъ: онъ вынималъ изъ колчана калену стрѣлу, натягивалъ тетивочку шелковую, а самъ приговаривалъ: «Ты лети, лети, моя калена стрѣла, да прямо во Тугарина! Ты угоди, моя калена стрѣла, во его во правой глазъ! Ты прострѣли, моя калена стрѣла, его недобрый глазъ!» Стрѣла была тетивка, взвыла да полетѣла калена стрѣла. И угодила калена стрѣла его, Тугарина, да во правой глазъ. Отъ того ли боя великаго, отъ того ли стрѣла могучаго не стало права глаза у Тугарина, того ли глаза недобраго.—А и знаю я, чья та недобрая стрѣла, а и знаю я, кто ту недобру стрѣлу пускалъ, — возговорить Тугаринъ. — И ты, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, не води рати на меня: погублю тебя во твоей молодости, уведу во полонъ твою молодую княжну Настасью Ивановну во ту ли Золоту орду! — На его-то змѣя слова известныя молодой князь Глѣбъ Олеговичъ ни словечушка не молвить, ни отвѣди не чинить. Только молодые молодцы сабелями помахиваютъ, его Тугарина на смертну рать зовутъ. И туто стрѣлецка рать въ обходъ пошла, Тугарина полонить, его, змѣя, живота лишитъ. На ту пору Тугаринъ догадивъ былъ: онъ Оку рѣку переймалъ, на стрѣлецку рать пускалъ; и стало стрѣльцамъ не въ ночь.

Не высоко солнце по полнебесью восходило, не румяная заря въ широкое полѣ рсталалася: а выводитъ то молодой Акундикъ. И

видеть онъ, Акундинъ, что Рязанцамъ стало не въ мочь, и пришло у него, Акундина, желанье постоять войной за молода князя Глѣба Олеговича. Снимаеъ онъ, Акундинъ, съ крута бедра свой мечь кладенець, беретъ съ могуча плеча свой тугой лукъ, а достаетъ изъ колчана калену стрѣлу. Натягиваетъ тетивочку шелковую, а самъ приговариваетъ: «Ты лети, лети, моя калена стрѣла, да во того ли змѣя Тугарина, да во его ли буйну голову! Ты разбей, разбей, моя калена стрѣла, буйну голову Тугарина!» Спѣла была тетивка, взвилася да полетѣла калена стрѣла. И угодила калена стрѣла его, Тугарина, да во самую буйну голову. И во ту пору онъ, собака Тугаринъ, догадливъ былъ, и онъ учалъ молить: — А и гой еси ты, молодой Акундинъ изъ Нова-города! А и бери ты сколько хошь золотой казны, а и бери ты болѣй того каменевъ самоцвѣтныхъ, лишь возьми, возьми свою калену стрѣлу: а и твоя-то калена стрѣла сгубила меня, молодца, до вѣку. — И его-то, Тугарина, онъ, Акундинъ, не слушаетъ; и его то, Тугарина, онъ еретичество разрушаетъ, а разрушивши его еретичество, идетъ ко круту бережку. Во ту пору Ока рѣка въ круты берега собиралася, на днѣ Оки рѣки желты пески воздымалася. И беретъ онъ, Акундинъ, мечь кладенець, разсѣкаетъ его, Тугарина, на сорокъ сороковъ: и отъ того онъ, еретикъ Тугаринъ, дотолѣ и живъ былъ.

Во ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичъ съ диву дивовалася, а самъ со боярами говорить: «А и что то за невѣдомъ человекъ? А и какъ Ока рѣка въ круты берега собиралася? А и какъ змѣя Тугарина на бѣломъ свѣтѣ не стало? Не ужь-то и бѣда миновала надъ стольныишъ нашимъ городомъ?» И посылаетъ онъ посла къ Акундину, а велитъ ему, послу, спросать: «Ты скажи, невѣдомъ человекъ: откуда родомъ ты? Какъ звать тебя по имени и какъ величать тебя по изотчеству?» А допросивши, молвить: «Молодой князь Глѣбъ Олеговичъ бьетъ тебѣ, молодцу, большимъ челобитьцемъ,» а справивши большое челобитьце звать его, молодого молодца, во высокъ теремъ хлѣба-соли кушать да бѣлыхъ лебедей рунать. Идетъ посолъ къ Акундину, а не дошедъ поклоняется, а самъ исправляетъ словеса посольскія: «Отъ стольнаго князя Глѣба Олеговича къ тебѣ, молодцу, слово великое; повелѣлъ стольный князь Глѣбъ Олеговичъ тебя спросать: откуда родомъ ты? Какъ звать тебя, молодца, по имени и какъ величать тебя, молодца, по изотчеству?» И на ту

рѣчь посольскую Акундинъ отвѣдъ чинитъ: — А и спасибо стольному князю Глѣбу Олеговичу на его словѣ ласковомъ, а и про его спресь я самъ скажу. — И справляя посоль ему, Акундину, большое челобитье, и звалъ его, молодого молодца, во высокъ теремъ хлѣба-соли кушать да бѣлыхъ лебедей румать. Идетъ онъ, Акундинъ, ко городу ко Ростиславу. Тесовы ворота растворяются, а на встрѣчу ему выходитъ весь мѣръ крещеный да со большнмъ челобитьемъ. Входитъ онъ, Акундинъ, на княжой дворъ, а туто ему князья и бояре правятъ большое челобитье отъ молада князя Глѣба Олеговича, и ведутъ его, Акундина, во высокъ теремъ за его бѣлы руки. Входитъ онъ, Акундинъ, во высокъ теремъ, и туто ему, Акундину, велику славу поютъ. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Ты скажи, скажи скорѣй, молодой молодецъ: какъ зовутъ тебя по имени и какъ величаютъ по изотчеству?» На то-то слово привѣтанное вымолвляетъ Акундинъ: — Родомъ я изъ Новгорода, со посадской стороны; зовутъ меня Акундинъ Акундиннычъ. — А молвивши, былъ Акундинъ князю челоу. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Отъ всего мѣра крещенаго, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ бьютъ тебѣ, молодому молодцу, челобитьемъ.» На тѣ-то слова княженецкія, отъ всего мѣра крещенаго, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ выходитъ тысяцкій съ хлѣбомъ-солю: «Ты прійми, прійми, добрый челоуекъ, большое челобитье отъ всего мѣра крещенаго, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ.» А молвивши тысяцкій подноситъ ему, Акундину, хлѣбъ-соль. И кланялся Акундинъ всему мѣру крещеному, всѣмъ исконнымъ слугамъ на хлѣбъ на соли. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ бьютъ тебѣ, молодому молодцу, челобитьемъ.» На тѣ-то слова княженецкія, отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ выходитъ тысяцкій со шубой соболяною: «Ты прійми, прійми, добрый челоуекъ, большое челобитье отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ.» А молвивши тысяцкій подноситъ ему, Акундину, шубу соболяную. И кланялся всѣмъ князьямъ и боярамъ, всѣмъ исконнымъ слугамъ, на даръ великомъ, на шубѣ соболяной. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «За твои я услуги великія жалую тебя, молодого молодца, цѣлью золотой со гривною.» На тѣ-то слова княженецкія выходитъ тысяцкій со цѣлью золотой и со гривною: «Ты прійми,

вѣдѣи, добрый человекъ, большое жалованье отъ стольнаго князя Глѣба Олеговича.» А молвитъи тысящій подноситъ ему, Акундину, золотую цѣпь со гривною. И кланялся Акундинъ большіиу чело- бѣтнику на великомъ жалованьиѣ молоду князю Глѣбу Олеговичу, а самъ вымолвлягъ:—Ты гой еси, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! Не вели рубить-казнить, а вели слово вымолвить: велика милость Божья до вѣку, широко твое княжене Рязанское отъ Оки рѣки до Дону глубокаго, вѣрны твои слуги исконныя на всей землѣ, велико твое княженецкое подареньеце! Не мнѣ, Акундину, носить цѣпь золотую, не мнѣ, Акундину, носить цѣпь золотую и со гривною. Есть у тебя, стольнаго князя, князя и бояре: и то-то подареньеце князь- ятъ и боярамъ. — И дивился князя и бояре мудрымъ словесаиъ Акундина. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Князь- ятъ и боярамъ свой почетъ, а тебя, Акундина Акундинныча, чев- ствую почестью великою за твои ли услуги великия.» И на томъ князь положигъ свою рѣчь. И кланялся Акундинъ большіиу чело- бѣтнику, а самъ вымолвлягъ:—Ты гой еси, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! А и не было у насъ во посадничестваѣ такого подарень- ница, а и не было у насъ во всей посадской сторонѣ такого жало- ваньяца; а и слышалъ я, сказывали люди старые, что во каменной Москвѣ жаловалъ стольный князь Дмитрій Ивановичъ на великъ день своего боярина, что налучшаго. И ты, осударь, понечалуиъся о моемъ сѣтованьиѣ, и ты, стольный князь, сонаволь принять мое худое нежеланьеце. — И сонмалъ молодой князь Глѣбъ Олего- вичъ со правой руки золотъ перстень со камнемъ самоцѣтныиу, и жаловалъ его, Акундина, своимъ подареньецеиъ, а самъ вымолвлягъ: «Гой еси ты, добрый молодецъ! Ужь и видно то, что ты со роди- мой землѣ Русскія, и знать то по всему, что въ твоемъ горьчестѣ сердцѣ кипитъ кровь богатырская, того ли Велика Новогорода по- садничья. А и вы-то, мои слуги исконныя, урядите вы нарядъ по всей землѣ Рязанской, чтобы ему ли, молодцу Новогородскому, Акун- дину Акундиннычу, пѣтъ славу вѣчную.» А и тутѣ всѣ князя под- ходили по себѣ къ Акундину бити челоиъ и обниматься, а опослѣиъ вымолвляли всѣ во одну рѣчь: «А и будетъ тебѣ, молодцу Ново- городскому, Акундину Акундиннычу, пѣтъ славу вѣчную по всей зем- лѣ Рязанской; а и слава та пойдетъ въ роды родовъ, а во той ли слави будетъ пѣтъ: сослужилъ ли онъ, Акундинъ Акундиннычъ, слуги-

XLII

бу великую всей землѣ Рязанской, да и набавилъ ли онъ, Акундинъ Акундинъчъ, городъ Ростиславль отъ полоку великаго, отъ лѣта зема Тугарина.»» А и кланялся онъ, Акундинъ, на всѣ стороны, а самъ вышолвлялъ: — А не я то сдѣлалъ, а не я те урядилъ: те воли Божья была! Спасибо вамъ, люди добрые, за ваши словеса притѣливыя. А и дай же те Боже, молоду князю Глѣбу Олеговичу во вѣки на столѣ княжить! А и дай же те Боже, вамъ, исконнымъ слугамъ, ему, молоду князю, до вѣку служить! А и дай же те Боже, всей землѣ Рязанской вѣкъ вѣковать! — И повели его, Акундина, князя и бояре подъ бѣлымъ рукомъ во гримницы княженецкія, сажали его, Акундина, за столы дубовые, за скатерти бранныя, за ѣства сахарныя, а посадники его за дубовы столы, промали хлѣбъ-солнъ кушать, бѣлыхъ лебедей рушать. Пошла пирушка великая, столъ богатый на радостяхъ. А и пирь-то былъ ураженъ на всѣ три дни: во единомъ пиру пировалъ Акундинъ во гримницѣ княженецкой, у молодца князя Глѣба Олеговича; какъ во другомъ пиру пировалъ Акундинъ во палатахъ посадничьихъ, у князей и бояръ; какъ во третьемъ пиру пировалъ Акундинъ на посадкой сторонѣ, у всего міра крещенаго. А опослѣ того пира великаго, выходилъ Акундинъ во высокъ терезъ къ молоду князю Глѣбу Олеговичу прощатися. Возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «А и гои еси ты, добрый молодецъ Акундинъ Акундинъчъ! Какъ и жаль-то мнѣ съ тобой разстатися! Придумалось мнѣ, молоду князю, поселить тебя на усадьбище немалое, во палатахъ посадничьихъ, а за твои ли услуги великія наградить тебя боярствомъ. А и сталъ бы печаловаться ты по всей землѣ Рязанской, по мнѣ исконнымъ слугамъ. Соизволь принять мое жалованье княженецкое, соизволь занять усадьбище немалое, палаты посадничьи.» И былъ челомъ Акундинъ ему, молоду князю Глѣбу Олеговичу, а самъ вышолвлялъ:—Велика твоя милость княженецкая, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! А и далъ я великъ обѣтъ ити во стольный Кіевъ градъ, да каменну Москву посмотреть. — И молилъ его, молодца князя, чтобы отпустилъ его, Акундина, во стольный Кіевъ градъ побывать, каменну Москву посмотреть. И отпустилъ его молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, а на прощаньи велѣлъ одарить его, Акундина, князя и бояръ казною княженецкою да хлѣбомъ-солнью. И провожали его, Акундина, князя и бояре и весь міръ крещеный вплоть до Оки рѣ-

ли, до его суденышка оснащеного. Какъ и мѣръ-то крещеный ему хлѣбъ-соль подносилъ, а люди-то приговаривали: «Ты прійми, прійми, молодой молодецъ, отъ всего мѣра крещенаго хлѣбъ-соль на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго.» И кланялся Акундинъ мѣру крещеному, принималъ хлѣбъ-соль на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго. Какъ и князья-то со боярами молвятъ ему: «Ты прійми, прійми, молодой молодецъ, изъ казны княженецкой золота и серебра и камня самоцвѣтнаго сколько хощь, на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго.» И кланялся Акундинъ князьямъ и боярамъ, а изъ казны княженецкой не бралъ онъ ни золота, ни серебра, ни камня самоцвѣтнаго, а только молвить: —А и то-то добро мнѣ, молодцу, не надобно!—

Садится онъ, Акундинъ, на свое суденышко оснащенное, беретъ весельца кленовыя, кладетъ весельца кленовыя во замки дубовые, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко внизъ по Окѣ рѣкѣ, и плыло суденышко ровно тридцать и три дня, и пришло суденышко ко круту бережку. Сидитъ Акундинъ на кормѣ, а самъ дивуется: «А и что то за великъ городъ стоитъ на круту бережку?» Никто ему, Акундину, ни словечка не скажетъ, никто ему, Акундину, вѣсточки не дастъ. Подымался онъ, Акундинъ, во нарядъ, а поднявшись выходить на крутъ бережекъ и идетъ ко тому городу великому. Входитъ онъ, Акундинъ, во тотъ городъ великой, а во томъ городѣ великомъ бѣда учинилася: нападали злы Татарове на тотъ великъ городъ Муромъ, полонили они людей посадскихъ во полонъ, со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной, того ли воеводы Муромскаго дочь названую. Идетъ онъ, Акундинъ, на воеводской дворъ, ко тому ли двору изукрашенному. Входитъ онъ, Акундинъ, на тотъ дворъ, а тамъ молода боярыня, Аенмья Ивановна, плачетъ-возрыдаетъ, а сама въ возрыданьицѣ вымолвляеть:—Гой еси ты, моя ненаглядная дочь, Настасья Ивановна! Ужь воротись ты, моя лебедь бѣлая, ко своему ли ко родимому батюшкѣ, Неждану Ивановичу, ко своей ли родимой матушкѣ, Аенмѣ Ивановнѣ, ко своей ли родимой сестрицѣ, Авдотѣ Ивановнѣ! Ты взойди, взойди во свой теремъ изукрашенный! Ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, опустѣлъ твой теремъ изукрашенный. Ты взойди, взойди во палаты бѣлокаменны, ко своему ли батюшкѣ родимому: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во палатахъ бѣлокаменныхъ нѣту радости, нѣту веселія у тво-

его родимаго батюшки. Какъ и онъ ли, твой родимый батюшка, со тоски со кручинашки хлѣба-соли не кушаетъ, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во теремъ брусчатый; ко своей ли матушкѣ родимой: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во теремъ брусчатомъ нѣту радости, нѣту веселія у твоей родимой матушкѣ. Какъ и она ли, твоя родима матушка, со тоски со кручинашки позабыла свое вѣжество пригожее, позабыла свое было лично сурмить *), позабыла свои дороги нарядунки радить, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во вышку рѣшетчатую, ко своей ли родимой сестрицѣ: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во вышкѣ рѣшетчатой нѣту радости, нѣту веселія у твоей родимой сестрицѣ. Какъ и она ли, твоя родима сестрица, со тоски со кручинашки позабыла игры дѣвичьи, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во свой зеленый садъ, ко своей ли нянюшкѣ: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, опустѣлъ зеленый садъ, осиротѣла твоя нянюшка. Какъ и твоя-то нянюшка слезно плачетъ, возрыдаетъ, а сама въ возрыданьицѣ слово молвить: Ты разступися, мать сыра земля, ты поглоти меня, мать сыра земля, горько-одинокую! Для кого я взлелѣяла мою бѣлую лебедушку, красную дѣвицу Настасью Ивановну? Ужь досталась она, родимая, злу Татарченку, бесерменину. Ты разступися, мать сыра земля, ты поглоти меня, мать сыра земля, горько-одинокую! Ты взойди, взойди на свой широкой дворъ, какъ и тамъ ли всѣ твои подруженьки: ужь онѣ слезно плачуть-возрыдаютъ, а въ возрыданьицѣ слово молвятъ: поднимися ты, туча грозная, по поднебесью, ты заслони, туча грозная, путь-дороженьку злу Татарченку въ Золоту орду! Ты возстань, возстань, вѣтеръ буйной со полунощи, ту умчи, умчи, вѣтеръ буйной, нашу лебедь бѣлую, молодую подруженьку, свѣтъ Настасью Ивановну, во теремъ изукрашенный! Какъ и безъ тебя ли, наша лебедь бѣлая, приутихли игры дѣвичьи, приумолкли тайны бесѣдушки, нѣту радости въ зеленомъ саду, нѣту веселія среди двора широкаго. Ты взойди, взойди, туча грозная, ты возгрянь, возгрянь, громова стрѣла, да во того ли зла Татарченка, бесерменна!—Какъ во ту пору выходилъ Нежданъ Ивановичъ на свой широкой дворъ

*) Эта выдумка уже не совсѣмъ кстати: лицо вышло бы чернымъ, сурмять лишь брови.—О.

унижать свою молодую жену, свѣтъ Аонимью Ивановну. Какъ и онъ ли, Нежданъ Ивановичъ, слезно плачетъ-возрыдаеть, а въ возрыданьицѣ слово молвить: «Ты не плачь, не плачь, моя молодая жена, свѣтъ Аонимья Ивановна! Не руди ты своего бѣла личика, не надсамай своего здоровьца некрѣпикаго. Какъ и безъ того знать по твоему бѣгу личику злу тоску со кручинною; какъ и безъ того знать по твоимъ горячимъ слезамъ бѣду наносную. Сваряжу я рать могучую, опомлю ту рать въ Золоту орду немирную, по нашу лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Ты взойди, взойди въ извѣчные дома Божьи *): ты пролей, пролей свои горячи слезы ко Создателю!» Какъ и туто Нежданъ Ивановичъ подкалывалъ сѣнныхъ дѣвушекъ, а самъ приказывалъ: «Ужь и вы ли, сѣнныя дѣвушки! Ведите вы мою молодую жену, свѣтъ Аонимью Ивановну, во палаты бѣлокаменны, во теремъ брусчатый. Унимаите вы мою молодую жену отъ слезъ горячихъ, отъ надсадушки великой.» Принимали сѣнныя дѣвушки молодую боярыню Аонимью Ивановну подъ ея бѣлы руки и вводили во палаты бѣлокаменны, во теремъ брусчатый, унимали ее, молодую боярыню, отъ слезъ горячихъ, отъ надсадушки великой. Выходилъ Нежданъ Ивановичъ на свой широкой дворъ ко воротичкамъ тесовымъ, ко рѣшеточкѣ золотенькой, а самъ выговаривалъ: «Гой еси вы, добры Муромцы и весь мѣръ крещеный! Вѣдомо вамъ, добры Муромцы, что на нашъ славный городъ Муромъ напала Золота орда немирная, полонила та Золота орда немирная великъ полонъ изъ людей посадскихъ, со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной.» Какъ и туто всѣ добры Муромцы и весь мѣръ крещеный били ему, Неждану Ивановичу, великимъ челобитьцемъ, а сами во одну рѣчь вымолвляли: — Вѣдаемъ мы, люди посадскіе, про горе великое, про нежданъ полонъ. Какъ и та ли Золота орда немирная полонила нашихъ дѣтушекъ со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной. Ужь и ты ли, нашъ могучъ воевода, славной бояринъ Нежданъ Ивановичъ, придумай-пригадай: какъ воротить изъ полону нашихъ дѣтушекъ? Ужь у насъ ли, людей посадскихъ, не стало ума-разума со великой бѣды; ужь у насъ ли, людей посадскихъ, опустились бѣ-

*) Кажется, сочинитель счелъ эти „извѣчные дома“ за храмы и церкви, между тѣмъ какъ это были богадѣльни и больницы.—О.

ли руки со кручишки, да и нѣтъ силы при старости, да и нѣтъ крѣпости во великомъ сврестѣ. — Какъ возговорить тутъ Нежданъ Ивановичъ: «Порадѣйте, добры Муромцы, знанъ изъ Золотой орды мою лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Награжу я того золотой казной, надѣлю я того золотой парчей, кто воротитъ мою лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Будетъ старъ человекъ, — и я того буду чить во отца; будетъ молодой молодецъ, — и я награжу того Настасей Ивановной со великииъ приданыиъ.»»

Во ту пору онъ, Акундинъ, стоялъ у воротычекъ тесовыиъ, у той рѣшеточки золотенькой. И жалъ ему стало добрыиъ Муромцовъ, а жалчѣй того воеводы Муремскаго. Со того ли со жалѣньяца возговорить онъ, Акундинъ: «Ты гой еси, воевода Муромскій, славной бояринъ Нежданъ Ивановичъ! Прикажи нѣтъ, молодому молодцу, нагонять Золоту орду немирную, ослободить изъ полону крѣпкаго людей посадскіиъ да твою дочь названую Настасью Ивановну?» Какъ и тутю ли возговорить Нежданъ Ивановичъ: ««Нагонай ты, молодой молодецъ, Золоту орду немирную, выручай ты изъ полону крѣпкаго людей посадскіиъ да мою лебедь бѣлую Настасью Ивановну. Награжу я тебя золотой казной, надѣлю золотой парчей и отдамъ за тебя лебедь бѣлую Настасью Ивановну со великииъ приданыиъ.»» И давалъ Акундинъ великъ обѣтъ нагнать Золоту орду немирную, ослободить изъ полону крѣпкаго людей посадскіиъ да названу дочь Настасью Ивановну. Какъ и тутю наряжались во нарядъ добры молодцы Муромцы, а съ ними молодой бояринъ Замятня Микитичъ, того ли воеводы Переславскаго сынъ названый. И надѣлялъ его, Акундина, онъ, воевода Муромскій, славный бояринъ Нежданъ Ивановичъ, хлѣбомъ-солью на путь-дороженьку. На веходѣ солнца свѣтлаго, на ранней зарѣ утренней, выходилъ Акундинъ изъ славнаго города изъ Мурома нагонять Золоту орду немирную. Какъ за нияъ ли, Акундиномъ, выходилъ молодой бояринъ Замятня Микитичъ со дружиной Муромской. Подходить онъ, Акундинъ, ко круту бережку, садится на свое суденышко оснащенное, беретъ весельца кленовыя, кладетъ весельца кленовыя во замки дубовыя, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко внизъ по Окѣ по рѣкѣ, а за тѣмъ суденышкѣмъ плывутъ лодочки Муромскы. Ѣдетъ онъ, Акундинъ, день, Ѣдетъ и другой, а на третій завидѣлъ Золоту орду немирную на круту бережку. Какъ и тутю злы Татарове полонъ дѣлать: доставалась ле-

бѣдь бѣлая Настасья Ивановна злу Татарченку, стару бесерменну. Какъ и она ли, лебѣдь бѣлая Настасья Ивановна, слезно илachtetъ-возрыдаеть, а сама во слезахъ слово молвить: — Ужь и ты ли, ба-тюшка родимой мой! Не жалѣй золотой казны, выкупай меня изъ Золотой орды немирныя, изъ полону крѣпкаго. Досталась я злу Та-тарченку, стару бесерменну. Ужь и онъ ли, злой Татарченкокъ, урядилъ на единъ день три дѣльца дѣлать: какъ и первое-то дѣль-цо—его, стара бесерменна, поить-кормить; какъ и другое-то дѣль-цо—его, стара бесерменна, качать-прибаюкивать; какъ и третье-то дѣльцо—его, стара бесерменна, стеречь бѣлоярова *) коня. Ужь и ты ли, матушка родимая моя! Не жалѣй золотой казны, выкупай меня изъ Золотой орды немирныя, изъ полону крѣпкаго. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменну. Ужь и онъ ли, злой Татар-ченкокъ, на единъ день меня по три раза бьетъ за вины небыва-лыя: какъ и первая-то вина—не велить мнѣ долго спать; какъ и другая-то вина—не велить цвѣтное платье носить; какъ и третья-то вина—не велить русу косу носить. Ужь и ты ли, родимая сестри-ца моя! Не жалѣй ты золотой казны, выкупай меня изъ Золотой орды. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменну. Ужь и онъ ли, злой Татарченкокъ, на единъ день по три раза журить-бранить: какъ и первое-то журить-бранить — не велить родимую сторонущку вспоминать; какъ и другое-то журить-бранить—велить отца съ ма-терью забыть; какъ и третье-то журить-бранить—не велить тебя сестрой называть. — Какъ и тутъ ли онъ, Акундинъ, выходилъ на крутъ бережокъ, доставалъ калену стрѣлу, натягивалъ тетивочку шел-ковую и пускалъ свою калену стрѣлу во того ли зла Татарченка, стара бесерменна. Какъ его-то, братцы, калена стрѣла полетѣла въ Золоту орду, и налетѣла, братцы, его калена стрѣла прямо во того ли зла Татарченка; стара бесерменна. Дотолѣ онъ злой Татарче-нокъ и живъ былъ. Во ту пору злы Татарове осержались, а и хо-тятъ его, Акундина, съ душой съ животомъ разлучить. Какъ и онъ ли, Акундинъ, вынималъ свой мечъ кладенець, да учалъ рубить Зо-лоту орду немирную. Бьетъ онъ, Акундинъ, Золоту орду единъ день, и той орды кабы на половину стало; бьетъ онъ Золоту орду и дру-

*) Бѣлоярая—у народа пшевица, которой кормить коня; но „бѣлоярага коня“ не слыхано.—О.

XLIX

той дань, и той орды кабы треть осталася; бьетъ онъ Золоту орду и третій день, и той орды кабы не бывало. А добивши онъ Золоту орду, издучалъ людей посадскихъ со душой красной дѣвицей со Настасей Ивановной изъ плену крѣпкого и спаряжалъ онъ тѣхъ полонящихся во парадъ ко славному городу Мурому, со тѣмъ ли молодцами боярными Замытнею Микитичемъ.

Пошли тѣ Муромцы на круту бережку, а самъ, Акундинъ, садился на свое суденышко оснащенное, да и поплылъ по Окѣ по рѣкѣ, къ тому ли славному городу Мурому. Ъдетъ онъ, Акундинъ, день, ѡдетъ и другой, а во ту пору идетъ-плыветъ на встрѣчу ему друга орды немирная. Какъ в туто злы Татарове окружали его суденышко оснащенное, а и требовали они, злы Татарове, дани великой. На ту пору денегъ съ Акундиномъ не случилось: только было съ нимъ сто рублей дробныхъ денежекъ. И спрошалъ Акундинъ ту орду немирную: «А и что та за дань великая? А и кому та дань идетъ? А и кто у васъ большой-набольшой?» И туто злы Татарове промывляя: ««Дани-то великой потягло на всѣ лодочки, а и та дань идетъ въ Большу орду Астараканскую, ко тому ли славному Татарину Тугарину.»» И на тѣ-то рѣчи отвѣтныя Акундинъ вынималъ свой мечъ кладенецъ, а самъ промывляя: «А и та ли Ока рѣка ему въ озчану досталася, и онъ-то, Акундинъ, собираетъ по Окѣ по рѣкѣ со всѣхъ лодочекъ годошчину и мостовщину.» И туто Акундинъ учалъ со той орды Астраканской насчитывать велику дань за годошчину и мостовщину: а и той-то дани выходило со сто рублей. А и онъ-то, злы Татарове, хотять его съ душой съ животомъ разлучить. Не долге думалъ Акундинъ, да и давай рубить ту орду Астараканскую. На право мечемъ махнеть,—кабы тутъ орды не бывало; на лѣво мечемъ махнеть,—кабы пусты лодочки червятся. Былъ Акундинъ ту орду Астараканскую цѣлыхъ три дни, а добивши ставилъ по Окѣ по рѣкѣ заставы крѣпкія. И туто онъ, Акундинъ, поплылъ ко тому славному городу Мурому, ко тому ли воеводѣ Муромскому ко Неждану Ивановичу. Прѣвѣжалъ Акундинъ ко тому славному городу Мурому, а во ту пору во Муромѣ радость великая учинилася: тотъ ли славный бояринъ Нежданъ Ивановичъ выдавалъ дочь свою названую Настасью Ивановну за того молода боярина за Замытнею Микитича. Входить онъ, Акундинъ, во палаты бѣлокамен-

ныя, а и во тѣхъ палатахъ идетъ ширь княжой, а и тутю за дубовымъ столомъ сидятъ князь со княгиней, молодой бояринъ Замятня Никитичъ со своею ли молодой женою съ Настасьею Ивановной. А тутю молода боярыня Аэимья Ивановна подносила ему, Акундину, чару съ зеленымъ виномъ, а Нежданъ Ивановичъ приговаривалъ: «Гой еси ты, добрый молодецъ! Приими чару зелена вина, а выпей ты чару зелена вина за князя со княгиней!» Прималъ Акундинъ чару зелена вина, выпивалъ чару зелена вина за князя со княгиней. И опослѣй того онъ, Нежданъ Ивановичъ, рѣчь вымолвлялъ. «Не знали мы и не вѣдали, что съ тобой содѣялось. А и думали мы, что тебя въ живыхъ не стало: ни то злы Татары полонили, ни то люты звѣри растерзали. А и тотъ ли Замятня Никитичъ присватался за нашу Настасью Ивановну; а мы, не вѣдая тебя въ живыхъ, приговорили: отдать свою лебедушку бѣлую за того ли за Замятню Никитича. Будь хочешь ты, за твои заслуги великія награжу я тебя золотой казной, надѣлю я тебя золотой парчей, а на нашей лебедушкѣ не погнѣвайся.» И былъ челомъ Акундинъ на тѣхъ словахъ вѣжливыхъ, а золотой казны не бралъ, а золотой парчи не спрашивалъ, а бывши челомъ вымолвлялъ: «По моимъ счастьямъ бѣда учинилася: напала орда Астараканская. Избываючи ту орду Астараканскую, не думалъ я и не гадалъ другой бѣды. А и дай же то Боже, князю со княжною *) вѣкъ вѣковать, добра наживать да дѣтушекъ возрастать!» И прощался Акундинъ съ воеводою Муромскимъ, а на прощаньицѣ слово молвилъ: «Не дай же то Боже, во вѣкъ въ Муромѣ бывать того воеводу Муромскаго видать. А и его-то воеводины слова перелетныя: на посулахъ висеть.» И за то слово изоймаючи, возговорить Нежданъ Ивановичъ: «А и бѣгите сюда, добры Муромцы! Вы гоните его, невѣжу, со двора долой, вы гоните его, мужика, и изъ городу вонъ. А и онъ ли, невѣжа, деревенской мужикъ, смѣлъ свататься за боярску дочь!»

И пошелъ онъ, Акундинъ, изъ Мурома ко круту берегу, сядился на свое суденышко оснащенное, да и плыль внизъ по Окѣ по рѣкѣ ко стольному городу ко Киеву. Приплывши онъ, Акундинъ, ко сто-

*) Книгиней, новобрачною.—О.

ному городу ко Кіеву, справлялъ поминочки съ сорочинами по своему родному батюшкѣ. На тѣхъ ли поминочкахъ съ сорочинами сидѣли за дубовымъ столомъ сорокъ Каликъ съ Каликою. И шли-ѣли тѣ сорокъ Каликъ съ Каликою канунъ варень по всемъ роднымъ. А послѣднй тѣхъ поминочекъ одѣвалъ Акундинъ тѣхъ сорокъ Каликъ съ Каликою золотой казной на поминъ души по всемъ роднымъ. Во ту пору выходилъ старшй Калѣчище на особицу, и билъ ему, Акундину, челомъ: «Спасибо тебѣ на поминочкахъ, на золотой казнѣ! За твою лѣбъ-солъ великую, за твой канунъ варень, повѣдаю твою судьбинушку: тебѣ ли, доброму молодцу, на роду счастье написано — жениться на молодой вдовѣ во чужомъ городе. Не умѣлъ ты, добрый молодець, изловить бѣлую лебедушку, такъ съумѣй же ты, добрый молодець, достать сѣру утицу. Въдъ твоя-то, сѣра утица, распустила крылашки на крутомъ бережку во большомъ городе, гдѣ палатушки бѣлокаменны, гдѣ ворота красны.» И тому слову дивился Акундинъ: кабы сходить ко тому городу, гдѣ ворота красны, гдѣ палатушки бѣлокаменны, да сѣру утицу достать? Справивши во Кіевѣ все поминочки съ сорочинами, надѣвалъ Акундинъ на себя платье Калики Перехожаго и пошелъ во путь во дороженьку сухимъ сухопутыицею, тою дорогою прямоѣжею, что потягла отъ Кіева прямо на Русь. И тою дорогою прямоѣжею проходилъ онъ велики города съ пригородочками, а нигдѣ не видалъ тѣхъ воротъ красныхъ со палатушками бѣлокаменными. Ни мало, ни много, ходилъ онъ, Акундинъ, тою прямоѣжею дорогою ровно три года, а на четвертый годъ подходилъ ко круту бережку, ко незнаму городу ко большому. И видитъ Акундинъ тутъ ворота красны со палатушками бѣлокаменными. Не долго онъ думалъ, да и пошелъ искать по городу сѣру утицу. Ходитъ онъ, Акундинъ, день, ходитъ и другой, а на третій съ насадушки у него, молодца, ретиво сердце надрывалось, бѣлы руки опускалися, рѣвы ноги подкашались. И садился Акундинъ посередѣ торгу со Каликами. А тѣ-то Калики Перехожіе были стары старики, а и пѣли они, стары старики, сказаньца немалыя: про стару старину до про Божіихъ людей. И дарилъ онъ, Акундинъ, ихъ, старыхъ стариковъ, золотой казной, а самъ приговаривалъ: «Гой еси вы, Калики Перехожіе! И вы спойте, стары старики, про каменну Москву, и вы спойте, стары старики, про Великъ Новградъ!» И дивились стары старики на великъ подарочекъ, а сами промежъ

III

себя говорить: «А и тотъ великъ подарочекъ не посадекой: ни то отъ князя, ни то отъ боярина, ни то отъ торгова человека.» И молвить туто старый Калча: — Ой вы, глупые старики! Не ужь-то вы не свѣдали дорогой подарочекъ изъ Новагорода? Не ужь-то у васъ ума-разума не стало? — И пѣли стары старики про князю Москву, а далѣй пѣли про Великъ Новградъ. И за тѣ-то рѣчи старыл дарилъ Акундинъ старыныхъ стариковъ золотой казной. И за то-то подареньице пѣли стары старики про него Акундина: «Жилъ-былъ Акундинъ, удалъ молодець. А и тотъ добрый молодець удалъ изъ Новагорода со посадекой стороны со торговой. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодець удалъ, на суденышкахъ по Волгѣ по рѣкѣ стары бусы разбивать, животы наживать. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодець удалъ, на суденышкахъ по Волгѣ по рѣкѣ стары бусы разбивать, животы наживать. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодець удалъ, на стружечку по Окѣ по рѣкѣ отъ полону слобожать, Золоту орду разбивать. Ужъ и тамъ ли добрый молодець удалъ зятя Тугарина побивалъ, отъ полону городъ слобожалъ. И за то его, удала молодца, жаловалъ стольный князь со правой руки золотымъ перстнемъ. Какъ и онъ ли, добрый молодець удалъ, отъ полону городъ Муромъ слобожалъ, отъ набѣгу красну дѣвицу вымалъ. Какъ и та ли красна дѣвица душа запоручена была; запоручилъ красну дѣвицу душу батюшка родимой ему, удалу молодцу: — Слобожай ты, добрый молодець удалъ, лебедь бѣлую мою; какъ за то я награжу тебя золотой казной, какъ за то я выдаю тебя золотой парчей; какъ за то я выдаю за тебя красну дѣвицу душу дочь названую свою. — Какъ доставалась лебедь бѣлая душа не ему, удалу молодцу; какъ и доставалъ лебедь бѣлую душу молодой боярской сынъ. Ужъ и та-ли, лебедь бѣлая душа, ровно три годочка лебедушкой жила, а на четвертой сърой утицей помыла.» Не успѣли стары старики свою рѣчь домолвить, какъ туто воспыкала-возрыдала молода боярыня Настасья Ивановна, а сама въ возрыданьицѣ слово вымолвила: — Гой еси вы, стары старики! Пріймите отъ меня, вдовой, мало подааньице. И вы скажите, стары старики: живъ ли добрый молодець удалъ? — Стары старики пріймали подааньице, а сами прежде себя рѣчь говорить: «А и то-то подааньице не посадекое: ни то княженецкое, ни то боярское.» И туто Акундинъ складалъ съ себя платъ Калчае, окликалъ себя Акундинымъ да и билъ че-

ломъ: «А и ты-то, молода боярыня Настасья Ивановна, вспомнай меня, Акундина!» И вспомнала она, молода боярыня, его, Акундина, а вспомнавши говорила таковы рѣчи:—Богъ суди родимаго батюшку! Не поставилъ во память твои заслуги великія, не хотѣлъ породниться съ удалимиъ молодцомъ. А поиѣсь волею Божею сталося, что ни батюшки родимаго, что ни матушки родимыя, что ни шегого Замятни Микитича нѣтъ у меня. Ровно три годочка живу во вдовствѣ сиротой.—

И былъ челомъ онъ, Акундинъ, молодой боярынѣ Настасьѣ Ивановнѣ во своемъ одиночествѣ, а опослѣй засылалъ сваху съ челобитицемъ. И она-то, молода боярыня Настасья Ивановна, припоминаючи его заслуги великія, созывала честныхъ людей, старыихъ стариковъ, на рукобитыце. А и та-то свадьба была на Вязьмѣ, а и жить стали на Клязьмѣ на рѣкѣ, во селѣ боярскомъ Замятни Микитича. А и онъ-то, Акундинъ, живучи со своей Настасьей Ивановной, сестарѣлся и переставился.

(Оттуда же).

* *
* *
* *

Ш.

ЗАМѢТКА.

А.

Былево творчество Новгорода глубоко отлично и отъ древнѣйшаго—Кіевскаго, Владимірова, и отъ дальнѣйшаго—Московскаго. Объемомъ своимъ оно несравненно уже сихъ обоихъ; не столь богато древнѣйшими стихами поэзіи, истекшими изъ доисторическаго періода, какъ первое и сравнительно съ нимъ гораздо положительнѣе, историчнѣе, ближе къ исторической дѣйствительности и практичнѣе; за то, сравнительно съ Московскимъ, оно богаче влияніемъ отдаленной старины и не выражаетъ тѣхъ элементовъ государственности, которые часто бросаются въ глаза при изученіи характера Московскаго. Складъ Новгородскаго творчества, его стихъ,—все это ближе къ Кіевскому, не столько—говоримъ—прадревними, часто неуловимыми элементами содержанія и образами творчества, сколько формою, отдѣлкой и языкомъ, явленіями определенной исторической поры творчества: Былина его цѣльнѣе, такъ сказать мужественнѣе и рѣже ниспускается до краткаго женскаго склада Старины, господствующей въ творествѣ Московскомъ и здѣсь часто отрывочной, близкой къ пѣснямъ Безымяннымъ. Начинаясь съ той же эпохи, какъ творчество Владимірово, съ знаменитаго лица посадника Добрыни, связаннаго съ поэтическими преданіями о водвореніи Христіанства въ Новгородѣ, объ изгнаніи Перуна, объ его послѣднихъ дѣяніяхъ и палицѣ, брошенной на Волховскій мостъ,—съ лица Добрыни, извѣстнаго съ другой стороны и въ творествѣ Кіевскомъ между первыми его звеньями; примыкая къ той эпохѣ Владиміровой, къ которой возводится начало нашего положительнаго Былеваго творчества и съ которой изображается въ немъ лучшая пора въ первые прочно сложившагося Русскаго міра-народа,

творчество Новгородское опускает однако всё постепенности и частности этого миро-созиданія, выраженные въ Былинахъ о Кіевскихъ и Владиміровыхъ богатыряхъ, объ этой Земской Дружинѣ, стоявшей за возраставшую Земщину всей Руси. Творчество отдѣльнаго, хотя и Великаго, Новгорода, его отдѣльной области, послѣ нѣсколькихъ помянутыхъ образовъ, связанныхъ съ Добрынею, беретъ дѣло какъ бы уже готовымъ, въ ту минуту, когда Новгородъ со всѣмъ раздѣлялся съ первобытной древностью, сложился, вышелъ на поприще положительной исторіи. Оно столь же *Земское* творчество, какъ и Кіевское, но оно ограничено эпохою болѣе позднюю, болѣе тѣснымъ кружкомъ одного города съ пригородами и областью, если не совершенно вѣ— ибо это была та же Русь,—то особо отъ общихъ интересовъ *всей* Руси, представительство которой бралъ на себя Кіевъ. Татары, общее бѣдствіе всей Руси, лица, замѣшанныя вездѣ и въ Кіевскомъ, и въ Московскомъ творчествѣ, какъ не проникли въ историческій Новгородъ, такъ не попали и въ его творчество Былевое. Однимъ словомъ, главное отличіе сего послѣдняго отъ Московскаго состоитъ въ характерѣ *земства*—по содержанію—и въ *большей древности* дѣльнаго склада, а отъ Кіевскаго въ *частности* мѣсть, лицъ и событій, въ *позднѣйшей* близости склада и языка къ опредѣленной исторической эпохѣ, къ положительной дѣйствительности.

Слѣды Новгородскаго Былеваго творчества въ семь видѣ передаются намъ лѣтописями и другими письменными памятниками Новгорода. Послѣ смутныхъ, ему въ особеннѣсти принадлежащихъ, полунесторическихъ воспоминаній о призваніи Варяговъ, за отбытіемъ князей на Югъ, взоръ Новгородца не сопровождаетъ ихъ участіемъ, и, тогда какъ они на новомъ поприщѣ дѣйствія вызываютъ множество поэтическихъ сказаній, жизнь Новгородская знаетъ лишь съ ними борьбу, а творчество Новгородское совершенно къ нимъ холодно, хоть бы какая черта, хоть бы намекъ. Поэтическія преданія, какъ сказано, появляются въ Новгородѣ по лѣтописямъ лишь при имени Добрыни, при событіи, освѣтившемъ всю Русь, водвореніи Христіанства. Бывшій посадникъ Великаго города, дядя Просвѣтителя, являясь сюда вторично съ духовенствомъ, сокрушаетъ идоловъ, разоряетъ требища, креститъ людей, борется съ Перуномъ и посякаетъ его («Степенная,» ср. Замѣтку при 2-мъ вып.). По другимъ эти подвиги при-

надлежать и первому архіепископу, знаменитому Іоанну Корсуннику: «Сей Іоаннъ архіепископъ разруши въ Новгородѣ идола Перуна и потомъ повелѣ егѣ, связавъ ужи (узаши, веревками), влести въ рѣку Волховъ, нынѣ же пристави злогомаго бити... И се чудо дивно явися, яко бѣсъ въ немъ, доселѣ живый, не стерпѣ (не стерпѣвъ) сего доношенія, начать велики жалостно и болзавенно великъ гласомъ вопити: «Увы, увы, горе, горе, яко впадохя въ рудъ снѣкъ немилостивыхъ человекъ, иже вчера мя же бога почитаху, нынѣ же толка ми зла нанесомъ! Увы мнѣ, увы мнѣ, что чмъ прочее сотворю?» Людіе же единиче (однако, все-таки) влечату егѣ біюще и, пришедше на мостъ, вринуша егѣ въ рѣку Волховъ, идже абіе погрязе во гурбину. И по малѣ явися зъ (изъ) воды: единъ же нѣкто человекъ верже на него палицею; онъ же, вземъ палицу, верже нѣю на мостъ и уби таме мужей киака (нѣсколька). Поразил на слѣповою Новгородцовъ, яко оттолѣ въ сіе время (въ извѣстное время года) даже до нынѣ, въ коеждо лѣто, на томъ мосту люди обираются и, раздѣлшесе на двое, играюще убиваются (Лѣтои. Густыньская годъ 990-тъ год.),» т. е. къ этому преданію возводилось начало не только народныхъ Новгородскихъ игръ, но и древней судебной расправы, рѣшавшейся на мосту. «И въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача кричати: «О горе, охъ мнѣ! Достался немилостивымъ снѣмъ рукамъ!» И вринуша егѣ въ Волховъ. Онъ же, плыва сквозѣ великый мостъ, верже палицу свою на мостъ, еуже и нынѣ безумніи убивающесе, утѣху творять бѣсомъ (Сам. Врем.; то же Псковск.).» «Онъ же, плыва сквозѣ великый мостъ, верже палицу свою и рече: «На снѣмъ ми поминаютъ Новгородскія дѣти!» Еуже и нынѣ безумніи людіе убивающесе, утѣху творять бѣсомъ (Врем.).» За тѣмъ борьба съ Перуномъ горничара, враждебныя рѣчи («до сыти еси зъ и пилъ, а нынѣча поплочи прочъ») и проч. Такимъ образомъ древнѣйшее на глазахъ исторіи Былевое творчество Новгорода, занесенное слѣдами и въ лѣтописи, зачинается такъ же, какъ и Кіевское, со времени Владиміра и егѣ богатырей. Но дагѣе, и цѣлкомъ, оно отдало своего Добрыню Кіеву. Весь XI-й вѣкъ, вѣкъ самыхъ горячихъ богатырскихъ подвиговъ, воспѣтыхъ въ Кіевской Былинѣ, проходитъ для Новгорода и егѣ повѣстическихъ преданій безслѣдно. Лѣтописи народа, по преимуществу дѣловаго и практическаго, не окрашиваются, какъ Южныя, повѣстическимъ отцвѣтомъ. Только въ XII вѣкѣ появляются памятники,

происхожденіемъ и содержаніемъ принадлежащія Новгороду, въ концѣ замѣтно возникаетъ вновь Былевое творческое настроеніе, и этотъ вѣкъ, судя по даннымъ, доселѣ известнымъ, есть единственныи вѣкъ памятниковъ Былеваго Новгородскаго творчества. Мы разумѣемъ памятники: о Добрынѣ II-мъ и построеніи Варяжской божницы; объ Автоміи Римлянинѣ; о побѣдѣ Новгородцевъ надъ Суздальцами (Знаменіе); о построеніи Благовѣщенскаго монастыря; о путешествіи Ивана въ Ерусалимъ; о Варлаамѣ; о видѣніи пономаря Тарасія,—памятники, насквозь пропитанные поэтическими преданіями (напечатаны въ «Памятникахъ стар. Р. литор.»; по аналогіи можно заключать, что сюда же по происхожденію примыкаетъ легенда о посадникѣ Щлгѣ, исторически известнаго посадка, но котораго едва ли слѣдуетъ искать въ исторіи). Замѣчательно, что всѣ эти событія и лица современны тѣмъ событіямъ и лицамъ, кои сдѣлались примымы достояніемъ поэзіи и о коихъ мы сейчасъ скажемъ.

Въ семь же, XII-мъ вѣкѣ, записаны Новгородскими лѣтописцами имена лицъ, сдѣлавшихся героями известныхъ намъ Быливъ. Подъ 1118-мъ годомъ (въ Новгород. I-й) *Сотскій Ставръ*, котораго заточилъ Владиміръ Мономахъ: по поэтическія преданія объ немъ, подобно какъ о Добрынѣ, Новгородъ уступилъ творчеству Кіевскому (см. 4-й выпускъ и Замѣтку при немъ стр. LI). За то другія два лица, помянутыя также въ лѣтописяхъ, сосредоточиваютъ на себѣ все, чтѣ мы знаемъ лучшаго и главчаго въ устномъ Былевомъ творчествѣ Новгорода, до насъ дошедшемъ. Оба они—исторически—современны: но объ одномъ лѣтописи говорятъ нѣсколько ранѣе, да и Былины обильнѣе чертами, занесенными изъ доисторической древности. Это *Садко* и *Василій Буслаевъ*.

О *Садкѣ* лѣтописи, принадлежащія Новгороду или Новгородскому циклу, говорятъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, то весьма рано, то довольно поздно—въ XII вѣкѣ; но собственно онъ относится, какъ лицо историческое, къ эпохѣ весьма определенной и намъ нужно только выслѣпить сопостановку свидѣтельствъ. Эти свидѣтельства раздѣляемъ мы на три рода. 1) По поводу построенія древнѣйшей Новгородской Софіи, разрушенія ея пожаромъ и потомъ возстановленія въ новомъ видѣ, упоминается Садко, *позднѣе* построенный въ сей же мѣстности

LVIII

церковь Бориса и Глѣба. Новгород. III-я: «Въ лѣто 6.497 (989) постави владыка епископъ Іоакимъ первую (прежнюю, древнѣйшую) церковь деревянную дубовую Святыхъ Софїи, имущую верхъ 13; и стояла 60 лѣтъ; и подняся отъ огня (сгорѣла) въ лѣто 6.557 (1.049), Марта въ 4 день, въ субботу, при второмъ епископѣ Лукѣ, въ 13 лѣто. Бысть честно устроена и украшена, а стояла по конецъ (въ концѣ) Пискуши (Епископской) улицы, надъ Волховомъ рѣкою, до каменного дѣтинца-града строенїа; и дѣже послѣди поставилъ *Сотко Богатой* церковь каменну святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба въ лѣто 6.558 (1.050), яже та церковь (Садкова) стояла въ каменномъ городѣ - дѣтинцѣ близъ каменной градной стѣны.» Это показанїе, которое напрасно издатели лѣтописей, Археологической Комиссїи, исправляютъ, заключаетъ въ себѣ, именно тамъ, гдѣ они исправляютъ, весьма вѣрныя данныя, нужно только стать на точку зрѣнїя лѣтописца. Онъ жилъ уже поздно: онъ только вспоминаетъ о *столешей нѣкогда* церкви Садка, при немъ уже не существовавшей; но, поднимаясь въ древность, онъ передаетъ: древнѣйшая, деревянная Софїя построена въ 989 году; стояла 60 лѣтъ, отъ 989 до 1.049-го; сгорѣла въ семь послѣднемъ году; потомъ, послѣ, поставилъ въ сей же мѣстности каменную церковь Садко. Вотъ вѣрныя показанїя лѣтописца. Но онъ не говоритъ въ этомъ мѣстѣ о томъ, что въ 6.553 г. (1.045) заложена новая, каменная Софїа; объ этомъ говоритъ онъ ниже; говорятъ и другїе лѣтописцы: поелику же съ 6.553 (1.045) до 6.557 (1.049) года протекло 4 года, то они показываютъ, что деревянная церковь Софїи стояла 4 года, какъ увидимъ ниже. Ошибка лѣтописца III-й Новгород. лѣтописи не въ томъ обстоятельстве, которое исправлено издателями, а въ томъ, что, не заставъ уже *каменной* церкви Садка и времени ея построенїа, онъ относитъ построенїе ея къ 6.558 (1.050) году, къ тѣмъ годамъ, въ которые, спустя столѣтїе, построена церковь Бориса и Глѣба, только не каменная, а *деревянная*, и не Садкомъ; то есть, встрѣтивши въ старыхъ запискахъ упоминанїе о построенїи церкви Б. и Гл. деревянной, онъ смѣшалъ ее съ каменною. Это сейчасъ мы увидимъ далѣе.

Новгородская II-я: «Въ лѣто 6.497 (989; издатели исправляютъ этотъ годъ ошибочно, какъ увидимъ ниже) постави владыка Іоакимъ церковь деревянную Святую Софїю. имущи верховъ 13. И стояла 4 лѣта, и поднялася церковь Святая Софїа отъ огня (сгорѣла) мѣсяца

Марта въ 4, въ субботный день, бывше (въ старомъ видѣ) честно устроена и украшена. А стояше конецъ Епископия улицы, надъ рѣкою надъ Волховошъ, идѣже иныи (иногда, въ другое время; надатели ошибочно исправляютъ *мыль* по другимъ лѣтописаніямъ) поставилъ Сотко Сотникъ (при этомъ указаніи встрѣчаемъ позднѣйшія прибавки, которыя уяснимъ ниже: «Сотко Сытничъ исытмыль», т. е. «и Сытмыль») церковь святыхъ страстотерпецъ князей Рускихъ Бориса и Глѣба.» Такимъ образомъ показанія этого лѣтописца сходятся съ Новгородскою III-ю: Іоакимъ поставилъ деревянную Софію 989 года; объ этомъ пишетъ лѣтописецъ подъ 6.553 (1.045) годомъ, по поводу заложеной тогда новой каменной Софіи; по поводу же ея мѣстоположенія прибавляетъ, что *иныи*, въ другое, послѣдующее время, тутъ же поставилъ свою церковь Садко, но когда, не зная или не входя въ подробности, онъ молчитъ; явно только, что онъ жилъ уже послѣ построения Садковской церкви. Тѣ, позднѣйшіе, лѣтописцы, которые вмѣсто *иныи* поставили *мыль*, а за ними и надатели, такъ же исправившіе текстъ, ошиблись, ибо около сего времени построена не Садковская каменная, а деревянная церковь Бориса и Глѣба. Разнорѣчіе здѣсь съ Новгородскою III-ю то, что въ сей послѣдней и нѣкоторыхъ другихъ, какъ увидимъ, годъ пожара 6.557-й (1.049), а здѣсь 6.553-й (1.045). И это бы не бѣда; лѣтописецъ считаетъ, что «стояла» деревянная Софія «4 лѣта:» отъ чего и до чего онъ считаетъ? Явно, что отъ 1.045-го до 1.049-го и, стало быть, признаетъ время пожара въ семь послѣднемъ году. Здѣсь одно важно: день пожара указанъ «Марта въ 4, въ субботу,» а 4-е Марта въ субботу приходилось, говорятъ, въ 6.553 (1.045) году. Я не итѣю подъ рукою давнихъ для повѣрки этого расчета (да и некогда сюда пускаться при моемъ дѣлѣ): я знаю лишь, что и въ тѣхъ свидѣльствахъ, кои укажемъ ниже и въ конкхъ пожаръ означенъ подъ 1.049-мъ годомъ, высчитано то же «4 Марта въ субботу.» Если это число съ субботою падаетъ именно на 1.045-й годъ, то остается допустить: Іоакимовская деревянная сгорѣла въ семь году: въ семь же году заложена новая каменная; но такъ какъ послѣдняя кончена постройкою позднѣе, то была конечно поставлена временная деревянная, не стѣнная, чтобы о построеніи ея говорить особо и сгорѣвшая послѣ въ 1.049-мъ году; стало быть, лѣтописцы смѣшивали двѣ деревянныя церкви, древнѣйшую и временную, и два

пожара итд. Вообще въ описаніяхъ, кои мы разбираемъ, видимо со-
 нещаются и даже смѣшиваются, по самымъ даже годамъ, Софія
 старая и новая, деревянная и каменная, да церковь Благовѣрныхъ
 Кирилъ старая и новая, деревянная и каменная. Мы надѣемся, что
 не крайности уяснимъ путь для различенія показаній. Издатели же
 Археологической Комиссiи, какъ неправильно исправили *мысль*
 вместо *иммы*, столь же неправильно подставили 6.553 (1.045) годъ
 вмѣсто 6.497 (989), ибо для лѣтописца это дѣла розныя! подъ по-
 слѣднимъ годомъ говоритъ онъ о построеніи церкви Іоаннимоуской, а
 подъ первымъ объ ея пожарѣ и возстановленіи. Теперь поидемъ да-
 лѣе.—Въ Софійскомъ Временникѣ: «Въ лѣто 6.557 (1.049), мѣся-
 цѣ Марта въ 4 день субботный, згорѣ церковь святая Софія, бѣше же
 честно устроена и украшена, 13 верхи именуше. А стояла конецъ
 Пискупин улицы надъ Волховомъ (Волховомъ), идѣже нынѣ постави
 Сотко (въ печати. прежнемъ *Полатой*, т. е. *Болатой*) церковь
 камени святаго Бориса и Глѣба.»—Въ Никоновской: «Въ лѣто 6.557
 (1.049) мѣсяца Марта въ 4 день субботный згорѣ в Новѣгородѣ цер-
 ковь святая Софія, бѣша (быше, бывши) бо честно устроена и
 украшена, 13 верхи именуше. А стояла конецъ Пискупин улицы надъ
 Волховомъ, идѣже нынѣ поставилъ Сотко святаго Бориса и Глѣба.»
 Въ обоихъ случаяхъ время пожара 1.049-й годъ, а по поводу шест-
 ности упомянута церковь Садка, но вставка *мысль*, отвѣдая построе-
 ніе ея къ 1.045 или 1.049 году, смѣшиваетъ церковь деревянную,
 бывшую до Садки, съ ея—каменной. *Нысль* остается вѣрнѣе толь-
 ко съ той точки зрѣнія, если лѣтописцы относятъ это не къ 1.045
 или 1.049-му, а ко времени своей жизни, заставшей построеніе ка-
 менной церкви Садка. — Слѣдуетъ упомянуть показаніе старѣйшей и
 надежнѣйшей лѣтописи Новгородской I-й, въ которой пожаръ отно-
 ситъ къ 6.553 (1.045) году, но съчетъ чиселъ и дней иной: «Въ
 лѣто 6.553 згорѣ святая Софія въ субботу, по заутрнѣи въ часъ
 3, мѣсяца Марта съ 15. Въ то же лѣто заложена быеть святая
 Софія Новѣгородѣ Володимиромъ княземъ.» Этотъ съчетъ заставляетъ
 думать, что показаніе о другомъ пожарѣ, 1.049 года, вѣрно указы-
 ваетъ 4-го числа субботный день, ибо, если 15 Марта 1.045 года
 была суббота, а раньше ея другая 8-го числа, вторникъ 4-го, то
 въ 1.049-мъ году (безъ высокоснаго) 4-е число точно приходилось
 въ субботу. Не разнѣлся ли тогдашній съчетъ отъ позднѣйшаго, не-

ить нѣтъ руководящихъ послѣдователей?—Остается сказать, что какъ въ приведенномъ мѣстѣ Новгородской I-й, такъ и въ другихъ лѣтописяхъ, подъ 6.553 (1.045) годомъ однообразно приводится свидѣтельство о закладкѣ новой каменной церкви Софіи (освящена помята), о закладкѣ, подавшей лѣтописцамъ поводъ говорить о прежней сгорѣвшей: «Въ лѣто 6.553 заложилъ Володимиръ святую Софію въ Новгородѣ;» «заложилъ князь Володимиръ Ярославичъ и владыка Лука святую Софію каменную въ Великомъ Новгородѣ (при чемъ, по привычкѣ, приписано помянутое «Сотѣо Сътмиць и Сътмиль»).—

2) Любопытны теперь другаго рода свидѣтельства или, лучше, другая сторона ихъ: почему лѣтописи, если не вставляютъ мысля или не относятъ его къ годамъ, современнымъ пожару старой и закладкѣ новой Софіи, вставляютъ имя Садки тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, приписывая ему построение церкви, какой онъ вовсе не строилъ? Именно, какъ мы видѣли, Новгородская III-я указываетъ годъ построения Садковской церкви 6.558 (1.050), годъ (по некоторымъ) освященія каменной Софіи; Новгородская II-я (если читать съ поодѣльными не имья, а мысля) приводитъ годъ 6.553-й (1.045), время пожара старой и заложения новой Софіи; Софійскій Временникъ и Николовская упоминаютъ 6.557-й (1.049), годъ пожара старой Софіи, и т. д.: ясно, что Софія, разными судьбами своими, пожаромъ или возстановленіемъ, по роковому сближенію ея мѣстности съ мѣстностію церкви Садковской, напоминала лѣтописцамъ сію послѣднюю, построенную тутъ же, но время построения коей, отъ нихъ удаленное въ прошломъ, было неизвѣстно имъ въ точности. Лѣтописцы ставили года по старымъ записямъ, приурочивали къ нимъ преданія, но сами уже не застали построения или даже существованія Садковской церкви, и потому сбивались. Но была и другая вѣроятная причина такому смѣшенію: церковь Бориса и Глѣба была точно построена въ Новгородѣ, и именно около тѣхъ же лѣтъ, и въ той же мѣстности, только спустя столѣтіе, *деревянная*, и строилъ ее *советиць*, оказывается, *не Садко*. А именно. Новгород. I-я: «Томъ же лѣтъ (6.654, 1.146) съдѣлаша 4 церкви: святую мученику Бориса и Глѣба въ градѣ (дѣтницѣ), святого пророка Ильѣ, и святую апостола Петра и Павла на Хълѣ, и святую безмезднику Козму и Даміана;» Новгород. IV: «Въ лѣто 6.654 съдѣлаша 4 церкви: Бориса и Глѣба въ городѣ,» и проч.; Новгородская же III-я всякъ

точѣе: «Въ лѣто 6.654 сотвориша въ Великомъ Новѣгородѣ, при епископѣ Нифонтѣ, 4 церкви *древныхъ*: святыхъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба въ Околоткѣ, въ Каменномъ городѣ, Козьма и Даміанъ,» и проч. Обстоятельство это усиливалось и вводило еще въ дальнѣйшія заблужденія тѣмъ, что въ то же время и тѣ же самыя церкви поставлены были въ Смоленскѣ. Такое показаніе, какъ на примѣръ въ Воскресенскомъ спискѣ, замѣчалось на полѣ противу событій Новгородскихъ: подъ 6.653 (1.145; ср. выше 6.553—1.045 года) годомъ—«Заложивша въ Смоленску на Смядыни церковь камену Бориса и Глѣба.» Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ Новгородскихъ вошло это и въ текстъ, напр. въ IV-й: «Въ лѣто 6.653 заложивша церковь камену святаго Бориса и Глѣба на Смядыни въ Смоленскѣ.» Въ другихъ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописей извѣстіе Смоленское даже вытѣснило собою Новгородское, напр. въ Никоновской: «Того же лѣта (6.653—1.145) въ Смоленце заложивша церковь камену святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба на Смядыне;» а въ слѣдующемъ году снова: «Того же лѣта (6.654—1.146) здѣлаша четыре церкви камены в Смоленске святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба на Смядыне, а во граде святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла, и святаго пророка Боговидца Ильи, і святыхъ чудотворецъ безребренникъ Козмы и Дамьяна.» Соблазнъ былъ такъ великъ, что, на примѣръ, Новгородская IV-я, говоря о церкви Бориса и Глѣба (деревянной) въ Новгородѣ, приписываетъ: «на Смядынѣ,» и т. п. Въ самомъ дѣлѣ: тѣ же года (хотя и столѣтіемъ раздѣленные), или, лучше, то же число лѣтъ, бросающіяся въ глаза, тѣ же церкви и имена ихъ святыхъ, упоминаніе—то деревянныхъ церквей сего имени въ Новгородѣ, то тѣхъ же каменныхъ въ Смоленскѣ,—все это непремѣнно заставляло спутывать дѣло Садки, особенно въ глазахъ тѣхъ, кои подлинной церкви его не видали или не застали. И вотъ мы получаемъ его имя, весьма поучительное для насъ, но на такомъ мѣстѣ, гдѣ ему совсѣмъ не слѣдъ: то при Софїи по близости мѣстной, то при деревянныхъ церквахъ Новгорода и Смоленска, то отсюда снова, столѣтіемъ выше, при пожарѣ и восстановленіи Софїи. Однако исправлѣншія по тексту лѣтописи, а нѣкоторыя даже тѣ самыя, только подъ другими годами, болѣе вѣрными, сообщаютъ намъ показанія несомнѣнныя и подлинныя. Именно. 3) Въ Новгородской I: «Въ лѣто 6.675 (1.167) сѣде Мѣстиславъ Изясла-

виць Кієвъ на столѣ. На ту же весну заложи Садко Сыминичъ (разнор. *Сотко Сыминичъ*) церковь камяну святому мученику Бориса и Глѣба, при князи Святославѣ Ростиславици, при архіепископѣ Иліи;» объ освещеніи: «Томъ же лѣтъ (6.681—1.173) святи церковь Новѣгородѣ Іліа архіепископѣ Новгородскимъ святому мученику Бориса и Глѣба камяную въ градѣ, мѣсяца октября 14.»—Новгородская III-я: «Въ лѣто 6.675 (1.167) въ Великомъ Новѣградѣ, на Софійской сторонѣ, заложи церковь каменну святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба въ Околоткѣ *Сотко Сыминичъ*, въ каменномъ городѣ - дѣтвицѣ, при Іоаннѣ архіепископѣ (ср. выше, какъ тотъ же самый лѣтописецъ, смѣшавъ Софію и другую церковь Бориса и Глѣба деревянную, рассказываетъ о построеніи ея Садкою въ 1.050 году).»—Въ Псковской I-й: «Въ лѣто 6.675 (1.167) заложи *Сотко* святаго Бориса и Глѣба.» И такъ остается несомнѣннымъ, что церковь сію, каменную, заложилъ Садко въ 1.167 году *). Былныи приводятъ то же самое обстоятельство, но, подобно лѣтописцамъ, смѣшиваютъ храмъ Софіи; когда Садко разбогатѣлъ,

И вложивалъ ему Богъ желанье въ ретиво сердце:

Шедъ Садко, *Божій храмъ соорудилъ*

А и во имя *Софій Премудрыя*,

Кресты, маковицы золотошъ золотилъ,

Мѣстны иконы изукрашивалъ,

Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,

Царскія двери вызолачивалъ.

(Ср. у насъ выш. 5, № 3); описаніе отдѣлки храма близко къ тому, что въ лѣтописяхъ о древней деревянной Софіи. Былина даже еще приписываетъ ему построеніе двухъ церквей—Стефана Архидякона и Николая Можайскаго; послѣдняя въ № 2-мъ даже именуется «приходошъ» его:

Ваглянулъ Садко онъ на Новгородъ,—

Узналъ онъ церкву, приходъ свой,

Того Никогу Можайскаго.

*) Любопытно замѣтить, что отношеніе лѣтописцевъ Новгородскихъ къ дѣлу Садки можетъ повести къ заключенію, когда они жили и писали, какъ составлялись лѣтописи. Это явствуетъ изъ данныхъ, отчасти нами разобранныхъ.

(И вотъ почему, замѣчали мы при печатаніи текста былинъ, помѣщенная подъ № 3-мъ собственно предшествуетъ, ибо въ ней говорится только еще о построеніи церкви Николая, а въ № 2-мъ о сей послѣдней какъ уже готовой; но такіа данныя, важныя въ лѣтописяхъ, неважны для бывшаго творчества). — Остается намъ сдѣлать выводы. Какъ Садко въ былинахъ гулялъ по рѣкамъ и морямъ, такъ было суждено гулять его имени по лѣтописнымъ числамъ въ теченіе почти двухъ сотъ лѣтъ: имя, стало быть, слилкомъ знакомое Новгородцамъ; не всякому такъ удастся. Церкви, какъ знаемъ изъ лѣтописей Новгорода, ставились часто и другіи лица: но они не стяжали такой славы. Несомнѣнно, что это былъ гость или торговецъ знаменитый, по богатству ли, или по своимъ походамъ, а скорѣе по тому и другому. Имя, славное по лѣтописанію друзейъ-враговъ записанъ, конечно еще больше жило и въ памяти, и въ устахъ народа, обставлялось рассказами, преданіями: они-то и возбуждали народное творчество, породили собою былинны и были виною того, что изъ развалинъ исчезшаго Новгородскаго Бывшаго творчества сохранились до насъ и занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ былинны именно о Садкѣ. — Крестное имя его вѣроятно было (Еврейское по происхожденію) *Садокъ*; но, или осмыслили его по Русски, или даже въ крещеніи дали имя соответственное народному (см. нашу Записку при II-мъ томѣ Пѣсень собр. Рыбникова), только очевидно, что народъ въ этомъ имени представляетъ себѣ *садъ*, уменьшительное *садокъ* (*hortulus*): въ былинахъ герой себя называетъ даже просто *Садъ*. *Садокъ* склоняли *Садка*, *Садкъ*, *Садкомъ*; дальнѣйшая форма, возникшая уже изъ этого склоненія (по формѣ звательнаго, какъ въ Сербскомъ), была *Садко* и — рѣже (см. Рыбникова) *Садюс*; наконецъ* (откуда и звательная *Садко*) — *Садка*, *Садкъ*, *Садкъ*, *Садкою*. Отсюда же въ лѣтописяхъ *Сьдко* (Новгородское древнее нарѣчіе отличается полугласными ѣ и ѝ такъ, гдѣ въ другихъ случаяхъ и позднѣе *а*, *я*, *о*, *е*), *Сотко*; послѣднему названію помогло также вѣроятно прозвище *Сотникомъ*. *Сотникомъ* названъ онъ лишь въ одной лѣтописи, Новгородской II-й; но это не первый примѣръ для героевъ Новгородскаго творчества: Сотскимъ былъ и Старръ. Только тотъ былъ изъ бояръ, лучшихъ мужей, почему въ Киевскихъ былинахъ и прованъ *бояриномъ*: Садко же конечно выбранный изъ гостиней, торговой сотни. Далѣе въ лѣтописяхъ онъ

называется *Богатымъ*: таково же постоянное его прозвище и въ былинахъ, чаще всего въ сочетаніи—«Садко Купецъ Богатый Гость.» Наконецъ въ лѣтописяхъ, и лучшихъ, придается ему отчество *Сытиничъ, Сытиничъ, Сытиничъ* (испорченное «и *Сытинъ*,» гдѣ ъ вместо ч): если это дѣйствительное отчество, то отъ народнаго имени (неизвѣстнаго нынѣ въ фамиліяхъ) *Сытъ, Satt, Satur*, имя отца, слогное съ народнымъ именемъ и сына—*Садъ, Садко, Сотко*; это же имя, въ собирательной формѣ, извѣстно какъ бранное, въ выраженіи «волчья *сытъ* (ср. былины прежнихъ выпусковъ);» припомните народныя имена, перешедшія въ прозвища и фамиліи,—*Сытой, Сытого, Сытыхъ, Благъ, Благой, Благого-Благово, Благихъ, Сухъ, Сухой, Сухого-Сухова, Сухихъ* и т. п. Мы однако же склоняемся къ мнѣнію, что вѣрно одно изъ двухъ: или *Сотникъ*, или *Сытиничъ, Сытиничъ*, т. е. или *Сътникъ, Сотникъ* подъ рукою лѣтописцевъ передѣлано изъ *Сътиничъ, Сытиничъ, Сытиничъ*, или на оборотъ. Но довольно.

Другой герой Новгородскаго Былеваго творчества, столь же знаменитый, исторически современный Садкѣ, упомянутый съ нимъ почти рядомъ подъ лѣтописнымъ числомъ, но только въ одной лѣтописи и одинъ лишь разъ, есть *Василій Буслаевъ*. Никоновская лѣтопись *), спустя три года послѣ извѣстія о заложеніи церкви Садкою, подъ 6.679—1.171-мъ годомъ говоритъ: «Того же лѣта преставися в Новгородѣ посадникъ *Васка Буславиць*.» Здѣсь стоить обратить вниманіе во первыхъ на то, что онъ названъ *Васкою, Васскою*: таково же, въ уменьшительномъ видѣ, любимое употребленіе имени его и въ народныхъ былинахъ, даже любимѣе, чѣмъ *Василій*; оно такъ и идетъ къ удалцу, проказнику, народному любимцу. Если смерть его стоило занести въ лѣтопись рядомъ съ важными событіями, то понятно значеніе этого героя въ Новгородѣ и объясняется также, почему, рядомъ съ Садкою, это любимѣйшій герой уцѣлѣвшихъ Новгородскихъ Былинъ. По году смерти нужно полагать, что лучшая пора дѣятельности Василья, какъ лица историческаго, приходилась въ половинѣ XII-го вѣка. Но въ городской дѣятельности се-

*) И рукописный хронографъ Румянц.

го времени, довольно подробно описанной по Новгородскимъ лѣтописямъ, мы съ этимъ именемъ не встречаемъ *посадника*: можетъ статься, при крестномъ имени *Василья*, какъ это бывало въ старину весьма часто, было другое народное имя, и Василій Буслаевъ скрывается отъ насъ подъ какими нибудь *Якуномъ*, *Нъжатою* и т. п. Отецъ его *Богуславъ*, чисто-славянское народное имя, какъ «Богухвалъ», «Богумилъ (Gottlob, Gottlieb)» и т. п.: отсюда уже сокращенныя формы *Буславъ*, даже *Буслаевъ* (Рыбник. II), *Буславей*, *Бусланей*, *Буславьюшко*, *Буслай*, и, сообразно тому, Василій по отчеству *Буслаевичъ*, *Буславъевичъ*, *Бусланевичъ*, *Буславичъ*, *Буслаичъ*, *Буслаевъ* (переходящее въ прозвище, фамилію), испорченно (Рыбник. I) *Сеславъевичъ*. Наконецъ, какъ лѣтописью записана его смерть, такъ объ смерти же его рассказываетъ и особая былина.

Разумѣется, исторической дѣятельности сихъ двухъ историческихъ лицъ нельзя уже искать въ Былинахъ: здѣсь это типы Новгородскаго Былеваго творчества. Но любопытно замѣтить одно соотношение: въ Былинахъ о Садкѣ сравнительно менѣе историческаго отцѣта, болѣе преданій и образовъ доисторическихъ, обильнѣе образы народнаго творчества, заслоняющія исторію дѣйствительную; за то, какбы въ замѣнъ, мы видимъ о Садкѣ несравненно болѣе лѣтописныхъ указаний. На оборотъ, о Буслаевѣ въ лѣтописи одно лишь скудное свидѣтельство: за то Былины, посвященныя его дѣятельности, вмѣщая сравнительно весьма мало древнѣйшихъ образовъ творчества, прямѣе и ярче очерчиваютъ Новгородскую историческую дѣйствительность, со всеми ея мелочами, именами окружавшихъ лицъ, улицъ и т. д.

Теперь, забывая исторію внѣшнюю, положительную, дѣйствительную, перейдемъ во внутреннюю, какъ она дается намъ въ Былинахъ о Садкѣ и Буслаевѣ, въ народномъ устномъ творествѣ.

Мы знаемъ, что въ Кіевскомъ творествѣ Богатыри—представители Земщины, но не сядячей и осѣдой, а той части, которая ратуетъ на заставахъ, хранитъ зерно Земщины, борется съ врагами ея, расширяетъ предѣлы ея дѣйствій, то есть представители подвижной Земской Дружины. Въ Новгородѣ, по условіямъ его торговаго быта,

были своего рода богатыри: это, во первых, Гости, люди Торговые, не тѣ сидячіе лавочники и владѣтели складовъ, которые укрывались за вервами общества и частоколами города, не нынѣшніе дѣятели торговыхъ городскихъ домовъ, представители фирмъ и конторъ, не эта торговая Земщина, а по тому времени предприимчивые удалыцы, добывавшіе золото отважными подвигами, бродившіе по необходимости шѣновой торговли, водившіе обозы или по водѣ сплавлявшіе клады за черту Новгородскихъ владѣній, въ далекіе края; люди бродячіе, переходячіе и перетѣжіе, въ собственномъ смыслѣ *гости*, по необходимости вооруженные и съ вооруженными шайками, доводимые и часто доводившіе какъ чужеродцевъ, такъ и свою метрополию, до отчаянныхъ дракъ, *hostes*, составлявшіе такую же Торговую Дружину и въ тѣхъ же отношеніяхъ стоявшіе къ осѣдлымъ торговымъ общинамъ, какъ Дружина Богатырская къ общинамъ земледѣльческимъ, вообще къ Землѣ и Міру. Это, говоряиъ, была Торговая Община въ движеніи (какъ артель), Торговая Дружина, сходная во многомъ съ Кіевскими Богатырями. Она, за предѣлами Новгородской области, первая разнесла въ окрестные и далекіе края имя и славу сей послѣдней, первая высматривала мѣста, приманки, пути и дѣятели торговли, первая завязывала сношенія, и уже за нею-то послѣ слѣдовала Дружина въ собственномъ смыслѣ, не торговая, а чисто-Военная, та, которая завоевывала страны. Первое завоеваніе Новгорода всегда было Торговое; чрезъ его Гостей, славныхъ отъ Шпицбергена и Норманскихъ береговъ до островковъ въ низовьяхъ Волги, до Хвалынскаго-Каспійскаго моря, куда изстари ходили Новгородскіе Гости, а потомъ, на глазахъ исторіи, Дружины Военныя съ Князьями. Образецъ такого своеобразнаго богатыря Торговли, возможнаго лишь въ Новгородѣ, типъ сего рода людей развитъ и возстановленъ въ Новгородскомъ Былевомъ творчествѣ: это *Садко*, съ постояннымъ именемъ и прозвищемъ—*Купецъ, Богатый Гость*. Какъ онъ дошелъ до того, чтобъ быть этимъ типомъ, откуда взялось его богатство, всѣхъ перещеголавшее, какими дѣяніями добылъ онъ себѣ это славное имя, однимъ словомъ—похожденія и приключенія Новгородскаго Гостя, весь его *генезисъ*, бытіе и ростъ,—вотъ что всего больше должно было занимать воображеніе древняго Новгородца, и вотъ задача, которую взялось выполнить его Былево творчество рядомъ Былинъ о Садкѣ. Беремъ здѣсь Былины не только

въ этомъ Выпускѣ помѣщенныя, но и отпечатанныя нами при изданіи Пѣсень Рыбникова, изъ которыхъ всего подробнѣе въ I-мъ томѣ подъ № 64-мъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ не отличался Садко какимъ ни будь ученьемъ, съ мододу былъ бѣднякъ, чуть не голъ кабацкая. Только онъ не поводился съ пьяницы съ безумницы, а лучше, по веселому праву и любви къ искусству, хотѣлъ жить Веселымъ Молодцомъ, Веселою Скоморошиной: имѣлъ у себя кое-какія гусли, умѣлъ играть, ходилъ съ ними по пирамъ по бесѣдамъ, тѣшить и занимать слушателей за денежную плату. Разъ его долго не приглашали никуда: захудалъ и оголѣлъ онъ, стоскнудся. Въ кручинѣ своей пошелъ онъ съ гуслими на берегъ Ильмена, къ окраинѣ озера, къ тому ирмѣтному лону водъ, къ которому издревле, съ античныхъ временъ, хаживали раздѣлять тоску все пѣвцы и художники, откуда родилась сама Красота, откуда черпали золото во все вѣка предпримчивые удалцы и торговцы, гдѣ царствовалъ у Грековъ грозный и страшный, но привязчивый, но гостеприимный, грубый и невѣжественный, но любитель искусствъ и богатый покровитель ихъ—Посейдонъ, а въ нашемъ былевомъ творествѣ *Царь Морской*, *Царь Водяной* или *Поддонной*, *Водовикъ*, *Водяникъ*, бурный какъ влага морская, и столь же податливый и распылчивый какъ всякая влага. Садко сталъ на берегу играть—и не ошибся: три раза ходилъ онъ играть, три раза колыбалася вода въ озерѣ, въ третій разъ появился самъ Царь Морской: «Не знаю, говоритъ Садкѣ, чѣмъ будетъ тебя пожаловать за твою за утѣху за великія, за твою-то игру иѣжную. Аль безсчетной золотой казной?» То и нужно было: научилъ Садку поспорить съ купцами Новгородскими, что въ Ильменѣ есть рыбы съ золотыми перьями, что лоно водъ родить золото. Закинули въ море неводъ, вытащили рыбъ золотыхъ, рыбы дали еще золото, рыбы сами стали золотомъ: Садко выигралъ большіе заклады, Садко обзавелся домкомъ, устроилъ себѣ палаты по небесному, на небѣ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, въ палатахъ у Садки тоже солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды. Сталъ Садко собирать у себя почестные пиры, принималъ у себя «Настоятелей Новгородскихъ, *Вому Назарьева* и *Луку Зиновьева*,» — о значеніи ихъ мы поговоримъ ниже по поводу Буслая. Сталъ Садко на пирахъ захвастываться: для него возможно было лишь одно единоборство богатырское,—въ спорѣ, у кого больше денегъ, кто повыкупить товары Новгородскіе. Эта борьба, которую

другія былины кончаютъ, въ настоящемъ случаѣ, по той былинѣ, которой мы пока держимся (Рыбн. Т. I, № 64), не доведена до побѣды: закупаетъ Садко товары Новгородскіе, а на другой день ихъ вдвое больше принавізено, вдвое больше принаполнено, на ту на великую на славу Новгородскую подоспѣли товары Московскіе, подоспѣли Заморскіе. Новгородъ поднялся выше своего питомца и вскормленника; смирился торговецъ: «Не я, видно, богатъ, Богатый Купецъ Новгородскій, побогаче меня славный Новгородъ!» Тогда догадался онъ: сварядилъ свои тридцать кораблей; начинаются его блужданія по водамъ, его похождения и приключенія, главное содержаніе всѣхъ былинъ. Вотъ куда Садко хаживалъ: 1) «по Волхову, со Волхова во Ладожско, со Ладожска во Неву рѣку, со Невы рѣки во Сине море,» Балтійское; 2) «гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ, со вершины зналъ и до устья ее — а и нижняго царства Астраханскаго;» 3) «бывалъ по морю двѣнадцать лѣтъ, по синю морю Хвалынскому (Каспійскому; у насъ № 3);» между прочимъ заворачивалъ и въ «Золоту орду.» Во всѣхъ этихъ поѣздкахъ, въ теченіи *двѣнадцати лѣтъ*, онъ «продавалъ товары Новгородскіе, получалъ барыши великіе, насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,» а самъ «никакой надъ собой притки и скорби Садко не видывалъ, а все молодецъ во здоровьи пребывалъ.» Здѣсь-то, за свои торговые походы по рѣкѣ Волгѣ, а черезъ нее въ Хвалынское море, получилъ Садко прозвище «*Волгскаго* (Волскаго, Волжскаго) *Сура*:» мы объяснили уже смыслъ этого названія въ Замѣткѣ къ 4-му выпуску и доказали, что оно относится къ дѣятельности древнихъ героевъ, представителей — сначала кочевья, потомъ торговаго, переходяго и мѣноваго блужданія по суку и по морю, въ особенности по морю, откуда и Южное *Сурожское море*, и весь тотъ край *Сурожь*, и названіе славныхъ рѣкъ *Су-рога*, *Сарога*, и товаровъ заморскихъ, особенно шелковыхъ, — *Сурожскіе*, *Суровскіе*, и самый шелкъ — *Сырецъ* и *Суровецъ*, *serisit*, и ряды, въ конхъ продавались сіи товары — *Суровскіе*, наконецъ самые дѣтели сего рода — *Суры*, *Сурожане* и *Суровцы*. Такъ мы получаемъ въ нашемъ древнемъ Былевомъ творчествѣ три образа, принадлежащихъ совершенно одинаковому разряду людей, но различающихся мѣстностью и мѣстнымъ отзвѣтомъ: а) въ Новгородскомъ — Садко, тигъ гостя порѣчнаго и поморскаго, Волжскій *Суръ*; б) въ Кіевскомъ Плять, Плянько, также Богатый Гость, и съ

богатствомъ несмѣтнымъ, по прозвищу *Сароженикъ*, *Суроженикъ*, знаменитый сыномъ своимъ *Чурилою* (имя одного корня съ *Суромъ*), жившій на рѣкѣ *Сарогъ* или *Черегъ*; в) въ былинахъ Княжескихъ, на переходѣ къ Безымяннымъ, въ области Суздальской, *Суровенъ*, *Суровець-Суздалецъ*, *Суроженикъ*, по роду города Суздаля, по слою народа—«сынъ отца Гостя Богатаго» и самъ «Богатый», представитель удалцевъ Суздальцевъ, торговцевъ по преимуществу пѣшихъ и сухопутныхъ, ходебщиковъ, Аюней. Но въ Кіевскомъ творествѣ, рисуемъ всѣ разнообразныя слои Землины и Земской Дружны, такіе дѣятели стоятъ въ ряду другихъ, не занимая исключительнаго вниманія: Плѣнь, Димитрій Гость, даже Чурило, знаменитый не столько своею обиходною практическою торговлею, сколько близостью къ яркому древнѣйшему типу Чура-Гермеса, бога Торговля; въ былинахъ Княжескихъ и Безымянныхъ Суровець идетъ также за урядъ съ другими; Иванъ Гостинный Сынъ, мелькомъ затронутый въ Кіевскомъ творествѣ, принадлежитъ всей Руси, безъ изъятія мѣстныхъ взглядовъ и интересовъ, то есть преимущественно общей Былевой Сказкѣ. Напротивъ для торговли Новгорода Садко, Волжскій Суръ, есть лицо главное, исключительно привлекавшее интересъ и породившее лучшія Новгородскія Былины. Обязанный своею славою и всѣмъ богатствомъ влагѣ, рѣкамъ и морямъ, онъ долженъ былъ наконецъ чѣмъ ни будь полатиться за то Царю Морскому. Здѣсь-то одно изъ любопытнѣйшихъ приключеній въ Были о Садкѣ, главнѣйшій эпизодъ Новгородскихъ Былинъ объ немъ, и притомъ эпизодъ лучшій, старшій по основнымъ своимъ образамъ, восходившій къ доисторической древности, къ такимъ чертамъ жизни и эпоса, которыя были вынесены Славянами Русскими изъ эпохи еще языческой, до сложившагося міра-народа, изъ времени кочевья и блужданій, изъ обще-Славянской семьи, съ самыхъ старыхъ ея поселищъ въ Европѣ. Всѣ Былины согласны между собою въ томъ, что событіе, о которомъ идетъ рѣчь, имѣло мѣсто *на морѣ*, но по однимъ Былинамъ на Балтійскомъ, за Невою (Рыбник. Т. I, № 64), по другимъ (у насъ № 2) на Хвалынскомъ-Каспійскомъ. Подымалась буря, а корабли, и особенно Садковъ, стали на морѣ: догадался Богатый Гость, что море и Царь его требуютъ дани, старой языческой жертвы, какою умилостивляли античныя народы своего Посейдона или Нептуна. Опустить было въ море хлѣба съ солью; опускали бочку чиста серебра, потому красна

золота: нѣтъ толку. Царь живой головы требуетъ. Читателямъ извѣстно по былинамъ дѣло съ жеребьями, кому было идти въ море: тить тогдашняго кушца, непременно въ итновой торговлѣ жившаго ловить обманомъ. «дѣломъ торговымъ»—какъ говорятъ нынѣ, прототипъ даже и послѣдующихъ Русскихъ торговцевъ. Садко думалъ повернуться отъ жеребья ловкостью, но пришлось идти самому. Онъ дѣлаетъ предсмертное завѣщаніе и отправляется: надѣваетъ шубу, беретъ свои завѣтныя гусли, первое зачалъ своихъ успѣховъ (по одной Былинѣ даже три мисы, съ серебромъ, золотомъ и жемчугомъ), садится на дощечку дубовую, по другимъ на шахматницу, спускается на ней ко дну моря къ Царю или выброшенъ къ нему на далекій берегъ. Замѣчательно еще, беретъ съ собою образъ *Микола* (у насъ № 1): тамъ, гдѣ предстоала опасность, не побѣдимая человѣческими силами, тамъ въ Христіанское время Былеваго творчества является на помощь сила высшая, обыкновенно Микола, притомъ Можайскій, рѣзной, особенно чтимый въ народѣ. Онъ, знаемъ мы, спасалъ въ крайнихъ случаяхъ другаго богатыря—бродягу, *Потыка*, въ образѣ *Старчища*, *Пилигримища*, *Калѣки Перехожаго*; онъ спасъ и Садку въ дѣлѣ съ Морскимъ Царемъ, являясь ему какъ «Старчище не знай собою (Рыбник. Т. 1),» невѣдомый, грозный *Калѣка Перехожій*. О томъ, что такое значить споръ Царя съ Царицею, въ которомъ засталъ ихъ Садко, какъ явился онъ туда юнымъ героемъ и вышелъ побѣдителемъ, какъ къ нему склонялась Царица и помогала, какъ за слова его потеряла свою голову отъ грознаго мужа, какъ выводили Садкѣ невѣсту и какъ для спасенія своего онъ долженъ былъ выбрать дѣвку *Чернавку*, *Чернавушку*, иначе *Поваренную* (у насъ № 2), какъ она потомъ исчезла или обманута Садкою, и что она сама за лицо въ нашемъ творествѣ, и какъ всѣ эти образы восходятъ къ отдаленнѣйшей древности обще-славянскаго эпоса, объ этомъ мы говорили уже подробнѣе въ Замяткѣ ко II-му тому Пѣсень Рыбникова. Здѣсь замѣтимъ только, что весь этотъ эпизодъ въ Былинахъ Новгородскихъ раздѣляется на три главныя части: а) споръ Царя съ Царицею и участіе Садки въ рѣшеніи; б) игра Садки на гусляхъ и послѣдствія ея; в) выборъ невѣсты и женитьба подъ моремъ на Чернавкѣ. Всѣ три онѣ—отрывки громадной области древнихъ творческихъ воззрѣній, потому именно не совсемъ ясны для непривычнаго взгляда, что отрывки. Значеніе спора старыхъ на-

часть или, лучше, старого и грозного, стихійнаго начала въ двухъ его половинахъ, мужской и женской, рѣшеніе спора началомъ третьимъ, юнымъ, явившимся изъ далека; выходъ и спасеніе непременно черезъ Чернавку или дѣвушку Поваренную, мотивированные въ Новгородскомъ творествѣ такъ, что эта женидба, неизвѣстно почему именно на Чернавкѣ, а не другой дѣвушкѣ, приказана была явившимся во снѣ спасителемъ—Миколою:—значеніе сихъ творческихъ образовъ уяснено нами въ упомянутой Замѣткѣ; остается намъ сказать о третьей части эпизода. Естественно, что грубая и грозная, вмѣстѣ невѣжественная стихія, представителемъ коей былъ Морской Царь, поддавалась невольно обаянію человѣческаго искусства, игрѣ на гусляхъ, такъ точно, какъ плѣнилась игрою и вывела Садку къ успѣхамъ въ самомъ началѣ его дѣятельности: эти образы извѣстны изъ Греческаго творчества; они тождественны съ тѣми, что совершилъ своею игрою Орфей надъ подземнымъ Аидомъ. Но здѣсь есть еще замѣчательная черта, весьма ярко выданная Русскимъ творчествомъ. Разгулъ Царя былъ дикъ и безобразенъ: голова у него какъ сѣнная копна; распясавшись въ азартѣ, онъ полами бьетъ и шубой машетъ, и шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ. «Въ синемъ морѣ вода всколебалася, со желтымъ пескомъ вода смутилася, стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ, стало много гинуть ииѣшцевъ, стало много тонуть людей праведныхъ (Рыбник. т. 1);» «а сине море всколебалася, а и быстры рѣки разливалися, топятъ много бусы-корабли, топятъ души напрасныя того народу православнаго (у насъ № 2).» Дѣйствіе человѣческаго искусства на міръ буйныхъ стихій, влияніе юнаго человѣческаго героя на древняго бога, обаяніе духа внутренняго надъ внѣшними космическими силами, все это явилось уже не частнымъ дѣйствиємъ купца Новгородскаго Садки на Царя, а дѣйствиємъ мировымъ. «Тебѣ кажется, говорить Царица Садкѣ, что скачетъ по полатамъ Царь, а скачетъ Царь по крутымъ берегамъ, отъ его отъ пляски тонуть-гинуть безповинныя буйныя головы (у насъ № 1).» Творчество Былевое, Русское, Новгородское, и притомъ время Христіанскихъ, выходитъ къ разрѣшенію такого столкновенія мировыхъ силъ свойственнымъ себѣ путемъ: оно объясняетъ, что сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому, Садку что-то тронуло въ правое плечо,—очутился «старикъ съдатый,» Микола, велѣтъ порвать струны; Царь чинить было своими слесарями, но Садко уперся,

что надо за новыми струнами и гуслями сходить на святую Русь. Въ другихъ Былинахъ Садкѣ открыла глаза на истинное значеніе дѣла склонная къ нему Царица. Такъ дѣло и порѣшилось. Но для насъ важны, здѣсь, кромѣ ясно проглядѣвшаго, сквозь творческіе образы, древнѣйшаго воззрѣнія на соотношенія міровыхъ силъ, въ особенности стихійной и чисто-человѣческой, важны соотношенія къ другимъ эпизодамъ Русскаго Былеваго творчества. Изъ Голубиной Книги (см. наше изданіе «Калѣки Перехожіе,» вып. 2) мы знаемъ, что колеблется море, а за нимъ и вся земля, и вселенная, отъ поворота міровыхъ существъ, въ образѣ дочеловѣческомъ, животномъ: птицы Стравили, звѣря Индры и огромнаго Кита, образа также Посейдонова, на коемъ держится вселенная. Объ именахъ и значеніи сихъ образовъ смотрите наше изданіе Голубиной Книги и Забѣтку ко II-му тому Рыбникова. Но замѣчательно, что Стравиль, отъ трепетанія которой, даже однимъ пѣрушкомъ, когда она *разыграется*, все синее море всколебается, потопляетъ море корабли гостинные со товарами драгоценными, заморскими, и со православными христіанами, съ тѣми людьми съ Московскими, что Стравиль, говоритъ, живетъ *на синемъ морѣ, на бѣломъ камнѣ*—на *Латырь*, отъ котораго и *Алатырь-море*; Индра звѣрь, когда также *возыграется*, вся вселенная восколыбнется, но онъ также имѣетъ прямое отношеніе къ стихіи воды: когда была на сѣмъ свѣти засушейца, онъ копалъ рогомъ сыру мать землю, выкопалъ ключи глубокии, доставалъ воды кипучія, пускалъ по быстрымъ рѣкамъ, по малинкамъ ручья-виночкамъ, по глубокии большимъ озерамъ, да и теперь, ходя по подземелью, прочищаетъ ручьи и проточины, пропущаетъ рѣки, кладетъ студѣные; куда звѣрь пройдетъ—туда ключъ кипитъ, и отъ того, когда поворотится, воскниятъ ключи всѣ подземельные; даже самое его имя, безъ носоваго звука, съ придыханіемъ *г* (*h*), *гидра*, наше—съ придыханіемъ *в*—*выдра*, отходить къ образу Посейдоновскому; и онъ имѣетъ отношеніе къ морю Латырю, такъ что самое имя его *Бѣлый Индрихъ* (см. наше изданіе Голубиной Книги) выводится прямо изъ *Благо Латыря*; наконецъ, Китъ-рыба, прямой уже образъ Посейдона, содержитъ на спинѣ весь бѣлый свѣтъ, и, когда потронется, вострепещется, восколыбнется, тогда мать земля вся поворотится, а когда *разыграется*, все синее море восколыбнется, увесь міръ-народъ приужаснется. Ясно, что всѣ

эти образы сходятся ближе всего къ морю и къ его представителю стихійному, Царю Морскому, ибо, по словамъ Голубиной Книги, Окіанъ-море, морямъ мати, обкинуло вокругъ землю всю, бѣлый свѣтъ окинуло, обошло море околы всей земли, вокругъ земли, всей подселенныя, всего свѣту бѣлаго, въ немъ, Окіанѣ, во мори пучъ морской, а «уси рѣки, уси моря, вси хъ Кіаню морю собѣгалися, вси хъ Кіаню морю приклонилися, никуды вонъ не выходили (ср. выше Индру);» «Окіанъ-море всколебається, — вси моря ему покло-няются.» Если мы, далѣе, переведемъ эти основныя міровыя воззрѣнія на почву положительной, хотя и древнѣйшей исторіи, на почву мѣстную, Славянскую, то убѣдимся, что это Окіанъ-море по Славянскимъ исконнымъ представлениямъ есть *Латырь-море*, названное такъ по хранимому въ немъ *Латырь-камень*, Илектру, Янтарию. Вотъ что говоритъ о томъ Голубиная Книга въ Бѣлорусской редакціи (приближая къ нашему нарѣчію):

Латырь-моря всиѣмъ морямъ отецъ,
 А Латырь-камень камнямъ отецъ.
 Потому Латырь-моря всиѣмъ морямъ отецъ,
 Потому Латырь-камень всиѣмъ камнямъ отецъ:
 Ляжить ѣнъ сириди моря,
 Сириди моря, сириди снѣява,
 Идутъ по морю много корабельщиковъ, —
 Гли (возлѣ) того камня останавливаются,
 Яны берутъ много съ яво снадобья (янтаря).
 Посылають по всяму свѣту бѣлому...

Или:

Бѣлый Латырь-камень всиѣмъ камнямъ отецъ:
 Съ-подъ камешка съ-подъ Бѣлаго Латыря
 Протекли рѣки, рѣки быстрыя,
 По всей землѣ, по всей вселенную.
 Всеми міру на исцѣленіе,
 Всеми міру на пропитаніе.

(Ср. «Кал. Перех.» вып. 2 и Замѣтку къ 4-му вып.)

Опять то же отношеніе Латырь-камня къ источникамъ и питанію людей, какъ въ разсказѣ объ Индрѣ. Мы достаточно объяснили уже въ прежнихъ Замѣткахъ, что Алатырь, Илектръ, Янтарь, глав-

ная приманка и главный предмет древней торговли наших праотцевъ, источникъ ихъ питанія и обогащенія, такой же источникъ въ исторической дѣйствительной торговлѣ ихъ, каковъ источникъ питанія для земли въ водѣ, источникъ питанія для людей въ засуху, наконецъ, древище, источникъ того оживленія, которое нѣкогда очерпнули Славяне въ стихійномъ началѣ своего божества среди эпохи жгучаго Дажь-бога. Этотъ Алатырь далъ имъ и морю, среди коего чаще находился, Балтійскому: но также точно переведенъ и на море Тѣплое-Черное, и на море Хвалынское (см. Замѣтку къ 4-му выпуску), всюду, куда проникали наши Русскіе Славяне съ своею переходною и рѣчною торговлею. Здѣсь—то сновали наши древніе гости-корабельщики, отсюда-то выносили свои заморскія богатства; здѣсь испытывали всѣ приключенія и подвергались опасностямъ, иногда слагая и голову. Понятно, что даже внѣ мировыхъ и миеологическихъ воззрѣній, гости-корабельщики, а за ними и весь народъ православный, должны были подвергнуться дѣйствительному ужасу, реальной, осязательной опасности, когда разыгралось такое море, по однимъ Балтійское, по другимъ Хвалынское (см. выше), а разыгралось оно отъ того, что разыгрался представитель моря, его Царь, а Царь разыгрался отъ игры Садки, отъ дѣйствій этого отважнаго удалца, Богатаго Гостя Новгородскаго. Такъ міръ древнихъ доисторическихъ и миеологическихъ воззрѣній, міръ, на почвѣ дѣйствительности, воплощавшійся въ событіяхъ древнѣйшей Славяно-Русской торговли, переведенъ наконецъ на частную, мѣстную Новгородскую почву, въ удѣлъ героя Садки, и здѣсь сдѣланъ содержаніемъ мѣстнаго былеваго творчества. Такъ, говоримъ на оборотъ, исторія Садки, переданная въ Былинахъ, возводитъ къ древнѣйшей Славяно-Русской дѣйствительности, къ первымъ началамъ ея исторіи, къ торговлѣ по морямъ, а отсюда еще выше, къ древнѣйшимъ міровоззрѣніямъ и событіямъ, совершавшимся уже въ духѣ слагавшагося народа, при выходѣ изъ періода Дажьбожскаго, въ борьбѣ силъ человѣческихъ и челоѣко-образныхъ съ силами стихійными. Въ сферѣ сихъ послѣднихъ самое дѣйствіе игры Садки на гусяхъ, его искусство, это конечное обаяніе, покорившее себѣ стихійную силу, есть уже окончательная побѣда: ею вышелъ челоѣкъ изъ плѣна, какъ вышелъ Орфей изъ ада. При началѣ наступившаго за тѣмъ творчества, въ міръ его древнѣйшихъ представ-

лений, исходъ побѣдителя изъ власти грознаго и бурнаго начала рисовался конечно какъ выходъ юнаго бога изъ пропасти помощію старой богини, къ нему склонившейся отъ бога стараго, содѣйствиємъ невѣсты—богини юной, страдавшей, терпѣвшей и даже обманутой юнымъ богомъ, а потому представлявшейся въ уничтоженіи, *черною, позаремною*. наконецъ въ силу рѣшенія спора между старымъ богомъ и богинею, рѣшеніемъ ихъ загадки, такой же, какова была загадка Сѣмикса. Да такъ и находимъ въ древнѣйшемъ нашемъ творчествѣ, черты коего мы собрали и изложили въ Забѣткѣ при II-мъ т. Рыбинкова, по поводу Саломана и Саламаніи. Весь міръ трепеталъ при борьбѣ своего юнаго представителя и въ разгарѣ онъ ждалъ гибели и себѣ, и ему. Но человекъ побѣдилъ, и въ настоящемъ случаѣ Славянинъ, Русскій. При началѣ положительной и дѣйствительной исторіи сего послѣдняго, то же самое повторялось во очью при подвигахъ первыхъ нашихъ удалцевъ мореходцевъ, торговцевъ явтаремъ, а послѣ и другими заморскими товарами, по морямъ Балтійскому, Черному, Сурожскому, Хвалынскому: стаи гостей-корабельщиковъ, а за ними весь родъ и племя ихъ, также точно трепетали за себя при всякомъ новомъ, отважномъ и отчаянномъ предпріятіи въ дѣлѣ съ бурною стихіей. Но и они успокоены: побѣдитель возвращался въ лоно земли съ богатой добычей. Когда сложился окончательно міръ-народъ Русскій и раздѣлился отдѣльными великими общинами, когда обособился Великій Новгородъ, тѣ же событія, то есть съ тѣми же существенными, а потому и древнѣйшими чертами, нашли мѣсто въ судьбѣ исторической Новгородской торговли по рѣкамъ и морямъ, даже въ судьбѣ историческаго лица Садки, въ XII-мъ вѣкѣ бывшаго представителемъ Богатыхъ Гостей и построившаго церкви послѣ долгихъ блужданій въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ. Былевое творчество, взявшее его героемъ, перенесло всѣ общія черты на одно частное событіе и лицо, давши намъ титъ Богатаго Гостя и рассказавши древнѣйшую повѣсть подъ именами Садки, Морскаго Царя и Царицы, Чернавки, друзей-корабельщиковъ. Корабельщики также страдаютъ отъ его подвига, также пугаются за себя и за него, но подъ конецъ принимаютъ съ радостію вернувагося побѣдителя, товарища и начальника. Нельзя не замѣтить, всматриваясь глубже въ эти быльины, что вся побѣда Садки и самый его выходъ на свѣтъ Божій, какъ

въ Кіевскомъ творчествѣ выхолъ на свѣтъ Божій Потыка, завислая отъ собственной силы героя, вышедшаго изъ борьбы и прощастіи умомъ, искусствомъ, ловкостью, утѣньемъ—и поиграть, и рѣшить споръ, и отгадать загадку, и склонить къ себѣ старую Царицу, и воспользоваться юною невѣстой, и во время перестать играть, и сослаться на порванные струны; прочія лица, Царица, Чернама, только помогали и содѣйствовали. Но Христіанство, въ пору созданія былинъ уже дарившее въ Новгородѣ, придало всему свой высшій облескъ: трепещеть въ ужасѣ народъ православный, онъ молится, его страданія и молебны услышаны, является Микола и руководить спасеніемъ. Тако точно, мы видѣли нѣкогда, освѣщена Христіанствомъ и заключительная исторія Потыка въ Кіевскомъ творчествѣ. Такъ кончается и Голубиная Книга, описавши грозные образы міровыхъ существъ и тотчасъ ослабляя ихъ космическую силу обаяніемъ силъ высшихъ, духовныхъ, христіанскихъ: подъ вліяніемъ силъ послѣднихъ, Страилъ нобиваетъ уже однихъ только «непріятелей, потошила силу невѣрную, невѣрную силу, безбожную, никакникъ бѣдъ она не дѣлаетъ,» а трепетомъ своимъ даетъ только знать пѣтухамъ—когда запѣвать, солнцу—когда освѣщать землю; Индра месолется «во стенахъ и никто его въ глаза не видяючи,» а потомъ также «никому побѣды онъ не дѣлаетъ» и помѣщается даже «во святой горѣ во Аонъ-горской, въ горы Сіонскія, во Фазоръ-горы, онъ и ѣсть, и ѣтъ во святой горѣ, онъ и Богу молить за святу гору, а хвалу прианоситъ самому Христу;» въ этомъ смиренномъ видѣ, когда онъ *возырается*, только лишь «вся святыя горы всколыхаются, вси звѣрья земные къ нему приклонятся;» Китъ-рыба до того укротился, что теперь когда «поворотится, вси-ты рыбы ему поклонятся,» а потому уже не страшень его поворотъ, ибо «основана земля Святимъ Духомъ, а содержана Словомъ Божиимъ;» грозное Окіанъ-море переведено потомъ и тою же Голубиною Книгой въ чудесное, но благотѣльное Алатырь-море, Синее, послѣ же просто въ «Теплое,» гдѣ лежитъ Алатырь-камень, въ «Хвалыцкое,» гдѣ живетъ Страилъ, гдѣ гуляютъ гости-корабельщики, даже Московскіе; море освятилось тѣмъ, что изъ него выходитъ «соборная церковь;» гости-корабельщики успокоены богатою добычею «снадобья,» которое развозятъ они «по всему свѣту бѣлому;» извѣстный у древнихъ и загадочный «пушь морской,» помянутый выше по

Голубиной Книгѣ на Окіанъ-морѣ, переносится потомъ у насъ на землю, — является «пусть земной,» какъ у Грековъ въ Дельфахъ подѣ благодѣтельнымъ покровомъ Феба; наконецъ онъ помѣщается въ нашихъ сказаніяхъ на Голгоетѣ подѣ крестомъ. Сюда же передвигается прежній чудесный, дорогой, но скользкій и опасный, Алатырь-камень: по нашимъ сказаніямъ, кровь Христа текла на него, черезъ его разсѣлину на голову Адама и на весь земной путь, очищая ихъ. Еще болѣе: какъ въ приведенныхъ выше стихахъ Голубиной Книги изъ подѣ камня Латыря протекли рѣки быстрыя во всю вселенную, такъ въ той же Книгѣ далѣе разсказывается, что на этомъ камнѣ, уже въ Ерусалимѣ, сидѣлъ Христось, отсюда училъ и текли струи его ученья: «на Бѣломъ Латырѣ на камени бесѣдовалъ да опочивъ держалъ самъ Исусъ Христось, утверждалъ онъ вѣру Христіанскую, утвердилъ Онъ вѣру на камени, распуцалъ Онъ княги по всей земли, распуцали Книгу Голубиную.» — Возвращаясь къ Садкѣ, повторимъ, что въ сущности разсказали о немъ былины: типъ Гостя Богатаго, игралъ онъ въ игру отважную и опасную, чуть не потерялъ въ ней головы своей, чуть не погибли его товарищи-корабельщики, и чуть не погибъ въ ужасѣ весь тогдашній міръ православный; но онъ отвагою своею и искусствомъ вышолъ побѣдителемъ, обрадовалъ друзей, сотоварищей торговаго промысла, вернулся на родину, обнялся съ женою-семеюшкой, навезъ богатой добычи, послужилъ ею всему міру православному, настроилъ церквей, между прочимъ своему изабителю — Миколѣ Можайскому; не погибъ изъ за его удали народъ православный. а еще покорыстовался его добычею, добылъ его славное имя въ свою исторію, вставилъ въ былины своего творчества. Окончательный выходъ, послѣдній шагъ изъ пропасти описывается разнo: то Садко взялъ дочь Царя съ условіемъ, чтобы доставила его на святую Русь; она и доставила, но Садко «поклонился и распротился съ ей: — Ты прощай, Царевна Морская, я тебѣ женихомъ не пришелъ, а ты мнѣ въ невѣсты не пришла (Рыбник. т. I, № 62),» — это обманъ, весьма впрочемъ свойственный обрисованному типу торговца; то, по вѣщанію Миколы, онъ женился на Чернавѣ, легъ спать, но воздержался отъ дальнѣйшаго и — «проснулся Садке во Новѣ-градѣ о рѣку Чернаву (намѣренное сопоставленіе съ невѣстою) на крутомъ кражу, какъ поглядить — ажно бѣжать свои (его) черленые корабли по Вол-

хову (тажь же, № 64);» или, по завѣщавію же Микола, чтобъ не обвинять и не цѣловать Морскую дѣвушку Поваренную, Садко «съ молодой женой на подклѣтѣ спать,—свои рученьки къ сердцу прижалъ;» въ просоннѣ соблазнился было, двинулъ ногу,—«ото сна Садко пробуждался, онъ очутился подъ Новымъ-городомъ, а лѣвая нога во Волхъ-рѣкѣ (у насъ № 2),» — такъ опасно было его положеніе въ далекомъ торговомъ предпріятіи, такъ онъ на минуту былъ между двухъ міровъ, между жизнью и смертію; или же, заснулъ онъ съ женою, — «какъ проснулся онъ со сна крѣпкого, и увидѣлъ онъ свѣтъ бѣлый и солнце красное, и увидѣлъ, что встаетъ на крутомъ кряжу, у быстрой рѣки, и бочки съ ивѣніемъ лежатъ подли его, а невѣсты его и въ слыху нѣтъ (у насъ № 1);» наконецъ, и всего хуже, ибо непослѣдовательно, рассказывается, что Садко, увидавши вокругъ отчаянную пляску и догадавшись, что отъ нея «Окіявъ синѣ море всколыбалоса, кораблики всѣ повыломало, людей-то всѣхъ повытопило,» объявилъ, что это пляски «бѣсовскія,» отказался дальше играть и заставилъ Царя воротить гостя домой (Рыбник. т. I, № 63); говоримъ—непослѣдовательно по ходу творческаго разсказа, но, коли хотите, согласно съ основною мыслию, когда убѣдился Садко въ опасности черезъ чуръ отважной игры своею и, бросивъ дальнѣйшія торговыя предпріятія, рѣшился вернуться домой. Жена, въ этомъ мірѣ, не отплатила Садкѣ за измѣну по ту сторону, въ другомъ мірѣ; товарищи не поступили съ нимъ такъ, какъ хотѣлъ онъ поступить съ ними, высовывая ихъ вмѣсто себя по жеребью на явную опасность: они поминали его, горевали по немъ. Когда Садко очутился въ Новгородѣ по добру по здорову, узналъ онъ церкву — приходъ свой, того Николу Можайскаго, встрѣтилъ плившихъ по Волхову съ Хвалынскаго моря товарищей, выгрузилъ съ нихъ казну (у насъ № 2); по другимъ проснулся—бочки съ ивѣніемъ лежатъ возлѣ, «съ ивѣніемъ и домой пошелъ (у насъ № 1);» по третьимъ, встрѣтила его обрадованная жена, мужъ повыгрузилъ богатства съ прибывшихъ кораблей, состроилъ на нихъ «соборную церкву Микола Можайскому, не сталъ больше ѣздить Садке на синѣ море, сталъ поживать Садке во Новѣ-градѣ (Рыбник. т. I, № 64);» наконецъ влагаются женѣ слова: «Ай же ты, любимая семейшка! Полно тебѣ ѣздить по синю морю, тосковать мое ретлявое сердечушко по твоей по буйной по головушкѣ: у насъ много есть

ищуща — богатства и растеть у насъ малое дѣтище (тамъ же, № 63)» Все однакоже согласно въ томъ, что послѣдняя отчаянная игра изъ за страсти къ добычѣ рѣшила наконецъ Садку вернуться окончательно въ лоно своей земщины и здѣсь искать успокоенія. Но такое окончательное водвореніе Садки среди города и сѣмьи послужило предметомъ еще особой, и единственной, Новгородской былины, помѣщенной у насъ подь № 3-мъ: здѣсь въ основѣ лежитъ собственно то же, что упомянули мы въ началѣ Садковой исторіи,—обогащеніе черезъ рыбу, обратившуюся въ деньги, то есть черезъ тѣ же торговые обороты по рѣкамъ и морямъ, но положителнѣе разсказаны успѣхи Садки среди прочихъ его горожанъ, окончательнѣе побѣда надъ ними всеми, подробнѣе построеніе церкви, а источники обогащенія—воды получили иной образъ, не Моря и Морскаго Царя, а Волги и Ильменя. Въздивши по Волгѣ до самаго устья въ теченіе 12 лѣтъ и заслуживши на ней ния Волжскаго Сура, Садко захотѣлъ побывать въ Новгородѣ и сталъ прощаться съ Волгою тою же благодарственной жертвой, какую мы видѣли выше на морѣ,—опустилъ въ воду хлѣба съ солью. Волга передала ему какъ свое благословеніе, такъ и поклонъ черезъ него брату, славному озеру Ильменю, то есть свое покровительство и благоволеніе къ Садкѣ передала теперь Ильменю, по мѣсту новаго жительства, куда переходилъ торговецъ съ Волги. Садко по указанію ея подѣхалъ по Волхову въ Новгородъ и сталъ подъ башнею проѣзжею (помѣщавшеюся на Волховскому мосту, ибо такъ, съ проѣзжими башнями на концахъ, изстари строились у насъ мосты; или при вѣздѣ изъ Волхова въ Ильмень?): здѣсь справилъ поклонъ и челобитье; по рѣкамъ ходитъ слава до моря, тѣмъ паче должно было дѣлать челобитье по Волхову къ Ильменю. Отъ Ильменя въ отвѣтъ явился удалой доброй молодецъ, вѣроятно Волховъ: онъ зачалъ разговоръ отъ имени Ильменя и, узнавши о близкомъ знакомствѣ Садки съ сестрою Волгою, тотчасъ же поспѣшилъ выразить Гостю благоволеніе новаго патрона, научилъ закидывать невода въ Ильмень, въ неводахъ оказалась разная рыба, а на четвертый день въ подвалахъ вмѣсто рыбы—дробныя (медкія) деньги, червонцы и монеты. Мѣсто моря въ покровительствѣ Богатому Гостю занялъ теперь Ильмень, тотъ же, что и съ перваго начала поставилъ Садку на ноги въ его родинѣ Новгородѣ. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ образцахъ Голубиной Книги, исхо-

двинуть вѣроятно изъ Новгородской области, мѣсто Окіяна-моря, со всѣми его помянутыми особенностями, занимаетъ Ильмень: «Ильмень озеро озерамъ мати, озерамъ отецъ,» и, хотя тутъ же прибавлено, что «не тотъ Ильмень, который подъ Новымъ-градомъ, да не тотъ Ильмень, кой у Большой Орды, не тотъ Ильмень, который во Царѣ-градѣ, а тотъ Ильмень, который въ Турецкой земли, стоитъ близъ Ерусалима,» но изъ этого уже видно, что слава Ильменя и имя его простерлись въ древнемъ воображеніи на всѣ воды міра. Любимецъ Алаторь-моря, Балтійскаго, любимецъ Хвалынскаго и рѣки Волги, сдѣлался теперь, по возвратѣ на родину, снова любимцемъ Ильменя, ведя съ нимъ сношенія черезъ удалаго молодца—черезъ Волховъ. Садко сходилъ къ Ильменю поблагодарить за подарокъ и попросилъ еще «поучить жить во Новѣ-градѣ.» Совѣтъ Ильменя былъ практической, пригодный во всѣ вѣка торговцамъ: повести дружбу съ людьми таможенными, нынѣшними чиновниками и полиціей, а для посадскихъ людей, согражданъ, дѣлать угощенія. Входя мало по малу во всѣ связи съ городомъ, Садко вступилъ членомъ и въ братчину, Никольщину, въ праздникъ и при церкви Николы Можайскаго. На братчинскомъ пиру онъ захвастался, тѣмъ же, чѣмъ и въ началѣ своего обогащенія,—повыкупить всѣ товары въ Новгородѣ: но тогда онъ не выигралъ заклада и долженъ былъ признать превосходство своей метрополіи; теперь же, обогащенный долгою торговлей по рѣкамъ и морямъ, онъ дѣйствительно поскупилъ всѣ товары, до того, что остались въ рядахъ одни черепахи, гнилые горшки, а всѣ горшки уже битые. И ихъ поскупилъ все-таки Садко: «пригодятся—ребятамъ черепами играть, поминать Садку, Гостя Богатаго!» Пренія слова свои о богатствѣ Новгорода, приведенныя нами выше, теперь, какъ побѣдитель. Садко оборотилъ уже въ совершенную насмѣшку: «что не я, Садко, богатъ,—богатъ Новгородъ всякими товарами заморскими и тѣми черепахи, гнилыми горшки!» Однако и здѣсь сила роднаго города и христіанства окончательно побѣдила самого побѣдителя,—заключеніе, всюду замѣтное въ нашемъ былевомъ творствѣ, въ силу того, что оно развилось въ эпоху уже Христіанскую: богатство свое положилъ Садко на городъ, на церковь, на роду православному; онъ построилъ дивныя три церкви—Стефана Архидякона, Софїи Премудрая, связанной въ лѣтописяхъ съ именемъ Садки, и Николы Можайскаго, церковь, помянутую выше

какъ готовую, но въ заключеніи и лучшемъ видѣ приписанную все-таки Садкѣ.—Заклучимъ тѣмъ, что нигдѣ не выразился такъ ярко, какъ въ былинахъ о Садкѣ, типъ торговаго Новгорода, не только сложившагося и историческаго, но въ связи и съ древнѣйшими, даже доисторическими преданіями, общими всей Руси и Славянамъ. Отъ того эти былины имѣютъ цвѣтъ преимущественно мѣстный Новгородскій, и отъ того же, ни въ былинахъ Кіевскихъ, ни въ Княжескихъ, ни въ Московскихъ не извѣстенъ и не помянутъ Садко, ни съ однимъ изъ его частныхъ, личныхъ обстоятельствъ, ни въ самихъ былинахъ о немъ не вставлено подробностей и чертъ, какія принадлежали бы извѣстному, исторически сложившемуся творчеству Кіева, Княжескихъ удѣловъ, Москвы. Связь съ сими послѣдними только доисторическая—относительно содержанія, только въ языкѣ и складѣ творчества. Равнымъ образомъ, и по тому же, былины о Садкѣ неизвѣстны въ Средней полосѣ Руси, а только на Сѣверѣ, въ Сибири, Архангельской округѣ и Олонцкой, куда шли Новгородскіе выходцы, выходцы изъ метрополіи уже сложившейся и обособившейся.

Въ связи съ Былинами о Садкѣ мы должны разсмотрѣть Былевою Пѣсню о *Терентьицѣ*: мы не можемъ назвать ее въ строгомъ смыслѣ Былиною, ибо складъ ея болѣе краткій и женскій, то, что въ народѣ называется *Стариною*. Но, съ этой стороны приближаясь къ пѣснямъ Былевымъ Безъимяннымъ, она богаче еще ихъ собственными именами и подробными мѣстными чертами, весьма ярко рисующими Новгородъ, а потому старше и можетъ быть сопоставлена съ новгородскими Былинами о Садкѣ и Васильѣ Буслаевѣ. Форма имени героя, не Терентій, а *Терентьице*—по свойству нашего языка принадлежитъ всему или грозному, страшному, или старому, неловкому, неуклюжему, и, съ этой послѣдней точки зрѣнія, идетъ къ старому обманутому мужу. Онъ также *Богатый Гость*, какъ и Садко: но лицо его, какъ героя, а вмѣстѣ обстоятельства, послужившія содержаніемъ пѣсни, слишкомъ частны, мелки и семейны, чтобы возрасти въ полную, мужскаго склада Былину или сдѣлаться общимъ содержаніемъ для творчества Руси; потому опять это содержаніе неизвѣстно ни Кіевскому, ни прочему Русскому творчеству, исключая предѣловъ мѣстнаго Новго-

родскаго. Есть однако и здѣсь, если глубже всмотрѣться, черты болѣе древнія и общія остальному творчеству: дворъ Терентьща описанъ какъ дворъ Пльька или Ермы; самое лице его, старика и Богатаго Гостя, сродно съ сими послѣдними лицами; положеніе обманутаго чужимъ молодцомъ мужа напоминаетъ исторію Ермы и Чурилы. Но вся эта основа проткана совершенно новыми цвѣтами и узорами чисто-исключительной мѣстности Новгородской и господствовавшихъ въ ней воззрѣній. Нельзя не остановиться здѣсь на любопытной особенностях: тогда какъ любовь играетъ такую важную роль въ Южнои творчествѣ Кіева и потомъ въ разрозненныхъ частяхъ эпоса повсемѣстнаго—Княжескаго, тогда какъ она тамъ создаетъ для лицъ столько драматическихъ положеній, въ самомъ эпосѣ указывающихъ на зародышъ драмы, а вмѣстѣ вызываетъ столько различныхъ образовъ и красокъ, дышащихъ всею нѣжностью или всеи пыломъ страсти, до тончайшихъ ея изгибовъ, вызываетъ столько яркихъ выраженій сладостнаго, ревниваго, мстительнаго чувства, создаваемаго даже въ языкѣ множество себѣ свойственныхъ названій, словъ, оборотовъ,—вспомните хоть Былины объ одномъ Добрынѣ или въ Княжескихъ о Романѣ, Михайлѣ, Князѣ Волхонскомъ, — ничего этого нѣтъ даже и слѣда въ Былинахъ Новгорода, такъ точно какъ въ его лѣтописяхъ, столь отличныхъ во всемъ отъ Южныхъ, видимъ постоянно лишь практическаго, по преимуществу торговаго дѣятеля, которому, среди многихъ дѣлъ общественнаго устройства и преимущественно торговли, совсѣмъ не до положеній драматическихъ, не до яркихъ и длинныхъ разсказовъ и описаній, не до выраженій чувства, который—наконецъ—въ самыхъ важныхъ дѣлахъ и разсказѣ объ нихъ до крайности лакониченъ и кратокъ, не договаривая необходимаго—даже для смысла, останавливаясь часто на полусловѣ: на все это ему—*некогда*. Это единственный на Руси второобразъ типа Лаконскаго и Дорическаго. Тѣмъ паче некогда ему распространяться о любви: мы встрѣтили только нѣсколько нѣжныхъ словъ на устахъ жены Садковой, да и то на порогѣ семейнаго дома, при возвратѣ мужа на лоно строгой матроны. Такъ и дѣло Терентьща, въ подобномъ случаѣ вызвавшее у Кіевскаго творчества страстныя описанія увлеченій жены Ермы, таинственныхъ продѣлокъ и ночныхъ свиданій Чурилы, ярости ревниваго и мстительнаго мужа, — дѣло Терентьща въ Новгородскомъ творчествѣ передано какъ простая, хотя

и поэтическая по своему, семейная сцена зажившей купеческой жены, готовой от старика отдаться первому встречному молодцу, потому наглое вторжение разгульных скомороховъ въ укрощеніе заблудившейся жены, самое укрощеніе въ формѣ домашней Русской потасовки, наконецъ угощеніе непрошеннаго гостя ременчатою дубиною. Во всемъ этомъ событіи движется уже никакъ не любовь, не страсть и не чувство, а вопросъ безпорядочной семейной жизни, переданной, для водворенія порядка, на рѣшеніе призванныхъ въ помощь горожанъ и на судъ Новгородскаго общественнаго мѣстнаго. Сцены, готовыя повторяться съ давнихъ поръ доселѣ въ любой семьѣ Русскаго купечества: потребна была большая сила творчества и въ основѣ ея глубокое убѣжденіе въ законномъ порядкѣ, чтобы отсюда создать очень хорошую Былевою Пѣсню, такъ точно какъ въ наше время для такого дѣла нуженъ талантъ не менѣе Островскаго. Но отнести это важное событіе къ эпохѣ исторической уже нельзя: слѣдъ эпохи, какъ въ Безымянныхъ пѣсняхъ, здѣсь потерянъ; лишь стройный складъ свидѣтельствуетъ о значительной древности, да по крайности, въ отличіе отъ пѣсень Безымянныхъ, сохранены имена лицъ и мѣстностей, мѣстный откликъ Новгородскій. Терентьевице жилъ въ улицѣ *Юрьевской*, въ слободѣ—по его имени—*Терентьевской*. Когда жена, наскучивши старымъ мужемъ, захотѣла его выпроводить подъ предлогомъ нервнаго разстройства и послала за дочтурами, онъ за дверь, а любимый молодецъ въ дверь и на кровать. Бѣдняга мужъ хлопочетъ. По счастью его, у церкви *Воздвиженія*, у *мосту*, близъ распутия, гдѣ въ древнемъ Русскомъ городѣ всегда можно было встрѣтить или Калѣкъ Перехожихъ, или удалыхъ Бойцовъ-борцовъ, или разгульныхъ Скомороховъ, попадаютъ старику сіи послѣдніе: важныя, очеставыя, пронырливыя, пройдохи; пѣвцы и игроки, представители народныхъ драматическихъ сценъ съ масками; первые зачатники и надежныя товарищи кому погулять, попить, попроказить; всюду — по пирамъ, свадьбамъ, по домашнимъ досугамъ отъ скуки прошеные и званыя гости; любившіе брать, но не любившіе и не имѣвшіе откуда давать деньги, потому на складчинахъ и братчинахъ гости всегдашніе, но не званыя и не прошеные, жившіе и жившіе сильно; готовые позабавить, но также точно и обокрасть, а за то часто битые, если же посмѣяте они или побольше ихъ, то также охотно и бившіе; въ семьѣ пріятные гости—пока играютъ, а то и

накладные, и обжорливые, и воровскіе; дешевые совѣтники—чтобъ разстроить, дорогіе помощники—чтобы устроить и поправить бѣду; къ частному и общественному быту относившіеся въ родѣ нынѣшнихъ Русскихъ благородныхъ артистовъ: однимъ словомъ, Веселые Молодцы—ихъ прозвище,—другая сторона медали, обратная той, гдѣ стояли «Угрюмые Старики.» Калѣки Перехожіе, иррачные и таинственные какъ сама слѣпота, такіе же бродучіе, такіе же творцы и пѣвцы, такіе же гости общества и семьи, но другаго сорта, на храмовыхъ праздникахъ до конца обѣдни и обѣда, до начала хороводовъ, на поминкахъ, кормахъ, и прочее, нами не разъ описанное. Скоморохи давно знали Терентьища, давно развѣвали рты на его угощенья и деньги, да старикъ былъ скрага, поживы отъ него не было, «доселѣва его было слыхомъ не слыхать и видомъ не видать;» только теперъ объявился онъ, «бродить по чисту полю что корова заблудаящая, что ворона залетающая,» да «и не самъ онъ зашелъ, не конь его завезъ, завела нужда.» Передаетъ онъ нужду: пришлось дорого заплатить за помощь, далъ Скоморохамъ сто рублей, да еще послѣ другое сто рублей «за правду великую.» Скоморохи были настоящіе помощники въ его дѣлѣ, тѣ дохтуры, которыхъ лучше нельзя было желать: они сей часъ смекнули, въ чемъ дѣло, какъ вывести на свѣтъ «правду великую» и тотчасъ приступили къ дѣлу. Накупили — на деньги Терентьища — нужныхъ вещей, иѣшкоу, вязъ, дубину, тогдашній галантерейный товаръ; обычно оборванцы, голь кабацкая, они теперъ, какъ при началѣ своихъ представленій, нарядились, стали въ строй, готовы въ походъ: у однихъ гусяльцы, другіе съ голосами на пѣсни, иѣхоноша съ иѣшкоу. Въ иѣшкоу должны бы были инструменты, орудія—иногда воровскія, куски пироговъ — дневное продовольствіе: но въ настоящемъ случаѣ туда посадили старика съ вязомъ и дубиною (иѣшки были у нихъ столь же просторны, какъ можно видѣть донынѣ у Калѣкъ Перехожихъ). Подходятъ къ Терентьеву двору. Жена, по естественной опасливости, иѣтъ, иѣтъ, да поглядывала въ окошко, не вернулся бы мужъ: вдутъ Скоморохи. Она было не пускать, хозяина дома иѣтъ: но Веселые утѣшили вѣстью, что со кручины старикъ валнется у мосту безъ заднихъ ногъ. Тогда женѣ кстати повеселиться: зазвала, пошли игры и пѣнье, остальное достаточно краснорѣчиво передаетъ сама пѣсня. Наказана жена, наказанъ и Недугъ, прятавшійся подъ собо-

линымъ одѣяломъ. Мужъ, удовлетворенный, не отсѣкъ головы ни измѣнницѣ, ни гостю непрошеному, какъ Ерма въ Кіевскомъ творчествѣ: они прибавилъ лишь скоморохамъ за помощь, получилъ для дальнѣйшаго продолженія жену, да не могъ не радоваться съ точки купеческой, а вмѣстѣ и всей Новгородской, отпечатлѣвшейся въ словахъ былины,—убѣжавшій молодецъ оставилъ въ барышъ дорогой настанъ и камзолъ, да денегъ пятьсотъ рублей.—Нельзя однакоже не замѣтить, что весь тонъ этой пѣсни шуточный и сатирический: какъ въ Гомерическомъ эпосѣ, такъ и во всѣхъ развѣтвленіяхъ нашего, не исключая Кіевского, Княжескаго и Московскаго, всегда возлѣ былинь серьезныхъ, смотрѣвшихъ на предметъ съ серьезной точки зрѣнія, стоитъ хоть одна, иногда двѣ и три шуточныхъ; мы уже отчасти разъяснили происхожденіе такого явленія, говоря о бывшій «Каково жить птицамъ (Рыбн., т. II).» Такова же въ Новгородѣ, при былинахъ о Садкѣ и Васильѣ, пѣсня о Терентьищѣ, и вотъ разгадка, почему творчество сдѣлало содержаніе ея, ничтожное само по себѣ, достойнымъ своимъ предметомъ, и вышло побѣдоносно: то, что было бы плохо въ былинѣ важной и крупной, то сдѣлалось поэтично, какъ скоро направлена сюда сатира, шутка и улыбка; элементъ комическій вывелъ предметъ изъ ничтожества на достойную степень творческаго созданія. Какъ не замѣтить, что тотъ же Новгородъ, который раздѣляетъ участь Терентьища и сочувствуетъ расправѣ скомороховъ, смотритъ сатирически и на обманутаго старика скрягу, и на неудачу прикинувшейся жены, и на похождения молодого парня черезъ окно подъ дубиной? А къ Веселымъ Молодцамъ — нечего и прибавлять, что—творчество относится весело.

Такой же, какъ Садко, любимый герой Новгорода, занявшій собою другой отдѣлъ былинъ Новгородскихъ,—*Василій Буславъ*. Но это совсѣмъ другой типъ, чѣмъ Садко, выразитель совсѣмъ иного слоя Новгородской жизни, совсѣмъ другихъ ея воззрѣній. Это представитель уже не мирнаго занятія торговли, даже не древнихъ безпокойныхъ и отважныхъ подвиговъ съ торговой цѣлью, не торговой посадской и не торговой гостинной стороны, а Новгородской *Вольницы* или *Повольницы*. Тамъ, гдѣ есть въ жизни достаточная доля свободы, въ семействѣ ли, или въ общинѣ, въ земщинѣ, даже въ государствѣ, тамъ молодежь, молодые подростки растутъ всегда на просторѣ, полные цвѣтущей—по древнему нашему языку—буйной жиз-

ни, полные всей роскошной силы и красоты юнаго бытія, съ ранней смѣлостью ума, съ неожиданною отцами молодецкою отвагой, какъ горячая надежда на будущее, но, непремѣнно и рядомъ, — съ неудержимымъ разгуломъ, съ задоромъ и дерзостью, съ буйствомъ и насмѣшкою, какъ поводъ невольныхъ опасеній каждому за настоящее. Мужья возраста зрѣлаго, мужья семействъ, составляли въ Новгородѣ крѣпкую и тяжелую Земскую Дружину, защищавшую предѣлы роднаго края, ходившую въ серьезные дѣла съ князьями, отправляли работы на прокормленіе семействъ, вели торговлю внутри, а больше за предѣлами, каковъ — мы видѣли — былъ Садко, принимали участіе въ вѣчѣхъ и во всемъ общественномъ устройствѣ; старики, дѣды семей и главы родовъ, сторона по преимуществу охранительная, нужны были не столько энергическимъ дѣломъ, выходившимъ изъ предѣла ихъ силъ, сколько голосомъ, душою, влияніемъ: но и тѣ, и другіе, не могли не тяготиться крайностями молодежи, ибо это была не свобода, не охрана, а Вольница; они считали необходимымъ и были вынуждаемы необходимостью умѣрять разгулъ ея незрѣлыхъ силъ, давать ей направленіе, по временамъ куда либо сбывать ее, пока она уходится и вернется на родину зрѣлымъ мужемъ. Такъ сбывали Вольницу — не въ Земскую Дружину, а въ тѣ летучіе отряды Новгорода, которые ежегодно, если не еженедѣльно, дѣлали вылазки къ опаснымъ сосѣдямъ и тревожили врага, которые хаживали въ легкія стычки съ князьями, которые не могли, говорить дѣтопись, драться на конѣ и въ сапогахъ, а спѣшивались, разувались и босые метались въ сѣчу. Эту же Вольницу подзадоривали торговцы, когда прознавши въ иномъ краю добычу и завязавши первыя знакомства, указывали ей на лакомый кусокъ, на предметъ захвата; ее торговцы водили за собой и съ собою. Новгородъ, по своему торговому характеру, никогда не былъ суровымъ завоевателемъ въ строгомъ смыслѣ: его пріобрѣтенія въ далекихъ краяхъ добывались Вольницею, и она — то, за торговцами, проникала на послѣднія точки Сѣвера, на устья Волги и въ море Хвалынское. Съ этой стороны Вольница Новгородская сходна съ Богатырями, воспѣтыми въ Кіевскомъ творествѣ: мы видѣли уже тамъ, какъ тяготилась Земщина проказами Богатырей въ своемъ нѣдрѣ, въ селѣ и городѣ, какъ сбывала ихъ на окранны и заставы, и какъ длились тамъ ихъ ежеминутные богатырскіе подвиги безконечнымъ рядомъ. Потому-то имя Василья Буслаева, представителя

Вольницы,—не такъ какъ имя Садки, — перешло даже въ Кіевскоѣ творчество, въ Богатырскія Былины, разумѣется не на первыхъ порахъ ихъ склада, а позднѣе, чередовалось тамъ съ именами нѣкоторыхъ Кіевскихъ Богатырей, на примѣръ занимало мѣсто Ивана Годиновича (Рыбник. т. II), а отчество *Буслаевича* является при Вольгѣ вмѣсто «Святославича,» вѣроятно по сходству имени «Вольга» съ Волхомъ и Волховомъ Новгородскимъ (Рыбник. I, № 1); когда же изъ Богатырскихъ пѣсень выродились Безымянныя, имя Василья перенесено на героевъ въ сихъ послѣднихъ (ср. тамъ же, въ былинѣ, выродившейся изъ былины о Дунаѣ Ивановичѣ), наконецъ помѣстилось даже въ ряду витязей, когда, по разсказу былины, они переводились на Русь (у насъ вып. 4; впрочемъ упоминаніе здѣсь Василья Буслаева, по самому происхожденію нѣсколько подправленной былины, намъ подозрительно). И на оборотъ, изъ Кіевскихъ былинъ въ былины о Васильѣ перешли нѣкоторыя лица, составлявшія обстановку Богатырей, извѣстныя намъ *Мужики Залышена* и *Семь братьевъ Эбродовичи* (у насъ № 3). Потому же былины и сказки о Васильѣ Буслаевѣ, подобно Кіевскимъ, болѣе распространены на Русь, чѣмъ, на примѣръ, о Садкѣ. Но этихъ лишь и ограничивается сходство между Кіевскими Богатырями и Новгородскою Вольницей: гораздо больше есть различій. Первые составляли настоящую и зрѣлую Земскую Дружину, были только отборными ея чертами и типами, удостоенными былеваго творчества: такъ требовали обстоятельства Южной Руси, слагавшейся за всю Русь среди безпрестанныхъ отсюду враговъ, между самыми разнородными сосѣдями, между разнообразнѣйшими, облежавшими племенными вѣтвями, которыя предстояло объединить и сплотить, иногда обсоюзить, иногда обложить данью и даже покорить. Земская Дружина Новгорода, не поставленная самою мѣстностью въ такое положеніе, не доросла до Богатырства, не дала изъ себя Богатырей: завѣтныя стремленія ея членовъ, послѣ всякой вынужденной войны и стычки, простирались лишь къ торговлѣ и къ охранѣ своей великой торговой общины; богатыри ея были лишь богатыри отважной Торговли. Отъ того на Кіевскихъ Богатыряхъ лежитъ печать характера всеобщности, на Земской Дружинѣ Новгородской и на Вольницѣ— характеръ лишь частности. Тамъ стояли за всю Русь, сложившуюся въ прошедшемъ, наличную и будущую, готовившуюся: здѣсь за мѣстность, за свои интересы, за Новгородъ. Тамъ Богатыри не подро-

ли, а преимущественно зрѣлые мужи, даже старики, какъ Илья: здѣсь старики вѣтъ всякой Дружины, вѣтъ отважныхъ предпріятій, домохѣды сравнительно съ мужами зрѣлыми и болѣе молодою Вольницей; здѣсь Зейскіе Дружинники, зрѣлые мужи, — не Богатыри, а по нуждѣ Дружинники Ратные, по охотѣ и любви Торговые; здѣсь Вольница, подрастая, дорастала не до Богатырства, а до тѣхъ же Земскихъ Дружинниковъ Новгородскихъ, до людей рабочихъ, людей вѣча, семьянъ и стариковъ. Богатыри Южные дѣйствовали самостоятельно, силами Земщины, но вокругъ Князя; Южная Русь зародила въ себѣ Русь дальнѣйшую и въ нее перешла нажитымъ наследствомъ: Дружинники Новгорода дѣйствовали въ Новгородѣ и вокругъ Новгорода, порою съ своими переменными Князьями, но совѣтъ не для идеи, руководившей ими послѣдними, передававшейся искрою отъ Кіевскихъ Князей ко всемъ Князьямъ Русскимъ и перешедшей даже къ Князьямъ Московскимъ; тѣмъ паче летучая Новгородская Вольница, хотя и сдѣлала что для всей Руси, но не прямо, а лишь косвенно, черезъ посредство своего Новгорода, куда перешли ближайшіе плоды ея походовъ. Тѣмъ менѣе могла она создать что либо прочное, исторически передавшееся позднѣйшимъ вѣкамъ; Новгородъ какъ жилъ своею жизнью *о собѣ*, особо, такъ и замеръ, и сгнѣбъ въ этой особой жизни, цѣлкомъ захваченный Москвою какъ добыча, но не передавшійся въ ея плоть и кровь, не переродившійся и послѣ захвата, а либо замороженный, либо самъ замершій въ постепенномъ разложеніи, въ испаденіи до простаго отличія мѣстнаго, географическаго и этнографическаго. Ни Владиміръ, ни Москва не захватывали древняго Кіева (говоримъ *древняго*): а между тѣмъ изъ него все нажитое перешло живѣйшимъ преданіемъ во Владиміръ и Москву, и въ родѣ Князей, и въ самой Землѣ, Мирь-народѣ. Здѣсь-то, можетъ быть, въ прочности и всеобщности началъ, лежавшихъ на одной сторонѣ, въ зыблкости и узкости на другой, лежитъ разгадка паденію, и снова зародышу, и возстанію, и даже возможнымъ и будущимъ судьбамъ Кіева, сочнаго корня, зрѣлаго и питательнаго плода Русской жизни, здѣсь же конечному паденію и невозможному возстанію древняго Новгорода, красиваго отростка, *буйнаго* цвѣта Руси, буйнаго въ помянутомъ выше смыслѣ, какъ говорятъ доселѣ многіе Славяне, полнаго бытіемъ, но скоропреходящаго и на всегда поблекшаго. Въ Кіевѣ не было Вольницы, въ родѣ Новгородской, молодежь зрѣла до Богатыр-

ства и переходила въ творчество какъ типъ Богатыря: въ Новгороде неизвестны Богатыри въ родѣ Кіевскихъ. Богатыри принадлежали и доселѣ принадлежать всей Руси, какъ типы ея зачала и первобытной жизни: Дружинники Новгородскіе полегли за свой городъ не оставивши славныхъ именъ и типовъ творчеству; типъ Новгородской Вольницы, Василій Буслаевъ, принадлежитъ лишь мѣстности Новгородской, и только лишь черезъ нее, косвенно, остальной Руси. Тамъ Богатырей много: здѣсь героевъ мало, даже одинъ, если не считать торговца Садки; тамъ они выходили изъ всѣхъ слоевъ тогдашней Земщины, и Бояръ, и Крестьянъ, и Поповъ, и Гостей, и Посадскихъ, и т. д.: здѣсь они не различались въ своей густой массѣ по слоямъ, ибо не было различавшихъ крупныхъ чертъ; туда собиравались Богатыри изъ всѣхъ краевъ тогдашней Руси, даже изъ Муромъ и Ростова, роднаго брата Новгороду, только лишь не изъ Новгорода: здѣсь выступали дѣятели лишь свои, Новгородцы. Это какъ нельзя лучше отпечатѣлось въ послѣдовательной связи Русскаго Былеваго творчества. Старшіе Богатыри, выразители первобытной эпохи только лишь начавшей слагаться Руси, неизвестны творчеству Новгорода, а между тѣмъ въ тѣсной связи съ Богатырями Кіевскими, представителями Руси сложившейся, на первой лучшей перѣ Владиміровой; между самими Богатырями Кіевскими замѣтна постепенность отъ болѣе старшихъ къ младшимъ, исторически доводится ихъ существованіе до битвы при Калкахъ и дотягивается даже до Ермака Сибирскаго; изъ пѣсней Былевыхъ Безымянныхъ многія выродились изъ тѣхъ же Богатырскихъ, только съ потерей исторической эпохи, именъ личныхъ и мѣстныхъ, да съ пониженіемъ склада творческаго, выродились также, какъ изъ Княжескихъ и Московскихъ; черезъ то имена и типы Богатырей болѣе или менѣе перешли во всю Русь, даже въ Новгородскую нынѣшнюю область, а мотивы творчества, занятые изъ древнѣйшаго содержанія Богатырскихъ Былинъ, проникаютъ собою все дальнѣйшее творчество Русское, видоизмѣняясь на разные лады, такъ что у Москвы, внѣ ея особыхъ, своеобразныхъ Московскихъ Былинъ, есть пѣсни въ народѣ, ведущія начало отъ Кіевскихъ: Новгородское творчество не приняло въ себя всѣхъ этихъ наслѣдій, за исключеніемъ какой ни будь пары менѣе цвѣтныхъ именъ (какъ на примѣръ помянутые Залѣшена и Сбродовичи), и осталось особнякомъ внѣ общей Русской связи; бы-

лны объ его Вольницѣ, то есть объ единственномъ типѣ ея — Васильѣ Буслаевѣ, остались чисто-мѣстнымъ Новгородскимъ вырождаемъ, неразлагаемымъ ни на какія послѣдствія въ творчествѣ остальной Руси, кристаллизовавшимся и замершимъ въ своей кристаллизаціи. Онѣ не ведутъ начала отъ Былинъ о Богатыряхъ Старшихъ, не связаны съ Кіевскими, за исключеніемъ двухъ-трехъ древнѣйшихъ преданій, исходившихъ изъ поры донсторической, какъ мы видѣли въ Садкѣ, да общія въ двухъ-трехъ именахъ, въ силу упомянутого нѣкотораго подобія Вольницы и Богатырства, да внѣшняго склада творчества, стиха и эпического языка, общаго всей эпической эпохѣ въ творчествѣ Русскомъ; наконецъ отсюда не выродилось ни пѣсень Боярыньныхъ, ни другихъ какихъ либо общихъ для Руси мотивовъ творческаго содержанія. Послѣ Былинъ, выходящихъ по времени сложенія изъ тѣхъ XII вѣка, Новгородъ, сколько мы знаемъ изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ данныхъ, былъ Былины Московскія (нѣкоторыя изъ нихъ записаны въ Новгородѣ), а теперь поетъ тѣ же пѣсни, какъ вся Русь, прошедшая чрезъ Московскій періодъ, даже безъ крупнымъ отличій мѣстности. — Выказать всю исторію Вольницы въ главномъ ея представителѣ, возведенномъ въ типъ творческій, исторію этого типа съ рожденія и дѣтства до самой смерти, въ зародкѣхъ среди Новгорода, въ воспитаніи, въ первыхъ дѣйствіяхъ, въ борьбѣ съ окружающею сферой, потому внѣ ея, на сторонѣ, до возвращенія на родину или до конца послѣдняго, — вотъ задача, исполненная, нужно сказать правду, превосходно Былинами и отчасти Сказками о Васильѣ Буслаевѣ. Передавая содержаніе, мы получимъ случай непрерывно сравнивать этотъ типъ съ типомъ Садки, чтобы видѣть близость, а еще больше все различіе: только предвараемъ, что все это отнюдь не *подвиги* — подвиги были только у нашихъ Богатырей, — а *похожденія* и *приключенія*.

Объ родѣ-племеніи Садки и даже объ отчествѣ не стоило говорить: безъ роду-племеніи, выскочкой вышелъ онъ въ люди усильными трудами; со-всѣмъ не то Василій: его отецъ *Буслай* (см. выше развѣтвленія имени), мать *Авдотья Васильевна* или — типическое имя былеваго творчества — *Афимья Александровна*, еще типичнѣе — *Амелоа Тимоо-евна*; дворъ ихъ и имѣнье постоянно называются *дворянскими*, то есть вѣрнѣе, боярскими; они были боярами, конечно не тѣми, кои подѣ-

ХСІІ

лавы Князьями изъ ихней дружины, а Земскими. Буслай занималъ въ городѣ видное мѣсто, быть можетъ посадиничество, ибо Былины даютъ замѣтить, что онъ «съ Новымъ-городомъ не споривалъ, со Опсковымъ онъ не вздоривалъ, а со матушкой Москвой (позднѣйшая ветавка) не перечился.» Жилъ онъ бездѣтнымъ, обыкновенно разсказывается, до 90 лѣтъ, пока зубовъ во ртѣ нѣтъ: Василій, какъ говорятъ въ народѣ, былъ сыномъ «молённымъ и божённымъ.» Скоро, со смертію отца, остался онъ наследникомъ почетнаго въ городѣ имени и большого богатства: воспитательницею была мать. Садко не былъ «въ грамотѣ поученый человекъ» и вѣроятно на жеребьяхъ писалъ какъ пишутъ нынѣшніе Русскіе торговцы — каракулками, а въ завѣщаніи, хотя и принесла ему богатую «чернилицу вальяжную (Рыбн. I, стр. 377),» вѣроятно приложилъ руку въ собственномъ смыслѣ, то есть обмакнувши ее, или выставилъ чернилами крестъ; да высшая образованность торговому Русскому человеку и не полагается нужною: но, какъ Богатыри Кіевскіе, представитель Вольницы обученъ всѣмъ тогдашнимъ наукамъ. Семи лѣтъ выученъ онъ матерью грамотѣ и перемъ писать: то и другое ему въ науку пошло. А какъ стали его учить пѣтью церковному, то это до такой степени пошло ему въ науку, что Былина прибавляетъ: «а и нѣтъ у насъ такова пѣвца во славномъ Новѣ-городѣ сопровѣтъ Василья Буслаева,»—знакъ, что Былина, въ ея уцѣлѣвшемъ видѣ, сложена и пѣлась въ Новгородѣ (да и гдѣ же иначе?). Настоящее его воспитаніе было впрочемъ такое: на улицѣ, среди ребятшекъ, въ дѣтскихъ играхъ, а ребята въ вольномъ Новгородѣ были конечно не только какъ всѣ уличныя мальчишки, а даже какъ Лондонскіе. Прибавьте сюда надежду на имя и богатство, да несомнѣнное баловство матери къ единственному и позднему сыну. Василій сталъ шутить шутки недобрыя, тѣ, которыя разсказываются впрочемъ и объ другихъ герояхъ нашего эпоса, какъ признакъ ранней ихъ силы: особенность Василья была въ томъ, что онъ шутилъ такъ, рвалъ руки, ноги и головы, не только на знаменитой Новгородской улицѣ *Рогатницѣ*, рано извѣстной по лѣтописямъ и перешедшей даже въ другія Былины (собственно это была всякая древняя наша улица, огороженная, вмѣсто тумбъ и троттуаровъ, рогатками), но и на всѣхъ улочкахъ, да сталъ загуливать и на княженицкѣй дворѣ, сталъ пошучивать свои шутки съ дѣтьми боярскими и княженицкими

ХСІІІ

(Рыбник. т. I). Еще хуже: въ противность скромному Садкѣ, Василій «поводился со пьяницы, съ безумницы, съ Веселыми удалыми-добрыми молодцы,» знакомыми намъ Скородохи; въ ранникъ лѣтахъ онъ «до пьяна ужъ сталъ напиватися (у насъ № 3).» Вотъ важнѣйшій толчекъ происхожденію Вольницы, необходимо возникавшей въ общественномъ складѣ такого города. Поднялись ропоть, говоръ, недовольство, дошли они до матери. Былины передаютъ это различно: по однимъ, мужики (т. е. мужи, люди) Новгородскіе только пригрозили Васкѣ—«тебѣ съ встою удачей молодецкою накусити рѣка будетъ Волхова,» помочиться въ Волховѣ, побывать въ немъ съ мосту по мірскому приговору! По другимъ стали доходить жалобы и просьбы къ матери, притомъ съ угрозами: «унимай-ка своего чада милаго, а ты не уймешь, такъ мы уймемъ!» Еще, будто съ такою жалобой приходили отъ князей *Новгородскихъ* (Рыбник. т. I); наконецъ, являлись жаловаться прямо и лично люди «посадскіе, богатые.» Частію разсерженный, частію и напуганный угрозами, Василій къ матери; мать отъ баловства перешла къ журьбѣ-бранн, конечно жалѣя сына; сыну избалованному, «журьба Васкѣ не влюбилася.» Нѣкоторыя Былины прибавляютъ, что мать даже перестала пускать его гулять по Новгороду (Рыбник. т. I): еще хуже. Двѣ стороны уже крѣпко расходились въ рознь: но мать еще пособила дальнѣйшему. Слезливая старуха ревѣла надъ сыномъ и, пугаясь за участь его въ предстоящей непременно борьбѣ съ горожанами, начала причитать: отецъ твой «не имѣлъ въ карманѣ сто рублей, а имѣлъ дружину хоробрую,»—пословица, не имѣй въ карманѣ сто рублей, а имѣй сто друзей; «а у тебя нѣту братій и дружины хоробрыя, не съ кѣмъ тебѣ будетъ поправлятися (Рыбник. т. II)!» «Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ! Прибрай-ка собѣ дружину хоробрую, чтобъ никто ти (те, тебя) въ Новѣ-градѣ не обидѣлъ (т. I)!» Садко предпочелъ бы въ этомъ случаѣ сто рублей: но Василью ложился слова въ сердце глубоко и попадали въ желанную имъ самую цѣль. «За эти рѣчи, говоритъ былина, Василій принимается (т. II).» Онъ и самъ подумывалъ, какъ огородить себя и отъ досадныхъ жалобъ съ угрозами, и отъ докучной журьбы матери. Слѣдуетъ второй, и главный шагъ въ образованіи Новгородской Вольницы, второй періодъ въ воспитаніи Буслаева. Обучаться принялся онъ теперъ самъ: «семнадцать лѣтъ обучился Василій на-

уль воинскіхъ (даже, прибавляетъ былина, «рыцарскіхъ»), ощу- тить въ себѣ силушку великую, и дѣлать себѣ сбрую ратную, на- лицу воинскую и копьѣ мурамецкое, тугой лукъ разрывчатый и саблю вострую (Рыбникъ. т. I);» любимымъ однако оружіемъ Ва- силья съ тѣхъ поръ былъ* и остался «червленый» или «стекляный вязъ,» порою ось тельжная, — черты эпохи древней. Тутъ пара бы Василья сбыть въ походы съ прочю Вольницею: да онъ, вѣроятно, и хаживалъ, но мать не могла на долго разставаться, ворочался; притомъ одна толпа Вольницы изъ Новгорода убывала, другая оста- валась или прибывала. Это и дало возможность творчеству брать типъ ея какъ постоянный элементъ Новгорода, держать здѣсь Ва- силья для дальнѣйшей борьбы и описывать постепенный разгаръ ея съ окружающими враждебными элементами городской общественной жизни. При такомъ порядкѣ вещей и въ такомъ городѣ, какъ Нов- городъ, полный безпрестанно смѣнявшимися гостями и пришельцами, полный удалой молодежи, конечно всегда было много гола кабацкой и празднотающихъ удалцевъ, искавшихъ понагрѣть руки около бо- гатствъ или потѣшить руки борьбою: самое устройство общины, разла- гавшее и сталкивавшее партіи, требовавшее для партій крѣпкихъ рукъ и бойцовъ, тому способствовало. Къ такимъ-то молодцамъ обратился Ва- силій, набирая себѣ дружину, по свидѣтельству былинъ разсылая письма съ приглашеніями или—по нашему—прибывая уличныя афиши, съ за- зывомъ пить и ѣсть готовое, носить дорогое платье, разгуливаться: афиши и писемъ даже было не нужно, дружина Вольницы сама со- бою скоплялась вокругъ надежныхъ предводителей; а чего было на- дежнѣе именитаго и богатаго баловня? Собираются, по былинамъ, на дворъ къ Василью. Одна былина (Рыбникъ. т. II) такъ очерчи- ваетъ толпу въ общихъ чертахъ: «тати, воры, разбойники, плутъ, мошенникъ.» Впрочемъ нѣкоторые, судя по описанію, были и поря- дочные. Набиралось чернымъ-черно, какъ черна ворона: отобралось лучшихъ 29, самъ Васька сталъ тридцатымъ. Вотъ главные лица по былинамъ: первый и главнѣйшій *Костя Новоторжанинъ*, изъ Торж- на, Новгородской области, по одной былинѣ съ отчествомъ—*Костя Никитинъ* (не ошибка ли вмѣсто Новоторжанинъ? У насъ № 4); *Потанюшка* (Потапъ), *Потаня*, съ прозвищами и описаніями — *Малый-упалый*, *Маленькой*, *Хроменькій* или *Хромненкій*, на праву ножку припадываетъ, на лѣву прихрамываетъ, изъ подъ ручки

посматриваетъ,—видно, одно слово, пройдоха; *Васинька Маленькой*; *Өома* или *Өомушка*, *Хомушка*, *Горбатенькій*, *Толстѣ-благородливый* (уродился во благо, въ добро ему шло, кругленькій, гладенькій, брюшковатый),—толстый да горбатый, приземистый, ражій; *Котельная Пригарина*, прозженный, то же, что «Дѣтина Цоваренный», «Тараканка» и т. п., съ давнихъ поръ типъ всякаго ловкаго помощника, услужливаго чернорабочаго; *Иванище Сильное*, *Калѣка Перехожій*, извѣстный и въ Кіевскомъ творчествѣ: ему бы собственно здѣсь не слѣдъ и быть, да онъ попалъ потому, что *Калѣки* встрѣчались тогда на каждомъ шагу; знакомые намъ оттуда же *Мужики Залышена* и *Семь братьевъ Збродовичи*; *Лука* и *Моисей*, *Дѣти Боярскіе*, заставляющіе подозрѣвать сходство съ *Лукою* и *Петромъ*, «Королевичами изъ Крякова (Кракова; Рыбичи. т. I).» Подобныя же лица встрѣтимъ мы и послѣ, въ числѣ бойцовъ на Москвѣ. Своеобразно пробовалъ или испытывалъ пришедшихъ *Васька*,—взявъ по головѣ, кто не ворохнется, у кого кудри не тряхнутся и т. п.: кто оказывался годенъ, называлъ братомъ названнымъ, угощалъ; мужиковъ *Залышанъ*, страшныхъ и въ Кіевскомъ творчествѣ, до того самъ перепугался, что не посмѣлъ даже къ нимъ и показаться на первое знакомство. Одна стѣнка была такимъ образомъ готова; поводы къ столкновенію также на чеку: познакомимся и съ другою стѣнкою, представителями города, ставшими во враждебное отношеніе къ молодежи. Нельзя не замѣтить, что у *Садки*, практическаго человѣка, вовсе нѣтъ враговъ: страшнѣе *Морской Царь* все-таки ему благодѣтельствуетъ; *Царица* на его сторонѣ; *Чернавка* выводитъ его на Русь; *кушцы* и «настоятели» *Новгорода*, временно поспоривши, подъ конецъ все-таки помогаютъ обогатиться; *башлыки*, люди таможенные—то же; еслибы въ то время существовалъ полицеймистеръ *Новгорода*, и онъ явился бы «отцемъ и благодѣтелемъ» *Садки*; нечего уже говорить о *Волгѣ*, *Ильменѣ* и т. п.: напротивъ у *Василья* все, даже родные—какъ крестовый батюшка—все задѣто и лѣзетъ противъ него на стѣну. Стѣна же эта вотъ какая. Во первыхъ, упоминается въ былинахъ оскорбленный *Васильемъ* «*Княженецкій дворъ*» и «*Князь Новгородскій*,» какъ глава, распорядитель, судья, наказующій и милующій (см. ниже): но это не тотъ *Князь*, какіе бывали въ *Новгородѣ* выпрошенные, назначенные или выбранные изъ извѣстнаго рода *Варяжскаго*. Ближайшее

изученіе Русской исторіи въ связи съ исторіею другихъ Славянскихъ племенъ, особенно Южныхъ, не оставляетъ сомнѣнія, что и прежде сихъ Князей, и при нихъ, кромѣ ихъ, были Князья изъ своего рода, съ достоинствомъ и правами своими, такъ точно, какъ искони было у Славянъ именованіе *Князя*, такъ точно, какъ Князья были всегда и остались доселѣ у Славянъ Южныхъ, не призывавшихъ никого изъ Варяговъ, доселѣ въ достоинствахъ старшинъ и судей надъ общинами, такъ точно, наконецъ, какъ имя и достоинство Князя, хотя въ иномъ смыслѣ, искони придавалось жениху на свадьбахъ. Подобнымъ образомъ и *Бояре*, кромѣ возникшихъ изъ дружины Княжеской, Варяжской, на Руси, были искони и здѣсь, и у всѣхъ Славянъ свои собственные; такъ что на оборотъ изъ дружины Княжеской дѣлались Бояре по образцу Земскихъ и, кромѣ Варяговъ, съ самаго начала въ дружинѣ Княжеской, въ Земской и прямо въ Земщинѣ были Бояре Русскіе-Славянскіе. И дѣйствительно, по былинамъ Новгорода, упоминаются въ немъ, и въ одно время, *три Князя Новгородскіихъ* (Рыбник. т. I),» потомъ *два Князя* и просто *Князья Новгородскіе*,» объясняемые тутъ же—*Воевода Николай Зиновьевичь, Старшина Оома Родіоновичь* (тамъ же).» Тѣ же два лица — одинъ сходенъ и именемъ — видѣли мы въ былинахъ о Садкѣ подъ именемъ *Новгородскихъ Настоятелей*.» Въ другой былинѣ и въ томъ же совершенно положеніи, какъ лица предыдущія, упоминается *Городничій Оома Родіоновичь*,» очевидно то же лицо, что выше названъ Княземъ и Старшиною. Тѣ же *Никола Зиновьевичь* и *Оома Родіоновичь* выводятся въ другихъ двухъ былинахъ (унасъ № 1 и 2) просто какъ «*мужики*,» т. е. «*мужи Новгородскіе*,» тамъ, гдѣ въ однихъ былинахъ описывается ширь у *Князя*,» въ другихъ одно лишь имя «*у Викулы Окулова (Викулы—вѣроятно изъ Микулы, Николая Зиновьевича; Рыбник. т. II)*.» Очевидно, что все это простые, обычные мужи Новгородскіе, но облеченные въ достоинство *Князя*, а Князей этихъ могло быть нѣсколько въ одно время и достоинство ихъ, по роду службы, дѣлилось на *Судью* въ строгомъ смыслѣ (см. ниже), *Городничаго* или *Старшину* (городскаго), *Воеводу*. Какъ они выходили изъ Земщины и къ ней относились, и въ нее возвращались послѣ службы, и какой срокъ былъ ихъ службѣ, и какъ рядомъ службъ и служебныхъ лицъ въ роду образовались Служилые люди, какъ относились къ помянутымъ званіямъ По-

ХСVII

садники и Тысяцкій, подъ какими изъ упомянутыхъ именъ скрывались и когда собственно организовались въ томъ видѣ, въ какомъ мы застаемъ ихъ по лѣтописямъ, здѣсь входить въ подробности не мѣсто. Не лишне однако прибавить, что показанія былеваго творчества, обыкновенно хранимаго какъ святыня въ памяти и устахъ народа, очень важны въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что ихъ нельзя здѣсь объяснить никакъ ослышкою или искаженіемъ. Равнымъ образомъ, какъ въ именахъ при Садкѣ, *Оома Назарьевъ* и *Лука Зиновьевъ*, такъ и въ помянутыхъ при Буслаевѣ нельзя конечно видѣть лицъ непремѣнно историческихъ, тѣмъ болѣе, что мы ихъ не находимъ по лѣтописямъ, но нельзя однакоже вовсе оставить безъ вниманія, съ какимъ постоянствомъ въ былинахъ народъ держится именъ *Оомы Родіоновича* и *Николы* (онъ же, вѣроятно, при Садкѣ, жившемъ въ ту же эпоху, *Лука) Зиновьевича*. Скрытое отъ исторіи по лѣтописямъ возстаютъ нѣрѣдко въ повѣстическомъ творчествѣ: и на оборотъ, дѣянія Садки и Буслаева приходились во времена Князей, княжившихъ въ Новгородѣ «изъ рода Варяжска,» съ Посадниками и Тысяцкими, а творчество, мы видѣли, представляетъ устройство правительства въ своемъ видѣ, то есть типическомъ, можетъ быть старшемъ, даже болѣе самобытнымъ и народномъ, чѣмъ устройство, введенное при Князяхъ и Князьями съ чужи, съ далека или изъ иного рода. Какъ бы то ни было, но только Василій Буслаевъ съ окружившей его Вольницей, видимъ мы, поставилъ противъ себя все тогдашнее правительство Новгорода. Въ иныхъ былинахъ оно все называется гуломъ «мужиками Новгородскими;» въ другихъ, гдѣ различаются лица правительства, исполнителями его въ борьбѣ съ Василемъ именуются особо «*господа (боаре),*» «*мужики Новгородскіе,*» мужики «*и все кулцы богатые,*» «*мужики посадскіе,*» наконецъ «*города-Кемскіе,*» подоспѣвшіе къ дѣлу также, какъ Костя изъ Торжка при Буслаевѣ: то есть, это все были естественные враги Вольницы, мужи зрѣлаго возраста, стойкіе — посадскіе, дружинники земскіе, гости и проч., за исключеніемъ стариковъ, зрѣлый возрастъ противъ молодежи, горожане въ собственномъ смыслѣ, полноправные дѣятели противъ Вольницы. Былины, обрисовавшія не совсѣмъ красиво дружину Буслаевскую, не скупятся и на враговъ ея: они «на пять завидные (см. ниже ссору изъ за пива),» даже «воры (города-Кемскіе),» а все творчество, въ дальнѣйшемъ теченіи разсказа, съ явнымъ со-

чувствіемъ становится на сторонѣ Буслаева; видно, онъ имѣлъ правду на своей сторонѣ и сторона охранительная понадоѣла народу, по-опротивѣла въ глазахъ его. Предлоговъ къ рѣшенію натянутыхъ отношеній съ обѣихъ сторонъ могло быть конечно, замѣчали мы, въ доволъ. Нѣкоторыя былины всего проще зачинаютъ борьбу, безъ предлога; «говорить Васильюшка Буслаевичъ:—Есть бы (еслибы) у меня была дружинюшка хоробрая, тридцать молодцовъ безъ единого, самъ-то я, Васильюшка, въ тридцатыхъ, такъ вѣхалъ бы я биться со всѣмъ Новымъ-градомъ;» когда же собралось ихъ столько, «тутъ оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали (Рыбник. т. I).» Но другія наблюдаютъ постепенность и выставляютъ предлоги. Когда собранная Вольница пировала во дворѣ Буслаева, «какой зайдетъ, убьютъ его, убьютъ его — за ворота бросать.» Завидные на питье, послѣ аѣишь и приглашеній Буслаева, мужики Новгородскіе собирались къ его чанамъ: но они не могли и поднять чары, только лишь «шатаются день до вечера;» это надоѣло Василью, выбѣжалъ онъ на дворъ и ну ихъ бить. По другимъ, мужики собрались къ Василью, такъ бы и быть, да расхвастались: «Мы теперъ стали на твоѣмъ дворѣ, всю мы у тя бѣству выѣдимъ, и всѣ напитки у тя выпьемъ, цвѣтно платице повыносимъ, красно золото повытачимъ.» Разумѣется, «этыя рѣчи ему не слюбилися» и онъ зачалъ ихъ валить по двору. Наконецъ, рассказываютъ, что мужики собрались было чество: но Василій кормилъ-повилъ свою дружину, «а тыхъ мужиковъ Новгородскихъ не кормилъ не повилъ да не чествовалъ, а посылаѣтъ по въ-зашей да въ сутычъ ихъ. Тутъ-то мужики Новгородскіе видятъ, что не хорошо то есть: «Осиѣмся (отсиѣмся) мы насмѣшку Васильюшкѣ, сдѣлаемъ мы, ребята, почестенъ пиръ, заведемъ (подадимъ видъ, будто) для Василья для Буслаевича, не позовемъ-ка мы на почестенъ пиръ того Васильюшку Буслаева!»» Какъ бы то ни было, только со двора Васильева «пошли мужики — сами заплакали: «были у Васьки на честномъ пирѣ, не упили мы, не уѣли, а въ безвѣчье (увѣчье) заѣтали у Васьки на вѣки!»» Мужики Новгородскіе сдѣлали складчину, Братчину Никольщину (пиръ въ Николинъ день), по вѣкоторымъ у самого Новгородскаго Князя: Василья не пригласили, но онъ отправился незванный съ дружиною, не смотря на предостереженія матери и съ явнымъ желаніемъ добиться рѣшительной борьбы. Пиръ этотъ не могъ обойтись безъ конечной ссоры.

Одна Былиня передаетъ, что ссора вшыкнула случайно: староста церковный, казначей Братчины, принявъ отъ Василья и дружины долю складчины, пиръ шелъ порядкомъ, но Вольница къ вечеру напилась въ кабакѣ; начался игры, кулачная борьба, дошло до драки: Василій бросился разнимать, а тутъ какой-то дуракъ его по уху оплегалъ; Василій крикнулъ—«Уже Ваську меня бьютъ!» Подоспѣли его товарищи и вышло побойще. Въ другихъ быльняхъ, послѣдовательнѣе, незваный гость не могъ ожидать радушія: явившись въ буйномъ видѣ, онъ съ товарищами влѣзъ насильно, попикалъ и разогналъ собравшихся. Впрочемъ, не смотря на эти схватки, схватки сравнительно съ послѣдующимъ боемъ, пиръ тѣмъ бы и кончился; но подъ конецъ его пьяная Вольница расхвасталась; Кости говорятъ: «Нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати, я остался отъ батюшки малешенекъ, малешенекъ остался и зеленешенекъ; развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати: ударить съ вами о великъ закладъ, о буйной головы,» именно что онъ напустится «на весь на Новгородъ, окромѣ трехъ монастырей (не трогая ихъ изъ уваженія)—*Спаса Преображенія, Матушки Пресвятой Богородицы, да еще монастыря Смоленскаго!*» Та и другая сторона взаимно перечила, а Василій говорилъ еще сильнѣе: «Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичъ, не боюсь я тебя, Ома Родионовичъ, не боюсь я всего Новгорода!» Это было уже близко къ вызову; мужики возражали: «Загадываешь загадку велику!» Когда ты, Василій, удалъ е, пойдемъ же драться на мостикъ на Волховскій, на тою на рѣченьку на Волхову: ты со своимъ *дружинамы* хоробрыма, а мы будемъ драться *всѣмъ народомъ.*» Василій не замедлилъ форменнымъ вызовомъ: «Гой еси вы, мужики Новгородскіе! Бьюсь съ вами о великъ закладъ: напускаюсь я на весь Новгородъ битися-дратися, со всею дружиною хороброю. Только (если) вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ, буду вамъ платить дани-выходы по смерти своей; а буде же я васъ побью, и вы мнѣ покоритесь, то вамъ платить мнѣ такову же дань.» Сдѣлали договоръ письменный за рукоприкладствомъ: «и ударился Васька о великъ закладъ, не о ста рубляхъ, не о тысячѣ, ударился Васька о своей буйной головѣ, за утро (завтра, на другой день утромъ) битися Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ;» «и ударилъ о великъ закладъ со трема Князьями Новгородскими, выходить на мостикъ на Волховскій и битися Василью съ Новымъ-городомъ, побить всѣхъ мужи-

ковъ до единого;» «ударилъ они о великъ закладъ, подписали подписи великіа, что съ утра още ранымъ рано итти-то на рѣченку на Волхову, на тотъ ли на мосточикъ на Волховскій *)» Вспомните, что такъ точно бился объ закладъ въ Кіевѣ, и раздѣлилъ его на партіи, Иванъ Гостинный Сынъ (выш. 3); что такъ точно съ Новгородцами бился объ закладъ Садко: но для Гостя-Кушца единоборство состояло въ лучшемъ товарѣ (какъ у Гостинаго Сына), или (какъ у Садки) въ закупкѣ всѣхъ Новгородскихъ товаровъ; здѣсь же шло дѣло объ единоборствѣ въ собственномъ смыслѣ, на животь и на смерть. И какое неравенство стѣнокъ: съ одной стороны весь Новгородъ опричь женщинъ, дѣтей и стариковъ, опричь монастырей—духовенства, церковниковъ, зрѣлое, испытанное ядро населенія, бывавшее и состоявшее въ Дружинѣ Земской, ходившее въ походы съ Князьями, въ далекіе, чужіе и враждебные края съ купеческими товарами; съ другой Вольница хотя и рьяная, но неопытная, большею частію молодежь, и всего тридцать человекъ. Но при этомъ нужно однако вспомнить, что тридцать человекъ, по точному смыслу творчества, было лишь выборныхъ и отборныхъ, друзей Василья, его названныхъ братьевъ, душа въ душу, и это собственно была его *дружина*; Вольница же расла около дружины конечно сбродомъ и толпою, клубокъ росъ по мѣрѣ движенія. На первый же зовъ Василья пришла къ нему «силушка чернымъ чернѣ» было изъ чего выбирать, было чѣмъ и пополниться отборному. Приставали къ нему всѣ недовольные, и выходило, что кажущееся неравенство стѣнокъ на самомъ дѣлѣ было не такъ велико. Во всякомъ случаѣ, главное дѣ-

*) Во II-мъ томѣ у Рыбникова все дѣло перенѣсено въ Кіевъ, Василій дѣлаетъ закладъ побороть весь Кіевъ, каменну Москву, со всѣми и со малыми пригородками, а дерутся мужики городо-Кемскіе: происхожденіе сему было то, что былина начинается описаніемъ шира, „да идетъ-то Василій во почестный лиръ ко князю“ — Новгородскому; но, какъ скоро сказано „ко князю,“ нетвердый пѣвецъ, по привычкѣ къ Кіевскимъ былинамъ, продолжилъ—„ко Владимиру,“ и пошла писать—„у ласкова у князя у Владимира“ и т. д. Подобныхъ явныхъ искаженій (сравните въ одной Былинѣ Рыбник. т. II, мостъ *Обухова* вмѣсто *Волховскаго*) мы никакъ не должны относить къ помянутому общенію творчества Кіевскаго и Новгородскаго: общеніе тамъ, гдѣ безъ искаженія есть связь внутренняя, выраженная въ сознательномъ сближеніи лицъ, мѣсть, именъ и т. п.

ло было въ томъ, на чьей сторонѣ правда и кто долженъ былъ побѣдить по сочувствію и воззрѣнію творчества: а все это было на сторонѣ Василья, а съ этой помощію въ Кіевскихъ Былинахъ и одинъ Богатырь побивалъ тысячи. Василій представлялъ собою юную, притѣсняемую силу, а эта сила, права или неправа, всегда скорѣе встрѣчаетъ въ творествѣ сочувствіе; замѣтьте еще сторону, крайне всегда щекотливую для нашего народа: Василій шелъ противъ служилыхъ и богачей.—И такъ, «ударилъ о великъ закладъ, и записи написали, и руки приложили, и головы приклонили.» Какъ ни былъ однако же увѣренъ въ себя и друзьяхъ Васька, былины прибавляютъ, что когда онъ пошелъ съ пиру домой и хмѣль съ него свалилъ, пошелъ онъ не веселъ не радощенъ, повѣсилъ буйную голову, утупилъ очи ясныя. Къ матери дошла вѣсть о сдѣланномъ закладѣ, рассказала дружина, рассказалъ самъ Василій. Завалился ли онъ самъ съ тяжелой попойки и уснулъ мертвымъ сномъ въ прохладномъ глубокомъ погребѣ, какъ рассказываетъ одна былина (Рыбник. т. I. № 57); или мать съ намѣреніемъ еще напоила его «питьемъ забудущимъ (т. II)» и уложила; или даже сама вывела съ пира и засадила (т. I),—только во всякомъ случаѣ, испуганная вѣстью о происшедшемъ и предстоящемъ, старуха плакала и не нашла сдѣлать ничего лучше, какъ запереть сына всеми возможными запорами, спрятать все его оружіе, выпустить въ поле коня и т. д. То, чего не смогъ бы весь Новгородъ, сдѣлала мать своею властію: подъ крѣпкими запорами Василій лежалъ безоруженъ, спалъ безъ просыпу да и забывалъ объ дѣлѣ. Одна былина (у насъ № 3) называетъ за это мать «старухою неразмышленною:» но она знала, что дѣлала, сынъ ей былъ дороже всей гражданской и воинской чести. Поспѣшно она «налила (насыпала) чашу красна залота, другую чашу чиста серебра, третью чашу скатна жемчуга, и понесла въ даровья *Князю Новгородскому*, чтобы *простилъ* сына любимаго.» Здѣсь-то особенно выступаетъ *одинъ* Князь, и притомъ въ качествѣ Судьи, такъ что пѣвецъ къ одной былинѣ прибавлялъ, что Амелю Тимошееву «позвали въ Судъ и крѣпко тамъ разобидѣли (Рыбник. т. I):» если гдѣ искать Рюриковича, то конечно вотъ гдѣ; тогда, съ этой точки зрѣнія, «Посадникъ» соответствуетъ упомянутому «Князю-Старшинѣ» или «Городничему,» «Тысяцкій» — «Князю-Воеводѣ.» Конечно обида въ Судѣ состояла въ естественномъ рѣшеніи Судьи,—

«говорить Князь Новгородскій: «Тожно (въ такомъ случаѣ) прощу, когда голову срублю!»» Самое живописное лицо Новгородскаго творчества со стороны нравственнаго характера есть конечно мать Буслаева, и нигдѣ такъ вѣрно и послѣдовательно не выражается творчество Новгорода, какъ въ разсказѣ о взаимныхъ отношеніяхъ матери и сына (смотрите еще ниже). Пошла она домой, «закручинилась пошла, запечалилась, разсыяла красно золото, и чисто серебро, и скатень жемчугъ по чисту полю, сама говорила такыя слова:—Не дорого мнѣ ни золото, ни серебро, ни скатень жемчугъ, а дорога мнѣ буйная головушка своего сына любимаго, молада Васильюшка Буслаева!»—Одна осталась у ней надежда—на крѣпкіе запоры и на крѣпкій сонъ сына.—Между тѣмъ мужики Новгородскіе всю ночь готовились къ бою и готовили оружіе: къ чести обѣихъ сторонъ, вытекавшей впрочемъ изъ условій подобнаго боя, нужно замѣтить, что оружія остраго не употребляли, мужики приготовляли молоты и шалыги или шелепуги подорожныя, какія бывали у Калѣкъ Перехожихъ, страшно тяжелыя клюки или длинныя дубины, иногда налитыя свинцомъ, иногда всѣ свинцовыя; Вольница была вооружена также; самъ Василій, не смотря на то, что, какъ мы видѣли, обучился наукамъ воинскимъ и рыцарскимъ, и штыль и копье, и саблю, но дерется обыкновенно дубиною, именно вязомъ, по нуждѣ—какъ увидитъ—железною осью тельною, при случаѣ—языкомъ отъ колокола. Нельзя одного похвалить у Вольницы и Дружины Буслаева: какъ всякая молодежь и самоувѣренность, какъ типъ Славянина вообще и Русскаго, увѣреннаго въ правотѣ дѣла, они, въ то время, какъ опытные враги готовились и эта черта выставлена ярко въ былинахъ, по молчанію былили—не принимали никакихъ особыхъ мѣръ, ринулись какъ попало и не догадались даже всѣ собраться, дожидаться и вызвать своего предводителя. Бой, еще во время роковаго пира и заклада, назначенъ *на мосту Волховскомъ и у моста*: тамъ гдѣ предрекъ будущее плывущій богъ язычества, Перунъ, куда бросилъ свою палицу, куда биться палицами сходились потомъ Новгородцы въ своихъ воинскихъ играхъ, гдѣ преимущественно бились въ городскіхъ расприхъ. Въ частности бой разбитъ былъ въ условіяхъ такъ: куча Новгородцевъ, какъ застава, встрѣтитъ Василья съ дружиною первая *до мосту*, съ той стороны, откуда ему идти; другая *среди мосту*; третья *въ концѣ моста*; если хоть на одной Василья побьютъ,

потерялъ онъ свою заложенную голову; но если пробѣтъ заставу третью, то онъ побѣдитъ. Вотъ эти условія по былинѣ: «Итти Василью съ утра черезъ Волховъ мостъ; хоть свалятъ Василья до мосту,—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; хоть свалятъ Василья у моста (та же куча, подвинувшись),—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; хоть свалятъ Василья посередь моста,—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; а ужь какъ пройдетъ третью заставу, тожно (въ такомъ случаѣ) больше дѣлать нечего (рѣшена борьба, побѣдитъ).» Судьба Василья должна была рѣшиться тамъ же, гдѣ рѣшилась судьба Садки, гдѣ сему послѣднему (подъ мостомъ?) явился Волховъ и передалъ отъ Ильмена средства обогащенія. Рано утромъ, на другой день послѣ договора, сошлись двѣ стороны; мужики Новгородскіе, собравшись на мѣсто, кричатъ: «Ступай-ка, Василій, черезъ Волховъ мостъ, рушай-ка (рѣшай) завѣты великіе!» Но Василья не было. Впередѣ Вольницы выступилъ *Хомушка Горбатенькій*, на смѣну *Потанюшка Хроменькій*, потомъ *Костя Новоторжаникъ*; по другимъ впередѣ были *Котельная Пригарина* и *Потанюшка*. Они дѣлали все, что могли, били каждый сотнями: но они бились три часа, потомъ цѣлый день, потомъ другой день, третій день и третью ночь; въ каждый срокъ посматривали и поджидали они Буслаева: его нѣтъ какъ нѣтъ. У дружны головы проломаны, кушаками головы завязаны, платками руки перевязаны, не пили они, не ѣли, себѣ отдыху не давали, стоять они по колѣна въ крови, иные отъ мужиковъ уже кушаками исперевязаны и веревками запутаны. Разадается вопль ихъ: «Что ты, Васька Буслаевичъ, измѣнилъ ты своимъ товарищамъ!» А мужики съ своей стороны насмѣхаются: «Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой? Измѣнилъ, братцы, Васька своихъ товарищамъ, продалъ за дешево, братцы, Васька своихъ товарищамъ! Три сутки бьются братаны за Ваську Буслаева, молотами у нихъ головы испроломаны, кушаками у нихъ головы испривязаны, а Васьки Буслаева въ двѣ нѣтъ: еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой!» Нѣкоторые былины говорятъ, что Василій проснулся тотчасъ на плачевный вопль товарищей и дѣло приняло новый оборотъ, какъ послѣ Плача Ярославны въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Другія, что онъ слышалъ въ погребу отъ мужиковъ говорю ихъ похвальную, хульную и похвальную: а похвалы, хвастовства, извѣстно въ нашемъ народѣ,

не терпят высшія силы и дѣло имъ переворачивается (тѣ *δαιον* *φδοουερβυ*, какъ выражаетъ народное мнѣніе Геродотъ). Но большинство былины наблюдаетъ еще ступени послѣдовательности. На четвертый день битвы, рано по утру служанка матери Васильевой, *Дьвка Чернавка* пошла на Волховъ по воду. Мы знаемъ уже это лицо изъ прежнихъ Забѣтокъ: вмѣстѣ съ Котельной Пригаринной это единственное, что досталось изъ древнѣйшихъ доисторическихъ преданій и первобытнаго эпоса въ былины о Буслаевѣ. Она непремѣнно въ службѣ у старшей госпожи или матроны, какъ Ириса у Геры: у насъ потому иначе она именуется Поваренною, даже, въ переводѣ на языкъ общежитія, кухарка, хлѣбница и т. п. Она вѣстница, посредница двухъ сторонъ, какъ въ былинахъ о Саломанѣ, Садкѣ, Ермѣ и Чурилѣ, и т. д. Она помощница то одной, то другой сторонѣ, чаще—въ выводѣ—юному герою. Какъ древняя Ириса съ символомъ Радуги, она въ эпическомъ образѣ среди исторіи съ полукруглымъ коромысломъ черезъ плечо, расписаннымъ, изъ разнаго дерева: иногда, какъ въ разбираемыхъ былинахъ Новгородскихъ, коромысло ея металлическое—желѣзное, или кипарисовое, занесенное Русскими еще съ Юга. Древнее происхожденіе ея и бывшее значеніе выражается въ удѣлѣвшей громадной ея силѣ. Къ ней-то обратились побитые товарищи Василья: «Не подай (не выдай) насъ у дѣла ратнаго, у того часу смертнаго!» Чернавка поставила ведра, коромысло въ рукахъ ея начало помахивать, прибила враговъ до пятисотъ. Но этого все-таки было мало. Чернавка бросилась домой, своей силою сорвала замки и запоры, разбудила грознымъ упрекомъ Василья, рассказала о случившемся, выпустила его изъ заперти. Очнувшійся выскочилъ на дворъ, все оружіе было прибрано (послѣ уже упоминается въ рукахъ Василья любимый вязъ), схватилъ онъ желѣзную ось тележнуну и, какъ спалъ, въ однихъ чулкахъ безъ чоботовъ, въ одной рубашкѣ безъ пояса, бросился выручать товарищей. Когда появился онъ «по Волхъ-рѣкѣ, по той Волховой по улицѣ, завидѣли добрые молодцы, а его дружина хоробрая,—у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ-то молодцовъ думушки прибыло.» Подскочилъ Василья: «Вы теперъ позавтракали, мнѣ-ко-ва дайте пообѣдати! Идѣте же, братцы, на отдыху, идѣте же; братцы, не съ упадкою, а я за васъ поработаю! Садитесь вы, братцы, на лавочку: продалъ васъ не я, добрый молодець, продала васъ моя матушка родимая, измѣнилъ

вамъ не я, добрый молодецъ, изгнана вамъ моя родна матушка! Теперь я съ ними побратаюсь.» Кто могъ еще драться изъ дружины, развязалъ онъ и пустилъ въ дѣло (Рыбник. т. II), а самъ впередъ: на часу вся сила мужиковъ была выгублена. Но они помнили, что говорилъ Васька еще на пиру при похвальбѣ: не боюсь, говорилъ онъ, никого, ни всего Новгорода, «лишь боюсь я крестоваго батюшка, *Матераго Старчица Игнатьица*, да боюсь я крестоваго брателка, молода *Григорья Игнатьица*, — имъ отъ меня и честь, и почѣтъ; а что по чему поидеть, такъ и всѣхъ не боюсь!» Была правда, что Василій боялся ихъ, была правда, что и съ ними могъ въ крайнемъ случаѣ справиться. Мужикамъ приходилось схватиться за краюшекъ. «Мужиковъ Новгородскихъ мало ставится, очень рѣдко и мало ихъ. Видятъ Князя (они въ сторонѣ ожидали конца, какъ старшины) бѣду неминуемую, — прибѣтъ мужиковъ Василій Буславѣвичъ, не оставитъ мужиковъ на сѣмена, — приходатъ Князя Новгородскіе, Воевода Николай Зиновѣвичъ, Старшина Юма Родіоновичъ, ко его государынѣ ко матушкѣ, сами говорятъ такovy слова: — Ай же ты, честна вдова Мамелеа Тимоѣевна! Уговориуйми свое чадо милое, молода Василья Буслаевича, укротилъ бы свое сердце богатырское, оставилъ бы мужиковъ хоть на сѣмена! — Говоритъ Мамелеа Тимоѣевна: — Не смѣю я, Князя Новгородскіе, унять свое чадо милое, укротить его сердце богатырское: сдѣлала и вину ему великую, засадила его во погреба глубокіе (я уже сдѣлала одну вину прежде и дала вамъ потачку). Есть у моего чада милаго во томъ во монастырѣ во *Сергѣевожъ* крестовый его батюшка *Старчице Пилигримице*: иѣтъ силу нарочитую. Попросите, Князя Новгородскіе, не можетъ ли унять мое чадо милое? — И такъ Князя Новгородскіе прѣзжаютъ къ монастырю ко Сергѣеву и просятъ Старчице Пилигримице, со великимъ просятъ съ униженіемъ: — Послужи ты намъ вѣрой-правдою, сходи ты на мостикъ на Волховскій ко своему ко сыну крестовому, уговори его сердце богатырское, чтобы онъ оставилъ побоище...» — Или прямо, не ходя къ матери и помня слова Василья на пиру, «мужики думу думали (со злобынымъ уже умысломъ): — Во томъ ли монастырѣ во *Кириловскожъ* есть *Старчице-Пилигримице*: пойдете-ка, братцы, подкупните, бываетъ — онъ побѣтъ Ваську Буслаева! — Они ѣхали скорымъ скоро во тотъ ли во монастырѣ во Кириловскій: — Ай же ты, Старчице-

Пилигринище! Послужи-ка намъ вѣрой-правдою, на тебѣ красна золота, чиста серебра и скатна жемчуга!—» Это новое лицо, крестный отецъ Василья, былъ еще въ роднѣ ему, ибо передъ походомъ на мость «идеть онъ ко своей сестры, ко Васильевой матушки, говорить ей таково слово, что слышка мужиковъ городо-Кемскихъ поразбита и чтобъ она приунала своего сына Васильюшка (Рыбник. т. П).» Наконецъ, онъ называется еще (Рыбник. т. I) *Старчище Елизарище* и опять просто (у насъ № 3) *Старець Пилигримища*. Стадо быть, лицо это въ сущности не новое, а весьма старое и намъ уже хорошо знакомое; онъ въ разныхъ монастыряхъ, различны его имена, но типъ одинъ: это Калѣка Перехожій, со всѣми обычными своими свойствами, принадлежностями, дѣйствіями. Помянутыя составныя части этаго типа легко намъ уразумѣть: Старець, Старчище, Пилигримище—peregrinus, pielgrzym, т. е. Странникъ, Перехожій,—обычныя прозвища Калѣкъ; даже *дядей* Василью онъ сталъ изъ Польскихъ и Бѣлорусскихъ *Дядоць*, Югозападныхъ *Дидоць-Дядоць*,—имя Калѣкъ. Впрочемъ, онъ могъ быть и по типу дядей Василью, братомъ его матери, въ міру: подъ конецъ пошелъ душу спасать въ монастырь и жилъ тамъ, какъ жили обычно Калѣки Перехожіе при любимыхъ монастыряхъ. На эту прежнюю его исторію въ міру намекаетъ также имя *Игнатьище*, подъ другимъ именемъ *Данило Игнатьевичъ* или *Данилище*, герой, извѣстный намъ изъ Кіевского творчества, прежде сильный богатырь, потомъ ушедшій жить при монастырѣ и спасать тамъ душу, послѣ встрѣчавшійся съ Ильєю на дорогѣ уже въ качествѣ Калѣки Перехожаго, также съ именемъ *дяди* (вып. 3 и 4). Сынъ его также извѣстный въ Кіевѣ *Иванъ* или *Михайло Даниловичъ*: вотъ откуда и въ Новгородѣ взялся сынъ *Григорій Игнатьевичъ*, крестовый братъ Василью; описанный такъ же, какъ отецъ его, и Калѣка, онъ только раздвоился изъ одного лица отцовскаго, мѣшаетъ единству сего послѣдняго и ничего не прибавляетъ къ творчеству, возникши не въ силу творческой необходимости, а случаемъ и по смѣшенію съ лицомъ Кіевского творчества. Послѣ онъ, до отца, дрался съ *Васильемъ*, но ничего ровно не пособилъ ни дѣлу, ни творчеству, а только замедилъ ходъ его и раздвоилъ одно типическое лицо; выгода, личная черта отъ него была лишь развѣ та, что, побивши его, Василій получилъ шалыгу или вязъ, дравшисъ прежде осью те-

львином. Былины, удивительно вѣрныя основному типу, долго подвѣтны именно эту черту, ибо Василій, получивъ въ наследство отъ убитаго шалыгу, говоритъ: «Нѣтъ (не было оружья) на друга ша стараго, на того ли на брата крестоваго, — какъ братъ пришелъ, по плечу ружье принесъ (въ основѣ пословица: не было оружья на брата, пришелъ онъ — принесъ шалыгу, пригодилась на него)!» Съ той минуты «и пошелъ Василій по мосту съ шалыгою (Рыбник. т. I).» Потому и мы оставимъ безъ вниманія это вставочное, случайно возникшее лицо: смотришь на одинъ типъ, на одного Калѣку Перехожаго. Имена его, мы видѣли, одинаковы у творчества Новгородскаго съ Кіевскимъ: такъ и должно быть, ибо эти типическія лица были тамъ и здѣсь общими и, Перехожія, не были исключительнымъ достояніемъ мѣстности; Новгороду принадлежитъ лишь одно имя, доселѣ не встрѣченное въ Кіевѣ, — старчище *Елизариче*. — И такъ, лицо старое, изношенное былыми подвигами, само въ обноскахъ и отоскахъ, вышедшее на Русь изъ старины глубокой, хранившее всегда старину, Былину ли, Стихъ ли, Калѣка Перехожій принадлежалъ весь охранительному началу и теперь долженъ былъ взять его сторону противъ молодежи и вольницы. Кромѣ того, по одной былинѣ, Калѣка, увидавши поднесенныя ему, помянутыя богатства, польстился: «на то Старчище кидается, на то Старчище позывается,» навѣстная приманка Калѣкъ-попрошекъ. Изъ монастыря, опричь коего клялся Костя и Буславъ, Старчище былъ для Новгородцевъ послѣднимъ резервомъ, запасомъ, выведенъ какъ крайній оплотъ, въ родѣ тѣхъ Заточниковъ, которыхъ всегда, по памяткамъ Славянской поэзіи (ср. о Саурѣ Ванидовичѣ, вып. 3, и пѣсни Сербскія), берегли на случай въ тюрьмѣ и выпускали на врага въ отчаянныхъ случаяхъ. На него можно было и понадеяться: хоть голова Калѣки при старости, нога за ногу зашнуровывается, рука за руку заплетается (ср. вып. 4), но этотъ типъ изъ древности отдаленной, эпохи кочевья и стихій, занималъ силу громадную и ужасную, мыкая ее въ бродячихъ переходахъ, но здѣсь же часто и подымая ее до страшной энергіи; не даромъ самъ Илья признавалъ въ немъ силы «два меня (въ двое себя),» не даромъ Амелея Тимошеевна отнеслась объ его «силѣ нарочитой,» а мужики надбавлявъ, «бываетъ—онъ побьетъ Ваську Буслаева.» Ему бы по настоящему достойно сразиться съ Иваничемъ Сильнымъ, Калѣкою, забравшимъ

ся въ дружинѣ Васильеву: но зтотъ, какъ случайно забрелъ сюда изъ Кіева, такъ скоро и улизнулъ; къ концу рѣшенія дѣла устранилось въ былинахъ все случайное и оставались только существенныя типы. Настоящій Новгородскій Калѣка былъ привязанъ къ мѣстному монастырю, Сергѣеву-Троцкому, Кириллову-Бѣлозерскому; они, пытавшіе не одного Калѣку, также типически приурочены Новгороду: судьба его вела на конечную расправу. Откуда бы ни взяли его, его тащили на мостъ Волховскій: здѣсь было настоящее мѣсто его, ибо — не только типически, но и исторически — главное мѣсто Калѣкъ на мостахъ, какъ на примѣръ на Волховскомъ въ Новгородѣ, на Днѣпровскомъ въ Смоленскѣ, на Спасскомъ нѣкогда въ Москвѣ. Здѣсь, на мосту, непремѣнно и долженъ былъ встрѣтить его Василій, по типу творчества. И въ разсказѣ о были выдержанъ тотъ же порядокъ: до прихода Василья дружина его была отъ мосту «попачена;» когда же, частію отсторонивъ ее, частію отославъ, а частію ободривъ, Василій рванулся впередъ и порядочно поколотилъ уже мужиковъ, равнымъ образомъ, пока Князья ходили съ поклономъ къ матери и Калѣкѣ, а Калѣка пока снаряжался и двигался, Буслаевъ, очищая дорогу и сваливая встрѣчныхъ, дошелъ уже до середины моста Волховскаго. Здѣсь-то и встрѣтилъ его во всеоружіи Старчище. У Старчища упоминается обычный «костыль,» клюка «шалыга девяноста пудъ,» то же; «клюка въ десять пудъ;» «компакъ въ двѣдцать пудъ,»—шляпа земли Греческой; «кафтанъ въ сорокъ пудъ,» — гуня дорожная; недоставало лишь лапотковъ семи шелковъ, да сумы бархатной: но все это нарядъ типическій, а здѣсь былъ случай чрезвычайный. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ Старчище воспользовался тѣмъ, что всего ближе было подъ рукою въ монастырѣ: онъ скочилъ на башню колокольную, сорвалъ колоколъ, надѣлъ на голову колоколъ, поднимаемый творчествомъ въ разныхъ былинахъ Новгородскихъ съ 12-ти до 40, 90, 150, 300 и 1.000 пудовъ; въ правую руку взялъ оторванный колокольный языкъ во 500 пудовъ. Идетъ онъ на мостъ, языкомъ-то онъ подпирается,—подъ нимъ мостъ нагибается (Рыбник. т. II). На середкѣ загородилъ онъ Василью дорогу и началъ то мягко, а то ужъ и не мягко: «Ай же ты, мое чадо крестное! Укrotи свое сердце богатырское, оставь мужичковъ хоть на сѣмена!» «Ай же ты, мое чадалко крестовое! Молодой курень (пѣтухъ), не попархи-

вай, на своего крестоваго батюшка не насканивай!» А потомъ: «А малый курь, не запухивай, а ты, дитя, не засканивай, а прямоважой дорожки не заваливай!» «А стой ты, Васька, не попархивай, молодой глудыр, не полетывай! Изъ Волхова воды не выпити, во Новѣ-градѣ людей не выбити, есть молодцовъ сопротивъ тебя, стоишь мы, молодцы, не хвастаемъ!» «Какъ пурхаль-то ясный соколы да и допурхаль, ходилъ-то добрый молодець да и доходилъ!» Наконецъ прямо: «Я иду — Василью смерть несу!» Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, и въ отвѣтъ Василя, былины, по разнымъ образцамъ своимъ, выражаютъ въ творчествѣ постепенность. Вотъ какимъ путемъ разгоралось слово и дѣло Буслаева: «Ужь ты здравствуешь, крестовый батюшка! Ты за чѣмъ идешь, старъ человекъ? На что ты идешь, крестовый батюшка?» «Старца убить—не спасенья залѣзть (найти), а грѣха себѣ на душу: поди-тко ты, Старецъ Преугрюмище, на свое мѣсто, а въ наше дѣло ты не суйся!» «А и гой еси, Старецъ Пилигримища! А и бился я о великъ закладъ со мужики Новгородскии *опречь тебя*, Старца Пилигримища: во задоръ войду — тебя убью!» И вошелъ: «Тебя ли чортъ несетъ во той поры на своего на любимаго крестничка? Головамы, батюшка, играемся!» «Не корись ты, старая шлея бросоваа, не корись ты, корзина дертюжная, дертюжная корзина, вѣковалаа!» «А не дагъ я ти яичко о Христосьскомъ днѣ (въ Свѣтлое Воскресенье), а дагъ ти яичко о Петровомъ днѣ (бой былъ во время Петровокъ или въ Петровъ день!)» «Колько я тебя хрѣстнымъ ни назывывалъ, на вѣку ты мнѣ яичка не даывалъ, теперъ мы съ тобой похристосуемся: вотъ тебѣ красно яичко—Христось воскресъ!» Яндами чокаются, бьются въ головки: за послѣдними словами Василя слѣдовалъ ударъ по головкѣ батюшки, по колоколу, желѣзною осью, по другимъ булатною палицей. Колокольъ разлетѣлся въ мелкія черенья, за колоколомъ голова, изъ головы глазные яблоки какъ живны чаши; Василій заглянулъ еще подъ колоколь, какъ говорить одна былина: «а во лбѣ глазъ ужъ вѣку нѣтъ,» давно ужъ умеръ старикъ, да давно и глазъ не было, потому что вѣроятно Калѣка былъ слѣпой. Спихнулъ его Василій подъ мость Волховскій, задавило тамъ Старика языкомъ колокольныхъ; но Василій черезъ чуръ разъярился, онъ слѣзъ подъ мость, еще надѣвается надъ тѣломъ: «еще сердце въ емъ не уходилося, еще граеть (играеть) надъ тѣломъ Васька Буслаевъ сынъ: — Лежи

ты здѣсь, сущище обѣзлае, вотъ тебѣ яичко.—Христось воскресь!—»
 Взявъ Буслаевъ колокольный языкъ и явился опять на мость съ
 повымъ оружіемъ: «Туть-то Васильюшку червленый вязъ, конь
 долготѣрное, туть-то и сабля острая, и палица военная!» Начавши
 споръ языкомъ, Василій и доканчивалъ его языкомъ же.—Съ паде-
 ніемъ Старчица пала послѣдняя застава и послѣдній оплотъ стѣнки
 мужиковъ Новгородскихъ: бой былъ ими проигранъ окончательно;
 теперь слѣдуетъ только исторія укрощенія и умилостивленія Ва-
 силья. Въ ней опять по разнымъ былиннамъ есть своя постепен-
 ность. Вторично отправляются съ просьбою къ матери: «туть-то два
 Князя Новгородскихъ (замѣчательно, что *одинъ* Князь, Судья, вѣ-
 роятно изъ Рюриковичей, въ этихъ покорныхъ депутацияхъ не
 участвуетъ), Воевода Николай Зиновьевичъ, Старшина Оома
 Родіоновичъ, приходятъ къ его государынѣ матушкѣ: — Упроси свое
 чадо любимое, укротилъ бы свое сердце богатырское: мужич-
 ковъ въ Новѣ-градѣ рѣдко ставится (мало становится), убилъ
 онъ крестоваго батюшку, честнаго Старчица Пилигримшица.»
 На этотъ разъ, по свидѣтельству одной былинны (у насъ № 3),
 мать послала известную намъ Чернавку: едва могла она пройти меж-
 ду убитыми тѣлами, сильная—«сохватила Василья за бѣлы руки,»
 рассказала о покорности мужиковъ, повела Василья со дружиною на
 широкой дворъ (въ этой былинѣ два раза повторяется одно и то же:
 Чернавка будто бы и прежде притащила Василья, послѣ чего онъ
 былъ запертъ въ погребъ; явная путаница отъ пѣвца). Но, или Ва-
 силій снова вернулся на побоище, или вообще не здѣсь еще былъ
 конецъ, только въ большей части былинъ продолжаются и драки, и
 депутации, чтобы вызвать саму мать, которая одна могла укротить
 сына. Вотъ нѣсколько описаній: «туть мужики видать, что бѣда
 пришла, бѣда пришла неминучая, бѣжали они скорымъ скоро ко его
 ко родной ко матушкѣ: — Выручи насъ отъ смерти отъ напрасныя,
 отъ того Васильюшка Буслаева!—» «Мужики покорилися, покори-
 лися и помирлися, понесли они записи крѣпкія къ матерой вдовѣ
 Амелѣ Тимошеевнѣ; насыпали чашу чистаго серебра, а другую ча-
 шу краснаго золота, пришли ко двору дворянскому, бьютъ челомъ—
 поклоняются: — Принимай ты дороги подарочки, а уйми свое чадо
 милое: а и ради мы платить на всякой годъ по три тысячи, на вся-
 кой годъ будемъ тебѣ носить съ хлѣбниковъ по хлѣбнику, съ калач-

никовъ по калачику, съ молодичъ повѣнчанное, съ дѣвиць повалешное, со всѣхъ людей со ремесленныхъ, опрѣчь поповъ и дьяконовъ (разряды Новгородскихъ и вообще древнихъ городскихъ податей).—» «И Геродничій Юма да Родионовичъ наклазь злата-серебра, скатного жемчуга подарками, и приносятъ къ его къ родной матушкѣ: —Уговори-тка свою чада милаго, не прибѣть-то онъ да весь Новгородъ!» По нѣкоторымъ, старуха бросилась въ однихъ чулкахъ и рубашкѣ; по другимъ болѣе естественная размѣренность дѣйствій: старуха «одѣвала платица черныя (вдовиныя и смиренныя), одѣвала шубу соболіную (въ Петровки это немного жарко), полагала шоломъ на буйну голову (она шла въ средину побовща: примѣръ Кіевскихъ героинь и Новгородской Мары не единственный), и пошла Мамелеа Тимоеевна унимать своего чада любимаго. То выгодно собой старушка догадалася (распорядилася), — не зашла она спереди его, а зашла она позади его и пала на плечи на могучія:—Ай же ты, мое чадо милое! Укrotи свое сердце богатырское, не сердись на государыню на матушку, уброси свое смертное побовще, оставь мужичковъ хоть на сѣмена! —» Кого не могъ укrotить весь Новгородъ, того, съ удивительною вѣрностью типическаго творчества, укrotила старуха мать, и мгновенно, какъ электрическимъ ударомъ: «тутъ Васильюшка Буславьевичъ опускаетъ свои руки къ сырой землѣ, выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ на тую на матеръ сыру землю:—Ай ты, свѣтъ государыня матушка, тая ты старушка лукавая (хитрая, умѣлая), лукавая старушка, толковая! Умѣла унять мою силу великую, зайти догадалася позади меня: а ежелибъ ты зашла впереди меня, то не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ, убилъ бы за мѣсто мужика Новгородскаго!—» «—Никого я не послушалъ бы, а послушалъ тебя, родну матушку: не послушать нѣтъ — законъ не даетъ! —» Сравните въ Кіевскомъ творествѣ такое же укrotеніе Ильи Добрынею. Отъ матери по плоти творчество Новгородское шагнуло еще выше; когда Василій, невольный однимъ побовщемъ, «напустился на дома на каменные,» разбивать ихъ и давать дружинѣ добычу разбой, тогда конечно взмолился народъ православный, подобно какъ взмолился при наступившей опасности отъ разыгравшагося Садки. Тогда, по молитвамъ народа, «вышла Мать Пресвятая Богородица со того монастыря *Смоленскаго*» и обратилась къ матери Василья со сло-

вами: «—Закличь своего чада милаго, милаго чада, рожданаго, хоть бы оставилъ народу на сѣмена!—» Выходила мать и закликала. Поводомъ къ этому явленію послужилъ конечно выходъ *матери* Василья, отъ которой перенеслись уже къ *Матери Пресвятой*. Такия явленія, какъ замѣчено выше, не составляютъ необходимости въ нашемъ творчествѣ: но въ то же время они здѣсь естественны и случаются нерѣдко, какъ естественно было явленіе боговъ для рѣшенія участи битвъ въ Гомерическомъ творчествѣ или *Deus ex machina* во всемъ творчествѣ античномъ; если же это естественно вездѣ, гдѣ только въ народѣ жива вѣра, даже въ язычествѣ, то тѣмъ естественнѣе въ нашемъ Былевомъ творчествѣ, развившемся въ эпоху живой Христіанской вѣры и уцѣлѣвшемъ въ устахъ народа, ей преданнаго. — Пока продолжалось побоище Васильево и происходили переговоры депутацій, прошелъ весь четвертый день, съ утра до вечера, и бывшны согласны въ томъ, что конецъ имѣлъ мѣсто въ вечеру. Василій Буслаевъ побѣдилъ Новгородъ въ единоборствѣ, какъ побѣдилъ Садко съ своей стороны: но Садко удовольствовался торжествомъ и насмѣшкою, а послѣдствія единоборства смертнаго еще должны были продолжаться. Слѣдовало выкупить тѣла убитыхъ чтобы погребсти, подобно Гомерцескимъ посольствамъ къ Ахиллу. Передъ ночью того же дня—такъ слѣдуетъ по всему ходу разсказа — «приходятъ Князя Новгородскіе, Воевода Николай Зиновьевичъ, Старшина Юма Родіоновичъ, ко тому Васильюшку Буславьеву. Пали ко Василью въ рѣзвы ноги, просятъ Василья во гостебнице (на пирь къ себѣ), сами говорятъ таковы слова: — Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ! Прикажи обратъ тѣла убитыя, предать ихъ матери сырой землѣ; во той ли во рѣченькѣ Волховѣ на цѣлую на версту на мѣрную вода съ кровью смѣсилася: безъ числа пластина приарублена!—» Какъ Ахиллъ, великодушно и гордо, Василій «приказалъ обратъ тѣла убитыя; не пошелъ къ имъ въ гостебнице: зналъ, де, за собой замашку великую (что опять не утерпитъ).» Садко послѣ всѣхъ походовъ принять и успокоенъ женою, товарищами: съ дружиною Василій нашель отдыхъ у матери. Сюда опять явились Новгородчана и заключили окончательный миръ: «втапоры мужики Новгородскіе приносили Василью подарочки, вдругъ сто тысячей, и за тѣмъ у нихъ мирова пошла, а и мужики Новгородскіе покорилися и сами поклонилися.» Все кончается пиромъ, а на пиру раздаются голоса

СХІІІ

дружинны, Вольницы: въ родѣ хора, какими кончались античныя произведенія, а вмѣстѣ какъ выводъ изъ всей исторіи и указаніе предмета, послужившаго содержаніемъ былины. «Съли они молодцы во единой кругъ, выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина, вскричать тутъ ребята зычныиъ голосомъ: — У мота и у пьяницы у млада Васютки Буслаевича не ушито, не уѣдено, въ краснѣ-хорошѣ не ухожено, а цвѣтнаго платья не уношено, — а увѣчье на вѣкъ залѣзено (всего вдоволь, но вдоволь на вѣки и увѣчья отъ побойщи!)—». Темъ кончена въ былинахъ исторія Василья Буслаева, а въ ней исторія Новгородской Вольницы, возведенная въ одинъ цѣльный типъ, рассказанная какъ событіе типическое, только лишь приуроченное известному имени, лицу, мѣсту и времени, ибо это имя, и лицо, и мѣсто, и время—изъ XII-го вѣка—дали творчеству такіе живые образы, такъ возбуждали его своими образами, что отсюда оказалось возможно создать цѣльный творческій типъ, цѣльное творческое созданіе.

Когда вы прослушали или прочитали былины о Садкѣ и задаетесь вопросомъ — что же послѣ того дѣлалъ Садко и какова дальнѣйшая его судьба, — вы чувствуете, что отвѣтъ намѣченъ въ былинахъ: жить, да поживалъ, да добра наживалъ, больше ничего и не могло быть. Сдѣлался онъ первымъ богачемъ, даже монополистомъ, подчинилъ себѣ Новгородъ въ торговыхъ дѣлахъ, усялся дома, съ женой, съ подраставшимъ сыномъ, съ товарищами прежнихъ побѣдокъ, а теперь прикащиками и довѣренными лицами, наконецъ на свою наживу строилъ церкви, украшалъ ихъ, всячески пособлялъ подобными вкладами городу, попалъ за то въ лѣтописи. Но, послѣ побѣды Василья надъ Новгородомъ, хотя и рѣшительной, былины замъ оставляють его въ первомъ цвѣтѣ молодости и въ пылу страстей, противъ Русскаго обычая — неженатыиъ, съ побѣдоносною, столь же рыбною какъ самъ предводитель, дружиною: что же съ ними дальше, какова же была судьба? Отвѣта нѣтъ, ибо былины прибавляють: «и стала тутъ—мать—Васильюшка кормить-понть, въ покоихъ хоронить (сберегать) и весело съ ними жить;» «и жилъ Васильюшка въ праздности, излѣчилъ дружиниушку хоробрую отъ тыиъ отъ ранъ кровавыиъ и привелъ дружиниу въ прежнее здравіе.» То есть, ничего не дѣлалъ: но вы чувствуете, что, судя по всему, этого никакъ не могло быть. Слова былины значать, что въ даль-

пѣйшей жизни Буслаева творчество не признаетъ ровно ничего: достойнаго былинны, другими словами, что онъ важенъ для творчества: и великъ какъ типъ Вольницы, какъ выраженіе известной борьбы; а послѣ борьбы былинны оставляютъ его равнодушно. Но вы знаете тотчасъ, что, покинутый былиннами, Василій со своею Вольницею продолжалъ похождения: они принадлежатъ исторіи, ищите ихъ по лѣтописямъ, ввѣшивая, что для Новгорода сдѣлала его Вольница, какъ билась съ соседними врагами, какъ проникала въ далекіе края, какъ заводила счастливыя колоніи. Здѣсь мыкались и умыкавались молодыя беспокойныя силы, пока возвращались въ лоно Великаго Новгорода зрѣлыми, стойкими, осѣдали, давали истинныхъ гражданъ. Если молчать былинны, то говорятъ лѣтописи, что то же было съ Васильемъ: онъ удостоился сдѣлаться Посадникомъ; такимъ именуется его лѣтопись, записавши годъ его смерти. Это не значитъ, что умеръ онъ въ должности Посадника: напротивъ, какъ увидимъ ниже. Значитъ лишь, когда онъ умеръ, лѣтопись помянула его въ этотъ годъ какъ бывшаго Посадника.

Минуя всю эту жизнь Буслаева, послѣднимъ звѣномъ коей былъ высшій почетъ Посадничества, Былинны обращаются къ его *смерти*, подоспѣвая съ своимъ рассказомъ тамъ, гдѣ оставляетъ насъ лѣтопись. Для творчества Василій существуетъ только какъ отчаянный и побѣдоносный борецъ въ первой молодости, а потомъ какъ умирающій удалецъ. Но въ семъ послѣднемъ случаѣ для былинъ Новгородскихъ существуетъ Василій не какъ Посадникъ, не какъ опытный степенный Новгородецъ, прошедшій бурную жизнь и вышедшій къ успокоенію: для нихъ остался тотъ же Василій, что и въ былой борьбѣ съ Новгородомъ, тотъ же юный и удалый, неженатый, съ тою же матерью, съ тою же дружиною, съ тѣмъ же неизмѣннымъ вѣжомъ, съ той же отвагою, дошедшему до дерзости. При этомъ рассказывается одно изъ походовъ или одинъ изъ походовъ, какіе свойственны были Новгородской Вольницѣ и какіхъ не мало было объ ней известно: но не изъ такихъ, которые кончались мирнымъ ея возвращеніемъ или водвореніемъ,—этого, съ послѣдствіями, посадничествомъ, звать не хочетъ творчество, — а напротивъ такихъ, въ которыхъ Вольница складывала свою голову, и не даромъ, за крайнюю предприимчивость и дерзость; дерзость, которой, при по-

стояннѣе ея народненіи, не могъ укротить весь Новгородъ, которая сама побуждала его, побуждалась послѣ лишь сама собою, сама въ себѣ получала казнь и смерть.—Говоря объ этомъ событіи, воспѣтомъ въ Былинахъ, мы приведемъ прежде Сказку, весьма рѣдкую съ концемъ сего рода и помѣщенную у насъ подъ № 1-мъ въ Приложеніяхъ. Записана она въ Пермской губерніи, вдали отъ Новгорода: обстоятельства подробныя стерлись, выведена рѣка *Обь*, событіе само округлилось, потерявши частности, но тѣмъ любопытнѣе намъ уцѣлѣвшія черты главнаго, общаго типа. Сначала сущность та же, что въ приведенныхъ Былинахъ. Есть и дополнительная черта, именно что Василій отданъ былъ обучаться грамотѣ, перомъ писать, извѣстному Старнику Угрумищу, т. е. Пилигримищу: на это есть указаніе и въ Былинахъ, гдѣ сынъ Пилигримища напоминаетъ Василью, — «Помнишь, какъ учились мы съ тобой въ грамоты? Я надъ тобой былъ въ тѣ поры большій братъ (Рыбник. т. I).» Это весьма древняя черта творчества: вспомните (вып. 1), что также *Илья* учился грамотѣ вмѣстѣ съ *Калѣчищемъ*; дѣло въ томъ, что это сообразно съ жизнью, ибо въ ней издревле у *Калѣкъ* были свои училища (да и до послѣдняго времени), особенно когда жили они при монастыряхъ. Вторая черта Сказки сближаетъ Василья съ *Вольгой* или *Волхомъ Сеславичемъ* (Рыбник. т. I), а также *Княземъ Романомъ*, старше же съ *Саломаномъ* (т. II): «выучился Василій не во листы писать, а выучился *соколомъ летать*,» приобрѣлъ способность изворачиваться, быть оборотнемъ, проходить въ приключеніяхъ разные виды бытія, выучился высшей премудрости. Но важенъ особенно конецъ, гдѣ рассказывается именно то, къ чему перешли мы въ разсмотрѣніи творчества Новгородскаго. Рассказываетъ она, когда Василій побилъ множество Новгородцевъ, мать осердилась на него за пролитіе крови, сварядила ему корабль, набрала дружину, пустила въ море и махнула въ слѣдъ рукой. Начался обычный походъ *Вольницы*: онъ лежалъ на море, куда ходилъ и *Садко*, и всѣ удалцы Новгородскіе, гдѣ часто, за излишнюю дерзость, слагали они голову. Всего замѣчательнѣе, что Василій встрѣчаетъ *Морскую Пучину*: въ Забѣтѣ къ 4-му выпуску (стр. IV) мы объяснили уже, что самое имя *Пучины* значить и *Море*, *Понть*, и *Путь*, обыкновенный, главный путь древле-Славянскихъ и Русскихъ удалцевъ. *Морская Пучина* «лежитъ,» у нея «крутомъ глаза:» это образъ,

столь извѣстный въ Греческомъ творествѣ подъ именемъ Медусы-Горгоны, столь же страшной и именно морской, любимицы Посейдона, нашего Морскаго Царя; на сушѣ занималъ ту же роль многоглазый, всевидащій Аргосъ. Какъ герои Греческаго творчества, герои наши, и именно типы торговли, далекихъ торговыхъ предпріятій, также точно боролись съ сими чудовищами: Садко, преніравшійся съ Морскимъ Царемъ, нашелъ его въ глубинѣ моря въ томъ же видѣ, какъ Пучину,—онъ «лежитъ (у насъ № 3),» «голова у Царя какъ куча сѣнная (Рыбник. т. I),» такая точно, какая изображалась у Медусы; Чурило, сынъ Пѣяка, Гостя Богатаго, Суроженина, и самъ такой же, выродокъ Чура-Гермеса (см. вып. 4), подобно сему послѣднему, «Убіиць Аргоса,» былъ губителемъ Ерымы, типа стоглазой ревности, и такъ же на сушѣ, уже не на морѣ. То же затѣялъ и Василій,—одолѣть Пучину, перескочить ее: перескакала дружина, Василій палъ жертвою своей дерзостной отваги, онъ погибъ отъ Пучины, не перескочилъ ее, не вернулся изъ мореходства. Любопытно еще, что въ Сказкѣ Морская Пучина, вопреки видимому смыслу, помѣщена «на зеленыхъ лугахъ,» именно чтобы дать Василью, съ позднѣйшей точки зрѣнія, возможность скакать черезъ нее ногами. Но этотъ выводъ на сушу, извѣстный и въ мнѣ о Медусѣ, выразившійся въ сухопутномъ Аргосѣ, дѣйствительно случился для Русскихъ Славянъ въ дальнѣйшее время, при выходѣ ихъ къ положительной исторіи, по мѣрѣ отдаленія отъ морей или развитія дѣятельности на землѣ, среди сложившейся Земщины: съ тѣмъ вмѣстѣ камень Алатырь, янтарь, нѣкогда привлекавшій и питавшій нашихъ отважныхъ мореходцевъ гостей, переведенъ былъ также на сушу, какъ не разъ уже доказали мы и какъ увидимъ сейчасъ, ибо Василій, въ сказкѣ погибшій отъ Морской Пучины, по Былинамъ гибнетъ отъ того, что скакалъ черезъ камень Алатырь.—Переходимъ къ Былинамъ, возникшимъ въ самомъ Новгородѣ, гдѣ всѣ обстоятельства изложены по тому самому подробнѣе и опредѣленнѣе (Рыбник. т. I, II, и нашъ настоящій выпускъ). У Василья есть уже корабль, онъ плаваетъ на немъ по *Ильменю*, съ обычными приключеніями Вольницы, окруженный своею дружиною, тридцатью друзьями, изъ которыхъ держать корму *Костя Никитинъ* (Новоторжанинъ), на носу стоитъ *Маленькой Потаня*, намъ уже извѣстныя. Они пристають къ Новгороду, для задуманной цѣли: Ва-

силѣи просить у матери благословенія съѣздить съ дружиною въ *Ерусалимъ*, помолиться Богу, приложиться къ Святымъ, искупаться въ Ерданѣ, осушиться на Фаворѣ и проч. Для этого они между собою «складываются» особо «на лодочку.» Побужденіе главное, сходное съ показаніемъ приведенной сказки, узнаёмъ далѣе изъ словъ *Василья* встрѣчнымъ гостямъ-корабельщикамъ: «А мое-то вѣдь гулянье неохотное (ѣду по неволѣ),—съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти.» Это не значитъ, что онъ былъ уже дѣйствительнымъ старикомъ, ибо въ той же *Былинѣ* называется «молодымъ» и такимъ же описывается, оставаясь для творчества героемъ юнымъ: но онъ помнилъ проказы своей молодости и готовялся подъ старость спасеніе. Въ этихъ видахъ онъ *дѣлается* Старикомъ, Старцемъ, ибо путешествіе къ Святымъ мѣстамъ есть удѣлъ *Калебъ* *Перехожихъ*, *Странниковъ*, безъ различія лѣтъ представляемыхъ типически Старцами. Итакъ *Вольница* съ своимъ предводителемъ принимаетъ на себя иной типъ—*Странниковъ*, *Перехожихъ*, «по водѣ бродящихъ,» и отъ вѣрности этому типу зависить успѣхъ и спасительность ихъ предпріятія. Мать напоминаетъ это, давая благословеніе лишь въ томъ случаѣ, если пойдутъ они «на дѣла добрыя: то коли ты, дитя, на разбой пойдешь (по обычаю *Вольницы*), и не дамъ благословенія великаго, а и не носи *Василья* сыра земля!» Поэтому же напоминаетъ она — «побереги ты буйну голову свою,» но, по мягкости материнскаго сердца, какъ замѣчаетъ *былина*, даетъ на случай и оружья, и боевыхъ снарядовъ; не забывъ *Василій* и своего вяза, съ которымъ является въ теченіи разсказа. Отправляются они по *Ильменю*, выѣзжаютъ отсюда на Волгу, ибо послѣ оказываются на морѣ *Каспійскомъ*. Первые встрѣчные, какихъ тогда вездѣ бывало встрѣтишь,—гости-корабельщики; они первые предостерегаютъ о разбойникахъ впереди, «атаманахъ *козачихъ* (встрѣчавшихся *Ильѣ Муромцу*, еще болѣе извѣстныхъ и дѣйствительныхъ на морѣ *Каспійскомъ*);» и въ первые же *Василій* высказываетъ буйную самонадѣянность *Вольницы*: «А не вѣрую я, *Василья*, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а я вѣрую въ свой червленой вязъ,—а бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ!» Слѣдуетъ второе предостереженіе или знаменіе. При въѣздѣ въ *Каспійское море*, *Василій* замѣтилъ на берегу гору *Сорочинскую* (всѣ высокія горы—*Сорочинскія*), вышелъ на берегъ поглядѣть. Тамъ лежитъ «пуста голова, че-

ловѣчья кость,» такая же, какъ помянутая голова Медузы, на сушѣ съ своими пророчествами являющаяся у насъ Олегу, Добрынь, богатырю Ивану (см. Замѣтку къ 3-му вып. и II т. Рыбник.). Какъ Пучину, Василій началъ эту новую Медусу ногою топичивать: та въ отплату прорекла, что и его голова валяться будетъ тутъ же. Снова Василій отнесся дерзко: «Али, голова, въ тебѣ врагъ говорить, или нечистой духъ?» «Сама ты себѣ спала, себѣ сонъ видѣла!» Плюнулъ и пошелъ дальше въ гору, а тамъ лежитъ камень, камень Алатырь, сѣтвившій (на сушѣ) Пучину: но его еще увидимъ мы ниже. Молодцы начали поперегъ его скакать, а вдоль не сѣютъ, по угрозѣ надписи; Василій же, прибавлено, опять-таки «тому не вѣруеть.» Сомедши снова на корабль, путешественникъ *на морь Каспійскомъ, на островъ Куминскомъ*, нашелъ предсказанныхъ разбойниковъ: слава Василья Буслаева была такъ велика, что они тотчасъ его узнали по полеткѣ соколиной — поступкѣ молодецкой, угостили, дали провожатаго къ Ерусалиму. Прямо съ моря вѣзали они въ Ердань и бросили якоря: въ Ерусалимѣ выполнили все, что слѣдовало Странникамъ, — молились, прикладывались, служили заукойною обѣдню съ панихидою по покойномъ Буслаѣ, заздравную за мать Буслаева и его самого, обѣдню съ молебнами за дружину, «что съ молодю бито много, граблено,» расплачивались съ попами и дьяконами, давали милостыню несчетную Богадѣльнымъ Старцамъ при церкви (въ страннопримивницѣ), и прочее. При купаньѣ въ Ерданѣ Василій опять подпортилъ: мать предостерегала его при поѣздѣ не купаться здѣсь «нагимъ тѣломъ,» а въ рубашечкѣ; при случаѣ мы объяснимъ, почему, на основѣ древнѣйшихъ воззрѣній, нѣкоторымъ нашимъ героямъ, на примѣръ Добрынь (см. прежніе выпуски наши и Рыбник.), и въ нѣкоторыхъ рѣкахъ нельзя было этого дѣлать; съ христіанской же точки зрѣнія извѣстно, что безъ одежды крестился лишь въ Ерданѣ Иисусъ Христосъ, а богомольцы доселѣ купаются въ рубашкахъ (сохраняя ихъ, чтобъ послѣ лечь съ ними въ гробъ). Василій опять-таки пошелъ на перекоръ, купался нагой, «нарушилъ родительско благословленьице, не послушалъ государыни матушки.» Этимъ вызвано новое предсказаніе, — приходила *Баба Зальсная*, т. е. Баба Горынивка, она же Алатырка (связанная съ Пучиною и Алатыремъ), намъ извѣстная изъ Кіевского творчества. Она догадалась, что, oprичъ Василья Буслаева некому сдѣлать эту дерзость, купаться

вагому, и за то предрекла дружинѣ: «Потерять его вамъ будетъ, большого атамана Василья Буслаевича!» И тутъ дружина нашлась сгубить: «Нашъ Василій тому не вѣруеть, ни въ сонъ, ни въ чохъ!»

Вислѣдствіи, когда творчество спустилось въ этихъ былиннахъ ступенью ниже, мѣсто Бабы Залѣсной заняла простая «женщина престарѣлая» и Василій обошелся съ ней болѣе положительно: «Кабы ты была, сказалъ онъ, на сей сторонѣ, я бы тебѣ сдѣлалъ двухъ мальчишковъ, двухъ богатырей!» Плюнула женщина и прочь пошла, а между тѣмъ, видите, надъ головой Василья скепилось уже слишкомъ много дурныхъ преданаменованій (ср. преданаменованія въ походѣ Игоря) и все-то вызвано было его дерзостью, и сопровождалось дерзостью его новою, а задача странниковъ все нарушалась да нарушалась, и за невыдержку священнаго народа типа непрѣнно должна была послѣдовать казнь. Вспомните изъ исторіи Потыка и его товарищей, сухопутныхъ странниковъ къ Ерусалиму, какъ страшно заклинались они противу грѣховъ, какія страшныя казни выполняли надъ своими членами при малѣйшемъ даже подозрѣніи (выш. 3): тѣмъ грознѣе казни выше. Но, исполняя своимъ чередомъ вишніе обряды, въ кожѣ Странниковъ, внутри той же Вольницы, пошла прибывшіе на послѣднюю святыню, на Фаворъ-гору, гдѣ стояла церковь, стоялъ образъ Преображенья. Голова-Кость богатырская перенеслась съ Каспійскаго моря, съ Сорочинской горы, и сюда, съ тѣмъ же пророчествомъ о гибели (Рыбник. т. 1): и естественно, ибо какъ перешелъ, мы видѣли выше, путь морской въ путь земной, а этотъ послѣдній съ теченіемъ времени на Голгоу, такъ и эта древнѣйшая голова въ христіанскихъ преданіяхъ признана «головою Адамовою,» лежавшею съ костыи подъ крестомъ; на нее-то, по преданію, текла кровь съ креста, текла и на путь земной, сквозь расщелину камня Алатыря; она же владѣла и силою пророческой о суетѣ сей жизни. Но, еще важнѣе, за головою, съ невѣдомой горы Сорочинской, послѣ того какъ народъ сблизился съ христіанствомъ и шелъ въ его глубь, перенесся въ Ерусалимъ и самъ камень *Бѣлый Алатырь*. Потому, тогда какъ въ одной былинѣ Василій гибнетъ на пути возвратномъ изъ Ерусалима, проѣхавши заставу козачью и взошедши на Сорочинскую гору, въ другихъ его постигаетъ эта участь уже въ самомъ Ерусалимѣ: то же движеніе Алатыря, какъ въ Голубиной Книгѣ, съ моря на сушу, на гору

(ср. «Латыгорку.» вып. 4), на путь-дорогу, въ Ерусалимъ. «Поѣхавъ, говоритъ былина, на Оаворъ гору, ко тому ко камению ко Латырю, и ко той ко церкви соборнія, которая стоитъ со двѣнадцатю престоламы, у того у камня у Латыря, на которомъ камени преобразился самъ Исусъ Христосъ... И такъ Васильюшка поѣздъ держалъ ко той ко церкви ко соборнія, ко тому ко камению ко Латырю» и т. п. Камень описывается огромный, въ нѣсколько сажень, самую величину достойный своего великаго значенія. И, какъ мы знаемъ изъ Кіевского творчества, когда перешелъ онъ уже на перекрестки богатырскихъ дорогъ и легъ здѣсь, какъ постоянно читались на немъ надписи, пророчившія богатырю судьбу его въ будущемъ, такъ и на Оаворѣ Алатырь имѣлъ разныя надписи того же рода. Прочтемъ ихъ: «Кто на эту гору захаживалъ, тотъ оттуль живъ не выхаживалъ; кто скочитъ черезъ этотъ бѣльгорючь камень, тотъ буде живъ, а не скочитъ, не бывать живу.» Явно, онъ подзадоривалъ на опасную игру, какъ подзадоривалъ Садку на игру Царь Морской. «Кто перескочитъ трожды черезъ бѣль камень, тотъ достигнетъ церкви соборнія и тому образу Преображенскому; а кто не перескочитъ черезъ бѣль камень, тотъ не достигнетъ церкви соборнія и тому образу Преображенскому:» еще вызывательнѣе, особенно послѣ надобныхъ пророчествъ "пустой головы, не сулившей Василью доѣхать до церкви, твердившей о суетѣ жизни и смерти. Наконецъ: «А кто у камня станетъ тѣшиться, а и тѣшиться-забавляться, вдоль скакать по камению,—сломить будетъ буйну голову.» Это ужъ былъ прямой вызовъ, послѣ коего не утерпѣлъ бы ни одинъ удалецъ: это какъ будто нарочно было рассчитано на Василья, будто знали его характеръ. Виновать былъ Василій прежней своей дерзостью въ богомольѣ; не молился народъ православный за личную судьбу его, противъ опасностей игры его; никто не тронулъ его въ плечо, чтобъ удержать во время какъ Садку: Василій новой дерзостью купилъ себѣ гибель. Дружина его, какъ ни была смѣла, рѣшилась скакать только *поперегъ*: Василій пустился *одоль* (въ долину камень былъ три аршина съ четвертью, поперегъ же только лишь топоромъ подать); дружина перескочила черезъ камень, перескочила и трижды: Василій въ третій разъ придумалъ скакнуть не передомъ, а *задомъ*. И задѣлъ онъ каблучкомъ, ножкой правою, и ударился о жестокъ камень плечами богатырскими, ударился го-

ловушкою. Сталъ онъ умирать, сталъ прощаться, наказывать братіи: «Скажите-ка, братія, родной матушкѣ, что сосватался Василій на Оаворь-горѣ и женился Василій на бѣломъ-горючемъ камешкѣ.» Не довелось ему и въ законъ вступить. Похоронили его, гдѣ валялась прорицательница голова человѣческая.— Поѣхала, пріѣхала дружина въ Новгородъ: не встрѣтила ее, какъ Садкову, жена съ ребенкомъ, не подошелъ нечаянно Василій, какъ спасшійся Садко. Ожидала одна горемычная старуха. Передали ей завѣщаніе сына, подали письмо. Прочитала она, заплакала: «Гой вы еси, удамы-добры молодцы! У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего; подите въ подвалы глубокіе, берите золотой казны не считаячи!» Въ послѣдній разъ явилась знакомая намъ Чернавка, повела въ подвалы: благородная дружина, подвизавшаяся не изъ за денегъ, а изъ за молодости и отваги, брала казны «по малу числу.» Замѣьте эту противоположность, выставленную творчествомъ: первые люди города, благородные, савовные и гордые, оказались, когда пристращали ихъ, послѣдними низкоклонниками, готовыми на подкупъ и всякое подлое дурно; молодежь почти что распутная, тати-разбойники, явились подъ конецъ образцемъ благородства и великодушія. Разсчитавшись, поклонились они вдовѣ: «Спасибо, матушка Амелѣа Тимоѣевна, что помла-кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ (таковы были условія содержанія)!» Поднесла еще имъ Чернавка по чаркѣ, «и пошли добры молодцы, кому куда захотѣлося:» у Садки они бы остались въ прикащикахъ. Садко при жизни утѣшался вкладами на церкви: старуха, на концѣ дней своихъ, съ горемъ «собрала все свое имѣнье-богачество, и роздала она по Божьимъ церквамъ, по монастырямъ.» Такъ вѣрно выдержаны типы творчества въ былинахъ о Буслевѣ до самого конца, такъ вѣрно во всемъ представляютъ они противоположность типамъ былинъ о Садкѣ!

Теперь упомянемъ вкратцѣ о Сказкахъ, помѣщенныхъ нами въ Приложеніяхъ этого выпуска подъ №№ 2-мъ и 3-мъ. Мы ихъ не брали для изложенія дѣла и можемъ брать только для свѣдѣнія: въ основѣ ихъ лежатъ Былины, Сказки и Преданія народныя, но все это передѣлано, болѣе или менѣе. Чулковъ еще лучше. Онъ весьма близко выдерживаетъ основы народныхъ представленій и даже разсказа, допустивши только для украшенія — по его имѣнію — витѣватость лите-

ратурнаго языка своей эпохи. Но его поправки легко отдѣлать опытному чутью. Главная бѣда его—отъ воззрѣній на Русскую исторію, царствовавшихъ въ его время. У него является Новгородъ не дѣйствительный, а «сія гордая и славная Республика,» долженствующая непокорствовать предъ Князьями, «въ землѣ *Старо-Словенской* и Княжествѣ *Русскомъ*.» Для той же цѣли покойникъ *Богуславъ* выставленъ *Княземъ*, не такимъ, каковы Князья въ былинахъ, а настоящимъ Рюриковичемъ; вдова его, мать *Василья*, *Княгиня*; самъ *Василій Княжичъ*, *Витязь* и живетъ съ матерью въ «*Старо-Словенскомъ дворцѣ*.» Въ рассказъ вставлена интрига: *Василій* въ тихомолку подумываетъ, какъ бы взять всѣхъ Новгородцевъ въ ежовыя рукавицы и для того въ молодости запасаетъ себѣ надежную дружину, для своего будущаго княженія; «буйные» вожди Республики, именуемые всѣ «Посадниками (даже въ выраженіи—«*есть Посадники*»),» пользуясь молодостью *Княжича*, дѣлаютъ заговоръ лишить его «престола» подъ предлогомъ проказъ его; послѣ побѣненія *Посадниковъ*, они подносятъ *Василью* Княжество, *Княжичъ* пріемлетъ, править «съ мудростью и милостью,» получаетъ дани съ *Чуди*, и т. д. Подобную щелуху впрочемъ, какъ говорили мы, легко сдунуть, и въ основѣ остается все-таки замѣчательный народный рассказъ, любопытный нѣкоторыми чертами, которыя сейчасъ приведемъ мы и которыя то повторяютъ дословно показанія былинъ, то присоединяютъ къ нимъ пополненія и разнорѣчія. Товарищи *Василья*—знакомые намъ *Ома Толстой сынъ Ремениковъ* и *Новгородецъ Потанюшка*, «малъ собою—невеличекъ, на одну ногу прихрамываетъ.» Они въ битвѣ не участвуютъ—то единоборство *Василья* съ *Новгородомъ*,—а лишь готовы только на подмогу, на случай.—Первыми именитыми гражданами, а на языкѣ *Чулкова* «первыми посадниками» выставлены: 1) *Сотко Богатой Гость*, весьма естественно, ибо онъ исторически былъ современникомъ *Василья*; 2) общій типъ древняго творчества и вѣчеваго Старца, «*Чуденъ* Старь—матѣрь челоуѣкъ,» изъ котораго *Чулковъ* сдѣлалъ лицо *Чудина*, соблазвившись вѣроятно еще названіемъ *Новгородскаго Чудинова конца*, названнаго въ дѣйствительности конечно по первоначально жившей здѣсь *Чуди*, участвовавшей—по преданію—и въ призваніи *Князей*, подобно какъ въ томъ же *Новгородѣ* была «сторона *Славянская*,» былъ «конецъ *Славянской*,» мѣсто жительства главной, господствующей части со-

идеагося въ городъ народонаселенія.—Рѣчь Василья на пиру у Новгородцевъ, что «послѣ государя батюшки остался онъ сиротомъ малебенекъ, а государыня его матушка во вдовствѣ живетъ» встрѣчается и въ былинахъ, именно въ устахъ Кости: мы даже склонны думать, что тамъ она попала къ Костѣ по обдѣчности, ибо совершенно соответственно,—и эта черта дополнительная,—что Василій говорилъ на пиру сначала весьма скромно и лишь послѣ дошелъ до дерзости.—Знаменитый *Старчище-Многоолѣтчище* (Пилигримшище, Каляка) очерченъ хорошо: только что онъ тридцать лѣтъ не выходилъ «изъ теремовъ своихъ,» это могъ бы Чулковъ оставить про себя,—ибо типъ Старика быть бродячимъ и Василій непременно долженъ былъ встрѣтить его на мосту. Далѣе, что онъ снимаетъ колоколь съ *ельча*, а не съ колокольни, какъ говорятъ былины, это даже естественнѣе былинь. Оставимъ народу то и другое: по типу своему, Каляки были и звонарями, и первыми лицами при набатахъ, такъ что Викторъ Гюго знаменитаго своего Квазимодо взялъ изъ дѣйствительныхъ, древнѣйшихъ народныхъ преданій. Наконецъ, Василій, порядкомъ поучивъ старика, отпускаетъ ему душу на покаяніе: это есть, какъ видѣли мы, и въ нѣкоторыхъ былинахъ.—Что особенно хорошо у Чулкова; ибо совершенно согласно и съ типомъ Василья, и съ народными преданіями, это то, что Василій умеръ *не оставивши роду-племени*, а оставивши только на память Новгороду, какъ древнѣйшій Перунъ, какъ второобразъ его, свой *стемляный вѣзъ*.—Прочія подробности, улица *Рогатица*, *Чернавка* и т. н., совершенно вѣрны и согласны съ дѣломъ.

Нельзя того же сказать о г. Сахаровѣ, объ И. П. Сахаровѣ. Мы помѣщали его Былевыя Сказки, помѣщаемъ и будемъ помѣщать, ибо въ ихъ основу положены все-таки разсказы народные. Но—пора же сказать правду, Сахаровъ ихъ обдѣлывалъ, передѣлывалъ, додѣлывалъ и все, что угодно, и какъ ему было угодно, и не такъ наивно, какъ Чулковъ, а съ полной свободой фантазіи личной, съ притязаніями художника въ народномъ жанрѣ, съ образованностью регулятора, съ языкомъ не литературнымъ, а поддѣльнымъ народнымъ, исправленнымъ, вымытымъ, причесаннымъ, разсыпая въ немъ дары своихъ знаній рукою полною, рѣпо тапу. Дивиться этому не слѣдуетъ: Чулковъ по себѣ оставилъ первый Русскій печатный

Пѣсенникъ, нынѣ сдѣлавшійся библиографическою рѣдкостью, и въ рукописи, съ которой печаталъ, не разбирая нѣкоторыхъ словъ, какъ самъ признается, подставлялъ ихъ. Новиковъ, знаменитый Н. И. Новиковъ, перепечатывая Пѣсенникъ Чулкова, не усумнился также кое что переименовать. Это были еще осторожнѣйшіе издатели: нигдѣ въ точности послѣдовали многочисленнымъ изданіямъ нашихъ Пѣсенниковъ на спекуляцію, въ простотѣ своей не находившія поводовъ къ исправленію. За тѣмъ И. И. Дмитріевъ, въ своемъ «Карманномъ пѣсенникѣ», 1796 г., столь же и даже болѣе рѣдко нынѣ, какъ Чулковскій и Новиковскій, многія пѣсни прямо уже передѣлалъ по своему, соблазнивши и тѣхъ, кто изъ него перепечатывалъ. Нечего уже прибавлять о Макаровѣ, справедливо вызвавшимъ общее негодованіе, но несправедливо понесшимъ всѣ тяжкіе упреки на себѣ одною за поддѣлки. Первымъ безукоризненнымъ издателемъ народныхъ пѣсень можетъ быть названъ лишь К. Ѡ. Каллаидовичъ. Со Стихами духовными и Сказками была у насъ та же исторія. Такъ воспитался Сахаровъ и, хотя умѣлъ сердито критиковать, самъ увлекся путемъ ложнымъ. Вспомните, что даже почтеннѣйшій В. И. Даль, современникъ дѣятельности Сахаровской, пошелъ было также по этому ложному, какъ нынѣ самъ признаетъ, пути: его тактъ не позволялъ однако ему передѣлывать, а лишь воссоздавать народное творчество, но и то было отчасти уклоненіемъ. Единственный великій художникъ, умѣвшій и записывать у народа, и не передѣлывая, воссоздавать народное творчество, то есть переводить его въ иную область, область посредственнаго искусства, образованнаго сферою вышею, — законная задача для будущихъ писателей-поэтовъ, — былъ Пушкинъ. Но доселѣ еще, ни равенство гениальныхъ силъ, ни художническая образованность, ни умѣнье не дали никому другому ни охоты, ни права наследовать въ семь дѣлъ Пушкину. Что же случилось бы съ тѣмъ, кто вздумалъ бы не воссоздавать, — на это не хватало силъ, — а передѣлывать народное творчество, подправлять и выдавать за цѣльное, извращать и увѣрять, что такъ творилъ самъ народъ, однимъ словомъ на частное лицо свое надѣвать маску, снятую со всего великаго народа? Сахаровъ поддался этой неблагоприятной роли, доказавъ свою роль тысячею опытовъ. При всемъ томъ, мы не рѣшились бы этого говорить о почтенномъ въ другихъ отношеніяхъ дѣятелѣ, сдѣ-

давшемъ все-таки много для словесности народной, не рѣшились бы легкомысленно, если бы предварительно не взяли на себя труда провѣрить *все* напечатанные имъ памятники устнаго народнаго творчества съ образцами неподдѣльными, до насъ удѣлѣвшими. Выводъ нашего безпристрастнаго сличенія оказался крайне неблагопріятенъ для издателя «Сказаній Русскаго народа» и «Русскихъ народныхъ Сказокъ.» Довольно припомнить обдѣланный имъ Стихъ Егорья, помѣщенный у насъ во 2-мъ выпускѣ «Калѣкъ Перехожихъ;» довольно привести пѣсню объ осадѣ Волока и Карамышевѣ, гдѣ Сахаровъ, по мнимымъ историческимъ требованіямъ, подставилъ вмѣсто Волока Псковъ, вмѣсто Карамышева—Шуйскаго Ивана Петровича; въ пѣсняхъ болѣе мелкихъ онъ вездѣ почти стеръ особенности мѣстныхъ нарѣчій, укорачивалъ—удлинялъ стихъ по произволу, дѣлая тѣ же поправки и вставки. Дошло до необходимости создать уже какой нибудь авторитетъ подобныхъ поправокъ: это и была знаменитая *рукопись Бѣльскаго*, выведенная Сахаровымъ въ ссылкахъ, но не на показъ, ибо она гораздо болѣе сомнительна, чѣмъ Акимовская—Татищевская; и увидать ее въ томъ видѣ, какъ она цитовалась, конечно мы никогда не увидимъ. «Эта рукопись, говоритъ Сахаровъ въ Примѣчаніяхъ къ Сказкамъ, писана въ полнотѣ, скорописью, разными руками въ XVIII вѣкѣ. Впередѣ всего были, почти безъ раздѣленія, помѣщены Былины (здѣсь образцемъ послужила Сахарову рукопись Кирши), а послѣ ихъ Сказки. Бѣльскій, постоянный житель города Тулы, какъ самъ сказывалъ мнѣ, получилъ эту рукопись изъ дома Демидова (опять желаніе сродниться съ рукописью Кирши)... Изъ этой рукописи Бѣльскаго *все* Былины буквально перепечатаны; Сказки же помѣщаютъ теперь.» Столь точно описанную рукопись познали мы отъ плода ея: Былины, изъ нея напечатанныя, оказались совершенно тѣ же, что у Кирши, но, съ естественными, казавшимися необходимою, исправленіями. Въ Былинѣ объ Ильѣ (у насъ вып. 1), «*И начался* (начаялся, показался, по мнѣнію) Добрынь какой сильной могучій богатырь,» рукопись Бѣльскаго объяснила—«*показался;*» въ другой—«А Спиря встаетъ, то *постыриваетъ,*» исправлено вѣрно «*поспиливаетъ;*» въ Былинѣ о Добрынѣ (у насъ вып. 2) «*Никитъ*» вмѣсто «*Никитичу,*»—рукопись Бѣльскаго исправляла «*Никитичу.*»—Тамъ же—«не мнѣ вода грѣть,» древнее словосочиненіе, а рукопись Бѣльскаго нашла совре-

меняю—«не имѣ воду гудѣть;» тамъ же, гдѣ нужно бы поправить—«сидитъ онъ, ничего, съѣтъ, не видѣтъ,» ошибка рукописи Киршевской *съѣту* перенесена и въ Бѣльскую; неправильное *зашельщина* вмѣсто *засельщина* оставлено по недосмотру и у Бѣльскаго; въ Былинѣ объ Алешѣ (у насъ вып. 2) древняя форма *убилхъ* замѣнена болѣе понятною нынѣ *убилъ;*» вмѣсто *мочно* также точно явилось *можно;*» вмѣсто сокращеннаго народнаго *сподъ небесью* болѣе обычное *по поднебесью;*» вмѣсто народнаго *замочило Тугарина—крылья бумажныя,*—«у Тугарина;» вмѣсто *Тугаретинимъ,*—«Тугаринимъ.» Въ Былиннахъ о Чурилѣ (у насъ вып. 4), *другую сорокъ,*» возникшее вѣроятно изъ *другое,*» *свѣтлицы-грядни* вмѣсто *свѣтлыя* догадливая рукопись Бѣльскаго исправляетъ *другой сорокъ,*» *свѣтлыя.*» Въ Былинѣ о Соловѣ Будягировичѣ (у насъ тамъ же) ошибку пѣвца, попавшую въ сборникъ Кириши, *глухоморья* вмѣсто *лукоморья,*» наслѣдовала себѣ рукопись Бѣльскаго; *свашела* (свах) княгиня Апраксѣвна рукопись Бѣльскаго объяснила отъ глагола *свашить*, и потому выразилась *свашила,*» сватала. Въ Былиннахъ объ Василѣ Буславѣ (настоящій нашъ выпускъ), употребительную форму *хоробрый*» Калайдовичъ читалъ вездѣ въ рукописи *хорабрый,*» прихвѣваясь къ формѣ *храбрый:*» рукопись Бѣльскаго сочла безопаснѣе остановиться на сей послѣдней; явная ошибка *такъ* вмѣсто *только*» наслѣдована и Бѣльскимъ; рукопись Кириши имѣла *качается* (полагаетъ онъ, кажется ему, казалось):» рукопись Бѣльскаго должно бы наслѣдовать это правильное чтеніе, тѣмъ болѣе, что она, какъ выше замѣчено, уже замѣнила слово *начался* (начаялся)» словомъ *показался;*» но, совсѣмъ неожиданно, она усвоила себѣ неосторожное исправленіе Калайдовича—*качается;*» исправила она также *старцу* подъ колоколь» вмѣсто двусмысленнаго *старца.*» У Кириши *увѣчье залзено,*» добыто, и тотъ же глаголъ встрѣчается въ другихъ мѣстахъ Васильевыхъ Былинъ («не спасенья залзѣтъ,» Рыбник. т. II), такъ что Калайдовичъ остерегся исправить, указавши примѣръ подобнаго глгопнскаго употребленія; но слово, употребительное въ одной мѣстности, незнакомо было въ другой, такъ что иныя Былины, объяснивши себѣ *залзено,*» выразили свое пониманіе новымъ описательнымъ стихомъ—*иззалчили* дружинишку хоробрую (Рыбник. т. II):» рукопись Бѣльскаго,

какъ слѣдовало ожидать, выразилась «зальчено»; но она, какъ и выше замѣчено, не признавая древняго словосочиненія, не допустила выраженія «подъ старость надо душа спасти» и исправила «душу.» Но довольно, перейдемъ къ Сказкамъ. «Всѣхъ Сказокъ, какъ говоритъ Сахаровъ о содержаніи рукописи Бѣльскаго, было: 1. *Добрыня Никитичъ*, 2. *Василій Буславичъ*, 3. *Илья Муромецъ*, 4. *Акундинъ*, 5. *О семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ*, 6. *Змѣй горычница*, 7. *Соловей сынъ гостинной Ивановичъ*, 8. *Иванъ гостинкой сынъ*, 9. *Алеша поповичъ*, 10. *Емеля дурачокъ*, 11. *Шемякинъ судъ*, 12. *О семи мудрецахъ и о юношѣ*, 13. *О чудныхъ и злѣо умильныхъ гусляхъ самогудахъ*, 14. *О Жарь-птицѣ и Иванъ царевичъ.*» Прежде всего насъ останавливаетъ здѣсь скромность рукописи Бѣльскаго: она сохранила въ себѣ лишь тѣ имена, лица и предметы, которые известны изъ другихъ народныхъ преданій и памятниковъ: новаго только *Акундинъ*, котораго разсмотримъ ниже, да сказаніе о *гусляхъ*, которое однако въ печати у Сахарова къ сожалѣнію не явилось. Во вторыхъ, удивительна здѣсь вѣрность былиннамъ Кирши: такъ въ нихъ объ Иванѣ Гостинномъ лишь отрывокъ (мы прежде доказали, что съ этимъ героемъ связана цѣлая область самостоятельнаго творчества), — и Сказка Бѣльскаго, по замѣчанію Сахарова, «не имѣла окончанія,» не откуда ей было достать. Но, если скромна была рукопись Бѣльскаго, то не совсѣмъ скромнѣе ея издатель, ибо онъ прибавилъ: «Всѣ эти Сказки, *удержавшія сполнѣ нашъ чистый народный языкъ* (такъ думалъ издатель), были приняты мною за основаніе текста (выраженіе опасливое, на случай, если бы доказали подправки: только «приняты за основаніе»). По крайней мѣрѣ *доселѣ не видалъ ничего лучшаго ни самъ я, ни кто либо другой.*» Богъ знаетъ, куда бы повело, еслибъ намъ пришлось это повѣрять на дѣлѣ: но по счастью издатель большей части всѣхъ сихъ Сказокъ не издавъ и успѣлъ напечатать лишь тѣ, кои вытекали прямо изъ живущихся народныхъ Былинъ и Сказокъ, — о Добрынѣ, Васильѣ, Ильѣ, Акундинѣ и Семи Семіонахъ. Всѣ онѣ—относится ли это къ ихъ достоинству или къ естественному происхожденію?—всѣ, за исключеніемъ опять Акундина, о комъ ниже, суть перифразъ народныхъ Былинъ и Сказокъ. Нельзя потому сказать, чтобы онѣ много прыгали, — для свѣдѣнія мы даже печат-

таешъ ихъ при настоящихъ выпускахъ, — онѣ довольно осторожны: но осторожность ихъ даже бросается въ глаза, именно заботливость удалить все то, что въ другихъ памятникахъ сего рода есть двусмысленнаго, или искаженнаго, или требующаго поясненія. Есть и наивныя прибавки: такъ про смерть Ильи наше народное творчество съ намѣреніемъ умалчиваетъ, давая лишь разумѣть, что онъ ушелъ изъ Кіева, спустился въ пещеры, окаменѣлъ и т. п.; но Сказка Бѣльскаго обстоятельна: «а живши онъ, Илья, во Кіевѣ состарѣлся, состарѣлся и переставился.» Добрыня по лѣтописамъ воевалъ съ Болгарами, о чемъ впрочемъ молчитъ устное творчество, зная Добрыню совсѣмъ инаго, какъ своеобразный типъ свой: образованная рукопись Бѣльскаго влагаетъ Тугарину, врагу Добрыни, тонкій намекъ, — «прогнѣвилъ князь Кіевскій царя Болгарскаго...., и велѣлъ тотъ царь Болгарскій (Тугарину) привезти ему главу Владимірову,» при чемъ Тугаринъ даже немножко обмолвился, заявивши, что царь Болгарскій «живетъ не далечъ лукоморья синяго,» тогда какъ это лукоморье несовсѣмъ умѣстно въ мѣстѣ жительства тогдашнихъ Болгаръ и тогда какъ народъ обыкновенно говорить «лукоморья зеленого.» По тѣмъ же причинамъ устное народное творчество Кіева не знаетъ Добрыню въ Новгородѣ, а только въ Кіевѣ: но рукопись Бѣльскаго свѣдущѣ въ лѣтописяхъ и заставляетъ героя увѣрять, — «а пріѣхалъ я къ тебѣ, осударь, изъ Великаго Новгорода.» Къ чести ея нужно также прибавить, что, итѣя подъ рукою памятники народные, она женить Добрыню на *Настасьѣ Микулишичѣ*, обстоятельство, подтвержденное Былинами: но не къ чести, что отецъ ея, типъ *крестьянина, Микула Селяниновичъ*, вышелъ тутъ «*торговымъ гостемъ*,» «*воеводою Кіевскимъ*» и *Микитичемъ*. Домовитая и религіозная рукопись Бѣльскаго всѣхъ этихъ богатырей, вопреки установившемуся типу Кіевского творчества, непремѣнно, женивши, поселяетъ въ Кіевѣ и здѣсь хоронитъ: такъ и Добрыня «принявши законъ, жилъ приѣзжавши, а живши состарѣлся, состарѣлся и переставился.» Есть и еще кое-какія любопытныя вещи, — онѣ большею частію означены въ Указателѣ, напечатанномъ нами при 4-мъ выпускѣ, замѣткою «сомнительно:» но достаточно. Въ языкѣ также нельзя сказать, чтобы употреблялись слова и обороты, совершенно чуждые народу: но у него они на мѣстѣ, въ мѣрѣ требованія и творчества, а здѣсь

на каждой строчкѣ; это—удлиненныя формы—«добрыихъ,» «сладкихъ» (им. «добрыхъ,» «сладкихъ»);» безпрестанное «а и,» «а и то-то,» «а и было,» «ужь и я ли,» «ужь и ты ли,» и т. п.; не просто «слово,» а непременно «словечушко,» или «слово ласковое, великое;» рѣчи «вѣстныя,» рати «сильныя,» руки «крѣпкія,» терема «златоверхіе,» «надежа осударь;» «и на томъ рѣчь свою ставля;» «думать крѣпку думушку,» «служить вѣрою и правдою;» преклоняють «чело до полу,» кланяются «большимъ челобитыицеиъ, отъ востока до запада,» кланявшись «становятся во единъ рядъ» или «на особицу,» просятъ «соизволь выслушать,» и прочее, и прочее. Отражающаяся всюду въ Былевомъ творествѣ, отчасти грубая и суровая, но несомнѣнно простая и честная, развязная и удамая, стойкая и сильная наша древняя Земщина является здѣсь дворянской челядью XVII вѣка или придворною толпою, съ большими козырями, Китайскими церемоніями; не скажетъ просто слово, все съ ужимками и штуками; поклонъ ея оказывается какинъ-то реверансомъ, слово спичемъ. Впечатлѣніе рѣшительно паточное, послѣдствія для читающаго тошнотныя. — Перейдемъ къ Сказкѣ о Васильѣ Буслаевѣ. Она вся сложена у Сахарова изъ Киршевскихъ Быливъ и Чулковской Сказки, съ пособіемъ можетъ статья еще кое-какихъ народныхъ данныхъ, нами не отрицаемыхъ, но съ тѣми же передѣлками. Вмѣсто народнаго «пльме церковное» выставлено безопаснѣйшее «пльме;» «въ наукъ» замѣнено словомъ «въ науку.»—Отринувши показаніе Былины, что Василью грамота, письмо и пѣтье въ наукъ пошла, Сахаровъ не дошелъ до тѣхъ сказочныхъ данныхъ, что Василь вмѣсто того «выучился соколомъ летать,» а увѣряетъ, что «грамота и пѣнье Васкѣ въ науку не пошло.» — Показаніе Былины, отразившее мѣстность ея происхожденія, — «а и нѣтъ у насъ такова пѣвца во славномъ Новѣ-городѣ сопротивъ Василя Буслаева,» Сахаровъ счелъ надежнѣе замѣнить словами — «а и не было такого молодца супротивъ Васки Буслаева.» — Слова Чулковской Сказки «отпускаетъ она посадниковъ съ почестью» изложены красиво: «и чинить почестъ честна вдова Амелеа Тимоѣевна мужикамъ Новгородскимъ.»—У Чулкова подобнымъ образомъ отвѣтъ Василя матери: «не боюсь я посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новгородскіе, а боюсь твоихъ рѣчей родительскихъ, мнѣ страшно твое слово доброе;» у Сахарова: «не боюсь страху посадниковъ, не

страшны мнѣ мужики Новгородскіе, а боюсь твоей великой зановѣди, страшно мнѣ твое слово великое.»—Василій по Былиннѣмъ разо-сласть ярлыки съ приглашеніемъ Вольницы, ихъ и читали проходившіе: у Сахарова «бирючи кличутъ кличъ.» и тогда уже излишне удержанный имъ изъ Былинъ образъ случайнаго прочтенія, — «шли люди грамотные, читали ярлыки скорописчаты.»—Удержано изъ Чулкова неловкое прозвище свинца «Сорочинскимъ,» тогда какъ у народа свинець «Чебурацкій.»—Потанюшка у Сахарова «идеть-цльветъ по улицѣ,» — красиво, но забыто, что хроному было трудноато плыть утушкой и лебедушкой, какъ хаживали женщины.—Въ имени Дѣтей Боярскихъ намѣренно вставлено любопытное разнорѣчіе «Матвей» вмѣсто «Моисей.» — Сохранены изъ Былинны «Мужики Загѣшане,» но, что Василій испугался ихъ и не смѣлъ показаться, думалось Сахарову несовѣстнымъ съ храбростью героя и онъ приправилъ растаунутую картину, что Василій ихъ не встрѣтилъ, потому спохватился, бросился угощать. — Собирались, говоритъ Сахаровъ, къ Василью на пирь «со всѣхъ концовъ, *опричь Посацкой:*» это казалось необходимымъ, ибо на сторонѣ Посадской враги; но къ сожалѣнію, по Былиннѣмъ, ихъ-то больше всего и было у Василья, только онъ ихъ не потчивалъ, а прогналъ. — Сборъ Новгородцевъ «въ терема тайницкіе» правился Сахарову и всѣ рѣчи ихъ взяты изъ Чулкова: но сочинитель побоялся выставить Чудина и Садку, замѣнивши перваго «чюднымъ старцемъ» и удаливши изъ рѣчей все, что касалось правъ Василья «на княжескій престолъ,» этого наивнаго мотива, допущеннаго Чулковымъ. — Старики задумали спонтъ молодого Василья, и у Чулкова «покупаютъ вины заморскія, *что ни пьяныя,*» то есть что ни самыя пьяныя, самыя какія только были пьяныя, самыя похмѣльныя: не понявши этого, Сахаровъ говоритъ, что «приходили гости торговые (казалось неприлично, что старики посадники сами ходили къ нимъ) съ винами заморскими, *ни съ пьяными, ни съ похмѣльными,*» т. е. совершенно вопреки смыслу. — Въ Былинѣ у Кирши, Новгородцы не думаютъ звать къ себѣ Василья и, случайно узнавъ о случайной ихъ братчинѣ Никольщинѣ, онъ идетъ туда безъ всякаго особаго умысла: у Сахарова изложено форменный зовъ на пирь Василью отъ мужиковъ, а между тѣмъ выраженіе Былинны, выставлявшее случайность, удержано: «прослышалъ Васька про канунъ варень — пива ячвыя у мужиковъ посацкѣихъ, по-

нелъ въ терема тайниціе;» да какъ же онъ прослышалъ, когда его нарочно приходили звать и онъ далъ согласіе притти?— У Буслая старика нигдѣ нѣтъ отчества: какъ допустить этотъ пробыль? Рукопись Бѣльскаго должна же отличиться любопытнымъ пополненіемъ, и вотъ очутился «Буслай Довмонтьевичь.»—Но самого себя превзошелъ Сахаровъ въ описаніи шира: онъ собралъ сюда даже богатырей изъ Кіева и вложилъ имъ въ уста чудовищные спичи. Первый взятъ изъ Чулкова Садко: онъ, владѣвшій кораблемъ *Соколомъ*, здѣсь является удалымъ всадникомъ и хвалится «*момемъ Соколомъ*,»—вѣдь кушцы хвалятся же нынче хорошими лошадьми! Затѣмъ Чурило краснорѣчиво описываетъ свою жену, не бывши женатымъ, да еще какую жену! *Настасью Апраксьевну*, то есть жену чужую, жену Дуная Ивановича! Ставръ, изъ своего XII вѣка занесенный Былинами Кіевскими къ Владиміру—вмѣсто Мономаха—Святославичу, маніемъ Сахарова возвращенъ въ Новгородъ и отданъ на время въ сынки къ Владимірову боярину Путятѣ, въ *Путятичи*; у него и слуга *Акундинъ*, имя, которое Сахаровъ старался ввести въ творчество, упоминая и въ воеводахъ Кіевскихъ при Владимірѣ, готова сказку, которую ниже увидимъ. Еще забавнѣе: стыдливый и даже робкій, вырученный изъ бѣды женою, Ставръ является страшнымъ богатыремъ, наѣзжаетъ на Чудь поганую, кричитъ, свиститъ, гонитъ враговъ, машетъ копьемъ, хватаетъ мечемъ. Мѣстный герой, Коста, бездомный сирота, который въ Былинѣ прямо скорбитъ, что ему «нечѣмъ похвастати,» и у котораго одинъ выходъ—драться съ Новгородомъ, какъ голой Вольницѣ, у Сахарова разбогатѣлъ на диво: «а и нѣтъ нигдѣ такого богатства супротивъ моего,—три корабля плывутъ за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ, три корабля плывутъ по морю Хвалынскому со камнями самоцвѣтными, а златомъ и серебромъ потягаюсь со всѣмъ Новымъ-городомъ.» Бѣдняга, по непривычкѣ къ богатству и неопытности въ коммерціи, забылся до того, что, по словамъ его, у него даже «*три корабля плывутъ по лукоморью* съ соболями:» а лукоморье — лука по морю, наилучшій берегъ моря. Но онъ по крайности далъ намъ объясненіе, почему лукоморье, въ народномъ творчествѣ обычно «*зеленое*,» покрытое мхомъ и травой, у Сахарова, по недоразумѣнію, которое мы упоминали, являлось *симимъ* (въ Сказкѣ, выше упомянутой). Богатый негоціантъ-издатель, отпустившій Костѣ въ

вредить à fonds perdus лукомерию, считалъ его «заллионг!» — Договоръ, особенно письменный и съ закладомъ, бываетъ не менѣе какъ при двухъ сторонахъ: а у Сахарона Василій уже умелъ съ ширя и тогда лишь, собравшись «въ терема тайниціе (какъ это по-правилось, на каждомъ шагу!), мужики догадались одѣвать закладъ съ неизвѣстнымъ лицомъ, иксомъ, — «битися-дритися всею дружиною съ Ваською, а въ великъ закладъ за Новгородъ держимъ дани и выгоды (вмѣсто «выходы») по три тысячи на всякъ годъ. И на томъ мужики посадкіе руки подписали.» — Старуха мать Василья, указавшая Новгородцамъ на Пилигримища, сама потомъ вышедшая унимать сына, во всякомъ случаѣ передъ городскими старшинами по своему въжливая, поднята Сахаровымъ (по неумѣстной выпискѣ изъ Чулкова) въ трагическое негодование: «отсылала ихъ матера вдова, честная жена Амелоя Тимоосевна съ нечестіемъ.» Но, что дозволительно было Василью, могло быть страшновато старухѣ: а еслибы ее побили за нечестіе? — Старчище Многолѣтище, согласно Былиннамъ, отведенъ Сахаровымъ «въ почестной монастырь:» но, согласно съ Чулковымъ, проповѣдуетъ, что «снжу я во теремъ неисходно ровно тридцать лѣтъ.» Такъ въ монастыряхъ бывали не кельи, а семейные терема? — Чтобы не дать издателю случая какъ ни будь ошибиться, Старикъ надѣваетъ колоколъ просто, не съ колокольни — по Былиннамъ, не съ вѣча — по Чулкову, а вѣроятно изъ кармана. Судьба его самого еще удивительнѣе: согласно съ Былинами, у Сахарова «заглянулъ онъ Васька старцу (исправлено вмѣсто пѣсеннаго «старца») подъ колоколъ, — а во лбѣ глазъ ужъ вѣку нѣту,» — поминай старика, какъ звали; но, согласно съ Чулковымъ, онъ тутъ же и оживаетъ, — «поднимаетъ Васька Старчища со сырой земли, обнимаетъ его во бѣлыхъ рукахъ и отпускаетъ на покой съ честію.» Любопытно еще, какъ Сахаровъ осмыслилъ пѣсенное — «начается, старецъ не шевелится:» «качается старецъ, шевелится, ко сырой землѣ клонится.» — Мы видѣли у Чулкова, что дружинники Василья, Юма съ Потанюшкой, въ битвѣ не участвовали, держались отъ нея вдали про запасъ, на случай, если ослабнетъ Василій; потому, когда ихъ будила Чернавка, они не захотѣли даже встать и спокойно завернули голову въ подушки: все это, почти до слова, лишь съ прикрасами, переписано Сахаровымъ. Но у Сахарова была еще Былина Кирши, гдѣ дружина выносить на себѣ всю тяжесть перваго боя, гдѣ она

любилъ и Василій, пробудившись, является выручать ее: беспристрастный сочинитель рукописи Бѣльскаго не погнушался и этикъ, онъ выписалъ и отсюда, — «пошелъ Васыка по Волхвъ-рѣкѣ, по той улицѣ Волховой; завидѣвъ его удали молодцы, Оюшка со Потаньиной, — у лешыхъ соколовъ крылья отрасли, у нихъ молодцовъ дружки прибыло, молодой Васыка сталъ выручать ихъ.» Завидѣвъ со своихъ перинъ, Василій выручаетъ ихъ — изъ пресонья! Невольно вспоминается: «солгала неправда себѣ,» себѣ, а не кому другому. — Сбѣившись адѣсь однажды, Сахаровъ заставляетъ и далѣе унизить уже не одного Васыку, а *дружину*, и *дружина* запираетъ свои раны, — то есть, какъ попалъ на Былинну, такъ отъ нея и не оторвался сознаниемъ. — Наконецъ, у Чулкова, гдѣ весь вопросъ изъ за Княжества и владѣнія Новгородомъ, разумеется небыденные граждане передаютъ всѣ княжескія права побѣдителю и раздаются вслѣдствіе: «Здравствуй, батюшко нашъ, Славенской князь, Василой Богу-славичи!» Эту невинную коронацію легко простить наивному Чулкому. Но Сахаровъ вопросъ о Княжествѣ весь вычеркнулъ: какъ же онъ допустилъ рукопись Бѣльскаго выписать послѣдствія битвы изъ Чулкова? Читаемъ: «стапоры мужики посацкіе вспознали бѣду неминуемую, идутъ въ терема тайниціе (безъ этихъ теремовъ ничего у нихъ не дѣлается), пишутъ крички записи — быть Новгороду за Васыкою Буслаевичи! —» Горожане Великаго Новгорода могли уступить побѣдителю въ единоборствѣ часть городскихъ повинностей; могли принести ему и дѣйствительно принесли записи — закладныя, теперь выигранныя: но, поступиться Новымъ-городомъ, а за нимъ всей Новгородской областью, поступиться счастливцу изъ Вольницы, когда не поступались ни одному Рюриковичу, — Сахаровъ въ увлеченіи своего творчества, списавшаго съ одного боку Былинну, съ другаго Сказку Чулкова, не остерегся выставить Новгородцевъ глухими ребятиами.

Рукопись Бѣльскаго еще не вся: слѣдуетъ Сказка объ *Алундилѣ* и Князѣ *Глѣбѣ Ольговичѣ*. Долго было бы намъ по прежнему разбирать языкъ: онъ такой же пранный и уснащенный. Только лишь начинается Сказка, — «созвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя,» — тѣчася чувствуете съ Гоголемъ, какъ пошла писать распущенная губернія.

Все вступленіе Сказки пропитано этими сладостями и жалостями; рассказывается, какъ жила въ старину «не по нашему, по заморскому, а по своему православному,» но народъ не описалъ бы такого православнаго житія: вставали, видите, утромъ рано и «кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада,» — что за безобразіе! Потомъ «созывали слугъ вѣрныхъ на добры дѣла,» — только *слуги* ихъ и дѣлали; «старики судъ рядили,» «старыя старушки судили-рядили,» — мужеско-женскія народоправства; «молодыя молодицы правили дошкомъ,» тогда какъ въ народѣ онѣ, именно молодыя молодицы, никогда до этого не допускаются; наконецъ — «красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семицъ день,» «старыя старушки сказки сказывали,» — это то же православіе. Но за рѣчью издателя не угодяешь: мы остановимся на содержаніи. Опять не отрицаемъ, что въ основѣ нашлись кое-какія преданія, подслушанныя или прочитанныя гдѣ-либо Сахаровымъ, въ теченіе лѣтъ, когда онъ всюду интересовался народной словесностью: такъ, на примѣръ, существенныя черты въ образѣ выведенныхъ имъ Каликъ или Калѣкъ весьма замѣчательны и вѣрны, какъ убѣдились мы, долго занимавшись тѣмъ же предметомъ. Но, что изъ этого слѣдена перехитренная мозаика и спитъ тучный романъ, также не подлежитъ сомнѣнію. Имя Акундина, какъ замѣчали мы, старался нѣсколько разъ уже привести Сахаровъ, подготавливая естественность сказки: и въ Кіевѣ, и при Новгородѣ Ставрѣ. Еще любопытнѣе ближайшій поводъ къ сочиненію сказки. Ѡ. Н. Глинка жилъ въ Олонецкой губерніи, въ этой странѣ были и поэтическия преданія, недавно поразившихъ насъ своей творческой красотой и величавостью въ Сборникѣ П. Н. Рыбникова. То, что могъ собрать путешественникъ, — весьма впрочемъ скудное, — онъ группировалъ около событія — заточенія Мары Ивановны Романовой на Выгозерѣ, въ Обонежской пятинѣ, принадлежавшей Новгороду. Преданія Олонецкія, истекавшія изъ массъ, заселившихъ сію мѣстность, перекрещивались въ древности — и доселѣ — съ Новгородскими, ибо, какъ здѣсь были владѣнія древняго Новгорода, такъ изъ него же на глазахъ исторіи шли сюда многочисленные поселенцы, со всѣмъ запасомъ Новгородскаго творчества. Рассказъ, сгруппировавшійся около Мары, или, лучше, отрывочныя описанія въ стихахъ, издавъ сочинитель въ 1830 г. подъ именемъ столь извѣстной своей «Карелии,» въ четырехъ частяхъ. При озерѣ

Онега, въ Мурманскоу урочищѣ, есть известная обитель, основанная Лазаремъ Мурманскимъ. Это былъ выходецъ изъ Рима. Странникъ, жившій послѣ въ Новгородѣ, основавшій монастырь въ урочищѣ, которое и подарено было монастырю въ 1182 году отъ Новгорода, именно однимъ добродѣтельнымъ дательемъ, жителемъ Славянскаго Конца. Простодушное житіе, описанное Лазаремъ, о странствованіяхъ, подвигахъ, чудесахъ, получено было О. Н. Глинкою и дало, какъ видно, ему мысль воспользоваться разсказами, тѣмъ болѣе, что въ мѣстныхъ преданіяхъ имя и вліяніе Лазаря играли значительную роль. Къ Марѣ Ивановнѣ введено съ разсказами таинственное лицо какого-то Отшельника, описывающаго свои странствованія, любовь, разлуку, приходъ издалека на Сѣверъ, водвореніе въ пустыни Оловенской. Онъ родомъ былъ изъ Греціи, любилъ войну, битвы и походы, плѣнился дѣвой чужеродной и, когда она гнѣвнымъ отцомъ была убита, попалъ самъ въ темницу, освободился, «топилъ свою печаль» въ далекихъ странствованіяхъ, явился въ Италію, «онъ гробъ Марона носилъ и прочиталъ на немъ Гомера,» и все это, и объ Италію, «странъ гробовъ неумирающихъ героев,» разсказывалъ Марѣ Ивановнѣ. Досужая, послушно она внимала. Далѣе, «онъ всю Германію прошелъ, искалъ чего-то,» онъ «весну проводилъ надъ Рейномъ,» видѣлъ видѣніе Богоматери, такое же какъ Лазарь Мурманскій, и призванъ былъ видѣніемъ на Сѣверъ. «Такъ онъ, къ безвѣстному влекомый, все шелъ на Сѣверъ,» и пришелъ, засталъ въ Карелии пожаръ, воспоминавшій «пѣснь Омара въ его стихахъ—*лѣсной пожаръ*»;» пугался дикости сначала, но примирился съ языкомъ, «но сладокъ у лѣсной Карелы ея безписьменный языкъ; казалось, я (слова разсказчика) переселился въ края Авзоніи опять и мнѣ хотѣлось повторять ихъ рѣчь, въ ней слухъ мой веселился игрою звонкой буквы *Л* (ель);» потомъ, для рѣшны, встрѣтилъ *ель*, явленіе частое въ томъ краѣ и, Промыслъ свой благословляя, нашелъ пристанище въ глуши, усѣлся, въ мирѣ и тиши вѣкъ проводилъ и кончилъ передъ Марою повѣсть разсказомъ, какъ страдала совѣсть мечтою грѣшной о быломъ, влетавшею какъ будто птица, «какъ мысль, какъ пылая зарница,» а тамъ, какъ онъ владелъ собой и «какъ держалъ Духовный бой, и что въ пустынѣ съ нимъ сбывалось.» Сія поэтическія картины, при всемъ ихъ достоинствѣ и живости, не скрываютъ отъ насъ, что образъ Отшельника есть

второобразъ, снятый съ Лазаря Мурманскаго. Благоговѣнный поэтъ не рѣшился никакъ высказать этого прямо: но, что это близко къ дѣлу, мы заключаемъ изъ примѣчаній о Лазарѣ, присоединенныхъ къ стихотворенію, изъ таинственности Отшельника и изъ того, что говорится: «Душой съ земнымъ разставшись прахомъ, онъ небомъ званъ; онъ жилъ въ лѣсахъ близъ Толвуи и на скалахъ у Кивача, не знаясь съ страхомъ; у поселанъ онъ слылъ монахомъ; то будь онъ и у насъ монахъ! Ктожь онъ, какой онъ уроженецъ? Наставникъ мирныхъ поселанъ — за чѣмъ? И изъ какихъ онъ странъ въ сей край недавній преселенецъ?» При семъ замѣчаніе прозою: «разсказъ объ отшельникѣ, о его переселеніи съ Востока на Сѣверъ, не есть просто вымысль (зотъ указаніе прямое); но — прибавляетъ скромный сочинитель — здѣсь не мѣсто о семъ распространяться.» Такимъ образомъ, думаемъ мы не безъ основанія, Марса Ивановна въ разсказѣ таинственнаго Отшельника выслушала мѣстную повѣсть о Лазарѣ Мурманскомъ. — Теперь сторона другая: къ Царственной Изгнаницѣ входитъ послѣ Отшельника дѣвушка-крестьянка Мама, и пошлись разказы уже о преданіяхъ чистонародныхъ, творческихъ. Тотъ же подвижникъ, котораго видѣли мы въ Лазарѣ — со стороны болѣе нравственной, теперь, по народному представленію, является Богатыремъ подъ именемъ *Заоньги*, — имя вымышленное, просто — поселенецъ Заонежья, уничтожившій въ семъ краю страшилищъ, злыхъ духовъ, Змѣя Тутарана. Почерпнуты ли эти разказы поэтомъ изъ рукописнаго Житія, или изъ устъ Олончанъ, — все равно, они близко сходятся и одинаково принадлежать возрѣвшію народнаго творчества. «Теперь разсказываетъ Мама все больше про свою страну и говорила дѣва наша про то, что было въ старину: про озеро свое Оиѣгу и про Карельца Заонѣгу. А кто же былъ онъ? Богатырь, и славный. Онъ съ дубиной, сибѣлымъ, берегъ Карельскіе предѣлы и славилъ свой лѣсной пустырь.... За чѣмъ тутъ ели вдругъ не стало? Ее унесъ нашъ богатырь. *На Мурму шелъ онъ въ монастырь* (замѣтьте его тожество съ Лазаремъ): вдругъ стадо на него напало, какъ войско цѣлое, волковъ, конечно посланныхъ духами; но въ мигъ управившись съ волками, добрался онъ и до духовъ. И видныхъ своей дубиной громилъ и билъ онъ какъ пестомъ, *а несидимокъ смаль крестомъ*, считалъ ихъ козни паутиной; и *силой честнаго креста* онъ ихъ — воздушныхъ скоморо-

ловъ, нѣтъ по снамъ и высотѣ... Мы поминимъ Зана Тугорина (Тугарина; действительно, у Олончанъ есть свой Тугаринъ, Шаръ-великанъ, получившій имя отъ историческаго Шаруана): онъ трюма сажою былъ длиною и горы подымалъ синой; но Заонѣгина дубина ему далакъ порядкомъ знатъ. Мы поминимъ, изъ всей Карелии ешлася какъ туча ваникъ рать: метали камни, копыя, стрѣлы, а Занѣ бойцесъ и не слыхалъ и, лежа на скалахъ Оиѣги, нѣтъ въ уши бурю свисталъ и полъ-Оиѣги расплескалъ хвостомъ. Но все отъ Заонѣги онъ не ушелъ. Избитый, чуть черта густою кровью путь, чуть, сонный, въ Укшу дотащился и тамъ у Коссалмы свалился. (Да) онъ лежить тамъ и теперъ: и съ той поры, огромныи тѣломъ загородилъ на Кончу дверь и легъ какъ толстая плотина, его покрыла пель и тина, на немъ скопцлася земля и выросъ лѣсъ.» Это описаніе дѣйствительно прекрасно и конечно не могло возникнуть безъ основы народныхъ разсказовъ, почерпнутыхъ, говоримъ, изъ усть ли, или изъ рукописнаго Житія. Далѣе слѣдуетъ встрѣча Заонѣги съ Водяникомъ, потомъ съ воздушными духами... «Заонѣга, послѣ обѣденнаго сна (въ кельѣ?), идетъ путемъ къ лѣсному Уру собирать дунистую мамуру,—она въ то время новизна. Все тихо, тихо и сонливо, порой лишь, подъ овсяной нивой, взреветъ медвѣдь. Но вотъ лужить и вѣтся—что такое? Мухи? Но Заонѣга говоритъ:—Я знаю васъ, воздушныи духи!—» Духи начинаютъ искушать Заонѣгу, какъ всегда искушаютъ отшельниковъ: «—Ну полно жъ врать, я не люблю, вы знаете, я васъ не трушу!—Такъ Заонѣга. Но кинуть воздушниковъ лихая сила, хохочеть, дразнить и шумить, ужъ Заонѣгу рассердила... Но—Лазарь съ Мурмъ зазвонилъ (угодникъ съ братіей тамъ жилъ),—и духи тотчасъ присмирѣли, и Заонѣга сталъ смирѣнъ: прогналъ враговъ вечерній звонъ, то въ Муритъ павочеръ пѣли.» Такимъ образомъ Лазарь же прогналъ искушенія духовъ. Ясно, что Марса Ивановна въ разсказѣ Маша слышала ту же новѣсть о Лазарѣ, по народнымъ возрѣніямъ, лишь замаскированную скромнымъ сочинителемъ.—Спросить многіе: къ чему это длинное отступленіе къ творенію поэта? Какое его отношеніе къ народнымъ сказкамъ? Да, странно представить, что здѣсь отношеніе есть: а между тѣмъ, спустя 10 лѣтъ послѣ «Карелии» въ 1841 г. отпечатаны Сказки Сахарова и въ нихъ, изъ рукописи Бѣльскаго, сказка объ Акуданиѣ. Акуданиѣ—житель Новгорода, связаннаго съ

Заблужденъ и всей Оломоной областью народными сказаніями; изъ эпохи XII вѣка (судя по современности Глѣбу Ольговичу), слѣдовательно современникъ и Лазаря, и Заонѣга. Ходилъ онъ прежде въ походы съ Вольницею, но ему наскучило разгулье, его влечетъ къ новымъ странствіямъ, къ Кіеву и Москвѣ, и пускается онъ по Волхову, одинокимъ Странникомъ, какъ Лазарь, какъ Отшельникъ—второй образъ Лазаря. Какъ эти послѣдніе призваны были къ дальнѣйшимъ подвигамъ чудными видѣніями, такъ мѣсто высшихъ силъ для Акундина занялъ таинственный Калѣчище: онъ беретъ Акундина, ставитъ на высокій курганъ и съ высоты показываетъ обширную Рязанскую область отъ Оки до Дона, городъ Ростиславль, тамошнихъ жителей и совершавшіяся тамъ событія. Увлеченный дивнымъ видѣніемъ, юный странникъ рвется въ открывшуюся взорамъ страну на подвиги: Калѣчище мгновенно переодѣвается, надѣваетъ на себя платье Посадника (онъ нарочно таскалъ это платье съ собою на случай), является въ величій посадническомъ, открывается дядею Акундина, передаетъ ему наслѣдіе отъ отца, мечъ кладенець, калену стрѣлу, тугой лукъ (это то же до поры-времени береглось въ калачьей сумѣ), благословляетъ племянника на предстоящіе подвиги и — самъ кончается, преселяется въ вѣчность. Ясно, что Калѣчище есть дивное видѣніе, но не такое, какое описываютъ Житія, подобныя Житію Лазаря, или суевѣрныя народныя преданія о Заонѣгѣ, а живое, съ кровью и плотью дѣйствительности, въ образѣ, какой только могла создать народная сказка. — Что же за подвиги предстояли Акундину? «Глядитъ Акундинъ на Оку рѣку, а въ Окѣ рѣкѣ плыветъ чудовище невиданное, Змѣй Тугаринъ: длиною-то былъ тотъ Змѣй Тугаринъ во триста сажень, хвостомъ бьетъ рать Рязанскую, спиною валитъ круты берега, а самъ все проситъ стару дань.» Читатели узнаютъ грознаго врага Лазарева и Заонѣгина. Изъ Ростиславля пытаются сперва укротить его подарками: здѣсь вставляется юморстическій эпизодъ о *Думномъ Дьякѣ Чоботкѣ*. Но мысль о семъ послѣднемъ, и самый характеръ плута, успѣвшаго обмануть старшину, старого воеводу и посадника, встрѣчаемъ мы опять у Ѳ. Н. Глинки, въ разговорѣ духовъ съ Заонѣгомъ; желая развлечь подвижника соблазнительными картинками мірской жизни, они говорятъ насмѣшливо: Что у васъ въ міру за люди? «Ихъ судитъ *Думный Дьякъ* изъ

платки, они другъ друга тянутъ въ сукъ, другъ друга лишь во снѣ не быть... Подъячій врётъ передъ Дьяномъ, Должкомъ, Лукавымъ, предъ Царемъ перелукавленъ Восвода.» Вотъ вамъ исторія Чоботка и перелукавленнаго Юрья Микитича.—Когда же Тугарина не смогли побѣдить лукавствомъ, встаетъ весь Ростиславль со своими юными княземъ Глѣбомъ Ольговичемъ, влюбленнымъ, но изъ за Тугарина терпящимъ невѣсту: тучи ихъ стрѣлъ, носылавшихся на Тугарина, уже мы видѣли у Ф. Н. Глинки въ описаніи того, какъ встала на Тугарина вся Карелія. Но и рать не успѣла. «Какъ прочуль Змиѣ Тугаринъ рать немирную, и началъ мутить Оку рѣку широкими хвостомъ: широка Ока рѣка возмутилася, круты берега разсыпалася, мутна вода разливалася. Нельзя къ Змию подойти, нельзя Змию войскою воевать: широко поле Рязанское, а негдѣ рати стать, на широкимъ полямъ кони не стоять, на круты холмы вода взошла.» Сравните вышеприведенное описаніе въ «Карелія.» Всю эту бѣду Рязанецъ видитъ съ высоты Акундинъ; ему такъ хочется въ дѣло, такъ рвется онъ помочь бѣднякамъ, что въ описаніи порыва его Сахаровъ нѣсколько измѣняетъ величественному тону рукописи Бѣльскаго, ибо не можетъ статься, чтобы она рисовала такую картину: «какъ заходили у Акундина ноженъки по курганчику, какъ замоталася головунка буйная по молоду князю по Глѣбу Олеговичу,» —это точь въ точь, какъ рвется въ удалую присядку. Разумѣется, когда этотъ новый Лазарь и Заонѣга дорвался до Тугарина, онъ его побилъ: «и его-то, Тугарина, онъ еретичество разрушаетъ (уступка воззрѣніямъ Житія), а разрушивши его еретичество, идетъ ко круту берегу. Во ту пору Ока рѣка въ круты берега собиралася, на днѣ Ока рѣки желты пески воздымалася (улегалася?). И беретъ онъ, Акундинъ, мечъ кладенець, разсыкаетъ его, Тугарина, на сорокъ сороковъ: и отъ того онъ, еретикъ Тугаринъ, дотолѣ и живъ былъ.» Побѣдителя торжественно вводятъ въ городъ Ростиславль, дарятъ, чествуютъ, умоляютъ остаться: но странника влечетъ невѣдомый голосъ—«впередъ,» къ Киеву, въ Москву. Они уѣзжаютъ. Въ этомъ разсказѣ Былины Новгородскія переходятъ въ Княжескія, удалыцы Новгородскіе изъ мѣстной исключительности выводятся на широкія поля другихъ областей Руси: Сахаровъ рѣшился познакомиться насъ съ бытомъ Княжествъ, съ ихъ сказаніями, заноситъ Кня-

лескинь. Выбравъ изъ Ростислава, Акундинъ является въ соседствѣ, по той же Олѣ, Муромѣ, и здѣсь-то развивается снова исторія Лазаря и Отшельника. Вмѣсто урочища «*Мурмоказо*» и «*Мурмы*,» является область *Муромская, Муромъ*; вмѣсто рея воздушныхъ духовъ, тревожившихъ Лазаря и Заспѣгу, рой Татаръ, обложившихъ городъ, полонившихъ народъ, увезшихъ красавицу Настасью Ивановну. Для Акундина настала пора любви, онъ влюбляетъ какъ Отшельникъ Ѳ. Н. Глинки. Онъ ичится, разбиваетъ Татаръ какъ мухъ, освобождаетъ дорогую плѣнницу: не, какъ отецъ разрушилъ своею яростью союзъ сердецъ Отшельника и Турчанки, такъ названный отецъ Настасьи. Нежданъ предательски выдаетъ ее за другаго; какъ Отшельникъ попалъ даже въ темницу, изъ которой едва вывободился, такъ Нежданъ грозитъ Акундину, велитъ шпиками гнать его. Разочарованный, неся въ сердцѣ неисцѣлимую рану, странникъ убирается по добру по здорову изъ Мурома, стремится къ Кіеву и Москвѣ: въ Москву почему-то онъ уже не попалъ, не въ Кіевѣ очутился. Одна отрада его — молитва. Какъ Буслаевъ въ Ерусалимѣ, такъ Акундинъ справляетъ здѣсь поминанья по батюшкѣ и всѣмъ роднымъ. Таинственные Калѣки, занимающіе во всей сказкѣ мѣсто тѣхъ небесныхъ видѣній, которые черпалъ изъ Житія или аллегорически рисовалъ Ѳ. Н. Глинка, пророчатъ аллегорически Акундину, что онъ долженъ искать и найдетъ «сврую утку,» прежнюю любовь свою. Теперь вспомнимъ: когда Марья Ивановна, прослушавши длинную повѣсть Отшельника объ его странствіяхъ, Авзоніи, Германіи и Рейнѣ, наконецъ о прибытіи въ дикую страну Кареліи, перешла къ его «Духовному бою въ пустынѣ» и задала вопросъ, намекая на прежнюю разочарованную любовь Отшельника, — «вскинувъ свѣтъ, не зналъ ли грусти сокровенной?» Отшельникъ въ аллегоріи разсказалъ, что прежняя любовь, нилый образъ прилетаетъ къ нему въ пустыню сердца, въ образъ дивной птицы, такой, какаа прилетаетъ и въ пустыню Кареліи: «На дальнемъ Сѣверѣ есть птица. Она, какъ слышно, иногда перелетаетъ и сюда. Какъ мысль, какъ нылая зарница, она мелькаетъ по лѣсамъ. Ее, какъ сонъ, я видѣлъ самъ. Грудь — ахонтъ, и лазурны крылы отливомъ зелета горятъ.» Видите, она похожа на сизую золотистую утку: по крайности у *просказо народа*, не знающаго райскихъ птицъ, естественно перейти ей въ образъ утки, и такую-то Саха-

рогъ, чулнй къ народному творчеству; изобразилъ ее. Тогда какъ Акундинъ терзала во образъ Каллики или, что то же, Странника, явилась ему прежняя возлюбленная, она успѣла уже потерять направаго своего батюшку, матушку и перваго мужа: на языкѣ Сахарова это выражено въ образѣ, что она «рано три годочка лебедушкой жила, а на четвертой сброй утицей поплыла.» Разумѣется, Акундинъ соединился съ предметомъ любви, женился на Настасѣ Ивановнѣ, потомъ, какъ все герои у Сахарова, «составился и переставился.»—Но, при всемъ этомъ, столь явномъ и даже рабскомъ заимствованіи изъ Карельскихъ или, лучше, Олоонецкихъ преданій, вы спросите все-таки невольно: не умели это такъ, не умели можно творить народные Сказки на основаніи стиховъ поэта, хотя бы и Ѡ. Н. Глинки? Признаться, намъ самимъ это не вѣрилось и даже какъ будто не вѣрится до сихъ поръ: а между тѣмъ это такъ. Самъ И. П. Сахаровъ потрудился укрѣпить насъ въ томъ; напечатать Сказки, въ Примѣчаніяхъ къ нимъ, въ концѣ, какъ будто мимоходомъ и ненарочно (такъ всегда бываетъ, когда дѣло не состоитъ чисто и ничуть подкрѣпить свое созданіе авторитетомъ народа), бросаетъ онъ нѣсколько словъ: «Сказка *Акундинъ* взята изъ рукописи Бѣльскаго. *Есть много сходнаго съ нашею Сказкою въ Олоонецкихъ народныхъ преданіяхъ. Любопытные могутъ смѣлѣе замѣтки объ этомъ Акундинъ въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію Ѡ. Н. Глинки Карелія.*» А въ этихъ, процитованныхъ, примѣчаніяхъ Ѡ. Н. Глинки нѣтъ ни слова объ Акундинѣ, есть только—сходное—о Лазарѣ Мурмскомъ, съ которымъ сближенъ и народный герой Заонѣга. Кто читывалъ «Сказанія Рускаго народа,» тотъ знаетъ, что Сахаровъ вездѣ—иногда очень справедливо—сидѣлся надъ прежнимъ обычаемъ выводить нашихъ народныхъ героев съ чужа, связывать ихъ съ преданіями церковными или принимать на слово суевѣрныя о нихъ сказанія въ народѣ: все это и вездѣ онъ старается перевести на языкъ простѣйшій, такъ, какъ бы сказалъ по его мнѣнію народъ, а этотъ языкъ и эти образы, возникающіе въ языкѣ, создаетъ самъ на основаніи своей опытности въ дѣлѣ. Такъ все онъ упростилъ и въ настоящемъ случаѣ: зачѣмъ въ Новгородѣ выходецъ изъ Рима?—Это просто Новгородецъ; и имя его народное, извѣстное въ Новгородѣ, хоть бы знаменитый *Якунъ*,—только прибавить «*динъ*.» Странникъ по Востоку и Евро-

ив—ну откуда ему быть? Это просто Новгородскій переводецъ, ис-
чадіе Повольницы, бродившей по княжествамъ. «Мурма.» «Мурское
урочище.»—это просто Муромъ, искаженный народными преданіями въ
Заонежь: Видвнія, пророчества,—это просто таинственные Калѣки съ
ихъ способностью передавать и рассказывать всякія дива. Тутарину и вѣсто
на Огъ; любовь романтическая—просто любовь къ Настасѣ Ивановѣ.
Ө. Н. Глинка придумалъ, вѣроятно по народнымъ преданіямъ, за-
летную птицу, печально прилетавшую: да это сѣрая утица, это и
есть Настасья Ивановна. Какіе тамъ духи въ воздухѣ! Это Татары;
а указаніе духовъ на Думваго Дьяка—просто память о Чоботкѣ. Сочини-
тель опытнымъ взглядомъ расшифровалъ всѣ эти аллегоріи, столь
любимыя Ө. Н. Глинкою: дай неложу дѣло, какъ оно могло быть
у нашего простаго народа, въ сказкѣ! А тутъ рукопись Бѣльскаго
съ готовыми сказками: въ ней и есть сказка объ Акундинѣ. Но
нужно бы подтвердить себя? Сдѣлаемъ сноску на Глинку: ищите,
какъ тамъ искажена подлинная сказка объ Акундинѣ.—Ищите: но мы
находимъ совсѣмъ другое, мы находимъ источникъ и поводъ
творенію Сказки! Прочая обстановка не хитра: Глѣбъ Ольговичъ изъ
исторіи; Путята и Путятичи есть въ творествѣ Кіевскомъ, были
уже вставлены въ сказку о Буслаевѣ; Муромцы изъ Былины и Ска-
зокъ объ Ильѣ; Татары, Калѣки,—ихъ въ древнемъ творествѣ и
даже въ нынѣшнемъ—бери хоть пригоршнями.

Грустно разоблачать подобныя вещи у всякаго издателя; грустно ви-
дѣть, какъ легко разлетаются эти карточные домики, на которые такъ
разсчитывалъ безпokoйный труженикъ, строилъ, обставлялъ, обгора-
живалъ, гдѣ замазывалъ, гдѣ законопачивалъ; еще грустнѣе говорить
это о литературномъ дѣятелѣ, не мало потрудившемся для народа:
но—и отрадно, какъ отраденъ всякій выходъ изъ удушья на свѣжій
воздухъ, на чистую истину. И полезно: вкусъ къ народному твор-
честву воспитывается изученіемъ его произведеній; онъ гибнетъ отъ
фальшивыхъ поддѣлокъ; онъ зрѣетъ зрѣлостью мужества, когда ря-
домъ съ истинными произведеніями народа сопоставляемъ мы для
сличенія поддѣлки.

СХLIII

Сказка объ Акундинѣ, тѣмъ, что есть въ ея основѣ народнаго, хотя переходить къ Княжескимъ, но есть собственно продолженіе Новгородскихъ. Въ первые среди нашей литературы мы выводимъ затеряныя между другими Былны *Княжескія*, даже цѣлый *Эпосъ Княжескій*. Вторая половина нашей «Замѣтки» Б, посвящена именно этой новой и громадной области, со всѣми ея особенностями: но, по обстоятельствамъ, мы вынуждены помѣстить ее при выпускѣ слѣдующемъ, какъ вступленіе къ Былнамъ Московскимъ; тамъ же будетъ приложенъ и соответствующій «Указатель.»

П. Б.

1862,
Августъ.

Конецъ 5-го выпуска.

ОГЛАВЛЕНИЕ 5-ГО ВЫПУСКА.

Стран.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ
Общества Л. Р. Сл. I.

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ. I. НОВГОРОДСКІЯ.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ, 1, 2, 3, 4: . . . 2—33.
САДКО КУНЕЦЪ, БОГАТЫЙ ГОСТЬ, 1, 2, 3: 34—53.
ГОСТЬ ТЕРЕНТЬИЩЕ: 54—60.

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ. II. КНЯЖЕСКІЯ.

ДИМИТРІЙ КНЯЗЬ: 63—65.
ВАСИЛІЙ КНЯЗЬ: 66, 67.
КНЯЗЬ МИХАЙЛО, 1, 2, 3, 4, 5: . . . 68—76.
СМЕРТЬ КНЯЗЯ МИХАЙЛА: 77.

Туда же относящіяся—

КОРОЛЬ-КОРОЛЕВИЧЪ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9: 78—87.
КОЗАЧЕНЬКА, 1, 2: 88—91.
КНЯЗЬ РОМАНЪ, 1, 2: 92—99.
КНЯЗЬ РОМАНЪ—ЖЕНУ ТЕРЯЕЪ, 1, 2, 3, 4,
5, 6: 100—112.

Туда же относящіяся—

Донской козакъ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8:	113—122.
Добрый Молодецъ, 1, 2, 3:	123—125.
Молодой Маюръ, 1, 2:	126, 127.

Князь Волконскій и Ваня Ключничекъ,

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8:	128—140.
То же:	140, 141.
То же, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7:	141—154.
То же, 1, 2, 3:	154—158.
То же, 1, 2, 3, 4, 5:	159—163.

Туда же относящіяся—

Молодецъ у короля въ службѣ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11:	164—178.
Князь Румянцовъ:	179.
Камеръ-лакей, 1, 2:	180—182.

Князь Данило: 183, 184.

Князья—Борисъ и Глѣбъ, Александръ
Невскій, Михаилъ Черниговскій, Мос-
ковскій Симеонъ Ивановичъ. Димит-
рій Донской, Ѳедоръ, Давидъ и Кон-
стантинъ Ярославскіе (въ сносахъ): 185.

Князья Тверскіе: 186—190.

Приложенія.—I Сказки про Василья
Буслаева, 1, 2, 3: I—XXV.

II. Сказка про Князя Глѣба Ольговича
и Акундина: XXVI—LIII.

III. Замѣтка П. А. Безсонова. А) О Нов-
городскихъ Былинахъ. Сказкахъ и про-
чихъ народныхъ преданіяхъ: LIV—CXLIH.

При семъ особо: Указатель ко II-й части Пъ-
сень, собранныхъ П. В. К., къ 5-му выпуску,
а) къ творчеству Новгородскому, составленный Д. А.
Безсоновымъ; Отдѣлъ I-й: Лица, Имя Собственное
(съ особымъ счетомъ страницъ).

Для имѣющихъ I-ю часть въ 4-хъ выпускахъ, общая
къ нимъ Сорочка.

*

**ЕЩЕ ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ И ПОПРАВКИ
ВЪ I-Й ЧАСТИ.**

Вып. 1, Пѣсни, стран. 22, въ разнорѣчіяхъ. Разнорѣчіе Б.) близко сходно съ тѣмъ, что въ Новиковскомъ пѣсенникѣ, 1780 г., ч. III, № 76, стр. 82.

Различія слѣдующія:

2) Б.)	Что по синему морю по	—	—	—	—	—	Что по синему по морю
	Каспичкому	—	—	—	—	—	по Каспійскому
5) Б.)	... отнюдь...	—	—	—	—	—	... отнюдь...
9) Б.)	... Святогоръ...	—	—	—	—	—	... Свѣтогоръ...
	...Подъ-атаманомъ...	—	—	—	—	—	... Подъ-атаманъ...
10) Б.)	...въ пять сотъ рублей...	—	—	—	—	—	... во пятьсотъ рублей...
	... во сотенку...	—	—	—	—	—	... во сотеньку...

Вып. 3, Пѣсни, стран. 87, стихъ 96, стран. 88, ст. 122 и 148:

Слѣдуетъ исправить:

«Есть да пить, — — — — — «Есть да пить,

Вып. 4 «Замѣтка.» стран.

СХLIII. строка 5 сверху:

обступаютъ Кіевъ; — — — — — обступаютъ городъ;

Строка 19:

заморить Кіевлянъ — — — — — заморить горожанъ

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ИЗДАНІЮ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢВСКИМЪ.

ЧАСТЬ II,
ВЫПУСКЪ 5.

Отдѣлъ I.

А) Лица, Имя Собственное.

*

НОВГОРОДЪ *).

193 | 194

Василій: въ V-мъ вып. без- (сомнительно): V, *Прилож.*, стр. 3 и дал.; **Васьян:** V, стр. 3, 4 и мн. др.; **Васинья:** V, стр. 14, 16, 26 и др.; **Васильюшка:** *Рыбн.* ч. I, стр. 335 и дал.; **Васильюшко:** ч. II, стр. 197 и дал.; **Васютка:** V, стр. 18, 23.— **Вуслаевъ, Вуслаевъ сынъ:** V, стр. 4, 5 и мног. друг.; **Вуслаевичъ, сынъ Вуслаевичъ:** V, стр. 6, 16, 17 и др.; **Вусланчъ:** V, стр. 11, 13 и др.; **Вуславъевичъ, сынъ Вуславъевичъ:** V, стр. 23; *Рыбн.* I, стр. 335 и дал.; II, стр. 197 и дал.; **Вуславъевъ:** *Рыбн.* I, стр. 364; **Вуславичъ:** V, *Прилож.*, стр. I; **Вогуслаевичъ** (сомнительно): V, *Прилож.*, стр. 3 и дал.; **Вусланежчъ, Вусланеевичъ:** *Рыбн.* II, стр. 57, 58.—Переносно по отцу, **Вуслий** V, стр. 27, ст. 131. **Родныхъ Отца его и Мать, крестныхъ Отца и Брата, Дядюшку (сомнительно):** см. ниже особливо.—Роду дворянскаго: V, стр. 14, 24; княжескаго (вымышлено): V, *Прилож.*, стр. III и дал. **Молодой, Младъ, Молодецъ, Удамый, Доврый Молодецъ:** V, стр. 7, 13, 16, 17, 18, 21, 23, 25, 26; *Рыбн.* I, стр. 336, 338, 357 и др.; плечи вогагырскія: V, *Прилож.*, стр. II; *Рыбн.* I, стр. 347, ст. 116; стр. 363,

*) Для полноты Указатель къ творчеству Новгорода заключаетъ ссылки на 2 части Сборника Рыбникова, къ сокращенію «*Рыбн.*» ст. 10 гла «II.»

ст. 84; сердце богатырское: стр. 348, ст. 154, 159 и дал.; одинъ разъ лишь (и то переносно, но сравненію съ Киевскими) названъ сильнымъ-могучимъ богатыремъ: *Рыбн.* I, стр. 335; сила великая: *Рыбн.* I, стр. 357, ст. 199; полетка сокольная, поступка молодецкая: V, стр. 28; славный: *Рыбн.* I, стр. 360, ст. 11; вольшой атаманъ, атаманище (надъ дружиною): V, стр. 30; *Рыбн.* II, стр. 205, 208.—Иль съ молоду много, гравлено: V, стр. 25, 29; у него замашка великая (драться): *Рыбн.* I, стр. 351; моть-пьяница: V, стр. 23; бранно молодой куръ (цѣтухъ), курень, глуздырь, съктунь: V, стр. 20; *Прилож.*, Пермская сказка; *Рыбн.* I, стр. 343, 356; дитя (крестному отцу?): *Рыбн.* I, стр. 356.—Посадникъ: Лѣтопись, ср. V, *Прилож.*, Замѣтка.—Княжичъ (вымышлено): V, *Прилож.*, стр. VI и дал.

Холость, не женатъ до смерти («сосватался на Фаворъ-горѣ, женился на бѣломъ-горючемъ на камешкѣ,» гдѣ убился): *Рыбн.* II, стр. 208.—Какъ холостой, не разборчивъ на слова и поступки съ женщинами: *Рыбн.* II, стр. 208.

Какъ Добрыня (ср. вып. 2 и Указатель при 4-мъ), особенно любилъ мать и вылъ ею лю-

бимъ; вездѣ онъ ей называется съ особой нѣжностью «чадо милое,» «дитя рожное,» «дѣтище любимое,» «сынъ любимый:» V, 14, 19, 21, 25; *Рыбн.* I, стр. 335, 339, 344, 345, 346, 348, 350; II, 201, 202; «какъ вьонъ около ее (матери) увивается:» V, 24; «матерно сердце (передъ нимъ) распуцается:» V, 25; «матушка желанная:» *Рыбн.* I, стр. 336; «не дорого ей ни золото, ни серебро, ни скатень жемчугъ, а дорога буйная головушка своего сына любимого:» I, стр. 341; при повлеченіи ее, когда Василія не могъ унять весь Новгородъ, «опускаетъ онъ свои руки къ сырой землѣ, выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ;» «никого не послушалъ бы, а послушалъ родну матушку, не послушать—законъ не даетъ:» *Рыбн.* I, стр. 350, 357.

«Не вървалъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вървалъ въ свой червленой вязъ:» V, стр. 27, 30, 32.

Оружіе его. «Сбруя ратная, палица воинская, копье мурзаметкое, тугой лукъ разрывчатый и сабля вострая (умѣлъ ими владѣть):» *Рыбн.* I, стр. 345; «палица булатная:» стр. 360; сабля и тесакъ темлячныя, одежда богатырская: II, стр. 198; «палица желѣзная:» V, стр. 20; но, хотя умѣлъ этими владѣть, Василій въ дѣло не упо-

треблялъ; при случаѣ дрался онъ «шалыгою въ 90 пудъ (вырванною у крестоваго брата Калѣки):» *Рыбн.* I, стр. 342 и дал.; случайно же употреблялъ «ось телѣжную,» «осище телѣжное,» «ось телѣжную желѣзную, долиною въ двѣ сажени печатныхъ, а на вѣсь ось та сорока пудъ (телѣга была великонька и тяжеленька):» V, стр. 7, 13, 20; *Рыбн.* I, стр. 347 и дал., 355 и дал.; II, стр. 199 и дал., 206 и дал.; при случаѣ также дрался «языкомъ колокольнымъ,» отобравъ его отъ Калѣки и пустивъ въ дѣло мѣсто «червленаго вяза, коныя долгомѣрнаго, сабли острой и палицы военной:» *Рыбн.* II, стр. 200.—Но главное оружіе и единственный товарищъ, въ котораго «вѣровавъ (см. выше),» былъ у Василья червленый, черленый, черненый, черняный (ошибочно черныѣ) вязъ, черненное вязище, «въ половинѣ было налито железа свинцу Чебурацкаго, вѣсомъ тотъ вязъ былъ во 12 пудъ» или «въ 40 пудъ:» V, стр. 10, 11, 13, 16, 27; *Рыбн.* I, стр. 337 и дал., 342 и дал., 350 и дал.; II, стр. 198, 203 и дал.; V, *Прилож.* сказка, стр. IV; имъ пробовавъ дружинну, дрался, подпирался въ ходьбѣ: см. означ. мѣста.—Тоже стемляныи вязъ, который Василій оставилъ по себѣ Новгороду на память, какъ Перунъ: V,

Прилож., сказка стр. XIII и «Замѣтка.»

Родился отъ отца и матери въ старости ихъ (см. ихъ), и потому особенно былъ балованъ; есаябъ отецъ подождать еще три мѣсяца, «износу дѣтищу не было бы (а то не дозрѣлъ до Кіевскихъ Богатырей):» *Рыбн.* I, стр. 335.—Первое воспитаніе его, семи лѣтъ—грамотѣ, перомъ писать, пѣтью церковному, «не было такова пѣвца во славномъ Новѣгородѣ сопротивъ В. Б.,» все ему «въ наукъ пошло:» V, стр. 14; учился грамотѣ вѣстѣ съ крестовымъ братомъ (см. его) въ монастырѣ у Калѣчица (см. его и ср. Илью М.), «выучился не во листы писать, а соколомъ летать:» *Рыбн.* I, стр. 342, 343 и V, *Прилож.*, сказка, стр. I.—Послѣ долгаго вѣку отца, осталось ему большое богатство, имѣніе дворянское, дворъ дворянскій: V, стр. 14, 15, 23, 24, 29, 33; *Рыбн.* I, стр. 341; II, стр. 208 (угощенье дружины, ихъ платье—въ красѣ-хорошѣ, у матери золото, жемчугъ, и т. п., самъ раздаетъ золоту казну не считаячи, по смерти его раздача казны дружинѣ, монастырямъ и т. д.); во дворѣ у него были терема златовергіе: *Рыбн.* I, стр. 337, ст. 76.—Первыя (семи лѣтъ) игры недобрыя и знакомства: V, стр. 15; *Рыбн.* I, стр. 335, 336, 344,

345; II, 201, 202.—Второе воспитаніе его (семнадцати лѣтъ) воинское и Дружина (см. ее): V, стр. 3, 4, 8, 9, 10, 11, 15, 16; *Рыбн.* I, стр. 336, 337, 338, 345, 352, 358; II, стр. 202, 203, 204; V, *Прилож.*, сказки.

Отношенія къ прочимъ Новгородцамъ, представителямъ города (см. ихъ), пиръ у Василья для нихъ и у нихъ для Буслаева, ссора, первая стычка, закладъ битыя со всѣмъ Новгородомъ, сонъ по стараніямъ матери, дѣйствія дружины, Чернавка (см. ее), пробужденіе и появленіе Василья къ Дружинѣ, бой его при мостѣ, на мосту, по Новгороду, бой съ крестовымъ братомъ и отцемъ, Калѣками (см. ихъ), побѣда, покорство Новгорода, данн отъ него и подарки, участіе матери въ укрощеніи сына (см. ее), явленіе Богоматери (*Рыбн.* I, стр. 344), возвращеніе домой, пиръ и хоръ дружины, похороны убитыхъ, мировая съ Новгородомъ: см. Былины и Сказки, V, *Прилож.*, *Рыбн.* I и II, подробности въ «Замѣткѣ.»

Жизнь Василья послѣ воя: *Рыбн.* I, стр. 351; II, стр. 201.—Посадничество: Лѣтопись и «Замѣтка.»

Плаваніе по Ильменю на червленомъ кораблѣ съ Дружиною (см. ее), сборы въ Ерусалимъ, прощаніе съ матерью: V, стр. 23—25; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207; V, *Прилож.*, стр. II.

Путешествіе въ Ерусалимъ, по Ильменю, Волгѣ, Хвалынскому-Каспійскому морю, къ Ердани, встрѣча съ гостями-корабельщиками, атаманами казачьими, моленія, купанье въ Ердани, Баба Залѣсная и женщина престарѣлая (см. ее): V, стр. 25—30; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207, 208; V, *Прилож.*, Сказки и «Замѣтка.»

Пророчество Головы, Смерть Василья на горѣ Сорочинской, на камнѣ Латырь, отъ Морской Пучины: см. подъ именами, а также V, стр. 26, 27, 31, 32; *Рыбн.* I, стр. 360, 362, 363; II, стр. 208; V, *Прилож.*, стр. II и «Замѣтка.»

Возвращеніе Дружины къ Матери: см. эти лица.

Ошибочно помѣщенъ въ Киевъ: *Рыбн.* I, стр. 352; тамъ же при Владимірь: II, стр. 197 и дал.

Примѣшанъ къ Богатырямъ Киевскимъ, когда они «переводились на Русь»: влп. IV, стр. 108.

Имя Василья Буславича вставлено вмѣсто «Ивана Годновича»: *Рыбн.* II, стр. 57 и дал.; то же вмѣсто Безымяннаго «Доброго Молодца»: стр. 260 и дал.; а отчество «Буславича» прилано «Вольгѣ» вмѣсто «Святославича»: *Рыбн.* I, № 1 и «Замѣтка.»

По лѣтотописн годъ смерти Василья—1174-й: см. «Замѣтку.»

ОТЕЦЪ ВАСИЛЬЯ.

Вуслай: V, стр. 14; **Вуславъ:** V, *Прилож.*, Сказка, стр. I; *Рыбн.* I, стр. 335, 344; **Вуславей:** I, стр. 344, ст. 7; II, стр. 197; **Вусланей:** II, стр. 57; **Вуславьюшко, Вуславьюшка:** I, стр. 335, 344; II, стр. 201; **Вуславъ** (переносно отъ сына): II, стр. 201; **Богуслай:** V, *Прилож.*, Сказка, стр. III и дал.—**Сеславъевичъ** (Святославичъ; отъ Владимира?): *Рыбн.* I, стр. 335; **Довмонтъевичъ** (вымышлено): V, *Прилож.*, Сказка Сахар., стр. XIX.—**Жмъ** «вѣкъ долгій,» «девяносто лѣтъ, да и зуба во рту нѣтъ;» «съ Новымъ-городомъ жмъ — не перечился, со мужики Новгородскими поперегъ словечка не говаривалъ;» «съ Новымъ-городомъ не спаривалъ, со Опсковымъ онъ не вздоривалъ, а со матушкой Москвой (позднѣйшая вставка) не перечился;» «поперекъ дорожки не ставился, съ каменной Москвой (позднѣйшее) не перечился, съ Новымъ-городомъ спору не было;» «со городомъ со Кіевымъ (спутано) спору не было, со матушкой каменной Москвой (позднѣйшее) во вѣкъ не бранивался.» V, стр. 14; *Рыбн.* I, стр. 335, 344; II, стр. 57, 197, 201.—**Въ** молодые годы «не имѣлъ въ карманѣ ста рублей,

а имѣлъ дружину хоробрую:» II, стр. 202.—**Князь** (вымышлено): V, *Прилож.*, Сказка Чулкова стр. VI и дал.—**Долго** не было дѣтей, а когда нетерпѣливо захотѣлъ родить, то получилъ предсказаніе отъ Бабищи Матерой (см. ее), что если бы дотерпѣлъ три мѣсяца, износу дѣтишу не было бы; въ слѣдъ за тѣмъ родилъ Василья: *Рыбн.* I, стр. 335.—**Оставалось** послѣ него богатство, имѣнье дворянское, дворъ дворянскій и проч.: см. Василья.

МАТЬ ВАСИЛЬЯ.

Амелеа, Мамелеа, Емелеа, Ванильеа Тимофеевна: V, № 1, 2, 3; *Рыбн.* I, № 56, 58, 60; II, № 33; V, *Прилож.*, Сказки.—

Авдотья Васильевна: *Рыбн.* I, № 55.

Офимья Александровна: *Рыбн.* I, № 57.

(Ср. Мать Добрыни и Кіевское творчество, Указат. при вып. IV).

Честна, матера вдова: безпрестанно; пречестная: *Рыбн.* I, стр. 345.—**Княгиня** (вымышлено): V, *Прилож.*, Ск. Чулк.—**Старушка лукавая, толковая, «выгодно собой догадывалась:»** *Рыбн.* I, стр. 350, 351.—**Старуха** неразмышлена (за то,

что заперла Василья въ погребѣ): V, стр. 19. — Богатая, дворянская: см. Василья. — Особенно любила и баловала сына: ср. его и Мать Добрыни. — Воспитывала сына на малымъ сиротою послѣ мужа, журила-бранила за проказы; подала мысль о сборѣ дружины; при вѣсти о закладѣ на бой съ Новгородомъ, схватила и заперла сына; униженно просила Новгородцевъ объ отъѣздѣ боя, но получила грубый отказъ; когда Василій вырвался и дрался, долго не рѣшалось укрощать его, посылала Новгородцевъ къ Калѣкѣ или за сыномъ Чернавку, наконецъ, убѣжденная Новгородцами и Богоматерью, вышла сама, по однихъ въ рубашкѣ безъ пояса, въ чулкахъ безъ чоботовъ, по другимъ въ черномъ платѣ (какъ вдова и на побище), соболиной шубѣ (лѣтомъ, въ Петровка?), съ шоломомъ на головѣ (ср. Кіевскихъ героинь), хитро зашла къ сыну, укротила его, воротила домой, «въ покояхъ хоронила и весело съ нимъ жила:» Былины, Сказки, V, *Прилож.*, «Замѣтка» съ подробностями, ср. Василья. — Неохотно, по нѣкоторымъ (Сказка) даже съ сердцѣмъ, пустила Василья на богомолье, предостерегала отъ дурныхъ дѣлъ, особенно отъ купанья въ Ердани «нагимъ тѣломъ,» дала однако, разжалобившись, свицу-пороху, запая-

сы хлѣбные и оружье долголѣтнее на дорогу; получивши вѣсть о смерти сына, горько плакала, угостила и обдарила Дружину, раздала все вѣщныя по церквамъ и монастырямъ: V, стр. 24, 25, 32, 33; *Прилож.*, Сказка, стр. II; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207, 208; «Замѣтка.»

Братъ ея Калѣка: см. его.

—
Служанка въ домѣ Василья.

Дѣвца Чернавца, Дѣвушка Черनावушка, дѣвка, дѣвчонка, дѣвчоночка, дѣвушка дворовая, Васильева служительница, служанка, любезная служаночка, кухарка-хлѣвница, удалая портомошница, чернешенька малешенька. — У ней «ведро кленовое,» «ведерочки дубовыи,» «коромысло кипарисово,» «коромысельцо кленовое,» «коромыселко желѣзное,» «на плечѣ у ней коромыслице, не тяжело и не легкое, — всего вѣсу въ немъ триста пудъ.» — Во время, какъ дружина Васильева билась съ Новгородомъ, вышла утромъ по воду на Волховъ и, на просьбу дружины — не выдать ее, поставила ведро и коромысло и побилъ Новгородцевъ за сто, до пяти сотъ, тысячу, до трехъ полковъ; уставши, бросилась будить спавшаго Василья, срывала замки

булатные, размахивала двери железныя, пристыдила Василья, выпустила его на свободу. По приказу матери, отправилась укрощать его среди побойща, сохватила Василья, притащила домой. По смерти Василья, водила дружину его по погребамъ съ казною и потчивала: V, стр. 19, 20, 22, ст. 164—198, 261—278; *Прилож.*, Сказки Пермская и Чулкова, «Замѣтка»; *Рыбн.* I, стр. 342, ст. 231—249; стр. 346, 347, ст. 77—122; стр. 355, ст. 105—119; II, стр. 199, ст. 63—71; стр. 206, ст. 160—169; V, стр. 33, ст. 291—300.

ВАСИЛЬЕВА ДРУЖИНА.

Дружина, дружинушка хоробая, Васильевы товарищи, братья названные, братаны, братцы, братія (Василій—«большій братъ»), добры молодцы, удалыя ребята, милые друзья, всымы соколы: безпрестанно.—Тати-воры-разбойники, плуть-мошенникъ: *Рыбн.* II, стр. 203.—Отборныхъ три дружины (по 10 человекъ): *Рыбн.* I, стр. 338, ст. 115; тридцать молодцовъ безъ единого (29), самъ Василій тридцатый: всюду.—Сошлись къ Василью сами, имъ отобраны особыми испытаніями (взаомъ по головѣ, кто больше выпьетъ и т. п.);

кормилъ-поилъ ихъ, одѣвалъ-обувалъ,—и все это отлично,—Василій въ собственномъ дому (отчего послѣ они благодарили за содержаніе его мать); участвовали въ первой схваткѣ съ Новгородцами; въ главномъ боѣ со всѣмъ Новгородомъ явились первые, не дождавшись Василья; попячены отъ Волховскаго моста, изувѣчены, перевязаны, корятъ Василья за измѣну; прибѣгаютъ къ заступленію Чернавки, когда она на четвертый день вышла по воду; когда же ея выпущенъ Василій, оживился, но удалены съ бою (по крайности Василій одинъ впереди), на сторону, отдыхать; послѣ побѣды приведены въ домъ Василья, проваляли, хоромъ хвалили его; увѣче добыли до вѣку, въ ранахъ налѣчены; плавали съ Васильемъ по Ильменю, сложились на лодочку въ Ерусалимъ, послушно купались въ Ерданѣ въ рубашечкахъ, осторожно скакали черезъ камень Латырь, уцѣляли, похоронили Василья, принесли вѣсть матери, поблагодарили ее за житье-бытье въ ея домѣ, отказались взять по многу казны, простились и разошлись кому куда захотѣлося: Былныи, Сказки, «Замѣтка.»—По сказкѣ Чулкова держались въ сторонѣ отъ бою съ Новгородомъ, на случай ослабленія Василья и спали пока (обратно противъ былныи), а послѣ съ

Новгородцами поднесла Василью княжество (вымышлено): V, *Прилож.*, стр. X—XIII.

Изъ нихъ:

Костя Новоторжанинъ, Новоторженинъ: V, стр. 16 и дал.; *Рыбн.* I, стр. 337 и дал.; **Никитинъ** (ошибка вместо «Новоторженинъ?»): V, стр. 24.— Выдержалъ пробу отъ Василья вязомъ; участвовалъ въ первой нечаянной схваткѣ на пиру; первый же послѣ расхвастался: «а нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати, — я остался отъ батюшки малешенекъ, малешенекъ и зеленешенекъ; развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати,»—и проч., о битвѣ со всѣмъ Новгородомъ; въ бой съ Новгородцами выскочилъ третій; въ плаваніи Василья на кораблѣ «корму держалъ.» V, стр. 16, 18, 24; *Рыбн.* I, стр. 337—340, 342.— У Сахарова выставленъ безобразнымъ богачемъ: Сказка и «Замѣтка.»

Потаня, Потанюшко, Потанюшка, съ прозвищами — **Маленькой, Малый - упалый, Хроменькій, Хромненькій,** Новгородецъ, «малъ собоу, невеличекъ, на одну ногу прихрамываетъ,» «на праву ножку припадываетъ, на лѣву ножку прихрамываетъ, изъ-подъ рученьки по

сматриваетъ;» выдержалъ испытаніе вязомъ; въ бой съ Новгородцами выскочилъ второй; на кораблѣ Васильевомъ, «на носу стоялъ.» V, стр. 4, 5 и дал.; 10 и дал.; 24; *Рыбн.* I, стр. 338, 342, 352; II, стр. 203; V, *Прилож.*, Сказка Чулкова.

Васинька, съ прозвищемъ **Маленькой;** вытерпѣлъ испытаніе вязомъ; при появленіи на пиру къ Новгородцамъ, перелѣзъ изъне ворота и со двора отворилъ: *Рыбн.* II, стр. 204, 205.

Ома, Омупшка, Хомупшка, сынъ **Ременниковъ,** съ прозвищами — **Горбатенькій, Толстый, Толсть - благодуродливый;** въ Сказкѣ и Былинѣ испытанъ вязомъ, въ Былинѣ другой—такъ хорошо пилъ, что его Василій не шель и пробовать; на бой съ Новгородомъ выскочилъ первый, побилъ до няти сотъ: *Рыбн.* I, стр. 338—341, 352; V, *Прилож.*, въ Сказкѣ Чулкова: въ сей послѣдней только онъ съ Потаней, и то въ бою не участвуютъ.

Котельная Пригарина, прозвище, обращенное въ имя, то же, что «Тараканчикъ.» «дѣтина черный, поваренный» п. (ср. «Замѣтку»); испытанъ вязомъ; какъ и Ома, въ Сказкѣ Чулкова V, стр. 4 и дал.
Лука ... вти

Боярскіе, два брата боярченка; ихъ приходу Василій радошень и веселешенекъ; участвовали въ первой схваткѣ: V, стр. 16, 18 (ср. въ Кіевскомъ творчествѣ и Указателѣ «Королевичей изъ Крякова»). У Сахарова придумано разпорѣчіе. **Матвей** вмѣсто «Моисей.»

Иванище Сильное, Калѣка Перехожій, испытанъ вѣзломъ: *Рыбн.* II, стр. 203 (ср. его въ творчествѣ Кіевскомъ).

Мужики Залѣпена, когда пришли къ Василью въ дружину, онъ «не смѣлъ и показатися къ нимъ:» V, стр. 16 (ср. ихъ въ творчествѣ Кіевскомъ).

Семь братьевъ Збродовичи, пришли къ Василью въ дружину: V, стр. 16 (ср. ихъ въ Кіевскомъ творчествѣ).

—

Враги Василья.

Новгородчана, Господа (бояре, *Рыбн.* I, стр. 337), Мужики Новгородскіе, Мужики и все купцы богатые (V, стр. 18), Мужики Посадскіе, Мужики Городо-Кемскіе; воры (последніе изъ нихъ); на питье завидные: безпрестанно.—Какъ съ малолѣтства Василья ссорились съ нимъ, схватились по случаю пира,

сдѣлали закладъ битися всѣмъ Новгородомъ, побили Васильеву дружину, заважничали, побиты, вызвали Калѣчища, и съ нимъ проиграли, униженно покорялись, поступились богатствомъ и данями: ср. Василья, Дружину, всѣ Былины, Сказки и «Замѣтку.» — На пиру у Князя Новгородскаго упоминаются князья-бояре и даже (переносно отъ Кіева) славные-могучіе богатыри, а въ малолѣтствѣ Василья потерпѣвшіе отъ него Дѣти боярскія и княженецкія: *Рыбн.* I, стр.

338. 345.

У нихъ особенно старшіе:

Князья: *Рыбн.* I, № 55, 56 и «Замѣтка.»—Трое: *Рыбн.* I, стр. 346; двое: стр. 348, 350, 351.

Князь Новгородскій (Рюриковичь?); у него перъ «на многихъ князей и бояръ;» его, до битвы, просить мать Василья о помилованіи сына, въ Судь, но получаетъ отказъ—«тожно прошу, когда голову срублю:» *Рыбн.* I, № 55, стр. 338 — 341; № 58, стр. 360.

Оома Родіоновичъ, Князь, Старшина, Городничій (Посадникъ?), Мужикъ Новгородскій, впереди другихъ, въ посольствахъ и т. п.: *Рыбн.* I, стр. 346—351; II, стр. 207; V, стр. 4, 5, 6, 11, 12.

Николай, Никола Зиновьевичъ, Князь, Воевода (Тысяцкий?), Мужикъ Новгородскій: тамъ же. Ср. при Садкѣ Луку Зиновьевича.

Вивула (Микула, Николай—Зиновьевичъ?) **Окуловъ**: *Рыбн.* II, стр. 204, 205.

Прибавленные въ Сказкѣ Чулкова (V, Прилож.):

Чудинъ, старецъ (изъ «чудень старецъ?»): ср. «Замѣтку.»

Садко, Богатой Гость (съ Чудиномъ будто бы «первые посадники»): ср. ниже Садку и «Замѣтку.» — То же у Сахарова, сдѣланъ лехимъ всадникомъ.

Придуманные Сахаровымъ въ его Сказкѣ:

Чурило, котораго Сахаровъ женилъ на женѣ Дуная: ср. Кіевское творчество и «Замѣтку.»

Ставръ (еще Путятичъ!), по летописи изъ Новгорода родомъ, сдѣланный у Сахарова страшнѣйшимъ Богатыремъ: ср. творчество Кіевское и «Замѣтку.»

Случайно попавшійся:

Владимеръ, князь, ласковый, Кіевскій (по смѣшенію): *Рыбн.* I, стр. 197.

Вызванный Новгородцами противъ Василья:

Матерой, Честной Старикъ, Старецъ, Старчище, Старицище, Старша, Пилигримище, Пилигримище, Угрумище, Преугрюмище, Преугрюмый (передѣлано изъ «Пилигримище»), **Многолѣтище, Калѣка Перехожій**: Былины и Сказки.

Дядька Василью, братъ его матери (это возникло вѣроятно изъ имени «дзѣда,» дѣда): *Рыбн.* II, стр. 199, 200; вѣрнѣе—Васильевъ крестный ватюшка: въ Былинахъ всюду.

По распоряженію матери, училъ Василья грамотѣ и во листы писать: V, Прилож., Сказка Пермская; *Рыбн.* I, стр. 343. — Передъ тѣмъ, какъ вызванъ на мость драться, жилъ въ монастырѣ Сергѣевомъ или Кирилловскомъ: *Рыбн.* I, стр. 348, 349, 356.

Обычная одежда его, «коляпакъ въ двадцать пудъ (шляпа земли Греческой),» клякка или «костыль въ десять пудъ,» то же «шалыга 90 пудъ,» «кафтанъ въ 40 пудъ (гуна подорожная):» *Рыбн.* I, стр. 349; V, стр. 7.

Въ закладъ на весь Новгородъ Василій обошелъ его изъ уваженія и отчасти страха, ибо онъ имѣлъ силу нарочитую; помня то и по особому указанію матери, Новго-

родцы, въ крайней опасности, от-
правились къ нему въ монастырь
съ зовомъ «послужить имъ вѣрой-
правдою,» въ надеждѣ, что онъ
«бываетъ — побьетъ Ваську Бу-
слава;» при этомъ, желая «под-
купить,» поднесли богатые дары;
на это особенно старикъ «кидает-
ся и позывается;» сперва склоняетъ
мать укротить сына, потомъ от-
правляется самъ; въ чрезвычай-
номъ случаѣ, снимаетъ съ коло-
кольни или съ вѣча колоколь,
въ 12, 40, 90, 150, 300 и 1.000
пудовъ, надѣваетъ на голову; отор-
ванными языкомъ, въ 500 пу-
довъ, подпирается; появляется на
мосту Волховскомъ, мостъ подъ
нимъ гнется; сперва говоритъ мяг-
ко, и отвѣтъ Васильевъ мягокъ,
— тотъ и другой разгорячаются;
Василій его отсторонилъ; побилъ
и отвелъ; ударилъ по колоколу—
зашибъ, спихнулъ подъ мостъ, из-
дѣвался надъ тѣломъ; со смертью
его сгнбла послѣдняя надежда Нов-
городцевъ: V, стр. 5, 7, 8, 12,
13, 14, 20, 21; *Прилож.*,
Сказки Персская и Чулкова; *Рыби*.
I, стр. 343, 344, 348—350,
356; II, стр. 199, 200, 206,
207.

Имя его:

Елизарище: *Рыби*. I, стр.
360.

Игнатьище: V, стр. 5, 7,
8, 12, 13, 14; ср. въ Киевскомъ
творчествѣ Данилу Игнатьича,
Данилище и «Замѣтку.»

У него сынъ:

Григорій Игнатьевичъ,
крестный братъ Василью, учив-
шійся съ нимъ вмѣстѣ грамотъ
и тогда бывший большимъ бра-
томъ; появился на мосту, съ коло-
комъ на головѣ, прежде отца
противъ Василья, хотѣлъ его уда-
рить шалыгой въ голову, но под-
вергся тому же, какъ послѣ отца,
а шалыга пошла Василью на оружіе:
V, стр. 5, 7, 12, 13; *Рыби*. I,
стр. 342, 343; ср. въ Киевскомъ
творчествѣ Михайлу или Ивана
Даниловича и «Замѣтку (соб-
ственно одно лице раздвоено на
отца и сына).»

Встрѣчныя Василью, лица
и существа особыя, враги не-
чаянные:

Баба Залѣсная, приходила
при Ерданѣ къ дружинѣ Василья
и за дерзость его предсказала ему
гибель на Алатырѣ: V, стр. 30.—
Она же, Женщина Преста-

рѣлая, предостерегавшая Василья отъ купанья «нагнѣть тѣломъ,» но отъ шутокъ его принужденная плюнуть и прочь пойти: *Рыбн.* II, стр. 208. — Она же **Вабища Матерая**, при бѣлѣ — горючемъ камнѣ (Алатырѣ) предсказавшая Буславу рожденіе Василья (см. ихъ): *Рыбн.* I, стр. 335. — Ср. въ Кіевскомъ творчествѣ Бабу или Бабищу Латыгорку, Латымирку, Горынинку, Маманшну, Ягу и т. п.

Пуста голова, Человѣчья кость, Пуста голова человѣческая, Кость богатырская; прежде это былъ молодецъ не хуже Василья, а потомъ Голова валялась на горѣ Сорочинской, по дорогѣ въ Ерусалимъ, или «не дойдучись до камня до Латыря на раздольѣ широкомъ;» когда Василій вздумалъ ее попинывать и побрасывать, обидѣлася, провѣщала, предрекла ему гибель на Латырѣ, валяться тамъ же, гдѣ и она: V, стр. 26, 27, 34; *Рыбн.* I, стр. 362 (ср. смерть Олега, встрѣчу Добрыни, Ивана по Сказкамъ, «Замѣтки» къ вып. III и къ *Рыбн.* II).

Въ ней, по мнѣнію Василья, **Врагъ говорилъ или Нечистой духъ:** V, стр. 26, 27, ст. 104, 105.—Такъ точно:

Чортъ несъ Старчища и его

сына въ пылъ битвы, по словамъ Василья: *Рыбн.* I, стр. 343, ст. 274, 298.

Морская Пучина, «вокругомъ глаза,» лежитъ «на зеленыхъ лугахъ;» вокругъ нее Василій показывалъ, сапожкомъ ее попинывалъ какъ Пусту Голову, — предрекла то же, что и Голова; начали скакать черезъ нее, Василій задѣлъ пальцемъ—и погибъ точно такъ же, какъ отъ Камня Алатыря (ср. его): V, *Прилож.*, Сказка Пермская, «Замѣтка» при IV и V выпускѣ.

Роковой Камень Латырь, Алатырь и т. п., сгубившій Василья: см. ниже, какъ камень.

Встрѣчныя—Гости-Корабельщички, Атаманы козацкіе, Козаки-разбойники (на Волгѣ, на морѣ Каспійскомъ), и т. д.

Прочія Имена и Названія см. ниже, въ заключеніи Указателя.

*

Садъ, Садео, Садво, Съдео, Сотво: V, стр. 43, ст. 46; *Рыбн.* I, № 63 и 64: *Лѣтописи.*—**Сытиничъ, Сытиничъ, Сытничъ:** *Лѣтоп.*; **Купецъ, Богатый Гость:** безпрестанно; **Богатой:** *Лѣтоп.* **Безродный; молодая жена (въ**

Новгородъ) и малое дѣтище:
Рыбн. I, стр. 370, 380.

Молодецъ, удалый, добрый:
часто; Волгской Сурь: V, стр.
51, ср. «Замѣтку.»

Молодецъ былъ играть на гус-
ляхъ, у него были наигрыши
нездѣшніи, Сибирскіи, игра
нежная, дѣлалъ ею утѣхи ве-
ликія: V, стр. 37; *Рыбн. I,*
стр. 371 и др.; «игралъ въ Новъ-
городъ (бралъ содержаніе), а вы-
игрышь (мотивъ, распѣвъ) велъ
отъ Царяграда: *Рыбн. I, стр.*
369, ст. 71, 72.

Жилъ онъ въ Новгородѣ, «преж-
де у Садка ниущества не было,
одни были гуселки яровчаты;» съ
ними ходилъ онъ по пирамъ; три
дня не звали его, обѣднвалъ; три
раза съ горя ходилъ на Ильмень
и игралъ тамъ, три раза вода ко-
лыбалася, въ третій разъ явился
Царь Морской (ср. его), научилъ
побиться съ Новгородскими купца-
ми объ закладъ, о томъ, что въ
Ильменѣ есть рыбы съ золотыми
перьями и далъ закладъ выиг-
рать; первое обогащеніе Садки:
Рыбн. I, стр. 370—372.

Состроилъ себѣ Садко палаты,
описаніе ихъ: *Рыбн. I, стр. 372;*
363.

Созывалъ къ себѣ на пиры
мужиковъ Новгородскихъ, На-
стоятелей (см. ихъ), славныхъ
купцовъ; похвастался передъ ни-

ми выкупить все товары Новгород-
скіе, не успѣлъ, проигралъ и от-
далъ закладъ, призналъ, что «по-
богаче его славный Новгородъ:»
Рыбн. I, стр. 372—374.

На свою казну построилъ трид-
цать кораблей (V, стр. 34,
тридцать три) и главный—Со-
колъ (см. его особо).—Его Дру-
жина въ торговыхъ предпріяті-
яхъ — Гости, Корабельщики,
друзья, братья, братцы, цѣло-
вальники любимые, прикащи-
ки хорошіе, слуги вѣрные;
иногда—дружина, дружинушка
хоробая; на кораблѣ — ярыж-
ки (матросы, гребцы), люди на-
емные, подначальные: *Рыбн.*
I, стр. 367 и дал.; V, стр. 41 и
дал.; и мног. друг.

Бѣдилъ Садко на корабляхъ «по
Волхову, со Волхова во Ладожско,
со Ладожска во Неву рѣку, со
Невы рѣки во Сине море (Бал-
тійское);» «воротилъ въ Золоту
Орду;» по морю «Хвалынскому;»
ср. эти имена; *Рыбн. I, стр. 375;*
V, стр. 43. — Бѣдилъ двѣнад-
цать лѣтъ: V, стр. 35, 43;
«продавалъ товары Новгородскіе,
получалъ барыши великіе, насы-
палъ бочки сороковки красна зо-
лота, чиста серебра:» *Рыбн. I,*
стр. 375.—Ср. V, стр. 34—38,
41—44; *Рыбн. I, стр. 364,*
365, 368, 375—377.

На морѣ «поискала судьбина

Садку,» за неплатежъ дани Царю Морскому, поднялась буря, корабли стали; безъ успѣха опускали въ дань бочку съ серебромъ, Царь требовалъ живой головы; Садко хотѣлъ надуть товарищей жеребьями, но принужденъ былъ спуститься въ море, на дубовой доскѣ или шахматницѣ, съ гусями и образомъ Миколы, разписавши предварительное свое имѣніе въ завѣщаніи; попалъ въ царство великое, къ Царю Морскому; разыгрался, удержанъ Миколою; спасся и отъ невѣсты; проснувшись, очутился на берегу рѣки, имѣнье при немъ; очутился подѣ Новымъ-городомъ, лѣвая нога въ Волховѣ, узналъ приходъ свой, встрѣтилъ товарищей, внесъ пошлины въ таможеню; доставленъ на Русь Чернавкою; проснулся во Новѣ-градѣ о рѣку Чернаву на крутомъ краю; встрѣченъ женою, убѣжденъ не ѣздить больше по синю море; состроилъ церкву соборную Миколы Можайскому, не сталъ больше ѣздить на синю море, сталъ поживать во Новѣ-градѣ: V, стр. 34—41, 41—47; *Рыбн.* I, стр. 364—367, 368—370, 374—380. —Ср. особенно Царя Морскаго, Царяцу, Чернавку.

Какъ по морю, такъ и по Волгѣ (см. ее особо) гулялъ Садко также двѣнадцать лѣтъ, за что получилъ особое прозвище Волгскаго сура (см. выше); отъѣз-

жая въ Новгородъ, побывать, благодарить Волгу хлѣбомъ съ солью; Волга посылаетъ поклонъ и поручаетъ Садку брату своему Ильмену (см. его особо); когда Садко справляетъ поклонъ, является отъ Ильмена посланный молодецъ (Волховъ? См. его особо) и участь, и даетъ средства разжиться; повторяется то же, что выше, при первомъ обогащеніи черезъ рыбу; Садко приноситъ Ильмену благодарность, получаетъ дальнѣйшія поученія, какъ жить; на пиру хвастается скупить все товары Новгорода; дѣлаютъ записи закладныя, Садко побеждаетъ и какъ победитель насмѣвается Новгороду: V, № 3, стр. 47—53.

Тогда же сооружаетъ Церкви (описание ихъ богатства), Стефана Архидьякона, Софїи Премудрая, Николая Можайскаго: V, стр. 52, 53; Бориса и Глѣба, каменную: Летопись, ср. «Замѣтку.» Эта послѣдняя постройка — 1167 года: Садко современникъ Василью Буслаеву.

Онъ же противъ Василья Буслаева въ числѣ главныхъ Новгородцевъ (возможно, если не вымышлено): V, *Прилож.*, Сказка Чулкова.

Въ Сказкѣ Сахарова сдѣланъ ляхимъ всадникомъ: см. тамъ же.

Лица окружающія Садку и его Благодѣтели (враговъ въ собственномъ и постоянномъ смыслѣ у него не было, см. «Замѣтку»).

Новгородскіе Настоятели (Старшина и Воевода, Посадникъ и Тысяцкій? См. «Замѣтку»); говорить на пиру первые; при похвалѣ Садки, «не успѣлъ онъ слова вымолвить,» — «ударилъ о великъ закладъ,» отъ имени всего Новгорода; когда онъ проигралъ закладъ, «допонецъ тридцать тысячей отдавалъ онъ» тѣмъ же «Настоятелямъ Новгородскимъ:» *Рыбн.* I, стр. 372—374. — Ср. соответствующія мѣста въ другой Былинѣ, гдѣ спорившіе названы славными купцами, мужиками Новгородскими, а рѣчи Садки записывали, дѣлали записи закладными отъ лица города; тутъ же замѣчено, что Садко «сдѣлалъ обѣдъ про таможенныхъ людей (надсмотрщиковъ таможи),» сталъ водиться со посадскими людьми: V, стр. 50—52; ср. при Васильѣ двухъ Князей, Старшину—Городничаго и Воеводу; «Замѣтка.» — Имена ихъ:

Оома Назарьевъ: *Рыбн.* I, стр. 373, ст. 97.

Лука Зиновьевъ: тамъ же; ср. при Васильѣ, современникъ Садки, Николая Зиновьева.

Царь Морской, Морскій (позднѣйшее **Заморскій**), Поддонной, Водянигъ: V, стр. 35—40; 43—46 (здѣсь всегда «Морской,» одинъ разъ «Заморскій»); *Рыбн.* I, стр. 365, 366; 368—370; 371; 375—379.

Живетъ въ озерѣ Ильменѣ; отъ его движеній, въ озерѣ вода колеблется; выходитъ изъ озера и разговариваетъ съ кѣмъ желаетъ; знаетъ городскія дѣла и людскія нужды; владѣетъ рыбами съ золотыми перьями; награждаетъ ими кого хочетъ: *Рыбн.* I, стр. 370—372. — Живетъ въ морѣ, Синемъ (Балтійскомъ), въ синемъ Хвалыиномъ, подъ водою (къ нему спускаются), подо дномъ (Поддонной), на днѣ; у него тамъ царство великое («объявилось на днѣ царство великое»); «на самомъ днѣ, во синемъ морѣ, стоитъ палата бѣлокаменная;» надъ нею къ верху, сквозъ воду, можно видѣть «цекучись (какъ печеть) красное солнышко, вечернюю зорю, зорю утреннюю;» тамъ онъ сидитъ въ палатѣ; тамъ, во синемъ морѣ, у него воля своя (у приходящихъ «воля не своя»); тамъ у него бывають пированьица, почестны пиры, пляски, хоровадь, присядка; царство его противоположно Руси (онъ «доставляетъ» на Русь; отъ него нужно бываетъ «на Русь сходить»):

V, стр. 38, 39; 43; *Рыбн. I*, стр. 365, 366; 368, 369; 375, 377—379.—Гдѣ онъ названъ ЗАМОРСКИМЪ, тамъ у него на КРУТЫХЪ БЕРЕГАХЪ ИЗВА ВЕЛИКАЯ, ВО ВСЕ ДЕРЕВО, а самъ онъ ЛЕЖИТЬ НА ЛАВКѢ (прочее все сходно): V, стр. 44.

ГОЛОВА У ЦАРЯ КАКЪ КУЧА СѢННАЯ; ШУБА СЪ ПОЛАМИ, ОНЪ НИИ МАШЕТЪ ПО СТѢНАМЪ; СЛАВЯ ВОСТРАЯ: V, стр. 39, ст. 170, 171; *Рыбн. I*, стр. 377, ст. 277; стр. 366, ст. 48.

ОСОБЕННЫЙ ОХОТНИКЪ СЛУШАТЬ ИГРУ НА ГУСЛЯХЪ; ВЫЗЫВАЕТЪ ДЛЯ НЕЯ КЪ СЕБѢ ИГРОКОВЪ, УСИЛЬНО ПРООВИТЬ ПОТѢШИТЬ ИГРОУ, СЪ ТРУДОМЪ ОТВЪЗЫВАЕТСЯ, ЕСЛИ НЕЛЬЗЯ ИГРАТЬ; ЭТАЯ ТОЛКЪ ВЪ «ИГРѢ НѢЖНОЙ» И ЭТИХЪ «УТѢХАХЪ ВЕЛИКИХЪ» ИГРОКА «НЕ ЗНАЕТЪ ЧѢМЪ ПОЖАЛОВАТЬ;» ПРИСЛУШИВАЕТСЯ КЪ ИГРѢ, КОГДА ОНА ДАЖЕ НА БЕРЕГУ И Т. Д. ЗА ТѢМЪ ОХОТНИКЪ ПЛЯСАТЬ И ПЛЯШЕТЪ ИЗО ВСѢХЪ СИЛЪ, ЧТО ЕСТЬ МОЧИ: V, стр. 38, 39; 44, 45; *Рыбн. I*, стр. 368, 369; 371; 378, 379.

ЛЮБЯТЪ ОНИ СЪ ЖЕНОЮ ЗАДАВАТЬ ДРУГЪ ДРУГУ ЗАГАДКИ, СПОРОВАТЬ, ПЕРЕТАКИВАТЬ; ВЪ СПОРѢ ЦАРЬ АЗАРТЕНЪ И КАКЪ РАЗЪ УБѢЕТЪ: V, стр. 38; *Рыбн. I*, стр. 365, 366.

ИМѢЕТЪ ЖЕНУ, ЦАРИЦУ, ДОЧЕРЕЙ, ЧЕРНАВКУ И ПРОЧУЮ ОБЕТАНОВКУ СЕМЬИ И ЦАРСТВА: см. эти лица ниже особо.

КТО БЪДЕТЪ И ТОРГУЕТЪ ПО ЕГО

МОРЮ, ДОЛЖЕНЪ БЛАГОДАРИТЬ, ВЪ МОРЕ ОПУСКАТЬ ХЛѢВА СЪ СОЛЮЮ, КАКЪ ДАНЬ-ПОШЛИНУ; ОПУСКАЮТЪ ТАКЖЕ БОЧКУ СОРОКОВКУ ЧИСТА СЕРЕБРА ИЛИ КРАСНА ЗОЛОТА; КОГДА ЗАХОЧЕТЪ, а особенно когда кто НЕБЛАГОДАРЕНЪ ИЛИ ТРЕБУЕТЪ ЦАРЬ ЕГО КЪ СЕБѢ, ТОГДА «КОЛЕБЛЕТЪ» ВОДЫ, НАПУСКАЕТЪ «ПОГОДУ СИЛЬНУЮ,» «ВОЛНОЙ БЪЕТЪ, ПАРУСА РВЕТЪ,» «ЛОМАЕТЪ КОРАБЛИКИ,» ОДНИ КОРАБЛИ ОСТАНАВЛИВАЕТЪ НА МѢСТѢ, ДРУГІЕ ПУСКАЕТЪ ИТТИ И Т. П.; ВО ОБЩЕ ДАНИ ТРЕБУЕТЪ; КОГДА СЕРДИТЬ, НЕ ПРИНИМАЕТЪ БОЧЕКЪ СЪ СЕРЕБРОМЪ И ЗОЛОТОМЪ; ПРИ ЭТОМЪ СЛУЧАѢ, ДА И ВО ЛЯСКУЮ ЖЕСТОКУЮ БУРЮ ИЛИ СТРАШНОЕ ЗАТЯНІЕ, ДОГЛАДЫВАЮТСЯ, ЧТО «ЦАРЬ МОРСКІЙ ТРЕБУЕТЪ ЖИВОЙ ГОЛОВЫ ВО СННЕ МОРЕ;» НАЧИНАЮТЪ БРОСАТЬ НА ВОДУ ЖЕРЕВЬЯ, СЪ НАДПИСЬЮ ИМЕНИ, «КОМУ ИЗЪ НИХЪ ИТТИ НА СИНЕ МОРЕ;» ВОДА ЖЕ, ПРИНИМАЯ ИЛИ НЕ ПРИНИМАЯ ЖЕРЕБІЙ, РѢШАЕТЪ, КОГО ТРЕБУЕТЪ ЦАРЬ; ТОГО, ГОВОРИТСЯ, «СУДБИНА ПОИСКАЛА,» ТОМУ «БЪДА ПРИШЛА НЕМИНУЧАЯ,» ПО ТОГО «СМЕРТЬ ПРИШЛА;» ТОТЪ ПРОЩАЕТСЯ, ДѢЛАЕТЪ ПРЕДСМЕРТНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ; ОТИРЯВЛЯЕТСЯ НЕ РАЗДѢВИСЯ, а ВЪ ОДЕЖѢ И ДАЖЕ ШУБѢ (ЖЕРТВА ВЪ ПОЛНОМЪ НАРЯДѢ); БЕРЕТЪ СЪ СОБОЮ КОДАРИКИ (ИИСЫ СЪ СЕРЕБРОМЪ, ЗОЛОТОМЪ, ЖЕМЧУГОМЪ), *знаки отличія* (на прим. гусли, если извѣстень игрокомъ) И НА КАКОЙ ЛИБО ДОЩЕЧКѢ ПУСКАЕТСЯ, ИДЕТЬ КО ДНУ, НА ДНО;

этотъ спускъ, всѣ превращенія, постигающія челоѣка въ Царствѣ Морскомъ, совершаются и представляются во снѣ, а спасеніе изъ нихъ, выходъ изъ Царства, появленіе опять на Русь—пробужденіемъ («и быто въ сонѣ заснулъ, ушелъ онъ каменѣмъ ко дну;» «заснулъ на дощечкѣ на дубовой,—проснулся во синемъ морѣ на самомъ днѣ;» явленія Николы Садка во снѣ; «отвали Садка во ложню спать, заснулъ во крѣпкой сонѣ, какъ проснулся онъ со сна крѣпкаго,—и увидѣлъ онъ свѣтъ бѣлый и солнце красное;» «ото сна Садка пробуждался,—онъ очутился подъ Новымъ-городомъ;» «какъ ложился спать Садка,—какъ проснулся Садка во Новѣ-градѣ»); дощечку съ жертвою «принимаетъ» въ море, и скеты, приносятъ въ Царство Царя; тамъ прибывшему объявляетъ Царь, за что или за чѣмъ его требовалъ; радъ особенно, если это самъ пришелъ,—жертва добровольная; пришлецъ долженъ рассказывать, «что на Русь дѣтеея,» рѣшать загадки или споры Царя съ Царицей, играть—если умѣетъ; въ послѣднемъ случаѣ поднимается странный плясъ; вообще при пляскѣ «кажется, что скачетъ по полатамъ Царь, а скачетъ Царь по крутымъ берегамъ,» «отъ его отъ пляски тонуть-гинуть безповинныя буйны головы;» «распля-

сался Царь,—а сине море веколебалося, а и быстры рѣки разливалися, топятъ много бусы-корабли;» «Окианъ сине море веколебалося, кораблики всѣ повывомало, людей-то всѣхъ повытопило;» Царь готовъ плясать и *сутки третьи*, а «во синемъ морѣ вода воколыбалася, во желтымъ пескомъ вода смутилася, стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,» и т. д.; народъ тогда бросается молиться, одно спасеніе въ помощи свыше; игры и пляски оказываются тогда вѣсовскія, нечестивыя; гостя также Царь поитъ питьями разными до пьяна; любить женить на своихъ дѣвцахъ, но нужно знать, какую выбрать и остерегаться въ морѣ ближайшихъ выражений брака,—иначе очутишься въ морѣ, въ рѣкѣ, вообще не увидишь бѣлаго свѣта; Царь даетъ за дѣвцей во приданныхъ три бочки съ серебромъ, золотомъ, жемчугомъ; если невѣста какъ и пропадетъ, «въ слыху нѣтъ,» а гость спасся, эти бочки оказываются и на яву «подлѣ его;» твердостью можно однако добиться отъ Царя, что онъ доставитъ на Русь вѣрнѣе обмануть его; иногда, по приказу отца, доставить дочь, и тутъ, по выходѣ на Русь, можно отъ ней отдѣлаться; Царь не убиваетъ гостя, не преслѣдуетъ ушедшаго,—все это въ томъ случаѣ, если гость уго-

день или успѣлъ перехитрить; воротившагося оттуда встрѣчаютъ какъ воскресшаго; уговариваютъ больше уже не пускаться въ море, да онъ и самъ не идетъ: V, стр. 34—46; *Рыбн.* I, стр. 364; 365—367; 368—370; 375—380.

Всей этой участи подвергся Садко: см. его и указанныя мѣста.

Ср. въ «Указателѣ» при IV вып. Водянаго Царя и сродныя лица въ творчествѣ.

Жена Царя:

Царица Морская, Поддонная, Водяница: V, стр. 38 и дал.; *Рыбн.* I, стр. 365, 366; 369.—Живетъ съ Царемъ, занимаются съ нимъ рѣшеніемъ загадокъ, споруютъ, перетакиваютъ; безъ усталости подыграютъ Садку поплясываетъ; беретъ сторону молодого пришельца, растолковываетъ ему, что значать въ самомъ дѣлѣ пляски Царя; научаешь, какую выбрать невѣсту, указываетъ на Чернавку, содѣйствуетъ тѣмъ выходу на Святую Русь, на бѣлый свѣтъ: когда споръ ихъ съ мужемъ рѣшенъ былъ гостемъ не по ея словамъ, Царь вскочилъ и срубилъ ей голову саблею: см. тамъ же и ср. Саламанію (на ступени старшей, какъ старую богиню, склон-

ную къ юношѣ), во II ч. *Рыбн.* и «Замѣткѣ.»

Дѣти Царя:

Двѣ Дочери Прекрасныя: *Рыбн.* I, стр. 366.

Дочь любимая, которую Царь «выдавалъ во тѣе во славно Окіянь-море,» ради которой сдѣлалъ въ царствѣ «почестенъ ширь:» *Рыбн.* I, стр. 368, 369.

Дочь любимая, большая, Царевна Морская; по предложенію Царя, Садко согласилась взять ее за себя, только бы «достаться на Святую Русь;» Царь велѣлъ доставить, она доставила, а Садко «поклонился и распротился съ ей,—ты прощай, Царевна Морская, я тебѣ женихомъ не пришелъ, а ты мнѣ въ невѣсты не пришла:» — *Рыбн.* I, стр. 366, 367.

Она же—

Чернава, Черनावушка, Дѣвушка Поваренная, дѣвушка похуже всѣхъ, идетъ позади всѣхъ, поменьше и почернѣе всѣхъ, однакоже (въ другой былинѣ) дѣвица красавица; ее научили Садку выбрать и Царица, и Микола; послѣдній указалъ, какъ условіе спасенія, не соеди-

ваться съ нею въ морѣ, не обнимать, не цѣловать ее; такъ и сдѣлалъ Садко, когда положили спать новобрачныхъ; проснулся, — «а невѣсты его и въ слыху нѣтъ,» придалое же, три бочки волагъ; проснулся — «о рѣку Чернаву (одного имени съ дѣвушкой, см. рѣку особливо) на крутомъ врыжу;» хотя, во избѣжаніе соблазна, Садко даже «свои рученьки ко сердцу прижалъ,» но со полночи въ пресонѣ двинулъ было лѣвой ногой, — «это сна Садко пробуждался, онъ очутился подъ Новымъ-городомъ, а лѣвая нога во Волгѣ-рѣкѣ:» V, стр. 39—41; 45, 46; *Рыбн.* I, стр. 378—380. — На низшей степени, въ рабствѣ, какъ служанку, ср. ее съ Чернавкою при Васильѣ, Саламаніи — *Рыбн.* ч. II и «Замѣтка;» какъ Царевну, дочь, но на степени униженія, страданія, такъ что нельзя было обнимать и цѣловать, можно было оставить, обмануть и т. п., ср. также Саламанію въ видѣ юной невѣсты, Царицы Южской, жену Потыка (вып. IV, «Замѣтка») и т. д.; какъ Царевну, дочь Морскаго Царя, Прекрасную, доставляющую на Русь, хотя еще и не въ концѣ тяжелыхъ испытаний, ср. Васильсу Грозную, Прекрасную, Премудрую и т. п., вып. IV и «Замѣтка,» *Рыбн.* ч. II, «Замѣтка.»

При Царѣ же:

Красныя дѣвушки хороводъ водять: *Рыбн.* I, стр. 369; три триста дѣвицъ красавицъ, готовыхъ въ невѣсты: тамъ же, стр. 379, 380; три толпы такихъ же дѣвицъ: V, стр. 39, 40; тридцать: стр. 45. — Мелкая четь (чадь, челядь), которая пляшетъ въ присядку: *Рыбн.* I, стр. 369. — Слесаря для починнокъ: V, стр. 39.

Еще благодѣтели Садкѣ:

Волга, матка, матушка, славная; сестра Ильмению, а онъ ей братъ (ср. его); въдвину по ней, благодарять ее, какъ и море (ср. выше), опуская въ воду великой сукрой (краюху) хлѣба съ солью, за то, что оберегаетъ отъ притки-скорби, въ добромъ здоровьѣ; уѣзжая съ нея, сказываются, куда ѣдутъ, прощаются, отошедъ кланяются; она со своими Гостями бесѣдуетъ, посылаетъ съ ними поклоны другимъ роднымъ, на приѣзъ брату Ильмению, поручаетъ любовница ихъ покровительству (сдастъ съ рукъ на руки); все это было съ Садкою, который гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ и «зналъ

ее со вершины до устья, а и нижняго царства Астраханскаго,» откуда и прозванъ «Волгскимъ Сураемъ (ср. выше): V, стр. 47, 48. — Ср. и Василья, какъ онъ изъ Волхова и Ильменя въѣзжалъ въ Белгу, по ней въ море Хвалынское, изъ моря въ Ердань.

Ильмень, славной, славное озеро, братъ Волги (см. ее); въ немъ живетъ, изъ него показывается Морской Царь (ср. его); въ немъ же три рыбныя съ золотыми перьями, приносившія богатство; будучи въ родствѣ съ Волгою (соединялись путемъ), принимая отъ нея поклоны, на встрѣчу приносившимъ высылалъ молодца (ср. его ниже) и, удостоившись, что присланный точно отъ Волги, награждалъ его ловлею трехъ сортовъ рыбы, которые послѣ оказывались «деньгами дробными, червонцами и монетами (ср. рыба съ золотыми перьями);» ему, приходя, былъ челомъ, просилъ поучить жить во Новѣ-градѣ; къ кому онъ благоволилъ, онъ тому говорилъ и того училъ; все это имѣло мѣсто съ Садко: V, стр. 48—50; *Рыбн.* I, стр. 370—372; ср. какъ плавалъ по немъ Васильи, V, стр. 23—25; соеди-

няясь съ Волгою, черезъ нее съ моремъ Хвалынскимъ и Ерданью, Ильмень въ Новгородскомъ творчествѣ встречается не разъ на протяженіи отъ Новгорода до Брусалина: ср. *Голуб. Книгу* и «Замѣтку.»

Удалой-доброй молодецъ, посланный отъ Ильменя на встрѣчу къ Садку и съ нимъ переговаривавшій отъ лица Ильменя, вѣроятно Волховъ: V, стр. 48.

Высшій помощникъ Садки:

Святитель Николай, Никола, Никола Можайскій, Угодникъ: его образъ взялъ съ собою въ правую руку Садко, отправляясь по жеребью къ Морскому Царю (ибо Святитель издревле покровительствовалъ мореходцамъ и гостямъ, ср. «Замѣтку» при II ч. *Рыбн.*); онъ же, какъ старшій не знай совою (не вѣдомый), старикъ седатый, вслѣдствіе молитвъ народа, тронулъ Садку въ плечо своей силою, явился ему въ явь или во снѣ, остановилъ игру на гусякъ, научилъ, какъ поступить при выборѣ невѣсты и спастись, а за то, по воз-

вращеніи въ Новгородъ, велѣтъ по-строить соборную церковь Ми-колы Можайскому; проснувшись и очутившись на Руси, подъ Новго-родомъ, Садко «узналъ церкву, приходъ свой, того Ницелу Мо-жайскаго;» при этой же церкви вступилъ въ братчину, сдѣлалъ закладъ, побѣдилъ, и на свои бо-гатства «Божій храмъ соорудилъ во имя Николая Можайскаго:» V, стр. 37, 39; 45, 46; 54, 53; Рыбн. I, стр. 369; 378—380; ср. при Потыкѣ въ Кіевскомъ творчествѣ, а церковь ниже особо.

Прочія имена и названія, встречающіяся при Садкѣ, см. ниже особо.

*

Терентьище, Терентій!, Богатой Гость (ср. Садку), ста-рый, старый мужъ; жилъ въ Новгородѣ, въ улицѣ Юрьевской, въ слободѣ (по его имени) Те-рентьевской; описаніа двора его; у него молодая жена (ср. ее), подъ предлогомъ недуга выпро-водила старика «добывать дохту-ровъ и спрашивать волки;» пре-жде по улицамъ и площадямъ ста-рика было слыхомъ не слышать и

видомъ не видать, а теперь бродилъ онъ «что корова заблудящая, что ворона залетающая;» встрѣтилъ Ско-мороховъ (ср. ихъ), они догада-лись, въ чемъ дѣло, за сто руб-лей согласились помочь, спрятали старика въ мѣшокъ, пришли къ нему во дворъ, заставили жалу высказаться, старика выпустили, онъ вязомъ и дубиною выгнчалъ жену, а Недуга вонь погналъ, въ благодарность же далъ Скоро-хамъ еще сто рублей: V, стр. 54—60; ср. въ Кіевскомъ твор-чествѣ Пльна, Ерма и Чурлау; «Замѣтка.»

ЖЕНА ЕГО:

Авдотья Ивановна, мо-лодая, выпроводившая старика мужа, присутвнная къ себѣ Неду-га, обрадовавшаяся ложной вѣсти о гибели старика, поругавшая его, — а онъ слышалъ, — и за то на-казанная: см. тамъ же и въ Кіевскомъ творчествѣ Катериу Прекрасную, Пермитыку.

Пособники Терентьища:

Скорохожи, Веселые, Ве-селые молодцы, люди въж-ливые, очестливые; встрѣ-

чуются у мосту; играютъ въ гусельцы, поютъ пѣсенку; изъ нихъ одинъ Мѣхоноша; легко догадываются о смыслѣ семейныхъ дѣлъ и—за дорогую плату—возстановляютъ «правду великую;» все это случилось съ Терентьичемъ (ср. его): V, стр. 55—60; ср. ихъ въ Кіевскомъ творествѣ.

—
Прочія имена и названія, встречающіяся при Терентьичѣ, см. ниже особо.

*

Акундинъ, Заонѣга, Лазарь Мурманскій, Тугаринъ и прочія лица, на сколько есть въ нихъ вѣрнаго: см. Сказку Сахарова и «Замѣтку;» **Князя Глѣба Ольговича** см. въ Указателѣ Былинъ Княжескихъ.

*

Перунъ въ преданіи объ его низверженіи и палицѣ, брошенной на Волховскій мостъ: см. *Льтописи* и «Замѣтку.»

*

Б) Имя Собственное.

Земли, Орды, Царства, Города, Церкви, Образа, Братчины, Монастыри, Мосты, Улицы, Слободы, Башни, Горы, Камни, Кости, Моря, Рѣки, Озера, Болота, Острова, Корабли, Деревья, и т. п.

Русь, Святая Русь, гдѣ помѣщается и Новгородъ, противоположно Царству Морскому (см. его): V, стр. 38, 39, ст. 146, 148, 153, 191; стр. 40, ст. 209; *Рыбн.* I, стр. 365, 366, ст. 22, 38, 44, 59.—**Матушка:** *Рыбн.* I, стр. 366, ст. 63.

Залъсье, Злолъсье: ср. Мужиковъ Залъшенъ.

—

Орда:

Золотая Орда, куда завозилась Садко съ товарами Новгородскими: *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 178—180.

—

Царства:

Астраханское, нижнее, куда доплывалъ Садко: V, стр. 48.

Морское, Поддонное, Водяное (судя по Царю и Цариче), великое, на днѣ моря: *Рыбн. I*, стр. 368.

Города:

Новгородъ: безпрестанно.—
Великій: *V*, стр. 14; ст. 1; стр. 23, ст. 1.—**Славный:** *V*, стр. 3, ст. 15; стр. 14, ст. 1, 25; стр. 16, ст. 62; стр. 23, ст. 1; стр. 34, ст. 2 и др.—
Его слава великая: *Рыбн. I*, стр. 374.—**Стольный:** *V*, стр. 54, ст. 1.—**Богатый:** *V*, стр. 53, ст. 190; *Рыбн. I*, стр. 374, ст. 165.—
Въ немъ рѣка Волховъ, мость Волховскій, башня Провзжая, Церкви, Монастыри, Улицы, Слободы: см. ихъ ниже особо; его Князь, Настоятели, Воевода, Старшина-Городничій, славные купцы, мужики; посадскіе и т. п.: см. ихъ.

Торжокъ, откуда Костя Новоторженниъ: см. его.

Кемъ, откуда Мужики городокемскіе: см. ихъ.

Опсковъ, съ которымъ Буславъ не издоривалъ; *Рыбн. I*, стр. 344, ст. 4.

Мосева, матушка, каменная, съ ней Буславъ не пере-

чился, не бранивался: *Рыбн. I*, стр. 344, ст. 5; *II*, стр. 197, ст. 4; стр. 201, ст. 5; Московскіе товары въ Новгородѣ: *I*, стр. 374, ст. 158; ошибочно, въ закладѣ Василья побороть всю Москву: *Рыбн. II*, стр. 197, 198.

Кіевъ, ошибочно, что у Буслая съ нимъ спору не было, что Василій поспорилъ побороть Кіевъ и жилъ въ немъ: *Рыбн. I*, стр. 352; *II*, стр. 197 и дал.

Можайскъ; откуда Микола Можайскій: ср. его, образъ, церковь.

Смоленскъ, откуда монастырь Смолкнскій: см. его.

Царь-градъ, его выигрышь (мотивъ, распѣвъ) на гусяхъ: *Рыбн. I*, стр. 369 (такъ умѣлъ играть Садко, ср. его).

Ерусалимъ, Еросолимъ, Іерусалимъ, святой градъ: *V*, стр. 24, 25, 28, 29, 31; *Рыбн. I*, стр. 361; *II*, стр. 207.

Церкви:

Николая, Ниволы, Миволы Можайскаго, соборная, приходъ Садки, гдѣ онъ вступилъ и въ братчину, а послѣ, по повелѣнію Святителя, отстроилъ ее съ особымъ великолѣпіемъ: *V*, стр. 46, 51, 53; *Рыбн. I*, стр.

379, 380; здѣсь же, вѣроятно, въ братчину Никольщину вступилъ Василій: см. его; ср. ниже образъ.

Стефана Архидьявона, по бытиѣ построенная также Садкою съ большимъ великолѣпиемъ: V, стр. 52.

Софїи Премудрыя, то же: *тамъ же*; ср. *Лѣтоп.* и «Замѣтку.»

Вориса и Глѣба, каменная, построенная Садкою въ 1467 году: *Лѣтописи* и «Замѣтка.»

Честна Вздвиженья, также въ Новгородѣ, «у жива моста капинова,» гдѣ встрѣтилъ Терентъище себѣ помощниковъ: V, стр. 55, 56, ст. 45—48.

ОБРАЗА:

Микола Угодника (ср. Церкви), взятый Садкою въ Морское Царство: V, стр. 37, 39.

Преображенскій, на Оаворъ-горѣ, въ соборной церкви съ 12 престолами, у камня Латыря; Василій убился не достигши церкви и образа: *Рыбн.* I, стр. 361—363.

БРАТЧИНА:

Никольщина, Николь-

щины, братчина, вратщины, братовщины, при церкви Николы Можайскаго (ср. его) въ Новгородѣ, подъ начальствомъ «старосты церковнаго,» куда вступали Василій и Садко (ср. ихъ): V, стр. 4, 11, 17, 51.

МОНАСТЫРИ:

Спаса Преображенія, въ Новгородѣ; Костя по уваженію исключилъ его изъ своего заклада: ср. его и *Рыбн.* I, стр. 340.

Матушки Пресвятой Богородицы, въ Новгородѣ и въ томъ же закладѣ Кости: *тамъ же*.

Смоленскій, въ Новгородѣ, то же: см. *тамъ же*; изъ него вышла Богородица къ матери Василья, чтобы унять его: *Рыбн.* I, стр. 344; одно и то же съ предыдущимъ?

Сергѣевъ, гдѣ жилъ Старчище: см. его и *Рыбн.* I, стр. 348, 349.

Кириловскій, гдѣ жилъ тотъ же Старчище: ср. его и *Рыбн.* I, стр. 356.

МОСТЫ:

Волховъ, **Волховскій**, средоточіе борьбы Новгорода съ

Буслаевымъ: безпрестанно. — Перунъ бросилъ на него свою палицу, откуда игры и бои Новгородцевъ на месту: *Льтоп.* и «Зашѣтка;» ошибочно **Обуховъ** (вмѣсто «Волховъ-мостъ»): *Рыби.* II, стр. 200.

Живой мостъ калиновый, въ Новгородѣ (всякой, на скоро сдѣланный, временный; подобно переходить у насъ часто имя **Живаго моста** въ имя собственное, т. е. усвоенное извѣстному, тому, а не другому мосту): V, стр. 56.

—
Улицы:

Волхова, вдоль по рѣкѣ Волхову, гдѣ **Василій**, выскочивши изъ подъ запоровъ, показался выручать своихъ товарищей: V, стр. 21.

Рогатица, поприще первыхъ проказъ **Василья**: Новгор. *Льтописи* и Сказка **Чулкова**.

Юрьевская, также въ Новгородѣ, гдѣ жилъ **Терентъше**: V, стр. 54.

—
Словода:

Терентьевская, по имени жившаго тутъ **Богатаго Госта Терентія**: см. его и V, стр. 54.

Башня:

Проѣзжая (при въѣздѣ на мостъ **Волховскій** или при соединеніи **Волхова** съ **Ильменемъ**, имя нарицательное, можетъ стать обращенное въ собственное), подъ которую подѣзжалъ **Садко**, по приказанію **Волги**, править отъ нея челобитье: V, стр. 48.

—
Горы:

Сорочинская (кажется при въѣздѣ изъ **Волги** въ **Каспійское море**), на ней **Пуста Голова** и **камень Латырь**, гдѣ и погибъ **Василій** въ обратномъ пути изъ **Ерусалима**: V, стр. 26, 27, 31, 32.

Фаворъ-гора, съ тѣмъ же значеніемъ, какъ **Сорочинская**, но въ землѣ **Ерусалимской**; славная; выкупавшись въ **Ерданѣ**, на ней **Странники** сушились: тамъ же лежалъ **камень Латырь**, а за нимъ, къ верху, стояла **церковь соборная**, со 12 престоломи (въ честь **Апостоловъ**, передъ кони—по нашему творчеству народному въ числѣ 12-ти — преобразился **Христосъ**) и образомъ **Преображенскимъ**: здѣсь-то на **Латырѣ** погибъ **Василій** и потому завѣщаль дружинѣ передать матери, «что сосватался на **Фаворъ-горѣ** и же-

нылся на бѣломъ-горючешъ камеш-
кѣ:» *Рыбн.* I, стр. 361—363;
II, стр. 208.

—
Камни:

Латырь, на горѣ Сорочин-
ской (на самой сопкѣ, вершинѣ)
и потомъ на Фаворѣ-горѣ; въ
последнемъ мѣстѣ на немъ «пре-
образился самъ Иисусъ Христосъ;»
лежалъ онъ не много ниже по-
мѣщавшейся далѣе на Фаворѣ со-
борной церкви съ образомъ Пре-
ображенія; а еще ниже-его, на
пути къ нему, лежала Пуста
Голова (ср. все это выше);
вѣль-горючій; «въ вышину три
сажени печатныя, а черезъ его
(въ ширину) только топоръ подать,
въ долину три аршина съ чет-
вертью;» разныя надписи на немъ;
здѣсь-то погубъ Василій (ср.
его): V, стр. 26, 27, 31, 32;
Рыбн. I, стр. 360—363; II,
стр. 208; подробнѣе въ «Замѣт-
кѣ;» ср. тождественную Морскую
Пучину и творчество Кіевское.

Яхонтъ, славный каме-
шекъ, вставленъ былъ вмѣсто
очей въ корабль Садковъ Соколя
(ср. его): *Рыбн.* I, стр. 364,
ст. 34, 35.

Кости:

Пуста Голова, Чело-
вѣчья Кость, Кость Вога-
тырская: см. выше, какъ лицо
пророчествующее.

Рыбій Зубъ, изъ котораго
сдѣлана было во дворѣ Терентъ-
нища (ср. его) подворотня: V, 54.

—
Моря:

Окіанъ-море, славное,
въ которое Царь Морской
(ср. его) выдавалъ дочь любимую
за мужъ (изъ моря Хвалынскаго
или Балтійскаго; по Олонцкой
мѣстности, гдѣ записана Былина,
нужно разумѣть Атлантъ или Бѣ-
лое, Ледовитое): *Рыбн.* I, стр.
369, ст. 65, 66.

Сине море, нужно разумѣть
Балтійское, по описанію пути
изъ Волхова въ Ладожско, со Ла-
дожка во Неву рѣку, со Невы
рѣки во Сине море (если же здѣсь
упоминается, что Садко «воротилъ
въ Золоту Орду,» то это или
по пути Норманновъ вокругъ
Европы, или по вліянію другаго
разряда Былинъ, гдѣ путь Садки
описанъ по Волгѣ и въ море Кас-
пійское); здѣсь-то случилось на-
вѣстное приключеніе съ Садкою
(ср. его), здѣсь подъ водою было
царство Морскаго Царя (ср.

его) и т. п.: *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 173—178 и далѣе; то же Балтійское море подъ именемъ Снѣга должно разумѣть во всѣхъ Былинахъ о Садкѣ изъ Олонецкой мѣстности, *Рыбн.* I; здѣсь оно именуется иногда славнымъ: стр. 364, ст. 37; стр. 368, ст. 45.

Хвалынское, въ Былинѣ о Садкѣ изъ Сибирской мѣстности (Кирша Даниловъ) занимающее совершенно то же мѣсто и значеніе, съ тѣмъ же описаніемъ приключеній Садки и Морскаго Царства, какъ выше море Балтійское; Хвалынское соединялось воднымъ путемъ (Волжскимъ) съ Волховомъ, ибо изъ него, черезъ Ильмень, възвѣщаютъ корабли въ Волховъ, «отъ того снѣга моря Хвалынскаго по славной матушкѣ Волхъ-рѣкѣ бѣгутъ-побѣгутъ тридцать кораблей:» V, стр. 43—46, ст. 46—160. Сравни то же море:

Каспійское, славное море; черезъ него лежалъ «прямой путь въ Иерусалимъ градъ,» семинедѣльный; изъ Иерусалима также ѣздили прямо «по морю Каспійскому къ Нову-городу;» путь описывается—по Ильменю въ Новгородъ (черезъ Волховъ), изъ Новгорода по озеру Ильменю, потомъ (черезъ Волгу) въ Каспійское, отсюда «прямымъ путемъ» въ Ердань-рѣку, въ устьѣ ея, откуда

пѣшкомъ въ Иерусалимъ; это путь Василья (ср. его): V, стр. 23—32, ст. 2, 15, 16, 55, 56, 67, 68, 71—84, 121—184, 199, 200, 214—235, 275—280; ср. выше Волгу, Ильмень и Волховъ, родство ихъ, передачу поклона отъ Волги къ Ильменю въ Новгородъ, переговоры Ильменя черезъ Волховъ съ пришельцемъ отъ Волги, въ Былинахъ о Садкѣ.

—
РѢКИ:

Волховъ, Волхъ: безпрестанно, особенно въ Былинахъ о Васильѣ (ср. его).—Славная матушка (вѣроятно перенесено отъ Волги, которою ѣздили съ моря Хвалынскаго, ср. ее): V, стр. 46, ст. 158.—Рѣчицка (рѣка безпрестанно): *Рыбн.* I, стр. 351, ст. 261; II, стр. 206, ст. 161; рѣченька Волхова: V, стр. 353, ст. 62 и дал.—Здѣсь знаменитый мостъ, памятный преданіями о Перунѣ, играми, борьбами, судебными распрями, битвою Василья; уаица, на которой показался Васильи своимъ товарищамъ, выскочивши изъ подъ запоровъ; сюда ходила за водою Чернавка; сюда, «наквасить рѣку,» грозилась Василью Новгородцы, но, вмѣсто того, напол-

видя ее своими трупами, такъ что «на цѣлую на версту на мѣрную вода съ кровью ежѣсилася;» здѣсь очутился дѣвой ногою Садко, когда проснулся отъ своихъ приключеній въ Морскомъ Царствѣ; здѣсь же увидалъ плывущими свои корабли съ товарищами и т. п.: ср. имена этихъ лицъ и предметовъ, а также выше Удалаго-Добраго молодца, высланнаго для переговоровъ съ Садкою отъ Ильмена.

Обь, занявшая мѣсто Волхова въ Пермской Сказкѣ: V, *Прилож.*

Чернава, въ Новгородѣ, одноименная съ дѣвушкой Чернавой (ср. ее); въ одной былинѣ лѣвая нога Садки (ср. его), закинутая въ просоньи на Чернаву, оказалась въ Волховѣ, а въ другой Садко очутился «о рѣку Чернаву:» V, стр. 46, ст. 150; *Рыбн.* I, стр. 380, ст. 363, 364.

Нева, путь по ней (ѣздилъ и Садко, ср. его) изъ Ладожска, Волхова и Новгорода въ Балтійское море: *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 175, 176.

Волга, ср. ее выше, какъ лицо.

Кума, въ названіи острова Куминскаго: см. его.

Иорданъ, Ерданъ - рѣка, которою отъ моря Каспійскаго (ср. его) подъѣзжали къ Ерусалиму и ставились на корабляхъ въ устьѣ; матушка (*Рыбн.* I, стр.

361, ст. 5): въ ней Странники должны были купаться (какъ и нынѣ), чтобы послѣ сушиться на Олаворъ-горѣ (ср. ее); но нельзя было купаться нагишъ тѣломъ, а въ рубашичкахъ, ибо «нагишъ тѣломъ» крестился только Христосъ (ср. также въ Киевскомъ творчествѣ Пучай-рѣку и купанье Доврыни «нагишъ тѣломъ,» *Рыбн.* I, стр. 121); Василья (ср. его) предостерегала о томъ мать, но онъ не послушался и за это, по предсказанію Бабы Залѣсной, Женщины престарѣлой (см. ее), послѣ потерпѣлъ: V, стр. 24; 29, 30; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207, 208.

—
ОЗЕРА:

Ильмень: см. его выше какъ лицо.

Ладожское, по немъ также ѣздилъ Садко (ср. его): *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 174, 175.

—
БОЛОТА:

Каростанскія, обильныя комарами: Сказка Чулкова. V, *Прилож.*

—

Островъ:

Куминскій, въ устьѣ Кумы, на Каспійскомъ морѣ, гдѣ стояла «застава крѣпкая,» стояли «атаманы козачіе, три тысячи,» грабили «бусы - галеры,» разбивали «червленые корабли,» «козаки-разбойники, стары атаманы;» гости-корабельщики предостерегали **Василья** (ср. его) отъ этой заставы, но онъ поѣхалъ, ибо это былъ прямой путь съ Волги чрезъ Каспійское море въ Ердань, къ Ерусалиму; на этой «заставѣ карабельной» атаманы, противъ ожиданія, скоро узнали **Василья** по постушкѣ, угостили, одарили, дали въ Ерусалимъ провожатаго; на обратномъ пути изъ Ерусалима **Василій** опять заѣхалъ къ нимъ, удостовѣрилъ письменнымъ свидѣтельствомъ, что въ Ерусалимѣ за нихъ много трудовъ положилъ, и простился: V, стр. 26—31, ст. 71—84, 121—175, 214—235.

Корабль:

Соволь, одинъ изъ тридцати (или тридцати трехъ) Садковыхъ,

на которомъ ѣздилъ самъ; Садко (ср. его) самъ себѣ его строилъ, «коршу по гусиному, носъ по орлиному, въ очи вкладывалъ по камешку по славному по яхонту:» V, стр. 41—43, ст. 1—6, 72—78; стр. 46, ст. 159, 160; стр. 34, ст. 18—22; *Рыбн.* I, стр. 364, ст. 30—39; впрочемъ и остальные его корабли были «червленые,» «великіе,» «снасточки шелковыя, кормы писаны по звѣриному, а носъ писанъ по змѣиному:» *Рыбн.* I, стр. 368 и др.—Ср. корабль и у **Василья**, летѣвшій какъ **Соколъ**: *Рыбн.* II, стр. 207, ст. 219.—Ср. также корабль **Соколъ** въ Киевскомъ творчествѣ.

Деревья:

Кипарисное, **Кипарисово**, дерево правое, ибо на немъ «Христось распятъ есть:» V, стр. 37; коромысло у Чернавки (съ Юга, ср. «Замѣтку»): стр. 19.

Яворъ, изъ котораго обычно гусли (яворчаты, яровчаты): безпрестанно.

*

В) Прозвища отъ Имени Собственнаго.

Христовъ, Христосъскій, день (Свѣтлое Воскресенье): *Рыбн.* I, стр. 349, ст. 197; стр. 356, ст. 169; II, стр. 200, ст. 114.— Гробница въ Ерусалимѣ: II, стр. 207, 208.

Господній, гробъ, въ Ерусалимѣ: *Рыбн.* I, стр. 361.

Вожьи, церкви: *Рыбн.* I, стр. 377; II, стр. 208.

Петровъ, день: *Рыбн.* I, стр. 349, ст. 198; стр. 356, ст. 170; II, стр. 200, ст. 115.

Православный, народъ, Русскій: V, стр. 45.

Вѣсовскія, игры, пляски въ Морскомъ Царствѣ: *Рыбн.* I, стр. 369, ст. 88, 89, 97.

Новгородскій, Новогородскій: князья, настоятели, мужики, господа, кушцы, башлыки, и т. п., безпрестанно; товары: то же; великая слава: *Рыбн.* I, стр. 374.

Волгской, Сурь, прозвище Садки (ср. его) отъ Волги: V, стр. 51, ст. 113.

Сибирскій. Наигрыши, нездѣшніи; камочка: V, стр. 37, ст. 125, 127.

Мурзаметскій. Конь: *Рыбн.* I, стр. 345, 347.

Чебурацкій (?), свинопъ: V, стр. 16, ст. 72.

Залѣсный. Баба, прорница-тельница: V, стр. 30, ст. 203.— Ср. Залѣшенъ, V, стр. 16. ихъ же въ Кіевскомъ творчествѣ и Залѣськ, Залѣсье.

Заморскій. Камочка: V, стр. 37; булатъ: стр. 42; товары: *Рыбн.* I, стр. 374 (то же, что нынѣ «Нѣмецкій,» имя для чужихъ странъ): Царь, вѣсто «Морской:» ср. его и V, стр. 43.

Можайскій, Астраханскій, Преображенскій, Смоленскій, Сергѣевъ, Кирилловскій, Волховъ-Волховскій, Юрьевскій, Терентьевскій, Сорочинскій, Хвалынскій, Каспійскій, Ладожскій, Каростанскій, Куминскій: см. ОБРАЗА, ЦАРСТВА, МОНАСТЫРИ, МОСТЫ, УЛИЦЫ, СЛОВОДУ, ГОРУ, МОРИ, ОЗЕРА, БОЛОТО, ОСТРОВЪ.—Также точно **Васильевъ** (на пр. матушка Васильева), **Садковъ** (корабль), **Терентьевъ** (дворъ) и т. п.: см. при именахъ сихъ лицъ.

* * *

ПЪСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРЪЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

МОСКВА.

Въ типографіи Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ.
1864.

КНИЖНИЦА

891,7.6
K53
P'10

Одобрено Ценсурой. Москва, Мая 7-го, 1864.

61-109978

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1863 года, Мая 22-го, LXXII засѣданіе, пунктъ 4, б). Д. Членъ П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что въ ближайшее за тѣмъ время будутъ печататься: выпускъ 6-й «Грозный Царь Иванъ Васильевичъ» и выпускъ 7-й «Отъ Ивана IV-го до Петра I-го;» тѣмъ кончатся II-й томъ издаваемыхъ Обществомъ «Пѣсень.» Положено: по объему выпусковъ, назначить для одного цѣну 50 к., для другаго 1 рубль сер. и поручить П. А. Безсонову, приступить въ свое время къ продажѣ ихъ, не ожидая новыхъ постановленій Общества.

*

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1864-й годъ.

Выпускъ 6.

Пѣсни Вылевыя, Историческія:

Москва.

Грозный Царь Иванъ Васильевичъ.

Оглавленіе, общее для выпусковъ 6-го и 7-го, помѣщено будетъ въ концѣ сего послѣдняго.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

*

I.

Взята Казань.

1.

Охъ вы гости, гости званые,
Гости званые, гости браные!
Сказати ли вамъ, гости, про диковинку,
Про диковинку такую не про маленьку:

5. Еще какъ государь Царь Казань городъ бралъ.

Онъ въ овражкѣ простоялъ, — онъ и кашку расхлебалъ,
Въ другомъ простоялъ, — онъ другую расхлебалъ;
Онъ подкопы копалъ подъ Казанку рѣку,
Онъ подводъ подводилъ подъ Казань городъ,

10. Онъ подкатывалъ бочки, бочки дубовыя,
Какъ со лютымъ со злымъ ¹⁾ чернымъ порохомъ,
Затеплялъ же онъ свѣчу воску яраго.

Татарки Казанки, на стѣнѣ онѣ стояли,
На стѣнѣ онѣ стояли, ж.ы показали:

15. «Еще вотъ тѣ, государь Царь, Казань городъ взять!»
Государево сердечко разсердитовалось,
Приказалъ онъ пушкаревъ казнить-вѣшать.

Выбиралися въ полку люди умные,
Люди умные, люди разумные:

20. — Охъ гои еси, государь Царь Иванъ Васильевичъ!
— Не приказывай, государь, казнить-вѣшати,
— Прикажи ты, государь Царь, слово выговорить:

¹⁾ Зельемъ.—0.

- На вѣтру свѣча скоро топится,
 — Въ захолустыи свѣча долго теплится. —
25. Не успѣлъ же государь Царь слово выговорить, —
 Еще начало же Казань городъ рвати,
 Рвать-порывать, на всѣ стороны кидать,
 Татарокъ Казанокъ въ рѣку всѣхъ бросать.

(Доставл. г. Варламовымъ).

*

2.

Добрые люди, послушайте,
 А мы, малые ребята, станемъ сказывать
 Про Грозна Царя Ивана Васильевича.

- Какъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ
5. Къ Казани подходилъ, какъ Казань городъ бралъ,
 Отъ Свияжскаго отъ города подкопъ подводилъ
 Онъ подъ славную подъ рѣчку подъ Казанку-рѣку,
 Со своей силою войскою ¹⁾;
 Онъ и бочечки со порохомъ закатывалъ;
10. Затепляетъ онъ свѣчи воску яраго,
 И поставилъ свѣчи воску яраго.

- На вѣтрѣ свѣчи скоро топятся,
 Въ закутѣ свѣчи долго топятся:
 — Не вели ты, батюшка, казнить,
 15. — Вели слово говорить. —
 Не успѣлъ пушкарь слово молвити,
 Правду выговорити,
 Раскидало-разметало стѣну каменную.

(Отъ того же).

*

¹⁾ Военною; отсюда древнее *войска* вмѣсто *войско*, сохраненное и нынѣ у вѣкоторыхъ Славянъ. — О.

-(Москва).

Ужь вы люди ли, вы люди стародавчіе,
Молодые молодцы, даволь ¹⁾ послушати,
Еще я вамъ расскажу про царевый про походъ,
Про Грозна Царя Ивана Васильевича.

3. Онъ подходомъ подходилъ подъ Казань городокъ,
А подкопы подкопалъ подъ Казанку подъ рѣку.
Что Татары же по городу похаживали,
Что Грозна Царя Ивана Васильевича поддразнивали,
Что и тутъ-то нашъ Грозенъ Царь прикручинился,
10. Онъ повѣсилъ буйну голову на правое плечо,
Утушилъ онъ ясны очи во сыру мать землю,
Онъ велѣлъ ли, государь Царь, пушкарей сзывать,
Пушкарей созывать, зажигальщичковъ,
Онъ велѣлъ, сударь, скоро казнить — скоро вѣшати.
13. Не успѣлъ молодой пушкарь слово вымолвить, —
Воску яраго свѣча затеплилася,
Что и съ порохомъ бочка загорѣлася,
Что побилу Татаръ сорокъ тысячей,
[Сорокъ тысячей] и три тысячи.

(Запис. А. А. Григорьевымъ отъ цыгана Антона Сергѣева; ср. Отеч. Зап. 1860,
Апрѣль, Сборн. П. В. Якушкина).

*

¹⁾ Доволь, изволь, извольте. — 0.

(Саратовъ).

Кто бы намъ сказалъ про царёвъ походъ,
Про Грознаго Царя Ивана Васильевича?

- Какъ онъ, Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ,
Скоплялъ силушку ровно тридцать лѣтъ,
5. Ровно тридцать лѣтъ, еще ²⁾ три года:
Сокоплѣмши свою силушку, воевать пошелъ,
Онъ подъ славное царство Казанское;
Не дошедши до Казани, становился,
Становился нашъ батюшка въ зеленыхъ лугахъ,
10. Въ зеленыхъ лугахъ заповѣдныхъ ³⁾.
Какъ онъ, Грозенъ Царь, подъ Казань подступилъ,
Подъ рѣчку подъ Казаночку ⁴⁾ подкопъ подводилъ,
Подъ другую сторону — подъ Булатъ подъ рѣку.
Мы съ порохомъ бочки закатывали,
15. Сорокъ бочекъ закатили ⁵⁾ съ ⁶⁾ лютымъ зельемъ,
[Съ лютымъ зельемъ,] съ ⁷⁾ порохомъ,
Зажигали на бочкахъ воску ярова свѣчи ⁸⁾,
Зажжѣмши свѣчи, сами вонъ пошли ⁹⁾,
Сами вонъ пошли, сами прочь отошли.
20. А злые Татаришки ¹⁰⁾ по стѣночкѣ похаживаютъ,
Нашего Царя Бѣлаго Ивана Васильича ¹¹⁾ подражни-
ваютъ ¹²⁾...
На то Грозный Царь ¹³⁾ осердился:
«Подавай мнѣ пушкарёвъ казнить-вѣшать ¹⁴⁾!»

1) Разнорѣчія въ Сборн. гг. Костомар. и Мордовц. — 2) «и». — 3) «въ заповѣданныхъ.» — 4) «подъ Казанку.» — 5) «закатилъ.» — 6) «со.» — 7) «со.» — 8) «Зажигали мы на бочкахъ свѣчи воску ярова.» — 9) «прочь отошли.» — 10) «Татарченки.» — 11) «Васильевича.» — 12) Добавленъ пропущенный стихъ: «Ты не городъ пришелъ братъ, пришелъ ж... казаты!» — 13) «Ив. Вас.» — 14) «вѣшати.»—О.

- Вотъ ¹⁾ и выбрался изъ нихъ молоденькій ²⁾ пушкарь:
 25. — Не изволь, государь, насъ вѣшать и казнить ³⁾,
 — Дай ты намъ ⁴⁾ рѣчи стговорить:
 — Наружи-то свѣчи — онѣ скоро горять,
 — Въ подземелья-то ⁵⁾ свѣчи не скоро теплются. —
 Не успѣлъ слова сказать, — стало бочки рвать,
 30. Стало бочки рвать, землю на розно метать ⁶⁾,
 И побилю всѣхъ Татаръ каменничкомъ.

(Ср. Извѣст. А. Ш., т. III: запис. А. Н. Пасхаловою).

*

5.

(Пермск. губ., с. Новое Усолье).

- По городу Татаринокъ погуливаетъ,
 Надъ нашимъ надъ Царемъ насмѣхается:
 « Не взять тебѣ Казань городъ ни во сто лѣтъ,
 « [Ни во сто лѣтъ,] ни во тысячу годовъ.»»
 5. На это нашъ государь приразгнѣвался,
 Приказалъ нашъ государь подъ Казань городъ,
 [Подъ Казань городъ] подкопы подкопати.
 Подъ рѣчку Казанку подкопы подкопали,
 Много бочекъ закатали съ чернымъ порохомъ,
 10. Засвѣтили на нихъ свѣчки воскояровья,
 Молодые пушкари изъ подкопу выходили,
 Свѣчки догорѣли, — бочки не разорвало.
 На то нашъ государь приразгнѣвался и пріосердился,
 Приказалъ нашъ государь пушкарей своихъ казнить,
 15. [Пушкарей своихъ казнить,] саблей головы рубить.
 Всѣ наши пушкарички задумались — стоятъ,
 [Задумались — стоятъ,] ничего не говорятъ,
 Одинъ же пушкаричекъ осмѣлился,

¹⁾ «Какъ.» — ²⁾ «молодой.» — ³⁾ «вѣшать — казнить.» — ⁴⁾ «государь.» — ⁵⁾ «Въ подземелья.» — ⁶⁾ Прибавлено: «Какъ стѣны бросало за Булатъ-рѣку.» — 0.

- Къ Царю близко подходилъ, ему рѣчи говорилъ:
20. — Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Не приказывай казнить, прикажи мнѣ говорить:
 — На ходу-то наши свѣчки скоро горять,
 — Во глухомъ же мѣстѣ онѣ тихо горять. —
 Не успѣлъ слова вымолвить, —
25. Свѣчки догорѣли, бочки рѣзорвало.
 Теперь нашъ государь привоизрадовался,
 Приказалъ нашъ государь пушкарей своихъ дарить,
 Всѣмъ пушкарямъ по пятидесять рублей,
 Одному пушкарчику пятьсотъ ему рублей;
30. За то ему пятьсотъ: къ Царю близко подходилъ,
 [Къ Царю близко подходилъ,] ему рѣчи говорилъ.

(Со словъ прѣзжаго мужика, доставлено 1849 г. Директоромъ Пермскихъ училищъ:
 ср. «Этногр. Сборникъ», вып. V).

*

6 1).

Вы, молодые ребята ²⁾, послушайте,
 Чтò мы, стары старики, будемъ сказывать
 Про Грознаго Царя Ивана про Васильевича.

Какъ онъ, нашъ государь-Царь, подъ Казань городъ
 ходилъ,

5. Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ,
 За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
 А пушки и снаряды ³⁾ въ чистомъ полѣ разставлялъ.
 Ой, Татаре ⁴⁾ по городу похаживаютъ,
 И всяко грубiянство оказываютъ,
10. Они Грозному Царю насмѣхаются:
 «Ай, не быть ⁵⁾ нашей Казани за Бѣлымъ за Царемъ!»

¹⁾ Былина нѣсколько подправлена. — То же самое въ сборникѣ гг. Костомар. и Мордовц., у Сахарова и въ другихъ пѣсенникахъ, откуда приведены раз-
 ворѣчiя. — ²⁾ *Морд.* и *Сахар.* «ребята.» — ³⁾ *Морд.* «А пушки, снаряды.» —
⁴⁾ *Сахар.* «А Татаре;» *Морд.* «А Татарчени.» — ⁵⁾ *Морд.* «Не бывать.» — *О.*

Ахъ ¹⁾, какъ тутъ нашъ государь ²⁾ разгнѣвался ³⁾,
 Что подрывъ такъ долго медлится ⁴⁾,
 Приказалъ онъ за то ⁵⁾ пушкарей ⁶⁾ казнить,
 15. Подкопщиковъ и зажигальщиковъ ⁷⁾.

Какъ всё тутъ ⁸⁾ пушкари призадумалися,
 А одинъ пушкарь поотважился ⁹⁾:
 — Прикажи, государь-Царь, слово выговорить ¹⁰⁾? —
 Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить ¹¹⁾,
 20. Тогда лишь догорѣли зажигальныя свѣчи ¹²⁾,
 И вдругъ разрывало ¹³⁾ бочки съ порохомъ,
 Какъ стѣны бросать стало за Сулай за рѣку ¹⁴⁾.
 Всѣ Татары ¹⁵⁾ тутъ, братцы, утрашилися,
 Они Бѣлому Царю покорилися.

Пѣсенникъ Новиковскій, «Новое и полное собраніе Россійскихъ пѣсень», М., 1780 г., Ч. I, № 123, стр. 141, 142; то же самое у Чулкова, «Собраніе разныхъ пѣсень», Спб., 1770 г., Ч. I, № 123, стр. 136; почти то же — съ описками — въ Пѣсенникѣ Гурьянова, 1833, Ч. XIII; разнорѣчія изъ Сборниковъ Сахарова, гг. Костомар. и Мордомц.).

* *

¹⁾ Тамъ же (и ниже): «Ужъ.» — ²⁾ «государь-Царь.» — ³⁾ «прогнѣвался.» —
⁴⁾ Стихъ этотъ опущенъ. — ⁵⁾ «Приказалъ онъ.» — ⁶⁾ «пушкаревъ.» — ⁷⁾ За
 сѣмь:

Что отъ нихъ измѣна учинилась,
 Что на полѣ вся свѣча сгорѣла,
 А подрывъ такъ долго медлится.

⁸⁾ «А и тутъ всё.» — ⁹⁾:

Большой за меньшого хоронится,
 А одинъ пушкарь отважился.

¹⁰⁾ «молвить.» — ¹¹⁾ «выговорить.» — ¹²⁾ «Подъ землю свѣча догорала.» —
¹³⁾ «И тутъ разорвало.» — ¹⁴⁾ «Стало стѣны бросать за Сулай-рѣку.» — За сѣмь:
 Заврвало палаты бѣлокаменны.» — ¹⁵⁾ «Татары.» — 0.

II.

1.

(Кириша Даниловъ).

- Среди было Казанскаго царства,
 Что стояли бѣлокаменны палаты.
 А изъ спальни, бѣлокаменной палаты,
 Ото сна тутъ царица пробуждалася,
 3. [Пробуждалася] царица Елена,
 Симеону царю она сонъ рассказала:
 «А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
 «Что ночесъ мнѣ, царицѣ, мало спалося,
 «Въ сновидѣнницѣ много видѣлося:
 10. «Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
 «Кабы сизой орлице встрепенулся,
 «Кабы грозная туча подымалась,
 «Что на наше вѣдь царство наплывала ¹⁾»»

- А изъ сильнаго Московскаго царства,
 15. Подымался Великій Князь ²⁾ Московскій,
 А Иванъ, сударь, Васильевичъ, Прозритель ³⁾,
 Со тѣми ли пѣхотными полками,
 Что со старыми славными козаками,
 Подходили подъ Казанское царство,
 20. За пятнадцать верстъ становились,
 [Становились] они подкопью подъ Булатъ-рѣку;
 Подходили подъ другую подъ рѣку—подъ Казанку,
 Съ чернымъ порохомъ бочки закаати,
 А и подъ гору ихъ становили,

¹⁾ Слѣдующее за симъ служитъ объясненіемъ сну; отъ сна былина переходитъ къ разсказу о самомъ событіи.— ²⁾ Ниже объяснено, что онъ сдѣлался Царемъ лишь по взятіи Казани.— ³⁾ Народное прозвище Ивана.—*О.*

25. Подводили подъ Казанское царство;
 Воску яраго свѣчу становили,
 А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ ¹⁾:
 Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
 А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣя.
30. Возпалился тутъ Великій Князь Московскій,
 Князь Иванъ, сударь, Васильевичъ, Прозритель,
 И зачалъ канонеровъ тутъ казнити,
 Что началась отъ канонеровъ измѣна.

- Что большой за меньшаго хоронился,
 35. Отъ меньшаго ему, Князю, отвѣту нѣту;
 Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
 — Ты Великій, сударь, Князь Московскій!
 — Не вели ты насъ, канонеровъ, казнити:
 — Что на вѣтрѣ свѣча горить скорѣе,
 40. — А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе.—

Позадумался Князь Московскій,
 Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собою,
 Еще какъ бы это дѣло оттянути ²⁾.

- Они тѣ-то рѣчи говорили,—
 45. Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
 До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ:
 Принимались бочки съ чернымъ порохомъ,
 Подымало высокую гору,
 Разбросало бѣлокаменны палаты.
50. И бѣжалъ тутъ Великій Князь Московскій
 На тое ли высокую гору,
 Гдѣ стояли царскія палаты.
 Что царица Елена догадалась,
 Она сыпала соли на ковригу,

¹⁾ Вѣроятно (по складу): «въ лагерѣ на полѣ.»—²⁾ Эти три стиха явная вставка и относятся конечно къ царю Симеону, какъ, послѣ рассказаннаго сна, придумывалъ онъ оттянуть свершеніе событія; къ сожалѣнію этотъ эпизодъ не сохраненъ былинами.— За сямъ слѣдуетъ прервавшее, послѣ рѣчи пушкарей.—0.

55. Она съ радостью Московскаго Князя встрѣчала,
 А того ли Ивана, сударь ¹⁾, Васильевича, Прозрителя:
 И за то онъ царицу пожаловалъ,
 И привелъ въ крещеную вѣру,
 Въ монастырь царицу постригли.
60. А за гордость царя Симеона,
 Что не встрѣтилъ Великаго Князя ²⁾,
 Онъ и вынулъ ясны очи косицами ³⁾,
 Онъ и взялъ съ него Царскую корону,
 И снялъ Царскую порфиру,
65. Онъ Царскою костью въ руки принялъ.

И въ то время Князь воцарился,
 И насѣлъ въ Московское Царство:
 Что тогда, де, Москва основалася,
 И съ тѣхъ поръ великая слава ⁴⁾.

* *

¹⁾ Т. е. сударя, государя.— ²⁾ Сюда ошибочно отнесено Калайдовичемъ слово «онъ.»— ³⁾ Висками.— ⁴⁾ См. ниже «Замѣтку.»—О.

III.

1 *).

(Сибирск. губ., с. Усть-Урень).

Ты куда, куда собираешься,
 Православный Царь, изъ Москвы въ Казань ¹⁾?
 Не одинъ-то православный Царь собирается,
 Береть добраго молодца и меня съ собой.

5. А мнѣ, доброму молодцу, ѣхать не хотѣлося,
 Хотѣлося въ Москвѣ пожить,
 [Въ Москвѣ пожить,] при дворцѣ служить,
 При дворцѣ [служить] государевомъ.
 Ничего-то мнѣ въ Москвѣ не пожалилось ²⁾,

10. Да только жалко зелена саду,
 Да жалко мнѣ, доброму молодцу,
 [Добру молодцу] въ саду три деревца:
 Первое деревцо — купарисово,
 Другое деревцо — зелена груша,

15. Третье деревцо — сладко яблонько ³⁾.

*) Слѣдующіе образцы переходятъ уже въ отдѣлъ пѣсенъ Молодецкихъ и Безымянныхъ. — 0.

¹⁾ Стихи вѣроятно такovy:

Ты куда, куда собираешься?
 Собирается православный Царь,
 Православный Царь изъ Москвы въ Казань.

²⁾ Не жалко.— ³⁾ Сладка яблонька? Сладко яблочко? — 0.

- Купарисово древице — родной батюшка,
 А зелена груша — родна матушка,
 Сладко яблонько — молода жена.
 Гдѣ батюшка плачетъ, тутъ рѣка течеть,
 20. Гдѣ матушка плачетъ, ключи быстры текутъ,
 Гдѣ жена плачетъ, — туманъ съ дождемъ.

(Отъ ратника Картавенко, запис. П. В. Шейномъ).

* *

IV.

1.

- Во славномъ городѣ во Казани,
 Среди торгу на базарѣ,
 Не ручей шумить, то слеза катитъ
 По бѣлѣ лицу красной дѣвицы.
 5. Что не трубушка вострубила,
 То возгворить красавица,
 Молодая Татарушка:
 « Не отецъ не мать разлучили насъ,
 « Разлучилъ насъ Великій Князь,
 10. « Князь Иванъ сударь Васильевичъ:
 « На лету убилъ ясна сокола,
 « А меня, младу, во плѣнь берётъ.»

(Отъ Г-жи Улыбышевой).

* *

V.

1 *).

(Орловск. губ., Малоарханг. уѣзда, с. Сабурово).

Соловейко кукушечку уговаривалъ:

- « Полетимъ, кукушечка, во мой зеленъ садъ:
 « Во моемъ ли во садикъ зеленъ виноградъ,
 « Во моемъ ли во садикъ молодчикъ гулялъ.
 Б. « Молодецъ молодешенькой, не веселъ онъ былъ.
 « Чего добру молодцу веселому быть?
 « Что журить-бранить батюшка, не зная за что,
 « Парекъ, нарекъ батюшка во солдаты отдать.
 « — А мнѣ, доброму молодцу, не хотѣлося,
 10. « — Хотѣлось молодцу хоть годокъ дома прожить,
 « — Хоть годокъ дома прожить, во Москвѣ побывать,
 « — Въ Москвѣ, въ Москвѣ побывать, солдатухекъ поглядѣть:
 « — Солдатушки батюшки во строю стоятъ,
 « — Во строю-строю стоять, по ружью держать.—»

*

2.

(Моск. губ., Звенигор. уѣзда, с. Ильинское).

Соловей кукушку подговариваетъ,

Подговариваетъ, все обманываетъ:

- « Полетимъ, кукушка, во сыры боры,
 « Мы совьемъ, кукушка, тепло гнѣздышко.
 Б. « И мы выведемъ малыхъ дѣтушекъ,
 « Малыхъ дѣтушекъ, куколатушекъ!»
 Ой, у ключика у холоднаго,
 Молодецъ дѣвицу подговариваетъ,

*) Эта пѣсня началомъ своимъ одинакова съ послѣдующими, а концемъ съ выше помѣщенной въ Отд. III-мъ. — О.

Подговариваетъ, все обманываетъ:

10. « Мы пойдёмъ, дѣвица, во Казань городъ:
 « Какъ Казань городъ на красѣ стоитъ,
 « А Казанка рѣчущка медкомъ бѣжитъ,
 « По горамъ-горамъ да всё камушки,
 « Да всё камушки, всё горючіе,
 15. « По лугамъ-лугамъ да всё травушки,
 « Да всё травушки, всё шелковыя.»
 — Не обманывай, добрый молодець:
 — Я сама знаю про то—вѣдаю,
 — Что Казань городъ на крови стоитъ,
 20. — А Казанка рѣчущка кровью бѣжитъ,
 — По горамъ-горамъ всё головушки,
 — Всё головушки да всё буйныя,
 — По лугамъ-лугамъ всё черны кудри,
 — Всё черны кудри молодецкія. —

*

3.

(Орловск. губ., Малоарх. уѣзда .

Соловей кукушку подговариваетъ,

Подговаривалъ, всё обманывалъ:

« Полетимъ, кукушка, во темны лѣса,
 « Мы совѣмъ съ тобою тепло гнѣздушко.»

5. Молодецъ дѣвицу подговаривалъ:
 « Поѣдемъ, дѣвица, во Казань городъ:
 « Казань городъ на красѣ стоитъ,
 « На красѣ стоитъ, на крутой горѣ,
 « Казаночка рѣчка медова течётъ,
 10. « Мелки ключики — зеленѣ вино,
 « По лугамъ-лугамъ трава шелкова,
 « По горамъ-горамъ цвѣты алые,
 « Цвѣты алые, всё лазоревы »

- Не обманывай, добрый молодецъ:
 15. — Я сама давно про то вѣдаю,
 — Что Казань городъ на костяхъ стоитъ,
 — Казаночка рѣка кровава течётъ,
 — Мелки ключики—горючи слезы,
 — По лугамъ-лугамъ всё волосы,
 20. — По крутымъ горамъ всё головы,
 — Молодецкія, всё Стрѣлецкія.—

*

4.

- Соловей кукушку обманывалъ,
 Онъ обманывалъ, подговаривалъ:
 « Полетимъ, кукушка, вы темны лѣса,
 « Вы темны ль лѣса, вы дремучіе,
 5. « Совьемъ, кукушка, съ тобой гнѣздышко,
 « Съ тобой гнѣздышко, съ тобой тёплое,
 « Выведемъ, кукушка, съ тобой дѣтушекъ.»
 Молодецъ дѣвицу обманывалъ,
 Онъ обманывалъ, уговаривалъ:
 10. « Поѣдемъ, дѣвица, вы Казань городъ:
 « Что Казань городъ вы красѣ стоитъ,
 « А Казанка рѣчка-та медомъ протекла,
 « По лугамъ-лугамъ шелкова трава,
 « По горамъ-горамъ тамъ всё камушки,
 15. « Да всё камушки разноцвѣтные.»
 — Молодецъ, молодецъ, не обманывай,
 — Не обманывай, не подговаривай:
 — Я сама знаю про все—вѣдаю,
 — Что Казань-то городъ во крови стоитъ,
 20. — Что Казанка-та рѣчка кровью протекла,
 — Мелкіе ручьи — горючими слезьми,
 — По лугамъ-лугамъ да всё волосы,

— По горамъ-горамъ да всё головы,
— Да всё головы различныя.—

*

5.

- Соловей кукушку подговаривалъ,
Подговаривалъ, все обманывалъ:
« Полетимъ мы, кукушка, во темны лѣса,
« Мы собьемъ ли, кукушка, тепло гнѣздо,
5. « И мы выведемъ малыхъ дѣтушекъ,
« Малыхъ дѣтушекъ соловьятушекъ.»
Молодецъ дѣвицу подговаривалъ,
Подговаривалъ, все обманывалъ:
« Мы поѣдемъ, дѣвица, во Казань городъ:
10. « Какъ Казань городъ на красѣ стоитъ,
« Казанка рѣчка медомъ протекла,
« А малы ручьи зеленымъ виномъ,
« По горамъ-горамъ по высокіимъ
« Лежатъ каменя самоцвѣтные,
15. « По лугамъ-лугамъ по зеленымъ
« Растеть трава шелковая.»
— Не обманывай, доброй молодецъ:
— Я сама знаю про то—вѣдаю,
— Что Казань городъ на кровѣ стоитъ.
20. — А Казанька рѣчка кровью протекла.
— Малые ручьи горючими слезами;
— По горамъ-горамъ по высокіимъ
— Лежатъ головы молодецкія,
— Молодецкія, все солдатскія;
25. — По лугамъ-лугамъ по зеленымъ
— Лежатъ кудри молодецкія.
— Молодецкія, всё козацкія.—

(«Новикъ Писеникъ».)

* *

VI.

1.

(Арханг. губ., Кола).

Шли солдатухи слободой,
Манять дѣвушекъ за собой:

- « Вы пойдите-ко, дѣвушки, съ нами,
« Съ нами, добрыми молодцами,
5. « Не далече, до Казани:
« Во Казани-то жить привольно,
« Жить привольно, гулять охотно,
« У насъ денежекъ предовольно,
« У насъ домики пребогаты,
10. « Бѣлокаменные стоятъ палаты,
« Межь домами—то текеть рѣчка,
« Течеть рѣченька медовая,
« По ней струечка золотая.»
Что за рѣченькой стоялъ кустикъ,
15. Стоялъ кустикъ-кустъ раки товъ,
На кусточкѣ соловейко,
Соловеюшко сидитъ, громко свищеть,
Громко свищеть онъ, воспѣваетъ,
Красныхъ дѣвушекъ унимаетъ:
20. « Не сдавайтесь вы, дѣвки красныя,
« На солдатскія на обманки:
« У солдатухекъ дома—горы,
« Дома—горы каменисты,
« Межь домами-то текеть рѣчка,
25. « Текеть рѣченька да кровяная,
« По ней струечка слезеная.»

(Запис. г. Максимовымъ; ср. Сборн. Ягуши. 1860 г.).

*

(Вологодск. губ.).

- По Питерской дорожкѣ
 Ъхали обозы ¹⁾,
 За обозами шли матросы ¹⁾,
 Матросики молодые ¹⁾,
5. Неженаты, холостые.
 Въ эту пору
 Вышла дѣвушка за водою, 2.
 За холодной, ключевою. 2.
 Матросики дѣвущкѣ говорили: 2.
10. « Ты поѣдемъ, дѣвушка, съ нами,
 « Съ нами, молодцами ²⁾:
 « У насъ жить-то,
 « Дѣвушка, привольно ²⁾,
 « Питья-кушанья довольно ²⁾,
15. « У насъ горы некрутыя ²⁾,
 « У насъ рѣченька Казанка, 2.
 « По ней струйка золотая.»
 Какъ одинъ-то матросъ
 Дѣвущкѣ говорилъ: 2.
20. « Не сдавайся-ко, дѣвушка, на басни, 2.
 « На солдатскіе обманы: 2.
 « У насъ жить-то непривольно,
 « Питья-кушанья-то недовольно, 2.
 « У насъ горы-то крутыя, 2.
25. « Въ горахъ камешки простые, 2.
 « Прошла рѣчка слезеная ³⁾,
 « По ней струйка кровавая.»

(6. Студентскія, 1841 г.).

*

1) Последнее слово повторяется.— 2) То же.— 3) То же.—0.

3.

- Шли матросы,
 За матросами солдаты,
 За солдатами обозы;
 Они шли-прошли слободою,
 5. Идѣть дѣвушка за водою;
 Зовутъ дѣвушку за собою:
 « Пойдемъ, дѣвушка, съ нами,
 « Съ нами до Казани:
 « Отъ Казани Питеръ ¹⁾ не далече;
 10. « У насъ во Питерѣ жизнь—приволе,
 « У насъ горушки сахарныя,
 « У насъ ключики медовые.»
 — Солдатушки, вы не обманывайте,
 — Я сама, дѣвушка, про то знаю:
 15. — У васъ горушки головныя,
 — У васъ ключики кровавые,
 — У васъ бережки ледяныя.—

(Пѣсня жюльиная).

*

4.

(Тверск. губ.).

- Шли-прошли обозы,
 За обозами матросы;
 Они шли-прошли слободою,
 Звали Дунюшку съ собою:
 5. « Пойдемъ, Дунышка,
 « Пойдемъ съ нами:

1) Питеръ и другіе города, вмѣсто Казани, вставлены позднѣе.—0.

- « У насъ, Дуняшка,
 « Жить привольно,
 « Работать у насъ охотно,
 10. « У насъ дома всё каменные,
 « Текуть рѣчки медовыя,
 « У насъ горы восковыя,
 « Въ горахъ камни дорогіе.»
 — Не обманывайте, солдаты,
 15. — Я сама про всё про то знаю:
 — У васъ домики—палатки,
 — У васъ горы—земляныя,
 — Въ горахъ камни всё простые,
 — Текуть рѣченьки слезовыя.—

(Запис. г. Туринимъ).

*

Б.

(Сибирск. губ.).

- Какъ по Московской
 Было по дорожкѣ,
 Шли-прошли обозы,
 За обозами шли солдаты,
 Б. За солдатами шли матросы,
 Матросы молодые;
 Звали дѣвокъ за собой:
 « Вы пойдете, дѣвки, съ нами,
 « Съ нами, съ молодцами,
 10. « Со Донскими козаками:
 « Какъ у насъ въ Москвѣ
 « Житье привольно,
 « Золотой казны довольно,
 « Тутъ текуть рѣчки медовыя,

15. « Круты горы золотыя,
 « Во горахъ камни золотые.»
 « Не склоняйтесь, дѣвки, на бѣлы,
 « На солдатскіе на обманы!»

(Запис. Дн. А. Валуевымъ).

*

6.

(Сибирск. губ., Семил. уѣзда, въ с. Старомъ Ярмкѣ).

- Какъ по Питерской было по дорожкѣ,
 Тутъ шли-прошли обозы,
 За обозами шли солдаты,
 Солдатушки молодые, новобранны;
 5. Они шли-прошли слободою,
 Звали дѣушекъ съ собою:
 « Вы пойдете, дѣвки, съ нами,
 « Съ нами, добрыми молодцами,
 « Со Уральскими козаками:
 10. « У насъ дѣушкамъ жить привольно,
 « Горы-долы у насъ золотые,
 « Во горахъ камни дорогіе,
 « Бѣжить рѣчущка медовая,
 « По рѣчущкѣ растеть малина ¹⁾
 15. « И сладка ягода малина.»

*

¹⁾ Калина.—0.

(Бѣлая Русь).

- Ишли-пройшли всё обозы,
 Ишли да пройшли слободою,
 Звали яны дѣвушакъ за собою:
 « Идѣти вы, дѣвушки, всё и зѣ нами,
 5. « Всё и зѣ нами, за нашими обозами:
 « Въ нашей жа сторонѣ добро житѣ,
 « У насъ жа то гóрушки грумовыя,
 « По горáхъ камушки золотыя,
 « У насъ жа то рѣчушки медовыя,
 10. « У насъ жа то травница шоўковица!»
 — А ня праўда ваша, соўдатушки:
 — У вашей жа сторонѣ худо житѣ,
 — У васъ жа то гóрушки кулявыя ¹⁾,
 — У васъ жа то по горáхъ камушки круповыя,
 15. — Рѣчушки кривавыя,
 — А по лугáхъ травница всё мятлица.—

* *
*

¹⁾ Изъ пуль, изъ ядеръ. — 0.

Помочь Царю подь Казанью.

I.

1.

(Сибирск. губ., с. Языково).

Не ясныя соколики солеталися,
[Не] Персидскіе Мазуры ¹⁾ собиралися,
Они думали-гадали думу крѣпкую,
Думу крѣпкую за единую:

5. «А кому-то намъ, ребята, атаманомъ быть,
«Атаманомъ быть, есауломъ слыть?
«Атаманомъ быть Степанушкѣ,
«Есауломъ слыть Никитушкѣ ²⁾»»

- Есаулъ рѣчь взговорилъ, — во трубу вострубилъ,
10. Атаманъ рѣчь взговорилъ, — во свирѣль взыгралъ:
«Какъ не полно намъ, ребята, на моряхъ стоять,
«Не пора ли намъ, ребяташки, во Россіюшку итти?
«Какъ подь городомъ по Казанью стоитъ Бѣлый Царь,
«Стоитъ Бѣлый Царь, Царь Иванъ Васильевичъ:
15. «Онъ не годъ стоялъ, не два года,
«Онъ стоялъ ровно семь годовъ:
«Не взявши Казань горюеть, хочетъ прочь итти.
«Пойдемте-ка, ребяташки, на подмогушку,

¹⁾ Мазуры, Мазурушки — Мурзы, мураушки: и ниже. — ²⁾ И ниже без-
прерывная сѣна именъ — Ермака, Стеньки Разина и Никиты Романо-
вича. — 0.

- « [На подмогушку] въ Волгу матушку!
20. « Еще какъ-то намъ, ребята, города пройти?
 « Астраханское славно царство пройдемъ съ вечера,
 « А Царицынъ городочикъ во глухую полночь,
 « А Саратовъ славный городъ на бѣлой зарѣ,
 « Вольской и Хвалынской средь бѣла дня,
25. « Сызрану и Самарѣ не поклонимся,
 « Въ Жегулевскихъ крутыхъ горахъ остановимся;
 « Мы вобьемъ-ка приколушки пихтовые,
 « Мы чалики зачалимъ шелковыя,
 « Мы сходенки положимъ кипарисовыя,
30. « Мы сойдемте-ка, ребята, на сухой берегъ,
 « Мы взойдемте-ка, ребята, на крутой берегъ,
 « Поглядимъ-ка, ребята, съ горы подъ гору,
 « Разобьемте-ка, ребята, три суденушка,
 « Мы пошлемте-ка, ребята, записочки
35. « Царю Ивану Васильевичу:
 « Возьму городъ Казань въ три часа!»

*

2.

(Сызрань).

- « Не полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,
 « Не пора ли намъ, братцы, возвратитися?
 « Подъ Казанью городочкомъ стоитъ
 « Бѣлый Царь Иванъ Васильевичъ:
5. « Мы пойдемте-ка на помощь къ нему!
 « Мы Астрахань городочекъ пройдемъ съ вечера,
 « А Саратовъ городочекъ на бѣлой зарѣ,
 « А Самарѣ городочку мы поклонимся,
 « Въ Жигулевскихъ горахъ мы остановимся:

10. « Шатрики раскинемъ шелковые,
 « Приколочки поставимъ дубовые,
 « Слѣдте, братцы, позавтракаемте,
 « По рюмочкѣ мы выпьемъ, — поздравствуемъ,
 « По другой мы выпьемъ, — пѣсни запоемъ,
 15. « Погуляемъ да въ путь поидемъ
 « Подъ Казань городокъ!»

*

3.

(Саратовъ).

- Какъ далеченько, далеченько во чистомъ полѣ,
 Да еще того подалѣй — на синѣмъ морѣ,
 Какъ на синѣмъ морѣ было на Каспискимъ,
 Что на славномъ было островѣ на Персидскимъ,
 5. Собиралися музуры, добры молодцы.
 Они думушку гадали всѣ великую,
 Думу крѣпкую гадали за единую:
 « Вотъ кому изъ насъ, ребятушки, атаманомъ быть,
 « Да кому изъ насъ, ребятушки, есауломъ слыть?
 10. « Атаманомъ быть Ермилу Тимоѣичу,
 « Есауломъ слыть Никитушкѣ Романычу.»

- Атаманъ-то рѣчь возговорить, что въ трубу трубить,
 Есаулъ-то рѣчь возговорить, какъ въ свирѣль играть:
 « Не пора ли намъ, ребята, со синя моря,
 15. « Что на матушку на Волгу, на быстру рѣку?
 « Еще какъ-то намъ, ребята, города пройти?
 « Астраханское славно царство пройдемъ съ вечеру,
 « А Царицынъ городочикъ во глуху полночь,
 « А Саратовъ на бѣлой зарѣ,
 20. « Мы Самарѣ городочку не поклонимся,
 « Въ Жигулёвскихъ горахъ мы остановимся:

- « Вотъ мы чалочки причалимъ все шелковыя,
 « Вотъ мы сходенки положимъ все кедровыя,
 « Атаманушку сведемъ двое подъ руки,
 25. « Есаулушка, ребятушки, — онъ самъ сойдетъ.»

- Какъ возговорить нашъ батюшка атаманушка:
 « Еще какъ-то намъ, ребята, Казань городъ брать?
 « Вотъ подъ городомъ Казанью стоитъ Бѣлый Царь,
 « Стоитъ Бѣлый Царь, Иванъ сударь Васильевичъ,
 30. « Онъ не много и не мало стоитъ — семь годовъ,
 « Онъ подкопушки подкапывалъ все на семь верстъ,
 « Калены стрѣлы пускалъ безсчѣтныя:
 « Мы пойдемъ-ка же, ребята, на подмогу къ нимъ!»

(Запис. А. Н. Насхаловою; ср. Изв. А. Н.).

* *

II.

1*).

(Сибирск. губ., с. Головино).

- Далече-далече, во чистомъ полѣ,
 Еще подаль, на синемъ морѣ,
 На синемъ морѣ, на возморяцѣ,
 Выплывали-выгробали добры молодцы,
 5. Славные мазурушки Персидскіе.
 Становились добры молодцы на зеленый лугъ,
 Сходились добры молодцы во единый кругъ,
 Думали крѣпкую думу за единую:
 « Кому-то у насъ, братцы, атаманомъ быть?
 10. « Атаманомъ быть Ермохъ Тимоеичу,
 « Есауломъ быть Никитѣ Иванычу.»

*) Слѣдующій за сямъ отдѣлъ, мало по малу забывая о Казани, Иванъ Васильевичъ и Бѣломъ Царѣ, переходитъ къ простымъ Молодецкимъ и Безъимяннымъ пѣснямъ. — О.

- По кругу Ермакъ похаживаетъ,
 Козакамъ добрымъ молодцамъ приказываетъ:
 «Пойдемте-ка, робята, во Казань городъ;
 15. «Подъ городомъ Казанью стоитъ Бѣлый Царь,
 «Онъ стоялъ семь годовъ,
 «На восьмомъ годочкѣ хочетъ прочь идти:
 «Пойдемте, робята, поклонимся Бѣлому Царю!
 «Казанскому губернатору не покóримся,
 20. «Саратовску губерню съ вечера пройдемъ,
 «Царицынъ городочекъ во глуху полнóчь,
 «Въ Жегулевскихъ горахъ остановимся,
 «Остановимся, расположимся.»

(Достав. П. М. Языковымъ).

*

2.

(Тамъ же).

- Далече-далече, во чистомъ полѣ,
 А еще того подаѣ,—на синемъ морѣ,
 На синемъ морѣ на Каспійскіемъ,
 Не ясны соколы солеталися,
 Б. Сходились-собирались добры молодцы,
 Заславные ¹⁾ музурушки Персидскіе.
 Они думали думу крѣпкую за единую,
 Выбирали они атаманушку походнаго.

- Атамана-тъ говорить, какъ въ трубу трубить,
 10. А есаула-тъ говорить, какъ во свирѣль играть.

«Ой вы гой еси, друзья-братья, товарищи!
 «Надобно намъ, братцы, атаманушку
 «И надобно дороднымъ есаулушку:
 «Атаманомъ быть Никитиушкѣ Романычу,

¹⁾ Разславные, преславные. —0.

15. «Есауломъ слыть Ермакѣ Тимоеевичу ¹⁾.»

« Не полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,
 « Не пора ли намъ, дороднымъ, на свѣжѹ воду,
 « На свѣжую воду — на Волгу, на Волгу матушку?
 « И станемъ разбивать бусы-карабли.

20. «Бусы-карабли и лодки легкія.»

(Отъ того же).

*

3.

(Городъ Сибирскъ).

Какъ далече было—далѣ, во чистомъ полѣ,
 А еще того подаѣ, — на синемъ морѣ,
 Какъ на славномъ морѣ было на Каспійскіемъ,
 Вотъ не ясны тутъ соколы слеталися,

5. Собиралися морзорупки Каспійскіе,

Еще стары бродяги безпашпортныя,
 Безпашпортныя хайлы, да все разбойнички.

Они думали тутъ думушку за единое:

« Да кому, де, изъ насъ, братцы, атаманомъ быть,

10. « И кому изъ насъ, удамы, есауломъ слыть?

« Атаманомъ быть Ермакъ — сынъ — Тимоеевичу,

« Есауломъ слыть Никитѣ — сынъ — Иванычу.»

Атаманъ—то говорилъ, какъ въ трубу трубилъ,

Есаулъ-то говорилъ, какъ въ свирѣль игралъ:

15. « Еще полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,

« Не пора ли намъ, удамы, воротитися

« Какъ во славою во нашу мать Россіюшку?

« Астрахань мы городочекъ съ вечера пройдемъ,

1) Переставлены рѣчи товарищей и атамана.—0.

- « А Царицынъ городочекъ на бѣлой зарѣ,
 20. « Мы Самарѣ городочку тутъ поклонимся,
 « Въ Жигулевскихъ мы горахъ жить остановимся.»

(Доставл. П. И. Юрьевымъ).

*

4.

(Отъ Самары до Ставрополя по Волгѣ).

- На морѣ стояли разбойнички семь годовъ,
 Разбивали они суда-корабли ¹⁾,
 Что ²⁾ Армянски, Татарски и купечески.
 Они думали-гадали думу крѣпкую за единое ³⁾:
 5. « А кому у насъ, ребята, атаманомъ ⁴⁾ быть?
 « Атаманомъ быть Ивану Тимоѳеевичу ⁵⁾,
 « Есауломъ быть Никитушкѣ Васильевичу ⁶⁾.
 « А и какъ-то намъ будетъ ⁷⁾ городъ пройти?
 « Славну Астрахань-то мати ⁸⁾ пройдемъ съ вечера,
 10. « А Саратовъ и Дубовку на бѣлой зарѣ,
 « Мы Самарѣ городишку ⁹⁾ не поклонимся,
 « Въ Жигулинскихъ горахъ остановимся;
 « Какъ мы колышки вколоти́мъ кленовые,
 « А причалами причалимся шелковыми,
 15. « Атаманушка Иванушка ¹⁰⁾ сведемъ подъ руки,
 « Есаулушко Никитушка и самъ сойдетъ.»»

(«Москов. Вѣдом.» 1861, № 210).

*

¹⁾ Разнорѣч. *Варенц.*, «Сборн. Пѣс. Самарск. края,» 1862: «судна-корабли.» — ²⁾ *Вар.* нѣтъ. — ³⁾ *Вар.* «за единую.» — ⁴⁾ *Вар.* «атаману;» и ниже. — ⁵⁾ *Вар.* «Тимоѳееву.» — У *Костомар.* «Степану Тимоѳеевичу.» — ⁶⁾ *Вар.* «Есаулу... Васильеву.» — ⁷⁾ *Вар.* «Какъ-то намъ, ребятушки.» — ⁸⁾ *Вар.* «Астрахань-то, славну мати.» — ⁹⁾ *Вар.* «городишкѣ.» — ¹⁰⁾ «Атаманушку Иванушку.» — *О.*

Б.

(Симбирск. губ., с. Головино).

- Далече-далече, во чистомъ полѣ,
 Еще того далече,—на синѣмъ морѣ,
 На синѣмъ морѣ на Каспійскіемъ,
 На славномъ Чернотовѣ, славномъ островѣ,
 Б. Не ясны соколы солеталися,
 Соходились тутъ удалы-добры молодцы,
 Музурушки Персидскіе.
 Они думали крѣпку думушку за единую:
 «А по роду мы роду всѣ умны,
 10. «А одинъ изъ роду умнѣе всѣхъ:
 «Кому-то у насъ, братцы, атаманомъ быть?
 «Атаманомъ быть Микитиушкѣ Тимоеевичу,
 «Есаулошкѣ Ермигѣ Романовичу.»

Возговоритъ Микитиушка Тимоеевичъ:

15. «Не пора ли намъ, добрымъ молодцамъ,
 «И не полно ли намъ, добрымъ молодцамъ,
 «На моряхъ стоять?
 «Не пора ли намъ, добрымъ молодцамъ,
 «На свѣжѣ воду,
 20. «На свѣжую на воду, — Волгу матушку?
 «И следѣмъ мы, добры молодцы, во лодки легкія,
 «И станемъ разбивать бусы-карабли
 «И мелки судѣнушки!»

(Достав. П. М. Языковимъ).

*

6.

(Той же губ., с. Усть-Урень).

- Какъ далеченько-далеченько, въ чистомъ полечкѣ,
 На синемъ-то на моречкѣ,
 На Черностовскимъ славномъ островѣ,
 Не бѣленькія лебедочки солеталися,
 5. Не ясные соколѣчки сопорхалися,
 Соходилися музурушки Персидскіе,
 Бурлаченъки низовые безпашпортные,
 И собирались они во единый кругъ,
 Они думали-гадали думу крѣпкую за единую:
 10. « Ужъ кому-то изъ насъ, доброму молодцу, атаманомъ быть,
 « И кому-то изъ насъ, доброму молодцу, есауломъ слыть?
 « Атаманомъ быть Матвѣюшкѣ Тимошеевичу,
 « Есауломъ слыть Никитушкѣ Романовичу.»

- Атаманушка по округѣ похаживаетъ,
 15. Онъ серебряной своей тростонькой помахиваетъ.
 Атаманъ рѣчь возговорить, — въ трубу струбить,
 Есаулушка слово молвить, — какъ въ свирѣль заиграть.

- « Ужъ какъ-то намъ, ребятушки, протѣть въ славный Астра-
 хань,
 « Ужъ какъ-то намъ будетъ, ребятушки, по базару гулять,
 20. « Ужъ чего-то намъ будетъ, братцы, на базарѣ закупать?
 « Ужъ мы закупимъ нашему атаманушкѣ коня добраго,
 « Еще купимъ мы ему саблю вострую,
 « Есаулушкѣ мы закупимъ ружье огненно,
 « И поѣдемъ гулять по возморьяцу.»

(Запис. П. В. Шейномъ, отъ Н. Картавенко).

*

7.

(Тамъ же).

- Какъ далеченько-далеченько, во чистомъ полечкѣ,
 А еще того подалече,—на синемъ моречкѣ,
 Какъ на славнымъ на Черностовскимъ было островѣ,
 Какъ не бѣлыя лебедочки солетались,
 5. Какъ не ясные соколочки сопорхались,
 Сходилися музурушки Персидскіе
 И низовые бурлаченки безпашпортные;
 Они думали-гадали думу крѣпкую за единую,
 Выбирали себѣ атаманушку походнаго:
 10. «Ужь кому-то у насъ, ребята, атаманомъ быть,
 «Ужь кому-то, разудалые, есауломъ слыть?
 «Атаманомъ быть у насъ Степану Тимоѳеевичу,
 «А есауломъ слыть Микитѣ Романовичу.»»

- Атаманушка самъ по округу похаживаетъ,
 15. Онъ серебряной своей тросточкой помахиваетъ,
 Атаманушка рѣчь возговорить,—какъ въ трубу струбить,
 Есауль рѣчь промолвить,—какъ въ свирѣль заиграть.

- «Ужь какъ-то намъ будетъ, братцы, пройти въ славну Астрахань?
 «Мы пройдемъ, братцы, въ славну Астрахань въ глухую пол-
 ночь,
 20. «Ужь и купимъ-то мы, братцы, атаманушкѣ забавушку —
 коня добраго,
 «А есаулу купимъ забавушку—ружьё огненное.»»

(Записано тѣмъ же, отъ Цылова).

* *

15. « Не взявши Казань городъ, хочеть прочь итти:

« Пойдемъ-ка, удалые, на подмогу къ нимъ!

« Волжскій городокъ съ вечера возьмемъ,

« Царицынъ городокъ во глуху полночь,

« Мелкимъ городочкамъ не поклонимся,

20. « Казань-то городокъ на бѣлой зарѣ,

« Во самую во Микольскую во заутреню.»

« Какъ намъ, братцы, пристать къ пристани?

« Ежели бокомъ пристать, стануть палить изъ пушекъ,

« Ежели кормой пристать, ловить стануть,

25. « Ежели пристать носомъ, примуть подъ руки,—

« — На подмогу ѣдутъ къ намъ.—»

Вотъ Царь Иванъ Васильевичъ шлетъ посланника:

— Ежели бокомъ пристали, палить изъ пушекъ,

— Ежели кормой пристали, ловить ихъ,

30. — Ежели жъ носомъ пристали, принять ихъ подъ руки.—

И призываетъ онъ атамана:

— Скажись ты мнѣ, кто?—

« Слыхадъ ты? Степанъ Разинъ,

« Тимоеевъ съ молодцами.»

35. — Много ли у тея посланниковъ?—

« Три ста человѣкъ.»

— Во всѣхъ я тея прощаю,

— Только скажи, какъ Казань городъ взять?—

Подвели подкопъ подъ Казанку подъ рѣку,

40. Пудъ порхву казну, затеплили свѣчи на бочкахъ,

И вышли сами подлѣ стѣны,

Въ рукахъ тоже свѣчи держуть.

Осердился Царь Иванъ Васильевичъ,—

Свѣчи всѣ дошли, а бочки не рветъ;

45. И хочеть его казнить.

«Царь Иванъ Васильевичъ!
 «На верху свѣчка теплится,
 «Ее вѣтромъ качаетъ.»

Только переговорили, — и зачалó бочку рвать:

50. И полетѣли стѣны, гдѣ кого,
 Гдѣ рука, гдѣ Татарска голова.

.

Пріѣзжаетъ Царь Иванъ Васильевичъ въ Москву,
 Сдѣлалъ пиръ, съѣхались господа къ ему.

Гдѣ хвалится конями, гдѣ хвалится женами хорошими,
 55. Кто хвалится крестьянами богатыми ¹⁾.

.

(Записано отъ 80-лѣтняго старика, тѣмъ же).

См. ниже Былны о поминутыхъ въ семь отдѣлѣхъ лицахъ и вообще пѣсни Козацкія.

* *
 *

¹ Это уже начало Былнѣ о покушеніи на смерть сына, которыя см. ниже и которыя начинаются такъ, непосредственно связуясь съ Былнами о взятіи Казани.—О.

Ермажъ. Сибирь покорена *)).

Ср. Ермака въ вып. I-мъ, IV Прилож. и «Указатель».

I.

1**).

Какъ на Волгѣ на рѣкѣ, на Камышенкѣ,
Живутъ казаки, люди вольные,
Донскіе, Гребенскіе со Яицкими.
У казаковъ атамнушка ¹⁾

5. По имени Ермаилъ сынъ Тимошеевичъ.

- Не золота его ²⁾ трубочка вострубила,
Ни звонкая, ни громкая его рѣчь возговорила,
Говорилъ-то нашъ Ермаилъ Тимошеевичъ:
«Ужъ вы слушайте, братцы, послушайте,
10. « Дайте мнѣ, Ермаилу, думушку придумати:
« Проходитъ у насъ лѣто теплое,
« Наступаетъ зима холодная,
« Еще гдѣ же намъ, казакамъ, зиму зимовать?
« Намъ на Волгѣ быть—все ворами слыть,
15. « На Яикъ итти—переходъ великъ,
« Подъ Казань итти—Грозенъ Царь стоитъ,

*) Былины этого отдѣла тѣсно связаны съ предыдущими, Козацкими, потому и ставятся въ промежуткѣ между «Взятіемъ Казани» и «Покушеніемъ на сына.»— Ср. «Замѣтку.»—0.

***) Былина странная и сомнительная; ср. «Замѣтку.»—0.

1) «Атаманушка.»— 2) «Его» неумѣстно.—0.

- « Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ:
 « У него много силы-арміи,
 « Не мало, не много,—сорокъ тысячъ.
 20. « Итти ль, не итти ль, братцы, намъ,—
 « На Иртышъ рѣку:
 « Мы возьмемъ, братцы, Тоболь городъ,
 « И пойдѣмъ къ Царю съ повинною,
 « Возьмемъ топоръ съ пикою.»
23. Ловилъ Ермилъ сынъ Тимоѣевичъ
 Своего не лучшаго ¹⁾ коня,
 Вдѣвалъ свою уздечку тесмянную,
 Накладывалъ портники ²⁾ бѣлы бумажны,
 И накладывалъ свое сѣдельцо Черкасское,
 30. Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
 Не для красоты, а для крѣпости,
 Садился Ермилъ на своего добра коня,
 И поѣхалъ къ Царю своему съ повинною.

Пѣшкомъ идетъ Ермилъ—свою силу ведетъ,

35. Онъ идетъ потихохоньку и почастехоньку;
 Подѣзжаетъ слѣ къ широку дворцу,
 Къ широку дворцу къ царскому,
 Ко крылечику окрашенному ³⁾.
 Онъ слѣзъ, Ермилъ, съ добра коня,
 40. Потихохоньку и почастехоньку ⁴⁾,
 Онъ пошелъ, Ермилъ,
 Во царски бѣлыя полатушки,
 Онъ идетъ, Ермилъ сынъ Тимоѣевичъ,
 Потихохоньку и почастехоньку ⁵⁾;
 45. Онъ взошелъ во царски бѣлы во палатушки:
 « Ты здорово, батюшка нашъ, православный Царь,
 « Иванъ сынъ ⁶⁾ Васильевичъ!

¹⁾ Ни лучшаго, самаго лучшаго.— ²⁾ Потники.— ³⁾ Странно (вмѣсто «красному»).— ⁴⁾ Слѣзъ «почастехоньку!»— ⁵⁾ почастехоньку.— ⁶⁾ Народъ сказалъ бы «сударь.»— О.

- « Я пріѣхалъ къ тебѣ, Ермилъ, съ повинною.
 « Я шатался-мотался, Ермилъ,
 50. « По чисту полю и по синю морю,
 « Разбивалъ я, Ермилъ, бусы-корабли,
 « И Таксырскіе, и бусурманскіе,
 « А больше корабли государевы,
 « Государевы карабелички безъ примѣтушокъ,
 55. « Безъ царскаго герба.»
 Да возговорилъ нашъ батюшка, православный Царь:
 — Ужь вы гой еси, князья-бояре
 — И думные мои боярушки ¹⁾!
 — Еще что мнѣ дѣлать надъ Ермиломъ:
 60. — Иль казнити, иль вѣшати?—

- Да возговорилъ одинъ думчій бояринъ:
 «« Еще мало намъ Ермила
 «« Казнити-вѣшати!»»
 Да возговорилъ Ермилъ сынъ Тимоѣевичъ:
 65. « Злодѣй бояринъ, не царскій думчій!
 « Безъ суда хочешь меня казнити-вѣшати!»
 Богатырска его сила подымалася
 И богатырская его кровь разгоралася,
 Вынималъ Ермилъ изъ своихъ ноженъ саблю острую:
 70. Буйна голова отъ плечь могучихъ отвалилася ²⁾
 И по царскимъ палатамъ покатилася.
 Ермакъ въ бѣдѣ сидитъ, бѣдой крутитъ,
 А думчіе боярушки испугалися,
 Изъ царскихъ палатушекъ разбѣжались,
 75. А царская хорантина ³⁾ перемѣнялася.

(Ср. Сахар., «Пѣс. л. Р. нар.», ч. 4).

Объясненіе этой передѣланной Былинѣ находится въ слѣдующей:

* *

¹⁾ Бояре и боярушки!— ²⁾ Народъ сказалъ бы: «съ плечь повалилася.»—
³⁾ Вѣроятно хорунжіе: но какъ попало сюда это слово?—0.

II.

1 *).

- Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
 Что пониже было города Саратова,
 А повыше было города Камышина,
 Собирались козаки, други, люди вольные,
 5. Собирались они, братцы, во единъ ¹⁾ кругъ,
 Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе;
 Атаманъ у нихъ Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ,
 Есаулъ у нихъ Асташка сынъ Лаврентьевичъ;
 Они думали думушку всё единую:
10. «Ужь какъ лѣто проходить, лѣто теплое,
 «А зима настаетъ, братцы, холодная:
 «Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
 «На Яикъ намъ иттить, — да переходъ великъ;
 «Да на Волгѣ ходить намъ, — всё ворами слытъ;
15. «Подъ Казань градъ иттить ²⁾, — да тамъ Царь стоитъ,
 «Какъ Грозной-то Царь Иванъ Васильевичъ,
 «У него тамъ силы много множество:
 «Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
 «А намъ, козакамъ, быть переловленнымъ,
20. «Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсоженнымъ.»»

- Какъ не золотая трубушка вострубила,
 Не серебряная — рѣчь громко возговорить,
 Рѣчь возговорить Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ:
 «Гей вы, думайте, братцы, вы подумайте,
 25. «И меня, Ермака, братцы, послушайте:
 «Зазимуемъ мы, братцы, всё въ Астрахани,
 «А зимою мы, братцы, поисправимся;

*) Сахаровъ нанечаталъ съ измѣненіями, которыя укажемъ. — 0.

1) Сахар. «во единый.» — 2) Сахар. «идти.» — 0.

- « А какъ вскрыется весна красная,
 « Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдѣмъ,
 30. « Мы заслужимъ предъ Грознымъ Царемъ вину свою:
 « Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
 « Да по синему морю по Хвалынскому,
 « Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
 « Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
 35. « Мы убили посланничка все царскаго ¹⁾,
 « Какъ того-то вѣдь посланничка Персидскаго.»

- Какъ во славномъ было городѣ во Астраханѣ ²⁾,
 На широкой на ровной было площади,
 Собирались козаки, други, во единый кругъ,
 40. Они думали думу крѣпкую,
 Да и крѣпкую думушку единую:
 « Какъ зима-то проходить всё холодная,
 « Какъ и лѣто настанетъ ³⁾, братцы, лѣто теплое:
 « Да пора ужъ намъ, братцы, въ походъ иттить.»»

45. Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимофеевичъ:
 « Ой вы гой еси, братцы, атаманы молодцы!
 « Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
 « Забивайте вы кочета ⁴⁾ еловые,
 « Накладайте бабаички ⁵⁾ сосновые,
 50. « Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью ⁶⁾,
 « Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
 « Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
 « Доберемся мы до царства бусурманскаго,
 « Завоюемъ мы царство Сибирское,
 55. « Покоримъ его мы, братцы, Царю Бѣлому,
 « А царя-то Кучума во ⁷⁾ полонъ возьмемъ:
 « И за то-то государь Царь насъ пожалуетъ;

¹⁾ Сахар. «не царскаго.» — ²⁾ Сахар. «Астрахани.» — ³⁾ Д. б. «настаеть.» —

⁴⁾ Вбитые въ бортъ колышки, на которые надѣваютъ весло. — ⁵⁾ Весла. —

⁶⁾ Сахар. «помочью.» — ⁷⁾ Сахар. «въ.» — 0.

- « Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
 « Я надѣну тогда шубу соболиную,
 60. « Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
 « Принесу я Царю Бѣлому повинную:
 « — Ой ты гой еси, надежа, православный Царь!
 « — Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
 « — Какъ и я-то, Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
 65. « — Какъ и я-то, воровской Донской атаманушка,
 « — Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
 « — Что по синю морю по Хвалынскому,
 « — Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы-корабли,
 « — Какъ и тѣ-то корабли всё не орлены;
 70. « — А теперича, надежа, православный Царь,
 « — Приношу тебѣ буйную головушку
 « — И съ буйной головой царство Сибирское ¹⁾!—»

Рѣчь возговорить надежа православный Царь,
 Какъ и Грозной-то Царь Иванъ Васильевичъ:

75. « Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
 « Ой ты гой еси, войскою ²⁾ Донской атаманушка!
 « Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
 « Я прощаю тебя да за твою службу,
 « За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
 80. « И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный-тихой Донъ!»

(Изъ «Русск. Старинныя Карикювчя».)

* *

¹⁾ Отселѣ рѣчь забывается и переходитъ въ самое дѣло, какъ будто Ермакъ уже пришелъ и сказалъ. — ²⁾ Выше «воровской.» — 0.

III.

1.

(Орловск. губ.).

Какъ было при старомъ при Царѣ при Иванѣ Ва-
сильевичѣ,

Было время нехорошее, время нездоровое:
Только слышишь брани-драки, всё-то буйныя дѣла!
Вотъ настало времечко счастливое:

5. Ужъ и сталъ-то Грозный Царь Россеюшку любить,
Сталъ Россеюшку любить, чужи страны съ ней сводить.

- Проявился въ Сибири славный-крѣпкій казакъ,
Славный-крѣпкій казакъ, по прозванію Ермакъ.
Ужъ какъ этотъ-то Ермакъ, онъ сражался—не робѣлъ,
10. Онъ сражался—не робѣлъ, всей Сибирью завладѣлъ.
Завладѣвши всей Сибирью, онъ Царю послалъ поклонъ:
«Ты прими, де, Грозный Царь, ты поклонъ отъ Ермака,
«Посылаю тѣ въ гостинецъ всю Сибирскую страну,
«Всю Сибирскую страну: дай прощенье Ермаку!»

(Отъ раскольника старика).

* *

IV.

1*).

(Кирша Даниловъ .

- На славной Волгѣ рѣкѣ, на верхней изголовѣ ¹⁾,
 [На верхней изголовѣ,] на Бузанѣ островѣ,
 На крутомъ-красномъ берегу,
 На желтыхъ-разсыпныхъ пескахъ,
 5. А стояли бесѣды, что бесѣды дубовыя,
 Изподернуты ²⁾ бархатомъ;
 Во бесѣдочкахъ тутъ сидѣли атаманы козачіе,
 Ермакъ Тимоѣевичъ, Самбуръ Андреевичъ,
 [Самбуръ Андреевичъ,] Анофрій Степановичъ:
 10. Они думушку думали за единою,
 Какъ про дѣло ратное, про добычу козачую.

Что есаулъ ходитъ по кругу, по Донскому, Яицко-
 му,

- Есаулъ кричитъ голосомъ, во всю буйну голову:
 «А и вы гой еси, братцы, атаманы козачіе!
 15. «У насъ кто на морѣ не бывалъ,
 « [На морѣ не бывалъ,] морской волны не видалъ,
 « Не видалъ дѣла ратнаго, человѣка кроваваго,
 « Отъ желанья тѣ Богу не маливались:
 « Оставайтесь таковы молодцы на Бузанѣ островѣ!»

*) Слѣдующія двѣ Былины, хотя и пѣлись въ рознь, на разныхъ голосахъ, но составляютъ одно цѣлое, въ которомъ первая половина ближе къ пѣснямъ предыдущимъ, а вторая отличается особыми подробностями и полнотою, доходя до смерти Ермака; ср. «Замѣтку.»—0.

¹⁾ Въ головахъ, вверху.—У Калайдовича раздѣлены стихи иначе.—²⁾ Должно быть прибавлено: «бесѣды.»—0.

20. И садилися молодцы во свои струги легкіе,
Они грянули, молодцы, внизъ по матушкѣ,
[Внизъ по матушкѣ] Волгѣ рѣкѣ ¹⁾,
По протокѣ по Ахтубѣ;
А не ярые гоголи на сине море выплыли,
25. Выгребали тутъ козаки среди моря синяго;
Противъ Матицы ²⁾ острова легки струги выдергивали,
И веселчки разбрасывали, майданы ³⁾ разставливали,
Ковры раздергивали, ковры тѣ Сорочинскіе,
И бесѣды дубовыя, подернуты бархатомъ;
30. А играли козаки золотыми тавлеями,
Дорогими вальящатыми ⁴⁾.
Посмотрятъ козаки, они, на море синее,—
Отъ того зеленаго отъ дуба крековистаго,
Какъ бы бѣль забѣлѣлася, будто чернь зачернѣлася,
35. Забѣлѣлися на корабляхъ парусы полотняные
И зачернѣлися на морѣ тутъ двѣнадцать кораблей:
А бѣгутъ тутъ по морю
Славны гости ⁵⁾ Турецкіе, со товары заморскими.
А увидѣли козаки тѣ корабли червленные,
40. И бросалися козаки на свои струги легкіе,
А хватали козаки оружье долгомѣрное
И три пушечки мѣдныя,
Напущалися козаки на двѣнадцать кораблей,
Въ три пушечки гунули, а ружьемъ вдругъ грянули:
45. Турки, гости богатые,
На корабляхъ отъ того испужалися,
Въ сине море металися,
А тѣ товары заморскіе
Козакамъ доставалися,

¹⁾ Это одинаково значить и «гребнули», грянули веслами, и грянули пѣсню «Внизъ по матушкѣ»: то и другое тѣсно соединяется въ самой этой пѣснѣ («Гряните, братцы! Дунь, грянь!»); — ср. Былины выше. — ²⁾ Это можетъ быть и нарицательнымъ именемъ, — средняя верхушка, середина поверхности. — ³⁾ Помѣщенія для сборища, на стоянкѣ. — ⁴⁾ Ср. прежніе выпуски. — Выше показанъ образецъ, какъ дополнять эти короткіе стихи. — ⁵⁾ Торговцы. — 0.

50. А и двѣнадцать кораблей.

А на тѣхъ корабляхъ одна не пужалася,—

Душа красная дѣвица,

Молода Урзамовна, мурзы дочь Турскаго.

Что сговорить дѣвица:—Не троньте меня, козаки,

55. — Не губите моей красоты,

— А и вы везите меня, козаки,

— Къ сильну царству Московскому, государству Рос-
сійскому,

— Приведите, козаки, меня въ вѣру крещеную.—

Не тронули козаки душу красну дѣвицу,

60. И посадили во свои струги легкіе.

А и будутъ козаки на протокѣ на Ахтубѣ,

И стали козаки на крутомъ-красномъ бережку,

Майданы разставливали, майданы тѣ Терскіе,

Ковры Сорочинскіе, а бесѣды разставливали,

65. А бесѣды дубовыя, подернуты бархатомъ,

А столы—дорогъ рыбій зубъ ¹⁾;

А и кушали козаки тутъ они кушанье разное,

И пили питья медвяныя, питья все заморскія.

И будутъ козаки на великихъ на радостяхъ,

70. [На великихъ на радостяхъ] со добычи козачія,—

Караулы ставили, караулы крѣпкіе, отхожіе,

Сверху матки Волги рѣки,

И съ низу таковыя жь стоятъ,—

Запилися, молодцы, а всѣ они до единого.

75. А втапоры и во то время на другой сторонѣ

Становился стоять Персидской посоль,

Коромышевъ Семенъ Константиновичъ ²⁾,

Со своими солдаты и матросами.

Козаки были пьяные, а солдаты не со всѣмъ умомъ,

80. Нанущалися на нихъ драться, ради корысти своея.

¹⁾ Ср. прежніе выпуски.— ²⁾ См. это лицо въ Былинахъ ниже, и въ другихъ выпускахъ.—О.

- Вѣдалъ ли, не вѣдалъ о томъ Персидской посолъ.
 Какъ у нихъ драка сочинилася,—
 Въ той было дракъ Персидскаго посла
 Солдатъ пятьдесятъ человѣкъ,
 85. Тѣхъ козаки прибили до смерти,
 Только едва остались три человѣка,
 Которые могли убѣжать на корабль,
 Къ своему послу сказывати.
 Не разобралъ того дѣла Персидской посолъ,
 90. О чемъ у нихъ драка сочинилася,
 Послалъ онъ сто человѣкъ,
 Всю ту правду распрашивати.
 И тѣмъ солдатамъ показались ¹⁾,
 Что тѣ люди стоятъ недобрые:
 95. Зачали съ козаками драться.
 Втапору говорилъ имъ большой атаманъ,
 [Большой атаманъ] Ермакъ Тимофеевичъ:
 «Гой вы еси, солдаты хорошіе, слуги Царя вѣрные!
 «Почто съ нами деретеса, корысть ли отъ насъ полу-
 чите?»
 100. Тутъ солдаты безумные на его слова не сдавались,
 И зачали драться боемъ-то смертнымъ,
 [Боемъ-то смертнымъ,] что дракою некорыстною.
 Втапору доложилъ о томъ большой есаулъ,
 [Большой саулъ] Стаѣій Лаврентьевичъ:
 105. «Гой вы еси, атаманы козачи!
 «Что намъ съ ними дѣлати?
 «Солдаты упрямые лѣзутъ къ намъ,
 «[Лѣзутъ къ намъ] съ дракою въ глаза?»
 И на тѣ его слова большой атаманъ,
 110. [Большой атаманъ] Ермакъ Тимофеевичъ
 Приказалъ ихъ до смерти бити
 И бросати въ матку Волгу рѣку.
 Зачали козаки съ ними драться,

¹⁾ Показалоса? — 0.

- И прибили ихъ всѣхъ до смерти,
 115. Только изъ нихъ единъ ушелъ капралъ островской,
 И прибѣжавши на свой корабль къ послу Персидскому,
 Семену Константиновичу Коромышеву,
 Сталъ обо всемъ ему рассказывать,
 Кака у нихъ съ козаками драка была.
120. И тотъ Персидской посолъ не размыслилъ ничего,
 Подымался онъ со всею гвардіею своею
 На тѣхъ Донскихъ козаковъ;
 Втапоры жъ подымались атаманы козаціе,
 Ермакъ Тимофеевичъ, Самбуръ Андреевичъ,
 125. [Самбуръ Андреевичъ] и Анофрій Степановичъ:
 И стала у нихъ драка великая и побоище смертное.
 А атаманы козаціе, сами они не дралися,
 Только своимъ козакамъ цыкнули:
 И прибили всѣхъ солдатъ до смерти,
130. Ушло ли, не ушло—съ десятокъ человѣкъ,
 И въ той же дракѣ убили самого посла Персидскаго,
 Семена Константиновича Коромышева.
 Втапоры козаки всѣ животы посла Персидскаго
 Взяли себѣ, платье цвѣтное,
135. Клади въ гору Змѣвую.

- Пошли они, козаки, по протокѣ по Ахтубѣ,
 Вверхъ ¹⁾ по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;
 А и будутъ козаки у царства Астраханскаго,
 Называется тутъ Ермакъ со дружиною
140. Купцами заморскими;
 А явили въ таможиѣ товары разные,
 И съ тѣхъ товаровъ платили пошлину
 Въ казну государеву,
 И тѣми своими товарами
145. Торговали безъ запрещенія.

Тѣмъ Старина и кончилась.

*

¹⁾ Должно быть: «внизъ.» — *Прим. К. О. Калайдовича.*

- Во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани,
Противъ пристани матки Волги рѣки,
Сходилися тутъ удалы-добры молодцы,
Донскіе славны атаманы козаціе,
8. Ермакъ Тимоѳеевичъ, Самбуръ Андреевичъ,
[Самбуръ Андреевичъ] и Анофрій Степановичъ.
И стали они во единой кругъ,
Какъ думати думушку за единое,
Со крѣпка ума, съ полна разума.
10. Атаманъ говорилъ Донскимъ козакамъ,
По имени Ермакъ Тимоѳеевичъ:
«А и вы гой еси, братцы, атаманы козаціе!
«Некорыстна у насъ шутка зашучена:
«Гуляли мы по морю синему
15. «И стояли на протокѣ на Ахтубѣ,
«Убили мы посла Персидскаго
«Со всѣми его солдатами и матросами,
«И всѣмъ животомъ его покорыстовались;
«И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?»
20. «Въ Астрахани — жить не лзя,
«На Волгѣ жить — ворами слыть,
«На Яикъ итти — переходъ великъ,
«Въ Казань итти — Грозенъ Царь стоитъ,
«Грозенъ Царь осударь Иванъ Васильевичъ;
25. «Въ Москву итти — перехватаннымъ быть,
«По разнымъ городамъ разосланнымъ
«И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ ¹⁾.
«Пойдемте мы въ Усоля ко Строгоновымъ,
«Ко тому Григорью Григорьевичу,
30. «Къ тѣмъ господамъ къ Вороновымъ:
«Воземъ мы много свинцу-пороху и запасу хлѣбнаго.»

¹⁾ Вѣроятно «разсоженнымъ», какъ и въ предыдущихъ Былинахъ. — 0.

- И будутъ они въ Усолъѣ у Строгонова,
 Взяли запасы хлѣбные, много свинцу-пороху,
 И пошли вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
 35. Гдѣ бы Ермаку зима зимовать ¹⁾.
 И нашли они пещеру каменну,
 На той Чусовой рѣкѣ, на висячемъ большомъ каменю;
 И зашли они сверхъ того каменю,
 Опускалися въ ту пещеру козаки,
 40. Много не мало ²⁾ — двѣсти человекъ;
 А которые остались люди похужѣ, на другой сторонѣ,
 Въ такую жь они пещеру убиралися.
 И тутъ имъ было хорошо зима замовать.

Та зима проходить, весна настаеть:

45. Гдѣ Ермаку путя искать?
 Путя ему искать по Серебренной рѣкѣ;
 Сталъ Ермакъ убиратися со своими товарищами.
 По Серебренной пошли, до Жаровля дошли,
 Оставили они тутъ лодки коломенки:
 50. На той Баранченской переволокѣ,
 Одну тащили, да надсѣлися, тамъ ее и покинули.
 И въ то время увидѣли Баранчу рѣку, — обрадовались,
 Подѣлали боты сосновые и лодки набойницы,
 Поплыли по той Баранчѣ рѣкѣ.
 55. И скоро ³⁾ они выплыли на Тагиль-рѣку,
 У того Медвѣдя камня, у Магницкаго горы ⁴⁾, стано-
 вилися;
 А на другой сторонѣ было у нихъ плотбище ⁵⁾:
 Дѣлали большія коломенки,
 60. Чтобъ можно имъ совсѣмъ убратися.
 Жили они тутъ, козаки, съ весны до Троицева ⁶⁾ дня:
 И были у нихъ промыслы рыбные,
 Тѣмъ они и кормилися.

¹⁾ Древнее словосочиненіе. — ²⁾ Не много, не мало, ровно. — ³⁾ Какъ скоро, когда. — ⁴⁾ У Магницкія горы? — ⁵⁾ Мѣсто постройки судовъ. — ⁶⁾ До Троицева; обыкновеннѣе «Троицынъ.» — 0.

- И какъ имъ путь надлежалъ,
 65. Совсѣмъ въ коломенки убиралися,
 И поплыли по Тагиль-рѣкѣ;
 А и выплыли на Туру рѣку,
 И поплыли по той Турѣ рѣкѣ въ Епанчу рѣку:
 И тутъ они жили до Петрова дня.
70. Еще они тутъ управлялися,
 Подѣлали людей соломенныхъ,
 И нашили на нихъ платье цвѣтное:
 Было у Ермака дружины триста человекъ,
 А стало уже со тѣми больше тысячи.
75. Поплыли по Тоболь-рѣкѣ,
 Въ Мяденски юрты приплыли:
 Тутъ они князька полонили небольшого,
 Дабы показать имъ путь по Тоболь-рѣкѣ.
 Во тѣхъ устьяхъ Тобольскихъ,
80. На изголовѣ становилися,
 И собиралися во единой кругъ,
 И думали думушку за едино:
 Какъ бы имъ приплыть къ горѣ Тобольской той?
 Самъ онъ, Ермакъ, пошелъ устьемъ верхнимъ,
85. Самбуръ Андреевичъ устьемъ среднимъ,
 Анофрій Степановичъ устьемъ нижнимъ,
 Которое устье впало противъ самой горы Тобольскія.
 И выплыли два атамана козаціе,
 Самбуръ Андреевичъ и Анофрій Степановичъ,
90. Со своими товарищами на Иртышь-рѣку,
 Подъ саму високу гору Тобольскую.
 И тутъ у нихъ стала баталія великая
 Со тѣми Татары Котовскими:
 Татары въ нихъ бьютъ со крутой горы,
95. Стрѣлы летятъ какъ часты дожди,
 А козакамъ взять не можно ихъ.
 И была баталія цѣлой день,
 Прибили козаки тѣхъ Татаръ не мало число.
 И тому Татары дивовалися, —

100. Каковы Руски люди крѣпкіе,
 Что ни одинаго убить не могутъ ихъ:
 Каленыхъ стрѣлъ въ нихъ какъ въ снопки налѣплено,
 Только козаки всѣ невредимы стоятъ ¹⁾;
 И тому Татары дивуются наипаче того.
105. Въ то же время пришелъ атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ,
 Со своею дружиною, тою лукою Соуксанскою;
 Дошелъ до устья Сибирки рѣки,
 И въ то время полонилъ Кучума царя Татарскаго;
 А перваго князька, поиманнаго,
110. Отпустилъ со извѣстіемъ
 Ко тѣмъ Татарамъ Котовскимъ,
 Чтобы они въ дракѣ съ козаками помирились:
 «Ужь, де, царя вашего во полонъ взяли
 «Тѣмъ атаманомъ Ермакомъ Тимоѳеевымъ.»
115. И таковы слова услыша, Татары сократились,
 И пошли къ нему, Ермаку, съ подарочками,
 Понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ Сибирскі-
 ихъ:
- И принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи;
 А на мѣсто Кучума царя утвердилъ Сабанака Татарина,
120. И далъ ему полномочіе владѣть ими.
 И жилъ тамъ Ермакъ съ Покрова
 До зимняго Николина дня:
 Втапоры Ермакъ шилъ шубы соболиныя,
 Нахтармами ²⁾ вмѣстѣ спивалъ,
125. А теплые мѣхи на верхъ обоеихъ сторонъ;
 Таковыми манеромъ и шапки шилъ.

И убравши Ермакъ со всѣми козаки ³⁾,
 Отгѣзжалъ въ каменну Москву,
 Ко Грозному Царю Ивану Васильевичу.

130. И какъ будетъ Ермакъ въ каменной Москвѣ,

¹⁾ Дѣло идетъ о соломенныхъ чучелахъ. — ²⁾ Мездрами, непустистой сторовой, выворотами. — ³⁾ Или «убравшись», или «убравши (нарядивши) совсѣмъ козаки (козаковъ).» — О.

- На канунъ праздника Христова дня ¹⁾,
 Втапоры подкупилъ въ Москвѣ
 Большаго боярина Никиту Романовича,
 Чтобы доложилъ объ немъ Царю Грозному.
135. На самой праздникъ—Христовъ день,
 Какъ изволилъ Царь государь итти отъ заутрени,
 Втапоры доложилъ объ нихъ Никита Романовичъ:
 «Что, де, атаманы козачіе,
 «Ермакъ Тимоѳеевъ съ товарищи,
140. «Къ твоему Царскому Величеству съ повинностью при-
 шли,
 «И стоятъ на Красной площади.»
 И тогда Царь государь
 Тотчасъ велѣлъ предъ себя привести
 Того атамана Ермака Тимоѳеева,
145. Со тѣми его товарищи.
 Тотчасъ ихъ ко Царю представили
 Въ тѣхъ шубахъ соболиньихъ;
 И тому Царь удивляется,
 И не сталъ больше спрашивати,
150. Велѣлъ ихъ разослать по квартирамъ,
 До того часу, когда спросятъ.
 Втапоры Царю праздникъ радошень былъ,
 И было пированіе почестное,
 На великихъ на радостяхъ,
155. Что полонилъ Ермакъ Кучума царя Татарскаго
 И вся сила покорилася тому Царю Грозному,
 Царю Ивану Васильевичу.
 И по прошествіи того праздника,
 Приказалъ Царь государь
160. Того Ермака предъ себя привести.
 Тотчасъ ихъ собрали
 И ко Царю представили.
 Вопросаеть тутъ ихъ Царь государь:
 «Гой ты еси, Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ!

¹⁾ Свѣтлаго Воскресенья. — 0.

165. «Гдѣ ты бывалъ, сколько по волѣ гулялъ
 «И напрасныхъ душъ губилъ,
 «И какимъ случаемъ Татарскаго
 «Кучума царя полонилъ,
 «И всю его Татарскую силу
170. «Подъ мою власть покорилъ?»
 Втапоры Ермакъ предъ Грознымъ Царемъ на колѣни
 палъ,
 И письменное извѣстiе обо всемъ своемъ походе
 подавалъ ¹⁾,
 И при томъ говорилъ таковыя слова:
 — Гой еси, вольной Царь, Царь Иванъ Васильевичъ!
175. — Приношу тебѣ, осударь, повинность свою:
 — Гуляли мы, козаки, по морю синему,
 — И стояли на протокѣ на Ахтубѣ;
 — И въ то время годилося мимо итти послу Персид-
 скому,
180. — Коромышеву Семену Константиновичу,
 — Со своими солдаты и матросами;
 — И они напали на насъ своею волею,
 — И хотѣли отъ насъ поживитися;
 — Козаки наши были пьяные, а солдаты упрямые,
185. — И тутъ Персидскаго посла устукали
 — Со тѣми его солдаты и матросами.—
 И на то Царь осударь не прогнѣвался,
 Но и паче ²⁾ умилосердился,
 Приказалъ Ермака пожаловати.
190. И посылалъ его въ ту сторону Сибирскую,
 Ко тѣмъ Татарамъ Котовскимъ,
 Брать съ нихъ дани-выходы въ казну осудареву.
 И по тому приказу осудареву,
 Поѣхалъ Ермакъ Тимофеевичъ

¹⁾ Въ Былинѣ не только перебито стихосложенiе, не только она выпускается до такъ называемой «бабьей Старины», но даже и до простаго Скандинавскаго.—²⁾ Напаче, напаче?—0.

195. Со своими козаками въ ту сторону Сибирскую.
И будетъ онъ у тѣхъ Татаръ Котовскіихъ,
Сталъ онъ ихъ больше ¹⁾
Подъ власть государеву покарати,
Дани-выходы безъ запусченія выбирать.
200. И годъ-другой тому времени поизойдучи,
Тѣ Татары взбунтовалися ²⁾,
На Ермака Тимоѣева напускалися,
На той большой Енисей-рѣкѣ.
Втапоры у Ермака были козаки разосланы
205. По разнымъ дальнымъ странамъ,
А при немъ только было козаковъ—
На дву коломенкахъ.
И билися-дралися съ Татарами время не малое.
И для помощи своихъ товарищевъ,
210. Онъ, Ермакъ, похотѣлъ перескочити
На другую свою коломенку,
И ступилъ на переходню обманчивую,
Правою ногою поскользнулся онъ,
И та переходня съ конца верхняго
215. Подымалася и на его опускалася,
Разшибла ему буйну голову
И бросила его въ тое Енисей-быстру-рѣку:
Тутъ Ермаку такова смерть случилася ³⁾.

При Былинахъ этого отдѣла ср. другія Былины ниже, въ другихъ выпускахъ, и вообще
Цѣни Козація.

* *
* *
* *

¹⁾ Набольшихъ?—²⁾ Свобода словосочиненія («поизойдучи—взбунтова-
лися»), весьма часто встрѣчаемая въ народномъ творчествѣ.—
«случилась» или «случилася», судя по слѣдующимъ примѣрамъ: «случилась»
наѣву.—

Царь хочетъ убить сына *).

I.

1.

(Владимірск. губ., Константиновская волость).

У насъ было во матушкѣ въ каменной въ Москвѣ,
У Царя было Ивана Васильевича,
Былъ у него почетный пирь,
Было у него столованія великое:

5. Съѣзжались князья и боляра,
Сильные-могучіе богатыри,
И вся поленица ¹⁾ удалая.

Пирь на полу-пирѣ,
А столъ на полу-столѣ,

10. Поль-сыта бояры набѣдались,
Поль-пьяна бояры напивались,
Грозный Царь Иванъ Васильевичъ распотѣшился,
Самъ по палатушкамъ похаживалъ,
Во красное окно поглядывалъ,
15. Черныя кудри разчесывалъ частымъ гребешкомъ,
Самъ говорить таковыя словеса,
Онъ сказалъ боярамъ: «Пейте и проклажайтеся,

*) Какъ сказано, Былины слѣдующаго разряда, о покушеніи на жизнь сына, непосредственно связываются со «взятіемъ Казани.» Въ промежуткѣ поставлены у насъ Былины «О помочи подъ Казанью и Ермакѣ,» потому, что и эти послѣднія, съ другой стороны, также связаны съ Казанью. — 0.

¹⁾ См. прежніе выпуски. — 0.

- «Ничѣмъ собою не похвалитесь ¹⁾:
 «Вывель я измѣны изъ своей земли,
 20. «Вывезъ Перфила ²⁾ изъ Царя-града!»
 Да иной о немъ дрогнули ³⁾,
 И царство ужаснулись ⁴⁾,
 Не знаютъ отвѣта дать:
 Большой за малаго хоронится,
25. А малаго за большимъ давно не знать.
 Выходить-выступаетъ Великій Князь,
 Молодой Иванъ Ивановичъ,
 Самъ говоритъ такія словеса:
 — Отсея ⁵⁾ мой родной батюшка,
30. — Грозной мой Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Поизволите ль слово молвить,
 — Не вели за слово повѣсить,
 — Не будь опалить ⁶⁾ за мои словеса:
 — Помнишь ли и памятуешь ли,
35. — Какъ стояли подъ городомъ и по Дѣвскія ⁷⁾?
 — Много мы силы потратили:
 — Была у насъ измѣнушка великая
 — Отъ твоего сына порожденнаго,
 — Отъ молода Фѣдора Иванова.—
40. Грозенъ Царь опалается
 На своего сына порожденнаго Фѣдора Ивановича:
 «У мене ли не стадо ли грозныхъ полачей?»
 Сходилось полачей всё десятками,
 Сходилось полачей и полуторами,
45. Не знаютъ полачи, какъ отвѣту дать:
 Большой за малаго хоронится,
 А малаго за большимъ давно не видать.
 Выходить-выступаетъ малая Малютка, Скураткинъ
 сынъ,
 Говоритъ такія слова:

¹⁾ Не похваляйтесь (за чѣмъ не похваляетесь? ср. другія Былины).—
²⁾ Порѣру. — ³⁾ Дрогнули, дрогнулся. — ⁴⁾ Такъ, подобно: «народъ говори-
 рили» и т. д. — ⁵⁾ Вѣроятно вмѣсто «гой еси.» — ⁶⁾ Не опались, не распа-
 лись. — ⁷⁾ Испорчено вмѣсто «подъ Псковомъ.»—0.

50. « У меня ли руки подымутся
 « На ваши ли роды на царскіе,
 « Не дрожить моя рука со вострой саблей!»
 Взялъ онъ Ѳедора Ивановича за бѣлыя руки,
 За тѣ ли перстни позолоченныя,
55. Скоро повелѣ за Москву рѣку,
 Ко этому мѣсту ко Лобному,
 Ко этой плахѣ ко липовой,
 Грозными казнити казнями ¹⁾,
 Очи вынимать косицами ²⁾,
60. Языкъ вырѣзать изъ темени.
 По снѣдѣ по новымъ по косяцатымъ,
 Не красное солнышко покатилося на земли,
 Проходила тутъ Царица благовѣрная
 Ко своему брату любезному,
65. Къ молодцу къ Микитѣ Романовичу:
 « Вотъ мой милой братецъ,
 « Микита Романовичъ!
 « Чтò спишь — не прòснешься,
 « Ничего ты не знаешь ли?
70. « Какъ упала звѣзда поднебесная,
 « Погасла свѣча мѣстная,
 « Не стало у насъ Царевича
 « Ѳедора Ивановича:
 « Сей часъ повели за Москву рѣку,
75. « Ко тому ли мѣсту ко Лобному,
 « Ко той плахѣ ко липовой,
 « Разными казнити казнями.»
 Скоро вставалъ на рѣзвыя ноги,
 Сапоги надѣвалъ на босыя ноги,
80. Шубу надѣвалъ рукавомъ на плечо,
 Шапку надѣвалъ блиномъ на главу,
 Садился на коня не на сѣдланого,
 Скоро поскакалъ за Москву рѣку,
 Ко тому ли мѣсту ко Лобному,

¹⁾ Въ подлинникѣ пропущено: «казнити.» — ²⁾ Висками. — 0.

85. Ко той ли плахъ ко липовой,
 Самъ скричалъ громкимъ голосомъ
 И шапкою машеть:
 — Богъ того помиловалъ,
 — Царь государь его жаловалъ!
90. — И ты, малая Малютка, Скураткинъ сынъ,
 — Не за свой ты кусъ принимаешься,
 — Этимъ кусомъ самъ подавишься! —
 Ткнулъ онъ Малютку во бѣлую грудь,
 И Малютка на ногахъ не устояла,
95. И живъ не бывагъ.
 Взялъ онъ Федора Ивановича за бѣлыя руки,
 И поведъ онъ на широкій дворъ,
 Во свою палату бѣлую каменную:
 Посадишь на стулъ позолоченой.
100. Не долгое время помѣшкавши,
 Ударили къ обѣднѣ ко ранней.
 Иде тутъ батюшка,
 Грозный Царь Иванъ Васильевичъ,
 На немъ платье жъ трворное и нерадошное;
105. Богу молится и покланяется,
 А самъ горячимъ слезы заливается.
 Ёдетъ тутъ свѣтлѣйшій князь,
 Молодой Микита Романовичъ,
 На немъ платье паратное;
110. Молится, покланяется, и самъ улыбается,
 Говоритъ Царю на усобинку ¹⁾:
 — Здравстуй, нашъ государь,
 — Царь Грозной Иванъ Васильевичъ!
 — Поздравляю васъ съ двумя сынами:
115. — Съ первымъ — Иванъ-Ивановичемъ,
 — Съ другимъ — Федоромъ Ивановичемъ! —
 Грозный Царь опалается
 На своего шурина Микиту Романовича:
 « Или ты мною насмѣхаешься,

¹⁾ На особяцу. — О.

120. « Или ты не знаешь и не вѣдуешь,
 « Что упала звѣзда поднебесная,
 « Угасла свѣча мѣстная,
 « Не стало молода царевича
 « Федора Ивановича?»
125. « Скоро повели за Москву рѣку,
 « Ко мѣсту ко Лобному,
 « Ко той ли плахѣ ко липовой,
 « Грозными казнити казнями,
 « Очи вынимать косицами,
130. « Языкѣ вынимать изъ темени!»
 Возговоритъ свѣтлѣйшій князь,
 Молодой Микита Романовичъ:
 — Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Твой сынъ у меня сидитъ,
135. — Во моихъ палатахъ бѣлыхъ-каменныхъ,
 — Жалобу творить на своего брата любезнаго,
 — На молода Ивана Ивановича,
 — « Что привелъ меня къ смерти напрасной!»—

Грозенъ Царь возрадовался:

140. « Ой еси, свѣтлѣйшій князь!
 « Чѣмъ тебя жаловать?
 « Ой ¹⁾ тебя пожаловать — треть земли,
 « Или золотой казной, или городомъ,
 « Или крестьянами, или Москвою?»
145. — Не надобно мнѣ ни треть земли,
 — Ни каменной Москвы,
 — Пожалуй мене трими улицами,
 — Первою улицею Арбатскою,
 — Вторюю улицею Никитскою,
150. — Третью улицу — Месницкую:
 — Кто взойдетъ въ нихъ,
 — Не было ²⁾ не взыску, ни вынемки ³⁾. —

* *

¹⁾ То есть: «ой ли, ои.» — ²⁾ Не было бѣ. — ³⁾ Не вынимали бы тамъ по иску или на судѣ, не обыскивали и не захватывали. — 0.

II.

1.

(Сибирск. губ.)

- У насъ было на святой Руси,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
 Стояли палаты бѣлокаменные:
 Полы во палатахъ бѣлорыбицвые ¹⁾,
 8. Столы во палатахъ бѣлодубовые,
 Разостланы скатерти бранья,
 Поставлены яства сахарныя.
 За тѣми столами за дубовыми
 Сидить же нашъ батюшка Грозный Царь,
 10. Грозный Царь Иванъ Васильевичъ;
 Онъ и пьётъ и ѣсть—прохлаждается,
 Онъ и хвалится-восхваляется:
 «Сдержалъ же я землю Свято-русскую!
 «Скрѣпилъ же я мать каменную Москву!»
 15. «Я вынулъ измѣну изъ Нова-города,
 «Изъ Новаго Города Низовскаго!»
 Возговорить царевичъ его:
 — Ахъ ты батюшка нашъ, Грозный Царь!
 — Ты пьешь и ѣшь—прохлаждаешься,
 20. — Ахъ ты хвалишься-похваляешься:
 — «Сдержалъ же я землю Свято-русскую,»
 — Скрѣпилъ ты мать каменную Москву,
 — Вынулъ измѣну изъ Нова-города;
 — Не вынешь измѣны изъ палатъ своихъ!—

1) Изъ рыбьяго зуба, мамонтова, или моржовой кости.—0.

25. На то сударь Царь осержается;
 Выходилъ же онъ на красёнъ крылецъ,
 Закричалъ же онъ громкимъ голосомъ:
 « Вы пошлите моихъ грозныхъ палачёвъ,
 « Берите царевича за бѣлы руки,
 30. « Ведите его ко новымъ рѣлямъ ¹⁾,
 « Ко новымъ рѣлямъ, къ петлѣ шёлковой!»
 Упала звѣзда поднебесная,
 Угасла свѣча воску яраго:
 Не стало мово царевича,
 35. Царевича Оёдора Ивановича ²⁾!

(Доставл. Языковымъ).

* *

III.

1.

(Сибирск. губ., с. Ставичное).

- Середь было царства Россійскаго,
 Середь государства Московскаго,
 Стояли палаты бѣлокаменные
 Вѣдь нашего батюшки, Грознаго Царя.
 5. Собиралось пированьицо честное
 Про всѣхъ про князей-бояръ,
 Про сильныхъ—могучихъ богатырей:

¹⁾ Висѣлицѣ (качелямъ). — ²⁾ Это собственно отрывокъ изъ рѣчи Царя, когда онъ жалѣеть о погвбшемъ по его мнѣнiю смѣтѣ: но здѣсь имѣеть смыслъ совершившейся казни.—0.

- Они пили-ѣли-проклажались,
Промежду себя похвалялися;
10. Богатое-тъ хвалится богатствомъ,
А сильное-тъ силушкою.
Возговоритъ нашъ Грозный Царь,
Царь Иванъ Васильевичъ:
« Ой вы еси, князи-бояре,
15. « Сильные-могучіе богатыри!
« Чѣмъ-то вы это хвалитесь,
« Чѣмъ-то это вы прехваляетесь?
« Богатство-то вамъ отъ меня пришло,
« А силушку-то вамъ Богъ далъ!
20. « Вы бы похвалились своей мудростью,
« Своей мудростью, перемудростью!
« Какъ я, государь, подъ Казань подходилъ,
« Подкопъ подводилъ подъ Булатъ-рѣку,
« Подкопъ подводилъ подъ Казань подъ рѣку,
25. « Подъ самую стѣну бѣлокаменную,
« Подъ угольну башню, порховную казну,
« Закатывалъ бочки дубовенькія,
« Со зѣльемъ со лютымъ, со зѣльемъ со порохомъ,
« Затепливалъ свѣчки воскуяровыя:
30. « Догарали свѣчечки до бочечекъ вполоть,
« Разрывало бочечки дубовенькія,
« Разметало стѣны бѣлокаменныя!
« Казанскихъ Татаръ со стѣны всѣхъ пометалъ,
« Симеона царя во полонъ себѣ взялъ,
35. « Вывелъ измѣнушку изъ всей земли,
« Вывелъ измѣну изъ Казани города,
« Вывелъ измѣнушку изъ каменной Москвы,
« Всѣ селы-деревни ко своимъ рукамъ привелъ!»
Возговоритъ молодой царевичъ,
40. Молодой царевичъ Ѳедоръ Ивановичъ:
— Охъ ты гой еси, батюшка,
— Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!
— Не прикажите меня скоро казнить,
— Прикажите слово вымолвить:

45. — Не вывелъ ты измѣну изо всей земли,
 — Не вывелъ ты измѣну изъ Казани города!
 — Измѣнщика-гь твой предъ тобой стоитъ,
 — Съ тобой рѣчи говорить,
 — Хлѣбъ твой—соль кушаетъ,
50. — А лихо на тебя думаетъ.—
 Воскликнулъ—возгаркнулъ Грозный Царь,
 Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
 «Есть ли у меня злые палачи,
 «Злые палачи, немилостивые?»
55. «Берите молода царевича,
 «Феодора Ивановича,
 «За его за ручушки за бѣлыя,
 «За кудерушки за русые,
 «Ведите далече въ чисто поле,
60. «Во Кочково-то ¹⁾ и во Куликово-то,
 «На то озеро зыбучее,
 «Снимите съ него буйну голову долой,
 «По самыя плечи по могучія,
 «И воткните на вострой [штыкъ],
65. «Поставьте передъ окошками царскими,
 «Передъ моими очами ясными!»
 Тутъ всѣ палачи перепугалися,
 Всѣ грозные разбѣжались.
 Одинъ, де, б. сынъ,
70. Малютка Скурлюткинъ сынъ,
 Беретъ молода царевича
 За ручушки бѣлыя,
 За кудерушки за русые,
 Онъ хочеть съ него буйну голову снятьъ,
75. По самыя плечи по могучія.
 Возговорить молодой царевичъ,
 Молодой царевичъ Феодоръ Ивановичъ:
 «Охъ ты гой еси, Малютка Скурлюткинъ сынъ!
 «Не за свой ты кусъ принимаешься,

¹⁾ Кучково.—0.

«Горя великаго, кручинушки царской?»

Возговорилъ дядюшка,

Модà Никита Романовичъ:

— Охъ ты гой еси, Грозный Царь.

155. — Царь Иванъ Васильевичъ!

— Не прикажи ты скоро меня казнить,

— А прикажи слово выговорить:

— Твоя кручина у моей бѣлой груди лежитъ.—

Тутъ воскликнулъ нашъ Грозный Царь,

160. Царь Иванъ Васильевичъ:

«Есть у меня лѣкари и доктуры?»

«Лѣчите дядюшкѣ ногу правую,

«А съ Малютки Скурдюткина

«Снимите съ живаго шкуру!»

(Запис. А. М. Языковымъ).

*

2 *).

(Поется въ Новгород. и Пермск. губ.).

Прикажи, Господи, намъ Старину сказать,

Старину сказать да стародавнюю,

Стародавнюю Старинушку—бывалую,

Про того Царя Ивана да Васильевича.

Б. У того Царя Ивана да Васильевича,

Заводилася бесѣда тиха-смирная,

Собиралися князи-бояра ¹⁾ да со всѣхъ сторонъ,

Князи-бояра да вся удалая поляница.

Они пьютъ-то да хлѣба кушаютъ,

*) Эта же Былина, какъ сообщенная А. А. Григорьевымъ, помѣщена П. И. Якушкинымъ въ Отеч. Зап. 1860, Апрель, откуда мы приведемъ отрывки.—О.

¹⁾ Якушк. «бояре» и ниже.—О.

10. Во полу-пирѣ да хлѣба рушаютъ,
 Во полу-пирѣ да прирасхвастались,
 Иной хвастаетъ—да кони добрые ¹⁾,
 Другой хвастаетъ да золотой казной,
 Третій хвастаетъ да молодой женой.
15. А Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ
 По полатушкѣ похаживаетъ:
 « Ужь вы гой еси, князи и бояра!
 « Ужь вы хвастаете небылю-небылицею!
 « Ужь чѣмъ я, Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ ²⁾,
20. « Чѣмъ же я, добрый молодець, похвастаю?
 « Я похвастаю да я измѣною:
 « Ужь какъ выведу я измѣнушку изъ Кіева,
 « Ужь какъ выведу я измѣнушку изъ Нова-города,
 « Ужь я выведу измѣнушку изъ матушки каменной
 Москвы!»
25. Тѣ князи-бояре ³⁾ да ему рѣчь говорятъ:
 « Ужь не вывести тебѣ измѣнушки изъ Кіева,
 « И не вывести измѣнушки изъ Нова-города,
 « Да изъ матушки да каменной Москвы!
 « А тотъ выведетъ ту измѣнушку,
30. « Кто за однимъ съ тобой столомъ ⁴⁾ сидитъ,
 « [За столомъ сидитъ] да хлѣба кушаетъ,
 « Милой сынъ твой Федоръ Ивановичь!»

На то Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ осержается,
 И выходилъ ⁵⁾ онъ да на Красно крыльцо,

35. И кричитъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ,
 Своимъ пилатамъ ⁶⁾ да немилостивымъ.
 И тѣ пилатушки да испужалися,
 По каменной Москвѣ да разбѣжались;
 Одинъ Малюта Скуратовъ да не утрашился,
40. Онъ бѣжитъ къ нему скоро на очи,

¹⁾ Кони добрыми, или другой оборотъ— «у меня, де, есть кони добрые;»
 ср. выше въ Былинахъ согласованіе глагола «пожаловать — треть земли или
 золотой казней.» — ²⁾ Як. этого стиха нѣтъ. — ³⁾ Як. «князя бояре.» —
⁴⁾ Як. «за столомъ.» — ⁵⁾ «восходить.» — ⁶⁾ Въмѣсто «палачамъ.» — О.

Прибѣжавъ къ нему низко кланялся:

— Ужь ты гой еси ¹⁾, Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ!

— На что ты горы-гаркаешь,

— На что меня кликъ-кликаешь? —

45. « Ужь ты гой еси, Малюта Скуратинокъ!

« Возьми моего сына милаго за бѣлы руки его,

« За бѣлы руки, за златы перстни,

« И поведи его на то поле на Куликово,

« Ко той ямѣ да кровавья,

50. « Ко той доскѣ да ко ²⁾ дубовья,

« Снеси ему да буйну голову,

« Принеси мнѣ сабельку кровавую!»

И онъ взялъ его за бѣлы руки,

И повелъ его во ³⁾ чисто поле да во Куликово.

55. Увидалъ его любезный шуринъ Никита Варламовичъ,

Онъ садился на добра коня,

И посадилъ за себя молодого клюшничка,

Погналъ на то поле на Куликово

И кричитъ онъ зычнымъ голосомъ:

60. — Ужь ты гой еси, Малюта Скуратинокъ!

— Не твой кусъ, да не тебѣ и кушати!

— Ужь ты на-тко да насытися

— Моимъ молодымъ клюшничкомъ! —

Онъ взялъ ему, клюшничку, срубилъ буйну голову,

65. И понесъ-то ⁴⁾ сабельку кровавую

Ко тому Царю Ивану ⁵⁾ Васильевичу.

А у Грозна Царя Ивана Васильевича,

И пиръ пошелъ да не на веселѣ,

Въ барабаны били да не на радости,

70. Не на радостяхъ, да не по старому,

Изъ пушекъ палать да не по прежнему,

А изъ мелкаго оружія — да обсъкается.

А у его любимаго шурина Никиты Варламовича,

¹⁾ Як. «Ужь ты.» — ²⁾ Як. «къ.» — ³⁾ Як. «въ чисто поле да въ.» — ⁴⁾ Як. ту.» — ⁵⁾ Як. «къ Ивану.» — О.

- У него пирь-то идетъ да по веселому,
 75. Въ барабаны бьютъ да все по старому,
 А изъ пушекъ палать да все по прежнему,
 А изъ мелкаго оружія утиху нѣтъ.
 Посылаетъ къ нему Грозенъ Царь
 Иванъ Васильевичъ скорыхъ пословъ:
80. «И приведите мнѣ любезнаго шурина Никиту Варла-
 мовича!»
 И привели его, Никиту Варламовича, къ нему на дворъ:
 — На что же ты меня, любезный зятюшка,
 — Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ, требуешь?—
 «Къ чему радощень, да къ чему радъ,
 85. «Мой любезный шуринъ, Никита Варламовичъ?
 «Моему-то развѣ безвременьцу?
 «У меня одна была жемчужина, и та скатилася:
 «И пирь у тебя идетъ по веселому,
 «Въ барабаны у тя бьютъ да все по старому,
 90. «Изъ пушекъ-то палать все по прежнему,
 «Изъ мелкаго оружія не утихается!»
 — Ужь ты гой еси, Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Есть въ гостяхъ небывалый гость,
 — Небывалый гость — Федоръ Ивановичъ. —
 95. «Гой ты еси, мой любезный шуринъ,
 «[Мой любезный шуринъ,] Никита Варламовичъ!
 «Обратилъ ты мое да ретиво сердце,
 «Взвеселилъ мою да буйну ¹⁾ голову,
 «Воротилъ ты мнѣ мою жемчужину!»
 100. И пошелъ у него ²⁾ пирь да по веселому,
 Въ барабаны били да все по старому,
 Изъ пушекъ палать да все по прежнему,
 Изъ мелкаго оружія не утихается ³⁾.

(Завис. Ст. П. Кораблевытъ).

*

¹⁾ Як. «мою буйну.» — ²⁾ Як. «у нихъ.» — ³⁾ Як. «не утихаются.» — О.

3*).

(Кирша Давыловъ).

- Да въ старыя годы, прежніе,
 Во тѣ времена первоначальныя,
 Когда воцарился Царь государь,
 А Грозной Царь Иванъ Васильевичъ,
5. Что взялъ онъ царство Казанское,
 Симеона царя во полонъ полонилъ
 Съ царицею со Еленою,
 Выводилъ онъ измѣну изъ Кіева,
 Что вывелъ измѣну изъ Нова-города,
10. Что взялъ Рязань, взялъ и Астрахань.
 А нынѣ у Царя въ каменной Москвѣ,
 Что пирь идетъ у него на веселѣ,
 А пирь идетъ про князей—про бояръ,
 Про вельможи, гости богатые,
15. Про тѣхъ купцовъ про Сибирскіихъ ¹⁾.
 Какъ будетъ лѣтніе-тѣ день въ половинѣ дня,
 Смиренна бесѣдушка на веселѣ,
 А всѣ туто князи и бояра
 И всѣ на пиру напивались,
20. Промежъ собой они разхвастались:
 А сильной хвастаетъ силою,
 Богатое-тѣ хвастаетъ богатствомъ.
 Злата труба въ царствѣ протрубила,
 Прогласилъ Царь государь, слово выговорилъ:

*) Заглавлено: «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское.»—0.

¹⁾ Отношеніе къ Ермаку и покоренію Сибири.—0.

25. « А глупы бояра вы—неразумные!
 « А всѣ вы бездѣлицей хвастаетесь!
 « А смѣю я, Царь, похвалитися,
 « Похвалитися и похвастати:
 « Что вывелъ измѣну я изъ Кіева,
30. « Да вывелъ измѣну изъ Нова-города,
 « А взялъ я Рязань, взялъ и Астрахань!»
 Въ палатахъ злата труба протрубила,
 Прогласилъ въ палатахъ царевичъ молодой,
 Что меньшей Федоръ Ивановичъ:
35. — А Грозной Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Не вывелъ измѣны въ каменной Москвѣ:
 — Что есть у насъ въ каменной Москвѣ,
 — Что три большіе боярина,
 — А три Годуновы измѣнники.—
40. За то слово Царь спохватается:
 « Ты гой еси, чадо мое милое,
 « Что меньшей Федоръ Ивановичъ!
 « Скажи мнѣ про трехъ ты бояриновъ,
 « Про трехъ злодѣевъ измѣнниковъ:
45. « Перваго боярина въ котлѣ велю сварить,
 « Другаго боярина велю на колъ посадить,
 « Третьяго боярина скоро велю казнить.»
 Отвѣтъ держитъ тутъ царевичъ молодой,
 Что меньшей Федоръ Ивановичъ:
50. — А Грозной Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Ты самъ про нихъ знаешь и вѣдаешь,
 — Про трехъ большихъ бояриновъ,
 — Про трехъ Годуновыхъ измѣнниковъ:
 — Ты пьешь съ ними—ѣшь съ одного блюда,
55. — Единую чару съ ними требуешь ¹⁾.—

То слово Царю не влюбилось,
 То слово не показалося,—
 Не сказалъ онъ измѣнниковъ по имени;

¹⁾ Потребляешь, употребляешь.—0.

- Ему туго за бѣду стало,
 60. За великую досаду показался;
 Скричалъ онъ, Царь, зычнымъ голосомъ:
 «А есть ли въ Москвѣ немилостивы палачи?
 «Возмите царевича за бѣлы ручки,
 «Ведите царевича со царскаго двора,
 65. «За тѣ за ворота Москворѣцкія,
 «За славную матушку за Москву за рѣку,
 «За тѣ живы мосты калиновы,
 «Къ тому болоту поганому,
 «Ко той ко лужѣ кровавыя,
 70. «Ко той ко плахѣ бѣлодубовой ¹⁾!»
 А всѣ палачи испужались,
 Что всѣ въ Москвѣ разбѣжались;
 Единъ палачъ не пужается,
 Единъ злодѣй выступается,
 75. Малюта, палачъ, сынъ Скурлатовичъ:
 Хвата онъ царевича за бѣлы ручки,
 Повелъ царевича за Москву за рѣку.
 Перепахнула ²⁾ вѣстка нерадошна
 Во то во село въ Романовское,
 80. Въ Романовское, во боярское,
 Ко старому Никитѣ Романовичу,
 Нерадошна вѣстка—кручинная:
 «А и гой еси, сударь мой дядюшка ³⁾,
 «Ты старой Никита Романовичъ!
 85. «А спишь-лежишь, опочивъ держишь:
 «Али тѣ, Никитѣ, мало можется?
 «Надъ собою ты невзгоды не вѣдаешь:
 «Упала звѣзда поднебесная,
 «Потухла во соборѣ свѣча мѣстная,
 90. «Не стало царевича у насъ въ Москвѣ,
 «А меньшаго Федора Ивановича.»»

¹⁾ Читайте «бѣлодубовой.»— ²⁾ Обыкновеннѣе: «перепанула, перепала.»—

³⁾ Изъ другихъ Былинъ видно, что это вѣсть изъ устъ царевича, а далѣе—
 вообще вѣсть со стороны.—0.

- Много Никита не выпрашиваетъ,
 А скоро метался на широкой дворъ,
 Скричалъ онъ, Никита, зычнымъ голосомъ:
95. — А конюхи мои, приспѣшники!
 — Ведите наскорѣ добра коня,
 — Не сѣдланого, не узданого!—
 Скоро, де, конюхи металися,
 Подводятъ наскорѣ добра коня:
100. Садился Никита на добра коня,
 За себя онъ, Никита, любимаго конюха хватилъ,
 Поскакалъ за матушку Москву за рѣку;
 А шапкой машеть, головой качаетъ,
 Кричитъ онъ—реветъ зычнымъ голосомъ:
105. — Народъ православной, не убейтеся,
 — Дайте дорогу мнѣ широкую!—

- Настигъ палача онъ во полу-пути,
 Не дошедъ до болота поганого;
 Кричитъ на его зычнымъ голосомъ:
110. — Малюта, палачъ, сынъ Скурлатовичъ!
 — Не за свойской кусъ ты хватаешься,
 — А этимъ кусомъ ты подавишься:
 — Не переводи ты роды царскіе!—
 Говоритъ Малюта, немилостивой палачъ:
115. « Ты гой, Никита Романовичъ!
 « А наше-то дѣло повелѣнное:
 « Али палачу мнѣ самому быть сказнену?
 « А чѣмъ окровенить саблю острую?
 « Что чѣмъ окровенить руки бѣлыя?»
120. « А съ чѣмъ приттить къ Царю предъ очи,
 « Предъ его очи царскія?»»
 Отвѣчаетъ Никита Романовичъ:
 — Малюта, палачъ, сынъ Скурлатовичъ!
 — Сказни ты любимаго конюха моего,
125. — Окровени саблю острую,
 — Замарай въ крови руки бѣлыя свои:
 — А съ тѣмъ поди къ Царю предъ очи,

- Передъ его очи Царскія!—
 А много палачъ не выспрашиваетъ,
 130. Сказнилъ любимаго конюха его,
 Окровенилъ саблю острую,
 Замаралъ руки бѣлые свои,
 А прямо пошелъ къ Царю предъ очи,
 Подмастерье его голову хватилъ.
 135. Идутъ къ Царю предъ очи его царскія,
 Въ его любимую Крестовую ¹⁾.
 А Грозной Царь Иванъ Васильевичъ,
 Завидѣвши сабельку острую,
 А острую саблю, кровавую,
 140. Того палача немилостива,
 Потомъ же увидѣлъ и голову у нихъ,—
 А гдѣ-ко стоялъ, онъ и туто упалъ:
 Что рѣзвы ноги подломилися,
 Что царски очи замутились,
 145. Что по три дня ни пьеть, ни ѣсть.
 Народъ-Христіане православные
 Положили любимаго конюха
 На тѣ на телѣги на Ордынскія ²⁾.
 Привезли до Ивана Великаго,
 150. Гдѣ кладутся цари и царевичи,
 Гдѣ ихъ роды, роды царскіе,
 Завсегда звонятъ во Царь-колоколъ.
 А старой Никита Романовичъ,
 Хвата онъ царевича,
 155. На добра коня посадилъ,
 Увезъ во село свое Романовское,
 Въ Романовское и боярское.
 Не пива ему варить, не вина курить ³⁾:
 А пиръ пошелъ у него на радостяхъ,
 160. А въ трубки трубятъ по ратному,
 Барабаны бьютъ по воинскому.

¹⁾ Палату. — ²⁾ Обыкновенное прозвище, притомъ телѣгъ большихъ. —
³⁾ Т. е. всего вдоволь запасено.—0.

- У той у церкви соборныя
Сбирались попы и дьяконы,
А всѣ вѣдь причетники церковные,
165. Отпѣвали любимаго конюха.
А втапору пригодился Царь,
А Грозной Царь Иванъ Васильевичъ:
А трижды земли на могилу бросилъ,
Съ печали Царь по царству пошелъ,
170. По тѣмъ широкимъ по улицамъ.
А тѣ бояра Годуновы
Идутъ съ Царемъ, сами подмолвились:
« Ты Грозной Царь Иванъ Васильевичъ!
« У тебя кручина несносная:
135. « У боярина пиръ идетъ на вѣселъ,
« У стараго Никиты Романовича.»
А Грозной Царь, онъ и крутъ добръ,
Послалъ посла немилостиваго,
Что взять его, Никиту, нечестно къ нему:
180. Пришелъ посолъ ко боярину въ домъ,
Взялъ Никиту, нечестно повелъ,
Привелъ ко Царю предъ ясны очи.
Не дошелъ Никита, поклоняется
О праву руку до сырой земли.
185. А Грозной Царь Иванъ Васильевичъ
А во правой рукѣ держитъ царской костьюль,
А въ лѣвой рукѣ держитъ царско жезло,
По нашему Сибирскому ¹⁾ остро копье:
А ткнетъ онъ Никиту въ праву ногу,
190. Пришилъ его ко сырой земли;
А самъ онъ, Царь, приговариваетъ:
« Велю я Никиту въ котлѣ сварить,
« Въ котлѣ сварить, либо на колъ посадить,
« На колъ посадить, скоро велю сказнить:
195. « У меня кручина несносная,

1) Одинъ изъ признаковъ, что Былины, помѣщенные въ сборникъ, названномъ по имени «Кирши Данилова», записаны въ Сибири.—О.

- «А у тебя, боярина, пиръ на веселѣ!
 «Къ чему ты, Никита, въ домѣ добръ радощень?
 «Али ты, Никита, какой городъ взялъ?
 «Али ты, Никита, корысть получилъ?»
200. Говорить онъ, Никита, не съ упадкою ¹⁾:
 — Ты Грозной Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Не вели меня казнить, прикажи говорить:
 — А для того у меня пиръ на веселѣ,
 — Что въ трубочки трубятъ по ратному,
205. — Въ барабаны бьютъ по воинскому.—
 — Утѣшаютъ млада царевича,
 — Что меньшаго Федора Ивановича.—

- А много Царь не выспрашиваетъ,—
 Хвата Никиту за праву руку,
210. Пошелъ въ палаты во боярскія.
 Отворяли Царю на пету ²⁾,
 Пошелъ въ палаты во боярскія:
 Поднебесна звѣзда ужъ высоко взопла,
 Въ соборѣ мѣстна свѣча затеплялася,—
215. Увидѣлъ царевича во большомъ мѣстѣ,
 Въ большомъ мѣстѣ, въ переднемъ углѣ,
 Подъ мѣстными иконами;
 Беретъ онъ царевича за бѣлы ручки,
 А Грозной Царь Иванъ Васильевичъ,
220. Цѣловалъ его во уста сахарныя.
 Скричалъ онъ, Царь, зычнымъ голосомъ:
 «А чѣмъ боярина пожаловати,
 «А стараго Никиту Романовича?
 «А погребъ тебѣ злата-серебра,
225. «Второе ³⁾ тебѣ питья разнаго,
 «А сверхъ того грамота тарханная ⁴⁾:
 «Кто церкву покрадетъ, мужика ли убьетъ,
 «А кто у жива мужа жену уведетъ,

¹⁾ Безъ страха, не робѣя.— ²⁾ Отворяли двери на распашку, ср. прежніе выпуски.— ³⁾ Во вторыхъ погребъ.— ⁴⁾ Бережная, оберегательная, льготная.—*О.*

- « И уйдетъ во село во боярское,
 230. « Ко старому Никитѣ Романовичу, —
 « И тамъ быть имъ не въ выдачѣ ¹⁾»
 А было это село боярское:
 Что стало село Преображенское,
 По той по грамотѣ тарханья;
 235. Отнынѣ оно слыветь ²⁾ и до вѣку.

* *

IV.

1 *).

(Нижегор. губ., Ардатовск. уѣзда).

- Грозень былъ воинъ ¹⁾ Чарь ²⁾ нашъ батюшка,
 Первый Чарь Иванъ Васильевичъ:
 Сивозъ дремуцій лѣсъ съ войскомъ-силою ³⁾
 Онъ прошелъ въ страну Татарцкую,
 5. Себѣ ⁴⁾ чарство взялъ Казаньское,
 Государство ⁵⁾ Астраханьское,
 Вывелъ Перфила ⁶⁾ изъ Нова-города,
 Не вывелъ измѣну въ каменной Москвѣ.
 То чарское ⁷⁾ серце разгоралося
 10. Пусче огня, пусче полымя.

¹⁾ Оттуда не выдавать ихъ по иску и не вынимать, не брать. — ²⁾ Слыветь такимъ же, въ славѣ по своему значенію и льготамъ. — *О.*

³⁾ То же самое напечатано въ «Этнограѣ. Сборникъ», выи. V, съ прибавкою, что записано «въ селѣ Кужендѣвѣ», а *П. И. Якушкинымъ* въ «Отеч. Зап.» 1860, Апрель, какъ записанное «Княгининскаго уѣзда, с. Слѣшлева:» изъ обонхъ мѣстъ приведемъ разпорѣчія. — *О.*

⁴⁾ Вонъ, онъ? — ⁵⁾ *Як.* «царь», вообще нѣтъ измѣненій ч въ ч, ч въ ч, и т. п. — ⁶⁾ Древнее: «съ войскою силою», ср. выше. — ⁷⁾ *Як.* «Сей.» — ⁸⁾ *Этн.* «Государство.» — ⁹⁾ Ср. Былимъ выше. — ¹⁰⁾ *Як.* «царско.» — *О.*

- Вотъ сказалъ онъ рѣчью громкою:
 « У меня есть, дзе ¹⁾, всяки мастера,
 « Есть такіе разны дохтуры ²⁾!»
 Но всѣ прячются ³⁾, старый за малаго,
 15. И хоронятча ⁴⁾ малый за стараго;
 А одинъ изъ нихъ лишь не прятсчется ⁵⁾,
 То Малютка, палаць, то Гурбатовъ сынъ:
 « Ну пойдѣ-ка сюда, гой, Гурбатовъ сынъ!
 « Сослужи-ка, не бось, службу вѣрную,
 20. « Службу вѣрную, неизмѣнную:
 « Во палаты ⁶⁾ ступай въ чарски каменны,
 « Взявъ чаревница тамъ за черны ⁷⁾ кудри,
 « Распоясни съ него шелковой поясъ,
 « Золотой перстень ⁸⁾ сними съ ⁹⁾ правой руки.
 25. « Отведзи самого на Москву на рѣку ¹⁰⁾,
 « Впрямь на мѣсто на то—мѣсто Лобное,
 « И на плаху на ту на липову ¹¹⁾,
 « И сними тамъ съ него буйну голову,
 « А мѣкъ къ явкѣ подай саблю вострую ¹²⁾,
 30. « Саблю вострую въ горяцій ¹³⁾ его рудзѣ ¹⁴⁾!»
 И увидзѣлъ то Федоръ Ивановичъ,
 Федоръ Ивановичъ Пожарской сынъ ¹⁵⁾,
 Изъ косясчита изъ окошечка;
 Пропустивши Чаря вдоль по улицѣ,
 35. Вдоль по улицѣ, вдаль отъ церема,
 Какъ воскликнетъ онъ ко Гурбатову:
 — Ой, ты гой ¹⁶⁾, Гурбатовъ палаць!

1) (дз, говорить. — Як. «дзе-есть.» — 2) Искусники, воззваніе къ палачамъ, недооконченное. — Этим. «ровны.» — 3) Як. «прячутся.» — Этим. «прячютча.» — 4) Як. «хоронюся.» — 5) Як. «не прятсчется.» Этим. «не прятсчтча.» и т. п. разнорѣчія далѣе, въ сочетаніяхъ, иногда вовсе неприменимыхъ. — 6) Этим. «во палаты.» — 7) Этим. «за черны.» — 8) Як. «перстенекъ.» — 9) Як. «со.» — 10) Як. «на Москву рѣку;» Этим. «на рѣку.» — 11) Этим. в Як. «что на липову.» — 12) Як. «острую.» — 13) Этим. «въ горящей.» — 14) Крови. — 15) Явно, что имя царевича перенесено на избавителя, а вмѣсто того царевичъ самъ оставленъ здѣсь безименнымъ. — 16) Этим. прибавлено «еши.» Як. «еши.» — О.

- Не за свой ты кусъ принимаешся,
 — Самъ кусомъ ¹⁾ такимъ подавишься! —
40. И Пожарской позвалъ слугу вѣрнаго,
 Слугу вѣрнаго, свою стряпчаго,
 Свою стряпчаго, что не лудцава ²⁾,
 Что не лудцава, свою ключника ³⁾:
 — На, сними,—онъ пробалъ ⁴⁾, съ него голову,
45. — Снеси саблю къ Чарю въ горюцій рудзѣ,
 — А къ чаревницу не прицаствуйся ⁵⁾. —

- Вотъ на утро Чарь Иванъ Васильевиць
 На поминки собралъ поголовно народъ:
 Онъ бояръ повелѣлъ во медвѣжны вшивать,
 50. Во медвѣжны вшивать, по Москвѣ рѣкѣ пускать ⁶⁾,
 А потомъ ⁷⁾ приказалъ во кули зашивать,
 Во кули зашивать, по Москвѣ жь ⁸⁾ рѣкѣ пускать,
 Что чаревница не засцѣняли ⁹⁾.

- Вотъ сѣзжаются всѣ въ плацѣ чернымъ ¹⁰⁾,
55. Въ плацѣ чернымъ, во печальнымъ,
 А ѣдетъ одзинъ ¹¹⁾ Ѳедоръ Ивановичь,
 Ѳедоръ Ивановичь Пожарской сынъ,
 Пожарской сынъ во нарядзѣ чвѣтномъ,
 Во нарядзѣ чвѣтномъ, въ яркомъ золоцѣ,
60. И кони его всѣ обряжены,
 Всѣ обряжены, что не лудця,
 А веселье въ самоъ такъ и свѣтитча ¹²⁾.
 Вотъ увидзѣлъ его ¹³⁾ Чарь Иванъ Васильевиць,
 Какъ восклицнетъ онъ громкимъ голосомъ:
65. «Ой ты гой еси ¹⁴⁾, Ѳедоръ Ивановичь,

¹⁾ *Этн.* «кусомъ.»—²⁾ Что ни самого лучшаго.—³⁾ *Як.* «ключника;» *Этн.* «ключника.»—⁴⁾ Пробалъ, проговорилъ; *Як.* «На, сними (?) онъ проби.»—⁵⁾ Не имѣй доли, не прикасайся, не твое дѣло.—⁶⁾ Пускать; *Як.* «вусчать;» *Этн.* «пускаться.»—⁷⁾ *Як.* и *Этн.* «А поповъ,» важное разнорѣчье.—⁸⁾ *Як.* «по Москвѣ.»—⁹⁾ Не застѣняли, не защищали, не печаловались о немъ; *Як.* «не засцюняли;» *Этн.* «не засцюняли.»—¹⁰⁾ *Як.* «чернымъ;» *Этн.* «цѣрнымъ.»—¹¹⁾ *Як.* и *Этн.* «лишь.»—¹²⁾ *Як.* «не кровтса.»—¹³⁾ *Этн.* «то.»—¹⁴⁾ *Як.* «еши.»—*О.*

«Федоръ Ивановичъ Пожарской сынъ!
 «Аль объ горѣ моею ты не свѣдался ¹⁾,
 «Что срядитча посмѣлъ ²⁾, словно въ радостный пиръ?»

А Пожарской сынъ отвѣщаетъ Чарю:

70. — Я ³⁾, батюшка Чарь, все въ отлукѣ ⁴⁾ гулялъ,
 — Все въ отлукѣ гулялъ за охотою,
 — И поймалъ сокола, что не лудцава,
 — Что не лудцава, цеѣ ⁵⁾ ближняява,
 — То ⁶⁾ сына цеѣ рѣднаго.—

75. И возрадовался Чарь, и отвѣтилъ ⁷⁾ ему:
 «Ужь ты гой еси ⁸⁾, Федоръ Ивановичъ,
 «Федоръ Ивановичъ Пожарской сынъ!
 «Вѣдь не мнѣ бы Чаремъ, а цеѣ должно быть ⁹⁾:
 «Ты умѣлъ соблюсти чарски сбмены!»

(Отъ В. Н. Дала, записалъ г. Реймерсъ, со словъ крестьянина; у Якушкина: «Доставилъ»).

* *

V.

1*).

(Саратовск. губ.).

Въ старые годы, прежніе,
 При зачинѣ каменной Москвы,
 Зачинался тутъ и Грозный Царь ¹⁾,
 Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичъ.

¹⁾ Як. «не извѣдался.»—²⁾ Як. «орядитча посмѣлъ.» — ³⁾ Як. «А я.»—⁴⁾ Як. «въ отлукѣ;» Этн. «въ отлукѣ.» — ⁵⁾ Тебѣ. — ⁶⁾ Як. «Ты.»—⁷⁾ Этн. «отвѣтсилъ (отвѣтилъ);» Як. «отвѣтствовалъ.»—⁸⁾ Як. «еши.»—⁹⁾ Этн. «бытъ (быць).»—0.

²⁾ Въ этомъ отдѣлѣ Былинъ, связанномъ съ предыдущимъ, совсѣмъ затеряно имя царевича.—0.

1) О смыслѣ этого ср. «Замѣтку.» — 0.

5. А вѣпоры ¹⁾ у Царя былъ почестный столъ,
 Почестный столъ, пированье великое
 Про всѣхъ про князей про бояръ,
 Про гостиныхъ людей, купцовъ Сибирскихъ ²⁾.
 А и столъ былъ во полу-столъ,
10. А и пиръ былъ во полу-пиръ,
 Гости царскіе на вѣселъ,
 Стали они промежду себя похвалятися:
 Сильный хвалится своею силою,
 Богатый хвалится своимъ богатствомъ.
15. Не золотая трубонька вострубливала,
 Не серебряна сиполица ³⁾ возъигрывала,
 Возговорилъ Грозный Царь,
 Иванъ сударь Васильевичъ:
 «Ужь какъ я ли могу похвалитися,
20. «Что и взялъ я Казанское царство,
 «Рязань городъ, славно Астрахань,
 «Ужь и я ли вывелъ измѣну изъ Пскова,
 «Изъ Пскова и изъ Нова-города!»
 Какъ возговорить молодой царевичъ:
25. — Ой ты гой еси, государь, Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Что и взялъ ты царство Казанское,
 — Рязань городъ, еще Астрахань,
 — Ужь ты вывелъ измѣну изъ Пскова,
 — Изъ Пскова и изъ Нова-города,
30. — Да не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы:
 — Еще есть у насъ въ Москвѣ измѣнникъ,
 — Во твоихъ ли государевыхъ палатахъ,
 — Онъ и ѣсть съ тобой съ одного блюда,
 — Съ одного плеча носитъ платье цвѣтное!—
35. Какъ и тутъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ до-
 гадается,
 Онъ гнѣвомъ великимъ воспаляется,

¹⁾ Тогда, когда покорилъ себѣ царства и города (пропущено; ср. другія Былны).— ²⁾ Ср. выше изъ Кирши.— ³⁾ Сиповица, сиповочка, совѣль.— О.

- Закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
 «А и кто есть у меня слуги вѣрные!
 «Берите царевича за бѣлы руки,
 40. «Ведите царевича за Москву рѣку,
 «Ко тому ли болоту стоячему,
 «Ко той ли лужѣ кровавой,
 «Ко той ли плахѣ поганой!»
 Какъ тутъ всѣ князья-бояре испужались,
 45. Всѣ вѣрные слуги по Москвѣ разбѣжались.
 Оставался одинъ злодѣй Малюта,
 Что Малюта злодѣй Скурлатовичъ:
 Онъ беретъ царевича за бѣлы руки,
 И вѣдетъ его за Москву рѣку,
 50. Ко тому ли болоту стоячему,
 Ко той ли лужѣ кровавой,
 Ко той ли плахѣ поганой.
 Распровѣдалъ про то большой бояринъ,
 Что честной Никита свѣтъ Романычъ;
 55. Онъ садится на добра коня,
 На добра коня неѣжаннаго,
 И онъ скачетъ за матушку за Москву рѣку,
 И онъ машетъ шапкой бархатной,
 Самъ кричитъ зычнымъ голосомъ:
 60. — Ой, народъ православный, разступися,
 — Люди добрые, сторонитесь,
 — Давайте мнѣ, боярину, дорогу!—
 Прискакалъ Никита свѣтъ Романычъ
 Ко тому ли болоту стоячему,
 65. Ко той ли лужѣ кровавой,
 Ко той ли плахѣ поганой,—
 Вырываетъ царевича у Малюты,
 У Малюты злодѣя Скурлатовича,
 Онъ беретъ его за бѣлы руки,
 70. Приводитъ его на царскій дворъ.
 А тутъ Грозный Царь,
 Иванъ сударь Васильевичъ взрадовался,
 Онъ на шеюшку царевичу кидался,

- А Никитѣ свѣтъ Романычу поклонялся:
 «А и чѣмъ мнѣ тебя, Никита, жаловать,
 75. «А и какъ мнѣ тебя, Романычъ, чествовать?
 «Ты бери у меня, что̀ вздумаешь,
 «Со конюшни ли что ни лучшаго коня,
 «Съ царскихъ плечь моихъ шубу кунію,
 «Золотой ли казны сколько надобно!»
80. Какъ возговорить честной бояринъ,
 Что честной Никита свѣтъ Романычъ:
 — Ой ты гой еси, государь, Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Мнѣ не надобенъ твой добрый конь,
 — Мнѣ не надобна твоя шуба кунія,
85. — Не хочу я твоей золотой казны:
 — Дай ты мнѣ только Малюту Скурлатова,
 — Поведи мнѣ его, сударь, казнити ¹⁾!—

(Ср. Сборн. гг. Костомар. и Мордовц.)

2*).

Когда зачиналася ¹⁾ каменна Москва,
 Тогда зачинался и Грозной Царь,
 Что Грозной Царь Иванъ сударь Васильевичъ.
 Какъ ходилъ онъ подъ Казань городъ,
 5. Подъ Казань городъ и подъ Астрахань:

¹⁾ Былина эта въ языкѣ и складѣ своемъ замѣтно нѣсколько подправлена.—0.

²⁾ Эта Былина, съ нѣкоторыми измѣненіями взятая въ Новиковскій пѣсенникъ изъ Чулковскаго (мы ихъ отмѣтимъ), и въ семъ послѣднемъ замѣтно была уже нѣсколько подправлена противу народнаго склада и языка.—0.

¹⁾ Чулк. «зачиналася.»—0.

- Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ,
 Полонилъ царя и съ царицею;
 Выводилъ измѣну изъ Пскова ¹⁾,
 Изъ Пскова и изъ Нова-города.
10. И тутъ ли Царь похваляться сталъ,
 Что вывелъ измѣну изъ Пскова,
 Изъ Пскова и изъ Нова-города:
 «Ахъ, какъ бы вывести измѣну изъ каменной Москвы!»
 Что взговорить Малюта злодѣй Скурлатовичъ:
15. «Ахъ ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичъ!
 «Не вывести тебѣ измѣнушки до вѣку:
 «Сидитъ супротивникъ супротивъ тебя,
 «Онъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда,
 «Цвѣтное платье носить съ одного плеча!»»
20. И тутъ Царь догадается,
 На царевича злобно осержается,
 Что возговорить ²⁾ Грозной Царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ахъ вы гой еси, князья и бояра!
 «Вы берите царевича подъ бѣлы руки,
25. «Поведите во палату ³⁾ особую,
 «Вы снимайте съ него платье цвѣтное,
 «Надѣвайте на него платье черное,
 «Поведите его на болото жидкое ⁴⁾,
 «На тое ли лужу поганую,
30. «Вы предайте его скорой смерти!»
 Всѣ бояре испугалися,
 Изъ палаты вонъ разбѣжались,
 Большой за меньшова хоронятся ⁵⁾;
 Одинъ остался Малюта злодѣй:
35. Онъ бралъ царевича за бѣлы руки,
 Повелъ во палату особливую ⁶⁾,
 Снималъ ⁷⁾ съ него платье цвѣтное,
 Надѣвалъ на него платье черное,

¹⁾ Читайте: «изъ Пскова.»—²⁾ Чулк. «взговорить.»—³⁾ Чулк. «палату.» Вездѣ такъ.—⁴⁾ Передѣлка вмѣсто первоначальнаго: «Жидкое.»—⁵⁾ Чулк. «хоронит-ся.»—⁶⁾ Чулк. «особую.»—⁷⁾ Чулк. «снималъ.»—*О.*

- Повелъ на болото на жидкое,
 40. Что на ту ли лужу поганую.
 Провѣдалъ слуга Никиты Романыча,
 Садился на лошадь водовозную,
 Скоро скакалъ къ Никитѣ Романычу,
 Какъ кричалъ онъ громкимъ голосомъ:
 45. «Гой еси, батюшка, Никита Романовичъ!
 «Ты пьешь и ѣшь—прохлажаешься ¹⁾,
 «Надъ собой кручинушки не вѣдаешь:
 «Упадетъ звѣзда поднебесная,
 «Угасаетъ свѣча воску ярова,—
 50. «Не становится у насъ млада царевича!»
 Никита Романовичъ испугается,
 Садится на лошадь водовозную,
 Скоро скачетъ на болото жидкое,
 Что на ту ли лужу поганую;
 55. Ударилъ онъ Малюту по щекѣ:
 — Ты Малюта, Малюта Скурлатовичъ!
 — Не за свой ты кусъ примаешься:
 — Ты этимъ кусомъ подавишься!—
 Онъ бралъ царевича за бѣлы руки
 60. И повелъ его куда надобно ²⁾.
 Что возговорить ³⁾ Грозной Царь:
 «Ахъ вы гой еси, князья мои и бояре!
 «Надѣвайте на себя платье черное,
 «Собирайтесь ко заутренней ⁴⁾,
 65. «Слушать по царевичѣ понихиду:
 «Я васъ, бояре, всѣхъ въ котлѣ сварю.»
 Всѣ бояре испугалися,
 Надѣвали они платье черное,
 Собирались ко заутренней,
 70. Слушать по царевичѣ понихиду.
 Приѣхалъ Никита Романовичъ,
 Нарядился въ платье цвѣтное,

¹⁾ Чу.к. «прохлажаешься.»— ²⁾ Вотъ стихъ очевидно уже ненародный.—

³⁾ Чу.к. «возговорить.» И ниже. — ⁴⁾ Чу.к. «ко заутренней.» И ниже. — О.

- Привелъ съ собой млада царевича
И поставилъ за дверьми сѣверны.
75. Что взговорить Грозной Царь:
« Ахъ ты гой еси, Никита Романовичъ!
« Что въ глаза ли ты мнѣ насмѣхаешься?
« Какъ упала звѣзда поднебесная,
« Что угасла свѣча воску яраго:
80. « Не стало у меня млада царевича!»
Что возговорить Никита Романовичъ:
— Ахъ ты гой еси, надежда ¹⁾, православный Царь!
— Мы не станемъ пѣть по царевичѣ понижду,
— А станемъ пѣть молебень заздравный мы ²⁾! —
85. Онъ бралъ царевича за бѣлу руку,
Выводилъ изъ за сѣверныхъ дверей.

- Что возговорить Грозной Царь:
« Ты Никита, Никита Романовичъ!
' « Еще чѣмъ мнѣ тебя пожаловать?
90. « Или тебѣ полцарства дать,
« Или тебѣ золотой казны сколько надобно?»
— Ахъ ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичъ!
— Не надо мнѣ полцарства, ни золотой казны.
— Только дай ты мнѣ злодѣя Скурматова:
95. — Я сведу на то болото жидкое,
— Что на ту ли лужу поганую. —
Что возговорить Царь Иванъ Васильевичъ:
« Еще вотъ тебѣ Малюта злодѣй,
« И дѣлай съ нимъ, что хочешь ты ³⁾!»

Новик. Пѣсен., 1780 г., ч. II, № 121, стр. 135 — 138; то же у Чулкова, 1770 г., ч. II, № 121, стр. 167 — 176; то же повторено въ пѣсенникахъ Гурьянова и Сахарова¹⁾.

*

¹⁾ Чулк. «надежда.» Такъ и должно быть — ²⁾ Не народный складъ. — ³⁾ Стихъ не народный. — О.

3*).

При зачинѣ каменной Москвы,
Зачинался тутъ и Грозный Царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ.
Онъ два царства покорилъ себѣ,

5. Астраханское и Казанское:

Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Покорилъ ¹⁾ царя съ царцею,
Онъ измѣну вывелъ лютую
Изъ Нова-града, изъ Пскова.

10. И тутъ ли ²⁾ Царь похвалиться сталъ:

«Ахъ, когда бы мнѣ измѣнушку
«Истребить и въ каменной Москвѣ!»

Тутъ Малюта рекъ Скурлатовичъ:

«Ой ты гой еси, великій Царь!

15. «Не выведешь ³⁾ ее до вѣку:

«Твой измѣнникъ супротивъ тебя,

«Онъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда,

«Парчу носить съ одного плеча.»

«Гой еси, князя-боярева,»

* На основаніи предыдущихъ образцовъ, изъ Чулковскаго и Новиковскаго Пѣсенника, помѣщаемая здѣсь Былина передѣлана и исправлена И. И. Дмитриевымъ. Онъ помѣстилъ ее въ своемъ «Карманномъ Пѣсенникѣ» 1796 г. (рѣдчайшая книга), ч. III, пѣсни «Былевыя» № 1. Оттуда заняли: «Новѣйшій, полный и всеобщій пѣсенникъ,» Спб., 1818 г., ч. III; «Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ,» П. III., Спб., 1819, ч. III; «Новѣйшій избранный пѣсенникъ (безъ года; того же времени),» ч. III. Мы приведемъ отсюда расплодившіяся далѣе подправки.—Въ Пѣсен. 1818 г. Былина заглавлена: «Постоянная вѣрность и постыдное вѣроломство, получившія достойную цѣну отъ Іоанна Грознаго. Пѣсня древнихъ временъ Россіи. Голосъ по сохраненію.»—О.

¹⁾ Нов. избр. пѣсен. и 1818: «положилъ.»—²⁾ П. III. «И тогда ль.»—³⁾ П. III, «Ты не выведешь.»—О.

20. Царь воскликнулъ грознымъ голосомъ!
 « Поведите вы царевича
 « Во полатушку ¹⁾ особую,
 « Вы стащите золоту парчу
 « И надѣньте платье черное,
 25. « И свершите надъ нимъ смертну казнь!»
 Всѣ бояре ужаснулись,
 Изъ палаты разбѣжались,
 Большой прячется за малаго;
 Остается лишь Малюта врагъ:
 30. Онъ беретъ млада царевича,
 Совлекаетъ золоту парчу,
 Надѣваетъ платье черное,
 На болото ведётъ жидкое,
 Чтобъ исполнить надъ нимъ смертну казнь.
 35. Весь народъ Божій волнуется:
 Жаль ему млада царевича!
 Лишь Никита нашъ Романовичъ
 Не вздыхаетъ, не кручинится:
 Онъ у друга на пиру сидитъ.
 40. Скачетъ, скачетъ къ нему вѣрный рабъ,
 Воскликаетъ запыхавшись:
 «« Ой ты гой еси, нашъ батюшко ²⁾,
 «« Никита сударь Романовичъ!
 «« Ты пьешь и ѣшь, прохлаждаешься ³⁾,
 45. «« А бѣды нашей не вѣдаешь:
 «« Падетъ звѣзда поднебесная,
 «« Гаснетъ свѣча ⁴⁾ воску яраго,
 «« Не становится царевича!»»
 Ужаснулся тутъ бояринъ нашъ,
 50. Онъ вскочилъ на лошадь рабскую,
 Лошадь рабску, водовозную ⁵⁾,
 Поскакалъ на мѣсто Лобное,

¹⁾ Всюду: «во палатушку.» — ²⁾ Всюду: «батюшка.» — ³⁾ *Нов. избр. пмс.* и 1818: «прохлаждаешься.» — ⁴⁾ *П. Ш.* «свѣчка.» — ⁵⁾ *П. Ш.* Этого стиха нѣтъ. — *О.*

- Ухватилъ Малюту за воротъ
И воскликнулъ ¹⁾ гнѣвнымъ голосомъ:
55. — Не за свой ты кусъ примаешься ²⁾,
— Этимъ кусомъ ты подавишься! —
А потомъ взявъ за бѣлы руки
Неповиннаго царевича,
Увелъ его въ красный теремъ свой.
60. Между тѣмъ великій Грозный Царь
Говоритъ своимъ бояревамъ:
«Гой еси, князья-боярева!
«Надѣвайте платье черное,
«Собирайтесь ³⁾ ко заутрени,
65. «Слушать виѣстѣ со Царемъ вашимъ
«Панихиду по царевичѣ:
«Послѣ жь ⁴⁾ всѣ мнѣ отвѣчать должны!»
Задрожали всѣ боярева,
Облекались ⁵⁾ въ платье черное
70. И явились ко заутрени ⁶⁾.
А Никита нашъ Романовичъ
Пришелъ въ церковь во цвѣтномъ платьѣ,
Онъ привелъ съ собой царевича
И поставилъ позади дверей,
75. Дверей сѣверныхъ, на крыльчикѣ.
Грозный Царь ему возговорилъ:
«Онъ ты гой еси, бояринъ мой!
«Ты въ глаза мнѣ насмѣхаешься ⁷⁾!
«Или ты того не вѣдаешь,
80. «Что упала звѣзда ясная ⁸⁾,

¹⁾ *Нов. избр. ямс.* и 1818: «И воскликнулъ.» — ²⁾ 1818: «привинмасься;» *П. Ш.* «хватаешься.» — ³⁾ 1818. «Собирайтесь.» — ⁴⁾ 1818: «послѣ » — ⁵⁾ 1818: «Облакались.» — ⁶⁾ Всюду за симъ прибавлено:

Слушать виѣстѣ со Царемъ своимъ
Панихиду по царевичѣ
И со ужасомъ готовились
Ко тому отвѣту страшному.

⁷⁾ Всюду: «насмѣхаться сталъ.» — ⁸⁾ *П. Ш.* Этого стиха нѣтъ. — 0.

- « Что угасла свѣча бѣлая,
 « Что не стало, ахъ, царевича?»
 — Повели не панихиду пѣть,
 — А задравное молебствіе, —
85. Отвѣчалъ ему усердный рабъ,
 И привелъ млада царевича.
 Царь возрадуясь возговорилъ:
 « Онъ ты гой еси, бояринъ мой!
 « Чѣмъ, скажи, тебя пожаловать?
90. « Золотою ли казной моею?
 « Или мнѣ тебѣ полцарства дать?»
 — Не давай мнѣ золотой казны, —
 Говорить ему бояринъ нашъ,
 — Ни полцарства мнѣ не надобно,
95. — Только дай ты мнѣ Скурлатова:
 — Повели ты мнѣ казнить его! —
 « Предаю тебѣ животь его,»
 Грозный Царь ему отвѣтствуетъ,
 « И ты дѣлай съ нимъ, что вздумаешь!»

(Дмитр., ч. III, Былевныя, № 1).

*

4*).

(Симбирскъ).

- При началѣ каменной Москвы,
 Начивался тутъ нашъ Грозный Царь.
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ.
 Онъ два царства покорилъ себѣ,
 5. Астраханское, Казанское,
 Казань городъ мимоходомъ взялъ,
 Полонилъ царя съ царицею.

*) Это уже обратная передѣлка сочиненія Дмитріева среди народа. — 0.

Тутъ Царь Грозный похваляться сталъ:

«Еще кто бь вывелъ измѣнушку

10. «Изъ матушки каменной Москвы?»

Какъ возговоритъ Малюта врагъ:

«Въ вѣкъ не вывести измѣнушки

«Изъ матушки каменной Москвы:

«Твой измѣнникъ супротивъ тебя,

15. «Пьеть и ѣсть онъ съ одного стола,

«Парчу носить съ одного плеча!»»

Какъ возговоритъ нашъ Грозный Царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ:

«Вы князья мои и бояре!

20. «Вы подите во высокъ теремъ,

«Во палаты мои царскія,

«Вы возьмите тамъ царевича,

«Совлеките золоту парчу,

«Отведите во чисто поле

25. «И предайте его злой смерти!»

Всѣ бояре испугалися,

Другъ за друга хоронилися;

Малый прячется за стараго,

Старый прячется за малаго.

30. Какъ одинъ только Малюта врагъ

Не пугается, не прячется:

Онъ идетъ въ палаты царскія,

Береть за руку царевича,

Совлекаетъ золоту парчу,

35. И ведетъ его въ чисто поле,

Гдѣ онъ хочетъ его злѣ казнить.

Какъ на ту пору бояринъ нашъ,

Князь Романъ сударь Романовичъ,

Онъ сидитъ, князь, во честномъ пиру,

40. Пьеть и ѣсть онъ — проклажается.

Прискакалъ къ нему скорой посоль:

«Охъ ты гой еси, бояринъ нашъ,

«Князь Романъ сударь Романовичъ!

«Ты сидишь здѣ во честномъ пиру,

45. « Пьешь и ѣшь ты — проклажаешься,
 « А того, сударь, не вѣдаешь:
 « Упадетъ звѣзда восточная,
 « И угаснетъ свѣчка бѣлая,
 « Не станеть у насъ царевича, —
50. « Врагъ Малюта его злѣ казнить.»
 Какъ возговорить бояринъ нашъ,
 Князь Романъ сударь Романовичъ:
 — Приведите клячу тощую,
 — Клячу тощую, водовозную! —
55. Прїѣзжаетъ во чисто поле,
 Береть за ворота Скуратова:
 — Охъ ты гой еси, Малюта врагъ!
 — Не за свой ты кусъ примаешься,
 — Этимъ кусомъ ты подавишься! —
60. Онъ беретъ съ собой царевича
 И отвозитъ его въ свой терѣмъ.
 Какъ на утрѣ нашъ Грозный Царь,
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
 Отдавалъ вездѣ строгой приказъ,
65. Чтобы всѣ князья и бояре
 Одѣвались въ платье черное,
 Собирались во большой соборъ,
 Слушать утреннее пѣніе,
 Панихиду по царевичѣ.
70. Всѣ бояре испугались,
 Въ черно платье паряжались,
 Во большой соборъ собирались.
 Какъ одинъ только бояринъ нашъ,
 Князь Романъ сударь Романовичъ,
75. Надѣвалъ онъ платье цвѣтное,
 Прїѣзжалъ онъ во большой соборъ,
 Привелъ за руку царевича
 И поставилъ на правой крылосѣ.
 Увидалъ его нашъ Грозный Царь,
80. Царь Иванъ сударь Васильевичъ:

« Охъ ты гой еси, бояринъ мой,
 « Князь Романъ сударь Романовичъ!
 « Иль ты хочешь гнѣва царскаго,
 « Той оналы государевой?

85. « Всѣ князья мои и бояре
 « Въ черно платье наряжались,
 « Во большой соборъ собирались,
 « Слушать утреннее пѣніе,
 « Панихиду по царевичѣ:

90. « Только ты одинъ, Романовъ князь,
 « Не послушалъ воли царскія,
 « Наряжаешься во цвѣтно платье!
 « Или ты того не вѣдаешь:
 « Упала звѣзда восточная,

95. « И угасла свѣчка бѣлая,
 « Не стало у насъ царевича?»
 Какъ возговорить бояринъ нашъ,
 Князь Романъ сударь Романовичъ:
 — Охъ ты гой еси, нашъ Грозный Царь,

100. — Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
 — Прикажи не панихиду пѣть,
 — А заздравное молебствіе:
 — Твой царевичъ еще цѣлъ и здоровъ! —

Какъ возговорить нашъ Грозный Царь.

105. Царь Иванъ сударь Васильевичъ:
 « Охъ ты гой еси, бояринъ мой,
 « Князь Романъ сударь Романовичъ!
 « Чѣмъ за вѣрность наградить тебя?
 « Или мнѣ тебѣ полцарства дать?»

110. Какъ возговорить Романовъ князь:
 — Не изъ золота я служу тебѣ
 — И полцарства мнѣ не надобно:
 — За мою ли службу вѣрную
 — Мнѣ предай въ руки Скуратова! —

(Запис. П. В. Юрьевымъ).

* *

VI.

1*).

(Арханг. губ., Шенкурск. уѣзда).

Какъ у насъ было въ каменной Москвѣ,
У Грознаго Царя Ивана Васильевича,
Столованье было—пированьице, почестный пиръ
На многіе князья—на бояра.

5. Бѣлой день идетъ къ вечеру;
Батюшко Грозный Царь весель сталъ.
Говорить же Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
«Что жъ у меня въ бесѣдѣ никто ничѣмъ не хвас-
туетъ?»

Одинъ бояринъ хвастуетъ чистымъ серебромъ,

10. Другой похвасталъ чистымъ бисеромъ,
Третій похвасталъ скатнымъ жемчугомъ.
Говорить Царь Иванъ Васильевичъ:
«Злато—серебро не откупа,
«Чистый бисеръ не оборона,
15. «Скатенъ жемчугъ не заступа.
«Чѣмъ я, Грозный Царь Иванъ Васильевичъ, похвастую?
«Вывелъ я измѣну изъ Обска ¹⁾,
«Вывелъ измѣну изъ каменной Москвы,
«Казанское царство мимоходомъ взялъ,
20. «Царя Семѣна подь миръ ²⁾ склонилъ,
«Снялъ съ царя порфиру царскую,
«Привезъ я порфиру въ каменную Москву,
«Крестилъ я порфиру въ каменной Москвѣ,

*) Въ этомъ отдѣлѣ выведенъ царевичъ Дмитрій. — 0.

1) Изъ Пскова.—*) Писано по скобленному; обыкновенно: «подь мечь.»—0.

- «Эту порфиру на себя подóжилъ,
 25. «Послѣ того я сталъ Пресвитеръ-Царь,
 «Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!»
- Тутъ прогóворить его родимый сынъ:
 — Ахъ ты батюшко, Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Гдѣ тебѣ вывести измѣну изъ Обска,
 30. — Гдѣ тебѣ вывести измѣну изъ каменнóй Москвы!
 — Можетъ быть, измѣна за столомъ сидить,
 — Пьётъ-ѣстъ-кушаетъ съ одного блюда.—
 Говорить же Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
 «Говори мнѣ, гдѣ измѣна за столомъ сидить?»
35. Отъ молодого царевича на то отвѣта пѣтъ.
 Говорить же Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ой вы гой еси, палачи Московскіе!
 «Сказните молодого царевича,
 «Выньте сердце съ пѣченью,
 40. «Принесите мнѣ на показанье!»
 Всѣ палачи приужаснулись,
 Одинъ Алѣша ¹⁾ Малютинъ,
 Скурлатовъ сынъ не ужаснулся,
 Вскочилъ Алѣша изъ за стола,
 45. Выводилъ молодого царевича.
 Говорить Алѣша Малютинъ сынъ:
 «Много казнилъ я князей-бояръ,
 «Не казнилъ рода царскаго:
 «Пойти, сказнить молодого царевича!»»
50. Снималъ съ него платье цвѣтное,
 Надѣвалъ на него платье черное,
 Посадилъ его на добра коня:
 Младой царевичъ напередъ ѣдѣтъ,
 Алѣша Малютинъ позади ѣдѣтъ,
 55. Вострый палашъ на плечѣ везетъ.
 Перепала скорая вѣсточка
 Дядѣ Никитѣ Романову:

¹⁾ Тутъ примѣшанъ Алѣша Поповичъ, въ Былицахъ Кіевскихъ на оборотъ смѣшиваемый съ Малютою. — О.

- Дядюшка былъ трудёнъ-болёнъ,
Трудёнъ-болёнъ,—объ одной ногѣ.
60. Бросился онъ скоро на конюшной дворъ,
Обсѣдалъ своего добра коня,
Ухватилъ скоро конюха любимаго,
Поѣхалъ скоро на чисто полѣ,
И кричитъ зычнымъ-громкимъ голосомъ:
65. — Воръ, собака, Малюта Скурлатовъ сынъ!
— Отдай мнѣ-ка младаго царевича,
— Сказни конюха любимаго,
— Вынь сердце у его съ печенью,
— Свези Царю на показанье! —
70. Алѣша Малютинъ послушался,
Отдалъ онъ молодаго царевича,
Сказнилъ конюха любимаго,
Вынялъ сердце у его съ печенью,
Повезъ къ Царю на показанье.
75. Отъ тоски встаетъ Царь Иванъ Васильевичъ,
Своего сына онъ хватается,
Своего сына Дмитрія царевича;
Прознавъ дѣло, рвѣтся-мѣчется,
И говоритъ таковы рѣчи:
80. « Ой вы слуги мои вѣрныѣ!
« Вы за чѣмъ меня не ўняли,
« Вы за чѣмъ пустили на дѣло окаянное?»
Отвѣчаютъ его слуги вѣрныѣ:
« Ой ты батюшка нашъ, Грозный Царь,
85. « Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ!
« Не посмѣли мы перѣчить тебѣ,
« Не посмѣли разговарить твои рѣчи Царскія,
« Убоялися мы твоего гнѣва скорога.»»
Онъ услышалъ радость, веселіе,
90. У дяди у Никиты Романова:
Грозному Царю за бѣду стало,
За бѣду стало за великую;
Ухватилъ онъ копьѣ ѳстроѣ,
Бѣжитъ къ дядѣ Никитѣ Романову.

95. Въ хоромахъ у Никиты Роман овича
 Пиръ на весело.
 Учѣлъ онъ у своихъ гостей:
 «Бѣжить,» говорятъ, «Грозный Царь Иванъ Васильевичъ,
 «Въ рукѣ держитъ копье востроѣ.
100. «Бѣжить прямо къ ему, къ Никитѣ Романову.»
 Не досугъ Никитѣ гостей чествовать:
 Онъ бросился на крыльцо стекольчато,
 Въ стрѣту ладитъ Царю Ивану Васильевичу.
 Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
105. «Аль ты радъ, Никита Романовичъ,
 «Моему несчастью великому?
 «Аль ты веселишься,
 «Что я сказнилъ своего сына любимаго?»
 Замахнулъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ
110. Свое копьѣ востроѣ,
 Тяпъ въ ногу Никитѣ Романовичу.
 Отвѣтъ держитъ Никита Романовичъ:
 — Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Погляди-ко ко мнѣ въ большой уголь? —
115. Поглядѣлъ онъ въ большой уголь,—
 Увидалъ сына своего Дмитрія царевича:
 Сидитъ здравъ и невредимъ у дяди въ большомъ углу.

И нашелъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ
 Въ этомъ радость великую.

(Запис. Адмир. Кузнецевымъ).

*

Съ этою Былинною ближайше сходна слѣдующая:

2.

(Тамъ же).

Какъ у насъ было въ каменной Москвѣ,
У Грознаго Царя Ивана Васильевича
Столованьице было—пированье, почестный пиръ
На многіе князи и бѣяра.

5. Бѣлый день идетъ къ вечеру,
Батюшка Грозный Царь веселье сталъ.
Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
«Что же у меня въ бесѣдѣ никто ничѣмъ не хвастаетъ,
«Не хвастаетъ, не похвалится?»
10. Одинъ бояринъ хвасталъ чистымъ серебромъ,
Другой бояринъ хвасталъ краснымъ золотомъ,
Третій бояринъ хвасталъ скатнымъ жемчугомъ.
Не золота трубочка вострубила,
Не серебряна сиповочка возыграла,
15. Грозный Царь Иванъ Васильевичъ слово вымолвилъ:
«Не дѣломъ вы, братцы, хвастаетесь,
«Не добромъ вы, братцы, похваляетесь:
«Злато-серебро не откупа,
«Скатень жемчугъ не оборона,
20. «Чистый бисеръ не заступа.
«Какъ я, Грозный Царь, чѣмъ похваляю:
«Вывелъ я измѣну изъ Пскова,
«Вывелъ я измѣну изъ каменной Москвы,
«Казанское царство мимоходомъ взялъ,
25. «Царя Семіона подъ миръ склонилъ,
«Снялъ я съ царя порфиру царскую,
«Привезъ порфиру въ каменну Москву,
«Крестилъ я порфиру въ каменной Москвѣ,

«Эту порфиру на себя наложилъ,
30. «Послѣ этого сталъ Грозный Царь!»

Тутъ проговорилъ его родимый сынъ:

— Ахъ ты батюшка, Грозный Царь,

— Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ!

— Гдѣ тебѣ вывести измѣну изъ Пскова,

35. — Гдѣ тебѣ вывести измѣну изъ каменной Москвы?

— Можетъ быть, измѣна за столомъ сидитъ,

— Пьетъ-ѣстъ съ тобой съ одного блюда.—

Говоритъ же Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:

«Покажи мнѣ, гдѣ измѣна за столомъ сидитъ?»

40. Отъ молода царевича на то отвѣта нѣтъ.

Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:

«Ой вы гой еси, палачи Московскіе!

«Вы скажите младаго царевича,

«Выньте изъ груди сердце съ печенью.

45. «Принесите мнѣ на показанье!»

Всѣ палачи приужахнулись;

Одинъ Алешка Малютинъ,

Скурлатовъ сынъ не ужахнулся,

Скочилъ Алешка изъ застольца,

50. Выводилъ младаго царевича,

Причиталъ Алешка Скурлатовъ сынъ:

«Много казнилъ князей и бояръ,

«Не казнилъ рода царскаго:

«Пойти, сказнить младаго царевича!»»

55. Снималъ съ него Алешка платье цвѣтное,

Надѣвалъ на него платье черное,

Посадилъ его на добра коня;

Младый царевичъ напередъ ѣдетъ,

Алешка Скурлатовъ позадъ ѣдетъ,

60. Острый палашъ на плечъ держитъ.

Перепапа скорая вѣсточка

Дядь Никитъ Романову.

Дядюшка былъ трудень-болень,

Трудень-болень,—объ одной ногѣ.

65. Разілся ¹⁾ онъ скоро на конюшій дворъ,
 Обсѣдлалъ своего добра коня,
 Ухватилъ съ собой конюха любимаго,
 Поѣхалъ скоро на чисто поле,
 И кричить-зычить громкимъ голосомъ:
70. — Воръ, собака, Малюта Скурлатовъ сынъ!
 — Отдай мнѣ-ка младаго царевича,
 — Сказни конюха моего любимаго,
 — Вынь изъ груди сердце съ печенью
 — И свези Царю на показанье!—
75. Алешка Скурлатовъ послушался,
 Отдалъ ему младаго царевича,
 Сказнилъ конюха его любимаго,
 Вынялъ изъ груди сердце съ печенью,
 И привезъ Царю на показанье.
80. Ото сна встаетъ Царь Иванъ Васильевичъ—пробу-
 жается,
 Своего сына онъ хватается,
 Своего сына Дмитрія царевича.
 Прознавъ дѣло, рвется и мечется,
 И говоритъ таковы рѣчи:
85. « Ой вы, слуги мои вѣрные!
 « Вы за чѣмъ меня не ўняли,
 « Вы за чѣмъ пустили на дѣло окаянное?»
 Отвѣчаютъ ему слуги вѣрные:
 « Ой ты батюшко, Грозный Царь,
90. « Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ!
 « Не посмѣли мы перечить тебѣ,
 « Убоялися мы твоего гнѣва скорого!»
 Услышалъ Царь Иванъ Васильевичъ
 Радость-веселіе у Никиты Романова:
95. Грозному Царю за бѣду стало,
 За бѣду стало за великую;
 Ухватилъ онъ копье острое,

¹⁾ Бросался.—0.

- Бѣжить къ дядѣ Никитѣ Романову.
 Во хоромахъ у Никиты Романовича пиръ на вѣсело.
100. Учѣлъ онъ у своихъ гостей:
 «Бѣжить,» говорятъ, «Царь Иванъ Васильевичъ,
 «Во рукѣ держитъ копье острое,
 «Бѣжить прямо къ нему, къ Никитѣ Романову.»
 Не досугъ Никитѣ гостей чувствовать:
105. Бросился онъ на крылечко стекольчато,
 Въ стрѣту ладитъ Царю Ивану Васильевичу.
 Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
 «Аль ты радъ, Никита Романовичъ,
 « Моему несчастью великому,
110. «Аль ты веселишься кáзни сына моего любимаго?»
 Замахнулъ онъ копье острое,—
 Тялъ ¹⁾ въ ногу Никитѣ Романовичу.
 Отвѣтъ держитъ Никита Романовичъ:
 — Грозный, Царь Иванъ Васильевичъ!
115. — Погляди-ко ко мнѣ во большой уголь!—
 Поглядѣлъ Царь во большой уголь,—
 Увидѣлъ сына своего, Дмитрія царевича:
 Сидитъ веселъ и здоровъ во большомъ углу.
 Царь нашелъ въ томъ радость великую,
120. Закурили на радостяхъ зелена вина,
 Заварили на радостяхъ меду пьянаго,
 Пировали на радостяхъ почестный пиръ.

(Отъ В. Я. Дали, запис. А. Харитоновымъ).

* *

¹⁾ Ударилъ.—0.

VII.

1*).

(Звенигор. узда, Воронки).

Грозный Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ,
 Созывалъ онъ почётный пиръ,
 Всѣхъ князьевъ и господъ бояръ;
 И хвалился Грозный Царь,

5. Иванъ, сударь, Васильевичъ:
 «Взялъ я Казань, взялъ и Астрахань,
 «Взялъ Великій скобы Новгородъ ¹⁾,
 «Вывелъ измѣну изъ каменнѣй Москвы!»

Его сынъ и возгворить:

10. — Ты родимый мой тятинька,
 — Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Не во гнѣвъ бы твоей милости!
 — Не хвались ты, мой тятинька:
 — Взялъ ты Казань, взялъ и Астрахань,
 15. — Взялъ Великій скобы Новгородъ, —
 — Не вывелъ измѣну изъ каменнѣй Москвы.
 — Что измѣна-то съ тобой за однимъ столомъ,
 — За однимъ столомъ пьётъ и кушаетъ,
 — Бѣла лебедя рѣшаетъ,
 20. — Съ одного блюда, съ одной ложечки! —

*) Эта Былина, составляя особый отдѣлъ, непосредственно соединяется съ «Женидьбою Царя.»—О.

¹⁾ Это сочетание, по недослышкѣ, образовалось изъ словъ: «Взялъ великъ Опсковъ и Новгородъ.»—О.

Грозный Царь Иванъ Васильевичъ 1):

« Ужь и какъ же намъ своѡ сына извѣсть?»

Выходилъ онъ на новое крыльцо,

Закричалъ онъ громкимъ гóлосомъ своимъ:

25. « Ино есть ли у меня палачи,

« Палачи-то удáлы молодцы́,

« Чтобъ срубили сыну голову

« Да по самыя по плечики,

« По его бы по могучія,

30. « Положили бъ на серéбряно блюдо,

« Принесли бы къ государю во дворецъ!»

Не успѣлъ онъ слова молвити,

Ужь гдѣ нѣ взялся стремѣнный стрѣлецъ,

Онъ садился на несѣдлаго коня,

35. Онъ и гонить Никитской улицей

Ко Никитѣ ко Романычу:

« Вы раздайтесь, люди добрые:

« За мной дѣло государево!»

Онъ идѣтъ—отъ дверей отпихиваетъ,

40. Всѣхъ слугъ-прислугъ отпѣриваетъ,

Отъ дверей отдвигиваетъ:

« Отойдите, слуги вѣрные:

« За мной дѣло государево!»

Онъ стоить—то 2) — Богу молится,

45. Богу молится, самъ рѣчь говорить:

« Ты Никита Романовичъ!

« Чтò ты крѣпко спишь—не прòснешься?

« Ты не знаешь горя великаго:

« Что потухла воску яраго свѣча,

50. « Что померкло солнце красное,

« Что померкли звѣзды восточныя,

« Что не стало твоѡ крестничка,

« Нашего младаго царевича!

« Повезли-то его на Болóтичко,

1) Т. е. разсуждаетъ, думаетъ. — 2) Становится вошедши. — 0.

55. « На Болóтичко, на Житный дворъ,
 « Чтобъ срубить-то ему голову
 « Да по самыя по плечики,
 « По его ли по могучія!»
 А Никита Романовичъ,
60. Онъ скорёхонько просыпается,
 Въ лёгку одѣжу одѣвается,
 На босы ножки въ сапожки обувается,
 Онъ садится на несѣдлаго коня,
 Онъ и гонитъ Никитской улицей
65. На Болóтичко, на Житный дворъ:
 — Вы раздайтесь, люди добрые:
 — За мной дѣло государево! —
 Никто за топоръ не примается ¹⁾,
 У всѣхъ руки отымаются;
70. Ужь какъ взѣлся-принѣлся Малютушка,
 Что Малюта Разкурлатовъ ²⁾ сынъ.
 Онъ ³⁾ ударилъ его по бѣлу лицу:
 — Ты Малюта Разкурлатовъ сынъ!
 — Не за свой ты кусъ хватаешься,
75. — Этимъ кусомъ ты подавишься!
 — Ино кто хочетъ за Царя умереть?
 — Того Господи избавить отъ грѣховъ,
 — Отъ грѣховъ, отъ муки вѣчныя! —
 Ужь и выискался стремённый стрѣлецъ:
80. « Я хочу за Царя умереть!»
 Тутъ срубили ему голову
 Да по самыя по плечики,
 По его ли по могучія;
 Положили на серебряно блюдо,
85. Понесли къ государю во дворецъ.
 Грозный Царь Иванъ Васильевичъ,
 Выходилъ онъ на Красное крыльцо:

¹⁾ Т. е. на мѣстѣ казни. — ²⁾ Производство осмыслено: curva ty razcurva. —

³⁾ Т. е. Никита. — 0.

« Что собакѣ собачья смерть ¹⁾!»

Во Свѣтлое Воскресеньице

90. Разослалъ указъ по всей Москвѣ,
По всѣмъ городамъ, по всѣмъ деревнямъ:
Что заўтра, въ Свѣтло Воскресеніе,
Приходили бѣ люди добрые,
Приходили бы ко заўтренѣ,
95. Они всѣ бы въ платьяхъ чѣрныхъ,
Они всѣ бы во кручинныхъ.
А Никита Романовичъ,
Ужъ онъ поцвѣтнѣе всѣхъ надѣлъ.
Онъ стоитъ — Богу молится.
100. Что выходятъ отъ заўтрени,
Поздравляетъ его ²⁾ съ праздничкомъ
И со млáдыимъ царевичемъ.
« Охъ ты кумъ, кумъ любезный мой!
« Что жъ ты мною насмѣхаешься,
105. « Надо мною наругаешься?
« У меня послѣ обѣденки
« Всѣмъ боярамъ переборъ будетъ,
« Стану казнить, стану вѣшати:
« А тебѣ, кумъ, пѣрва пѣтелька!»
110. Послѣ заўтрени разослалъ онъ указъ
По всей Москвѣ, по всѣмъ городамъ,
По всѣмъ городамъ, по всѣмъ деревнямъ,
Приходили бѣ люди добрые,
Приходили бѣ въ платьѣ чѣрномъ,
115. Они всѣ бы во кручинномъ;
А Никита Романовичъ
Еще поцвѣтнѣй того надѣлъ.
Онъ стоитъ — Богу молится,
Млáдаго царевича подъ полоѣй держить.
120. Какъ выходятъ отъ обѣденки,

¹⁾ Слова Ивана, съ Краснаго крыльца, куда онъ вышелъ взглянуть на прѣсенное. — ²⁾ Царя. — 0.

Поздравляетъ его съ праздникомъ
И со млáдымъ царевичемъ.

« Охъ ты кумъ, кумъ любезный мой!

« Ужь и какъ же мнѣ тебя назвать будетъ?

125. « Али дядюшкой, али батюшкой?

« Ино будь же ты мнѣ бóльшій братъ ¹⁾!»

*

Созывалъ онъ почётный пиръ,
Созывалъ онъ князьёвъ-бояръ,
Не позвалъ Кострюка-Мастрюка,

130. Свою шурина любезнаго.

Приходилъ шуринъ попóслъ всѣхъ,

Онъ садился повыше всѣхъ;

Онъ не пьётъ и не кушаетъ,

Бѣла лебедя не рушаетъ,

135. Онъ сидитъ — думу думаетъ.

Государя-тъ похаживаетъ,

Онъ на шурина поглядываетъ:

« Охъ ты шуринъ, ты шуринъ мой,

« Охъ ты шуринъ любезный мой!

140. « Чтò ты не пьешь и не кушаешь,

« Бѣла лебедя не рушаешь?

« На Царя ли лихо думаешь,

« На царевну ль благовѣрную,

« Али на весь на крещёный миръ?»

145. — Ни на кого я лихо не думаю,

— Ни на Царя, ни на царевну благовѣрную,

— Только думаю объ своей буйной головѣ:

— Что я семьдесятъ семь земель изощёлъ,

— По себѣ я борца не нашёлъ,

150. — По себѣ борца, удалова молодца!—

Выходилъ-то Грозный Царь,

Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ,

¹⁾ Слѣдуетъ, какъ сказано, другой отдѣлъ Былинъ: названіе его см. ниже.—О.

- Выходилъ онъ на новое крыльцо,
Воскричалъ онъ громкимъ голосомъ своимъ:
155. «Ино есть ли у меня борцы,
«У меня борцы, удалы молодцы?
«Приходили бѣ къ государю во дворецъ,
«Побороться съ Кострюкомъ-Мастрюкомъ,
«Съ моимъ шуриномъ любезнымъ!»
160. Изъ села-то Кулебакина,
Изъ деревни изъ Опальшиной,
Выходили-то два братца,
Да два братца, два родимые,
Два Андрея два Андренча:
165. Одѣвались въ одѣженьку лёгонькую,
Обувались они въ портяночки тоненькія,
Во лапотки частенькіе,
Въ балахоньчики лёгонькіе.
Они идутъ путёмъ-дорогою,
170. Они шуточки пошучиваютъ,
Они другъ дружку попихиваютъ.
Приходили къ государю во дворецъ,
Воскричали громкимъ голосомъ своимъ:
«Ино гдѣ у тебя борцы,
175. «Ино гдѣ борцы, удалы молодцы?»
Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
«Вотъ пришли борцы, удалы молодцы!
«Охъ ты шуринь, ты шуринь мой,
«Охъ ты шуринь любезный мой!
180. «Ино вотъ тебѣ хлѣбъ-соль на столѣ,
«Ино вотъ тебѣ борцы на дворѣ ¹⁾,
«Ино вотъ борцы, удалы молодцы!»
Ужъ Кострюкъ-Мастрюкъ бросается,
Онъ бросался—семь столовъ повалилъ,
185. И онъ семдесятъ господъ задавилъ.
Какъ съ большимъ братомъ схватилися,

¹⁾ Т. е. выбирай любое, или сиди, или иди бороться.—0.

- Они три часа водилися;
 Низёхонько поклонилися,
 Честнёхонько расхватилися 1):
190. « Охъ ты братецъ, ты братецъ мой,
 « Охъ ты братецъ родимый мой!
 « Хочь ты родомъ-то повыше меня,
 « Да ты силкой-то пониже меня 2)!»
 Какъ съ меньшимъ братомъ схватилися,
95. Они часу не водилися,
 Не честнёхонько расхватилися,
 Не низёхонько поклонилися:
 Ужь онъ первую пошибочку пошибъ,—
 Съ Кострючишка колпачишко сшибъ;
200. Онъ другую-то пошибочку пошибъ,—
 Съ Кострючишка сапожишки сшибъ.
 Ужь и бился онъ — рубился
 Не объ ста рубляхъ, не объ тысяцѣ,
 Они билися-рубился
205. Объ своихъ буйныхъ головушкахъ:
 Кто кого сможетъ, того рвать-щипать,
 Того рвать-щипать, до нагà обдирать.
 Ужь онъ третью-то пошибочку пошибъ,—
 Подымалъ-то онъ повыше себя,
210. Опускалъ-то онъ пониже себя;
 Ужь онъ началъ его рвать-щипать,
 Его рвать-щипать, до нагà обдирать:
 « Грозный Царь Иванъ Васильевич!
 « Не во гнѣвъ бы вашей милости,
215. « Что деру штаны атласныя 3)!»

Что глядитъ-то государыня
 Изъ косящета окошечка:
 — Ты крапива, ты крапива б....,

1) Выпустили другъ друга изъ охвата. — 2) Слова борца Кострюку. —
 3) Слова борца.—0.

- Вы крапивныя сѣмены!
 220 — Много васъ было насѣяно,
 — Да не много уродилося!—
 Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
 « Охъ ты баба, ты баба б....,
 « Охъ ты баба, ты бабья знать!
 225. « Чтò глядишь ты въ косяцето окно,
 « Да не чортъ ли тебя спрашиваетъ?»

Защекотала сороченькой,
 Полетѣла съ каменной Москвы.

(Записано 1833, Августа 20).

* *
 *

Царь еще женится.

1.

2*).

(Самбирск. губ.).

- « Чтò сидите, богатырики,
 « И чѣмъ же вы похваливаетесь?
 « Ваша силушка буде отъ Бога,
 « А имѣнїе отъ меня, Царя ¹⁾.)»
 б. Задумалъ нашъ Грозный Царь жениться.
 Онъ брагъ не у насъ, а въ Москвѣ ²⁾,

^{*)} Эта, хотя весьма испорченная, Былина присоединяется къ предыдущей потому, что также, правда—на оборотъ, соединяетъ непосредственно Кастрюка съ Малиутой, женидбу съ покушеньемъ на сына.—0.

¹⁾ Это отрывокъ рѣчи Ивана: см. предыдущія Былины.— ²⁾ Ошибка; должно быть: «не у насъ въ Москвѣ (Самбирскій пѣвецъ естественно могъ такъ выразиться, противопологая свой край Москвѣ).»—0.

- И не у князя, и не у барина,
 Онъ бралъ у Черкашенина,
 А инямъ назвать ее—Марія Демругъевна;
10. Онъ бралъ за ней много приданого:
 Тридцать Татариновъ, полтораста бояриновъ,
 Семьсотъ Донскихъ казаковъ.
 И дѣлалъ онъ про нихъ почетный пиръ:
 Сажалъ онъ ихъ за столы дубовые,
15. За скатерти клѣтчатыя ¹⁾,
 За чашечки, за ложечки корѣльчатыя ²⁾.
 Кострюкъ хлѣба-соли не кушаетъ,
 А Местрюкъ бѣла лебедя не рушаетъ,
 А на нашего Царя лихо думаетъ:
20. — Пойду въ Москву, стану на бѣломъ камушкѣ ³⁾,
 — И стану я со всѣхъ брать пошлину,
 — Со дымовъ подымовное,
 — Съ красныхъ дѣвушекъ почередное ⁴⁾,
 — А со молодушекъ повѣнешное!—
25. И вышелъ Микита Романовичъ, царскій дядюшка,
 На свой на новъ-красенъ крылецъ,
 Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:
 «Еще есть ли на царскомъ дворѣ богатырики?»
 На тотъ разъ ихъ не случилось,
30. Они же всѣ поразѣхались.
 «Чтобы шли они, никого бы не спрашивались
 «И никому бы не докладывались ⁵⁾!»
 Прошли ⁶⁾ два брата родимые,
 Изъ села Ивановскова,
35. По имя ихъ Иванъ-Иванычи,
 По прозванью Кашинины.

¹⁾ Камчатныя.— ²⁾ Корѣльской березы.— ³⁾ Могло быть передѣлано изъ «Москвы бѣлокаменной.» Но «сидѣть на бѣломъ камнѣ» въ нашемъ древнемъ творчествѣ однозначуще съ «судомъ:» судить-рядить, устанавливать или брать пошлинны, учить и т. п. Ср. Былины ниже и Стихи, особенно о Голуб. Книгѣ, «Калѣки Перехожіе.»— ⁴⁾ Вѣроятно: съ нарядовъ.— ⁵⁾ Продолженіе словъ Никиты.— ⁶⁾ Пришли.— 0.

- По царскому двору похаживаютъ,
 Полки ¹⁾ заварачиваютъ,
 Рукавчики позасучиваютъ,
 40. Усы за уши закладываютъ.
 «Вы послушайте—что возговорить
 Царскій дядюшка Микита Романовичъ —
 «Вотъ вамъ, Местрюкъ, хлѣбъ-соль на столѣ,
 «А борцы на дворѣ:
 45. «За что вы, свѣтъ, ухватитесь ²⁾!»
 Местрюкъ бросился,—три стола уронилъ,
 Кострюкъ бросился,—всю силу помялъ,
 Тридцать Татариновъ, полтораста бояриновъ,
 Семсотъ Донскихъ казаковъ.
 50. Ну, выходилъ Местрюкъ на царскій дворъ,
 Бралъ Иванъ Ивановичъ поперегъ его,
 Поджималъ ³⁾ новыше себя,
 А опускалъ пониже себя.
 Первой пошибкой пошибъ,—
 55. Одежду долой съ него сшибъ;
 А другой пошибкой пошибъ,—
 Рубашку долой съ него сшибъ:
 Оставалъ Местрюкъ, въ чемъ мать его родила;
 Онъ соромъ свой зажалъ,
 60. И подъ крылецъ побѣжалъ.
 Да увидала его сестрица родимая,
 Марія Демругьева:
 — Ты дуракъ,—говорить,—дуракъ, мужичій сынъ!
 — Поборолю бы его какъ полехше ни будь ⁴⁾!—

*

65. «Послушайте, Марья Демругьева!
 «Теперича я вывелъ измѣнушку изо всей земли,
 «А Казанское царство къ себѣ приклонилъ.»

¹⁾ Пола у платья.— ²⁾ Т. е. выбирай, Местрюкъ, любое.— ³⁾ Подымалъ.—
⁴⁾ Отсега начинается другая половина, о покушеніи на сына, и слѣдуютъ рѣчи Царя.— О.

- А былъ у ихъ единъ чадо милый, Федоръ Ивановичь:
 — Охъ ты еси, Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
- 70 — Хоша ты вывелъ измѣну изо всей земли,
 — А не вывелъ измѣнушку изъ своа дому:
 — Твоя измѣнушка предъ тобою стоять,
 — Съ тобою рѣчи говорить,
 — Единое платье носить однотѣтное
75. — И единое кушанье кушаетъ сахарное. —
 На то же Грозный Царь прогнѣвался,
 И бралъ же своо сына за праву за руку,
 И вывелъ онъ его на новъ-красенъ крылецъ,
 Возгворилъ онъ громкимъ голосомъ:
80. « Да есть ли здѣсь грозные палачики?
 « Взяли бы моего сына,
 « И повели бы его на поле Кулическое ¹⁾,
 « Привязали бы его ко плахѣ дубовое,
 « И сняли бы съ него буйну голову!»
85. Всѣ палачики испужались,
 Со царскаго двора разбѣжались,
 Оставался одинъ Малютка, Скурматовъ сынъ;
 И бралъ его сынъ ²⁾ за руку,
 Повелъ его на поле Кулическое.
90. И увидѣлъ его царскій дялюшка, Микита Романовичь:
 — Охъ ты Малютка! Не за тѣ ты столы сажаешься,
 — Не за тѣ кушанья принимаешься:
 — Сходи же, Малюта, на псарный дворъ,
 — И возьми-ка же пса немалаго,
95. — И сними съ него голову,
 — И принеси имъ въ кровѣ ³⁾ саблю вострую ⁴⁾! —
 « Охъ вы есть ⁵⁾, мои сенаторы,
 « Да князья и бояре!
 « Призжайте вы въ соборъ, церковь Божью,

¹⁾ Куликово. — ²⁾ Его, сына царскаго, или: бралъ его, царевича, Скурматовъ сынъ. — ³⁾ Въ крови. — ⁴⁾ За симъ слѣдуютъ рѣчи Царя. — ⁵⁾ «Гой вы еси» или «есте.» — О.

100. « И служите вы молебны обчіе, печальные,
 « О моемъ сынѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ,
 « И надѣвайте черную одежду печальную!»
 Всѣ пріѣхали [министры,] князя и бояре,
 И въ соборъ, церковь Божію,
105. И въ одежѣ всѣ въ черную—печальную,
 И служили всѣ молебны обчіе, печальные.
 А царскій дялюшка, Микита Романовичъ,
 Надѣвалъ одежду [форменну],
 И приказалъ служить молебны за здравіе.
110. Обернулся намъ ¹⁾ Грозный Царь:
 « По чему же ты, сватъ, радуешься,
 « За чѣмъ ты заказывалъ молебны за здравіе?»
 — По тому-то я заказывалъ молебны за здравіе,
 — Что представлю вамъ сына въ живности.—
115. И бралъ онъ [за ефесь] саблю вострую,
 Протикалъ онъ ему ногу правую ²⁾.
 Возговорить громкимъ голосомъ:
 « Подайте мнѣ перваго дохтура,
 « Залѣчалъ бы ему ногу въ три часа!»

(Записано П. В. Шейномъ).

* *

¹⁾ Нашъ?—²⁾ См. предыдущія Былины, какъ Царь противулъ ногу Никитѣ.—0.

II.

1*).

(Арханг. губ.).

- Приутихло-приуныло море синее,
 Глядучись-смотрячись со черныхъ кораблей.
 И со тѣхъ марсовъ карабельныхъ,
 И со тѣхъ трубочекъ подзорныхъ
5. И на тѣ на круты-красны бережки.
 Приутихли-приуныли круты-красны бережки,
 Глядучись-смотрячись съ черныхъ кораблей,
 И со тѣхъ марсовъ карабельныхъ,
 И со тѣхъ трубочекъ подзорныхъ
10. И на тѣ на горы высокія,
 И на тѣ на поля зеленыя.
 Приутихли-приуныли поля зеленыя,
 Глядучись-смотрячись на государевъ дворъ:
 Преставляется Царица благовѣрная.
15. Молодая Софья дочь Романовна;
 Въ головахъ сидятъ два царевича,
 Въ ногахъ сидятъ млада двѣ царевны,
 Супротивъ стоитъ самъ Грозенъ Царь,
 Грозный Царь Иванъ Васильевичъ.
20. Говоритъ Царица таковы рѣчи:
 «Ужь ты слушай, Царь, послушай-ко,
 «Что я тебѣ, Царица, повею скажу:

*) Эти двѣ Былины, весьма искаженныя и испорченныя въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, помѣщаются здѣсь, въ особомъ отдѣлѣ, потому лишь, что начинаютъ раньше прочихъ—со смерти первой Царицы.—0.

- « Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
 « До своихъ до младыхъ двухъ царевичевъ:
25. « Когда будутъ они во полномъ умѣ
 « И во твердомъ будутъ разумѣ,
 « Тогда будетъ оборона отъ новыхъ ¹⁾ земель.
 « Еще слушай, Царь, ты послушай-ко:
 « Когда будутъ дѣвицы во полномъ умѣ,
30. « Во полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
 « Ты тогда отдавай дѣвиць за мужъ.
 « Еще слушай, Царь, ты послушай-ко,
 « Что я тебѣ, Царица, повею скажу:
 « Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
35. « До своихъ до князей, до думныхъ бояръ,
 « И до того ты до дядюшки любимаго,
 « И до своего ты до крестнаго батюшки,
 « До того Богдана Сирскаго:
 « И тутъ твоя дума крѣпкая.
40. « Еще слушай, Царь, ты послушай-ко:
 « Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
 « До своихъ солдатушекъ служащихъ:
 « И тутъ твоя сила вѣрная.
 « Еще слушай, Царь, ты послушай-ко:
45. « И не будь ты яръ, будь ты милостивъ
 « До всего народу православнаго.
 « Еще слушай, Царь, ты послушай-ко,
 « Что я тебѣ, Царица, прикажу,
 « Прикажу и повею скажу:
50. « Когда я, Царица, представляюся,
 « Не женись ты, Царь, въ проклятой Литвѣ
 « На той ли Марьѣ Темрюковнѣ,
 « А женись ты, Царь, въ каменной Москвѣ,
 « На той Сунавѣ ²⁾ Татарскіе:
55. « Хоша есть у ней много приданаго
 « Пановой-улановой и злыхъ поганыхъ Татаровой,

¹⁾ «Новѣи» въ мѣстномъ нарѣчїи значить «ипой». — ²⁾ Ошибка вмѣсто «Купавѣ» см. Былины ниже.—()

- «Есть у ней брателко родимое,
«Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ ¹⁾»
И тутъ Царица просыпалась ²⁾,
60. Тутъ Царицѣ славу поють ³⁾.
 Прошло времени три мѣсяца,
 Похотѣлъ сударь Грозенъ Царь,
 Грозный Царь Иванъ Васильевичъ,
 И покатился онъ во ту ли матушку прокляту Литву,
65. Покататися и женитися
 На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
 Онъ не слушалъ своего крестнаго батюшки,
 И того Богдана Сирскаго,
 Пріѣзжалъ онъ скоро въ прокляту Литву
70. И бралъ онъ Марью Темрюковну,
 И со тѣмъ со брателкомъ родимымъ,
 Кострюкомъ Темрюковичемъ.
 Отправлялся онъ изъ проклятой Литвы.
 Не дошедъ онъ матушки каменной Москвы,
75. Равномѣрныхъ верстѣ пятисотныхъ,
 За сто верстѣ становилъ онъ свою силу-армію
 И сходилъ онъ скоро со добра коня,
 И бралъ онъ чернильницу вѣльянскую ⁴⁾,
 И бралъ перо лебединое,
80. И бралъ бумагу ⁵⁾ листъ гербовыя
 И писалъ онъ скоро посолень листъ,
 И посолень ⁶⁾ листъ на золотъ столъ
 Своему дядюшкѣ любезному,
 И крестному батюшку Богдану Сирскому:
85. «Дядюшка Богданъ ты мой Сирскій!
 «Стрѣнь ты меня съ честью и съ радостью,

¹⁾ Перебиты стихи, а должно быть: «Не женись ты на той Купавѣ, хоша есть..., а женись ты въ каменной Москвѣ.»— Различены двѣ невѣсты, Литовская и Татарская, о коихъ см. ниже.— ²⁾ Вѣроятно ошибка вмѣсто «преставилась.»— ³⁾ Обыкновенная прибавка, когда говорится о смерти героя или героини: см. Былины въ прежнихъ выпускахъ.— ⁴⁾ Валькиную: ср. прежніе выпуски.— ⁵⁾ Бумаги.— ⁶⁾ И посылаѣ.— 0.

- «И со тѣмъ пѣтьемъ Божьимъ-церковнымъ,
 «И со тѣмъ со звономъ колокольнымъ,
 «Со той пальбой пушечной.»
90. Оправлялся его скорой гонецъ,
 Скорой гонецъ и скорой посоль:
 Не стрѣтилъ его дядюшка любимой за сто версть.
 Не дошелъ онъ ¹⁾ матушки каменной Москвы,
 Равномѣрныхъ версть пятисотныхъ,
95. За двадцать за пять становилъ онъ свою силу-армію,
 Отправлялъ скоро гонца,
 Скоря гонца и скоро посла,
 Чтобъ чистить улицы широкія,
 Исправить фатеры дворянскія,
100. «Гдѣ стоять моей силъ-арміи.»
 И приваливалъ онъ во матушку каменную Москву:
 И не стрѣтилъ его любезной дядюшка,
 И тотъ Богданъ Сирскій,
 Не съ пѣтьемъ Божьимъ-церковнымъ,
105. И не съ тѣмъ звономъ колокольнымъ,
 Не съ той пальбой пушечной.
 Заѣзжалъ сударь Грозенъ Царь,
 Грозный Царь Иванъ Васильевичъ,
 И во ту церковь Божію,
110. Принималъ златы вѣнцы
 И со той Марьей Темрюковной.
 На той на радости великія
 Заводилъ онъ почестенъ пиръ
 На всѣхъ на князей, на думныхъ бояръ,
115. На сильныхъ-могучихъ богатырей.
 Солнышко идетъ къ западу,
 И къ западу идетъ—ко закату,
 А почестенъ пиръ на весело,
 И всѣ въ пиру пьяны-веселы.
120. Говорить ему шурина любимой,
 Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ:

¹⁾ Царь.—О.

- Ай ты, мой затюшко любезный,
 — Грозенъ ты Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Есть ли у васъ въ каменной Москвѣ
125. — Борцы-молодцы приученые,
 — Кабы мнѣ съ ними поборотися?—
 Требовагь сударь Грозенъ Царь,
 Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ:
 Борцей-молодцей не случилось.
130. Только случилось Васенька Хромоногенькой:
 На лѣву онъ ножку припадываеть,
 По двору прихрамываеть,
 И ко двору государеву придвигается,
 И входитъ въ палаты царскія.
135. И говоритъ Кострюкъ сынъ Темрюковичъ
 Своему зятелку любезному:
 — Чортъ у васъ, не борцы-молодцы,
 — [Не борцы-молодцы] и не приученые!—
 Говоритъ Вася Хромоногенькой:
140. « Ай же ты, сударь-таки Грозенъ Царь!
 « Ежели Богъ пособить, Никола поможетъ
 « Кострюка побороть:
 « Изъ платья вонъ его вылупить
 « И подвору его нага спустить?»»
145. Говоритъ сударь Грозенъ Царь,
 И Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ:
 « Ежели бы тебѣ Богъ помогъ
 « И Микола пособилъ Кострюка побороть,
 « Изъ платья вонъ его вылупить
150. « И по двору нага спустить, —
 « Пятьдесятъ рублей тебѣ жалованья!»
 На лѣвую ножку онъ, Вася, припадывалъ,
 А правой ножкой подхватывалъ,
 И металлъ Кострюка о кирпичной полъ:
155. На брюхѣ его кожа трѣснула,
 На хребтѣ его кожа лопнула.
 Изъ платья онъ его ногой ¹⁾ вылупилъ:

¹⁾ Нагого.—0.

Не Кострюкъ былъ Темрюковичъ,
 Да и не брателко-то ей ¹⁾ былъ родимое:

160. Была поляница удалая ²⁾.

Бралъ Царь свою Марью Темрюковну,
 И велъ онъ въ далече-чисто поле,
 Стрѣлялъ онъ ей въ ретиво сердце:
 Тутъ ей и славу поютъ.

165. Тогда слушалъ онъ своего дялюшку любезнаго,
 И Богдана того Сирскаго:
 И женился онъ въ каменной Москвѣ,
 Въ каменной Москвѣ на Святой Руси.

(Записано г. Максимовымъ; ср. Сборн. Якуши, Отеч. Зап.).

*

2 *).

(Тамъ же).

Преставляется Царица благовѣрная,
 Молодая Софья дочь Романовна.

При смерти она наказываетъ,
 Наказываетъ и доспрашиваетъ:

5. « Грозный Царь Иванъ Васильевич!

« Будешь ли послѣ меня жениться,
 « Али ты, надѣжа-Царь, будешь холостъ ходить,
 « Холостъ ходить, неженатой слыть?»

Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:

10. « Я не буду послѣ тебя жениться,

« Надѣжа-Царь буду холостъ ходить,

¹⁾ Царицѣ.— ²⁾ Поляницею назывались древніе богатыри (ср. прежніе выпуски): но здѣсь пѣвецъ полагалъ, что это женщина, сама передѣлая царица; ср. Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, гдѣ Кострюкъ по нѣкоторымъ преданіямъ, и вѣроятно по тому же поводу, является женщиной.—0.

- «Холость ходить, неженатой слыть.»
 Говорить Царица благовѣрная:
 «Ай же ты, Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!»
15. «Не мани меня, не обманывай:
 «Будешь послѣ меня жениться
 «Во той ли матушкѣ проклятой Литвѣ.
 «На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
 «Принесетъ она рубашки красна золота;
20. «Не могли надѣть на двухъ ясныхъ соколовъ,
 «Надѣнь на двухъ псовъ ядовитыхъ:
 «Увидишь тутъ чудо великое!
 «За тѣмъ будь добръ да милостивъ
 «До тѣхъ до двухъ ясныхъ соколовъ, до царевичей;
25. «Будь ты добръ, будь ты милостивъ
 «До тѣхъ до слуговъ вѣрныхъ,
 «До того народу христіанскаго.»
 За тѣмъ преставилась Царица благовѣрная,
 Молодая Софья дочь Романовна.
30. За тѣмъ женился Царь въ проклятой Литвѣ,
 На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
 Принесла она рубашки пасынкамъ красна золота:
 Надѣли какъ на псовъ ядовитыхъ,
 Тѣхъ псовъ разорвало.
35. За тѣмъ сталъ Грозенъ Царь,
 Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ.
 Сталъ его дядька спрашивать:
 «За чѣмъ исхудалъ?» — Не могу поляницой удалой владѣть:
 руку-ногу закинетъ на меня жена, — не могу духу пере-
 вести ¹⁾.....—

(Оттуда же).

* *

¹⁾ Тутъ пѣвшая старуха спугалась и не хотѣла продолжать дальше, «стыдно, де, нехорошее такое поется.» Къ сожалѣнію, записывавшій не добился конца: но этотъ конецъ извѣстенъ изъ другихъ Былинъ о Поляницахъ и сказокъ, см. прежнія «Записки.»—О.

III.

1*).

(Сибирск. губ., с. Станично).

Какъ у насъ было на Русѣ,
 На Русѣ было, въ каменной Москвѣ,
 Задумалъ Царь жениться,
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ:

5. Онъ усваталъ невѣсту за себя,
 [Невѣсту за себя] не у насъ въ Москвѣ,
 Онъ усваталъ во иной землѣ,
 Не у князя, не у боярина,
 Онъ усваталъ у Татарина,
10. У того ли Черкешанина,
 Марью Темрюговну:
 Черезъ большую дочь онъ среднюю беретъ.
 Марью Темрюговну.
 Собирался почестной пиръ,
15. И всѣ гости съѣхалися, и всѣ соходилися,
 Всѣ гости пьютъ и ѣдятъ,
 И всѣ гости кушаютъ,
 Бѣлаго лебеда рушаютъ.
 Одинъ гость хлѣба-соли не ѣстъ,
20. Хлѣба-соли не кушаетъ,
 Бѣлаго лебеда не рушаетъ,
 Зеленаго вина въ ротъ не беретъ, —
 Кастрюкъ-Мастрюкъ Темрюговичъ,
 Любимый царской шуринушка.
25. Онъ думаетъ думушку, съ кѣмъ поборотися,
 За прокладъ поводится:

*) Это отдѣлъ Бѣлинъ самый полный и самый употребительный. — 0.

- Онъ хочетъ каменну Москву въ полонъ себѣ взять,
 Онъ хочетъ взойти во Кремль городокъ,
 Онъ и хочетъ съ насъ пошрины брать,
30. Съ воротъ поворотныя,
 А съ дымовъ подымовныя,
 Съ молодицъ повалешныя ¹⁾,
 А съ дѣвицъ повѣнешныя.
 Князь Никита Романовичъ,
35. Входитъ онъ въ палаты бѣлокаменныя:
 « Охъ ты гой еси, Грозный Царь,
 « Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
 « Всѣ у насъ гости съѣхалися,
 « Всѣ гости соходилися,
40. « Всѣ гости пьютъ и ѣдятъ,
 « Всѣ гости кушаютъ,
 « Бѣлаго лебеда рушаютъ.
 « Одинъ гость у насъ хлѣба-соли не ѣсть,
 « Хлѣба-соли не кушаетъ,
45. « Бѣлаго лебеда не рушаетъ,
 « Зеленаго вина въ ротъ не беретъ,
 « На Царя лихо думаетъ,
 « Кастрюкъ-Мастрюкъ Темрюковичъ,
 « Любимой царской шуринушка.
50. « Думаетъ думушку онъ, думаетъ крѣпкую,
 « Съ кѣмъ поборотися,
 « За прокладъ поводитися:
 « Онъ и хочетъ каменну Москву нашу
 « Во полонъ себѣ взять,
55. « И хочетъ во Кремль городъ взойти,
 « И хочетъ сѣсть на камешкѣ ²⁾,
 « И хочетъ съ насъ пошрины брать.»
 И возговоритъ нашъ Грозный Царь,
 Царь Иванъ Васильевичъ:
60. « Охъ ты гой еси, дядюшка,

¹⁾ Ср. вып. 5, стр. 22. — ²⁾ Ср. Былны выше. — 0.

- « Князь Никита Романович!
 « Взойди-ты на крымечушко,
 « Взойди-ты на Красное,
 « Вскричи ты громкимъ глосомъ,
 65. « Вскричи-ты въ первый разъ,
 « Вскричи-ты въ другой разъ,
 « Вскричи-ты въ третій разъ,
 « Чтобы слышно было по всей Москвѣ,
 « Чтобы шли таковы борцы,
 70. « Не спрашивавши и не докладывавши,
 « На мой на царской дворъ,
 « На мой на почестной пиръ!»
 Въ то время не случилось въ Москвѣ борцовъ:
 Развѣхались по торгамъ по ярмаркамъ:
 75. Услыхали изъ Нова-города
 Два братца два рѣдныя,
 Два Ивана два Ивановича,
 По прозванью Кашинины:
 Приходили на царской дворъ,
 80. На его на почестный пиръ.
 Они по двору дохаживали,
 Шапочки заламывали,
 Чулочки подтягивали,
 Усы за уши закладывали,
 85. Борцовъ поспрашивали:
 «« Есть ли у васъ борцы, добры молодцы?
 «« Подавайте намъ ихъ!»»
 Князь Никита Романовичъ
 Входилъ въ нову горенку;
 90. — Охъ вы гости мои, полюбовны мои!
 — Вотъ у насъ хлѣбъ-соль на столѣ,
 — А пришли борцы на дворѣ:
 — За что вы приметесь-ухватитесь,
 — За хлѣбъ за соль, за бѣлаго лебеда,
 95. — Иль за добраго молодца?—
 Кастрюка-тъ кинулся,
 Онъ всѣ столы повалилъ

- И все придано подавилъ:
 Выходилъ на крылечушко,
 100. Выходилъ онъ на Красное.
 Принимаетъ его малый братъ,
 Малый братъ Иванушка:
 Онъ по двору похаживаетъ,
 Кастрюка поваживаетъ;
105. Онъ перву-то пошибочку пошибъ,—
 Съ Кастрюка черну шляпу сшибъ;
 А другую-то пошибочку пошибъ,—
 Съ Кастрюка сапожки долой сшибъ;
 А третью пошибочку-то пошибъ,—
110. Съ Кастрюка-то всю одежду сшибъ:
 Въ чемъ мать родила, на свѣтъ пустила ¹⁾.
 Кастрюкъ-то соромъ зажалъ,
 Да подъ крылецъ побѣжалъ.
- Увидала его сестра,
 115. Марья Темрюговна,
 Изъ высокаго терема,
 Изъ косяцатаго окошечка:
 — Ты мужикъ-то, мужикъ, мужичій сынъ,
 — Крапивныя твои сѣмена!
120. — На что ты Кастрюка поборолъ,
 — На что ты съ него платье сшибъ,
 — [Платье сшибъ,] нага пустилъ?—
 Возговоритъ нашъ Грозный Царь,
 Царь Иванъ Васильевичъ:
125. « Охъ ты баба, баба б....,
 « Татарскія твои сѣмена!
 « Не то-то мнѣ дорого,
 « Что Татаринъ хвалится,
 « А те дорого, что крестьянинъ тѣшится!»

(Запис. А. М. Ямковичъ).

*

¹⁾ Въ другихъ: пустилъ его, въ чемъ мать родила.—0.

(Той же губ., Селенг. уезда, въ селѣ Стар. Ярмыгѣ).

- Царь Иванъ сударь Васильевичь,
 Содержатель онъ всей Руси,
 Сберегатель каменной Москвы,
 При блаженной его памяти,
 5. Позволилъ Царь жениться:
 Онъ беретъ не у насъ въ Москвѣ,
 Онъ беретъ во иной землѣ,
 У тово ли Темрюка-Мастрюка,
 Молодаго Черкешенина,
 10. Тоё малую сестру,
 Да свѣтъ Марью Темрюковну.
 Онъ и много приданова берётъ:
 Двѣсти Татариновъ,
 Полтора ста бояриновъ
 15. И семь сотъ Донскихъ казаковъ,
 Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ.
 Еще всѣ гости съѣхалися,
 Всѣ любимы солетѣлися,
 Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ,
 20. Нѣтъ гостя милаго,
 Того шурина родимова,
 Ево ли Темрюка-Мастрюка,
 Молодаго Черкешенина.
 Еще вонъ ѣдетъ милой гость:
 25. Сажаютъ его выше всѣхъ,
 Пошелъ пиръ на веселѣ,
 А смиренныя ¹⁾ на радостяхъ.

¹⁾ Здѣсь «пиръ» обыкновеннѣе «смирная бесѣдушка.» — 0.

- Пили-ѣли, проклажались,
Между собой похвалялися,
30. Сильной своею силою,
А богатой богатствомъ своимъ,
Убогой Божьей милостию,
Какъ Бога-тъ насъ милуетъ,
Государь Царь пожалуетъ,
35. И будемъ мы всѣ ровны ¹⁾.
Похваляется Темрюкъ-Мастрюкъ,
Онъ хвалится своей силою:
— Я Москву вашу насквозь пройду,
— Не найду я себѣ спорщика ²⁾,
40. — Съ кимъ бы могъ я поборотися! —

- Услыхалъ же про то Царь-государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Содержатель онъ всей Руси,
Сберегатель каменной Москвы;
45. Выходилъ она на Красно крыльцо,
Говорилъ онъ громкимъ голосомъ:
« Эй вы гой еси, мои слуги вѣрные!
« Вы подите въ каменную Москву,
« Прокличьте кличь скорую,
50. « Есть ли у насъ, у нашего Царя,
« Бойцы-борцы, молодые, охотнички?
« Шли бы на царской дворъ,
« Безъ доклада государева,
« Безъ допроса безо всякого!»
55. За Москвой стоитъ деревнишка,
Что деревнишка Онихина ³⁾.
Во той ли во деревнишкѣ
Жили два брата родныхъ.
[Два брата родныхъ,] два калашничка,
60. Два Андрея Андреича.

¹⁾ Это уже нравственная добавка, по поводу того, что «убогій—у Бога въ милости (словопроизводства).» — ²⁾ Соцерамка. — ³⁾ Онихина; ср. Ашику.—О.

- Встають они ранёхынко,
 Умываются бѣлѣхынко,
 Обуваются гладѣхынко,
 Чулочки подвязывали,
 65. Башмачки на ноги надѣвывали,
 Свои усы завивывали,
 За уши усы закладывали,
 Приходили на государевъ дворъ,
 Безъ доклада государева,
 70. Безъ доклада безо всякого,
 Безо всякого вѣдѣнья ¹⁾,
 Становились у Красна крыльца.
 Услыхалъ про то Темрюкъ-Кастрюкъ,
 Молодой Черкешенинъ;
 75. Зашипѣлъ онъ по змѣиному,
 Заревѣлъ онъ по звѣриному,
 Переломалъ пятьдесятъ скамей,
 Передалъ онъ приданство всё,
 Двѣсти Татаринѣвъ,
 80. Полтораца бояриновъ
 И семьсотъ Донскихъ казаковъ,
 Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ.
 Выходилъ онъ на Красно крыльцо,
 Сохватился съ большимъ братомъ,
 85. Со Андреемъ Андреевичамъ.
 Они водиться поводились,
 Межонной день ²⁾ до вечера
 И всю ночь до бѣлой зари:
 Никто у нихъ не поборолъ;
 90. Расходиться расходились,
 Между собой поклонились.
 Схватились со меньшимъ братомъ:
 Тотъ его беретъ за лѣвой воротокъ,

¹⁾ Не спрашивая ни о чемъ и не давая объ себѣ вѣсти, безъ вѣдома, не осведомляясь, безобсмыслочно.—²⁾ Долгий; полуденный, южный; лѣтній.—О.

- Поднимаетъ на правой на носокъ,
 95. Онъ приподнялъ повыше себя,
 Ударилъ о сыру землю,
 По колѣни его въ землю вшибъ,
 По колѣни, чуть не по поясъ;
 Онъ и цвѣтное платье съ него сшибъ,
100. Пустилъ его косо на босо ¹⁾,
 Пустилъ его, въ чемъ мать родила.
 Услыхала про то малая сестра,
 Свѣтъ Марья Темрюковна,
 Выходила на Красное крыльцо,
105. Говорила громкимъ голосомъ:
 — Ты крапива, крапивной сынгъ!
 — Не много васъ посѣяно,
 — Да много уродилось!
 — Хотя бы ты и силѣнъ,
110. — И хотя бы тебѣ Богъ пособилъ,
 — На что ты такъ наругаешься
 — И на что насмѣхаешься?
 — Пустилъ ты его, въ чемъ мать родила?—
 Сказалъ тутъ Царь-государь,
115. Царь Иванъ сударь Васильевичъ:
 « Ты баба, ты бабѣ знай!
 « Не то-то намъ дорого,
 « Что Татаринъ похваляется,
 « А то-то намъ дорого,
120. « Что Русакъ насмѣхается!»

*

¹⁾ Босо на босо, а это уже дальнѣйшая игра воображенія и рѣчи. — О.

3.

(Сарат. губ., Петровск. уѣзда, с. Даниловка).

- У насъ было при прежнемъ Царѣ,
 При Иванѣ Васильевичѣ,
 Сбережатель каменной Москвѣ,
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ
5. Поизволилъ жениться.
 Не беретъ онъ у насъ въ Москвѣ,
 Беретъ во иной землѣ,
 Во иной землѣ Черкасской,
 У Матрюка большу сестру,
10. Князю ¹⁾ Марью Темрюговну.
 Онъ и много за ней приданого беретъ,
 Онъ и два ста бояриновъ,
 Полтора ста Татариновъ,
 Пятьсотъ Донскихъ казаковъ,
15. Что ни лучшихъ добрыхъ мѳлодцевъ;
 Еще за ней приданого беретъ
 Ея брата мѳньшаго,
 Матрюка Темрековича.
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ
20. И дѣлалъ пиръ на вѣселѣ
 Про любимаго про шурина
 Матрюка Темрековича.
 Въ полопьяна напивалися,
 Въ полосыта наѣдалися,
25. Промежду собой похвалялися:
 А богатые хвалятся богатствомъ,

¹⁾ Князю, князю. — 0.

А сильные силою,
А Иванъ Васильевичъ
Младую княгиню.

30. А Матрюка-тъ хвалится,
Молодой похваляется:
— Я, де, всю Москву изошолъ,
— По себѣ борцовъ не нашолъ,
— Борцовъ, удалихъ молодцовъ:
35. — Борцовъ не случилось,
— Молодцовъ не годилось!
— Какъ я сяду на калиновомъ мосту,
— Да буду брать пошлину:
— Съ стариковъ похоронное,
40. — Со старухъ повивальное ¹⁾,
— Съ бабъ повалешное ²⁾,
— Съ красныхъ дѣвокъ повѣнешное!—

Борцы въ разѣздочкахъ,
Молодцы въ разсымочкахъ.

45. Только, де, случилось,—
Два брата родимые,
Два шута, Гришута съ Минутою.

- Царь Иванъ сударь Васильевичъ
Выходилъ на Красенъ крылець,
50. Воскричалъ громкимъ голосомъ:
«Есть, де, у насъ въ Москвѣ
«Борцы, удалые молодцы?
«Они бѣ шли на сударевъ на дворець,
«Ко крылечушку ко Красному,
55. «Ко окошечкамъ косяцетымъ,
«Ко стекольчикамъ стекольчатымъ
«И къ анбарамъ государевымъ!»

И идутъ два шута,
Гришута со Минутою:

¹⁾ За повивальное искусство. — ²⁾ Ср. прежнія Былины. — 0.

60. Они шуточки пошучиваютъ,
Они шапочки заламываютъ,
Чулочки потягиваютъ,
Сапожки подправливаютъ:
Мастрюка—то поддражниваютъ.
65. Мастрюкъ разгорается,
Молодой похваляется,
Онъ и хлѣба не кушаетъ,
Бѣла лебеда не рушаетъ.
Кидался Мастрюкъ государь
70. Черезъ скатерти бранья,
Черезъ яства сахарныя,
Черезъ пойло медвяное:
Онъ и лѣвой ногой зацѣпилъ,—
Триста скамей повалилъ,
75. И триста бояръ задавилъ,
Пятьсотъ Донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ мѳлодцевъ.
Выбѣгаетъ и Мастрюкъ государь
Ко крылечку ко Красному
80. И къ анбарамъ государевымъ.
Въ первую пошибочку,
Съ Мастрюка сбили шапочку;
А въ другую—то пошибочку,
Съ Мастрюка сбили сапожечки;
85. А въ третью—то пошибочку,
И зипунъ—то сорвали.
Онъ ужъ забивается
Подъ крылечушко подъ Красное,
Подъ анбары государевы.
90. Марья Темрюковна
Выходила на Красенъ крылець,
Закричала громкіимъ голосомъ:
— А ужъ мужикъ ты, мужикъ,
— Мужичій сынъ,
95. — Крапивныя сѣмены!

- Не поля, де, васъ посѣяно,
 — Не кулика насѣяно ¹⁾!
 — Хоть бы у васъ сила, де, была,
 — Вы бы его, Матрюка,
 100. — На стыдъ не давали и не безчестили!—
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ
 Закричалъ громкіимъ голосомъ
 На Марью Темрюковну:
 «Посѣди-ко ты на доничкѣ ²⁾,
 105. « Поверти веретѣничкомъ!
 « У насъ, де, такъ Москва любить:
 « А коли у него силы-то не было,
 « Онъ бы, де, не хвастался ³⁾!»

(Запис. Ст. П. Шевыревымъ).

*

4*).

(Арханг. губ., Шенкурск. у.).

У насъ было на святой Руси ¹⁾,
 На святой Руси, въ каменнѣй Москвѣ,
 Былъ-жилъ тутъ Царь Иванъ Васильевичъ.
 Поизволилъ Царь Иванъ Васильевичъ жениться ²⁾,
 5. Какъ во той ли земли да во Татарской,
 Какъ у того ли у короля Татарскаго,
 На дочери его на Марьѣ на Темрюковнѣ.

¹⁾ Не поле (не много) васъ посѣяно, не Куликово (поле) насѣяно, да много уродилось (ср. другія Былины).—²⁾ Донце, при пражѣ.—³⁾ Въ другомъ спискѣ: «не хвалялся.»—О.

²⁾ Тамъ же, и почти то же самое, записано Н. Борисовымъ въ Декабрѣ 1845 г.: приведемъ небольшія разнорѣчія.—О.

¹⁾ «Русѣ.»—²⁾ «жениться.»—О.

- Собиралъ ли онъ силу свою могучую,
 Похѣдитъ онъ во землю во Татарскую,
10. Отбираетъ онъ Марью Темрюковну;
 А король ли тотъ Татарской
 Отдаетъ ему во приданое
 Триста Татаровей,
 Двадцать пять удалыхъ молодцовъ.
15. Поѣзжалъ еще въ провожатые,
 Поѣзжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
 Темрюковъ сынъ, молодой ¹⁾ Черкашенинъ.
 Приѣзжали они въ каменнѣ Москву,
 Заводилъ ли Царь Иванъ Васильевичъ
20. Про шурина почестный пиръ,
 Про Кастрюка-Мастрюка, сына Темрюкова.
 Кастрюкъ-Мастрюкъ за столомъ сидитъ,
 Хлѣба-соли не ѣстъ, пива-мѣду ²⁾ не пьѣтъ,
 Зеленà вина не кушаѣтъ,
25. Бѣлой лебеди не рушаѣтъ:
 На кого ³⁾ лихо думаетъ.
 Говоритъ Царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
 «Ой ты гой еси, Темрюковъ сынъ,
30. «Молодой ⁴⁾ Черкашенинъ!
 «За чѣмъ ты хлѣба-соли ⁵⁾ не ѣшь,
 «Меду-пива не пьѣшь,
 «Зеленà вина не кушаешь,
 «Бѣлой лебеди не рушаешь?
35. «На кого лихо думаешь?»
 Отвѣчаетъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
 — А за тѣмъ я хлѣба-соли ⁵⁾ не ѣмъ,
 — Пива-меду не пью,
 — Зеленà вина не кушаю,

¹⁾ «младой.»— ²⁾ «пива съ медомъ.»— ³⁾ «На кого-то.»— ⁴⁾ «Ты младой еси.»— ⁵⁾ «хлѣбъ-соль.»—0.

40. — Бѣлой лебеди не рушаю:
 — На тебя лихо думаю.
 — Я хочу у тебя спрашивать ¹⁾:
 — Есть ли у тебя въ каменной Москвѣ
 — Таковы умильны ²⁾ борцы,
 45. — Съ Кастрюкомъ поборотися,
 — Съ Мастрюкомъ по Татарскому,
 — Съ царевымъ со шуриномъ?—

Говорить Царь Иванъ Васильевичъ:

- « Ой ты гой еси, дядюшка,
 50. « Никита Романовичъ!
 « Ты поди-ко, дядюшка,
 « На крылечко на Красное,
 « Привздыни́сь-ко ³⁾ ты, дядюшка,
 « На сѣръ на горючь камень,
 55. « Закрычи-ко ты, дядюшка,
 « Во всю буйную голову,
 « Чтобъ услышали ⁴⁾ въ каменной Москвѣ:
 « Борца ты спрашивай,
 « Борець намъ надобно,
 60. « Съ Кастрюкомъ поборотися,
 « Съ Мастрюкомъ по Татарскому,
 « Со царевымъ со шуриномъ.»
 Пошелъ дядюшка
 На крылечко на Красное,
 65. Привздынѹлся дядюшка
 На сѣръ-горючь камень,
 Закричалъ дядюшка
 Во всю буйну голову ⁵⁾.
 Изъ избѣнушка ма́ленькаго,
 70. Изъ дворѣнушка ху́денькаго,
 Бѣжать два молодчика:
 Васинька Маленькой
 Да Потанюшка Хроменькой.

¹⁾ «спрашивать.»— ²⁾ Искусные (умѣющіе).— ³⁾ Подвиги.— ⁴⁾ «услѣли.»—
⁵⁾ Прибавлено: «Борца спрашивалъ.»—0.

- Бѣжать они, ребяташки,
 75. Ко дворцу государеву,
 Ко крыльцу ¹⁾ ко Красному.
 Говорить тутъ Васишка,
 Говорить тутъ Маленькой:
 «Ой ты гой еси, дядюшка,
 80. «Никита Романович!
 «Что, дядя, надобно,
 «Чего, дядя, спрашиваешь ²⁾?»
 — Ой ты гой еси, Васишка,
 — Ой ты гой еси, Маленькой!
 85. — Борець намъ надобно,
 — Съ Кастрюкомъ поборотися,
 — Съ Мاستрюкомъ по Татарскому,
 — Со царевымъ со шуриномъ.—
 Отвѣчаетъ ³⁾ Васишка,
 90. Отвѣчаетъ Маленькой:
 «Ой ты гой еси, дядюшка,
 «Никита Романович!
 «Каковò съ имъ боротися?
 «Онъ вѣдь шуринъ царёвъ ⁴⁾:
 95. «Надо, Царь вины не положилъ ⁵⁾.»
 Отвѣчаетъ ⁶⁾ дядюшка:
 — Лишь бы какъ Богъ пособилъ:
 — Не будетъ вина на тебѣ!—
 Сказали Кастрюку за столомъ,
 100. Сказали Мاستрюку за столомъ:
 «На улицѣ борець у Царя.»
 Кастрюкъ изъ за стола вскочилъ,
 Побѣжалъ онъ на улицу,
 Побѣжалъ онъ боротися,
 105. Скамью ногой потнулъ ⁷⁾.

¹⁾ «Ко крыльцу.»— ²⁾ Прибавлено: «Отвѣтъ держать дядюшка, Ник. Ром.»— ³⁾ «Говорить ему.»— ⁴⁾ «царской.»— ⁵⁾ Чтобъ Царь не положилъ въ томъ вины; разнор. «не положить.»— ⁶⁾ «ему.»— ⁷⁾ Ударилъ, задѣлъ.— О.

- Говоритъ ему сестрица
 Марья Темрюковна:
 — Ой ты гой еси, брателко,
 — Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
 110. — Младой ¹⁾ Черкашенинъ!
 — Не ходи ты на улицу,
 — Не ходи ты боротися:
 — Тебѣ первое несчастье ²⁾,—
 — Ты не ладно за скамью скочилъ,
 115. — Скамью ногой потнулъ.—
 Побѣжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
 Побѣжалъ Темрюковъ сынъ,
 Побѣжалъ онъ на улицу,
 Побѣжалъ онъ боротися.
 120. Со крыльца ³⁾ онъ спускается,
 Боротися сряжѣется.
 Тутъ Васинька похаживаетъ,
 Маленькой погуливаетъ:
 «Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
 125. «Ой ты гой еси, Темрюковъ сынъ,
 «Младой ⁴⁾ Черкашенинъ!
 «Мы какъ станемъ боротися:
 «На свои буйны головы,
 «Или на платье цвѣтное?»
 130. Говоритъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
 — Мы станемъ боротися
 — На свои буйны головы!—
 Говоритъ ему Васинька,
 Говоритъ ему Маленькой:
 135. «Не хочу съ тобой боротися
 «Черезъ буйныя головы,—
 «Ты вѣдь шуринъ царевъ:
 «Надо—Царь вины не положилъ;

¹⁾ «Молодой.»— ²⁾ Принята несчастная.— ³⁾ «Со крылечка.»— ⁴⁾ «Молодой.»—*О.*

- « Станемъ боротися
 140. « Черезъ платье цвѣтнѣе;
 « Кого бы кому ¹⁾ одолѣть,—
 « До нитки платье снять,
 « Того и на срамъ пустить.»
 Васька Кастрюка прихватилъ,
 145. Васька его о землю бросилъ,
 Къ землѣ Васька его колѣнцемъ прижалъ.
 До нитки платье снялъ,
 Нагѣго на срамъ пустилъ.
 Побѣжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ
 150. Ко двору государеву,
 Ко крыльцу ко Красному:
 Отъ сраму онъ, гѣре, прикрывается.
 Бѣжить въ стрѣту сестрица
 Марья Темрюковна,
 155. Несѣтъ платье цвѣтнѣе;
 Кастрюкъ оболѣкаетъ,
 Изъ Москвы вонъ сряжается.
 — Царь Иванъ Васильевичъ!
 — У насъ этакъ не водится,
 160. — У насъ этакъ не бѣрются,—
 — Кому бы кого одолѣть,
 — До нитки бы платье снять,
 — Да того на срамъ пустить
 — Чѣстнымъ людямъ на посмѣшище ²⁾!—
 165. « Ой ты, Марья Темрюковна!
 « Да не мною приказано:
 « Приказано дядюшкой
 « Никитой Романовичемъ.»
 — Спасибо тѣ, зятюшко,
 170. — Царь Иванъ Васильевичъ,
 — На твоей каменной Москвѣ:

¹⁾ «Кому бы кого.»— ²⁾ Слова Марьи.— О.

— Не дай мнѣ Богъ бывать,
— Не только мнѣ, да и дѣтямъ моимъ ¹⁾! —

(Запис. адмир. Кузьмищевымъ.)

*

5*).

(Тамъ же).

- У насъ-то было на святой Русь,
На святой Русь, въ каменнѣй Москвѣ,
Быль-жилъ Царь тутъ Иванъ Васильевичъ.
Поизволилъ Царь Иванъ Васильевичъ жениться,
5. Во дальней землѣ, во Литовской,
У того ли короля у Литовскаго,
На дочерѣ его на Марьѣ Демрюковнѣ.
Собиралъ онъ свою силу могучую,
Посылалъ во землю во Литовскую.
10. Похѳдить сила во землю во Литовскую,
Отбираетъ сила Марью Демрюковну,
На придатокъ беретъ триста Татаровей;
Поѳзжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
Поѳзжалъ Демрюковъ сынъ,
15. Молодой Черкашенинъ.
Пріѳзжали ребята въ каменнѣ Москву,
Заводилъ ли Царь Иванъ Васильевичъ
Про шурина почестный пиръ,

¹⁾ Слова Кастрюка.—0.

^{*)} Ближайше сходна съ предыдущей.—0.

Про Кастрюка-Мастрюка, сына Демрюкова.

20. Кастрюкъ-Мастрюкъ за столомъ сидитъ,
Хлѣба съ солью не ѣстъ, пива съ медомъ не пьетъ,
Зеленà вина не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ:
На кого лихо думаетъ.
25. Говоритъ Царь Иванъ Васильевичъ:
« Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
« Ой ты гой еси, Демрюковъ сынъ,
« Молодой Черкашенинъ!
« Ты за чѣмъ хлѣба съ солью не ѣшь,
30. « Ты за чѣмъ пива съ медомъ не пьешь,
« Зеленà вина не кушаешь,
« Бѣлой лебеди не рушаешь?
« На кого лихо думаешь?»
Отвѣчаетъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
35. — Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ!
— А за тѣмъ хлѣба съ солью не ѣмъ,
— А за тѣмъ пива съ медомъ не пью,
— Зелена вина не кушаю,
— Бѣлой лебеди не рушаю:
40. — На тебя лихо думаю.
— Я хочу у тебя, Царя, спрашивати:
— Есть ли у тебя въ каменнóй Москвѣ
— Таковы умѣльны борцы,
— Съ Кастрюкомъ поборотися,
45. — Съ Мастрюкомъ по Татарскому,
— Со царевымъ со шуриномъ?—
Говоритъ Царь Иванъ Васильевичъ:
« Ой ты гой еси, дядюшка,
« Свѣтъ Никита Романовичъ!
50. « Да поди-ко ты, дядюшка,
« На крылечко на Красное,
« Стань на сѣрь на горючь камень,
« Закричи-ко ты, дядюшка,
« Во всю буйну голову,

55. «Чтобъ учѣли ¹⁾ въ каменнѣй Москвѣ:
 «Борца ты спрашивай,
 «Борець намъ надобно,
 «Съ Кастрюкомъ поборотися,
 «Съ Мاستрюкомъ по Татарскому,
60. «Съ моимъ со шуриномъ.»
 Похѣдитъ дядюшка,
 Свѣтъ Никита Романовичъ,
 На крылечко на Красное,
 Привздымался ²⁾ дядюшка
65. На сѣрѣ на горячъ камень,
 Закричалъ дядюшка
 Во всю буйну голову.
 Чтобъ учѣли въ каменнѣй Москвѣ.
 Изъ избѣнышка маленькаго,
70. Изъ дворѣнышка худенькаго,
 Бѣжать два молодчика:
 Васинька Маленькій
 Да Потанюшко Хроменькій.
 Бѣжать они, ребяташки,
75. Ко дворцу государеву,
 Ко крылечку ко Красному.
 Говоритъ тутъ Васинька,
 Говоритъ Маленькій;
 «Ахъ ты гой еси, дядюшко,
80. «Свѣтъ Никита Романовичъ!
 «Что, дядя, надобно,
 «Чего, дядя, спрашиваешь?»
 — Ой ты гой еси, Васинька,
 — Ой ты гой еси, Маленькій!
85. — Борець намъ надобно,
 — Съ Кастрюкомъ поборотися,
 — Съ Мастрюкомъ по Татарскому,
 — Со царевымъ со шуриномъ. —

¹⁾ Услышали. — ²⁾ Приподнимался. — 0.

«Никита Романович!

90. «Какò съ нимъ боротися?
«Онъ, вѣдь, шуринъ царевъ:
«Надо, Царь вины не положилъ.»
Отвѣчаетъ дядюшка,
Свѣтъ Никита Романовичъ:
95. — Лишь бы какъ Богъ пособилъ,
— Не будетъ вина на тебѣ!—

Сказали Кастрюку за столомъ,
Сказали Машрюку за столомъ:

«На улицѣ борецъ у Царя!»

100. Кастрюкъ изъ застолья вскочилъ,
Побѣжалъ онъ на улицу,
Побѣжалъ онъ боротися,—
Скамью ногой поткнулъ.
Говоритъ ему сестрица,
105. Марья Демрюковна:
— Ой ты гой еси, брателко,
— Ой ты гой, Кастрюкъ-Машрюкъ,
— Ой ты гой, Демрюковъ сынъ,
— Молодой Черкашенинъ!
110. — Не ходи ты боротися:
— Тебѣ перво несчастьеце,—
— Ты не ладно за скамью скочилъ,
— Скамью ногою поткнулъ. —
Не вѣдываетъ ¹⁾ Кастрюкъ-Машрюкъ,
115. Побѣжалъ онъ на улицу,
Побѣжалъ онъ боротися.
Тутъ Васинька похаживаетъ,
Маленькій погуливаетъ:
«Ой ты гой, Кастрюкъ-Машрюкъ,
120. «Ой ты гой, Демрюковъ сынъ,
«Молодой Черкашенинъ!
«Мы какъ станемъ боротися:
«На свои буйны головы,

¹⁾ Не внимаеть. — О.

- «Иль на платье цвѣтное?»
 125. Говоритъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
 — Мы станемъ боротися
 — На свои буйны головы!—
 Говоритъ ему Васинька:
 « Не хочу съ тобой боротися
 130. « Черезъ буйныя головы:
 « Ты, вѣдь, шуринъ царевъ,—
 « Надо, Царь вины не положилъ,
 « Станемъ боротися
 « Черезъ платье цвѣтное:
 135. « Кому бы кого одолить,
 « До нитки платье снять,
 « Того ли на срамъ спустить.»
 Васька Кастрюка прихватилъ,
 Васька Кастрюка о землю бросилъ,
 140. Къ землѣ Васька колѣнцемъ прижалъ,
 До нитки съ Кастрюка платье обралъ,
 Нагого на срамъ спустилъ.
 Побѣжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ
 Ко дворцу государеву:
 145. Отъ срама онъ, горе, прикрывается.
 Бѣжить ему въ стрѣту сестрица,
 Несетъ платье цвѣтное:
 Кастрюкъ оболочается,
 Изъ Москвы вонъ срягается:
 150. — Царь Иванъ Васильевичъ!
 — У насъ этакъ не водится,
 — У насъ этакъ не борятся:
 — Кому бы кого одолить,
 — До нитки бы платье снять,
 155. — Да того на срамъ спустить,
 — Честнымъ людямъ на посмѣшище!—
 Говоритъ Грозный Царь,
 Царь Иванъ Васильевичъ:
 « Не сердись, Кастрюкъ-Мастрюкъ:
 160. « То не мною приказано,

- « Приказалъ то дядюшка,
 « Свѣтъ Никита Романовичъ. »
 — Спасибо тѣ, зятюшко,
 — Царь Иванъ Васильевичъ,
 163. — На твоёй каменнѣй Москвѣ!
 — Да не дай Богъ мнѣ больше бывать
 — Во твоёй каменнѣй Москвѣ,
 — А не то бы мнѣ, да и дѣтямъ помнѣ!—

(Отъ В. И. Дала; запис. А. Харитоновымъ).

*

6*).

(Кирша Даниловъ).

- Въ годы прежніе,
 Времена первоначальныя,
 При бывшемъ вольномъ Царѣ,
 При Иванѣ Васильевичѣ,
 5. Когда холость былъ государь,
 Царь Иванъ Васильевичъ,
 Поизволилъ онъ жениться.
 Береть онъ, Царь государь,
 Не у себя въ каменной Москвѣ,
 10. А береть онъ, Царь государь,
 Въ той Золотой Ордѣ,
 У того Темрюка царя,
 У Темрюка Степановича,

*) Стихи раздѣляемъ иначе, чѣмъ у К. О. Калайдевича: это уже не Былина, даже не Побывальщина, а такъ называемая Старина (Баба), въ коей каждый древній стихъ раздѣлился на двѣ малыя половины. — О.

- Онъ Марью Темрюкову,
 15. Сестру Машрюковну,
 Купаву ¹⁾ Крымскую,
 Царицу благовѣрную.
 А и царскаго поѣзду
 Полторы было тысячи;
20. Князи-бояра, могучіе богатыри,
 Пятьсотъ Донскихъ козаковъ,
 Что ни лучшихъ добрыхъ молодцовъ.
 Здравствуетъ ²⁾ Царь государь
 Черезъ рѣки быстрыя,
25. Черезъ грязи Смоленскія,
 Черезъ лѣса Брынскіе,
 Онъ здравствуетъ, Царь государь,
 Въ той Золотой Ордѣ,
 У того Темрюка царя,
30. У Темрюка Степановича;
 Онъ понялъ ³⁾, Царь государь,
 Царицу благовѣрную,
 Марью Темрюковну,
 Сестру Машрюкову;
35. И взялъ въ провожатые за ней
 Триста Татаринцовъ,
 Четыреста Бухариновъ,
 Пять сотъ Черкашениновъ
 И любимаго шурина,
40. Машрюка Темрюковича,
 Молодаго Черкашенина:
 Ужъ царскаго поѣзду
 Безъ малаго три тысячи,

¹⁾ *Купава* и *улава*, Юго-Слав. *хубава*, Санскритск. *шуб'а*, есть нарицательное—красавица (блестящая, свѣтлая); оно переходитъ въ прозвище и даже имя (какъ здѣсь, и ср. ниже), равно какъ *Завала*, осмысленное *Завала*, *Зыбала*, *Зыбата* и т. п., ср. нашъ 4-й выпускъ.— ²⁾ Всѣ эти «здравствуетъ» значатъ востененно: въ здоров'ѣ отправляется и переѣзжаетъ, въ здоров'ѣ пребываетъ, наконецъ въ здоров'ѣ возвращается и снова является.— ³⁾ Взялъ за себя.—0.

- Везутъ золоту казну
45. Ко Царю въ каменну Москву.
 Переѣхалъ Царь государь,
 Онъ рѣки быстрыя,
 Грязи Смоленскія
 И лѣса Брынскіе.
50. Онъ здравствуетъ, Царь государь,
 У себя въ каменной Москвѣ,
 Во палатахъ бѣлокаменныхъ,
 Въ возлюбленной Крестовой своей ¹⁾:
 Пиръ на веселѣ,
55. Повелъ столы на радостяхъ.
 И всѣ ли князи-бояра,
 Могучіе богатыри,
 И гости званые,
 Пятсотъ Донскихъ козаковъ,
60. Пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются,
 Зелено вино кушаютъ,
 Бѣлу лебедь рушаютъ.
 А единъ не пьетъ да не ѣстъ,
 Царской гость дорогой,
65. Матрюкъ Темрюковичъ,
 Молодой Черкашенинъ.
 И за чѣмъ хлѣба-соли не ѣстъ,
 Зелена вина не кушаетъ,
 Бѣлу лебедь не рушаетъ?
70. У себя на умѣ держитъ:
 Изошелъ онъ семь городовъ,
 Поборолъ онъ семдесятъ борцовъ,
 И по себѣ борца не нашелъ;
 И только онъ думаетъ,
75. Ему вѣра поборотися есть
 У Царя въ каменной Москвѣ,
 Хочетъ Царя потѣшити
 Со Царицею благовѣрною,

¹⁾ Палатъ.—0.

Марьею Темрюковною;

80. Онъ хочетъ Москву загонять,
Сильно Царство Московское.

Никита Романовичъ

Объ томъ Царю доложилъ,
Царю Ивану Васильевичу:

85. — А и гой еси, Царь государь,
— Царь Иванъ Васильевичъ!
— Всѣ князи-бояра,
— Могучіе богатыри
— Пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются
90. — На великихъ на радостяхъ;
— Одинъ не пьетъ не ѣстъ,
— Твой Царской гость дорогой,
— Мастрюкъ Темрюковичъ,
— Молодой Черкашенинъ:
95. — У себя онъ на умѣ держить,
— Вѣра поборотися есть,
— Твое Царское Величество потѣшити
— Со Царицею благовѣрною.—
Говорить тутъ Царь государь,
100. Царь Иванъ Васильевичъ:
« Ты садися, Никита Романовичъ,
« На добра коня,
« Побѣги по всей Москвѣ,
« По широкимъ улицамъ
105. « И по частымъ переулочкамъ.»

Онъ будетъ дядюшка,
Никита Романовичъ,
Середь Юрья Повольскаго,
Слободы Александровы ¹⁾;

110. Два братца родимые
По базару похаживаютъ,
А и бороды бритыя,

¹⁾ Любимое мѣстопробываніе Ивана представляется въ Москвѣ.— О.

- Усы торженные ¹⁾,
 А платье Саксонское,
 115. Сапоги съ раструбами ²⁾;
 Объ ручку-то дялюшкѣ челомъ ³⁾:
 «А и гой еси ты, дялюшка,
 «Никита Романовичь!
 «Кого ты спрашиваешь?
 120. «Мы борцы въ Москвѣ похваленые,
 «Молодцы поученые, славные.»
 Никита Романовичь
 Привелъ борцовъ ко дворцу.
 Говорили тутъ борцы-молодцы:
 125. «Ты Никита Романовичь,
 «Ты изволь объ томъ Царю доложить:
 «Смѣтъ ли нога ступить ⁴⁾
 «Съ царскимъ шуриномъ
 «И смѣтъ ли его побороть?»
 130. Пошелъ онъ, Никита Романовичь,
 Объ томъ Царю доложилъ,
 Что привелъ борцовъ ко дворцу.
 Злата труба протрубила ⁵⁾
 Во полатѣ бѣлокаменной,
 135. Говорилъ тутъ Царь государь,
 Царь Иванъ Васильевичь:
 «Ты Никита Романовичь,
 «Веди борцовъ на дворъ,
 «На дворець государевой.
 140. «Борцовъ ученыхъ,
 «Молодцовъ похваленныхъ,
 «И въ томъ имъ приказъ отдавай:
 «Кто бы Мاستрюка небороль,
 «Царскаго шурина,

¹⁾ Поднятые къ верху, закрученные.—²⁾ Одежда какъ у Скомороховъ: платье Латинское у Добрыни, передѣвавшаго скоморохомъ, въ прежнихъ выпускахъ.—³⁾ Кланяются какъ скоморохи, «люди вѣжливые и очестливые.» ср. вын. 5.—⁴⁾ Нога въ негу сосупиться въ борьбѣ.—⁵⁾ Т. е. какъ труба протрубила, что не труба протрубила.—0.

145. «Платье бы съ плечь снялъ ¹⁾,
 «Да нагаго съ круга ²⁾ спустилъ.
 «А нагаго—какъ мать родила,
 «А и мать на свѣтъ пустила.»
 Послышалъ Матрюкъ борцовъ,
150. Скачетъ прямо Матрюкъ
 Изъ мѣста большаго ³⁾,
 Изъ угла передняго,
 Черезъ столы бѣлодубовы,
 Черезъ яства сахарныя,
155. Черезъ питья медвяныя:
 Лѣвой ногой задѣлъ
 За столы бѣлодубовы,—
 Повалялъ онъ тридцать столовъ,
 Да прибилъ триста гостей;
160. Живы да негодны,
 На корачкахъ ползаютъ
 По палатѣ бѣлокаменной:
 То похвальба Матрюку,
 Матрюку Темрюковичу.
165. Выбѣжалъ тутъ Матрюкъ
 На крылечко Красное,
 Кричить во всю голову,
 Чтобы слышалъ Царь государь:
 — А свѣтъ ты, вольной Царь,
170. — Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Что у тебя въ Москвѣ
 — За похвальные молодцы,
 — Поученые, славные?
 — На ладонь ихъ посажу,
175. — Другой рукою раздавлю!—
 Съ борцами сходится
 Матрюкъ Темрюковичъ;
 Борьба его учена,

¹⁾ Тотъ платье бы съ плечь снялъ. — ²⁾ Съ поля, арены борьбы. — ³⁾ Читайте: «большаго.»—0.

Борьба Черкесская:

180. Колесомъ онъ бороться пошелъ.
А и малой выступаетя,
Мишка Борисовичъ:
Смотрить Царь государь,
Что кому будетъ Божья помочь,
185. И смотреть ихъ борьбу князи-бояра,
И могучіе богатыри,
Пятьсотъ Донскихъ козаковъ.
А и Мишка Борисовичъ,
Съ носка бросилъ о землю
190. Онъ царскаго шурина;
Похвалилъ его Царь государь:
«Исполать тебѣ, молодцу,
«Что чисто борешься!»
А и Мишка къ сторонѣ пошелъ,
195. Ему полно бороться.
А Потанька бороться пошелъ, —
Костылемъ подпирается,
Самъ впередъ подвигается,
Къ Машрюку приближается:
200. Смотрить Царь государь,
Что кому будетъ Божья помочь.
Потанька справился,
За плеча сграбился,
Согнетъ корчагою,
205. Воздымалъ выше головы своей,
Опустилъ о сыру землю, —
Машрюкъ безъ памяти лежитъ;
Не слыхалъ, какъ платье сняли:
Былъ Машрюкъ во всемъ,
210. Сталъ Машрюкъ ни въ чемъ;
Ожерелье въ пятьсотъ рублей
Безъ единыя денежки,
А платья Саксонскаго
Снялъ на три тысячи:
215. Со стыда и сорама,

Окорачкахъ подъ крылецъ ползеть.

- Какъ бы бѣла лебедушка,
 По зарѣ она прокликала,
 Говорила Царица Царю,
 220. Марья Темрюковна:
 — Свѣтъ ты, вольной Царь,
 — Иванъ Васильевичъ!
 — Такова у тебя честь добра
 — До любимаго шурина?
 225. — А дѣтина наругается,
 — Что дѣтина деревенской:
 — Почто онъ платѣ снимаетъ?—
 Говорилъ тутъ Царь государь:
 «Гой еси ты, Царица во Москвѣ,
 230. «Да ты Марья Темрюковна!
 «А не то у меня честь во Москвѣ,
 «Что Татары-тѣ борются;
 «То-то честь въ Москвѣ,
 «Что Русакъ тѣшится!
 235. «Хотя бы ему голову сломилъ,
 «До любви ¹⁾ бы я пожаловалъ
 «Двухъ братцовъ родимыхъ,
 «Двухъ удалыхъ Борисовичевъ ²⁾!»

7*).

(Самбирск. губ., Сентялевск. у.).

Какъ у насъ было, братцы, на святой Русѣ,
 Во матушкѣ каменной Москвѣ,
 Поизволилъ Царь жениться,

¹⁾ До любви—до любви, съ полной любовью; у Калайдовича ошибочно:
 «Долюбилъ бы я, пожаловалъ.»—²⁾ Ср. вып. 5, «Князя Тверскіе.»—0.

^{*)} Разнорѣчія, которыя мы приведемъ, приписаны карандашемъ.—0.

- Еще Царь государь,
 5. Царь Иванъ сударь Васильевичъ.
 Онъ беретъ не у насъ во Русь,
 А беретъ въ проклятой Литвѣ,
 У того ли у Татарина,
 У мурзы, дочь, у боярина,
 10. У того ли Кострюка-Мострюка,
 Кострюка Темрюковича ¹⁾,
 Черезъ бѣольшую меньшую беретъ,
 Онъ ²⁾ Марью Темрюковну.
 Онъ за тѣмъ черезъ большую
 15. Меньшую беретъ ³⁾,—
 Она много приданого даетъ:
 Она двѣсти Татариновъ,
 Пятьдесятъ бояриновъ,
 Пятсотъ Донскіихъ казаковъ,
 20. Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ.

- И пошелъ ⁴⁾ ширъ на веселѣ,
 И бесѣдушка на радости.
 Ужь всѣ гости пьютъ-ѣдятъ-кушаютъ,
 Онѣ пьютъ-ѣдятъ-кушаютъ,
 25. Бѣла лебедя рушаютъ,
 На Царя лиха не думаютъ.
 Одинъ гость не пьетъ—не ѣстъ—не кушаетъ,
 Бѣла лебедя не рушаетъ,
 На Царя лихо думаетъ:
 30. Ужь тотъ же гость Кострюкъ-Мострюкъ,
 Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,
 Молодой Черкашенинъ ⁵⁾.
 Онъ и проситъ у Царя борцовъ,
 Что борцовъ—удалыхъ молодцовъ ⁶⁾,
 35. Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ.

¹⁾ «У того ли у Темрюковича.»—²⁾ «Онъ в.»—³⁾ «Не большую, а меньшую онъ беретъ.»—⁴⁾ «И пошелъ тутъ.»—⁵⁾ «Ужь в тотъ ли гость—К. М., Онъ К. М. Темрюк., Молодой, братцы, Черкашенинъ.»—⁶⁾ «Что борцовъ-удальцовъ.»—0.

- И лучился тутъ дялюшка,
 Князь Никита Романовичъ:
 — Я пойду, Царю, братцы, скажу,
 — Я пойду, государю доложу:
 40. — Ты о еси ¹⁾, Царь государь,
 — Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
 — Уже всѣ гости пьютъ и ѣдятъ,
 — Они пьютъ-ѣдятъ-кушаютъ,
 — Бѣла лебеда рушаютъ,
 45. — На Царя лиха не думаютъ.
 — Одинъ гость не пьетъ — не ѣстъ — не кушаетъ,
 — Бѣла лебеда не рушаетъ,
 — На Царя онъ лихо думаетъ:
 — Еще тотъ же гость — Кострюкъ-Мострюкъ,
 50. — Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,
 — Молодой Черкашенинъ.
 — Онъ и проситъ у Царя борцовъ,
 — Борцовъ, удалихъ молодцовъ,
 — Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ.—
 55. Ужъ и тотъ же Царь государь,
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
 Онъ выходитъ на Красенъ крылецъ,
 Взговорилъ какъ въ трубу затрубилъ:
 «Уже нѣтъ ли въ Москвѣ борцовъ,
 60. «Борцовъ, удалихъ молодцовъ,
 «Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ?
 «Онѣ шли бы на царскій дворъ,
 «Безъ всего безопасно,
 «Безъ всего бездокладышно ²⁾!»
 65. Не случилось въ Москвѣ борцовъ,
 Борцовъ, удалихъ молодцовъ,
 Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ:
 А случилися два брата родныхъ,

¹⁾ «Ужъ ты гой еси.»—²⁾ «Они шли бы безпосылочно, Они шли бы бездокладочно, Онѣ шли бы на царской дворъ.»—0.

Два Василя Васильевича.

70. Они же со Низовой стороны,
Уроженцы веселá гóрода,
Александровской Слободы.
Они шли же на царской дворъ,
Безъ всего безопасышно,
75. Безъ всего бездокладышно;
Они полы-ты затыкивали,
А сапожки потягивали ¹⁾,
Они шапочки заламывали,
Усы за уши закладывали.
80. Тотъ же Царь государь,
Царь Иванъ оударь Васильевичъ,
Взговорилъ таковыя словеса:
« Ты о еси, дядюшка,
« Князь Никита, ста, Романовичъ!
85. « Ты поди-ка, попотчивай гостей,
« Ты поди-ка, покланяйся!»
И пошолъ къ нимъ дядюшка,
Князь Микита, ста, Романовичъ,
Онъ и сталъ гостей потчивать,
90. Онъ и сталъ гостемъ кланяться:
— О вы о еси, гости званые,
— О вы, гости, ста, бранья!
— Вы пожала-ста покушайте,
— Бѣла лебеда порушайте,
95. — На Царя лиха не думайте!
— О ты о еси, Кострюкъ-Мострюкъ,
— Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,
— Молодой Черкашенинъ!
— Еще вотъ тебѣ и хлѣбъ да и соль,
100. — И вотъ къ тебѣ борцы пришли,
— Борцы, удалые мелодцы,
— Что ни лучши добры мѳлодцы!—
Еще кинулся Кострюкъ-Мострюкъ,

¹⁾ Подтягивали. — 0.

- Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,
 105. Молодой Черкашенинъ:
 Онъ и семь скамей поломилъ,
 Онъ много людей подавилъ,
 Онъ двѣсти Татариновъ,
 Пятьдесятъ бояриновъ ¹⁾,
 110. Пятьсотъ Донскихъ казаковъ.
 Онъ пошолъ же на царскій дворъ.
 Да и тотъ же Васильюшка,
 Что Васильюшка Маленькой,
 Онъ сдѣлалъ съ нимъ схватычку,
 115. Еще съ тѣмъ же Кострюкомъ-Мострюкомъ,
 Съ Кострюкомъ-Мострюкомъ Темрюковичемъ,
 Съ молодымъ Татарченкомъ.
 Онъ стали боротися,
 Онъ стали водитися.
 120. Ужь Васильюшка,
 Что Васильюшка Маленькой,
 Онъ и самъ на себя попустилъ:
 Уже стала пошибычка
 Того ли Кострюка-Мострюка,
 125. Кострюка-Мострюка Темрюковича.
 Онъ всталъ, да и самъ похваляться сталъ:
 — Уже я заперъ землю Шведску,
 — Я заперъ Литовскую,
 — Я запру каменну всею Москву!—
 130. Ужь и тотъ Васильюшка,
 Что Васильюшка Маленькой,
 Взговорить таковыя словеса:
 «О ты о еси, Царь государь,
 «Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
 135. «Не можно ли Кострюка побороть,
 «Не можно ли нагого пустити,
 «Нагого, въ чемъ мать родила?»
 Взговорить тутъ Царь государь,

¹⁾ «большихъ бояриновъ.»—0.

Царь Иванъ сударь Васильевичъ:

140. « Ты о еси, Васильюшка,
 « Что Васильюшка Маленькой!
 « Ты пожалуй, побори мнѣ Кострюка,
 « Ты пожала-ста потѣшь меня, Царя,
 « Какъ тебя мочь взяла!»
145. Еще тотъ Васильюшка,
 Что Васильюшка Маленькой,
 Онъ сдѣлалъ опять схватычку,
 Съ тѣмъ же Кострюкомъ-Мострюкомъ,
 Кострюкомъ-Мострюкомъ Темрюковичемъ,
150. Молодымъ Черкашенинымъ.
 Онѣ стали боротися,
 Онѣ стали водитися.
 Тотъ же Васильюшка,
 Что Васильюшка Маленькой,
155. Онъ и взялъ крѣпко за бѣлы его руки,
 Онъ ударилъ объ сыру его землю:
 Что у него пюговки лопнули,
 Да и петелки треснули.
 Онъ и сшибъ съ него платье цвѣтное,
160. И взялъ — да подъ пазуху поджалъ,
 Онъ понесъ на царевъ на кабакъ:
 « Изъ того-то я, братцы, Царю служилъ,
 « Изъ того-то государю работалъ!»
 Тотъ же Кострюкъ-Мострюкъ,
165. Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,
 Молодой Черкашенинъ,
 Онъ и всталъ, да самъ шататься сталъ,
 Онъ сорома-тъ ладонью зажалъ,
 А самъ въ подкльтъ побѣжалъ.
170. Увидала его сестрица,
 Марья Темрюковна:
 — Ты крестьянинъ, крестьянинъ, б.....
 — Деревянный, б....., рогатины,
 — Крапивны, б....., сѣмены!

175. — Не надо бы Кострюка такъ бороть,
 — Не надо бы нагого пускать,
 — Нагого, въ чемъ мать родила!—
 Взговорить Царь государь,
 Царь Иванъ сударь Васильевичъ:
180. « Ужь ты баба
 « Ты бабѣ и знай!
 « Татарина-тъ бѣсится,
 « А Русака-тъ тѣшится!»

(Записалъ Н. С. Ржевтинновъ).

*

8.

(Арханг. губ., Шенкурск. у.).

- Во матушкѣ было въ каменной Москвѣ,
 При Грозномъ Царѣ Иванѣ Васильевичѣ,
 Были годы тѣ недолгие, времена были студенныя ¹⁾.
 Задумалъ Царь Иванъ Васильевичъ жениться,
 5. Благовѣрный обручится,
 Онъ не въ матушкѣ въ каменной Москвѣ
 И не въ матушкѣ славной Вологдѣ. —
 Во той во землѣ во Польскія,
 У короля у Церконовскаго, у Литовскаго,
 10. У того у Кастрюка на мѣньшей сестрѣ.

¹⁾ Разнорѣч. «потрусливый» съ землетрясеніемъ, а также съ военными безпокойствами, заставлявшими робѣть.—0.

- Еще скоро по скору, скоро на скоро,
 Тутъ поѣхалъ Иванъ Васильевичъ жениться.
 Ему стрѣгу ладить ¹⁾ Кастрюкъ съ барабанной музыкою:
 — Ужь ты здравствуй, Царь Иванъ Васильевичъ!
15. — Еще ты ли ко мнѣ пріѣхалъ торгомъ торговать,
 — Еще ты ли ко мнѣ пріѣхалъ собирать пошлину,
 — Сбирать пошлину за двѣнадцать лѣтъ? —
 Отвѣчаетъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
 « Я пріѣхалъ къ тебѣ не торгомъ торговать,
20. « Я пріѣхалъ къ тебѣ не за пошлиной:
 « Я пріѣхалъ къ тебѣ жениться,
 « На твоей жениться на меньшей сестрѣ.»
 Еще скоро по скору, скоро на скоро,
 Сряжаетъ Кастрюкъ свою сестру.
25. Снимается ²⁾ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ
 Во свои зѣмли во Русскія,
 Во свою во матушку въ каменну Москву.

- Пошло красное солнышко ко западу,
 Пошелъ честенъ пиръ, всѣ на веселъ,
30. Всѣ на пиру сидятъ — пьютъ-ѣдятъ,
 Пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются.
 Кастрюкъ сидитъ — не пьетъ, не кушаетъ,
 Бѣлой лебеди не рушаетъ.
 На кого лихо думаетъ?
35. Еще или онъ на Царя на православнаго,
 Еще или онъ на сестрицу на любимую,
 Еще или онъ на князей — на бояръ,
 Еще или онъ на торговыхъ на гостей,
 Еще или онъ на прислужащихъ всѣхъ.
40. Что возговоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ:
 « Ужь ты гой еси, Никита Романовичъ!
 « Ты иди-ко, поспроси его:
 « Ужь ты что, скажи, Кастрюкъ молодой,

¹⁾ Готовится на встрѣчу, съ готовностью встрѣчаетъ. — ²⁾ Сряжается, отправляется. — 0.

- «Что сидишь, не пьешь—не кушаешь,
 45. «Бѣлой лебеди не рушаешь?
 «На кого лихо думаешь:
 «Еще или на Царя на православнаго,
 «Еще или на сестрицу любимую,
 «Еще или на князей-бояръ,
 50. «Еще или на торговыхъ гостей,
 «Еще или на прислужащихъ всѣхъ?»
 Отвѣчаетъ Кастрюкъ молодой:
 — Ужь я той думы не думаю,
 — Я тѣхъ мыслей не примысливаю.
 55. — Ужь я всѣ города ходомъ прешелъ,
 — Ужь я всѣхъ славныхъ борцовъ приоборолъ;
 — Я теперь во Москву вступилъ,
 — Въ ту же матушку въ славу въ Вологду ¹⁾:
 — Изъ твоей изъ матушки каменной Москвы
 60. — Я хочу честь-честь свою и славу унести. —

Походитъ Никита Романовичъ

Ко Царю Ивану Васильевичу:

- «Ужь ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичъ!
 «Молодой Кастрюкъ той думы не думаетъ:
 65. «Ужь онъ всѣ города прешелъ,
 «Онъ всѣхъ сильныхъ борцовъ приоборолъ;
 «Онъ приѣхалъ теперь въ каменну Москву:
 «Хочетъ изъ Москвы честь-славу унести.»
 На это Грозный Царь отвѣтъ держитъ:
 70. «Ужь ты гой еси, Никита Романовичъ!
 «Ты бери-мо трубу золоту свою,
 «Выходи на крылечко на Красное,
 «Ты труби-ко въ трубу золоту свою,
 «По тому переулочку Косищетоу ²⁾,

¹⁾ Какъ и выше, это признакъ, что Былица являлась въ Вологдѣ и занесена оттуда. — ²⁾ Разнорѣчіе:

«Ты труби-ко во всю голову,
 «Чтобы слышно всему городу!»—0.

75. « Кабы шли борцы на царскій дворъ!
 Бралъ Никита золоту трубу,
 Выходилъ на крылечко на Красное,
 Онъ трубилъ въ трубу золоту свою.
 По этому переулочку Косящету ¹⁾
80. Идетъ два борца, два молодца:
 Одинъ идетъ Илеюшко Хроменькій,
 На одну ножку припадываетъ,
 На другую ножку подковыливаетъ,
 Костылькомъ онъ подпирается;
85. Другой борець идетъ Иванушка Маленькій ²⁾.

« Ужь ты здравствуй, Грозный Царь Иванъ Василь-
 евичь!

« У тебя хлѣбъ-соль завсегда на столѣ,

« У тебя борцы завсегда во дворцѣ!»

Что на это Грозный Царь отвѣтъ даетъ:

90. « Ужь ты гой еси, Никита Романовичь!

« Ты поди-ко, поспрошай его:

« Не во хмѣлю ли у него слово молвилось,

« Не во хмѣлю ли онъ призахвѣстнулся?»

Тутъ пошелъ Никита Романовичъ:

95. « Ужь ты гой еси, Кастрюкъ молодой!

« Ты за чѣмъ сидишь — не пьешь, не кушаешь,

« Нашей лебеди не рушаешь?

« Наша хлѣбъ-соль завсегда на столѣ,

« Наши борцы завсегда при дворцѣ.

100. « Не во хмѣлю ли у тебя слово молвилось,

« Не во хмѣлю ли ты призахвѣстнулся?»

Скакалъ Кастрюкъ на рѣзвы ножки,

Онъ скакалъ черезъ столики дубовые,

Черезъ тѣ ли скатерти бѣрчаты ³⁾,

¹⁾ Разнорѣчіе:

Изъ за улка изъ за Глинникова,

Изъ за улки изъ за Пирожникова.

²⁾ За сѣмъ слова Никиты, исполнившаго порученіе. — ³⁾ Брашна. — 0.

105. Черезъ тѣ кушанья сахарныя,
Черезъ тѣ напитки черезъ наливныя:
Онъ стопталъ сто князей со боярами,
Онъ стопталъ другое сто Донскихъ казаковъ.

- Выходилъ Кастрюкъ на новы сѣни,
110. Онъ самъ говоритъ таковы рѣчи ¹⁾:
— Ужь ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичъ!
— Мнѣ-ка не съ кѣмъ итти здѣсь боротися,
— Мнѣ-ка не на комъ здѣсь бѣлыхъ рукъ патрять ²⁾! —
Тутъ пошелъ Кастрюкъ на широкой дворъ,
115. Онъ пошелъ съ Илеюшкой со Хроменькимъ:
Тутъ пошелъ Кастрюкъ въ большѣ колесо ³⁾,
Тутъ пошелъ Илеюшко въ маленькое;
Кастрюкъ побилъ Илеюшку Хромаго.
Выходилъ Иванушка Маленькій,
120. Онъ самъ говоритъ таковы рѣчи:
« Ужь ты гой еси, Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!
« Еще какъ мнѣ-ка съ нимъ итти боротися:
« Еще или намъ рука-нога вонъ выворотить,
« Еще или намъ буйна голова выѣвѣвить ⁴⁾,
125. « Изъ рубашки ли повывулунить?»
Что на это Грозный Царь отвѣтъ несетъ:
« Ты борись, не печалься, лишъ бы Богъ пособилъ!»
Походилъ Кастрюкъ въ большѣ колесо.
Походилъ Иванушка побольше того:
130. Еще былъ Кастрюкъ на рѣзвыхъ ножкахъ,
Очутился Кастрюкъ на буйной головѣ.

¹⁾ Разнорѣчіе:

Выходилъ Кастрюкъ на бѣлодубовъ дворъ,
По двору-то онъ похаживаетъ,
На борцовъ Кастрюкъ посматриваетъ,
Онъ самъ говоритъ таковы рѣчи...

²⁾ Марать, грязнить. — ³⁾ Видъ борьбы, крутятся въ большой кругъ. —

⁴⁾ Вывылаутъ, выломить. — 0.

Хваталъ Иванушко съ него платье цвѣтное;
Убѣгалъ Кастрюкъ на конюшій дворъ,
Гдѣ собаки щенками щѣняются ¹⁾).

(Отъ В. Н. Дала; записано А. Харитоновымъ, а равнорѣчія имъ же отъ болѣе искусныхъ пѣвцовъ).

* *

IV.

1*).

(Владимірска. губ.).

Какъ у насъ на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Какъ женится православный Царь,
Православный Царь Иванъ Васильевичъ.

5. Онъ беретъ въ Турецкой землѣ
Молоду княжну Марью Темрюковну.
А за ней три посла пришли:
А и триста Татариновъ,
Полтора ста Черкашеновъ,
10. Пять сотъ Донскихъ казаковъ,
Удалыхъ-добрыхъ молодцевъ.
А еще-то посоль пришелъ,—
Мастрюкъ Мастрюковичъ,
Молодой князь Темрюковичъ,
15. Родной братъ Марьи Темрюковны.

По палатамъ расхаживаетъ,
И кушанья разставляетъ,
Дорогихъ гостей потчуетъ:

¹⁾ Разворѣчіе прибавляетъ: «Гдѣ свиньи лѣсятся.» — 0.

^{*)} Этотъ отдѣлъ отличается краткостью состава и отрывочностью. — 0.

- Вы покушайте, дороги гости,
 20. — Ужь вы триста Татариниовъ,
 — Пять сотъ Донскихъ казаковъ,
 — Удалыхъ-добрыхъ молодцевъ!—
 А они ему въ отвѣтъ говорятъ:
 «А что ты, князь, не пьешь—не кушаешь?»
 25. «На насъ ли ты думу думаешь,
 «На царство Московское,
 «На Ивана Васильевича?»»
 — На васъ то я думу думаю ¹⁾,
 — На Ивана Васильевича,
 30. — На Царя православнаго.
 — Ужь я семь городовъ прошелъ,
 — По себѣ я бойца не нашель!—

- Какъ идетъ тутъ Ивашечка съ крошечку,
 Онъ на ножку припадаетъ,
 35. На языкъ пришепетываетъ:
 Сталь съ Машрюкомъ боротися.
 Онъ на перву пошибку пошибъ,—
 Съ Машрюка черну шляпу сшибъ;
 А другую пошибку пошибъ,—
 40. Съ князя цвѣтно платье сшибъ;
 А и третью пошибку пошибъ,—
 А и князя съ ногъ долой сшибъ.

- Увидѣла княжна Марья Темрюковна
 Изъ високова терема:
 45. — Ты мужикъ, мужицкїи сынъ,
 — Ты крапивны сѣмена!
 — Не за свой кусъ принимаешься,
 — Этимъ кусомъ подавишься!—
 Тутъ Машрюкъ со стыдомъ побѣжалъ.
 50. ладонью зажалъ.

(Ср. «Москвит.» 1852 г.).

*

¹⁾ Не думаю?—0.

2.

(Симбирск губ., с. Станичное).

Какъ у насъ было въ каменной Москвѣ,
 У Царя Ивана Васильевича,
 Поизволилъ онъ жениться.
 Онъ беретъ сестру меньшую черезъ большую,
 5. Не у князя, не у барина,
 У тово ли у Черкашенина,
 Василису Темрюковну,
 Молодую Черкашенину.

И сдѣлалъ онъ пречесной пиръ,
 10. И созвалъ всѣхъ князей-бояръ,
 [Князей-бояръ] и сильныхъ богатырей.
 Кто во бесѣдѣ чѣмъ похвалится,
 Возговоритъ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
 Молодой Черкашанинъ:

15. — Царь Иванъ Васильевичъ,
 — При блаженной своей памяти ¹⁾!
 — Есть ли борцы-молодцы
 — На государскимъ дворцѣ?—
 Какъ возговоритъ Царь государь,

20. Царь Иванъ Васильевичъ:
 « Ой ты гой еси, дядюшка,
 « Никита Романовичъ!
 « Выходи ты на Красенъ крылецъ,
 « Закричи ты своимъ громкимъ голосомъ,
 25. « Чтобы слышно по всей Москвѣ!»

¹⁾ Привычка относиться такимъ образомъ въ Былинахъ къ покойному Царю перешла и въ самый рассказъ.—О.

- Во Ондревской славной улицы,
 Въ Москвѣ борцовъ не случилось,
 Удалихъ не годилося:
 Солучились два братца родимыя,
 30. Два Андрея два Андрейча,
 Одинъ прихрамывать,
 А другой приволакивать ¹⁾.
 Со первымъ братомъ схватился,—
 Онъ ²⁾ золотъ стулъ повалилъ,
 35. Полтораста бояръ задавилъ,
 Пять сотъ Донскихъ козаковъ:
 Ни которой ни которова не пошибъ,
 Они братьями назвались,
 Крестами побраталися ³⁾.
 40. Какъ возговорить меньшей братъ Андреюшка:
 «Охъ ты гой еси, Царь государь,
 «Ища смѣть ли мнѣ Кастрюка побороть?»
 Какъ возговорить Царь государь:
 «Бей ты Кастрюка по ногамъ,
 45. «Чтобы у тебя былъ Кастрюкъ въ рукахъ!»
 Первую пошибку пошибъ,—
 Цвѣтное платье съ Кастрюка спибъ.

- Увидала ево сестрица,
 Василиса Темрюковна:
 50. — Охъ ты б...кой•сынъ, б...ки сѣмнины!
 — Ужь ты смѣшь ли Кастрюка побороть?
 — Мало васъ насѣяно, а много расплодилось!—

(Язык.).

*

¹⁾ Ногою, волочѣтъ ногу.—²⁾ Кастрюкъ.—³⁾ Это невозможно относительно Кастрюка, но перенесено сюда изъ обычая древнихъ богатырей и борцовъ.—О.

3.

(Той же губ., с. Головино).

Ой ты гой еси, Царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь,
При блаженной сударь памяти,
Поизволилъ Царь женитися.

5. Онъ беретъ не у насъ въ Москвѣ,
Онъ беретъ во иной землѣ,
Молодѣ Марью Темрюковну.
Не много съ ней приданова береть:
Пять сотъ Донскихъ казаковъ,
10. Полтораста Черкашениновъ,
Еще триста уланицевъ ¹⁾;
А еще-то онъ приданова беретъ—
Любимова шуринушку,
Кострюка Темрюковича.
15. А Кострюкъ-то къ нему въ гости не ѣдетъ,
Молодой въ гости не жалуетъ;
Онъ на третій годъ загулялъ,
Онъ къ Царю-то въ гости побывать:
Кострюково было счастьеце,
20. Царю-то бещастьеце ²⁾.
Тутъ возговоритъ Кострюкъ-Мострюкъ,
Молодой Темрюковичъ:
— Ой ты гой еси, Царь государь,
— Царь Иванъ сударь Васильевичь!
25. — Какъ бывало я съ ѣзмолоду,

¹⁾ Улавъ—молодецъ, малой. — ²⁾ Относится къ тому, что въ Москвѣ не случилось борцовъ (ср. стихи ниже). — О.

- То-то мое-тъ круговой поскокъ ¹⁾,
 — То-то весь разумъ верченый!
 — Я охотничекъ боротися былъ,
 — Съ борцами поборотися,
 30. — Съ молодцами поводитися.—

- Пиръ-бесѣда солучилася,
 Въ Москвѣ борцовъ не случилося;
 Только двое солучилося,
 Двое братцы родимые,
 35. Мишута со Гришутю:
 Кострюково было счастьеце,
 Царево-то бещастьице.
 Свѣтъ Микита Романовичъ
 Поскорѣхотъ на ножиньку прыгнулъ,
 40. За скамейку своей ножинькой задѣлъ,
 Пять сотъ козаковъ задавилъ,
 Полтораца Черкашениновъ
 И триста уланищевъ ²⁾.
 Тутъ идутъ борцы-молодцы,
 45. Гришута съ Мишутю:
 Сапожки натягиваютъ,
 Усы за уши закладываютъ;
 Они идутъ на царской дворъ:
 «Еще есть ли у васъ борцы-молодцы,
 50. «Есть ли удалые удалцы?»»
 Со Мишутю у нихъ схваточка была,—
 Кострюку-то много Богъ помогалъ,
 Со Мишуты онъ сапожнишки сшибъ.
 Со большіимъ со Гришутю было,—
 55. Тутъ Гришутѣ много Богъ помогалъ,
 Съ Кострюка-то онъ портчишки сшибъ,
 Пучинушка пукнула ³⁾,
 Шелковыя петли треснули:
 Кострюка-тъ ногѣшкой ⁴⁾ сталъ,

¹⁾ То-то я молодецъ былъ въ кругу скакать.—²⁾ Такъ все это перебито: ср. Былны выше.—³⁾ Лопнуло все, что было натянуто, связано, застегнуто.—⁴⁾ Нагишомъ.—0.

60. Сороматъ ладонью зажалъ,
Онъ самъ подъ заходъ побѣжалъ.

Увидѣла сестрица,
Молода Марья Темрюговна:
— Ты мужикъ, ты мужичей сынъ,

65. — Крапивные сѣмяны!
— Не много васъ насѣяно,
— Только много васъ порожено!—

(Ямск.).

*

4.

(Сибирскъ).

Какъ у насъ было во святой во Руси,
Во матушкѣ каменной Москвѣ,
Какъ задумалъ Царь жениться,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ.

5. Онъ беретъ не у насъ во Руси,
Онъ беретъ во иной землѣ,
Не у князя, не у барина,
У того мурзы Татарина,
Онъ беретъ его родну сестру,
10. Катерину Темрюговну.
Братъ не много съ ней приданаго даетъ:
Только два братца родимые,
Два молоденьки Черкасина.

- Они вышли на улицу гулять,
15. Меньшой братъ похваляться сталъ:

- Какъ запру я землю Шведскую,
 — Затворю я каменну Москву,
 — Государевы всё промыслы,
 — Съ государя стану пошлину брать,
 20. — Съ борольщиковъ поборное,
 — Съ кулашниковъ покулачное,
 — Съ молодыхъ бабъ побанное ¹⁾,
 — Съ красныхъ дѣвокъ подвѣчное ²⁾!—

Большой братъ осержается,
 25. Подошелъ къ нему тихохонько,
 Взялъ его легохонько,
 Ударилъ объ сырѹ землю:
 Онъ разбилъ его всё косточки,
 Раздробилъ его суставчики.

30. Увидала государыня,
 Закричала громкимъ голосомъ:
 — Ахъ вы злые-злые сѣмяны!
 — Не поле васъ настѣяно,
 — Только два братца родимые,
 35. — Два молоденьки Черкасина ³⁾!—

(Запис. 1838 г.).

*

5.

(Симбирск. губ., Сызрань).

Слушай-послушай, старики,
 Стародавніе разбойнички:
 Ужъ какъ я вамъ стану сказывати,
 Еще какъ стану рассказывати.

¹⁾ Съ бани, когда сводятъ туда молодыхъ.— ²⁾ Повѣчное, съ вѣнца, съ брака.— ³⁾ Такъ, по сбивчивости, осмыслено: Царица этими словами жалѣетъ братьевъ, «злыхъ Татарскія сѣмяна,» что немного ихъ всего было, да и то одинъ другаго убилъ (ср. Былныи выше).—0.

5. У насъ было при прежнемъ Царѣ,
 При Иванѣ при Васильевичѣ,
 Онъ думалъ, Царь, жениться,
 Онъ беретъ не у насъ на Русь,
 Онъ беретъ во иной землѣ,
10. Не у князя, не у барина,
 У того мурзы Татарина,
 Онъ беретъ его родну сестру,
 Екатерину свѣтъ Темлюговну.
 Онъ не много съ ней приданого беретъ:
15. Только два братца родимыхъ,
 Два молоденькихъ Черкасиновъ.

Мѣншій братъ похваляться больно сталъ:

- Затворю я землю Шведскую,
 — Затворю я каменну славу Москву,
20. — Государевы всѣ промыслы,
 — Стану съ Царя пошрины брать,
 — Съ молодыхъ бабъ цобанное,
 — Съ старушённокъ постряпушное,
 — А съ молодыхъ подвѣнечное ¹⁾!—
25. Большой братъ разсержаться сталъ,
 Выходилъ онъ на красѣнъ-Красной крыпецъ,
 Закричалъ онъ громкимъ голосомъ,
 Молодецкимъ своимъ посвистомъ:
 «Еше есть ли въ каменной славной Москвѣ
30. «Борцы-бойцы-кулачнички,
 «Разудалы-добры мѳлодцы,
 «На кулачно покулашнички,
 «Побороться поборошнички?»

Выходилъ тутъ младъ одинъ тутъ человекъ,

35. Темрукъ Темруговичъ,
 Матрюкъ Матрюковичъ.
 Онъ и первую пошибочку посшибъ,—

¹⁾ Ср. выше.—0.

- Съ Темрюгалова сапожки сшибъ;
 А другую пошибочку пошибъ,—
 40. Съ Темрюгалова сорочку сшибъ,
 Оставилъ его, въ чѣмъ матушка родила,
 Сударыня въ чѣмъ бабушка повила.

(Язык.).

*

6.

(Калужск. губ., Боровск. уѣзда, с. Слобода).

- Какъ у насъ было при старомъ при Царю,
 При Ивану-то Васильевичу,
 Онъ задумалъ жениться,
 Онъ беретъ изъ иной земли,
 5. Онъ и Марью Диміюрьевну.

- Онъ и всѣхъ гостей созвалъ,
 Одного гостя не звалъ,—
 Свою шурина любимова,
 Кастрюка-то Диміюрьевича.
 10. Приѣзжалъ онъ опослѣ всѣхъ,
 Онъ садился повыше всѣхъ,
 Хлѣба-соли не кушаетъ,
 Бѣла лебедя не рушаетъ,
 Борца попрашиваетъ.
 15. Ино вышли два братца,
 Два Андрея два Андреевича,
 Ужь собою они малѣшеньки,
 У нихъ ноги коротѣшеньки,
 У нихъ бороды до пояса висятъ,
 20. Усы за уши закладываютъ,
 Борца попрашиваютъ.
 Ухватилися, водилися

- Со вечеру до полуночи,
 Съ полуночи до бѣла свѣта:
 25. Ужь я ли взялъ его въ охачку,
 Ударилъ объ сырѹ землю,—
 Мать сыра земля дрогнулася,
 Свѣтло платице раздернулося,
 Бѣло тѣлцо разлопалося.

(Отъ семидесятилѣтней старухи).

*

7.

(Сибирск. губ., с. Головино).

- Было, братцы, не у насъ въ Москвѣ,
 А было во иной землѣ,
 Поизволилъ Царь сударь
 Иванъ Васильевичъ женитися.
 5. Онъ беретъ Марью Темрюковну,
 Молодую королевичну;
 Приданова много за ней:
 А приданова три земли,
 Перва земля Польская,
 10. Другая Литовская,
 Третья Черкасская.

7. Его шуринъ осержается,
 Къ Царю на пиръ не жалуеть;
 На третій годъ загулялъ,
 15. Къ Царю на пиръ пожаловалъ.
 Воходить во палатушку,
 Во палату бѣлокаменну:
 Сажали его за дубовые столы,
 За скатерти шелковья....

(Явк.).

* *

V.

1*).

(Вологодск. уезда).

- Собиралася купавушка ¹⁾,
 Собиралася не Русская,
 И царица Крымская,
 Во мать каменну Москву,
 5. Ко тому ли ко Царю
 Ко Ивану Васильевичу,
 Со своимъ ли сынкомъ
 Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ.
 По плечу ему своя матушка
 10. Поколачивала,
 На ушко ему своя матушка
 Наговаривала:
 «Ужь ты кланяйся по низешеньку,
 «А слова говори по гладешеньку,
 15. «А кресты веди по писанному.»»

- И пришла же купавушка,
 И пришла же не Русская,
 И царица Крымская,
 Во мать каменну Москву,
 20. Ко тому ли ко Царю
 Ко Ивану Васильевичу,

*) Это, о прїѣздѣ Купавы, отдѣлъ совершенно особый: см. въ пѣсняхъ, собр. Рыбниковымъ.— По складу *Быгальщина*, близкая впрочемъ къ «Старинѣ»: не пѣлась, а рассказывалась на распѣвъ.—*О.*

¹⁾ Ср. выше о значеніи.—*О.*

Со своимъ ли сынкомъ
 Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ,
 Искать соперника

25. Поборотися.

« Ужь ты Царь Иванъ Васильевичъ!

« Ужь ты что же призадумался?

« Не за чѣмъ я пришла,

« Не за пошлиною:

30. « Ужь ли нѣтъ у васъ,

« Во всей каменной Москвѣ,

« Соперника поборотися

« Со моимъ ли сынкомъ

« Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ?»»

35. Возговорилъ же Царь Иванъ Васильевичъ

Своему ли слугѣ вѣрному,

Неизмѣнному:

« Ужь ты слуга мой, вѣрный мой,

« Незимѣнный мой!

40. « Ужь ты выйди на Красно крыльцо,

« Воструби же въ золоту трубу,

« Чтобы собирались всѣ

« Князья и бояре,

« И всѣ гости гостинные,

45. « И малые дѣтушки ¹⁾!»

Говорила же купавушка,

Говорила же не Русская,

И царица Крымская:

« Ужь ты Царь Иванъ Васильевичъ!

50. « Ужь ты что же призадумался,

« Ужь ты что жъ призапечалился?

« Ужь ли нѣтъ у тебя,

« Во всей каменной Москвѣ,

« Соперника поборотися

55. « Со моимъ ли сынкомъ

¹⁾ Это первый вызовъ, послѣ коего никто не явился.—0.

«Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ?»
 Возговорилъ же Царь Иванъ Васильевичъ
 Своему ли слугѣ вѣрному,
 Неизмѣнному:

60. «Ужь ты слуга мой, вѣрный мой,
 «Неизмѣнный мой!
 «Ты сходи на задвореньки:
 «На задворенькахъ живетъ вдовушка,
 «А у вдовушки есть два сына,
 65. «Два родныя брателка,
 «И два молодца хорошіе ¹⁾.»
 По плечу имъ своя матушка
 Наколачивала,
 На ушко имъ
 70. Наговаривала:
 «Ужь вы кланяйтесь по низешеньку,
 «А слова вы говорите по гладешеньку,
 «А кресты ведите по писанному.»»

Кострюкъ, молодой человекъ,

75. Ужь онъ съ ножки на ножку поскакиваетъ,
 На послѣднюю ступеньку стаеть:
 — Ужь ты Царь Иванъ Васильевичъ!
 — Ужь ли нѣтъ у васъ,
 — Во всей каменной Москвѣ,
 80. — Сопротивника поборотися ²⁾?—
 Что пришли же два брателка,
 Что пришли же два родные,
 И два молодца хорошіе,
 Ко тому ли ко Царю
 85. Ко Ивану Васильевичу:
 «Ужь ты Царь Иванъ Васильевичъ!
 «Ужь ты что же призадумался,
 «Ужь ты что жъ призапечалился?

¹⁾ Второй вызовъ, послѣ коего мать снаряжаетъ сыновей. — ²⁾ Вызовъ третій, послѣ коего являются сами борцы.—0.

- « Говори же съ Кострюкомъ,
 90. « Ты не робь же съ нимъ:
 « На одинъ ли разъ,
 « Али на три разà
 « Ходить поборотися?»
 И пошолъ же Кострюкъ на три разà
 95. Поборотися.

- И пошолъ съ нимъ
 Старшій братъ Семенушко.
 Ужь какъ на первый-то разъ
 Повалялъ Кострюкъ Семенушка;
 100. А во другой-то разъ Семенушко
 Кострюка Бирюковича
 Поднялъ выше древа стоячаго,
 Выше ¹⁾ облака ходячаго:
 Куда рука, куда нога раскатилася,
 105. Куда буйная головушка покатилася.

- И пришла же купавушка,
 И пришла же не Русская,
 И царица Крымская,
 Ко тому ли ко Царю
 110. Ко Ивану Васильевичу:
 « Ужь ты Царь Иванъ Васильевичъ!
 « Ты довелъ же ²⁾ чада милаго,
 « Кострюка Бирюковича!»
 И ушла же купавушка,
 115. И ушла же не Русская,
 И царица Крымская,
 Со уклонкою, со ласковымъ словомъ.

* *

¹⁾ Должно быть: «ниже.» — ²⁾ То же, что «извелъ.» довелъ до конца, до погибели.—О.

VI.

1*).

(Кирѣвская Слобода).

Люди вы, люди мой,
 Люди вы старые мои,
 Старички стародавние,
 У васъ бороды широкія,
 5. У васъ разумы расхожіе!
 Раздоборы раздабарывали,
 Разговоры разговаривали
 Про Ивана Царя Васильевича.

Какъ Иванъ Царь Васильевичъ
 10. Сколько сель проѣзжалъ,
 Сколько городовъ происходилъ,—
 По себѣ борца не нашель,
 Кто бы Кострюка поборолъ,
 Да кто бы Темрюльевича.

15. Какъ выискались два брата,
 Два брата, два братеника,
 Два Андрея два Андреевича,
 Они дѣти-то Кулашниковы.
 Они по двору похаживали,
 20. Они полы заворачивали.
 Какъ схватился съ нимъ бѣльшій братъ,
 Они возилися осенній день,
 Изъ утра да и до вечера:

*) Въ этомъ отдѣлѣ Былины, совершенно сбитаго содержаніемъ: сравните ихъ перепутанныя части съ прежними образцами.— О.

- Какъ никто никого не одолѣлъ,
 25. Какъ никто никого не оборолъ.
 Какъ схватился съ нимъ мѣншій братъ,
 Онъ ударилъ объ сырѹ землю:
 Какъ сырая земля стогнула ¹⁾,
 Какъ на ѣмъ шкура лопнула,
 30. Сапѣжки-то съ ногъ свалились,
 Чулочки-то съ ногъ скатились.

- Какъ увидѣла сестрица-то его,
 Да Марья Темрюльевна,
 Выходила она на новое крыльцо,
 35. Закричала громкимъ голосомъ своимъ:
 — Ты мужикъ, ты мужичій сынъ,
 — Ты мужикъ, кровопивцовъ сынъ ²⁾!
 — Хотя бы ты Кострюка поборолъ,
 — Хотя бы ты Темрюлевича,
 40. — Ты бѣ его не до смерти билъ:
 — Я бѣ тебя пожаловала
 — Городами съ пригородочками,
 — Еще селы-то съ приселочками,
 — Пятьдесятъ бы бояриновъ дала,
 45. — Шестьдесятъ бы Татариновъ дала,
 — Шестьсотъ бы Донскихъ козаковъ,
 — Что ни лучшихъ удалыхъ молодцовъ. —

- Захотѣлося жениться ему,
 Онъ и бралъ изъ иныхъ городовъ,
 50. Онъ и бралъ изъ иной земли,
 Молодую Черкашенку,
 Марью Темрюльевну.
 Какъ и сдѣлалась пирушичка,
 Пирушичка немалинькая.
 55. Какъ и всѣ гости съѣхались,
 Одного гостя нѣту-ти,

¹⁾ Застонала, издала стонъ (однократное). — ²⁾ Передѣлано изъ «кранив-
 ния сѣмена.»—О.

- Какъ и нѣту гостя милаго,
Моего шурина любимаго,
Братца-то родимаго.
60. «Какъ Иванъ Царь Васильевичъ!
«Ты пожалуй намъ Степные города,
«Чтобъ намъ пить-ѣсть безденежно,
«Торговать бы намъ безошлинно.»
Какъ Иванъ Царь Васильевичъ:
65. «Не позорь ты ни меня, ни себя,
«Ни молодецкой бодрости своей.»
Онъ садится повыше всѣхъ,
Наѣдается попрежде всѣхъ,
Онъ ни пьетъ—ни ѣсть—ни кушаетъ,
70. Бѣла лебедя не рушаетъ,
На Ивана Царя гнѣвъ держить....

(Отъ Накитутки).

*

2.

(Лужскій уѣздъ, Городецкій погостъ, дер. Чернь).

- Какъ во матушкѣ въ каменной Москвѣ,
У того-то было Царя-богатыря,
У Ивана-то свѣтъ Васильевича,
Отдавалась за мужъ дочь бѣлая
5. За Кострюка-Мастрюка,
Молодова Севрюковича.
Дѣлалъ Царь-богатырь для князей-бояръ
Почетный пиръ, гостей потчивалъ.
Гости пили-ѣли, проклажались,
10. А молодой-то Кострюкъ-Мастрюкъ
На пиру сидѣлъ призадумавшись.

Говорилъ ему Царь-богатырь:

«Что жь ты, Кострюкъ, призадумался,

«Моего хлѣба-соли не кушаешь,

15. «Бѣлаго лебедя не рушаешь?

«Аль на меня ты лихо думаешь,

«Али на дочь мою бѣольшую?»

Отвѣчаетъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,

Молодой нашъ Севрюковичъ:

20. — Ой же ты, Царь-богатырь,

— Свѣтъ Иванъ Васильевичъ!

— Ты тѣмъ меня все потчиваешь,

— Чего я, Кострюкъ, не ѣмъ:

— У тя нѣтъ, вѣрно, на кулакъ бойца,

25. — На кулакъ бойца, на ногу борца? —

Выходилъ тутъ Царь-богатырь

На крылечко на дубовое,

Ко периламъ ко точенымъ,

Ко медвѣдку ко черному ¹⁾).

30. Закричалъ онъ зычнымъ голосомъ,

Свиснулъ богатырскимъ посвистомъ:

«Гой еси вы, борцы-хватцы,

«Борцы-хватцы, славны молодцы!

«Приходите ко крыльцу ко дубовому,

35. «Ко периламъ ко точенымъ,

«Ко медвѣдку ко черному,

«Поборотся съ Кострюкомъ-Мастрюкомъ,

«Со молодымъ-то Севрюковичемъ!»

На ту пору въ каменной Москвѣ

40. Борцовъ-молодцовъ не случилось;

Только случилось два брата,

Два брата, два Вологжанина ²⁾),

Они города Кашенина:

¹⁾ Изображенію медвѣди при ступеняхъ Краснаго Крыльца. — ²⁾ Признакъ того, какъ и въ нѣкоторыхъ образцахъ предыдущихъ, что Былина вѣлась въ Вологдѣ и оттуда перенята. — 0.

- Одинъ Ванюшка Маленькой,
 45. Да Поташка Небытенкой ¹⁾,
 Что на ножку припадываетъ,
 Костылькомъ подпирается.
 Они полы затаркивали ²⁾,
 Рукава позадергивали,
 50. Приходили къ крыльцу ко дубовому,
 Ко периламъ ко точеныимъ,
 Ко медвѣдку ко черному,
 Закричали они громкимъ голосомъ:
 « Ой же ты, Кострюкъ-Мастрюкъ,
 55. « Молодой нашъ Севрюковичъ!
 « Ты ѣшь-пьешь, проклажаешься,
 « А борцы-то давно у крыльца стоятъ!»
 Побѣжалъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
 Молодой нашъ Севрюковичъ,
 60. Зацѣпилъ онъ чернымъ башмачкомъ,
 Зацѣпилъ за скамеечку:
 Повалилъ онъ тою скамьей
 Кабы триста Татаринцовъ,
 Да полтораста бояриновъ,
 65. Да семьсотъ Донскихъ казаковъ.

- Выходилъ на крылечко на дубовое,
 Ко периламъ ко точеныимъ,
 Ко медвѣдку ко черному,
 Говорилъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
 70. Молодой нашъ Севрюковичъ:
 — Да что это за борцы-хватцы,
 — Что за славны это молодцы,
 — Что мнѣ неково и въ руки-то взять! —
 Закричалъ тутъ Ванюшка Маленькой
 75. Да Поташка Небытенкой:
 « Ой же ты, Кострюкъ-Мастрюкъ,
 « Молодой нашъ Севрюковичъ!

¹⁾ Плохенькой, увѣчный (хромой), калѣка. — ²⁾ Затыкали, подтыкали. — 0.

« Не хвались-ко ты въ городъ ѣхавши,
« А похвастай-ко выѣхавши!»

80. Схватился онъ съ Вáнюшкой,
Что съ Вáнюшкой съ Маленькимъ.
Ужь какъ тотъ Кострюка-Мастрюка,
Молодова Севрюковича,
На головку поставливалъ,
85. Безъ рубашки снаряживалъ.
И кричить Кострюку-Мастрюку,
Молодому Севрюковичу,
Кричить теща любимая:
« Ахъ ты, нашъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
90. « Молодой нашъ Севрюковичъ!
« Былъ ты какъ маковъ цвѣтъ,
« А сталъ теперь какъ мать родила!»
Закричалъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ:
— Ахъ ты, теща любимая!
95. — Ты какъ пыль толоконная,
— Какъ затычка оконная!
— Вѣдь не то мнѣ-ка дорого,
— Что чистое золото,
— А то мнѣ-ка дорого, —
100. — Похвала молодецкая! —

- Брался тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
Молодой нашъ Севрюковичъ,
Со Поташкой съ Небытенькимъ.
Какъ тутъ-то Кострюка-Мастрюка
105. Забиралъ онъ поперегъ живота,
Поднималъ онъ повыше себя;
Какъ ударилъ объ сыру землю:
Тутъ-то Кострюкъ-Мастрюкъ
Съ отцомъ съ матерью прощается,
110. Съ душою разстается.

(Со словъ крестьянина Еяина Пареенова Быкова, запис. г. Гулиевымъ; ср. «Изв. А. В.»
Отд. II, т. II).

*

3^{*)}.

(Саратовъ).

- Ой вы люди-людюшки мои,
 Ужь вы людюшки умненькіе,
 Старички вы стародавненькіе!
 Вы повѣдайте, что встарь было,
 5. Что встарь было, на Руси слыло,
 Какъ женился православный Царь,
 Православный Царь Иванъ Васильевичъ.
 Да и бралъ же онъ много приданого:
 Коробамъ съ добромъ счету не было,
 10. Злату-серебру вѣсу ¹⁾ не было,
 [Крупну жемчугу мѣры не было ²⁾],
 На придачу ³⁾ молодую жену].

- Вотъ и гости къ Царю съѣхалися,
 Всѣ князья-бояре, люди ратные,
 15. Да боярскихъ дѣтей до полутораста.
 Да посадскихъ людей четыреста:
 Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ,—
 Удальца-бойца, славна витязя,
 [Самого ⁴⁾ князя Черкаскаго],
 20. Мамстрюка ли Ермолаича [Мамстрюковича].
 Загрѣбло на дворѣ государевомъ,
 Какъ пріѣхалъ давно жданный гость,
 Князь Черкасскій Мамстрюкъ Ермолаевичъ [Мамстрю-
 ковичь],

*) Одинъ изъ двухъ списковъ (этого образца) полнѣе; этотъ списокъ здѣсь и печатается; стихи, которыхъ недостаетъ въ другомъ списокѣ, поставлены въ скобкахъ. *Прим.* 1—10 изд.—То же самое напечатано въ Сборникѣ гг. Костомар. и Мордовц., откуда приведемъ разворѣчія.—Складъ кое-гдѣ отзывается искусственною подправкой.—0.

¹⁾ *Морд.* «мѣры.»—²⁾ *Морд.* «Бѣлу жемчугу вѣсу не было.»—³⁾ *Морд.* «На прибавку.»—⁴⁾ *Морд.* «Самого лн.»—0.

- Со храброю своею со дружиною,
 25. Со своею молодою княгинею,
 Еще съ братцемъ ее рѣднымъ,
 Удальцомъ-бойцомъ, славнымъ витяземъ,
 И со храброю своею дружиною.
 Какъ пріѣхалъ ¹⁾ князь опослѣ всѣхъ,
 30. А садился онъ повыше всѣхъ.
 Хлѣба-соли онъ не кушаетъ,
 Гуся-лебедя не рушаетъ,
 Зелена вина въ ротъ не беретъ;
 А глядитъ онъ на бояръ-дворянъ [на князей-бояръ].
 35. Царску гридню златомъ убрану ²⁾:
 Ищетъ онъ себѣ борца-бойца,
 Добра молодца кулашничка ³⁾.
 Не нашелъ себѣ поборничка ⁴⁾,
 Что поборничка-супротивничка.
 40. Какъ возговорилъ ⁵⁾ Черкасскій князь:
 — Ой вы гой еси [есте], добры молодцы!
 — Вы напрасно землю топчете,
 — У Царя дарма ѣдите хлѣбъ,
 — Зелено вино распиваете,
 45. — На боку лежатъ дары получаете!—
 Тутъ всѣ гости призадумались.... ⁶⁾.

Отколь взялся тутъ крестьянскій сынъ:

- Съ ноги на ногу прихрамываетъ,
 Съ ноздри на ноздрю присапываетъ,
 50. Языкомъ пришепѣтываетъ.
 Какъ возговоритъ крестьянскій сынъ:
 «Охъ ты гой еси, Черкасскій князь!
 « Великъ ростомъ уродился ты,
 « Златомъ-серебромъ украсился,
 55. « Не пытавъ силы похваляешься;

¹⁾ *Морд.* «пріѣхалъ-то.»—²⁾ *Морд.* «Царску гридницу златомъ убрану.»—

³⁾ *Морд.* «кулашничка (что кульки дѣлает!).»—⁴⁾ *Морд.* «Да изъ этихъ князей-бояръ (дворянъ-бояръ) Не нашелъ...»—⁵⁾ *Морд.* «возговоритъ.»—

⁶⁾ *Морд.* «Всѣ князья-бояре призадумались, Со стыда носы повѣсили.»—*О.*

- « Да гляди, рано не радуйся,
 [« Я хотя и крестьянскій сынъ,]
 « На бѣду ¹⁾ слово вымолю:
 « Не пытай силу съ крестьяниномъ ²⁾!»»
60. Закипѣлъ сердцемъ Черкасскій князь,
 Во гнѣву изъ за стола выскочилъ,
 На бѣгу за столъ зацѣпилъ,
 Девяносто скамей повалилъ,
 Полтораста гостей подавилъ,
65. И схватилъ крестьянина за воротъ.
- Долго съ нимъ они возилися
 По широкому ³⁾ двору государеву;
 Одолѣлъ князя крестьянскій сынъ,
 Приподнялъ выше могучихъ плечъ
70. И ударилъ объ сыру землю:
 Золоты кольца ⁴⁾ у князя съ рукъ скатилися,
 Сапожки сафьянные съ ногъ свалилися,
 Растянулся князь Черкасскій за мертво.... ⁵⁾.
- Молодая княгиня расплакалася ⁶⁾,
75. Въ слезахъ по двору побѣгивала,
 Бѣлы рученьки заламывала,
 Слугамъ вѣрнымъ приказывала:
 — Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
 — Вы схватите сына крестьянскаго.
80. — Вы убейте вора безъименнаго,
 — Разорвите его тѣло на мелки части,
 — Бросьте ⁷⁾ тѣло псамъ на съѣденіе!—
 Какъ возговоритъ православный Царь,
 Православный Царь Иванъ Васильевичъ:
85. « Не судить тебѣ, княгиня, во моей землѣ,
 « Не мѣшаться ⁸⁾ бабѣ въ дѣла царскія!»

¹⁾ Морд. «На бѣду я.» — ²⁾ Морд. «съ крестьяниномъ.» — ³⁾ Морд. «По широку.» — ⁴⁾ Морд. «Золотые перстни.» — ⁵⁾ Морд. Прибавлено: «Что князь-бояре (бояре-дворяне) разъахался.» — ⁶⁾ Морд. «его.» — ⁷⁾ Морд. «Да и бросьте.» — ⁸⁾ Морд. прибавлено: «тебѣ.» — 0.

[« Пусть другой кто съ нимъ попробуетъ,
« Попытаеть ¹⁾ силу богатырскую!»

Какъ и всталъ княгининъ родный братъ,

90. Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:

— Ой ты гой еси, крестьянскій сынъ!

— Выходи скорѣй на борьбу со мной,

— На борьбу со мной послѣднюю,

— Что послѣднюю ²⁾, драку смертную! —

95. И сцѣпилися они за воротъ,

И возилися вплоть до вечера:

Одолѣлъ крестьянина младъ княгининъ братъ,

Разорвалъ его тѣло синее,

Разбросалъ—разметалъ по широку двору,

100. По широку двору, псамъ на съѣденіе.]

(Записано А. Н. Пасаловою, ср. «Мав. А. Н.»).

* *

VII.

1*).

Собралъ Чарь Иванъ Васильевичъ поцестный пиръ, похвальный пиръ. Всѣ сидятъ, пьютъ-ѣдятъ, калацика кушаютъ и бѣлаго лебедя рушаютъ: а одинъ гость не пьетъ и не ѣстъ, калацика не кушаетъ и бѣлаго лебедя не рушаетъ. «Ужь ты гой еси, мой любимый гость! Что ты не пьешь—не ѣшь, калацика не кушаешь и бѣлаго лебедя не рушаешь? Не зло ли ты думаешь, не лихо ли складываешь?»—«Не лихо я думаю, не зло я складываю: у меня съ молода охотичка была, съ молодыхъ дѣнь то ли бѣшенная, съ борчами поборотчя бы мнѣ, съ удальцами поводитчя бы?»—

¹⁾ *Морд.* «Попытать.»—²⁾ *Морд.* «На послѣднюю.»—*О.*

^{*)} За языкъ, правильно ли выдержаны особенности нарѣчія въ правописаніи, очевидно здѣсь нельзя отвѣчать.—*О.*

Въ Москвѣ борчовъ не годилось и лихихъ удалчовъ не лудялося ¹⁾. Посылалъ Чарь Иванъ Васильевиць во всѣ города [во губерніи], отыскать удалчовъ, разудалыхъ бойчовъ. То и ѣдутъ къ селу два брата рѣдные, два Андрея два Андреевица: то везутъ на себѣ лубьи свѣжія, словно лошади. То ихъ нагнали удалыя молодчи, вишь на тройкѣ, и говорятъ имъ, што Чарь Иванъ Васильевиць просить васъ въ гости къ себѣ.

То они пріѣхали ко широкому дворцу чарскому, стали сапожки потягивать, цюлоцьки поправлявать. То увидѣлъ изъ косясцита окошицька Темрюкъ Темрюковиць, молодой Церькасовиць: кинулся—бросился, триста скамей повалилъ, семь сотъ гостей задавилъ, да двѣсти удалыхъ молодчовъ. То и схватился еще боротча съ малымъ братомъ: и былъ Темрюкъ на рѣзвыхъ ногахъ, а оцютился Темрюкъ на буйной головѣ.

То увидѣла Марья Темрюковна, молодая Церькасовна: —Ужь ты гой еси, мужикъ—мужицїй сынъ, крапивны твои сѣмены! На сколько бы ты не ¹⁾ боролся, на сколько бы ты не ²⁾ воделся, на страмъ бы ты тѣла не давалъ!—То изволилъ говорить Чарь Иванъ Васильевиць: «Ужь ты гой еси, Марья Темрюковна, молодая Церькасовна! Впредь Темрюкъ пусть не хвалитчя!»

(Ср. «Этнограф. Сборн.» вып. V).

* *
*

¹⁾ Не лудялося?— ²⁾ Ни.—О.

Осада Пскова.

1*).

(Смарань, Сибирск. губ.).

Копилъ—то король, копилъ силушку,
 Копилъ—то онъ, собака, двѣнадцать лѣтъ.
 Накопилъ—то онъ силушки—смѣты нѣтъ,
 Много, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячъ полковъ.

5. Накоплѣвши онъ силы, на Русь пошѣлъ,
 Онъ на Русь пошѣлъ, на три города,
 На три города, на три стольные:
 На первый на городъ—на Пóлотскій,
 На другой—то на городъ—Веліки Луки,
 10. На третій—на батюшку на Опсковъ градъ.

Онъ и Пóлотскій городъ мимоходомъ взялъ,
 А Веліки Луки онъ насквозь прошѣлъ:
 Подходилъ онъ подъ батюшку подъ Опсковъ градъ.
 Становился, собака, въ зелѣныхъ ¹⁾ лугахъ,

15. Садился онъ, собака, во зóлотъ стулъ,
 Смекалъ—то силушку по три дни,
 По три дни и по четыре:
 Много ли силушки убыло,
 А много ли силушки прибыло?
 20. Убыло силушки сорокъ ротъ,
 А прибыло силушки сорокъ полковъ.
 Тутъ-же онъ, собака, возрáдуется:

*) Эта Былина, объ осадѣ Пскова Баторіемъ, совпадаетъ въ своемъ теченіи съ Былиною объ осадѣ Волока Ламскаго Сигизмундомъ: ср. «Замѣтку.»—Первоначально она была напечатана П. В. Кирѣевскимъ въ «Денницѣ» 1834 года. И. П. Сахаровъ ее подправилъ и дополнилъ чертами изъ эпохи Ивана: мы приведемъ эти поддѣлки.—О.

¹⁾ Въ рукописи П. В. К. «въ зелѣнныхъ.»—О.

- « Охъ вы гой еси, мои скорые хожители,
 « Скорые хожатели и скорые поспѣшатели!
 25. « Мечитесь скоро въ зеленые луга,
 « Въ зеленые луга государевы ¹⁾!

 « Бери своё коня Бахмута ²⁾,
 « Поѣзжай во батюшку во Опсковъ ³⁾ градъ:
 30. « Во городъ въѣзжай—не спрашивай,
 « Ко двору подѣзжай—не докладывай,
 « Во палаты восходи—не бей челомъ,
 « Клади ярлыки на дубовы столы.»

За столами сидитъ Воевода Царёвъ.

35. Карамышевъ Семёнъ Константиновичъ ⁴⁾:
 « Охъ ты гой еси, Воевода Царёвъ,
 « Карамышевъ Семёнъ Константиновичъ!
 « Отдай городъ Волокъ ⁵⁾ безъ бою,
 « Безъ бою и безъ драки великія,
 40. « Безъ того уголовія смертнаго!
 « Я на первомъ часу возьму Опсковъ ⁶⁾ градъ,
 « На другомъ часу стану чистити,
 « На третьемъ часу стану столъ становить,
 « Стану пить, веселиться, прохладитися ⁷⁾;
 45. « Князей твоихъ—бояръ всѣхъ въ полонъ поберу,

¹⁾ «Здѣсь долженъ быть пропускъ.» *Прим. П. В. К.*—Здѣсь-то, по нашему мнѣнію, надламывается Былина и переходитъ въ другую, объ осадѣ Волока (хотя и вставлено имя Пскова, Ходкевича и т. п., т. е. смѣшаны дѣла Былины).—*Сахар.* такъ дополнилъ пропускъ:

Посылаетъ онъ воеводу своего,
 А самъ крѣпко наказываетъ.

²⁾ Малорослая крѣпкая лошадь.—³⁾ *Сахар.* «во Псковъ.»—⁴⁾ Ср. это имя выше, въ дѣлѣ съ Ермакомъ; *Сахар.* сообразно съ примѣчаніемъ П. В. Кир. исправилъ (и ниже): «Шуйскій князь Иванъ Петровичъ.»—⁵⁾ «Названіе Волока,» какъ замѣчалъ П. В. К., «вмѣсто Пскова, здѣсь очевидно взято изъ другой пѣсни, вѣроятно похожей на эту содержаніемъ и напѣвомъ (ср. ее ниже и «Замѣтку»).» *Сахар.* исправилъ: «Опсковъ.»—⁶⁾ *Сахар.* «Псковъ.»—⁷⁾ *Сахар.* «прохлажатися.»—*О.*

«Донскихъ козаковъ всѣхъ подь мечь преклоню,
«А тебя, Воеводу, казнить буду!»»

Возгóворить Воевода Царёвъ,
Карамышевъ Семёнъ Константиновичъ:

50. — Блудёнъ ¹⁾ сынъ, король съ королевичемъ,
— Съ паномъ гетманомъ Хотенóвичемъ ²⁾
— И съ воинскимъ конёмъ Вороновичемъ!
— Не отдамъ я тебѣ города ³⁾ бѣзъ бою,
— Безъ бою и безъ драки великія,
55. — И безъ того уголовія смертнаго!—

Какъ со вечера солдаты ⁴⁾ причащались,
Со полуночи ружья чистили.

Ко бѣлой зорѣ, какъ кúры пропѣли ⁵⁾,
Не туча съ тучей соходила ⁶⁾,

60. Не зоря съ зорей ⁷⁾ сомыкалася,
Соходилися два войска, два великія,
Бѣлаго Царя съ Королевскимъ.
Тутъ вьздить-развьзжаетъ удалый-добрый мо́лодецъ,
Еще тотъ ли же воевода Царёвъ,
65. Карамышевъ Семёнъ Константиновичъ.

Кому у насъ на бою, братцы, Божья помощь?
Помогъ Богъ Воеводѣ Московскому,
Карамышеву Семёну Константиновичу:

Побилъ ⁸⁾ силу королевскую,

70. Всѣхъ лятничковъ, сипóвщичковъ,
Кольчужничковъ, барабанщичковъ.
На силу король самъ-третей убѣжалъ,

¹⁾ Въ рукописи съ переменною у на л, ѣ на и.—²⁾ Такъ въ рукописи, съ замѣткою П. В. К., что это «очевидно испорченное имя Хоткевича;» въ печати стоитъ сіе послѣднее; у Сахар. «Хотковичемъ.»—³⁾ Въ рукописи и у Сахар. «городъ.»—⁴⁾ У Сахар. исправлено: «ратные.»—⁵⁾ Въ рукоп. «попелелся,» а въ печати исправлено уже по догадкѣ П. В. К. («пропѣлись»). Сахаровъ печатаетъ «пропѣли»: доказательство, что его пѣсня не особая, а передѣлка напечатанной.—⁶⁾ Сахар. «сходилася.»—⁷⁾ Такъ и у Сахарова, а въ рукоп. «съ зорью.»—⁸⁾ Сахар. «побить.»—О.

Бѣгучій онъ, собака, заклинается:
 « Не дай, Боже, мнѣ во Русі́ бывать,
 75. « Ни дѣтямъ моимъ и ни внучатамъ,
 « И ни внучатамъ, и ни прѣвнучатамъ!»

(Лыск.; напечатано «въ Девницѣ», 1834 г.).

Ср. ниже, въ другихъ выпускахъ, Былины объ осадѣ Волока Ламскаго и о Карамышевъ.

Тамъ точно и слѣдующая Былина примѣшивается Краснощочкова, о которомъ см. подробности ниже, въ другихъ выпускахъ.

* *
 *

Царь въ Серпуховѣ.

1*).

(Село Павлово, Нижегород. губ.).

- Царь Иванъ Васильевичъ
 Копилъ силушку ровно тридцать лѣтъ,
 Накопилъ силы сорокъ тысячей,
 Накопилъ силушку, самъ въ походъ пошелъ ¹⁾.
5. Черезъ Москву рѣку переправилса,
 Не дошедши города Серпуха
 Становилса онъ въ зеленыхъ лугахъ,
 При алыхъ свѣтахъ, при лазоревыхъ;
 Сталъ онъ силушку переглядывать:
10. Князьямъ-бояромъ переборъ приполъ
 [Енераламъ всѣмъ, Федьмаршаламъ].
 Одново изъ нихъ тутъ не лучилося,
 Што ни лучьшево, слуги вѣрново,
 Максима, сына казачьево,

¹⁾ Начало такое же, какъ въ предыдущей Былинѣ.—0.

15. По прозванью-ту Красношпокова 1);
 Сказали Царю про Мишиньку:
 «Измѣнилъ тебѣ, Царю Бѣлому,
 «Придался онъ къ хану Турецкому,
 «Ко шишиморѣ деревенскому,
 20. «Онъ прельстился на ёво золоту казну,
 «На то ли на платьѣ на свѣтное,
 «На тѣхъ ли на Сорочинычокъ,
 «По нашему—на красныхъ дѣвушекъ.»»

По утру-ту было, на зоринкѣ,

25. На восходѣ красново солнышка,
 Не ясенъ соколъ по горахъ леталъ,
 Ни бѣлой кречать перепархивалъ,
 Наша-гь Мишенька съ полону ѣдетъ,
 На Турецкомъ чѣрномъ шахматѣ 2),
 30. Везетъ съ собой двѣ сумы переметныя,
 Въ сумахъ-ту сидятъ Сорочиночки,
 Турецкаго хана двѣ дочери.
 Не доѣхавши до шатра, самъ съ коня слѣзалъ,
 Не дошедши до Царя, сталъ низко кланяться:
 35. «Здравствуй, батюшка, православный Царь!
 «Не вели меня скоро казнити,
 «Прикажи мнѣ слово молвити:
 «Здравствуй, батюшка, православный Царь,
 «Грозный Царь Иванъ Васильевичъ,
 40. «Со славнымъ городомъ со Серповымъ!
 «Возми ты у меня двухъ полопянычекъ,
 «Турецкаго хана двухъ дочерей!»

(Запис. сваяц. Оаворскимъ; ср. «Изв. А. Н.» т. I).

* *
 *

1) Ср. этого героя ниже, въ другихъ Былинахъ и выпускахъ.— 2) Ошибка вмѣсто «бахматъ», ср. предыдущую Былинну.—0.

Гѣвъ на Вологду.

1.

(Вологда).

- Что на славной рѣкѣ Вологдѣ,
 Во Насонѣ было городѣ ¹⁾,
 Гдѣ доселѣ, было, Грозный Царь
 Основать хотѣлъ ²⁾ престольный градъ
 5. Для свою ли для величества
 И для царскаго могущества ³⁾,
 Укрѣпилъ стѣной градъ каменный
 Со высокими со башнями,
 Съ неприступными бойницами ⁴⁾,
 10. Посреди онѣ града церковь склалъ,
 Церковь лѣпую, соборную,
 Что во имя Божьей Матери,
 Ея чистаго ⁵⁾ Успенія:
 Образецъ онѣ взялъ съ Московскаго
 15. Со собору со Успенскаго.
 Стѣны града поднималися:
 Христіане утѣшалися.
 Ужъ какъ стали послѣ сводѣ сводить,
 Туда ⁶⁾ Царь самъ не коснѣлъ ходить ⁷⁾.
 20. Надзиралъ онѣ надъ наемники ⁸⁾,
 Чтобы Божій крѣпче клали храмъ,
 Не жалѣли бѣ плинѣны красныя ⁹⁾
 И той извести горючія.

¹⁾ «Вологда имѣеть или имѣла еще другое названіе — Насонъ. И теперь отъ сторожиловъ вы часто услышите поговорку:—Городъ Насонъ, рѣка Вологда.—Названіе это произошло отъ того, что крѣпость, основанная Грознымъ, была заложена 28 Апрѣля (1566), въ память св. Насона (въ просторѣчій Насона).» *Примѣчаніе 1-го изд.*—Ср. пословицу: «Городъ Галивонъ (Галичъ), озеро Неронъ, а люди Кривича.» Вологда упоминается и выше въ Былиннахъ о Грозномъ.— ²⁾ Не народно.— ³⁾ Обыкновенно: «честнодо.»— ⁴⁾ Тута?— ⁵⁾ Не народно.— *О.*

Когда Царь о томъ кручинился ¹⁾,

25. Въ храмъ Божіемъ похаживалъ:
 Какъ изъ свода туповатова ²⁾
 Упадала плинеа красная
 Во головушку во буйную,
 Въ мудру голову во царскую.
30. Какъ нашъ Грозный Царь прогнѣвался,
 Вволновалась во всѣхъ жилахъ кровь ³⁾,
 Закипѣла молодецка грудь ⁴⁾,
 Ретивѣ сердце взыгралось:
 Выходилъ изъ храма новаго.
35. Онъ садился на добра коня,
 Уѣзжалъ онъ въ каменну Москву,
 Насонъ городъ проклиная ⁵⁾
 И съ рѣкою славной Вологдой.

Отъ того проклятья царскаго

40. Мать сыра земля трехнула
 И въ Насонъ-градъ гористоемъ ⁶⁾
 Стали блата быть ⁷⁾ топучія,
 Рѣка быстра славна Вологда
 Стала быть рѣкой стоячею ⁸⁾,
45. Водой мутною, вонючею,
 И покрытая ⁹⁾ все тиною,
 Скверной зеленю со плесенью.

(Въ «Русскомъ Словѣ» 1859 г. № 1 приведено съ объясненіями г. Н. Бунаковымъ, а имъ, какъ сказано, взято изъ записокъ «одного знакомаго, врученныя г. Бунакову въ полное

¹⁾ Въ смыслѣ «заботился» не хорошо. — ²⁾ Придуманно въ противоположность стрѣльчатому, острому, остроконечному. — ³⁾ Не народно. — ⁴⁾ Закипѣла—грудь! — ⁵⁾ Не народно, хотя и видно старанье поддѣлаться. — ⁶⁾ При этомъ неестественномъ прозвищѣ, употребленномъ для стиха, издатель г. Бунаковъ справедливо замѣчаетъ: «Сомнительно, чтобы Насонъ—градъ (т. е. Вологда) когда ни будь былъ гористымъ,—онъ, кажется, всегда стоялъ въ болотѣ.» — ⁷⁾ «Стали быть» не народно; у народа въ-этомъ случаѣ «быть» могло означать лишь «будто, быть-то.» — ⁸⁾ Народу потребовалось бы слишкомъ много усилій, чтобы вообразить «рѣку стоячую.» — ⁹⁾ Придуманъ именителный падежъ вмѣсто творительнаго во избѣжаніе совпаденія съ творительнымъ слѣдующимъ.—0.

владѣніе;» этотъ «знакомый» въ предисловіи къ пѣсни говоритъ, что записалъ ее «въ Вологдѣ и слышалъ отъ старожилловъ, что гдѣ 70 тому назадъ она пѣлась въ народѣ.»— Вторая Былина, помѣщавшаяся въ сихъ «Запискахъ» и также отпечатанная г. Бунаковымъ, объ Анитѣ, оказалась перепискою изъ «Современника» 1846 г.: см. объ ней выш. IV, стр. 194—199).
Языкъ и складъ во многомъ отличаются народной подправкой.

* *

*

Правезжь.

I.

1.

(Сырань, Сибирск. губ.).

- Что у насъ было на святой Руси,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
 Среди-то торгу, братцы, среди площади,
 Тутъ бьютъ добраго молодца на правезжь,
 Б. Нагого-босаго и разутаго.
 Поставили его на бѣль-горючь камень:
 Стоитъ молодець—самъ не трѣхнется,
 Русы его кудри не ворóхнутся,
 Лишь изъ глазъ горючі слѣзы.
10. Лучилóся тутъ ѣхати
 Самому Царю православному,
 Грозному Царю Ивану Васильевичу.
 Какъ возговорить Царь Иванъ сударь Васильевичъ:
 «Охъ вы гои еси, бурмистры-цѣловальнички!
15. «За что вы пытаете добраго молодца,
 «Нагого-босаго и разутаго,
 «Поставя его на бѣль-горючь камень?
 «Стоитъ молодець—самъ не трѣхнется,
 «Русы его кудри не ворóхнутся,
20. «Только катятся изъ глазъ горючи слѣзы
 «По бѣлому лицу по румяному?»
 Тутъ возговорятъ бурмистры-цѣловальнички:
 «Охъ ты гои еси, нашъ батюшка, православный Царь,

« Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичъ!

25. « Пытаемъ мы съ него золоту казну,
« Золоту казну, платье цвѣтное,
« Не много, не мало,—сорокъ тысячъ 1).»»

Возговорить тутъ православный Царь:

« Охъ ты гой еси, добрый мѳлодецъ!

30. « По чему тебѣ золотà казна доставалася
« И какъ она тебѣ приходила?»

Возговорить добрый мѳлодецъ:

— Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный Царь,

— Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичъ!

35. — Была у меня дубиночка вязбвенькая,
— И клалъ я дубиночку на плечико,
— Ходилъ я, добрый мѳлодецъ, по чисту полю,
— По чисту полю, по темну лѣсу:
— Нашелъ я воровъ-разбойниковъ.

40. — Тутъ-то они дуванъ дуванили 2),
— Золотую казну дѣлили мѣрою,
— А цвѣтное платье дѣлили ношами:
— Тутъ-то я ее отбилъ у нихъ.—

Возговорить православный Царь,

45. Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичъ:
« Куда ты дѣвалъ эдаку золоту казну?»

Возговорить добрый мѳлодецъ:

— Точилъ я ее все по домамъ по питейнымъ,

— А поилъ я все голь кабацкую,

50. — А цвѣтное платье—одѣвалъ все нашихъ босынихъ.—

Возговорить православный Царь:

« Охъ вы гой еси, бурмистры-цѣловальнички!

« Заплатите ему за каждый ударъ по пятидесяти 3) рублей,

« А за безчестіе заплатите ему пять сотъ рублей.»

(Язык.)

*

1) Вѣроятно: «тысячей.»— 2) Дѣлали привалъ и дѣлили добычу.— 3) Вѣ-
роятно «по пятидесять.»—0.

2.

Какъ у насъ-то было въ матушкѣ каменной Москвѣ;
 Что пымали добраго молодца безвиннаго ¹⁾, безъ по-
 личнаго.

Повели добраго молодца на бѣль-горючь камень,
 И стали бить добраго молодца безвиннаго, безъ по-
 личнаго.

5. Стоитъ добрый молодець—самъ не тряхнется,
 Его русые кудерюшки не ворохнутся,
 Только катятся у молодца горючї слезы
 По его лицу по румяному.

Лучилось тутъ ѣхать самому Царю Ивану Василье-
 вичу.

10. Какъ не золотая трубонька вострубила,
 Что возговорить нашъ батюшка православный Царь:
 «Охъ вы гой еси, бурмистры-цѣловальнички,
 «Большіе головушки, ларечнички!
 «За что вы добраго молодца пытаете?»
15. Что возговорять бурмистры-цѣловальнички:
 «Ой ты гой еси, нашъ батюшка, православный Царь!
 «Требуемъ мы съ него золотую казну,
 «Не много, не мало,—сорокъ тысячь рублей.»

Какъ возговорить надѣжа православный Царь:

20. «Ой ты гой еси, удалый-добрый молодець!
 «По чему эта казна тебѣ доставалася
 «И по чему причиталася?»
 Что возговорить удалый-добрый м'олодець:
 — Это, батюшка, казна не царская и не барская,
 25. — А эта казна м'онастырская,
 — Того ли монастыря Соловецкаго.

¹⁾ Безъ виннаго, безъ вини.—0.

- Я охочь былъ, батюшка, гулять по чисту полю,
 — И была у меня, багюшка, дубиначка,
 — Не мала, не велика,—ровно въ тридцать пудъ;
 30. — Заходилъ я, батюшка, во темны лѣса Соловецкіе,
 — И вышелъ я, батюшка, на полянушку:
 — Тутъ добрые молодцы дуванъ дуванили.
 — Поднялъ я, батюшка, дубинушку выше себя,
 — И ударилъ выше себя объ зелёной дубъ:
 35. — То они съ шуму съ грому разбѣжались,
 — А со звуку, батюшка, раскидались.
 — По тому эта казна мнѣ, батюшка, доставалася
 — И по тому причиталася.—

- Что возговорить надежа православный Царь:
 40. « Ой вы гой еси, бурмистры—цѣловальнички!
 « Заплатите доброму молодцу за увѣчице,
 « Заплатите за безчестьице,
 « И отдайте доброму молодцу сорокъ тысячь рублей.»

*

3.

(Заводы Локтевскій и Сузунскій).

- Ишло сколько я, добрый молодець, не гуливалъ,
 Что не гуливалъ я, добрый молодець, не нахаживалъ ¹⁾,
 Такова я чуда-дива не нахаживалъ,
 Какъ нашелъ я чудо-диво въ градъ Кіевъ:
 5. Среди торгѹ-базару, середь площади,
 У того было колодичка глубокова,
 У того было ключа-то подземельнова,
 Что у той было конторушки Румянцовой,
 У тово было крымечка у перильчата,
 10. Ужъ какъ быють-то добра молодца на правежѣ,

¹⁾ Ни хаживалъ. — 0.

Что на правежѣ ево бьютъ,
 Что нагова бьютъ—босова и безъ пояса,
 Въ однихъ гарусныхъ чулочкахъ-то, безъ чеботовъ.
 Правятъ съ молодца казну да монастырскую.

15. Изъ за горь-то, было,—горь, изъ за высокинхъ,
 Изъ за лѣсу-то, было,—лѣсочку, лѣсу темнова,
 Что не утренняя зорюшка знаменуется,
 Что не праведное ¹⁾ красно солнышко выкатается:
 Выкаталась бы тамъ карета красна золота,
20. Красна золота карета, государева;
 Во каретушкѣ сидѣлъ православный Царь,
 Православный Царь Иванъ Васильевичъ.
 Случилось ему вѣхать посередѣ торгю.
 Ужъ какъ спрашивалъ надѣжа православный Царь,
25. Ужъ какъ спрашивалъ доброва молодца на правежѣ:
 «Ты скажи, скажи, дѣтина, правду-истину,
 «Ишшо съ кѣмъ ты казну крадь, съ кѣмъ разбой держаль?»
 «Если правду ты мнѣ скажешь, я пожалую,
 «Если ложно ты мнѣ скажешь, я скоро сказню:
30. «Я пожалую тя, молодець, въ чистомъ полѣ,
 «Что двумя тебя столбами да дубовыми,
 «Ужъ какъ третьей перекладиной кленовою,
 «А четвертой тебя петелькой шелковою.»
 Отвѣча'тъ ему удамый-добрый молодець:
35. — Я скажу тебѣ, надѣжа православный Царь,
 — Я скажу тебѣ всю правду и всю истину:
 — Что не я-то казну крадь, не я разбой держаль,
 — Ужъ какъ крали-воровали добры молодцы,
 — Добрые молодцы, казаки.
40. — Случилось мнѣ, молодцу, итти чистымъ полѣмъ,
 — Я завидѣлъ въ чистомъ полѣ—сырой дубъ стоитъ,
 — Сырой дубъ стоитъ въ чистомъ полѣ, крековистый;
 — Что пришолъ я, добрый молодець, къ сыру дубу,

¹⁾ Вставлено изъ Стиховъ о праведномъ солнцѣ—Христѣ.—0.

- Что подь тѣмъ, было, подь дубомъ подь крековис-
тымъ,
45. — Что казаки, онѣ, дѣлз дѣлзть,
— Они дѣлз дѣлили, дуванъ дуванили;
— Подошелъ я, добрый молодецъ, къ сыру дубу,
— Ужъ какъ бралъ-то я сырой дубъ посередь его,
— Я выдергивалъ изъ матушки сырой земли,
50. — Какъ отряхивалъ коренья о сыру землю:
— Ужъ какъ тутъ-то добры молодцы испугалися,
— Со дѣлу они со дувану разбѣжались,
— Одному миѣ золота казна досталася,
— Что не много и не мало,—сорокъ тысячей.
55. — Я не въ кладъ-то казну клалъ, животомъ не звалъ ¹⁾,
— Ужъ я клалъ тоѣ казну во большое-тъ домъ,
— Во большое-тъ домъ, во царевъ кабакъ.—

(Доставлено С. Ш. Гуляевымъ; ср. «Изв. А. Н.» т. III).

* *

II.

1.

(Курской губ.).

- Мимо лѣсу мимо темнаго,
Мимо садику зеленаго,
Пролежала путь-дороженька,
Широка, торна, пробойная.
5. Ой, по той ли по дороженькѣ,
Тамъ идутъ-идутъ солдатушки,
Они ведутъ-ведутъ удалаго мѡлодца,

¹⁾ Не звалъ имѣнемъ, не берегъ какъ имѣнье на прожитокъ.— О.

Удалаго молодца-разбойничка:

Ръзвы ноженьки закованы,

10. Назадъ рученьки завязаны.

Ясны оченьки заплаканы.

Они ведутъ его въ каменну Москву,

Въ каменну Москву, ко Грозному Царю ¹⁾.

Сталъ Царь мѡлодца допрашивати:

15. « Ты скажи мнѣ, вдалый молодецъ,

« Съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,

« Ой, и кто твои товарищи?»

— Я скажу тебѣ, православный Царь,

— Съ кѣмъ я воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,

20. — Ой, и кто мои товарищи:

— Какъ и первый то товарищъ—

— Да и темная ночь;

— А другой ли мой товарищъ—

— Да и воронъ конь;

25. — Какъ и третій мой товарищъ—

— Да и вострый ножъ.—

(Записано Н. Ст. Кохановской; ср. «Русск. Бес.» 1860. 1).

* *

III.

1.

(Тамъ же).

Что во горенкѣ, подь окошечкомъ,

Что позднимъ-поздно, поздно ²⁾ вечера,

Что сидѣла тамъ душа-дѣвица:

Что руса коса порастрѣпана,

5. Ясныя оченьки заплаканы....

Не сиди, душа, поздно ²⁾ вечера,

¹⁾ Конечно — Ивану. — ²⁾ Поздна?—0.

Ты не жги свѣчи воску ярова,
 Не кручинь, дѣвка, родна батюшки,
 Не печаль свою родну матушку:

10. Ты не плачь, не плачь по своемъ горю,
 По миломъ другу ¹⁾!
 Что и Царь молодца пожалуетъ....

Повели младца въ каменну Москву.
 Ко Грозну Царю.

15. Какъ и сталъ Царь младца спрашивати
 И допрашивати:

«Ты скажи, скажи, вдалый молодець,
 «Ты за что убилъ ²⁾ мово подручника,
 «Молодаго мово опричника?»

20. — Я скажу тебѣ, православный Царь,
 — Я за что убилъ зла Татарченка,
 — Молодаго твоео опричника:
 — Я убилъ его за дурны дѣла,
 — За худы слова.

25. — Поносилъ онъ нашу святую Русь:
 — Тебя узывалъ кровопійцею;
 — Еще поносилъ православный людъ:
 — Урекалъ онъ насъ быть христьянами
 — И холопами,

30. — Татаръ величалъ людьми вольными,
 — Никому какъ быть не подручными.
 — А славенъ-то былъ онъ тобою, Царь,
 — Твоей милостью!—

«Исполать тебѣ, вдалый молодець,

35. «На добромъ словѣ, на честномъ дѣлѣ!»

(Оттуда же).

Другія былины того же происхожденія и близкаго содержанія см. ниже, во времена Петра
 1-го и въ Молодецкихъ Безымянныхъ.

* *
 *

¹⁾ Это начало изъ другихъ мелкихъ пѣсней, которыя см. послѣ. —
) Убилъ. — 0.

Царь сослалъ Царицу въ монастырь.

1.

(Сызрань, Самбирск. губ.).

Ужь что это у насъ въ Москвѣ приуныло,
 Заунывно въ большой колоколъ звонили?
 Ужь какъ Царь на Царицу прогнѣвился,
 Онъ ссылаетъ Царицу съ очей далѣ,
 5. Какъ въ тотъ ли во городъ во Суздаль,
 Какъ въ тотъ ли монастырь во Покровскій.

Какъ Царица по палатушкамъ гуляла,
 Жалобнѣхонько Царица причитала:
 «Охъ вы гой еси, каменные палаты,
 10. «Бѣлы-каменны палаты, грановиты ¹⁾!
 «Ужь, знать, мнѣ по васъ, палатушкамъ, не гуляти,
 «За кипарисными столами не сидѣти,
 «Мнѣ сахарнаго кушанья не кушати
 «И мнѣ бѣлаго лебеда не рѣшати!»
 15. Выходила тутъ Царица на крылечко,
 Закричала своимъ громкимъ голосочкомъ:
 «Охъ вы гой еси, конюхи молодые,
 «Младые конюхи, бѣдовыя!
 «Вы закладывайте [карету]—не спѣшите,
 20. «Поѣзжайте Москвою—не спѣшите:
 «Ужь авось государь Царь умилился,
 «Не прикажетъ ли назадъ воротиться!»
 Какъ взгѣворють конюхи молодые:
 ««Охъ ты гой еси, наша матушка Царица,
 25. ««Марѳа Матвѣвна!
 ««Ужь гдѣ жь Царю умилился,
 ««Ужь гдѣ жь ему васъ назадъ воротити?»»

¹⁾ Старинная «гриня»; гранная, угольчатая палата, названіе, сдѣлавшееся въ Москвѣ собственнымъ; ср. вып. V, стр. 71.—0.

- Какъ встрѣчали Царицу со звономъ,
 Выходила тутъ игуменья,
 30. Что съ своими монашеними,
 Принимала её за ея руки бѣлыя,
 Повела въ свои кельи.

(Язык.).

*

3

2.

(Село Павлово, Нижегород. губ.).

- Ахти, во Москвѣ у насъ, братцы, не здорово!
 Заунывно во Царь-колоколъ благовѣстили:
 Видно, Царь на Царицу прогнѣвѣлся
 И хочетъ сослать её въ ссылку,
 5. Во славной Суздаль городочикъ,
 Во пречесной монастырь во Петровской.

- Тутъ заплакала благовѣрная Царица,
 Во слезахъ говорить такое слово:
 «Охъ вы гой естя, мое бѣлокаменны палаты!
 10. «Ужь мнѣ въ васъ, полатушки, не бывати,
 «Отъ свова Царя ласкова слова не слыхати!»

- Собиралъ-та Царь возочикъ,
 Высылалъ Царицу въ городочикъ.
 Тутъ возговорить благовѣрная Царица:
 15. «Охъ вы гой естя, извошпишки мое молдые!
 «Вы потише поѣзжайте—не свишшите ¹⁾);
 «Авошь ли Царь да на меня не умилѣтса,
 «Не велить ли мнѣ назадъ воротиться!»

¹⁾ Не спѣшите.—0.

- Подъѣзжаютъ онѣ къ Петровскіемъ воротямъ,
 20. Встрѣчаютъ её игуменья съ сестрами.
 Тутъ возговорить благовѣрная Царица:
 « Отойдись ты прочь, игуменья съ сестрами:
 « Не на часъ я къ вамъ пришла часовати,
 « Ни на одну тѣмну ночку ночовати,
 25. « Я пришла къ вамъ вѣки вѣковати!»

(Запис. свещ. Фаворскимъ; ср. «Изв. А. Н.» т. 1).

*

3.

(Орловск. губ.).

- По палатушкамъ Царица ходила,
 Она жалобно говорила:
 « Охъ вы слуги мои, слуги вѣрные,
 « Заложите мнѣ карету золотую,
 5. « И ступайте Москвою—не спѣшите:
 « Авось Царь до Царицы умилится,
 « Онъ велитъ мнѣ, Царицѣ, воротиться ¹⁾!»

*

- « Охъ вы кумушки, голубушки мои!
 « Вы которому Святителю молили,
 10. « Вы которымъ Чудотворцамъ обѣщались,
 « И у васъ мужья молодые?
 « У меня ли у младеньки старичища,
 « Не пуцаитъ старичища на игрища...»

И прочее, см. послѣ.—Былины сего же рода, относимыя къ Петру I-му, равно какъ Безмяныя, см. ниже.

* *

*

¹⁾ Доселѣ начало древней Былины, а отселѣ переходъ въ позднѣйшую мелкую женскую пѣсню.—О.

Смерть Грознаго Царя Ивана Васильевича.

I.

1.

(Тульск. губ., Чернаго уѣзда).

Охъ вы горы, горы крутыя!

Охъ вы головы златыя православныхъ церквей!

Охъ косящеты окошки царскихъ теремовъ!

Какъ во теремѣ живётъ православный Царь.

5. Православный Царь Иванъ Васильевичъ:

Онъ грозёнъ, батюшка, и милостивъ,

Онъ за правду милуетъ, за неправду вѣшаетъ.

Ужь настали годы злые на Московскій народъ;

Какъ и сталъ православный Царь грознѣй [прежняго:

10. Онъ за правду—за неправду дѣлалъ козни лютыя.

Какъ восплачется народъ Рускій на Грознаго Царя:

Переставился Грозный Царь на восьмидесятомъ году,

А сынъ его Оѣдоръ сталъ Русью управлять.

(Отъ старухи).

* *

II.

1.

(Симбирск. губ., Бунск. уѣзда, дер. Коаловка).

Какъ ударили въ Москвѣ въ большой колоколъ,
Только слышно то было по всей каменной Москвѣ

[И по всей арміи, и по всей конной гвардіи]:

Еще померъ-то у насъ православной Царь.

5. Православной Царь Иванъ Васильевичъ.

«Сдѣлаемъ ему гробокъ купарисовой,

«Саванокъ-то сошьемъ миткалиновый.

«Мы схоронимъ Царя за Москвой рѣкой!»»

(Запис. П. В. Шейномъ, отъ Максима Щербакова).

* *

III.

1*).

(Саратовъ).

- Ужь ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
 Чтò ты свѣтишь не по старому,
 Не по старому, не по прежнему,
 Изъ за облачка выкатаешься,
 5. Черной тучей закрываешься?
 У насъ было на святой Руси,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
 Въ каменной Москвѣ, въ золотомъ Кремлѣ,
 У Ивана было у Великаго,
 10. У Михайлы у Архангела,
 У собора у Успенскаго,
 Ударили въ большой колоколъ.
 Раздался звонъ по всей матушкѣ сырой землѣ:
 Соѣзжались всѣ князья-бояре,
 15. Собирались всѣ люди ратные,
 Во Успенскій соборъ Богу молитися.
 Во соборѣ-то во Успенскимъ,
 Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ гробъ 1):
 Во гробу-то 2) лежитъ православный Царь,
 20. Православный Царь, Иванъ Грозный Васильевичъ.
 Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
 У креста лежитъ корона его царская,
 Во ногахъ его вострый, грозный мечъ 3).
 Животворящему кресту всякій 4) молится,
 25. Золотому вѣнцу 5) всякой кланятся,
 А на грозенъ 6) мечъ взглянетъ,—всякъ ужахнется.
 Вокругъ гроба горять 7) свѣчи восковыя,

*) То же напечатано у гг. Костомар. в Мордовц., откуда приведемъ мелкія разпорѣчія.—О.

1) «Тутъ стоялъ кипарисовъ гробъ.» — 2) «Во гробу.» — 3) «Въ головахъ у него стоитъ крестъ серебряный, Во ногахъ его корона царская.» — 4) «всякъ.» — 5) «Золотой царской коронѣ.» — 6) «На грозенъ.» — 7) «стоятъ.» — О

- Передъ гробомъ стоятъ все попы-патріархи ¹⁾,
 Они служатъ-читаютъ ²⁾, память отпѣваютъ,
 30. Отпѣваютъ память Царю православному,
 Царю Грозному Ивану Васильевичу.

(Запис. А. Н. Пасхаловою, ср. «Изв. А. Н.»).

* *
 *

Плачь Царицы по умершемъ Царѣ.

1.

—
 (Москва).

- Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго.
 Изъ за горъ было высокіихъ,
 Не ясно солнце выкаталося,
 Выходила тутъ благовѣрная Царица,
 5. Благовѣрная Царица Марѳа Матвѣевна,
 По мосту-мосту по калинову,
 По сукну-сукну багрецовому;
 Ужь какъ шла Царица благовѣрная,
 Благовѣрная Царица Марѳа Матвѣевна,
 10. Приходила она къ церкви соборной,
 Закричала она громкимъ голосомъ:
 «Ужь и есть ли у церкви церковнички?»
 «Отпирали бы церковь соборную,
 «Что впускали бѣ Царицу благовѣрную!»
 15. Что входила Царица въ церковь соборную,
 На три стóроны помолилася;
 На четвѣртую она только взбóрѣла,
 Какъ увидѣла гробницу бѣлу-каменную;
 Закричала Царица громкимъ гóлосомъ:

¹⁾ «стоятъ попы, патріархи.»—²⁾ «и читаютъ.»—0.

20. « Охъ ты гой еси, благовѣрный Царь,
 « Благовѣрный Царь Иванъ Васильевичъ!
 « Чтò ты спишь крѣпко—не прòснешься?
 « Безъ тебя всё царство помутилося,
 « Всѣ Стрѣльцы-бойцы взволновалися,
 25. « Всѣхъ князей-бояръ во тынахъ рубють,
 « А меня-то, Царицу, не слушаютъ!»
 « Ахъ ты гой еси, Царица благовѣрная,
 « Благовѣрная Царица Марѳа Матвѣвна!
 « Ужь и мы-то тебя слушаемся.
 30. « Ужь и мы-то тебѣ повинuemся!»

(Отъ мѣщанинъ Татьяны Андреевны, запис. 7 Сентября 1830 г.).

*

2.

(Тамъ же).

- Что по сукну, по сукну ли багрецовому,
 По тому ли сукну что по красному.
 Ужь какъ шла тутъ Царица благовѣрная,
 Благовѣрная Царица Марѳа Матвѣвна,
 5. Въ Успенскій соборъ Богу молитися,
 Своему Царю поклонитися.

- Подошла она къ гробницы бѣлой-аспидной,
 Стала она плакать и рыдать,
 И жалобно причитать.
 10. « Встань ты—пробудись, Грозный Царь,
 « [Грозный Царь] Иванъ Васильевичъ!
 « И ты што жь крѣпко спишь и не прòснешься?
 « При тебѣ ли, при Царѣ, войны не было,
 « Безъ тебя ли, Царя, учинилася:
 15. « Стрѣльцы-бойцы подымаются,
 « А меня ли, Царицу, не слушаются.»
 Ужь стали унимать Царицу князья-бояры:
 « Ты не плачь, наша Царица благовѣрная,

- «Благовѣрная Царица Марѳа Матвѣевна!
 20. «Ужь тебѣ ли горемъ поле не насѣяти,
 «Горючьми слезми море не наполнити:
 «Ужь Царя-та тебѣ не поднять будетъ,
 «Ужь какъ Грознаго Царя Ивана Васильевича!»»

(Отъ старика 70-ти лѣтъ, Московскаго мѣщанина).

*

3.

(Тульск. губ., Алексинск. уѣзда).

- По крыльцу-то, по крыльцу-крыльцу Красному,
 По сукну-то, по сукну-сукну багрецовому,
 Шла-прошла наша матушка государыня,
 Во соборную церковь молитися,
 5. Ко святымъ мощамъ приложитися,
 Государя Царя причитать стала:
 «Охъ ты, Грозный Царь, Иванъ Васильевич!
 «Безъ тебя-то народъ взбунтовался,
 «А на меня, Царицу, взвѣдѣлся!»

*

4.

(Арханг. губ.).

- Выходила Царица Марѳа Михайловна
 На крутой Красный крылецъ,
 Шла по атласу, по бархату,
 Приходила она ко соборной церкви,
 5. Становилась она на паперти.
 Не бѣлая лебедь воскликнула,
 Что возговорить наша матушка,
 Православная государыня:

- «Еще есть ли у меня слуги вѣрные?»
10. «Отпирали бѣ церковь Божию!»

Она въ церковь входила,
Вошедъ Богу помолилася,
На всѣ стороны поклонилася,
На праву руку становилася:

15. «Ахъ ты батюшка, православный Царь!
«Ничего-то ты не знаешь—не вѣдаешь,
«Что у насъ въ Москвѣ учинилося:
«Стрѣльцы въ Москвѣ збунтовалися,
«Меня, Царицу, не слушаютъ!»
20. Унимають еѣ князья-бояра:
«Ты не плачь, не плачь, наша матушка:
«Ужь и такъ сердце надорвалось,
«Царя-государя не поднять будетъ!»»

(Доставлено адмирал. Кузьмищевымъ).

* *
*

Плачь войска.

1.

(Симбирск. губ.).

- У Ивана было у Великаго,
У собора было у Успенскаго,
У честной-славной заутрени,
Молодой сержантъ на часахъ стоять,
5. На часахъ стоять, Богу молится,
Горючій слезми заливается:
«Ты возмой—возмой, туча грозная,
«Ты пролей-ка часть-силенъ дождичекъ.
«Примочи-ка ты мать сыру землю!
10. «Разступись-ка ты, мать сыра земля,
«На четыре ты на всѣ стороны!
«Раскройся-ка, гробовà доска,
«Распахнись-ка ты, бѣль-тонкой саванъ,

- « Ты возстань, возстань, православный Царь,
 15. « Царь Иванъ Васильевичъ!
 « Погляди-ка ты на свою силу:
 « Твоя силушка утомлённая,
 « Утомлённая, некормлёная,
 « Твой любимый полкъ во походъ пошёлъ,
 20. « Во походъ пошёлъ подъ Казань городъ ¹⁾»

- Подъ Казанью мы подъ городомъ,
 Мы стояли подъ нимъ восемь лѣтъ,
 А копали мы земляной подкопъ,
 Земляной подкопъ ужъ мы семь годовъ.
 25. Ужъ мы другъ дружку тутъ обманывали
 Со Татарами мы незнаемыми.
 Выходилъ-то изъ городу младъ Татарченокъ,
 Онъ указывалъ, гдѣ подкопъ копать,
 Гдѣ подкопъ копать подъ Казань рѣку,
 30. Подъ тоё казну подъ порховую.
 Подкопали мы подкопы подъ тѣ бочечки,
 Подъ тѣ бочечки и подвалики,
 Гдѣ стойтъ у нихъ порховъ казна;
 Мы закатывали подъ свой подкопъ
 35. Сорокъ бочекъ ужъ мы пороху;
 И хотѣли мы Татарченка повѣсить,
 Мы за тѣ слова за глупыя;
 Ужъ мы думали, что Татарченокъ насъ обманываетъ;
 Мы зажгли свѣчу воску яраго аршинную,
 40. А фитиль зажгли на бочечкахъ поларшинный;
 А Татарченокъ умаливалъ:
 « Вы постойте-ка, не вѣшайте:
 « Я вамъ сказывалъ правду-истину.»
 Не успѣлъ онъ всѣхъ словъ сказать, Казань начало
 рвать:
45. Ужъ и начали Татарченка казной жаловать.

(Язык.).

*

¹⁾ Отселъ рѣчь сержанта переходить въ рассказъ пѣвца.—0.

2.

(Самбирск. губ., с. Усть-Урень).

Ужь ты батюшка, свѣтель мѣсяць!
 Ужь ты свѣтишь, мѣсяць, во всю темную ночь:
 Освѣти-ка, мѣсяць, каменну Москву!

Въ каменной-то Москвѣ, во святой Русѣ,

5. У собора было у-во ¹⁾ Спенскаго,
 Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
 На часахъ-то стоитъ, Богу молится,
 Богу молится, самъ слезно плачетъ:
 «Понесите съ горь, буйны вѣтры,
 10. «Разнесите, вѣтры, всѣ желты пески!
 «Разступись, матушка сыра земля,
 «Вскройся, гробова доска,
 «Распахнись-ка, бѣль-тонкой савань,
 «Ты возстань, возстань, православный Царь,
 15. «Православный нашъ Царь, Иванъ Васильевичъ!
 «Ужь вся-то Москва на потрясъ пошла,
 «Ужь всѣ-то полки во походъ пошли ²⁾
 [«Ужь первый-то полкъ пошелъ Семеновскій,
 «А другой-то полкъ пошелъ Измайловскій,
 20. «Третій пошелъ Петропавловскій.
 «Ужь всѣ-то купцы перепугалися,
 «На синее моречке разбѣжались,
 «На легкія лодочки побросалися ³⁾].»

(Запис. П. В. Шейномъ, отъ Н. Картавенка).

* *
*

Многочисленныя разнорѣчія этой пѣсни, въ примѣненіи къ позднѣйшимъ царямъ и царшамъ, см. ниже въ другихъ выпускахъ.

Конецъ пѣсень 6-го выпуска.

¹⁾ Такъ исправляемъ вмѣсто явной опечатки: «у ко.»—²⁾ Отселе слѣдуетъ прибавка изъ болѣе новыхъ пѣсень того же рода.—³⁾ А это, о купцахъ, прибавка еще дальнѣйшая (изъ Былинъ объ Ильѣ Муромцѣ и Соколѣ кораблѣ?).—0.

Книжка № 3, 1868 г.

ПЪСНИ

СЪБРАННЫЯ П. В. КИРЪЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

МОСКВА.

Въ Типографіи П. Вахметова, на Срѣтенѣ, д. Карлова.

1868.

89 7.
N 50
1

Дозволено Ценсурой. Москва, Августа 16-го, 188 г.

61-107978

Выписка из протоколов заседаний Общества Любителей Российской Словесности *).

— 1865 года, Января 9-го, ССІ заседание, пунктъ 4. — Д. Ч. П. А. Безсоновъ прочелъ отчетъ по изданію первыхъ шести выпусковъ пѣсень изъ собранія П. В. Кирѣвскаго и планъ дальнѣйшаго изданія этихъ пѣсень. При чемъ объявилъ, что онъ уѣзжаетъ изъ Москвы въ Вильну и слѣдовательно не можетъ заниматься изданіемъ пѣсень. При этомъ онъ представилъ приготовленный имъ совершенно къ печати 7-й выпускъ пѣсень.... Определено: приготовленный къ изданію 7-й выпускъ пѣсень изъ собранія П. В. Кирѣвскаго передать для печатанія Д. Ч. А. Н. Аванасьеву, съ просьбою принять на себя трудъ по означенному изданію.

*) Отвечаетъ

Выпускъ 7.

Пѣсни Вылевыя, Историческія:

Москва.

Отъ Грознаго царя до Петра I-го.

Убіеніе царевича Дмитрія. Борисъ Годуновъ.

1.

- Не вихрь ¹⁾ крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится;
То орель летитъ ²⁾ поднебесью,
Зорко ³⁾ смотритъ онъ на Москву рѣку,
5. На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея зелѣные ⁴⁾,
На златой дворецъ стольна города.
Не лютая змѣя воздыбалася,
Воздыбалася собака булатный ножъ,
10. Упалъ онъ ни на воду, ни на землю,
Упалъ онъ царевичу на бѣлу грудь,
Да тому ли царевичу Дмитрію;
Убили же царевича Дмитрія,
Убили его на Углищи,
15. На Углищи на игрищи, ⁵⁾
Ужь какъ въ томъ дворцѣ черной ноченькой.
Коршунъ свилъ гнѣздо съ коршунятами!
Ужь какъ тотъ орель Дмитрій царевичъ ⁶⁾,
Что и коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ;
20. Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ,
Царилъ же онъ, злодѣй, ровно семь годовъ ⁷⁾.
Не вихрь ⁸⁾ крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится,
То идетъ грозный Божій гнѣвъ ⁹⁾
25. За православную Русь ¹⁰⁾:

¹⁾ Что не вихрь. ²⁾ То летитъ орель. ³⁾ Быстро. ⁴⁾ На зеленые ⁵⁾ 8—15 ст. *нѣтъ*. ⁶⁾ Дмитрій русской царь. ⁷⁾ 20—21 ст. *нѣтъ*. ⁸⁾ Что не вихрь. ⁹⁾ То идетъ грозой православный царь. ¹⁰⁾ На святую Русь, свою отчину.

И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ ¹⁾,
Его пухъ прошелъ по поднебесью,
Проточилась кровь по Москвѣ рѣкѣ.

(Два варианта: 1-й присланъ В. И. Далемъ; 2-й г. Миллеромъ; 1-й принять за текстъ).

*

2.

(Тульской губ., Чернск. у. село Соколы).

- Охъ, было у насъ, братцы, въ старыя гóды, въ дав-
ниѣ вѣки,
Въ давниѣ вѣки, при старыхъ при царяхъ,
Было время злое, пагубное.
Ужь настало то время злое при старомъ при царѣ
 Фёдорѣ Ивановичѣ;
5. Какъ преставился-то нашъ православный царь Фёдоръ
 Ивановичъ,
Такъ досталась-то Россёюшка злодѣйскимъ рукамъ,
Злодѣйскимъ рукамъ, боярамъ-господамъ.
Появилась-то изъ бояръ одна буйна голова,
Одна буйна голова, Борисъ Годуновъ сынъ;
10. Ужь и этотъ Годунъ всѣхъ бояръ-народъ надулъ.
Ужь и вздумалъ полоумный Россёюшкой управлять;
Завладѣлъ всею Русью, сталъ царствовать въ Москвѣ.
Ужь досталъ онъ и царство смертію царя,
Смертію царя славнаго, святого Димитрія царевича.
15. Какъ собралъ-то себѣ разбойникъ Годуновъ сынъ,
Собралъ проклятыхъ людей, злыхъ разбойниковъ;
Собравши ихъ, прокляту рѣчь имъ взгóворилъ:
«Вы, разбойнички, удаліе молодцы!
«Вы подите, вы убейте Димитрія царя!
20. «Вы придите и скажите: убили-ли царя?
«Сослужите вы мнѣ эту службу, сослужу я вамъ зла-
томъ-сѣребромъ.»

¹⁾ На своемъ гнѣздѣ.

- Ужь пошли прокляты люди, злы разбойники,
 Пошли во святое мѣсто въ Угличъ славный градъ,
 Ужь убили тамъ младаго царевича Дмитрія святого;
 25. Ужь пришли-то и сказали Борису Годуну.
 Какъ услышалъ-то Борисъ, злу возрадовался.
 Ужь и царствовалъ Борисъ ровно пять годовъ;
 Умертвилъ себя Борисъ съ горя ядомъ змѣйнымъ,
 Ядомъ змѣйнымъ, кинжаломъ вострымъ.

(Шла старушка, 1834 г.).

*

Григорій Отрепьевъ и Марина.

1.

(Тульской г., Чернского у. с. Соколы).

- Что у насъ было на святой Русі,
 На святой Русі, въ каменнѣй Москвѣ,
 Въ каменнѣй Москвѣ, въ старомъ Симоновомъ мона-
 стырѣ:
 Ужь и въ этомъ монастырѣ много братіи жилѣ,
 5. Много братіи, всё монахи, Богу вѣрные.
 Что не знали всё монахи, чтобъ случилось съ ними то:
 Оказался между ними одинъ невѣрный монахъ.
 Ужь и этотъ-то монахъ царю, Богу измѣнилъ,
 Царю Богу измѣнилъ, свою душу въ адъ пустилъ;
 10. Какъ и вздумалось монаху злое дѣло сотворити,
 Злое дѣло сотворити, свою душу погубити.
 Какъ и выгнали монаха изъ святого монастыря:
 «Ты поди, поди отъ насъ, недостойнъ жить у насъ!
 «Поди вонъ изъ монастыря, и поди хочешь куды!»
 15. Какъ и вышелъ-то Трепушкинъ изъ святого-то жилья,
 Какъ ходилъ-то Григорій по большому городу,

Какъ и сказывалъ всему народу: **Димитрій царь-атъ**
живъ,
 Что **Димитрій царь-атъ живъ**, что онъ самъ-то онъ и
былъ.

- Обманувши весь народъ, боясь кóзни онъ отъ нихъ,
 20. Удалился отъ Москвы во Польскія стороны,
 Во Польскія стороны, ко вельможѣ къ сатаны.
 Ужь и взгóворить ему вельможа:
 «Ты скажи, скажи дѣтина, отъ коей страны пришёлъ,
 «Отъ коей страны, пришёлъ, чьего роду-племени?»
25. —Я пришёлъ отъ славной страны, отъ святой Русі,
 Отъ святой Русі, у тебя помочи просить;
 А родъ мой и́ племя Россійскій славный дворъ,
 А отецъ мой былъ славный грозный царь Иванъ Ва-
сильевичъ,
- А матушка-то моя царица Настасья Романовна,
 30. А я сынъ ихъ Димитрій, Россійскій князь. —
 Какъ повѣрилъ-то вельможа его ложнымъ словамъ,
 И призналъ его вельможа Россійскимъ царёмъ,
 И хотѣлъ отдать дочь свою Маринку замужъ за него,
 И далъ ему вельможа въ помощь войска своего.
35. Получивши-то Трепушкинъ въ помощь войска отъ По-
лякъ,
 Онъ вступилъ-то съ Польскимъ войскомъ во святую
Русь;
 А народъ-то безумный, устрася войска его,
 Устрася войска его, призналъ его своимъ царёмъ.
 Ужь немного-то Трепушкинъ поцарствовалъ въ Москвѣ:
40. Образумился народъ Московскій,
 Сталъ искать себѣ настоящаго царя;
 Сыскали настоящаго царя Василя Ивановича,
 А разбойника Гришку стали мучить и казнить;
 Мучили, казнили, буйну гóлову съ плечь срубили.

(Кирша Даяловъ).

- Ты, Боже, Боже Спасъ милостивый!
 Къ чему рано надъ нами прогнѣвался —
 Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
 Злаго Разстригу Гришку Отрепьева;
5. Ужели онъ Разстрига на царство сѣлъ?
 Называется Разстрига прямымъ царемъ,
 Царемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ.
 Недолго Разстрига на царствѣ сидѣлъ,
 Похотѣлъ Разстрига жениться;
10. Не у себя-то онъ въ каменной Москвѣ,
 Бралъ онъ Разстрига въ проклятой Литвѣ —
 У Юрья пана Сендомірскаго
 Дочь Маринку Юрьевну,
 Злу еретницу, безбожницу.
15. На вешній праздникъ Николинъ день,
 Въ четвергъ у Разстриги свадьба была,
 А въ пятницу праздникъ Николинъ день.
 Князи и бояра пошли къ заутрени,
 А Гришка Разстрига онъ въ баню съ женой;
20. На Гришкѣ рубашка кисейная,
 На Маринкѣ саянъ хрущатой камки.
 А часъ-другой поизойдучи,
 Уже князи и бояра отъ заутрени,
 А Гришка Разстрига изъ бани съ женой.
25. Выходить Разстрига на красный крылецъ,
 Кричитъ-реветъ зычнымъ голосомъ:
 «Гой еси, ключники мои, приспѣшники!
 «Приспѣвайте кушанье разное,
 «А и постное и скоромное;
30. «Заутра ко мнѣ будетъ гость дорогой,
 «Юрья панъ со паньей.»
 А втапоры стрѣльцы догадалися,
 За то-то слово спохватилися,

- Въ Боголюбовъ монастырь металися
 35. Къ царицѣ Марѣѣ Матвѣевнѣ:
 «Царица ты, Марѣѣ Матвѣевна!
 «Твое ли это чадо на царствѣ сидитъ,
 «Царевичъ Димитрій Ивановичъ?»
 А втапоры царица Марѣѣ Матвѣевна заплакала,
 40. И таковы рѣчи во слезахъ говорила:
 «А глупы стрѣльцы вы, недогадливы!
 «Какое мое чадо на царствѣ сидитъ?
 «На царствѣ у васъ сидитъ
 «Разстрига Гришка, Отрепьевъ сынъ;
 45. «Штерянъ мой сынъ царевичъ Димитрій Ивановичъ
 «На Угличѣ отъ тѣхъ отъ бояръ Годуновыхъ;
 «Его мощи лежатъ въ каменной Москвѣ
 «У чудной Софіи премудрыя;
 «У того-ли-то Ивана-Великаго
 50. «Завсегда звонять во царь-колоколъ,
 «Соборны попы собираются,
 «За всякіе праздники совершаютъ панихиды,
 «За память Царевича Димитрія Ивановича,
 «А Годуновыхъ бояръ проклинаютъ завсегда.»
 55. Тутъ стрѣльцы догадалися,
 Всѣ они собиралися,
 Ко Красному царскому крыльцу металися,
 И тутъ въ Москвѣ взбунтовалися.
 Гришка Разстрига догадается,
 60. Самъ въ верхни чердаки убирается
 И накрѣпко запирается;
 А злая его жена, Маринка безбожница,
 Сорокою обернулася
 И изъ палатъ вонъ она вылетѣла.
 65. А Гришка Разстрига втапоры догадливъ былъ,
 Бросился онъ со тѣхъ чердаковъ на копыя острыя
 Ко тѣмъ стрѣльцамъ, удалымъ молодцамъ;
 И тутъ ему такова смерть случилася.

*

30. Восхóдилъ йонъ на высóкъ крылѣцъ,
Ускрѣивалъ грóмкимъ гóлосомъ:
«А ой же Литва нехресцóная!
«Есть ли у васъ хоть оди́нь такóй,
«Кто вы́пьеть мою винну́ю цару́,
35. «Кто вы́пьеть мою пивну́ю стопу́?
«Винная́ царá полтора́ пуда́,
«Пивная́ стопá полтретья́ пуда́;
«Кто вы́пьеть её за еди́ный разъ́,
«За еди́ный разъ́, не дыха́ющи?»
40. Миха́йло Скопи́нь да Васи́льевичъ
Выхóдилъ далѣ́е въ цистó поле,
Садѣ́лся на ла́тырь на ка́мушекъ,
Писалъ я́рлыки скоропи́сныя;
Не перóмъ писа́лъ, не черни́лами,
45. Писа́лъ я́рлыкѣ́ горю́щимъ слезамъ́,
Посла́лъ йонъ посы́лочку скóрую:
«Бѣ́ги, бѣ́ги, посы́лоцка скóрая!
«Бѣ́ги день, бѣ́ги но́чь, не дыха́ющи!
«Не пыта́й у воро́тъ приворо́тничковъ́,
50. «Не пыта́й у двере́й да приде́рничковъ́,
«Ме́цисъ прѣ́мо коро́лю во пала́тушки,
«Клади́ я́рлыкѣ́ на дубóвый столъ́.»
Корóль самъ я́рлыкѣ́ распеца́тывалъ́,
Корóль самъ я́рлыкѣ́ перега́дывалъ́,
55. Коро́лю я́рлыкѣ́ полюбѣ́лися:
«Миха́йло Скопи́нь да Васи́льевичъ!
«Будь—ко ты мнѣ́ назва́нный братъ́,
«Назва́нный братъ́—лу́цше рóднаго́;
«Бери́, бери́ си́лушки на́-помощъ́,
60. «Ско́лько цебѣ́ си́лушки на́добе!»
Миха́йло Скопи́нь да Васи́льевичъ
Не дождался посы́лоцку скóрую,
Усгрѣ́бъ тесни́цку дубóвую,
Поца́лъ тесни́цкой пома́хивать:
65. Куды́ махне́тъ—туды́ у́лица,
Куды́ отмахне́тъ—переу́лицкѣ́.

У три часá, у трѣ цетъверти
 Прибѣлъ всю Литвѣ нехресцоную,
 Оцѣстилъ Москвѣ просвѣсцоную
 70. И домъ пресвятыя Богородицы.

*

(Бѣли два нищихъ мальчика и одна дѣвочка отъ 10 до 12 лѣтъ; родина ихъ деревня
 Гримино при селѣ Хѣмичкаго, Осташковскаго уѣзда).

Смерть Скопина.

1.

Какъ у князя было у Владимѣра, ¹⁾
 Пированьице было почестное, ²⁾
 Честно, хвально, больно ³⁾ радощно;
 Крестили они тутъ ⁴⁾ млада вьюноша, ⁵⁾
 Б. Того ли Алексѣя Алексѣича. ⁶⁾
 Какъ кумъ-ать былъ князь Михайло Скопинъ, ⁷⁾
 А кума была подокстовая — ⁸⁾
 Акулина княгиня дочь Малюткина,
 Тово-ли же рода Шуйскаго-Воротынскаго. ⁹⁾
 10. Они пили, ѣли, прохладжались, ¹⁰⁾
 Между собой ¹¹⁾ похвалялися;
 Сильный хвалится своей силою, ¹²⁾
 А богатый хвалится богатствомъ своимъ, ¹³⁾

1) У Шуйскаго-Воротынскаго. 2) Случилось пированьице. 3) Очень.
 4) Тутъ—*нѣтъ*. 5) Юношу. 6) *Эт. ст. нѣтъ* 7) А кумъ-то былъ князь Ми-
 хайло Скопинъ, сынъ Васильевичъ. 8) Кума была подкстава. *Подокстовая*,
 т. е. подкрестовая, отъ *кститъ*, *кстины*. 9) *Этого ст. нѣтъ*. 10) Пили,
 ѣли они, прохладжались. 11) Промежду себя. 12) *Эт. ст. нѣтъ*. 13) А и
 своимъ—*нѣтъ*.

Послѣ 13-го ст. этотъ вар. оканчивается такъ:

Князя-бояре своими вотчинами.
 Одинъ изъ нихъ добрый молодець
 Не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
 Про то про все лихо думаетъ.

- Убогой хвалится божьей милостью,
 15. Бояре хвалятся крестьянами,
 А купцы хвалятся товарами.
 Похваляется князь Михайло Скопинъ:
 «Я Шуйской родъ весь въ полонъ возьму,
 «Воротынской родъ весь выжгу-вырублю!»
20. На то ли кума осердилася,
 Изъ бесѣды вонъ поднималася:
 «Еще есть ли у меня лакеи, мои слуги вѣрные,
 «Слуги вѣрные, сѣнны дѣвушки!

Какъ возговорить молодець
 Таковую рѣчь:
 «Вы слушайте-послушайте мою рѣчь:
 «Когда Москва за Литвою была,
 «Я въ то время подъ Литву подходилъ,
 «Я въ то время всю Литву разорилъ,
 «Я Шуйской родъ
 «Воротынскаго хана
 «Во полонъ къ себѣ взялъ.»
 Кумъ это не стерпѣлося,
 За досаду это показалось,
 Закричала она громкимъ голосомъ:
 «Охъ вы, няньки мои-мамки!
 «Вы берите поскорѣе
 «Золотые ключи,
 «Вы мечитесь въ новы выходы,
 «Отпирайте вы нѣмецкіе замки,
 «Наливайте вы зеленого вина,
 «Мѣшайте вы зелье лютое,
 «Подносите вы моему куму!»
 — Изволь, куманѣкъ, пить,
 Изволь выкушать! —
 «Ты пей, кума, напередъ сама.»
 — У насъ, куманѣчекъ, такъ не водится! —
 Какъ вынимаетъ кумъ саблю острую,
 Онъ срубилъ кумъ буйну голову.

- «Вы берите скоро золоты ключи,
 25. «Пойдемте со мной въ темны выходы.»
 Брала кума меду сладкова,
 Подбавляла она зелья лютова,
 Подносила она своему куму подокстовому:
 «Испей, кумонѣкъ, изволь выкушать!»
 30. — Испей-ка, кума, напередъ сама! —
 «Коли кумá прежде кума пьеть!»
 Того ли кумá испугалася,
 Изъ рукъ чара выкаталася,
 Отъ чары земля загоралася,
 35. Въ огнѣ земля заметалася.
 Вынимаетъ кумъ саблю вострую,
 Снимаетъ съ кумы буйну голову.

Два варианта: 1-й записанъ въ с. Ярактѣ Языковымъ, 2-й въ г. Симбирскѣ Д. А. Валуевымъ;
 1-й принять за текстъ.)

2.

(Кирша Даниловъ).

- Какъ-бы во сто двадцать седьмомъ году,
 Въ седьмомъ году осьмой тысячи,
 А и дѣялось, учинилося:
 Кругомъ сильна царства Московскаго
 5. Литва облегла во всѣ четыре стороны,
 И съ нею сила, Сорочина долгополая,
 И тѣ Черкесы Пятигорскіе,
 Еще ли Калмыки съ Татарами,
 Со Татарами, со Башкирцами,
 10. Еще Чукша, со Люторами.
 Какъ были припасы многіе,
 А и царскіе и княженецкіе,
 Боярскіе и дворянскіе;
 А нельзя ни пройти, ни проѣхати,
 15. Ни конному, ни пѣшему,
 И ни соколомъ вонъ вылетѣти

- Изъ сильна царства Московскаго
И великаго государства Россійскаго.
А Скопинъ князь Михайло Васильевичъ,
20. Онъ правитель царству Московскому,
Оберегатель міру крещоному
И всей нашей земли свѣто-Русскія,
Что ясѣнъ соколъ вонъ вылѣтываль,
Какъ-бы бѣлой кречеть вонъ выпархиваль;
25. Выѣзжалъ воевода Московскій князь Скопинъ,
Князь Михайло Васильевичъ,
Онъ походъ чинилъ ко Новугороду.
Какъ и будетъ Скопинъ во Новѣградѣ,
Пріѣзжалъ онъ Скопинъ на сѣвѣжій дворъ,
30. Походилъ во избу во сѣвѣжую,
Садился Скопинъ на ременчатъ стулъ,
А и беретъ чернилицу золотую,
Какъ-бы въ ней перо лебединое,
И беретъ онъ бумагу бѣлую,
35. Писалъ ярлыки скорописчаты
Во Свицкую землю, Саксонскую,
Ко любимому брату названому,
Ко Свицкому королю Карлосу.
А отъ мудрости слово поставлено:
40. «А и гой еси, названный братъ,
«А ты Свицкой король Карлусъ!
«А и смилуйся, смилосердися,
«Смилосердися, покажи милость,
«А и дай мнѣ силы на подмочь;
45. «Наше сильно царство Московское
«Литва облегла со всѣ четыре стороны,
«Приступила Сорочина долгополая,
«А и тѣ Черкесы Пятигорскіе,
«А и тѣ Калмыки со Башкирцами,
50. «А и тѣ Чукши со Люторами,
«И не можемъ мы съ ними управиться:
«Я закладываю три города Русскіе»
А съ ярлыками послалъ скорога почтаря,

Своего любимого шурина —

55. А того Митрофана Фунтосова.
 Какъ и будетъ почтарь въ Половецкой Орды
 У честна короля, честнаго Карлуса,
 Онъ въѣзжаетъ прямо на королевской дворъ,
 А ко Свицкому королю Карлосу;
60. Середи двора королевскаго
 Спочилъ почтарь со добра коня,
 Вязалъ коня къ дубову столбу,
 Сумы подхватилъ, самъ во палаты идетъ;
 Ни за чѣмъ почтарь ни замѣшкался,
65. Приходить во палату бѣлокаменну,
 Разковыривалъ сумы, вынималъ ярлыки,
 Онъ кладетъ королю на круглый столъ.
 Принимавши, король распечатываетъ,
 Распечатавъ, самъ просматриваетъ,
70. И печальное слово повыговорилъ:
 «Отъ мудрости слово поставлено
 «Отъ любимаго брата названаго,
 «Скопина князя Михайлы Васильевича,
 «Какъ просить силы на подмочь,
75. «Закладываетъ три города Русскіе.»
 А честной король, честной Карлусъ
 Показалъ ему милость великую,
 Отправилъ силы со трехъ земель:
 А и первыя силы-то Свицкія,
80. А другія силы Саксонскія,
 А третія силы Школьскія —
 Того ратнаго люду ученаго,
 А не много, не мало — сорокъ тысячей.
 Прибыла сила во Новгородъ,
85. Изъ Новагорода въ каменну Москву.
 У ясна сокола крылья отросли,
 У Скопина князя думушки прибыло.
 А по утру рано-ранѣшенько
 Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню отслужилъ,
90. Отслужилъ — самъ въ походъ пошелъ,

- Подымавши знаменье царское,
 А на знаменья было написано
 Чуденъ Спасъ со Пречистою,
 На другой сторонѣ было написано
95. Михайло и Гаврило архангелы,
 Еще вся тутъ сила небесная.
 Въ восточную сторону походомъ пошли,
 Они вырубили Чудь бѣлоглазую
 И ту Сорочину долгополую;
100. Въ полуденную сторону походомъ пошли —
 Прекрошили Черкесь Пятигорскіихъ,
 А немного дрались, скоро сами сдались,
 А еще ноне тутъ Малороссія;
 А на сѣверну сторону походомъ пошли —
105. Прирубили Калмыковъ со Башкирцами;
 А на западну сторону и въ ночь пошли,
 Прирубили Чукши со Люторами;
 А кому будетъ божья помочь —
 Скопину князю Михайлѣ Васильевичу:
110. Онъ очистилъ царство Московское
 И великое государство Россійское
 На великихъ тѣхъ на радостяхъ
 Служили обѣдни съ молебнами,
 И кругомъ города ходили въ каменной Москвѣ;
115. Отслуживши обѣдни съ молебнами,
 И всю литургію великую,
 На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ,
 И пиръ пошелъ и великой столъ
 И (У?) Скопина князя Михайлу Васильевича
120. Про весь православный міръ,
 И велику славу до вѣку поють
 Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
 Какъ-бы малое время замѣшавши,
 А во той же славной каменной Москвѣ,
125. У того ли было князя Воротынскаго —
 Крестили младаго княжевича,
 А Скопинъ князь Михайло кумомъ былъ,

- А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
130. У того-то князя Воротынскаго
Какъ будетъ и почестный столъ,
Туту было много князей и бояръ и званыхъ гостей;
Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
Княженецкой столъ во полу-столъ,
135. Какъ пьяненьки тутъ разхвастались:
Сильной хвастаетъ силою,
Богатой хвастаетъ богатствомъ.
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ
А и не пилъ онъ зелена вина,
140. Только одно пиво пилъ и сладкой медъ,
Не съ большаго хмѣлю онъ похваляется:
«А вы глупый народъ, неразумные,
«А вы всё похвалаетесь бездѣлицей!
«Я Скопинъ Михайло Васильевичъ,
145. Могу князь похвалитися,
«Что очистилъ царство Московское
«И велико государство Россійское;
«Еще ли мнѣ славу поють до вѣку,
«Отъ стараго до малаго,
150. Отъ малаго до вѣку моего.»
А и тутъ боярамъ за бѣду стало,
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали;
Поддержали зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе,
155. Подавали кумѣ его крестовья,
Малютиной дочери Скурлатовой.
Она знавши, кума его крестовая,
Подносила стаканъ меду сладкаго
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
160. Примаешь Скопинъ, не отпирается,
Онъ вышилъ стаканъ меду сладкаго,
А самъ говорилъ таково слово:
«Услышалъ во утробѣ неловко добръ!
«А и ты съѣла меня, кума крестовая,

166. «Малютина дочь Скурлатова;
 «А знаючи мнѣ стаканъ со зельемъ подада —
 «Съѣла ты меня змѣя подколодная!»
 Голова съ плечь покатилася,
 Онъ тутъ Скопинъ скоро со пиру пошелъ,
170. Онъ садился Скопинъ на добра коня,
 Побѣжалъ къ родимой матушкѣ;
 А только успѣлъ съ нею скоро проститися,
 И матушка ему пѣнять стала:
 «Гой еси, мое чадо милое,
175. «Скопинъ князь Михайло Васильевичъ!
 «Я тебѣ приказывала,
 «Не велѣла ѣздить ко князю Воротынскому;
 «А и ты меня не послушался.
 «Лишила тебя свѣту бѣлаго
180. «Кума твоя крестовая,
 «Малютина дочь Скурлатова!»
 Онъ къ вечеру Скопинъ и представился.

- То старина, то и дѣянье,
 Какъ-бы синему морю на утишенье,
 185. А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
 Какъ-бы добрымъ людямъ на послушанье,
 Молодымъ молодцамъ на перениманье,
 Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
 Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
 190. Испиваючи медъ, зелено вино;
 Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
 Тому боярину великому
 И хозяину своему ласкову.

Василій Шуйскій.

(Рязанской г., Зарайскаго у. с. Змиѣики).

Какъ не изъ-за лѣсовъ-то дремучихъ стая вороновъ
слеталася,

Соходился весь Московскій народъ на площадь Красную,
На тою ли площадь Красную, на Ивановскую.

Ужь на той ли на высокой колокольнѣ

5. Въ большой колоколь звѣнили.

Охъ, и братцы, что-то у насъ дѣлается,

Ужь не чудо ли какое совершается?

Во дворцѣ что-то всѣ взволновалися,

Всѣ лакеи, всѣ прислужнички всуетилися!

10. Ужь не бояре ли взбунтовалися,

Ужь не злыя ли собаки повзбѣсилися,

Ужь и живъ ли нашъ православный царь,

Православный царь Василій Ивановичь?

Ужь и что, братцы, во дворцѣ его не видно,

15. Что косящеты окошечки всѣ завѣшаны?

Какъ и взгѣворить въ народъ удалой молодець:

«Охъ, вы братцы, вы не знаете бѣды-горести,

«Что царя нашего Василья злы бояре погубили,

«Злы собаки погубили, во Сибирь его послали;

20. «А ужь сдѣлали царемъ какова басурмана,

«Что Петрушку самозванца злаго боярина!»

Ужь всѣ люди перьпугалися,

Въ разны стороны побросалися.

Прокопъ Ляпуновъ.

(Тульск. г., Чернск. у. с. Соколы).

Какъ бѣло-то у насъ на святой Русі,

На святой Русі, въ каменной Москвѣ,

Бѣло время военное, времечко мятежное,

Заполонила-то Москвѣ поганя Литва,

3. Поганя Литва, проклѣта Польска сторона.

Какъ ужь жилъ тутъ поживалъ нечестивый Гужмундъ;

Жилъ онъ во святѣихъ мѣстахъ,
 Во святѣихъ мѣстахъ, въ царскихъ Русскихъ теремѣхъ.
 Недолго продолжалась его Москóвска весёлая жизнь,
 10. Недолго продолжалась, только много горя намъ на-
 качалось.

Многи Русские бо́йре нечестивцу отдались,
 Нечестивцу отдались, отъ Христовой вѣры отреклись;
 Ужь одинъ-то бо́йринъ, думный воево́душко, крѣпко
 вѣру защищаль,

Крѣпко вѣру защищаль, измѣнниковъ отгоняль:

15. Ужь какъ думный воево́да былъ Прокóфій Ляпуновъ.
 Какъ Прокóфій-то Петро́вичъ разослалъ своихъ гонцовъ,
 Какъ Прокóфій Ляпуновъ рóздалъ письма гонца́мъ,
 Рóздалъ письма гонца́мъ, и приказъ имъ приказалъ:
 «Поѣзжайте вы, гонца́, на всѣ Русские конца́,

20. «На всѣ Русские конца́, во большіе города́!
 «Вы просите воево́дъ идти съ во́йскомъ сюда́,
 «Свободите́ городъ Москву́, защищать вѣру Христа́.»
 Какъ узналъ-то Гжму́ндъ отъ своихъ измѣнниковъ
 бо́йръ,

Что разослалъ-то Ляпуновъ гонцовъ въ города́,

25. Гонцовъ въ города́, просить воево́дъ съ во́йскомъ сюда́,
 Разсердился, распалился нечестивый Гужму́ндъ;
 Распалившись, велѣлъ воево́душку убить,
 Того́-ли воево́ду Прокóфья Ляпуно́ва.
 И убили злы измѣнники воево́душку.

30. Какъ и двинулись думны воево́ды со большіхъ городо́въ:
 Всѣ большіе города́ — Каза́нь, Ни́жній — пришлі съ
 во́йскомъ сюда́,

Какъ и начали Русаки погáну Литву́ колóть-рубить,
 Погáну Литву́ рубить, нечестиваго Гужму́нда верёвкой
 души́тъ;

Удушили, все нечестивое плéмя изъ Москвы́ повѣ-
 гнали (а).

(Шла старуха).

(а) Ср. *Націон. пѣснопѣніе*, ч. I, М., 1809 г., изд. Львовымъ, о битвѣ съ Литвою: «Аи ты безгодье, ты безгодье зло!»

Смутное время.

1.

(Орловск. губ., Малоарх. у.)

- Послѣ Покрова на первой недѣлѣ
 Выпала пороша на талу землю;
 По той по порошокъ ѣхала свадьба:
 Семеро саней, по семеро въ сѣняхъ,
 5. Семеро верхами, всѣ съ бердышами,
 Семеро пѣшками, всѣ съ палашами.
 Встрѣчу той свадьбы шёлъ попъ Семёнъ —
 Крестъ на ремени, полтора сажени.
 «Богъ же вамъ въ помощь, духовные дѣти,
 10. «Красть-воровать, на разбоѣ стоять!»

2.

- Съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ-за Дунаю!
 Какъ ѣхала свадьба на семерыхъ саняхъ,
 На семерыхъ саняхъ, по семеро въ саняхъ.
 Съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ-за Дунаю!
 5. А попъ-атъ Емеля, крестъ у него на ремени,
 Крестъ у него на ремени, въ полторы сажени;
 Съ Дону...
 Онъ по полю ѣдитъ, имъ благословляетъ,
 Имъ благословляетъ, кнутомъ погоняетъ!
 10. Съ Дону...
 «Дѣти мои, дѣти, давай свадьбу пѣти,
 «Давай свадьбу пѣти, ступай, тетка, въ клѣти!»
 Съ Дону...
 «Коли Богъ поможетъ — меня не забудьте,
 15. «Коли чортъ порушитъ — меня не клепите.»
 Съ Дону...

(Зап. г. Селивановскимъ).

(Г. Сибирскъ).

Выпала порошица
 На талую землю.
 Ой, съ Дону, съ Дону!

5. По той по порошицѣ
 Ишелъ тутъ обозецъ
 Ой, съ Дону, съ Дону!

Не малъ, не величекъ —
 Да семеро саней,
 Ой, съ Дону, съ Дону!

10. Да семеро саней,
 По семеро въ санияхъ.
 Ой, съ Дону, съ Дону!

Во первыхъ-то санияхъ —
 Атаманы сами;
 15. Ой, съ Дону, съ Дону!

Во вторыхъ-то санияхъ—
 Есаулы сами;
 Ой, съ Дону, съ Дону!

А въ четвертыхъ санияхъ —
 20. Разбойники сами;
 Ой, съ Дону, съ Дону!

А въ пятыхъ-то санияхъ —
 Мошенники сами;
 Ой, съ Дону, съ Дону!

25. А въ шестыхъ-то санияхъ —
 Дёрники сами.
 Ой, съ Дону, съ Дону!

А въ седьмыхъ-то саняхъ —
 Самъ попъ-ать Емеля,
 30. Ой, съ Дону, съ Дону!

Самъ попъ-ать Емеля,
 А крестъ на ремени,
 Ой, съ Дону, съ Дону!

А крестъ на ремени,
 35. Въ четыре сажени;
 Ой, съ Дону, съ Дону!

Рукой благословляетъ,
 Крестомъ надѣляетъ:
 Ой, съ Дону, съ Дону!

40. « Охъ вы, дѣти, дѣти!
 « Ползайте въ клѣти,
 Ой, съ Дону, съ Дону!

« Головы рубите,
 « А душъ не губите.
 45. Ой, съ Дону, съ Дону!

« Если Богъ поможетъ,
 « Попа не забудьте;
 Ой, съ Дону, съ Дону!

« Если-жъ чортъ обрушить,
 « Двора мово не зна(ва)йте!»
 Ой, съ Дону, съ Дону!

**Козьма Мининъ и князь Пожарскій. Освобожденье
 Москвы. Избраніе Михаила Федоровича.**

(Калужской губ., Боровскаго у. с. Слобода).

Какъ въ старомъ-то было городѣ,
 Во славномъ и богатомъ Нижнемъ,
 Какъ ужъ жилъ тутъ поживалъ богатый мѣщанинъ,
 Богатый мѣщанинъ Кузьма Сухорукій сынъ.

8. Онъ собралъ-то себѣ войско изъ удалыхъ молодцовъ,
Изъ удалыхъ молодцовъ Нижегородскихъ купцовъ;
Собравши ихъ, онъ рѣчь имъ взговорилъ:
«Охъ, вы гой еси товарищи, Нижегородскіе купцы!
«Оставляйте вы свои дома,
10. «Покидайте вашихъ жёнъ, дѣтей,
«Вы продайте все ваше злато-серебрѣ,
«Накупите себѣ вострыхъ копіевъ,
«Вострыхъ копіевъ, булатныхъ ножей,
«Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удалова молодца,
15. «Удалова молодца воеводушку;
«Пойдемъ-ко мы сражатися
«За матушку за родну землю,
«За родну землю, за славный городъ Москву:
«Ужъ заполонили-то Москву проклятые народы Поля-
ки злы!
20. «Разобьемъ ихъ, много перевѣшаемъ.
«Самого-то Сузмунда короля ихъ въ полонъ возьмемъ;
«Освободимъ мы матушку Москву отъ нечестивыхъ
Жидовъ,
«Нечестивыхъ Жидовъ, Поляковъ злыхъ!»
Ужъ какъ выбрали себѣ солдатушки, молодые рат-
нички,
25. Молодые ратнички Нижегородскіе купцы,
Выбрали себѣ удалова молодца,
Удалова молодца воеводушку,
Изъ славнаго княжескаго роду—
Князя Димитрія по прозванію Пожарскаго.
30. Ужъ повелъ ихъ славный князь Пожарскій
За славный Москву-городъ сражатися,
Съ нечестивыми Жидами-Поляками войной бранитися.
Ужъ привелъ-то славный князь Пожарскій своихъ
храбрыхъ воиновъ,
Привелъ ко Московскимъ стѣнамъ;
35. Становилъ-то славный князь Пожарскій своихъ
добрыхъ воиновъ
У Московскихъ у крѣпкихъ стѣнъ;

Выходилъ-то славный князь Пожарскій передъ войско
свое,

Какъ ужъ взгѣворилъ онъ своимъ храбымъ воинамъ:

«Охъ, вы гой еси храбрые солдатушки,

40. «Храбрые солдатушки, Нижегородскіе купцы!

«Помолимся мы на святыя на врата на Спаскія,

«На пречистый образъ Спасителя!»

Помолившись, дѣло начали.

Какъ разбили-проломили святыя врата,

45. Ужъ взошли-то храбрые солдатушки въ бѣлокамен-
ный Кремль,

Какъ и начали солдатушки Поляковъ колоть, рубить,

Колоть, рубить, въ большія кучи валить;

Самогѣ-то Сузмунда въ полонъ взяли,

Въ полонъ взяли, руки-ноги ему вязали,

50. Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.

Собралися всѣ князья, бояре Московскіе,

Собралися думу думати.

Какъ и взгѣворють старшіе бояре, воеводы Московскіе:

«Вы скажите, вы бояре, кому царѣмъ у насъ быть?»

55. Какъ и взгѣворють бояре, воеводы Московскіе:

«Выбираемъ мы себѣ въ цари

«Изъ бояръ боярина славнаго —

«Князя Дмитрія Пожарскаго сына.»

Какъ и взгѣворить къ боярамъ Пожарскій князь:

60. «Охъ, вы гой еси бояре, воеводы Московскіе!

«Не достоинъ я такой почести отъ васъ,

«Не могу принять я отъ васъ царства Московскаго.

«Ужъ скажу же вамъ, бояре, воеводы Московскіе:

«Ужъ мы выберемъ себѣ въ православные цари

65. «Изъ славнаго, изъ богатаго дому Романова —

«Михаила сына Ѳѣдоровича.»

И выбрали себѣ бояре въ цари Михаила сына Ѳѣдо-
ровича.

Избраніе Михаила Ѳedorовича Романова.

(Калужской губ., Боровскаго у.)

- Что-же вы, ребятушки, призадумалися,
 Призадумалися, прикручинилися?
 Или вы, ребятушки, какú слышали печаль?
 Какъ и взгóворить дѣтина добрый молодець:
5. «Иль не знаешь ты, дѣтина, горя нашего?
 «Переставился во полуночи Василій царь,
 «И не знаемъ топерь и не вѣдаемъ — кому́ царемъ у
 насъ быть!»
- Какъ взгóворить дѣтина добрый молодець:
 «Позабудьте, братцы, горе общее!
10. «Не возвратитъ намъ царя бѣлаго,
 «Не оплакать его дúшу добрую!
 «Но скажy вамъ, братцы, вѣсточку нóвую:
 «Ужь бояры воеводы намъ выбрали царя
 «Изъ славнаго, богатаго роду Ромáнова —
15. «Михайла сына Ѳedorовича. »

Битва подъ Астраханью.

(Тамб. губ., Моршанск. у. с. Соколыга).

- Снаряжался православный царь Михайло во дорожку,
 Какъ во дальнюю дорожку въ Астраханску;
 Снарядился онъ со воинствомъ,
 Все съ полками со стрѣleckими;
5. Распростился онъ съ царицею,
 Благословилъ онъ малыхъ дѣтушекъ.
 Распрощавшись, царица горько всплакала,
 Всплакавши, слово молвила:
 «Воротися, православный царь Михайло, поскорѣ!
10. «Привези свое здоровье малымъ дѣтушкамъ,
 «Привези ты мнѣ царицѣ жизнь долговѣчную!»
 Распростился царь Михайло со боярами,

- Распростился со всѣмъ причетомъ,
И поѣхалъ православный царь Михайло на воеваньце,
15. Что къ тому-ли ко большому городу ко Астрахани.
Подъѣзжаетъ царь Михайло къ крѣпкимъ каменнымъ
стѣнамъ,
Какъ увидѣлъ царь Михайло сила-ратъ больша́я стоитъ;
Посылаетъ царь Михайло въ силу ратную гонца:
« Ты ступай, гонецъ, въ силу ратную, узнай —
20. «Ужь и чѣ́ это войско подъ стѣнами стоитъ?»
Воротился гонецъ со ратной стороны,
Какъ и взговорить гонецъ православному царю:
«Эта сила-ратъ недобрая. —
«Все злодѣи бунтовщики Буруцкіе.»
25. Какъ и двинулось войско православное;
Ужь какъ билися, рубилися трое сутокъ,
На четвертые они въ городъ взошли,
Свободили славный градъ отъ злыхъ буйныхъ враговъ,
Отъ злыхъ буйныхъ враговъ, все Буруцкихъ бунтов-
щиковъ.

Бѣязь Семень Романовичъ Пожарскій.

1.

(Тульск. губ.)

- Подъ Конотоповымъ было городомъ,
За рѣкою было Переправою,
Не черныя вороны слетались, —
Татары поганые засвистали и захат(х)али,
5. И захватили, заповодили боярина Семена Романовича,
По прозванію Пожарскаго,
Воеводу Московскаго;
Сковали скорыя ноги въ желѣзы нѣмецкія,
Связали бѣлыя руки петлями шелковыми,
10. Очи ясныя завязали камкою г(х)рущатою,
Повезли боярина ко тому царю Крымскому

Ко ево шатру бѣлому.

Какъ взговорить Крымской царь, деревенской ши-
шимора:

«Воръ, ой еси ты бояринъ князь Семень Романовичь!

15. «Послужи ты мнѣ вѣрою-правдою,

«Какъ царю къ бѣлому.»

Взговорить князь Семень Романовичь:

«Какъ у меня были скоро ноги не связаны

«И бѣлыя руки не скованыя,

20. «Какъ была у молодца въ рукахъ сабля вострая,

«Послужилъ я тебѣ вѣрою и правдою —

«На(дѣ) твоею шею толстою!»

Какъ возговорить Крымскій царь,

Деревенскій шимора-воръ:

25. «Повезите боярина въ чистыя поля,

«Изрубите боярина на мелкія части, на куски пи-
рожные,

«Размечите *морешма* по чистому полю!»

(К. Д. Кавелинъ).

2.

(Ставишное, Симб. губ.)

Далече во чистомъ полѣ,

Что на дальнихъ на рубежахъ,

Полонили Пожарскаго Татары-Улавины;

Они взяли Пожарскаго за его руки бѣлыя,

5. За его руки бѣлыя, за перстни золотные;

Повели же Пожарскаго ко тому князю Крымскому.

Еще сталъ его Крымскій князь много спрашивать:

«Ты скажи мнѣ, мѡлодецъ, всею вѣрою-правдою,

«Какъ служилъ царю бѣлому, царь Ивану Васильевичу?

10. «Послужи ты мнѣ, мѡлодецъ, какъ служилъ царю
бѣлому,

«Какъ служилъ царю бѣлому, царь Ивану Васильевичу!»

- Послужилъ бы я тебѣ мѡлодецъ всею вѣрою-правдою,
 Кабы у меня мѡлодца была збуря вся цѣльная,
 Ружьё было цѣльное, копьё мержавецкое,
15. Еще бы у мѡлодца была сабелька вострая:
 Я бы снёсъ съ собаки голову по твои могучій плеча!—
 Закйдался, забросался собака Крымскій князь:
 «Есть ли у меня у князя у воротъ приворотнички,
 «У воротъ приворотнички, а у дверей придвернички?»
20. «Вы возьмите Пожарскаго за его руки бѣлыя,
 «За его руки бѣлыя, за перстни золѡтныя,
 «Поведите Пожарскаго далече во чисто поле,
 «Изрубите Пожарскаго въ кусочки пирожныя,
 «Раскидайте Пожарскаго по тому полю чистому,
25. «По тому полю чистому, по раздольямъ широкимъ!»
 Изъ-за лѣсу изъ тѣмнаго, изъ-за горъ изъ высокнхъ,
 Что не красное солнышко выкатѣлося,
 Выѣзжали тутъ два братца, два князя Пожарскіе,
 Собирали бѣло тѣло во камѡчку хруч(щ)атую;
30. Повезли тѣлое бѣлое во матушку каменнѡ Москову;
 Хоронили бѣло тѣло всѣ соборы Московскіе.

(А. М. Языковъ).

3.

(Кирша Даниловъ).

- За рѣкою-переправою, за деревнею за Сосновкою,
 Подъ Конотопомъ подъ городомъ, подъ стѣною бѣло-
 каменной,
- Въ лугахъ, лугахъ зеленыхъ,
 Тутъ стоятъ полки царскіе,
 5. Все полки государевы,
 Да и роты были дворянскія.
 А изъ далеча изъ чиста поля,
 Изъ того ли изъ раздолья широкаго,
 Кабы черныя вороны табуномъ табунились,

10. Собирались, съѣзжались Калмыки со Башкирцами,
Напуцались Татарове на полки государевы;
Они спрашивают Татарове
Изъ полковъ государевыхъ себѣ сопротивника.
А изъ полку государева сопротивника
15. Не выбрали ни изъ стрѣльцовъ, ни изъ солдатъ мо-
лодцовъ.
Втапоры выѣзжалъ Пожарскій князь,
Князь Семенъ Романовичъ;
Онъ бояринъ большой словеть — Пожарскій князь.
Выѣзжалъ онъ на вылазку
20. Сопротивъ Татарина и злодѣя-наѣздника;
А Татаринъ у себя держитъ въ рукахъ копье острое,
А славный Пожарскій князь
Одну саблю острую во рученькѣ правыя.
Какъ два ясные соколы въ чистомъ полѣ слетались,
25. А съѣзжались въ чистомъ полѣ
Пожарскій бояринъ съ Татаринемъ.
Помогай Богъ князю Семену Романовичу Пожарскому!
Своей саблей острую онъ отводилъ остро копье Та-
тарское,
И срубилъ ему голову, что Татарину-наѣзднику.
30. А злы-ли, злы Татарове поганые:
Убилъ у нихъ наѣздника, что ни славнаго Татарина!
А злы Татарове Крымскіе, они злы да лукавые,
Подстрѣлили добра коня у Семена Пожарскаго;
Падаетъ его окорачъ добрый конь.
35. Воскричитъ Пожарскій князь во полки государевы:
«А и вы солдаты новобранные, вы стрѣльцы государевы!
«Подведите мнѣ добра коня, увезите Пожарскаго,
«Увезите во полки государевы.»
Злы Татарове Крымскіе, они злы да лукавые,
40. А метались грудюю, полонили князя Пожарскаго,
Увезли его во свои степи Крымскія
Къ самому хану Крымскому — деревенской шишиморѣ;
Его сталъ онъ допрашивать:
«А и гой еси, Пожарской князь,

46. « Князь Семенъ Романовичъ!
 « Послужи ты мнѣ вѣрою, да ты вѣрою-правдою,
 « Заочью неизмѣнною;
 « Еще какъ ты царю служилъ, да царю своему бѣлому,
 « А и такъ-то ты мнѣ служи, самому хану Крымскому;
50. « Я вѣдь буду тебя жаловать златомъ и серебромъ,
 « Да и женки прелестными и душами красными дѣ-
 вицами.»
- Отвѣчаетъ Пожарской князь самому хану Крымскому:
 « А и гой еси, Крымской ханъ—деревенской шипимора!
 « Я бы радъ тебѣ служить, самому хану Крымскому;
55. « Кабы не скованы мои рѣзвы ноги,
 « Да не связаны бѣлы руки во чембуры шелковые,
 « Кабы мнѣ сабелька острая,
 « Послужилъ бы тебѣ вѣрою на твоей буйной головѣ,
 « Я (бѣ) срубилъ тебѣ буйну голову.»
60. Скричить тутъ Крымской ханъ, деревенской шипимора:
 « А и вы, Татары поганые!
 « Увезите Пожарскаго на горы высокія, срубите ему
 голову,
 « Изрубите его бѣло тѣло во части во мелкія,
 « Разбросайте Пожарскаго подалече чисту полю.»
65. Кабы черныя вероны закричали, загайкали,
 Ухватили Татарове князя Самена Пожарскаго,
 Повезли его Татарове они на гору високую,
 Сказнили Татарове князя Семена Пожарскаго,
 Отрубили буйну голову,
70. Изсѣкли бѣло тѣло во части во мелкія,
 Разбросали Пожарскаго подалече чисту полю;
 Они сами уѣхали къ самому хану Крымскому,
 Они день-другой нейдуть, никто не провѣдаетъ.
 А изъ полку было государева козаки двое выбрались;
75. Эти двое козаки молодцы,
 Они на гору пѣшкомъ пошли,
 И взошли тутъ на гору високую,
 И увидѣли тѣ молодцы-то вѣдь тѣло Пожарскаго:
 Голова его по себѣ лежитъ, руки-ноги разбросаны,

80. А его бѣло тѣло во части изрублено
И разбросано по раздолью широкому.
Эти козаки молодцы его тѣло собрали,
Да въ одно мѣсто складывали;
Они сняли съ себя липовый лубъ,
85. Да и тутъ положили его,
Увязали липовый лубъ накрѣпко,
Понесли его Пожарскаго Конотопу ко городу.
Въ Конотопѣ городѣ пригодился тамъ епископъ быть,
Собиралъ онъ епископъ поповъ и дяконовъ
90. И церковныхъ причетниковъ,
И тѣмъ козакамъ удалымъ молодцамъ
Приказалъ обмыть тѣло Пожарскаго.
И склади его бѣло тѣло въ домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою бѣлодубовою;
95. А и тутъ люди дивовалися,
Что его тѣло въ мѣсто срасталося.
Отпѣвавши надлежащее погребеніе,
Бѣло тѣло его погребли во сыру землю,
И пропѣли пѣтье вѣчное
100. Тому князю Пожарскому.

Московскій пожаръ.

1.

(Станьшное, Симб. губ.)

- Отъ чего, братцы, наша каменна Москва загоралася?
Загоралася отъ большихъ господъ,
Отъ большихъ господъ, отъ большихъ домовъ,
Отъ того ли господина Щереметева двора.
- Ѣ. Выходила его вѣрна ключница въ темны выходы его,
Зажигала вѣрная ключница воску яраго свѣту,
Заронила вѣрная ключница въ порохову его казну;
Отъ того наша каменна Москва загоралася.

(А. М. Ямковъ).

Что не дорого-то у хозяина пиво пьяное, ¹⁾

Дорога его смиренная бесѣдушка. ²⁾

Во бесѣдушкѣ ³⁾ сидятъ люди добрые, ⁴⁾

Говорятъ они рѣчь хорошую: ⁵⁾

3. Отъ чего наша матушка

Каменнѣ Москва загоралася? ⁶⁾

Отъ того она загоралася, ⁷⁾

Что жила-была у Шереметева

Вѣрна ключница; ⁸⁾

10. Ходила она въ нижни выходы, ⁹⁾

¹⁾ 2) Намъ не дорого, хозяинъ, твое пиво пьяное. 3) Намъ не дорого, хозяинъ, пиво пьяное твое. 4) Намъ не дорого, хозяинъ, пиво пьяное, и не дорого намъ зелено вино. 5) *Эт. ст. нѣтъ.*

²⁾ 2) Дорога-то намъ, хозяинъ, пирь-бесѣдушка твоя. 3) Дорога-то намъ бесѣдушка смиренная твоя. 4) Дорога-то намъ бесѣдушка смиренная. 5) Прекрасная наша бесѣдушка.

³⁾ 2) 3) 4) 5) Во бесѣдѣ.

⁴⁾ 4) сидятъ люди-гости добрые. 5) добрые люди сидятъ.

⁵⁾ 2) Они бають-разсуждаютъ, рѣчи хороши говорятъ. 3) рѣчь хороша *ем.* рѣчи хороши, *какъ въ вар. второмъ.* 4) Они бають-разсуждаютъ рѣчь хорошую. 5) рѣчь хорошу говорятъ.

⁶⁾ 2) Отъ чего-то у насъ, братцы, каменна Москва загоралась? 3) 4) Отъ чего, братцы, каменна Москва загоралась? 5) Отъ чего-же наша, братцы, каменна Москва загорѣлась?

⁷⁾ 2) 3) 4) 5) *Эт. ст. нѣтъ.*

⁸⁾ *Вм. 8-10 и 9 ст.* 2) Загорѣлась каменна Москва отъ большихъ господъ, Отъ большова-то боярина Шелеметева. 3) Загоралась Москва отъ большихъ господъ, Отъ большого господина Шереметева. 4) Загоралась каменна Москва отъ большихъ господъ Шереметевыхъ. 5) Загорѣлась мать каменна Москва Отъ большихъ господъ, Отъ большого господина Шереметева, Отъ его же отъ вѣрныхъ ключницы.

⁹⁾ 2) Его вѣрная ключница зажигала воску яраго свѣчу, И ходила его ключница въ темны выходы. 3) Выходила вѣрна ключница въ темны выходы. 4) Выходила ихъ дѣвка, вѣрна ключница, въ темны выходы. 5) Ходила вѣрная ключница Во новые выходы.

Заронила она огню йскорку; ¹⁾
 Отъ того наша матушка
 Каменнѣ Москва загоралася!²⁾

(Пять вариантовъ, записанныхъ въ Симбирской губ.: четыре А. М. Языковымъ и одинъ Д. Валугевымъ. Одинъ изъ Языковскихъ принять за текстъ.)

Царствованіе Алексѣя Михайловича. Стеньга Разинъ.

1.

(Г. Симбирскъ).

- Разливалася въ зеленыхъ лугахъ вода полая,
 Потопляла у казачиньковъ теплы лагери.
 Среди моря было Каспицкова
 Стояль тутъ Лиманъ-островъ,
 5. На этомъ на островѣ стояль воровской корабль,
 На этомъ на корабличкѣ муравлинъ чердакъ,
 Въ этомъ чердачкѣ золотой бунчукъ,
 Въ этомъ бунчукѣ царски знамечки,
 У этихъ у знамечковъ часовой стоять;
 10. Передъ нимъ передъ молодцемъ раздвижной стулъ,
 На стулу сидитъ воровской атаманъ,
 По имени атаманушка Степанушка,
 Па батюшкѣ Степанушка Тимоѣевичъ,
 По великому по фамильицу Степанъ Разинъ.
 15. Съ старшинами онъ думушку не думаетъ,
 Къ казакамъ онъ Степанъ Разинъ въ кругъ не хаживаетъ;
 Онъ думаетъ крѣпку думушку съ своей буйной голо-
 вушкой.

(Записаль. Д. А. Валугевъ).

1) 2) Зажигала его вѣрная ключница порховую казну. 3) Заронила огня искру въ порховую она казну. 4) Заронила отъ сальной свѣчи съ огнемъ искору 5) Заронила въ порховую казну.

2) 2) Отъ того, братцы, загоралась каменная Москва. 3) Отъ того, братцы, каменная Москва и загоралася. 4) Она тлѣла и горѣла ровно три часа. 5) Отъ того наша мать каменная Москва загоралася, Отъ того господскіе дома разорились.

2.

(Нов. II.)

У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
 На тихомъ Дону, во Черкасскомъ городу,
 Породился удалый добрый молодець,
 По имени Степанъ Разинъ Тимоѳеевичъ.

5. Во казачей кругъ Степанушка не хаживалъ,
 Онъ съ нами казаками думу не думывалъ;
 Ходилъ-гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
 Онъ думалъ крѣпку думушку съ голубою:
 «Судари мои, братцы, голь кабацкая!
 10. «Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять,
 «Разобьемте, братцы, бесурмански корабли,
 «Возьмемъ мы, братцы, казны сколько надобно,
 «Поѣдемте, братцы, въ каменну Москву,
 «Покупимъ мы, братцы, платье цвѣтное,
 15. «Покупивши цвѣтно платье, да на низъ поплывемъ.»

3.

На маткѣ Волгѣ
 Не бѣлымъ забѣлѣлось,
 Не чернымъ зачернѣлось:
 Зачернѣлись на Волгѣ,

5. Зачернѣлись на маткѣ
 Черногорскіе стружечки;
 Забѣлѣлись на Волгѣ,
 Забѣлѣлись на маткѣ
 Полотняны парусочки.
 10. На стружечкахъ сидятъ ребята,
 Удалы добры молодцы;
 Атаманомъ у нихъ Стенька,
 По прозванью Степанъ Разинъ.
 Возговоритъ Стенька,

15. По прозванью Степанъ Разинъ:
 « Охъ! вы гой еси ребята,
 « Удалы, добры мѣлодцы!
 « Работайте, не робѣйте,
 « Бѣлыхъ ручекъ не жалѣйте.
20. « Во полночь бы намъ, ребята,
 « Астрахань-городъ проѣхать;
 « Никто бы насъ не (у)видѣлъ,
 « Да никто бы насъ не слышалъ.
 « Одинъ-то насъ увидѣлъ
35. « Астраханскій губернаторъ,
 « У заутрени стоя
 « У Николы-чудотворца,
 « Изъ окошечка глядя. »

4.

Какъ во славномъ было городѣ во Астраханѣ ¹⁾
 Очутился, проявился тутъ незнамый человекъ —
 Онъ незнамый—незнакомый и не вѣдано отколь. ²⁾
 Чисто щепетко по городу погуливаетъ: ³⁾

5- Черный бархатный кафтанчикъ на могуцихъ плечахъ,

¹⁾ ²⁾ ¹⁰⁾ ¹²⁾ Во славномъ во городѣ во Астрахани ³⁾ Посмотрите-ка, ребяташки, на сторонку на свою, На своей сторонкѣ жарко и тепло! Во городѣ было въ Астрахани ⁴⁾ Какъ во матушкѣ во Астрахани ⁵⁾ Какъ во славной во деревнѣ во Коломенскомъ селѣ. ⁶⁾ Какъ во городѣ во Астрахани ⁷⁾.... во славнемъ.... ⁸⁾ Во славномъ было во городѣ во Астраханѣ ⁹⁾ Какъ у нашемъ славномъ городѣ въ Астрахани. ¹¹⁾ Во славнемъ....

²⁾ ²⁾ ⁶⁾ ⁷⁾ ⁸⁾ ⁹⁾ ¹⁰⁾ Проявился тутъ [⁹⁾ тамъ] дѣтнушка незнамый человекъ. ³⁾ Проявился разудалый молодецъ. ⁴⁾... всѣмъ незнамый человекъ. Незнамый, незнакомый, онъ невѣдомо чей. ⁵⁾ Проявился добрый молодецъ, удалый молодецъ. ¹¹⁾ Проявился дѣтнушка невѣдомо какой ¹²⁾ Проявился дѣтнушка незнакомый человекъ. ¹³⁾ Шель—прошелъ дѣтничко Незнамый кто такой.

³⁾ ²⁾ ⁶⁾.... по Астрахани похаживаетъ ⁴⁾ Баско-щепетко.... ⁵⁾ И онъ ходитъ, больно щепетко похаживаетъ. ⁷⁾ ⁹⁾ ¹³⁾ *Эт. ст. нѣтъ.* ⁸⁾ Больно щепетко по Астрахани.... ¹⁰⁾ Онъ по городу по Астрахани погуливаетъ ¹¹⁾ Шибко, щепетко по Астрахани погуливаетъ ¹²⁾.... по Астрахани погуливаетъ.

Черна шляпа съ прозументомъ на его русійхъ кудряхъ. ¹⁾

Съ Астраханскими кушцами онъ не знается,
Астраханскому губернатору челомъ не бьетъ ²⁾.

Какъ увидѣлъ молодца губернаторъ со крыльца: ³⁾

¹⁾ 2) На немъ черной бархатный кафтанчикъ, Зеленъ сабьянъ сапожки, Черна шляпа со репьемъ и рукавички съ серебромъ. 3) На распахнутой черной бархатный кафтанъ, Во бѣлыхъ рукахъ златъ Персидскій кушачокъ. 4) 7) 10) 12) *Эт. ст. нѣтъ.* 5) Черна шляпа пуховая на русыхъ его кудряхъ, Черны бархатны сапожки на босую его ногу. 6) Смуръ кафтанчикъ, черной запанчикъ, на распаску гуляетъ, Шлять Персидскій кушачикъ во правой рукѣ несётъ, Черну шляпу съ прозуменами на русыхъ кудряхъ, Вострой сабелькой булатной подпирается—идётъ. 8) Въ бархатномъ кафтанчикѣ на распасочку, А шелкову свою поясочку во правой рукѣ несетъ, Черна шляпа съ прозументомъ на русыхъ его кудряхъ, Касандревска рубашечка—косой былъ воротокъ, Во правой рукѣ тросточка камышевая; Онъ и тросточкой разудаленькѣй подпирается — идётъ. 9) Въ черномъ бархатномъ кафтанѣ на опашку въ немъ, Тонкой шелковой кушачекъ во рукахъ несетъ; Онъ по городу дѣтнушка погуливаетъ. 11) въ одѣжѣ ситцевомъ халатѣ на распахнутой. *Эт. ст. послѣ 8-го.* 13) На немъ бархатный кафтанчикъ, Персидскій кушачекъ; Во правой рукѣ несетъ Бѣлые чулочья сабьяны башмачки; Онъ идетъ улицей, не торопится.

²⁾ 2) Онъ со штатами и съ офицерами не кланится, Астраханскому губернатору подъ судъ нейдетъ. 3) Астраханскимъ кушцамъ онъ не кланится, офицерамъ господамъ онъ челомъ, челомъ не бьетъ, Астраханскому губернатору онъ подъ судъ ему нейдетъ. 4) Астраханскимъ обывателямъ не кланится, Астраханскому... 5) 7-ю *ст. нѣтъ.* 6) 12) Никому зтотъ [12; ни съ кѣмъ—то онъ] дѣтнушка не кланется, Ни штабамъ, ни офицерамъ челомъ не бьетъ, Къ [12] къ — *нѣтъ*] Астраханскому губернатору подъ судъ нейдетъ. 7) Идетъ городомъ дѣтнушка—не кланится ни съ кѣмъ, Онъ ни съ княземъ, ни съ бояриномъ челомъ, братцы, не бьетъ, Къ Астраханскому губернатору подъ судъ, братцы, нейдетъ. 8) Никому онъ добрый молодецъ не кланется, Онъ ни шефамъ, ни маіорамъ подъ судъ нейдетъ, Астраханскому губернатору челомъ не бьетъ. 9) Онъ и штабамъ, офицерамъ не кланяется, генераламъ и фельдмаршаламъ челомъ не бьетъ. 10) Онъ и штабамъ—офицерамъ мало кланяется, Астраханскому.... 11) Астраханскимъ обывателямъ не кланяется.... Самому губернатору челомъ не бьетъ. 13) 7-го и 8-го *ст. нѣтъ.*

³⁾ 2) Выходилъ жа губернаторъ на высокъ красенъ крылецъ, Воскрисчалъ жа губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ. 3) Какъ увидѣлъ губернаторъ изъ косячета окна, Закричалъ ли губернаторъ громкимъ голосомъ

10. «Ахъ вы гоѣ еси, солдаты, слуги вѣрные мои!
 «Вы подите-приведите удалаго молодца;
 «Какъ мы станемъ его крѣпко спрашивать: ¹⁾

своимъ. 4) Какъ случилось мнѣ ли молодцу Вдоль по городу пройти; Вдоль по городу прошелъ, Во царевъ кабакъ зашелъ; Увидалъ же меня молодца губернаторъ изъ окна, Закричалъ же губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ. 5) Какъ увидѣлъ молодца воевода изъ окна, Закричалъ онъ больно шибко громкимъ голосомъ своимъ. 6) Увидалъ же его губернаторъ изъ высокаго окна, Закричалъ онъ, губернаторъ, своимъ голосомъ. 7) Увидалъ же губернаторъ изъ высокаго терема, Изъ косяцета окна, Сквозь французскаго стекла; Посылалъ же губернаторъ своихъ вѣрныхъ слуговъ. 8) Увидалъ его губернаторъ изъ косяцетаго окна, Закричалъ онъ, губернаторъ, своимъ вѣрнымъ слугамъ. 9) Какъ подходитъ дѣтинушка къ воеводскому двору; Какъ увидѣлъ дѣтину воевода изъ окна, Закричалъ воевода громкимъ голосомъ своимъ. 10) Гризетовый балахонъ на распашечку на немъ. Черной шляпой пуховой онъ помахиваетъ. Какъ увидѣлъ—усмотрѣлъ губернаторъ молодца, Губернаторъ молодца съ круглаго краснаго крыльца. 11) *Петь*. 12) Увидалъ Губернаторъ изъ окна молодца, Закричалъ губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ. 13) Увидалъ же молодца губернаторъ изъ окна.

¹⁾ 2) «Есть ли, братцы, слуги вѣрные при мнѣ?» «Вы подите приведете удалова молодца». — Взяли, подхватили удалова молодца, Повели жа молодца къ губернаторскому крыльцу. Ужь и сталъ же губернаторъ крѣпко спрашивать его. 3) «Да вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои, Вы подите—приведите, вы удалова молодца.» Какъ и взяли молодца во царевомъ кабакъ, Приводили-жъ молодца къ губернатору на дворъ, Становили-жъ молодца супротивъ краснаго крыльца. Выходилъ ли губернаторъ съ губернаторшей своей, Какъ и сталъ губернаторъ его спрашивать. 4) «Уже есть ли кто при мнѣ, Слуги вѣрные мои? Вы подите, приведите удалаго молодца Изъ царева кабака.» Ужь какъ взяли, подхватили Къ губернатору на дворъ. Становили молодца прѣтивъ краснаго крыльца. Выходилъ же губернаторъ на новый красенъ крылецъ. 5) «Ужь вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои, Вы подите, приведите удалова молодца!» Вотъ приводятъ молодца на парадное крыльцо, На парадное крыльцо, къ воеводѣ на лицо; Ужь и сталъ его воевода, сталъ выспрашивать. 6) «Охъ гоѣ еси, ребята, мои вѣрные слуги! Вы подите, приведите удалаго молодца.» Они взяли, подхватили на высокой горѣ, На высокой на горѣ, во царевомъ кабакъ, Приводили дѣтинушку къ губернатору на дворъ. Выходилъ же губернаторъ на высокое крыльцо, И сталъ же губернаторъ дѣтинушку выспрашивать. 7) «Вы подите, приведите—ка ко мнѣ.» Выходили же слуги вѣрные его: Поидемъ, добрый молодецъ къ губернатору во дворъ. Подходилъ же добрый моло-

«Ты скажи, скажи, дѣтина, чей, откудава незнамый
человѣкъ —

«Съ Дону ли ты казакъ, или казачій сынъ,

15. «Или съ матушки Москвы разудалый молодець?» ¹⁾

— Я не съ Дону казакъ, не казачій сынъ,

Я не съ матушки Москвы, не разудалый молодець,

Я изъ Астрахани Стеньки Разина сынъ;

Ты изволь-ко его встрѣчать, изволь подчивати! ²⁾ —

дець ко высокому крыльцу. Выходилъ же губернаторъ на высокъ крысень крылецъ. 8) «Подите, приведите его удалова молодца, Постановьте удалова у паратнаго крыльца.» Сталъ его губернаторъ крѣпко спрашивати. 9) «Ужь вы, слуги мои вѣрные, солдатушки военные! Вы подите, приведите разудалова молодца.» Какъ приходятъ дѣтинушка къ воеводѣ на лицо; Тутъ сталъ воевода у него спрашивать. 10) 10-го, 11-го и 12 ст. нѣтъ. 11) 10-го ст. нѣтъ. Еще сталъ его губернаторъ спрашивати. 12) «Есть ли кто въ передней, слуги вѣрные мои! Выподите, приведите удалова молодца, Не честью, не лестью, за русы кудри его.» Привели же молодчика къ губернатору, Сталъ губернаторъ его спрашивати. 13) «Пошлите молодца.»

¹⁾ 2) Ты скажи, скажи, молодець, коего роду удалецъ: Съ Москвы ли ты купецъ, или съ Казани удалецъ, Съ тѣхъ ли Дону козакъ, или козачій сынокъ? 3) Ты скажи, скажи, бродяга, ты откуда, чей такой: Или съ Дону ты казакъ, или казачій сынъ, Или казачій ты сынъ, или низовскій купецъ? 4) Ты скажи, скажи, дѣтина, всѣмъ незнамой человекъ! Чьего роду, чьего дому, Какъ по имени назвать? 5) Ты не съ Дону ли козакъ, или не съ Польши ли Полякъ, или со матушки Москвы ты купеческій сынокъ? 6) Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнамый человекъ: Али Питерскій, Казанскій, или Астраханскій? 7) Чей такой, дѣтинушка, незнамый человекъ, Чьего дома, чьего рода, какъ по имени назвать? 8) Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнамый человекъ, Ты незнамый, незнакомый, невѣдомо какой: Ты не царь ли, не царевичъ ли, не царской ли сынокъ, Ты не съ Дону ли казаченька, не казачій ли сынокъ? 9) Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнамый человекъ, Чьего дому, чьего роду, какъ по имени зовутъ? Или съ Дону казакъ, или казачій сынъ? 10) Ахъ, ты чей-такой дѣтинушка, незнамый человекъ? Ты Казацкій, или Московскій, или Астраханскій? 11) Ты скажи, скажи, дѣтинушка невѣдомо какой, Чьего роду, чьего дому, чьего матери-отца? *Эт. вар. опускается.* 12) Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнакомый человекъ, Котораго ты города урожденьце? Казанскаго, или Рязанскаго, или Астраханскаго? 13) Ты скажи-ко, молодець, Чьего роду ты сынокъ: Или царскій, или барскій, Или купеческій сынокъ?

²⁾ 2) Отвѣтъ держитъ молодець губернатору на крылецъ: «Не изъ Москвы я купецъ, не изъ Казани молодець, Не съ тѣхъ Дону козакъ, ни ко—

20. Ужь какъ внизъ-то было по Камѣ по рѣкѣ,
Какъ плыла тутъ-выплывала легка лодочка косна,

зачій сынокъ; Я со Камы со рѣки Стеньки Разина сынъ!» Тутъ взяли, подхватили удалова молодца, Посадили молодца ево въ темную тюрьму, Во засаду крѣпкую. 3) «Не тебѣ бы, губернаторъ, меня спрашивать, Не тебѣ ли было мнѣ сказывать! Со рѣки, рѣки Камышки Сеньки Разина я сынъ. Мой батюшка хотѣлъ въ гости побывать, Хотѣлъ въ гости побывать, ты умѣй его принять, Ты умѣй его принять, умѣй подчивать; Если умѣешь ты принять—кунью шубу подарю, а не умѣешь ты принять—на оброкъ посажу. Закричалъ ли губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ: Ужь вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои! Вы подите, отъездите удалова молодца Въ бѣлу каменну тюрьму. Какъ и душевна-молодчикъ онъ посниживаетъ, Да частенько въ окошко онъ поглядываетъ, На рѣку, рѣку Камышку онъ поглядываетъ. 4) Я не съ Дону казакъ, Не казачій я сынокъ, Я со матушки со Камы Сеньки Разина сынъ! — «Отведите молодца Въ нову каменну тюрьму.» Тутъ сказалъ ему Иванъ: Погляди-ко, губернаторъ! 5) И не съ Дону я козакъ, и не съ Польши я Полакъ, Я не съ матушки Москвы, не купеческій сынокъ; А я съ матушки Алканки Стеньки Разина сынокъ.—Тутъ велѣлъ его губернаторъ во тюрьму посадить. «Ты послушай, губернаторъ, что я буду тебѣ говорить: Ужь какъ завтра на разсвѣтѣ родной батюшка придетъ; Ты умѣй его принять, умѣй подчивать, то я крѣпкую твою тюрьму по кирпичку размечу. А младу твою жену на воротахъ разстрѣлю, А тебя я воеводу на Алканку уведу. *Эт. вар. конч.* 6) Я не Питерскій, не Казанскій и не Астраханскій, Я со матушки рѣки Камы Сеньки Разина сынокъ. Ужь какъ ты, губернаторъ, меня смѣлъ спрашивать? Заутро мой батюшка къ тебѣ въ гости будетъ. 7) Ужь я города Камышенки Степана Разина сынокъ, А заутра мой батюшка къ губернатору въ гости придетъ, Мой батюшка по прозванью Степанъ Разинъ Тимофеевъ. *Эт. вар. конч.* 8) Я съ матушки Волги Сеньки Разина сынокъ; Хотѣлъ мой батюшка къ тебѣ въ гости побывать; еще чѣмъ ты моего батюшку будешь подчивать? «Есть у насъ пироги—въ Тулѣ печены, А есть сухари—въ Петербургѣ крошены, Въ Петербургѣ крошены, въ Москвѣ высушены, Есть легкая похлебочка—у солдата на бедрѣ: Рѣдко имъ падаютъ, низко кланяются, Изъ ружей палать—много шулки валять.» *Эт. вар. конч.* 9) Отвѣтъ держалъ дѣтинушка-незнамый челоуѣкъ: Я не съ Дону казакъ и не казачій сынъ, И не изъ матушки вашей каменной Москвы разудалый молодецъ; По Камышенкѣ рѣкѣ красна лодочка плыветъ, На этой на лодочкѣ пятьсотъ гребцовъ, Пятьсотъ гребцовъ, все удалыхъ молодцовъ; Надо всѣмъ-то я атаманчикъ былъ. *Эт. вар. конч.* 10) Я со матушки со Камы Стеньки Разина сынокъ; Заутра мой батюшка и самъ въ гости придетъ. *Эт. вар. кон.* 12) «Я изъ города изъ Камышенки Стеньки Разина сынокъ; Заутра мой батюшка будетъ въ гости къ вамъ: Вы умѣйте его принять, умѣйте его уподчивать.» — Готовъ давно десертъ

Какъ во лодочкѣ во той немало людей
И немало-немного — пятьдесятъ человекъ;
Среди лодочки косной сидитъ нашъ воровской ата-
манъ; ¹⁾

25. Онъ повѣсилъ головушку на правую сторонушку,
Онъ потушилъ очи ясныя во мать во сыру землю. ²⁾
Какъ не сѣрые (гуси?) привозгакнули,
Какъ возговорять-промолвять добры молодцы ему: ³⁾
«Ты не плачь-не тужи, нашъ воровской атаманъ!» ⁴⁾

30. — Ничего вы-то, братцы, не знаете, не вѣдаете:
Какъ мой-атъ сынъ во поиминѣ (поиманьи) сидитъ —
Онъ во славномъ городѣ во Астраханѣ! ⁵⁾
«Ты не плачь, не тужи, нашъ казачій атаманъ!»
«Ужь мы сына твоего мы выручимъ,

во всемъ городѣ ему! *Эт. вар. конч.* 13) Я и не царскій, я и не бар-
скій, Я и не купеческій сынокъ. Ты изволилъ знать Стеньку Разина; Я
его сынокъ. Осердился-жъ губернаторъ На такого молодца, Отсилаеть
Стеньку Разина Прочь отъ себя *Эт. вар. конч.*

¹⁾ 2) Только внизъ было ужъ по матушкѣ по Волгѣ по рѣкѣ, Туль плы-
веть-выплываетъ съ верху лодочка на низъ, У лодочки снастычки всѣ шол-
ковыя, Парусы на лодочкѣ коноватны, Посередѣ лодки сидитъ воровской
атаманъ, По нашествычкамъ сидятъ удалые молодцы. ³⁾ По рѣкѣ, рѣкѣ Ка-
мышкѣ тамъ суденушко плыветь. «Вы ребята, вы ребята, удалые молодцы
Посмотрите-тка, ребята, то мой батюшка идееть.» ⁴⁾ Внизъ по Волгѣ по
рѣкѣ Косна лодочка плыветь, Въ этой лодочкѣ косной Дѣвсти двадцать си-
литъ человекъ, Посреди лодки косной Сидитъ батюшка родной Семень
Федоровичъ. ⁶⁾ По утру-то ранымъ-ранеховько сверху лодочка бѣжитъ,
На той же же на лодочкѣ немного людей — На счетъ полтораста чело-
вѣкъ.

²⁾ 3) 4) 6) *этихъ двухъ стиховъ нѣтъ.*

³⁾ 2) Ужь не гуси гогочуть, добры молодцы говорять, Говорять добры
молодцы атаману своему. ³⁾ 4) 6) *эт. ст. нѣтъ.*

⁴⁾ 2) Что же ты, нашъ батюшка, не веселъ сидишь? ³⁾ 4) 6) *эт. ст.
нѣтъ.*

⁵⁾ 2) Какъ-то мнѣ, ребатушки, веселому быть? Сынъ-атъ мой любез-
най во засадушкѣ сидитъ, Во засадушкѣ сидитъ, онъ во темной во тюрь-
мѣ. ³⁾ Вы ребята, вы ребята, вы товарищи мои! Вы не знаете, ребята, про
несчастье мое: какъ и мой дитя Ванюша въ бѣлой каменной тюрмѣ. ⁴⁾
⁶⁾ *эт. ст. нѣтъ.*

35. «Астраханскаго губернатора мы выучимъ:

«Да гдѣ мы его найдемъ — тутъ въ огнѣ сождемъ!» (1)

(13 вариантовъ: 1) Саратовской губ., Петровск. у. с. Даниловка, зап. С. П. Шевыревъ; 2) Сибирской губ. с. Станинное, зап. А. М. Языковъ; 3) Костромской губ.; 4) и 5) Московской губ. и у. село Коломенское; 6) 7) и 8) Сибирской губ., Сызрань, зап. А. М. Языковъ; 9) Тульской губ., Чернск. у.; 10) Симб. губ.; 11) и 12) Орелъ; 13) Симбирскъ, записалъ Д. А. Валуевъ.
Первый принятъ за текстъ).

5.

(Калужск. губ., Лихвинск. у., д. Андровское).

Вы лѣса мои лѣса, братцы, лѣсочки, лѣса темные!
Вы кусты ли мои, братцы, мои кусточки, кусты ча-
стые!

Вы станы ли мои—вы, мои братцы, станочки всѣ пы(о)-
разорены!

Какъ и всѣ мои, братцы, лѣсочки, всѣ порублены;

5. Какъ и всѣ—то мои, братцы, кусточки всѣ повыжжены,

Какъ и всѣ—то мои, братцы, товарищи, всѣ половлены!

Какъ одинъ изъ насъ, братцы, товарищей не пойман-
ный,

Не пойманъ изъ насъ, братцы, товарищ нашъ Стень-
ка Разинъ сынъ;

Выходилъ же тутъ Стенька Разинъ сынъ на Дунай-
рѣку,

1) 2) Вы гребите, добры молодцы, изъ рукъ весель не пущай! Мы Са-
ратовъ городочикъ поутру мы прогребемъ, А Царицынъ городочикъ ввече-
ру мы прогребемъ, Въ Астраханскую губерню ко бѣлу свѣту поспѣмъ,
Чтобы Астраханскаго губернатора у заутрени застать, И съ живова кожу
снять. 3) Мы до походу дойдемъ, до походу дойдемъ, Бѣлу каменну тюрь-
му мы по камню разберемъ, Съ самого ли губернатора мы шкуру сдерѣмъ!
4) Какъ сказалъ же Семень Громкимъ голосомъ своимъ: Ужъ вы грянь-ка-
те, ребята, Вы гряньте молодцы! Подъ Астрахань подгребемъ, Всю Астра-
хань разобьемъ, Астраханскія тюрьмы По кирпичику разберемъ, Своего
сынка Иванушку повыручимъ, Астраханскаго губернатора повыучимъ. 6
Приворачивайте—на, ребята, къ городу Астрахани, Приколочки ударимъ пих-
товья, Причаламъ мы лодочку причалами шелковыми, Мы остроги и тюрь-
мы всѣ по камню разберемъ, Съ Астраханскаго губернатора съ живова
кожу сдеремъ.

10. Закричалъ же тутъ Стенька Разинъ сынъ своимъ громкимъ голосомъ:
 « Какъ и всѣ-то вы, мои братцы товарищи, всѣ половлены!
 « Вы возьмите-тко, мои братцы товарищи, свой тугой лукъ,
 « Натяните-тко, братцы мои товарищи, калену стри(ѣ)лу
 « Прострелите-тко, братцы товарищи, грудь мою бѣ-бѣлюю!»

6.

(Бов. II.)

- На зарѣ-то было, братцы, на утренней,
 На восходѣ краснаго солнышка,
 На закатѣ свѣтлова мѣсяца,
 Не соколъ леталъ по поднебесью,
 5. Ясаулъ гулялъ по насадику;
 Онъ гулялъ, гулялъ, погудивалъ,
 Добрыхъ молодецвъ побуживалъ:
 « Вы вставайте, добры молодцы,
 « Пробужайтесь, козаки Донски!
 10. « Нездорово на Дону у насъ,
 « Помутился славной тихой Донъ,
 « Со вершины до черна мѣря
 « До черна моря Азовскова,
 « Помѣшался весь козачей кругъ;
 15 « Атамана больше нѣтъ у насъ,
 « Нѣтъ Степана Тимоѣевича,
 « По прозванью Стеньки Разина;
 « Поймали добра молодца,
 « Завязали руки бѣлыя,
 20. « Повезли во каменну Москву,
 « И на славной Красной площади
 « Отрубили буйну голову.»

СЫНЪ СТЕПЬКИ РАЗИНА.

(Тамбовской губ., Моршанскаго у. село Соколовка).

- Какъ не буйныя вѣтры въ чистомъ полѣ бушевали,
 Бушевала бѣла грудь красной дѣвицы,
 Раздиралось ретивѣ сердечко у молодушки,
 Тосковала красна дѣвица по любовничку,
8. Возрыдала еще я, голубушка, по обманщику;
 Въ возрыданьицѣ она рѣчи молвила:
 «Ахъ, на что меня родители порѣдили,
 «А на что меня на свѣтъ пустили?
 «Для того ли, чтобъ кручиниться,
10. «Для того ли, чтобъ мнѣ вѣкъ печалиться?
 «Какъ и былъ у меня милъ сердечный другъ,
 «Онъ любилъ меня и жаловалъ,
 «Много злата, серебра обѣщивалъ,
 «Онъ частѣхонько говаривалъ:
15. «Я куплю тебѣ, дѣвица, цвѣтно платье,
 «А на шею твою бѣлу жемчужны жерелья,¹⁾
 «На головушку твою золотой повойникъ,
 «Я сострою тебѣ²⁾ дѣвица, каменны палаты,
 «Я поставлю во палатахъ кровать тесовую,
20. «На кроватку положу перину пуховую,
 «Я покрою постелюшку одѣяломъ соболинымъ;
 «Я частенько буду, дѣвица, къ тебѣ ѣзжати
 «И со Волги со разбою буду отдыхати.
 «А уѣхалъ злой разбойникъ — со мной не простился,
25. «Ужъ и съ той поры злодѣй со мной не водился.
 «И не вѣдала я дѣвица ровно десять лѣтъ,
 «Гдѣ злодѣй живетъ, гдѣ разбойничаетъ?
 «Услыхала я дѣвица на одиннадцатый годъ,
 «Что поймали разбойничка на большой Волгѣ рѣкѣ,

¹⁾ Ожерелья. — ²⁾ Тебѣ.

30. « Допросили разбойничка изъ какого роду - племени
онъ былъ?
« Показалъ злодѣй-разбойникъ, что онъ Стеньки Рази-
на былъ сынъ. »

Смерть стрѣлцаго воеводъ.

(Г. Сибирскъ).

- Царя бѣлаго, царя Русскаго
Алексѣя Михайловича
Тридцать три полка стрѣльцовъ —
Въ барабаны бьютъ стрѣльцы
5. По унывному,
Они пѣсенки пропѣли
По веселому.
Во второмъ отрядѣ стрѣлческомъ
Уронъ сдѣлался,
10. Уронъ сдѣлался у молодчиковъ —
Воевода ихъ померъ.
Воеводы конечка
Въ поводу вели,
А самага-то воеводу
15. На головахъ несли —
На тѣ горы воеводу
На Сионскія,
Къ синему морю.
Ужь вы ройте-ко могилу
20. Глубокую,
Въ головахъ-то поставьте
Часовеньку,
Во ногахъ-то вы поставьте
Дубовый столпъ,
25. Къ нему привяжите
Ворона коня.
Кто ни пройдетъ,

На конечка подивуется;
 Кто ни пройдетъ,
 На часовеньку поклонится.

(Зап. Д. А. Валуевъ).

Подъ Ригою.

(Кирша Давидовъ).

А подъ славнымъ было городомъ подъ Ригою
 Что стоялъ царь государь по три годы —
 Еще бывший Алексѣй царь Михайловичь.
 Изволилъ царь государь наряжатися,
 Наряжается царь государь въ каменну Москву
 А и бывший Алексѣй царь Михайловичь.

Что по утру было рано-ранѣшенько,
 Какъ на свѣтлой зарѣ на утренней,
 На восходѣ было краснаго солнышка,
 Какъ-бы гуси-лебеди воскикали,
 Говорили солдаты новобраные:

« А свѣтъ-государь, благовѣрной царь,
 « А и бывший Алексѣй царь Михайловичь!
 « Ты изволишь наряжаться въ каменну Москву,
 « Не оставь ты насъ бѣдныхъ подъ Ригою;
 « Ужь и такъ намъ де Рига наскучила,
 « Она скучила намъ Рига, напрокучила:
 « Много холоду, голоду приняли,
 « Наготы, босоты вдвое тѣго.»

Что злата труба подъ Ригою протрубила,
 Прогласилъ государь благовѣрный царь:

« А и дѣтушки, вы солдаты новобраные!
 « Не однимъ вамъ Рига-то наскучила,
 « Самому мнѣ государю напроскучила;
 « Когда Богъ насъ принесетъ въ каменну Москву,
 « А забудемъ бѣдность, нужу великую,
 « А и выставлю вамъ погребы царскіе,
 « Что съ пивомъ, съ виномъ меды сладкіе.»

Смерть царя Алексѣя Михайловича.

1.

- Не сами тутъ двери растворялися,
 Ужь какъ пла тутъ царица со царевичемъ,
 Со царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ;
 Что плачетъ она, какъ рѣка льется,
5. Возрыдаетъ она, что волны бьются.
 Ужь какъ возговорить царица:
 «Охъ, ты гой еси, батюшка нашъ православный царь,
 «Православный царь Алексѣй Михайловичъ!
 «На кого ты оставляешь свое величество?»
10. «Кому ты вручаешь царство Московское?»
 Въ головахъ тутъ стояли попы, дьяконы,
 Не сами тутъ свѣчи загоралися,
 Читали тутъ отходную;
 Въ ногахъ стояли все бояра.
15. Ужь какъ взговорить православный царь
 Алексѣй Михайловичъ:
 «Оставляю свое величество
 «Я царевичу Петру Алексѣевичу,
 «Вручаю я царство Московское
20. «Я боярину князю Голицыну.»
 Ужь тутъ православный царь переставился.

2.

(Ураль).

- Во славнои во старой во крѣпости, каменной Москвѣ,
 Тутъ шли-прошли два игумена, два монаха;
 Дивовался они, сумнѣвались:
 Что за чудо въ каменной Москвѣ, что за диковина?
3. Приуными всѣ въ каменной Москвѣ князя и бояре,
 Купцы, братцы, богатые, всѣ вельможи;
 Знать-то у насъ въ каменной Москвѣ нездорово,

- Точно у насъ въ каменной Москвѣ неблагополучно,
Знать-то у насъ государя царя въ живѣ нѣту!
10. Случилось имъ идти мимо дворца государева:
Съѣзжаются къ государю царю князья, бояре,
Купцы, братцы, богатые, всѣ вельможи;
Строятъ ему гробницу золотую,
Унизанную крышечку жемчужну,
15. По уголошкамъ кладутъ камни драгоценны.
Въ унывный большой колоколъ зазвонили,
Понесли государя царя хранити;
Во передъ несутъ гробницу золотую,
За гробницей идутъ попы, дяки,
20. За попами идутъ архиреи,
За ними ведутъ милосерду государыню;
Подъ праву руку ведетъ большой сынъ,
А подъ лѣву ведетъ меньшей сынъ,
Утираетъ ей горячи слезы мила доченька.

(Дост. В. И. Даль).

3.

- У насъ было, братцы, во святой Руси,
Во святой Руси въ каменной Москвѣ
Заунывные большіе колколы зазвонили;
У насъ знать-то въ каменной Москвѣ
5. Нездорово за стѣной, стѣной бѣлокаменной.
Ужь и дѣлаютъ драгуны гробницу золотую,
Багрецовыми сукнами укрывали,
Полужонными гвоздями убивали.
Бѣлокаменная палата отворялась:
10. Напередъ-то идутъ попы, дяконы и архиреи,
За ними несутъ гробницу золотую,
За гробницей идетъ молодой юноша царевичъ,
Во слезахъ-то онъ слова не промолвитъ.

(Стапишное, Симб. губ.)

Что это у насъ, братцы,
 Въ каменной Москвѣ приуныло,
 Что это приумолкло?
 Заунывно зазвонили

5. У Ивана у Великаго въ большой колоколъ,
 Языкь-атъ увивали чернымъ бархатомъ.
 Всѣ князья, бояре догадались:
 Они всѣ съ себя платье цвѣтное скидали,
 Наряжались во платьице черное, печальное.

10. И что это у насъ, братцы,
 Въ каменной Москвѣ приумолкло?
 Знать не стало у насъ въ каменной Москвѣ
 Самодержавца батюшкѣ царя бѣлаго.

(Зап. А. М. Языковъ).

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I.

Терентій гость.

(ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ ВЫПУСКУ 5-МУ, КЪ ВЫЛІНАМЪ НОВГОРОДСКИМЪ).

2 *).

(Симбирск. г. с. Головино).

Ой ты гой еси, Терентій гость,
Славенъ ты—богатъ ¹⁾ человекъ!
У тебя, дискать, жена молода
Оленушка Клементьевна,
5. Клементьевна-Дементьевна.

Ее съ вечера недуги берутъ,
Къ полуночи ее немочь бьетъ,
Къ бѣдой зарѣ лихорадка трясеть,
Немочь-то черная,

*) Мы отмѣчаемъ эту былину *второю*, послѣ *первой*, помѣщенной въ 5-мъ выпускѣ, стр. 54—60. Читатели не посѣтуютъ на насъ, что мы передаемъ имъ такую драгоценность нѣсколько поздно, только что нашедши ее въ бумагахъ покойнаго П. В. К. Съ этимъ вмѣстѣ одинокой образецъ, извѣстный до сихъ поръ лишь изъ Кирши Давилова, дополняется превосходнымъ другимъ, въ которомъ мы получаемъ новое имя Терентьевой жены—*Олена Клементьевна-Дементьевна*, въ Новгородѣ «крестъ *Евстаѳійскій*» и т. п. черты, которыя благоволятъ читатели прибавить въ «Указатель», составленный для Новгорода при 5-мъ выпускѣ. — О.

¹⁾ Богатый гость, прозвище, званіе Терентія.

10. Лихорадка красная:
 Пухотá, подживóтна скорбь. ¹⁾
 Тутъ возговорить жена мо.лода
 Оленушка Клементьевна:
 «Ой ты гой еси, Терентій гость,
 15. «Ты славенъ-богатъ человекъ!
 «Что ты мастерóвъ не спрашиваешь,
 «Подмастерьевъ ²⁾, не допытываешь?»

- Тута Терентій гость
 Встаетъ п'утрú ранёхонько,
 20. Обуваеця гладёхонько,
 Умывается бълёхонько,
 Надёваецъ шубу новую;
 Онъ пошелъ по Нову-городу,
 Онъ сталъ противó хреста,
 25. Протí хреста, противъ чуднова,
 Протí чудна Остаеѣскова ³⁾.
 На встрѣчу ему скоморохи,
 Скоморохи, люди вѣжливые,
 Люди вѣжливы-очестливые;
 30. Они взглянутся—улыбнутся,
 А отвернутся—разсмѣхнутся.
 Тутъ возговорить Терентій гость:
 — Ой вы гой еси, скоморохи,
 — Скоморохи, люди вѣжливые,
 35. — Люди вѣжливы-очестливые!
 — Вы много по землѣ ходокí,
 — Вы много всѣмъ скорбáмъ знатокí,
 — Вы скорби ухаживате,
 — А недуги уговаривате:
 40. — У меня, братцы, жена скорбнá, ⁴⁾
 — Оленушка Клементьевна,

¹⁾ О смыслѣ этой болѣзни см. 5-й выпускъ. — ²⁾ «Мастеровъ, подмастерьевъ» — дохтуры, волхвы; ср. 5-й выпускъ. — ³⁾ См. 5-й выпускъ. — ⁴⁾ Больна — *О*.

- Клементьевна-Дементьевна;
 — Ее съ вечера недуги берутъ,
 — Въ полночь черна немочь бьетъ,
 45. — Къ бѣлой зарѣ лихорадка трясётъ.
 Инъ тута скоморохи
 Сглянутся — улыбнутся,
 Отвернутся — разсмѣхнутся:
 « Ой ты гой еси, Терентій гость,
 50. « Славень-богатъ человѣкъ!
 « Ты поди-ка во холщевой рядъ,
 « Куни холщевой мѣхъ,
 « Ты не дорого — три денежки дай,
 « А мочалище ¹⁾ полденежки:
 55. « Стало — безъ полушки грошъ;
 « Садися въ холщевой мѣхъ!»
 Пошли они къ Терентью старому,
 Къ Оленушкѣ Клементьевнѣ,
 Клементьевнѣ-Дементьевнѣ.
60. Встрѣчатъ ихъ молода жена
 Оленушка Клементьевна:
 « Ой вы гой еси, скоморохи,
 « Скоморохи, люди вѣжливые,
 « Люди вѣжливые-очестливые!
 65. « Не видали ли немѣлаго мово
 « Терентья стараго,
 « Терентья богатаго? »
 И тутъ скоморохи
 Взглянутся — улыбнутся,
 70. А отвернутся — разсмѣхнутся:
 « Мы видѣли немѣлаго твово
 « Терентья стараго
 « Противъ хреста, проти чуднова,
 « Проти чудна Остаеѣйскаго;
 75. « Его вороны потаскивають,

¹⁾ Которымъ завязать мѣшокъ.

«Черныя кабелі поволакивають.»

Возговорить жена молода

Оленушка Клементьевна:

«Избыла де я немѣлаго свовѣ

80. «Терентья стараго,
«Терентья богатаго,
«Нажила я свою волюшку!»

Тутъ возговорятъ скоморохи,

Скоморохи, люди вѣжливые,

85. Люди вѣжливы-очестливые:
«Ты слышишь ли, мѣшокъ,
«Ты слышишь ли, холщѣвъ,
«Что прѣ тебя говорятъ,
«Про твою буйну головушку?»
90. Онъ сталъ въ мѣшкѣ потягиваться,
Сталъ поволакиваться;
Холстинушка разбѣрвалась,
А мочалище пѣрвалось.
Встаетъ тутъ Терентій гость
95. На свои на рѣзвѣ ноги,
Онъ беретъ трость жимолосну,
Половина свинцу налита;
Онъ сталъ скорби ухаживати,
Сталъ недуги уговаривати.
100. Тутъ возговорятъ скоморохи,
Скоморохи, люди вѣжливые,
Люди вѣжливы-очестливые:
«Ой ты гой еси, Терентій гость!
«Ты самъ скорби ухаживаешь,
105. «А недуги уговариваешь!»

(Доставл. П. М. Языковымъ 1838 года, май 25).

* *

4*

II. (а).

- У князя Володимира,
 У солнышка у числа-время, ¹⁾
 Было пированьице ²⁾ честное,
 Честное и радошно,
 5. И радошно и порядошно; ³⁾
 Пили, ѣли прохлажались,
 Промежъ себя похвалялися:
 Сильный хвалится силою,
 А богатый хвалится богатствомъ, ⁴⁾
 10. Молодецъ похвалился конемъ добрымъ:
 « У меня, братцы, конь-добра лошадь; ⁵⁾
 « Еще, братцы, молода жена—
 « И умная, и разумная: ⁶⁾
 « Спусти мужа, пиво варила,
 15. « Пиво варила, вино курила,
 « Звала гостей полюбимыхъ,
 « Князей, бояръ — безъ боярыней, ⁷⁾
 « Поповъ, дяковъ—все безъ дяконицъ.» ⁸⁾
 Во глаза тутъ молодцу насмѣялися: ⁹⁾
 20. « У тебя да молода жена
 « Умная и разумная:
 « Спусти мужа, пиво варила,
 « Пиво варила, вино курила,
 « Звала гостей полюбивныхъ:
 25. « Князей, бояръ—безъ боярыней,
 « Поповъ, дяковъ—все безъ дяконицъ!» ¹⁰⁾
 За досаду молодцу показалося, ¹¹⁾
 Садился онъ ¹²⁾ на добра коня,

(а) Ср. выше кругъ пѣсень Владиміра.

¹⁾ Этою ст. нѣтъ. ²⁾ Пированьице было. ³⁾ Честно, хваляно, больно радошно. ⁴⁾ 9-я ст. послѣ 8-го. ⁵⁾ 10-го и 11-го ст. нѣтъ. ⁶⁾ Одинъ похваляется молодой женой: У меня братцы, жена умная, Умная—разумная. ⁷⁾ Звала въ гости князей бояръ—безъ боярышневъ. ⁸⁾ безъ дяконицъ. ⁹⁾ Тутъ въ глаза молодцу насмѣялися. ¹⁰⁾ 20—26 ст. нѣтъ. ¹¹⁾ Послѣ 27-го ст. Пошелъ молодецъ на конюшій дворъ, обратывалъ коня добраго. ¹²⁾ Молодецъ *вм.* онъ.

- Во стремечью не ступаючи,
 30. За сѣдельну луку не хватаячи; ¹⁾
 Поѣхалъ онъ со пиру домой; ²⁾
 Подъѣзжаетъ къ своему широку двору, ³⁾
 Пнулъ столбы своимъ чоботомъ — ⁴⁾
 Столбики пошатилися,
 35. Воротички растворилися. ⁵⁾
 Встрѣчаетъ его молода жена
 Среди своего широка двора. ⁶⁾
 Вынимаетъ молодъ свою востру саблю, ⁷⁾
 Онъ снёсъ съ неѣ буйну голову, ⁸⁾
 40. Самъ пошелъ молодець по выходамъ,
 По выходамъ и по погребамъ;
 Всѣ выходы были заперты,
 Погребницы запечатаны. ⁹⁾
 Пошелъ молодець во свою горницу,
 45. Свою горницу, во высокъ теремъ: ¹⁰⁾
 Въ терему виситъ колыбелушка, ¹¹⁾
 Въ колыбелушкѣ родно дитятко, ¹²⁾
 Родно дитятко, чадо милое.
 Онъ сталъ качать-прибаюкивать:
 50. «Баю, баю, родно дитятко, ¹³⁾
 «Баю, баю, чадо милое! ¹⁴⁾
 «Ушибъ-то я твою матушку,
 «Себѣ возьму молоду жену,
 «Тебѣ возьму лиху мачиху!» ¹⁵⁾

(Два варианта, записаны въ Симб. г., въ с. Головинѣ А. М. Языковымъ).

¹⁾ 29-го и 30-го ст. *нѣтъ*. ²⁾ Поѣхалъ молодець вдоль по улицѣ. ³⁾ Подъѣзжалъ молодець къ широкому двору. ⁴⁾ Уткнулъ копые въ дубовы столбы. ⁵⁾ *Вм.* 31-го и 35-го ст. Дубовы столбы пошатилися, Сосновы доски разсыпалися. ⁶⁾ *Вм.* 37 ст. Въ однихъ чулочкахъ безъ чоботовъ, Въ одной сорочкѣ безъ повѣвы. ⁷⁾ Беретъ молодець саблю вострую. ⁸⁾ Срубилъ же-вѣ одну голову, Покатилась головушка ея Къ коню подъ ноги, подъ копытечко, Подъ правое, подъ переднее. ⁹⁾ 35—38 ст. *нѣтъ*. ¹⁰⁾ *Вм.* 39-го и 40-го ст. Кинулся молодець въ палатушку, Въ палату бѣлокаменну. ¹¹⁾ Въ палатушкѣ колыбель виситъ. ¹²⁾ Въ колыбели лежитъ чадо милое. ¹³⁾ Баю, баю, чадо милое! ¹⁴⁾ *Эт. ст. нѣтъ*. ¹⁵⁾ *Вм.* 47—49 ст. Не стало у тебя родной матушки, У меня молодца молодой жены! Хоть возьму молоду жену, И будетъ она тебѣ не родная мать, Не родная мать — лиха мачиха.

III. (а).

(Новгородъ).

- Ты любовь, моя любовь, любовь дѣвушкина!
 Ты когда, моя любовь, побываешь у меня?
 — «Я бы рада побывать, дороженьки не спознать,
 «Дороженьки не спознать, товарищей не созвать.
 5. «Побываю у тебя, когда выростетъ трава,
 «Когда выростетъ трава среди твоего двора,
 «Поразолется Нева со крутымъ бережкамъ ровна!»
 По синю морю корабличекъ бѣжить, такъ бѣжить,
 Къ Нову-городу корабличекъ спѣшить, такъ спѣшить;
 10. По кораблику Васильюшко погуливаетъ,
 Онъ во звонкія гусельчики поигрываетъ:
 «Ахъ, вы гусли, вы гусли, гусельчики мои,
 «Заиграйте вы, гусли, при мнѣ, такъ при мнѣ,
 «При мнѣ, такъ при мнѣ, при Васильѣ-молодцѣ,
 15. «При Васильѣ-молодцѣ, при купеческомъ сынкѣ!»

Татарскія.

1.

(Сиб. губ.)

- Было во городѣ во Черниговѣ —
 Воевали, бузовали три Татарченка,
 Они били, разбивали нашъ Черниговъ-градъ,
 Намного они брали золотой казны,
 5. А еще того побольше чечью жемгуга;
 Полонили они душу-ли красну дѣвицу,
 Тоѣ ли они Шамельфу дочь Никитичну.
 Выводили они собаки во чисто поле,
 Разставляли собаки шатры бѣлые,

(а) Ср. выше кругъ пѣсень Новгородскихъ.

10. Разстилали они ковры шелковые,
 Разсыпали они, собаки, казну на три вороха,
 А чечуй жемчугъ на три жеребья,
 А души красной дѣвицы жеребья нѣту.
 Что возгворить собака, младъ Татарченокъ:
15. « Охъ, вы гой еси два брата, два названные!
 « Вы возьмите мой жеребій золоту казну,
 « А въ замѣнъ отдайте душу красну дѣвицу.»
 Злы Татарченка казнѣ обрадовалися,
 И душой красной дѣвицей поступалися.
 Онъ беретъ бусурманъ за праву руку,
20. И повелъ ее злодѣй въ особливъ шатѣръ;
 Онъ и сталъ надъ ней, собака, надругатися,
 И сталъ надъ ней насмѣхатися:
 Онъ взялъ ее, собака, за русу косу
 И ударилъ ее бусурманъ о сыру землю.
25. Закричала же дѣвица громкимъ голосомъ:
 « Охъ, вы гой еси братцы-рыболовщички!»
 Услыхалъ же тó дородный добрый молодець,
 Онъ и скачетъ ко бѣлу шатру полотняному,
 Онъ снимаетъ съ собаки буйну голову,
30. А душу красну дѣвицу съ собой беретъ.

(Дост. Языковъ).

2.

(Рязанской губ.)

- Не буйны вѣтры подымались,
 Съ палатъ верхи посметало,
 Въ теремахъ двери растворяло,
 На столахъ кушанья расплескало;
- Б. За столомъ сидитъ злой лихой Татаринъ,
 Передъ нимъ стоитъ красная дѣвица,
 И не такъ дѣвка стоитъ:
 Она стоитъ — слезно плачить.
 Злой лихой Татаринъ дѣвку унималъ,

10. Платкомъ слезы утиралъ:
 « Ты не плачь-кась, красная дѣвка,
 « Русская бѣлопопынянка!
 « Я сошью тебѣ конью шубу.»

(Зап. г. Трубинковъ).

3.

(Сибирск. губ.)

- Изъ Крыму было, Крыму, изъ Нагаю,
 Бѣжалъ тутъ младъ невольничекъ изъ неволи,
 Изъ той ли изъ Орды, братцы, изъ поганой.
 Подходить младъ невольничекъ ко Дунаю,
 5. Изыскивалъ песчаного переходу.
 Безсчастыицо на молодца приходило:
 На тое время тихой Дунай становился,
 Онъ тоненькимъ ледочкомъ покрывался,
 Молоденькимъ снѣжечкомъ засыпался,
 10. Лютыми морозами укрѣплялся.
 Слѣзетъ молодець со добра коня,
 Запѣлъ-то онъ съ горя цѣсню:
 « Сторона-ль ты, моя сторонущка,
 « Сторона-ль ты родимая,
 15. « Родимая, прохладливая!
 « Знать-то мнѣ на тебѣ не бывати,
 « Отца съ матерью не видати.»

(Зап. Язиковъ).

4.

Какъ за рѣчкою,
 Да за Дарьею,
 Злы Татарове
 Дуванъ дуванили.

5. На дуваницѣ
 Доставалася,
 Доставалася
 Теща зятю;
- Какъ повезъ тещу зять
10. Во дикую степь,
 Во дикую степь
 Къ молодой женѣ.
- «Пу и вотъ, жена,
 «Тё работница —
15. «Съ Руси Русская
 «Полоняночка.
- «Ты заставь ее
 «Три дѣль дѣлати:
 «Ужь какъ первое —
20. «То куделю прядь,
 «А другое дѣло—
 «То гусей стеречь,
 «А и третье дѣло
 «То дитё качать.»
25. Ахъ, ручками я
 Кудель пряду,
 А глазками
 Гусей стерегу,
- А глазками
30. Гусей стерегу,
 А ножками
 Дитё колышу.
- Охъ, качаю дитё,
 Прибаюкиваю:
35. «Баю-баю,
 «Боярскій сынъ!

« Ты по батюшкѣ
 « Золъ Татарченокъ,
 « А по матушкѣ
 40. « Ты Русеночекъ,

« А по матушкѣ
 « Ты Русеночекъ,
 « А по роду мнѣ
 « Ты внученочекъ,

45. « А по роду мнѣ
 « Ты внученочекъ:
 « Вѣдь твоя-то мать
 « Мнѣ родная дочь,

« Вѣдь твоя-то мать
 50. « Мнѣ родная дочь;
 « Семи лѣтъ она
 « Во полонъ взята;

« На правой груди
 « У ней родинка,
 55. « На лѣвой ногѣ
 « Нѣтъ мизинчика.

« Мнѣ и бить тебя —
 « Такъ грѣхъ будетъ,
 « А дитѣй назвать —
 60. « Мнѣ вѣра не та!»

Услыхали то
 Дѣвки сѣнныя,
 Прибѣжали онѣ
 Къ своей барынѣ:

65. « Государыня,
 « Наша барыня,
 « Наша барыня,
 « Милосердная!

- « Полоняночка
70. « Съ Руси Русская
« Качаетъ дитѣ,
« Прибаюкиваетъ:
- « Баю-баю,
« Боярскій сынъ!
75. « Ты по батюшкѣ
« Золъ Татарченонъ,
- « Ты по батюшкѣ
« Золъ Татарченонъ,
« А по матушкѣ
80. « Ты Русеночекъ,
« А по роду мнѣ
« Ты внученочекъ:
« Вѣдь твоя-то мать
« Мнѣ родная дочь,
85. « Вѣдь твоя-то мать
« Мнѣ родная дочь;
« Семи лѣтъ она
« Во полонъ взята;
- « На правѣй груди въ ней —
90. « У ней родинка,
« На лѣвѣй ногѣ
« Нѣтъ мизинчика.
- « Мнѣ и бить тебя —
« Такъ грѣхъ будетъ.
95. « А дитѣй назвать —
« Мнѣ вѣра не та!»
- Охъ, стучить-грешить.
По снѣжмъ бѣжить,
По снѣжмъ бѣжить
100. И дрожма дрожить

Дочка къ матери;
 Повалилася,
 Повалилася
 Во рѣзвы ноги:

105. « Государыня,
 « Моя матушка!
 « Не спознала я
 « Тебя, рѣдная!
- « Ты бери ключи,
 110. « Ключи зѣлоты,
 « Отмыкай ларцы,
 « Ларцы кѣваны,
 « Отмыкай ларцы,
 « Ларцы кѣваны,
 115. « Ты бери казны
 « Сколько надобно;
 « Ты поди, поди
 « На конюшенку,
 « Ты бери коня
 120. « Что ни лучшаго,
 « Ты бѣги, бѣги,
 « Моя матушка,
 « Моя рѣдная,
 « На святую Русь!»
125. — Охъ дитѣ-ль мое,
 Мое милое!
 Не поѣду я
 На святую Русь,
 Не поѣду я
 130. На святую Русь;
 Я съ тобой, мой другъ,
 Не разстануся.

(Влецкий у., Орловской губ.)

Ужь и чей это теремъ
Златымъ серебромъ украшенъ?

Подвилья,
Подвиль яблонь,
Направили противъ-или на-филя
Штрафиль-пфиль,
Подфиль Филимонъ,
Лебада пале,
Приклонъ яблонь
Прилегла. ¹⁾

Ужь во томъ ли терему
Убранá кровать стоитъ,

Ужь на той ли на кровати
Самъ турецкой царь лежить;

Передъ этимъ королеми
Полоняночка стоитъ,

Полоняночка стоитъ
Красна дѣвица-душа

Изъ Россійской стороны,
Обливалася слезми.

«Ты не плачь, не плачь, дѣвица,
« Не плачь, душечка моя!

« Я отдамъ тебя, дѣвица,
« За любимого пажу.»

¹⁾ Приливъ повторяется послѣ каждаго двустипіа.

— Не хочу я за пажу!
Отпусти меня домой,
Отпусти меня домой
Къ моей матушкѣ родной.

(Зп. М. А. Стаховичъ).

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества
Любителей Россійской Словесности *).

—1867 г. Января 13, ССХХІХ засѣданіе, пунктъ 3.—Д. Ч. А. Н. Аванасьевъ напечаталъ, по переданнымъ ему рукописямъ, четыре листа, но долженъ былъ на этомъ остановиться, потому что дальнѣйшихъ рукописей Кирѣевского у него не было.—Общество постановило: просить Д. Ч. П. А. Безсонова (возвратившагося въ Москву) докончить напечатанный уже Д. Ч. А. Н. Аванасьевымъ текстъ Пѣсень своими примѣчаніями и выпустить оный.

—Во исполненіе протокола, изъ письма Г. Предсѣдателя Общества Н. В. Калачова къ Д. Чл. П. А. Безсонову отъ 16 Октября 1867 года: «М. Г. Общество Л. Р. Сл. въ засѣданіи 13 Января (ст. 3) опредѣлило просить Васъ, взять на себя трудъ докончить напечатанный уже Д. Ч. А. Н. Аванасьевымъ текстъ 7-го выпуска Пѣсень Кирѣевского и дополнить оный Вашими примѣчаніями.... Сообщая Вамъ, М. Г., объ этихъ постановленіяхъ Общества и въ надеждѣ, что Вы не откажете въ дальнѣйшемъ содѣйствіи своемъ этому заданію, столь много уже Вамъ обязанному, я имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, увѣдомить меня предварительно о томъ, согласны ли Вы принять на себя означенный трудъ»... Отвѣтъ Г. Предсѣдателю Д. Чл. П. А. Безсонова отъ 19 Октября съ изъявленіемъ совершенной готовности.

*) Отпечатанъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ
КЪ 7-му ВЫПУСКУ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢВСКИМЪ,

и

ДОПОЛНЕНІЯ

КЪ ПЕРВЫМЪ ДВУМЪ ЧАСТЯМЪ ПѢСЕНЬ ВЫЛЕВЫХЪ И ИСТОРИЧЕСКИХЪ.

При концѣ двухъ первыхъ частей предполагалось въ дополненіе напечатать все, что открыто въ томъ же родѣ послѣ ихъ появленія. Но по обстоятельствамъ, выше изложеннымъ, и происшедшему отсюда перерыву въ изданіи, предположеніе это выполняется здѣсь *вторичными* Приложеніями, въ порядкѣ, который уясненъ вполне Оглавленіемъ на концѣ сего выпуска.

Часть I.

Выпускъ 1 и 4.

Илья Муромецъ.

1.

(Губ. Ворон., Землянск. у.).

Какъ то было за Днѣпромъ рѣкой:

Стояли заставы не малыя,

Заставушки не малыя, великія;

Быль на заставахъ: старой козакъ Илья Муромецъ,

5. Быль Алеша Поповичъ,

Еще были два брата родимые,

Лука да Матвей, Дѣти Боярскіе.

Утромъ то было ранѣмъ рано,

На зарѣ то было на утренней,

10. Выходилъ Илья Муромецъ изъ бѣла шатра

На свои (балконы) широкіе;

Онъ смотрѣлъ во чисто поле

На всѣ четыре стороны:

Ничего нѣтъ въ полѣ хорошаго,

15. Ни худаго, ни добраго,

Все въ полѣ по старому,

Подъ востокомъ лишь морочить *) стало.

*) Мерянуть, заволакивать; по другимъ разнорѣчіямъ: увидалъ на полѣ вдали чернизику.

- Спускается старою Илья Муромецъ
 Къ быстру Дибру,
20. Изъ быстра Дибра умывается,
 Шитою шириною утирается,
 Самъ смотритъ во чисто поле.
 Видитъ, ѣдетъ богатырь, торопится
 Ко старому козаку Ильѣ Муромцу.
25. Ѣхать то Добрыня Никитичъ младъ.
 Подъѣзжаетъ онъ къ Ильѣ Муромцу,
 Говоритъ ему таковыя слова:
 «Ой ты гой еси, старою Илья Муромецъ,
 «Прѣхалъ богатырь мимо меня,
30. «Мимо меня, мимо моеи заставы.
 «Подъ нимъ добрый конь, что лютый звѣрь
 «Самъ богатырь на конѣ храбро сидитъ,
 «На правомъ плечѣ тяжка палица,
 «На лѣвомъ плечѣ сидитъ бѣлъ кречетъ,
35. «По стременю бѣгутъ сѣры выхлоки *)»
 Говоритъ Добрыня Илья Муромецъ:
 — Подъѣхай ты, Добрыня, за богатыремъ,
 — Не бери съ собою тяжкой палицы,
 — Не бери съ собою сабли вострыя,
40. — Сабли вострыя, коня мурзамецкаго;
 — Сиреси ты богатыря про дѣдину,
 — Про дѣдину, про отчину,
 — Коего города, какой земли.—
- Ѣдетъ Добрыня Никитичъ за богатыремъ,
45. Подъѣзжаетъ Добрыня на богатыря,
 Сталъ кричать ему зычнымъ голосомъ,
 Говоритъ ему языкомъ Русскимъ:
 «Гой ты еси, добрый молодецъ,
 «Сильный, могучий богатырь!
50. «Ты скажи мнѣ про дѣдину, про отчину,

*) См. въ прежнихъ выпускахъ.

- «Коего города, какой земли?»
 Отвѣчаетъ ему добрый молодецъ,
 Сильный, могучій богатырь:
55. «Отлейся ты, какъ вода вешняя,
 ««Отъѣзжай, мужикъ, деревенщина,
 ««Отлети, ворона перелѣтная,
 ««Не хочу я съ тобой рѣчей вести,
 ««Не хочу съ тобой слова говорить.»»
 Отворачивалъ Добрыня своего коня,
60. Ъхалъ къ старому Ильѣ Муромцу,
 Говорилъ ему Добрыня таковы слова:
 «Богъ тебя суди, старой козакъ,
 «Богъ тебя суди, Илья Муромецъ,
 «Не велѣлъ ты мнѣ брать тяжку палицу,
65. «Сабли вострыя, конья мурземецкаго;
 «Обзывалъ меня богатырь:
 ««Отлейся ты, какъ вода вешняя,
 ««Отъѣзжай, мужикъ, деревенщина,
 ««Отлетай, ворона перелетная,
70. ««Не хочу я съ тобой рѣчей вести,
 ««Не хочу съ тобой слова говорить.»»
 За бѣду стало старому Ильѣ Муромцу,
 За великую досаду показалось,
 Его сердце разгоралось,
75. Его кровь раскипалась,
 Говорилъ Добрынѣ Илья Муромецъ:
 —Ой ты гой еси, Добрыня Никитичъ влады!
 —Я поѣду за богатыремъ,
 —Ты же поѣзжай въ стольный Кіевъ градъ
80. —На улочку на съѣзжую,
 —На площадку на схожую;
 —Ни къ чему ты коня не привязывай,
 —Ни кому ты его не приказывай,
 —Самъ ступай во Божій храмъ,
85. —Ко свѣтлой Христовой заутрени,
 —Ставь свѣчи мѣстныя
 —Исусу Христу, Божьей Матери,

- Третью свѣчу Михаилу Архангелу,
 —Стой, молися Богу милостивому,
 90. —Клади поклоны до сырой земли,
 —Приси у Бога милости:
 —Когда свѣчи стануть обливатися *),
 —По ту пору стану я воеватися.—
 Скрутно **) они тутъ сряжались,
 95. На добрыхъ коней сядилися,
 Другъ съ дружкой распростилися:
 Добрыня поѣхалъ въ стольный Кіевъ градъ,
 Илья Муромецъ во чистѣ поле.

- Не стукъ стучить во чистѣмъ полѣ,
 100. Не громъ гремитъ во раздолыцѣ,
 Ёдетъ старый Илья Муромецъ, торопится,
 Его вѣрный конь разсержается,
 По чисту полю разстиляется,
 Мелкіе лѣса промежду ногъ бросалъ,
 105. Мелкія рѣчки-ручьи пескомъ засыпалъ.
 Услыхалъ тутъ добрый молодецъ,
 Сильный, могучій богатырь,
 Топоту конинаго, голосу богатырскаго,
 Подъ нимъ добрый конь сталъ спотыкаться:
 110. «Что ты, конь мой, спотыкаешься?
 «Аль не слыхивалъ топоту конинаго,
 «Аль не слыхивалъ голосу богатырскаго?»
 Спускалъ добрый молодецъ
 Съ лѣва плеча бѣла кречета:
 115. «Полети, бѣль кречеть, во чистѣ поле,
 «Побѣгите, сѣры выхлоки, во темны лѣса,
 «Мнѣ теперъ не до васъ пришло.»
 Наѣзжалъ на богатыря старой Илья Муромецъ,
 Съѣзжались они во чистѣмъ полѣ,

*) Пока порядочно уже сгорать.

**) Поспѣшно. Прим. 1-го изд. — Нарядно, какъ слѣдуетъ сряжаться, кру-
 титься.

120. Стали биться—рубиться.
 Долго билися богатыри,
 Тяжки палицы поломалися,
 А другъ дружку не поранили.
 Съѣзжались они въ другой разъ,
125. Долго билися—рубилися,
 Сабли вострыя призабилися,
 А другъ дружку не поранили.
 Съѣзжались они въ третій разъ,
 Скочили съ добрыхъ коней
130. И схватилися въ рукопашную.
 У богатыря была уловка не добрая:
 Онъ бралъ Илью Муромца на косоу носокъ ^{*)},
 Бросалъ его на сырую землю,
 Разстегалъ его груди бѣлыя,
135. Выдергивалъ чингалище ^{**)}, булатный ножъ,
 И хотѣлъ вспоротъ его бѣлу грудь:
 Какъ въ локтѣ рука застоялася;
 Онъ заноситъ ее въ другой разъ,
 Но въ локтѣ рука застоялася;
140. Онъ заноситъ ее въ третій разъ,
 Но рука опять застоялася.
 Говоритъ тутъ добрый молодець:
 «Что жъ это за диковина,
 «Не могу я вспоротъ груди бѣлыя!
145. «Аль ты въ родствѣ, али въ племени?
 «Скажи мнѣ про дѣдину, про отчину,
 «Коего города, какой земли?»
 Взговорилъ старой Илья Муромецъ:
 —Охъ Ты, Боже мой милостивый,
150. —Исусъ Христосъ, Матерь Божія!
 —Я стоялъ всегда за вѣру православную.
 —Православную Русь, христіанскую,

^{*)} Въ борьбѣ «подъ ножку.»

^{**)} См. прежніе выпуски.

- Былъ я на семи бояхъ,
 —На семи бояхъ на семидесяти,
 155. —Все мнѣ старому удавалось,
 —А нынѣ Господь Богъ прогибѣвался:
 —Сидитъ богатырь на моей груди
 —И не можетъ вспороть груди бѣлыя!
 —Когда бы я былъ на его грудяхъ,
 160. —Не спросилъ бы про дѣдину и отчину.—
 Спускались съ неба два ангела,
 Шептали Ильѣ Муромцу во правое ухо:
 «Встрепенись, встрепенись, старой Ильѣ Муромецъ,
 «Какъ трепещется на синемъ морѣ сизой орелъ!»
 165. Встрепенулся старой Ильѣ Муромецъ,
 Онъ сбрасывалъ богатыря съ бѣлой груди,
 Улеталъ богатырь выше дерева стоячаго;
 Взбѣгалъ на богатыря старой Ильѣ Муромецъ,
 Не разстегивалъ его груди бѣлыя,
 170. Выдергивалъ чингалище, булатный ножъ,
 Хватилъ богатыря во бѣлую грудь:
 Но сгибался булатный ножъ до черена.
 Удивлялися тутъ, что жъ это за диковина?
 Разстегалъ у богатыря грудь бѣлую,
 175. Увидалъ на немъ крестъ серебряный,
 Сталъ спрашивать про дѣдину, про отчину:
 —Ты скажи мнѣ, удалой молодецъ,
 —Коего города, какой земли,
 —Какого отца и матери?—
 180. «Матери Польки *) я, отца Ильѣ Муромца.»
 Бралъ старой богатыря за бѣлыя руки,
 Становилъ его на ноги рѣзвыя,
 Цѣловалъ въ уста сахарныя:
 —Ужь ты здравствуй, дитя мое милое,
 185. —Я отецъ твой Ильѣ Муромецъ!—
 Садились они тутъ на добрыхъ коней,

*) Это разнорѣчіе, неизвестное по другимъ образцамъ.

Бѣхали въ столичный Кіевъ градъ,
Ко солнышку ко Владиміру.

Встрѣчалъ ихъ солнышко Владиміръ князь

190. Съ честію, радостію,
Выкатывъ, солнце, бочку вина сорокъ ведръ,
Наливалъ чашу въ полтора ведра,
Подносилъ ее (къ) Ильѣ Муромцу.
Были всѣ тутъ веселы, радостны,
195. Богатыри храбрые, поляница удамая,
Гуляли они, потѣшались,
Не много, не мало, два мѣсяца.

(Со словъ крестьянина, ср. „Воронежск. Сборникъ“ 1861 г., а въ 1-й Частн вып. 1,
Разр. I №№ 1—6, Разр. IV №№ 1—2; выи. 4 №№ 2 и 3).

*

2.

(Сарат. губ.).

Какъ далече—далече во чистомъ полѣ,
Не ковыль—трава въ полѣ шатается,
Зашатавъ—загулявъ старъ—матеръ человѣкъ,
Старъ—матеръ человѣкъ, Илья Муромецъ,

5. На своемъ на добромъ конѣ,
На войлочкѣ на бумажнымъ *),
На сѣдельцѣ на черкасскимъ.
У старого денегъ не водилося,
Только было при немъ сорокъ тысячей,
10. А коню подъ нимъ цѣны не было:
Конь—то былъ подъ нимъ, что лютый звѣрь,

*) Войлочекъ—бумажный: противорѣчіе и бессмысленное сочетаніе.

- А самъ онъ на конѣ, что ясенъ соколъ.
 Какъ наѣхали на него станишнички,
 По русскому сказать, воры—разбойнички,
 15. Хотятъ они старого ограбити,
 Хотятъ его добра молодца убить—срубить,
 Убить—срубить, душу погубить.
 Возговорилъ тутъ Илья Муромецъ:
 «Ужь вы братцы мои станишнички!
 20. «Убить вамъ меня, старого, не за что,
 «А взять—то вамъ у меня нечего,—
 «Только есть на мнѣ безсермяжечка *),
 «Безсермяжечка—она въ сто рублёвъ,
 «Кушакъ да штаны—пятьсотъ даны,
 25. «Шапочка моя—во всю тысячу,
 «А добру мому коню и цѣны нѣту:
 «Отъ того мому коню цѣны нѣту,
 «Что онъ броду не спрашивать,
 «А котора рѣка и цѣла верста,
 30. «Онъ скачетъ съ берегу на берегъ.»

- Вынималъ тутъ Илья Муромецъ свой крѣпкій лукъ,
 Накладалъ онъ калену стрѣлу,
 Онъ стрѣлялъ по сыру дубу,—
 Угодила стрѣла въ кряковистый дубъ,
 35. Ищепала дубъ въ черепя **) въ ножевыя.
 А станишнички испужалися
 Что того ли грому богатырскаго,
 Всѣ съ добрыхъ коней попадали,
 Безъ ума часовъ пять лежать.
 40. А и стали станишники пробужатися:
 Встаётъ Сѣма, пересѣмываетъ,
 Встаётъ Спира, поспириваетъ,

*) Обыкновенно, по другимъ образцамъ, сермяжечка: здѣсь, вѣроятно, приравлено къ слову «бесермень» по сходству звуковъ.

**) Черепья.

Да и бьютъ челомъ Ильѣ Муромцу:

«Ты старѣй козакъ Ильѣ Муромецъ,

45. «Ильѣ Муромецъ, свѣтъ Ивановичъ!

«Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное,

«Станемъ тебѣ служить вѣрой—правдою

«Отнынѣ и до вѣку.»»

Отвѣчаетъ Ильѣ Муромецъ Ивановичъ:

50. «Ужь вы гой есте, братцы станишнички!

«Вы ступайте во чисто поле,

«Вы скажите Олѣшкѣ Поповичу,

«Что каковъ есть старой казакъ Ильѣ Муромецъ.»

(Ср. «Лѣтоп. Р. Л. и др.» т. IV, изъ сборн. гг. Костомарова и Мордовцевой, гдѣ прибавлено еще нѣсколько разнорѣчій, а въ Части I-й вып. 1, отд. II, № 8-й, ближайше сходный).

*

Въ «Лѣтописяхъ Р. Литер. и Древн.,» изд. Н. С. Тихонравова, т. IV, 1862 г., изъ сборника гг. Костомарова и Мордовцевой, стр. 9—10, помѣщено ближайшее разнорѣчье къ нашему изданію, Ч. I, вып. 1, отд. I, № 7, объ Ильѣ Муромцѣ на Соколѣ кораблѣ; другой «вариантъ,» тамъ же помѣщенный, взятъ изъ Пѣсенника Новиковскаго; а третій, объ Алѣшкѣ Поповичѣ на Соколѣ кораблѣ, ср. у насъ въ Ч. I, вып. 4-мъ, въ «Замѣткѣ,» съ образцемъ, помѣщеннымъ на стр. XXIII—XXVII. — Помѣщенная же въ сборн. гг. Костомарова и Мордовц. былина, яко бы изъ круга Владимірова, о Лукоянѣ Берендѣвичѣ, сочинена по тому же образцу, какъ Сахаровскія былевья сказки (см. «Замѣтку при 5-мъ вып.) съ невозможными въ нашемъ народномъ творествѣ выраженіями и небывалымъ языкомъ.

В ы п у с к ъ 2.

Д о б р ы н я Н и в и т и ч ъ .

1.

(Сарат. губ.).

Матушка Добрынюшкѣ наказывала:

- «Ты Добрынюшка, добрый молодецъ!
«Не садися ты на добра коня,
«Не ѣзди гулять въ зелены луга,
5. «Въ зелены луга, въ батюшкины займища,
«Не подѣзживай, Добрынюшка, къ быстрой рѣкѣ,
«Не смахивай рубашечку миткалиновую,
«Не бросайся, Добрынюшка, во быстру рѣку.»

Добрынюшка матушки не послушался,

10. Осѣдловалъ Добрынюшка ворона коня,
Поѣхалъ же Добрынюшка въ зелены луга,
Въ зелены луга, въ батюшкины займища,
Подѣзжалъ Добрынюшка ко быстрой рѣкѣ,
И смахивалъ рубашечку миткалиновую,
15. Бросался купаться во быстру рѣку.
Онъ половину рѣки переплылъ,
А другую половину пернырнулъ,
Очутился Добрынюшка на той сторонѣ.
И сталъ Добрынюшка шуточки шутить,
20. Во круту гору камушки бросать.
Увидѣла же Жѣница-Горыница,
И бросилась на Добрынюшку.

Въ тѣ поры Добрынюшка не робокъ былъ,
 Поймалъ же Добрынюшка Змѣищу за жабрища,
 26. Ударилъ же Змѣищу объ сыру землю.
 Тутъ-то Змѣища возмолилася,
 Добрынюшка покорилася
 И въ ноги ему поклонилася.

Ср. такъ же, сборн. гг. Костом. и Морд., а у насъ Ч. I, вып. 2, отд. II, № 1 и
 отд. III, №№ 1 и 5).

*

Въ «Лѣтоп. Р. Литер. и Др.» другая былина о Добрынѣ и
 женѣ его, вышедшей за Алѣшу Поповича, составляетъ почти
 дословное повтореніе съ былиной, напечатанной у насъ Ч. I,
 вып. 2, Отд. I, № 8, и записанной также въ Саратовѣ, съ
 тѣмъ лишь отличіемъ, что въ сборникѣ гг. Костомарова и Мор-
 довцевой прибавлено въ концѣ:

Соѣзжался Добрыня со Поповичемъ на смертный бой,
 И отсѣкъ ему буйну голову съ богатырскихъ плечь *).

Къ помѣщеннымъ въ Ч. I, вып. 3 и 4-мъ, былинамъ о Су-
 ровцѣ-Суздальцѣ, относится напечатанная въ «Лѣтоп. Р. Лит.
 и Др.» изъ сборника гг. Костомарова и Мордовцевой, V, стр.
 12—14, съ замѣткою, что «списана отъ холщевника — верхо-
 ваго мужика.» Она дословно сходна какъ съ помѣщенною въ
 Новиковскомъ Пѣсенникѣ, такъ и съ перепечатанною у насъ
 въ выпускѣ 3-мъ, стр. 110—112, № 2.

*) По всѣмъ былинамъ, доселѣ известнымъ, Добрыня только наказалъ
 Алѣшу, но не убивалъ: смерть Алѣшѣ была другая. См. «Указатель» къ I-й
 Части при 4-мъ выпускѣ.

Былины, соответственные I-й части Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, явились за тѣмъ въ отличномъ собраніи П. Н. Рыбникова, коего I-я и II-я Части изданы въ Москвѣ 1861 и 1862 года П. А. Безсоновымъ и Дм. А. Хомяковымъ, III-я самимъ Сбирателемъ въ Петрозаводскѣ 1864-го и IV-я въ С.-Петербургѣ 1867 года г. О. Миллеромъ.—Тамъ помѣщены Былины, Побывальщины и Старины: Илья Муромецъ, Ч. I, №№ 9—22; II, 2, 3, 62—64; III, 4—14, 35, 36; IV, 2—4.—Добрыня Никитичъ: Ч. I, 23—28; II, 4—9; III, 15—19.—Алѣша Поповичъ: I и II (см. Добрыню); III, 20.—Василій Казимировичъ или Игнатъевичъ: I, 27, 29; II, 10, 11, 65; III, 37.—Иванъ Гостинный сынъ: III, 34; IV, 7.—Иванъ Годиновичъ: I, 33, 34; II, 13, 14; III, 23.—Данило Игнатъевичъ съ сыномъ: III, 22.—Дунай Ивановичъ: I, 30, 31 (№ 32, Дѣвпра Королевична и Донъ Ивановичъ); II, 12; III, 21; IV, 5.—Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ и Сорокъ каликъ со каликою: I, 35—40; II, 15—18; IV, 12.—Ставръ Годиновичъ: I, 41, 42; II, 19—21; IV, 6.—Хотень Блудовичъ: I, 43, 44; II, 22; III, 28; IV, 7 и 8.—Чурило Пленковичъ: I, 45, 46; II, 23, 24 и (съ Шаркомъ великаномъ) 25; III, 24—27.—Дюкъ Степановичъ: I, 47—52 (и съ Шаркомъ); II, 26—30; III, 29—31; IV, 9 и 10.—Соловей Будимировичъ: I, 53, 54; II, 31; III, 32 (въ печати ошибка 31), 33; IV, 11.—Аника Воинъ: I, 81; II, 48.—Кромъ того, неизвестныя изъ собранія П. В. Кирѣевского, вновь открытыя, изъ времени до Владиміра, о лицахъ и богатыряхъ Старшихъ: Олегъ или Вольгъ и Микулъ Селявиновичъ, съ дочерьми Микуличнами, Суханъ или Сухманъ, Самсонъ и Святоторъ (съ переходомъ къ Ильѣ Муромцу), I, №№ 1—8; II, 1, 60, 61; III, 1, 2; IV, 1.—Равно вѣтъ времени Владимірова, изъ области Сказочной и древнѣйшаго былеваго творчества Черноморскаго и Придунайскаго: о Царѣ Саламанъ, царицѣ Саламаніи и Васильѣ Акульевичѣ, о Ванькѣ Удовкинѣ сынѣ и царѣ Волпанѣ Волпанскомъ, I, 76; II, 52—55; III, 54—56; IV, 18; ср. III, 57, 58.—И нѣк. друг.

Часть II.

Выпускъ 5.

При изданіи былевыхъ пѣсень Новгородскихъ вышли уже I-я и II-я часть собранія П. Н. Рыбникова, а потому изъ сихъ послѣднихъ введены разнорѣчія въ «Указатель» при 5-мъ выпускѣ.—За тѣмъ, въ III-й и IV-й части Рыбникова помѣщены соответственные былевые пѣсни: о Васильѣ Буслаевѣ, III, №№ 39, 40; О Садкѣ, III, 41, 42; о Терентѣ, III, 43.

На семь мѣстѣ, какъ дополненіе къ былинамъ Новгородскимъ, о Васильѣ Буслаевѣ, въ отдѣлѣ II-мъ (5-й вып., стр. 23 и далѣе), должна бы помѣститься, напечатанная здѣсь выше, на стр. 54 (III), пѣсня, хотя перешедшая въ Безъимянные Молодецкія, но записанная П. В. Кирѣевскимъ въ Новгородѣ, о кораблѣ, плывущемъ къ Новгороду, а на кораблѣ о «Васильѣ, Купеческомъ сынѣ,» конечно по отдаленной памяти Василья Буслаева. Дальнѣйшія, еще болѣе испорченныя, разнорѣчія ея таковы:

Бъ Василью Буслаеву.

1.

(Самара).

Какъ по морю, по моречку,
 Черной корабль плыветь,
 Гостиный сынъ Василій
 По кораблю идетъ,
 5. Во звончатые гусельцы
 Поигрываетъ,
 Подаетъ онъ голосокъ
 (Сашѣ милой) въ теремокъ:

- «Чтобы милая моя
10. «Не дремала, не спала,
«Не дремала, не спала,
«Дорога гостя ждала,
«Дорога дружка, дружечка,
«Дружка миленькаго.»
15. Какъ и солнце на закатъ,
Свѣтель мѣсяць взонелъ:
Гостинный сынъ Василій
За охотою пошелъ,
За охотою такой,
20. За дѣвичьей красотой.
Увидала изъ окна
Его маменька родна:
—Полно, полно, сынъ Василій,
—Ты дурачить перестань,
25. —Прочь отъ дѣвицы отстань...—

(Ср. Сборн. Самар. В. Варенцова).

*

2.

(Холмогоры).

- По морю корабличекъ бѣжалъ таки, бѣжалъ,
Ай люли, ай люли, онъ бѣжалъ ^{*)},
Во кораблюшкѣ Василій гулялъ таки, гулялъ:
«Поиграйте, гусли-мысли, вы теперича при мнѣ,
5. «Вы теперича при мнѣ, при Васильѣ молодомъ ^{**)}.»
Васильева мать Ирина таки рѣчи говоритъ:
—Полно, Вася, ты гулять, ко вдовушкѣ не бывай,

^{*)} Такъ повторяется послѣ каждаго стиха.

^{**)} По складу ожидается: «При Васильѣ молодомъ, при Кувеческомъ (или Гостинномъ) сынкѣ.»

- У вдовушки дочь хорошая, люби таки, люби *) —
 «Родимая мать, тебѣ меня не унять,
 10. «Тебѣ меня не унять, за быстру рѣчку гулять,
 «За быстру рѣчку гулять, ко вдовушкѣ побывать,
 «У вдовушки дочь хорошую любить таки, любить:
 «Брови соболины, очи соколины,
 «Ей походочка павлина, тиха рѣчь лебедина;
 15. «Она баеть—разсыпаеть,—сверхъ погодой посыпаеть **)»
 Хоть погодой посыпаеть, Васѣ ***) мать не потакаетъ.

(Запис. С. В. Максимовымъ, ср. „Р. пѣсни“ изд. Якушкина, 1865 г., стр. 208).

* *
 *

Садко.

1.

(Земля Войска Донскаго).

- Во славномъ во городѣ во Царѣ-градѣ *)
 Во Царѣ-градѣ, во царскомъ кабакѣ,
 Пьетъ-то Садко, напивается,
 Во глупомъ-то хмѣлю похваляется:
 5. «Какъ нѣту Садка богаче его,
 «Богаче его, тороватѣй его,—
 «Всю Россеюшку я повыкуплю,
 «Чисто на чисто вѣничкомъ повымету!»
 Да бѣда на Садка,—рядочки горшечные,
 10. Скоро жгутъ да скорѣй того и дѣлаютъ **).

*) Очевидно подлинный складъ таковъ: «Полно, Вася, ты гулять,—У вдовушки дочь хорошую любить таки, любить.»

**) Т. е. словно сверхъ погодой посыпаетъ.

**) Въ подлинникѣ ошибка: «Ванѣ.»

*) Въстѣ: «во Новѣ-градѣ.»

**) Всѣ ряды съ товарами онъ выкупилъ, только бѣда ему съ рядами горшечными: скупилъ горшки, а ихъ еще скорѣй нажгутъ новыя.

- Нагружаетъ Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей и одинъ карабль.
Пушчался Садко въ Океанъ—море,
Въ святое озеро Яльинское ^{*)}).
15. Всѣ кораблики въ море поплыли,
Но Садковъ—то корабль на морѣ становится,
Знать на камушку, знать на бѣлому ^{**)}.
Воскричитъ—то Садко громкимъ голосомъ:
«Вы братцы мои, гости—корабельшички!
20. «Ну вы рѣжьте жеребочки кугинные ^{***)}),
«Пушайте ихъ въ сине море.»
Ну, всѣ жеребы въ море поплыли,
Ну, Садковъ—то жеребъ какъ ключъ ко дну.
Воскричитъ Садко громкимъ голосомъ:
25. «Вы друзья мои, гости—корабельнички!
«Не бранилъ ли изъ васъ кто отца—матери
«И не клялся ли изъ васъ кто родомъ—племенемъ?
«Ну, вы рѣжьте жеребы всѣ таволжаные ^{****)}),
«Вы пушайте ихъ въ Океанъ—море.»
30. Ну, всѣ жеребы въ море поплыли,
Ну, Садковъ—то жеребъ какъ ключъ ко дну.

(Ср. Сборн. А. Савельева, Спб. 1866. а у насъ въ Ч. II вып. 5-мъ 1-й отдѣлъ бы-
линь о Садкѣ).

* *
*

За симъ по порядку должна бы слѣдовать Побывальщина о
Гостѣ Новгородскомъ Терентѣ, отпечатанная выше на стр.
48—51, замѣчательная по рѣдкости образцовъ сего рода и по
нѣкоторымъ подробностямъ, кои, вмѣстѣ съ отличіями Побываль-
щины Рыбниковской, слѣдуетъ прибавить къ «Указателю»
при 5-мъ выпускѣ.

^{*)} Не Хвалынское (Каспійское), а Ильменское, Ильмень, какъ знаемъ по
другимъ Новгородскимъ образцамъ. — ^{**)} На алатырѣ, чудодѣйномъ камнѣ.—
^{***)} Чугунные; стальные, булатные. — ^{****)} См. прежніе выпуски.

Послѣ появленія знаменитыхъ сборниковъ былинь Кириши Данилова, П. В. Кирѣвскаго и П. Н. Рыбникова, изданныхъ К. О. Калайдовичемъ, нами, гг. Рыбниковымъ и Миллеромъ, не менѣе важное открытіе, которое должно стать рядомъ со всѣми означенными и занять мѣсто въ ряду печатныхъ или почетныхъ «народныхъ памятниковъ,» представляетъ обширная статья г. Стасова «о происхожденіи Русскихъ былинь,» помѣщенная въ трехъ первыхъ книжкахъ «Вѣстника Европы» за сей 1868 годъ и еще продолжающаяся. Вотъ что между прочимъ говорится касательно содержанія былинь о Садкѣ: «Во всемъ этомъ разсказѣ, кромѣ нѣкоторыхъ, совершенно внѣшнихъ подробностей обстановки (напр. самый Новгородъ, Волховъ, Ильмень, и т. п.), нѣтъ ничего не только Новгородскаго, но даже вообще Русскаго, по коренному происхожденію и по деталямъ. Тутъ нечего искать ни Новгорода, ни Волхова, ни Русскаго моря, ни русскихъ купцовъ, ни русскихъ вообще людей. Все чуждое, все пришло въ нашу пѣсню съ Востока.» Все сочинитель находитъ въ Гариванзѣ, въ сборникѣ Сомадевы, въ буддійскихъ пересказахъ. «Пѣсня о Садкѣ создалась не въ нашемъ отечествѣ, а на Востокѣ;» «она не оригинальное созданіе Русскаго народнаго творчества, она разсказъ древнихъ легендъ, издревле ходившихъ по Востоку въ разнообразныхъ видахъ и редакціяхъ. Нашъ Новгородскій купецъ Садко есть ничто иное, какъ являющійся въ русскихъ формахъ индѣйскій царь Яду, индѣйскій богатырь—брахманъ Видушака, тибетскій брахманъ Джинпа-Ченпо, тибетскій царевичъ Гедонъ, индѣйскій монахъ Самгха-Ракшита.» За тѣмъ сочинитель видитъ уже разсказъ сей у дикихъ обитателей острова Борнео и наконецъ у прочихъ дикарей Америки. «Никола Можайскій русской былины—кормчій Дванглуна, брахманъ легенды о Самгхѣ-Ракшитѣ,» а у дикарей Борнео «человѣкъ, который подаетъ полезные совѣты.» О другихъ пѣсняхъ касательно Садки сочинитель прибавляетъ: «Имѣю въ рукахъ доказательства ихъ чужеземнаго, и вовсе не мѣстнаго, Новгородскаго происхожденія.» Это

оказывается Индѣйская легенда о купцѣ *Пурнѣ*. Садко строитъ церкви? «Церкви нашего разсказа выражаютъ собою не Новгородскія, не Русскія, даже не христіанскія церкви, а тѣ храмы, которые упоминаются въ восточныхъ первообразахъ.» «Гусли нашихъ сказокъ и пѣсенъ—это лютя и «вина» (родъ арфы) индѣйскихъ и тибетскихъ разсказовъ.»—Всѣ эти данныя очевидно составляютъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ вариантовъ къ былинамъ Новгородскимъ и вообще къ былевому Россійскому пѣснотворчеству, а потому должны стоять въ ряду пѣсенъ и цѣликомъ войти въ «Указатель.»

В ы п у с к ъ 5.

Б ы л и н ы К н я ж е с к і я .

Былины «Княжескія,» въ первые выдѣленные нами въ сей особѣй отдѣлъ и даже первый разъ въ литературѣ названные такимъ именемъ, съ каждымъ шагомъ открытій въ дѣлѣ народнаго былеваго творчества и съ каждымъ новымъ пріемомъ изслѣдованія выигрываютъ себѣ все болѣе обширную область и широкое значеніе. Сюда относятся, между прочимъ, изъ собранія П. Н. Рыбникова: Ч. I, №№ 72—75, о двухъ королевичахъ Краковскихъ, о двухъ братьяхъ, Литовскихъ королевичахъ или князьяхъ, потомъ о нихъ же въ Ч. III № 54 и въ Ч. IV № 17: то есть собственно о Литовскихъ древнихъ князьяхъ и судьбѣ ихъ при столкновеніи съ Романомъ, сперва, по исконному происхожденію былинъ, съ Романомъ Галицкимъ и Волынскимъ, потомъ позднѣе, по вліянію событій Московскихъ, съ Романомъ Московскимъ и даже съ любимымъ героемъ Московскихъ былинъ, Никифору Романовичемъ. Такимъ образомъ, это существенное, важнѣйшее пополненіе къ I-му отдѣлу былинъ о Князѣ Романѣ, помѣщенныхъ у насъ въ 5-мъ выпускѣ на стр. 92—99, подъ №№ 1 и 2-мъ.

Далѣ въ I-й Ч. собранія П. Н. Рыбникова № 79 былина, ближайше сходная съ нашей Княжеской о Князѣ Дмитрѣ въ вып. 5-мъ стр. 63—65.

Еще болѣе былинь о Князѣ Михайлѣ, соответственно написанъ въ вып. 5-мъ на стр. 68—76 и далѣ: замѣчательное содержаніе ихъ послужило основой для художественнаго воспроизведенія Д. Чл. Общества Н. А. Чаева. У Рыбникова, съ именемъ Князя, въ Ч. II №№ 46, 47 и въ Ч. III № 64 (гдѣ подъ именемъ «княгини Михайловны» разумѣется «Михайлова, Михайлова,» жена Михайлы).—Вотъ еще тѣ же пѣсни, въ коихъ собственное имя постепенно переходитъ въ «королевича,» «козака» и простаго «молодца (въ вып. 5-мъ стр. 78—91):»

Князь Михайло.

1.

(Орловск. губ.).

Какъ поѣхалъ Князь Михайло

Во царскую во службу,

Во царскую во службу,

На великую нужду.

5. Покидалъ свою Княгиню,

Молоду Катерину;

Онъ приказывалъ Княгинѣ,

Своей матушкѣ родной:

«Охъ ты матушка родна!

10. «Береги молодую Княгиню,

«Береги ты мою Княгиню,

«Молодую Катерину:

«Ты корми мою Княгиню

«Крупичатыми калачами,

15. «Ты пои мою Княгиню
«Сытбю медовбю.»

- Не успблъ Князь со двора събхать,
Его добрый конь споткнулся,
Съ него бархатная шапочка
20. Свалилась,
Ужь какъ тутъ—то Князь Михайло
Онъ вспомнилъ,
Какъ вспомнилъ ли,
Горько Князь восплакнулъ:
25. «Ахти, дома у меня не здорово,
«Моей матушки родной не стало,
«Либо моей молодой Княгини,
«Молодой Княгини Катерины!»

- Его матушка родная
30. Жарко банюшку топила,
Горючь камень разжигала,
Молодую Княгиню погубила:
Бблы груди ей разрбзала,
Молоденца вынимала,
35. На горючий камень клала.

- Какъ прбехалъ Князь Михайло,
Его матушка встрбчаетъ,
За бблы руки примааетъ,
За дубовый столъ сажаетъ:
40. «Ахъ ты матушка моя родима,
«Гдб моя молодая Княгиня?»
—Молодая твоя Княгиня
—Пошла Богу молиться.—

(Ср. Якушк. Сиб., 1865, стр. 125, 126).

*

(Оттуда же).

Поѣхалъ Королевичъ.
 На разгуляньице,
 Оставилъ онъ Королевну
 На гореваньице.

5. Пускалъ своего добра коня
 Въ зеленые луга,
 А самъ пошелъ Королевичъ
 На круту гору;
 На крутенкой на горушкѣ
10. Раскинулъ бѣлы шатерьъ,
 Ложился спать Королевичъ
 Подъ бѣлымъ шатромъ.
 Пригрезился Королевичу
 Дивнохонекъ сонъ:
15. Изъ-подъ правой изъ-подъ ручки
 Соколикъ вылетѣлъ,
 Изъ-подъ лѣвой изъ-подъ бѣлой
 Сѣрая утушка.
 «Пойду, пойду, Королевичъ,
20. «Ко старушенькѣ:
 «Скажи, скажи, старушенька,
 «Про мой дивной сонъ?»
 —Твоя жена Королевна
 —Сына родила,
25. —На утренней на зорюшкѣ
 —Сама померла.—

Ворочался Королевичъ
 Къ своему двору:
 Не дошедши до своего двора,

30. Тяжело вздохнулъ;
Широкіе ворбѣтки
Растворены стоятъ,
Щекольчаты *) окошечки
Повыставлены;
35. Всѣ (солдаты, офицеры)
Въ черномъ платьицѣ.
«Королевна, моя жена,
«Въ бѣломъ убрана.
«Пойду, пойду, Королевичъ,
40. «Въ нову горенку,
«Вдарюсь, вдарюсь, Королевичъ,
«Объ дубовый столъ:
«Бывало ты, дубовый столъ,
«Приубранный стоишь,
45. «А нынѣ ты, дубовый столъ,
«Разубранный **) стоишь!»

*

3.

(Оттуда же).

Поѣхалъ Королевичъ
На полеваньице,
Оставилъ Королевну
На гореваньице.

5. Недоѣхавши Королевичъ,
Ложился онъ спать;
Привидѣлся Корблюшкѣ

*) Стекольчатм. — **) Разобранный?

Нерадостный сощъ:

Изъ-подъ правой толи

10. Изъ подъ рученьки
Сърая утица *).

Встамши-то, Королюшко

Къ старушенькѣ пошелъ:

«Бабка ты, отгадай ты,

15. «Мой сонъ отгадай?»

—Королюшко ты, батюшко,

—Твой сонъ нехорошъ;

—Поѣжай ты, Королюшко,

—Къ своему двору:

20. —Жена твоя, Марусенька,

—Сына родила,

—Порода сына, Марусенька,

—Сама померла.—

*

4.

(Малая Русь).

Ой поихавъ Королевичъ на погулянье,

Тай покинувъ Марусеньку на горѣванье.

Взѣхавъ Королевичъ на круту гору,

Пустивъ коня вороного въ шевкову траву,

5. Въ шевкову траву на попасанье,

Самъ лигъ Королевичъ на спочиванье.

Ой приснився Королевичу дивнесенькій сонъ:

Съ-пидъ правой-то рученьки вылетивъ соколъ,

Съ-пидъ ливой съ-пидъ биллой сира утинка.

*) Вылетала.

10. Ой похавъ Королевичъ до бабусеньки:
 «Бабусенько, матусенько, скажи про сій сонъ,
 «Съ-пидь правой-то рученьки вылетивъ соколъ,
 «Съ-пидь ливой съ-пидь биллой сира утинка?»
 —Скажу, скажу, Королевичу, скажу, не таюсь:
15. —Твоя жена Марусенька сына родила,
 —Найшла мамку, найшла няньку, сама померла.—
 Якъ прихавъ Королевичъ до свого двора,
 Пустивъ коня вороного въ ёго ставницю *),
 А самъ пйшовъ Королевичъ въ нову свѣтлицю.
20. Сидять ёго сосидоньки вси по застолью **);
 А на столи лежить мила, якъ бумага била.
 Ударився й Королевичъ о дубовый столъ:
 «Нижки мои ризвѣнькѣм, чомъ ***) не выбигали?
 «Очи мои карѣнькѣм, чомъ не выглядали?
 25. «Ручки мои бѣлѣнькѣм, чомъ не обнимали?
 «Губки мои нышнѣнькѣм, чомъ не цалували?»

(Ср. „Воронежск. Бесѣду“ 1861 г., сообщ. Н. Ст. Кохановской).

5.

(Воронежск. и Курск. губ.).

Отъѣзжаетъ Козаченько на разгуляньице,
 Покидаетъ Марусеньку на гореваньице.

Пустилъ своего ворона коня въ зелѣны луга,
 А самъ лежить въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.

*) Въ стайню, стойло, конюшню.

**) По застолью.

***) Къ чему, за чѣмъ.

3. Привидѣлся Козаченьку дивнѣшенекъ сонъ:
 Будто на его праву руку соколъ прилетѣлъ,
 Улетала съ-подъ лѣвой сѣра утица.
 На ту пору Марусенька сына родила,
 На третій день Марусенька сама померла.
10. Подъѣжаетъ Козаченько къ своему двору:
 Широки его ворѣтки раствѣреные,
 Хрустальны стекolečки повывибгые.
 Вскрѣтитъ Козаченько на высокъ теремъ:
 Стоять попы и дьяконы, погребенье поють,
15. А дѣточки-малюточки какъ пчелки гудуть,
 А жену Марусеньку во гробѣ несутъ.
 Ударится Козаченько о дубовый гробъ:
 «Ой свѣтъ моя Марусенька, жена молода!
 «Бывало твои рѣзвы ноги устрѣнутъ меня,
20. «Бывало твои бѣлы руки обнимутъ меня,
 «Уста твои сахарныя цалуютъ меня!»

(Ср. тамъ же).

* * *

Слѣдующія Молодецкія или Безъимянные пѣсни, разложившіяся Побывальщины или Старины, изображая Мѣлнца самого убійцею жены, хотя и невольнымъ, составляютъ переходъ отъ Князя Михайлы и сродныхъ ему былинъ ко П-му, помѣщенному у насъ 5-мъ выпускъ, отдѣлу былинъ о Князѣ Романѣ, какъ онъ «жену терялъ:»

1.

(Орловск. губ., Малоарханг. у.).

- Исходилъ я, Молодецъ, день до вечера,
 Никакой я охоты не нахаживалъ,
 Что нашолъ я—набрѣлъ на рябинушку:
 Что безъ вѣтру рябинушка мается,
5. Но безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.

- Я пришелъ домой, сѣлъ на лавочку,
 Ужь я сталъ своей матери рассказывать,
 Что безъ вѣтру рябинушка да шатается
 И безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.
10. —Ты бери, сынъ, топоръ, ты бѣги туда,
 —Ты руби, сынъ, рябинушку кудрявую.—
 Ужь я разъ сѣкнулъ,—руда *) пошла,
 Другой сѣкнулъ,—она охнула,
 Ужь я третій сѣкнулъ,—слово молвила:
15. «Не рябинушку рубишь ты,—свою жену.»
 Я пришелъ-то домой, сѣлъ на лавочку:
 «Охъ, ты сѣла меня, мать, погубила меня мать,
 «Не рябинушку рубилъ я,—жену свою!»

(Запис. М. А. Стаховичемъ; ср. Ягуш. 1865 г.).

*

2.

(Тамъ же).

- Какъ у насъ было въ воскресенье-день,
 Какъ свекровь пошла ко заутренѣ,
 Сноху послала во чистое поле:
 —Ты стань, сноха, тамъ рябиною,
 5. —Тамъ рябиною да кудрявою,
 —Отростками малы дѣтушки.—

- На ту пору мужъ отъ службы шелъ,
 Пришелъ домой, сталъ онъ сказывать:
 «Ужь и сколько я ни хаживалъ,
 10. «Такой дивушки не нахаживалъ:

*) Кровь.

«Ужь и что это за рябинушка,
 «За рябинушка за кудрявая,
 «Что безъ вѣтру она да качается,
 «Ко сырой землѣ приклоняется!»

15. —Ахъ ты, сынъ ты мой, сынъ возлюбленный!
 —Ты возьми свою саблю острую,
 —Сруби эту ты рябинушку.—

- Онъ разъ сѣкнулъ,—она вздрогнула,
 Онъ другой тюкнулъ,—кровь ли брызнула,
 20. Онъ третій тюкнулъ,—слово молвила:
 ««Не рябину сѣчешь ты,—молоду жену,
 ««Не кудрявую,—съ маленькѣ дѣтками.»»

Пришелъ домой, сталъ онъ спрашивать:

- «А гдѣ моя молода жена?»
 25. —Твоя жена, она гулять пошла.—
 «А гдѣ мои малы дѣтушки?»
 —Малыхъ дѣтушекъ съ собой взяла.—
 «Не мать ты мнѣ, не родная,
 «Змѣя ты мнѣ, змѣя лютая,
 30. «Ты мышь ли, мышь подкопѣнная!»

(То же).

*

3.

(Малая Русь).

- Женила удивонька своего сыночка,
 Узяла невесточку не до любви,
 Не билое личенько, ни чорніи брови.
 Поихавъ сыночикъ у Крымъ у дорогу,
 5. Послала невестку въ полѣ брать лѣну:
 —Не выберешь лѣну, и не йды до дому,

—И не йды до дому, стаць въ поли тополю.—
 Пишла невестонька того лёну браты,
 Брала—не добрала, тополюю стала.

10. Ой прѣхавъ сынъ же изъ Крыма—дороженьки,
 Выйшла ёго маты ворить отчинаты ¹⁾,
 Винъ же своей матинки въ ниженьки склонивсь:
 «Ой ты, моя матинка! Де я не бувавъ,
 «Такои тополю нигдѣ не выдавъ,
 15. «Що витерь не вѣ,—колыхается,
 «Солнечко не грѣ,—сокрушается.»
 —Ой лгостри, сыну, гострую сокиру,
 —Изрубай же, сыну, у поли тополюю.—

- Пишовъ же сыночекъ тополю рубаты,
 20. Тая тополю стала промовляты:
 «Ой, не рубай мене, бо я твоя жинка,
 «Оце—жъ твоя матинка такъ наробила,
 «Що насъ молодесенькихъ тай раалучила,
 «Малесенькихъ диточекъ посиротила!»»

4.

(Тайъ же).

- Оженьма мати неволею сына,
 Тай взяла невестку та не до любви,
 Не билое личко, не чорнии брови.
 Тай послала сына у путь у дорогу,
 5. Молоду невестку въ полѣ браты лёну,
 Та якъ посылала, та ще й приказала:
 —Не выберешъ лёну, тай не йды до дому.—
 Не выбрала лёну,—не пишла до дому,
 У чистому поли тай заночувала ²⁾,

¹⁾ Отворить ворота. — ²⁾ Въ подлинникѣ ошибка „заночувала.“

10. До билого свита тополею стала,
Тонка та висока, та листомъ широка,
Безъ сонечка сьє, безъ витроньку має.

Ойй вернувся жь сыне изъ пути-дороги,
Вклонився матуси низенько у ноги:

15. «Ой, ты жь маты, маты! Щось маю казаты:
«Обьиздивъ я, маты, усю Украйну,
«Не бачивъ я тополи якъ на нашомъ поли,
«Тонка та висока, та листомъ широка,
«Безъ сонечка сьє, безъ витроньку має.»
20. —Ой, возьми жь ты, сыне, гострую сокиру,
—Тай зрубай тополею, що на нашимъ поли.—

Якъ ударивъ въ перше, вона захиталась,
Якъ ударивъ въ друге, вона похилилась,
А ударивъ въ третє, тай заголосила:

25. «Ой, не рубай, мильй, бо я твоя мила,
«Се жь твоя матуся намъ такъ наробила,
«Якъ тебя послала у путь у дорогу,
«А мене послала въ полъ браты лєну,
«Та якъ посылала, та ще й приказала:
30. «—Не выберешъ лєну, тай не йды до дому.—
«Не выбрала лєну, не пишла до дому,
«У чистому поли тай заночувала,
«До билого свита тополею стала,
«Тонка та висока, та листомъ широка,
35. «Безъ сонечка сьєю, безъ витроньку маю.»»

(Ср. „Ворон. Бєсѣду,“ записано Н. Ст. Кохановской).

Это знаменитая Малорусская *Тополя*.

Какъ о Князѣ Михайлѣ, и подобныя тому былины, по происхожденію Княжескія, принадлежать одинаково общей или Великой Руси и Руси Малой, такъ точно о Князѣ Романѣ, первоначально,, сказали мы, Галицкомъ и Волынскомъ. Потому разложившіяся былины о семъ послѣднемъ, какъ онъ жену терялъ, хотя и усвоены своеобразно Москвою, но въ ближайшихъ разнорѣчіяхъ своихъ сопоставляютъ Князя еще съ Южною или Юго-западною Русью, съ Владиміромъ и кругомъ былинъ Кіевскихъ. Такова именно Молодецкая или Безъимянная былина, изображающая вокругъ Владиміра бытъ Княжескій, и помѣщенная выше, по двумъ разнорѣчіямъ, на стр. 52 и 53, подъ числомъ II-мъ: ея подлинное мѣсто было бы здѣсь. Другія разнорѣчія, потерявъ уже имя, Княжескіе оттѣнки и черты Южной или Югозападной мѣстности, выводятъ опять простаго Молодца и Козака, но принадлежать также и общей Россіи, и части ея — Малой (вып. 5, Отд. II о Князѣ Романѣ, потомъ Козакъ и Молодцѣ, стр. 100—127). Все это первоначально «Князь Романъ», а потомъ уже—

Донскою Козакъ.

1.

(с. Мышевское).

Изъ-подъ вamuшка, изъ-подъ бѣлаго,
 Течеть рѣчушка, рѣчка быстрая.
 На той рѣчушкѣ дѣвка мылася,
 Дѣвка мылася, набѣдилася,
 5. Набѣлившись нарумянилась,
 Нарумянивши на гору пошла,
 На горѣ спать легла,

- На горѣ легла, во снѣ смлося,
 Какъ Донской Козакъ коней помлѣ,
 10. Коней вороныхъ помлѣ, жену губилѣ.

- Задумалъ Козакъ свою жену губить,
 А жена его догадалася:
 «Не губи меня, мужь, съ вечера,
 «А загуби меня, мужь, за полночь,—
 15. «Наши дѣти малыя спать поляжуются,
 «Они пробснутся и матушки спрѣются:
 ««Родной батюшка, гдѣ наша матушка?»»
 —Ваша матушка въ новой горницѣ,
 —Въ новой горницѣ умывается,
 20. —Шелковѣмъ платкомъ утирается.—

- Стали дѣти по матери плакать,
 Отецъ сталъ дѣтей унимать:
 —Не плачьте вы дѣтушки милыя,
 —Я вотъ срублю горенку новую,
 25. —Нагоню притолки косны^{*)},
 —Собью дверь дубовую,
 —Солью цѣпь золотую,
 —Приведу вамъ мачиху младую.—
 ««Родной батюшка, родной батюшка!
 30. ««Зогорись наша горенка новая,
 ««И раскочись, наши притолки косны,
 ««Расколись, наша дверь дубовая,
 ««Расцѣпнись, наша цѣпь золотая,
 ««Умри, наша мачиха младая,
 35. ««Встань, наша матушка родная!»»

(Запис. Петерсона).

*

*) Косицетма, съ косиками.

Изъ-подъ камушка изъ-подъ блага,
Изъ-подъ кустика изъ-подъ раkitова,
Тамъ текла-текла рѣчка,
Рѣчка быстрая, бережистая.

8. Какъ во той рѣчкѣ дѣвка мылася,
Вышла, набѣлилася,
Набѣливши она парумяпилася,
Нарумянивши въ зелень лугъ пошла.
Въ зеленомъ лугу, тамъ Донской Козакъ,
10. Тамъ Донской Козакъ коня поилъ,
Напивши коня сталъ думу думати,
Думу думати, думу крѣпкую:
—Охъ и какъ же мнѣ быть,
—Молоду жену сгубить?
15. —Загублю жену не рано, съ вечера,
—Схороню жену ближе къ полуночи.—

Его большая дочь рано просыпалася,
Къ батюшкѣ у ножки кидалася:

- «Государь ты нашъ, родной батюшка,
20. «Родной батюшка, идѣ наша матушка?»
—Ваша матушка въ новой горницѣ,
—Умывается ключевой водою,
—Утирается бранымъ полотномъ.—
«Государь нашъ батюшка! Не правда твоя:
25. «Наша матушка въ желтомъ песку,
«Въ новой горницѣ она закопана!»»

(Ср Якушк. стр. 107, 108).

* * *

Добрый Молодецъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

- На зорѣ было на зорюшкѣ,
 На зорѣ было на утренней,
 На восходѣ было солнца яснаго,
 На восходѣ денечка прекраснаго,
5. Случилось Младцу мимо саду ѣхать,
 Мимо садику зеленаго, мимо торему высокаго,
 Да случилось Младцу въ саду голосъ слышати,
 Какъ мужь-то жену бранилъ,
 Бранилъ и убить грозилъ,
10. Какъ жена-то мужа уговаривала:
 «Ты мужь мой, мужь, ты законный другъ!
 «Ты не бей меня рано съ вечера,
 «Ты убей меня во глуху полночь,
 «Наши дѣточки будутъ крѣпко спать,
15. «Ничего-то они не будутъ знать.»

- По утру рано дѣточки проснулись,
 Про родимую матушку встрѣнулись *):
- «Наша матушка есть убитая,
 «Гробовой доской есть закрытая!
20. «Найдите же, тучи грозныя,
 «Гряньте же, громы громкіе,
 «Разбейте вы гробову доску,
 «Встань, проснись, родимая матушка!»

(Ср. Сборн. Г. Савельева, Спб. 1866).

* * *

*) Спыхватилися.

(Губ. Орловской, Сабурово).

- Летѣла пава черезъ три двора,
 Уронила перо на подворьецо.
 Мнѣ не жаль пера, а жаль Молодца,
 Мнѣ и жаль Молодца,—одинъ сынъ въ отца *),
8. Одинъ сынъ въ отца, и тотъ въ службу идетъ.
 Онъ и годъ служитъ и другой служитъ,
 На третій годъ сынъ домой пришелъ.

- Сустрѣла его мать среди поля,
 Сестра встрѣла среди двора,
 10. Жена встрѣла, сѣнцы отперла.
 Повела его мать къ себѣ въ горницу,
 Ну, и стала ему мать все рассказывать:
 —Твоя жена распутная,
 —Твоя жена шельма-пьяница,
15. —Меды-вины всѣ распродала,
 —Коней твоихъ всѣхъ распродала,
 —Соловей твоихъ всѣхъ распустила.—
 Взялъ-то сынъ саблю вострую,
 Срубилъ женѣ, женѣ голову.
20. Голова ль моя съ плечъ свалилася,
 Къ коню въ ноги покатилася.

- Пошелъ-то сынъ у холодный погребъ:
 Меды-вины всѣ цѣлы стоятъ.
 Пошелъ-то сынъ ву конюшнику:
 25. Кони стоятъ, сѣно-овесъ ѣдятъ.

*) У отца.

Пошелъ—то сынъ во зеленый садъ:
Соловья сидятъ—вычищаются,
Женой его выхваляются.

Пошелъ—то сынъ къ сыну въ горницу:

30. «Молчи, баю, мое дятятко!
«Теперь у тебя матери нѣтути,
«У мене, Молодца, молодой жены;
«Только есть у тебе одна бабушка,
«Да и та змя, змя лютая.»

(Ср. Якушк. 1865 г.).

*

3.

(Губ. Харьк.).

Летѣла пава черезъ уллицу,
Ронила пава павино перо:
Ой, не жаль пера, жаль мнѣ павушки.
Ой, мнѣ жаль Младца, одинъ сынъ въ отца.
5. Одинъ сынъ въ отца, добрый Молодецъ,
Онъ на службу идетъ государеву.
Онъ и годъ служилъ, и другой служилъ;
А на третій годъ ко двору идетъ.

- Его мать встрѣла среди поля;
10. А сестра встрѣла среди села;
А жена встрѣла среди двора.
Ой, и мать сыну поразжалилась:
—А твоя жена увесь домъ снесла,—
—Что коней твоихъ пораспродала,
15. —Соколовъ твоихъ пораспустила,
—А меды твои поразвыпила.—
Вынулъ Молодецъ саблю вострую,
Онъ и снесъ женѣ буйну голову:

Голова жены покатылася

20. Ворону коню подъ праву ногу.

Пошелъ Молодецъ во конюшенку:

Кони стоять, сѣно—овесъ ѣдятъ;

Пошелъ Молодецъ во соколенку:

Соколы сидятъ, почищаются,

25. И меды стоять не починены *).

Пошелъ Молодецъ на новы сѣни:

На новыѣхъ сѣняхъ колыбель виситъ,

Колыбель виситъ, тамъ дитя кричить.

«Ты, баю, баю, мое дитятко,

30. «Ты, баю, баю, мое милое!

«У тебя, дитя, нѣту матери,

«У меня, Младца, молодой жены!»

Пошелъ Молодецъ на высокъ теремъ,

Какъ ударился о дубовый столъ:

35. «Что не мать ты мнѣ и не матушка,

«А змѣя же ты подколодная!»

(Ср. „Воронежск. Бес.“ Запис. Н. Ст. Кохановской).

Въ сихъ двухъ послѣднихъ пѣсняхъ еще ближе видно переходное родство между былинами о Князѣ Михайлѣ и Князѣ Романѣ.

Къ помѣщеннымъ въ выпускѣ 5-мъ, стр. 128—163, отдѣламъ I—V, съ извѣстными уже намъ переходами разлагавшихся былинъ, нашлись еще разнорѣчія:

*.) Не початы.

Князь Волхонскій и Ваня Ключничекъ.

1.

(Москва).

- Какъ на улицѣ было, на улицѣ Дмитровкѣ,
 Живеть—поживаетъ, живетъ Волхонскій Князь.
 Какъ въ его домѣ, въ его теремѣ
 Живеть—поживаетъ Ванька Ключничекъ
5. Съ молодой его Княгиней, со его соперницей.
 Онъ не годъ съ нею живетъ,
 Живеть—ужь другой пошелъ;
 Какъ на третій годъ самъ Князь довѣдался,
 Что отъ той ли дѣвушки, отъ той ли сѣнной,
10. Отъ той самой послѣдницы.
 Побранилась она съ Ванькомъ Ключничкомъ,
 И взопла она ко Князю въ комнату,
 И воспѣла громкимъ голосомъ:
 «Ужь ты батюшка, Волхонскій Князь!
15. «Ты не знаешь и не вѣдаешь,
 «Какъ живетъ твоя Княгиня съ Ванькой Ключничкомъ,
 «Ужь не годъ живетъ она, ужь другой пошелъ,
 «Какъ на третій годъ Князю объясняю я.»»
- Какъ вскочилъ Волхонскій Князь
20. Со кресла своего любимаго,
 Онъ скричалъ—згаркалъ громкимъ голосомъ:
 «Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
 «Вы подите—приведите шельму Ваньку Ключника.»
- Какъ идетъ Ванюша, идетъ широкимъ дворомъ,
25. Какъ на Ванюшкѣ рубашка новополотняная,
 Какъ на Ванюшкѣ сапожки новые козловые,
 Его кудри черные раздушонные и разчесанные.

- Тутъ сказалъ ему Волхонскій Князь:
«Ты скажи всеё правду мнѣ,
30. «Ты который годъ живешь со Княгинею?»
Отвѣчалъ ему:—Не знаю и не вѣдаю.—
Тутъ скричалъ опять самъ Волхонскій Князь
Громкимъ своимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
35. «Вы тешите и рубите столбики дубовые,
«Ужь вы роите и копайте ямушки глубокія,
«Вы вяжите и плетите шиуры шелковыя,
«Вы вдѣвайте и винтите колечки серебряны
«И вѣшайте поскорѣ шельму Ванька Ключника.»
40. Какъ приводятъ Ванюшу нашего
Къ самому Князю, Князю Волхонскому,
Какъ надѣваютъ ему на шею петлю шелковую;
Тутъ воспѣлъ онъ громкимъ своимъ голосомъ:
—Ты позволь мнѣ, Князь, предъ послѣднимъ концомъ
45. —Всеё правду сказать?
—Много было въ твоёмъ теремѣ
—Попито и поѣдено
—И на твоихъ добрыхъ коняхъ
—Много было поѣжено.—
50. Захлестнули Ванюшѣ шелковыя петлі,
И виситъ Ванюша, виситъ—качается:
Молода Княжья жена во теремѣ кончается.

(Запис. отъ гдѣцы 1862 г. П. А. Г.).

*

Къ № 1-му, помѣщенному у насъ въ 5-мъ выпускѣ, слѣдуетъ прибавить важное разнорѣчіе, записанное въ Воронѣжѣ А. В. Кольцовымъ, гдѣ Князь постоянно называется «Русинскій» вмѣсто «Волхонскій.»

Переходомъ къ другимъ разнорѣчіямъ служить слѣдующее, гдѣ Молодецъ называется еще Ключничкомъ, но уже служить у Короля (разумѣется Литовскаго):

2.

(Харьк. губ.).

Ой, неволя, неволя—боярскій дворъ!
Во боярскимъ дворѣ жить не хочется;
Во крестьянство пойтить—много надобно;
Пойду я, Молодецъ, Королю служить.

5. Король Молодца любилъ—жаловалъ,
Съ одного блюда онъ нивалъ—ѣдалъ,
Съ одного плеча платье нашивалъ.

А сказали про Младца небывальщину,
Ой и складъ приложили—съ Королевою.

10. Король на Младца да прогнѣвался,
Закричалъ Король громкимъ голосомъ:
«Пошлите мнѣ млада Ключничка!»

Идетъ Ключникъ на новы сѣни,—
Зеленъ кафтанъ на плечахъ надѣтъ,

15. Черну шляпу во рукахъ несетъ,
Сафьяны сапожки натянуты,
Его русые кудри по плечамъ лежатъ,
Его ясныя очи огнемъ горятъ.

Идетъ Ключникъ со новыхъ сѣней,

20. Зеленъ кафтанъ у рукахъ несетъ,
Сафьяны сапожки опущены,

Его русые кудри растрепаны,
Его ясныя очи заплаканы.

- Закричалъ Король грознымъ голосомъ
25. «Ой, вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Идите жь въ чисто поле,
«Ой и ройте вы двѣ ямы глубокия,
«Поставьте вы два столба высокіе,
«Перекладину положите кленовую,
30. «Ой и петельку придѣньте шелковую,
«Повѣсьте вы млада Ключничка,
«Королева полюбовничка!»

Ой и Ключникъ во полѣ качается:
Королева во теремѣ кончается.

(Ср. „Ворон. Бес.“ Запис. П. Ст. Кохановской).

* *

Отселѣ начинаются равно многочисленныя образцы, помещенныя у насъ въ 5-мъ выпускѣ стр. 164—178, въ отдѣлѣ VI-мъ, гдѣ то же самое содержаніе возводится къ Кіевскимъ былинамъ о Дунаѣ и гдѣ, съ другой стороны, идетъ дѣло уже у Короля Литовскаго, къ которому загулялъ Безъимянный Молодецъ, а Королева или Королевна въ замѣнъ того приобретаетъ определенное имя Настасья Литовской или Политовской. Сюда изъ собранія П. Н. Рыбникова относятся: въ Ч. I-й № 77 (собственно о Ванѣ Ключничкѣ № 74) и въ Ч. III-й № 52. А за тѣмъ уже другія разнорѣчія:

Молодецъ у Короля въ службѣ.

1.

Охъ ты поле мое, поле чистое,
Ты раздольще широкое,
Ты крапива стрекучая!
Какъ гулялъ тутъ Добрый Молодецъ,

5. Что гулялъ онъ тутъ ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года:
Загулялъ онъ къ Королю въ Литву.

Король его любилъ—жаловалъ,
Цвѣтно платье носилъ съ одного плеча.

10. На коняхъ они ѣздили съ одного стремя.

Ужъ и сталъ Молодецъ упиватися,
Во хмѣлю онъ сталъ похвалятися:
—Какъ и нынѣшнюю ночку, Добрый Молодецъ,

- Я спать—ночевалъ у царя въ гостяхъ,
15. —У царя въ гостяхъ, во высокомъ терему,
—Во высокомъ терему съ красной дѣвицей,—
—Я ли спать, цаловалъ красну дѣвицу,
—Распрекрасную Елену Королевишну.—

- Ужъ какъ были на Молодца доносчики,
20. Донесли они Королю на Молодца,
А Король—то велѣлъ Молодца пожаловать,—
На высокихъ ремешкахъ повѣсити.

- Повели Молодца впереди дворца,
А Царевна Кричитъ:» «Не ведите Молодца,
25. ««Не ведите Молодца впереди дворца,
««Поведите Молодца позади дворца,»»

Добрый Молодецъ на петелькѣ качается:
Красна дѣвица во теремѣ кончается.

(Запис. А. А. Григорьевымъ; ср. Якушк. 1865 г.).

* *

Вмѣстѣ съ симъ образцомъ, былина, разлагаясь въ Безымянную Молодецкую, съ одной стороны перерождается въ такъ-называемую «О Добромъ Молодцѣ и Женѣ Неудачливой,» гдѣ виною гульбы Молодца первоначально представляется сама жена, но потомъ Молодецъ возвращается изъ гульбы въ нѣдра семейства; съ другой стороны, по мѣрѣ наступившей безличности, былина возвращается къ общимъ чертамъ древнѣйшаго, Черноморскаго или Придунайскаго пѣснотворчества, заимствуя отсюда и прадревнія, общеславянскія имена лицъ, Елены Прекрасной, Ивана, и т. п., въ связи со старшими нашими Былевыми Сказками. — Къ первому разряду относятся изъ собранія П. Н. Рыбникова въ Ч. I-й № 78, въ Ч. II-й №№ 49 и 50, въ Ч. III-й № 53. — Ко второму разряду принадлежатъ отсюда же въ Ч. I о Ванькѣ Удовкинѣ сынѣ и Царѣ Волшанѣ № 76, въ Ч. II № 54 о Дворянинѣ Безсчастномъ (въ связи его съ Кіевомъ и Владиміромъ), въ Ч. III совершенно уже Сказочныя произведенія — Похожденія Ивана и Царство Подсолнечное (въ Сказкахъ — «Три Царства»), №№ 57 и 58. — Въ прежнихъ нашихъ «Замѣткахъ» къ изданію пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ и П. Н. Рыбниковымъ, мы имѣли уже случай пояснить, и даже, думаемъ, доказать, что въ близкой связи съ этими произведеніями стоитъ и нашъ знаменитый Данило Безсчастный или Заточникъ; а съ тѣмъ, и другимъ, и третьимъ близко еще старшее, простирающееся до Ветхаго Завѣта, но болѣе сосредоточенное и опредѣленное, сказаніе о Саламанѣ и Саламаніи, Китоврасѣ и Ивашкѣ Поваренномъ, которое, прошедши сотню разныхъ ступеней и вліяній, дошло до насъ со складомъ Былинъ, помѣщенныхъ также у П. Н. Рыбникова въ Ч. II №№ 52—55, въ Ч. III №№ 54—56, въ Ч. IV № 48, и болѣе подробно рассмотрѣнныхъ нами въ «Замѣткѣ» ко II-й Части Рыбниковаго собранія. — Въ III-й Части сего послѣдняго, одна изъ Сказочныхъ Былинъ подъ № 58-мъ, О Подсолнечномъ Царствѣ, убѣждаетъ насъ, что творчество извѣстными путями своими успѣло прирѣшать

сюда даже позднѣйшую, совершенно уже историческую, Былину о Грозномъ и покушеніи его на сына, благодаря между прочимъ имени самого «Ивана», матери его «Елены» и сына также «Ивана». — Наконецъ, есть ступень и еще, послѣдняя: судьбы блуждающаго горемыки и похождения его по бѣлому свѣту, постепенно теряя черты личныя и мѣстныя, отвлекались уже въ общее представленіе о «Горѣ» и создали цѣльный, особый, разительный образъ, воспѣтый рядомъ совершенно особыхъ нашихъ Былинъ и Стиховъ «о Горѣ-Горюшкѣ Свромѣ.» Превосходные образцы того предложены въ I-й и II-й Ч. собр. Рыбникова, въ «Горѣ-Злочастіи» и нами въ «Русской Бесѣдѣ:» они будутъ сопоставлены въ томъ мѣстѣ, гдѣ дойдетъ очередь до подобныхъ произведеній изъ собранія П. В. Кирѣевскаго. Пока же, продолжая изданіе памятниковъ народнаго творчества, мы стараемся не столько ихъ сближать и сводить (а тѣмъ менѣе смѣшивать и смѣшивая путать, какъ это случилось съ г. Стасовымъ въ знаменитыхъ статьяхъ его о происхожденіи Русскихъ былинъ), сколько по возможности различать, распредѣлять и разграничивать, указывая каждому своё мѣсто.—Потому и здѣсь прибавляемъ только «ближайшія» разнорѣчія, въ родѣ слѣдующаго, гдѣ Королевна Елена является спасительницей Молодца, высвобождаетъ его, а Король крутымъ поворотомъ творчества обращенъ въ суроваго отца горемыкѣ, подобно какъ это извѣстно въ помянутыхъ былинахъ о Саламанѣ, о Царствѣ Подсолнечномъ и о Грозномъ:

2.

(Холмогоры).

Вы морозы, морозы вы Крещенскіе,
Заморозили морозы Добра Молодца,
Стоючи у стѣны бѣлокаменной.

Караульнички, братцы, они крѣпко спятъ:

5. Не спала, не дремала красная дѣвица,

- Распрекрасная Елена дочь Королева;
 Что брала со стола золоты ключи,
 Отпирала у города воротыцы,
 Выпускала Добраго Молодца вонъ изъ города:
10. «Ты поди же, Добрый Молодецъ, потихоничку,
 «Чтобъ не слышалъ, не увидѣлъ родной батюшка.»»

- Что отецъ-то на сына распрогнѣвался,
 Высылаеть своего сына вонъ изъ городу:
 «Ты поди, сынъ, пройди жъ чужу сторону,
15. «Какова есть на свѣтѣ чужа сторона.»

- Что большая сестра коня вывела,
 А середняя сестра сѣдло вынесла,
 А меньшая плѣтку подала;
 А большая сестра брата спрашивала:
20. «Ужь когда же ты, нашъ братецъ, на 'бороть будешь?»»
 —Ужь тогда я къ вамъ на 'бороть буду,—
 —Есть у батюшки у матушки суха яблынька,—
 —Ужь когда эта яблынька разцвѣтатъ будетъ,
 —Ужь тогда я къ вамъ, сестры, на 'бороть буду.—

(Запис. С. В. Максимовымъ, ср. Якушк. 1865 г.).

Конецъ этой пѣсни связалъ ее со множествомъ медкихъ Бы-
 товыхъ, кои будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ.

Послѣ этого у насъ въ 5-мъ выпускѣ, стр. 185—190, при-
 ведены или упомянуты былевья пѣсни собственно о Князь-
 яхъ, уже исторически извѣстныхъ и опредѣленныхъ. Нѣтъ со-
 мнѣнія, что въ старину объ нихъ ходило въ народѣ много бы-
 линъ: но, такъ какъ здѣсь изображались болѣе или менѣе судь-
 бы всё-таки частнаго, хотя и крупнаго, лица, то былинамъ

легко было разложиться на простыя Молодецкія и Безымянныя. Разбирая внимательно сіи послѣднія (имъ будетъ свое мѣсто ниже), иногда очевидно весьма древнія по складу и содержанию, конечно представляется возможность возстановить ихъ Княжескій первообразъ, по крайности, въ воображеніи. Но здѣсь столь же необходима величайшая осторожность, дабы не попасть въ ошибку, подобно какъ это случилось съ даровитѣйшею Русскою писательницею Н. Ст. Кохановскою, въ статьѣ ея о «Боярскихъ пѣсняхъ (Русская Бесѣда 1860, II, и потомъ отчасти Воронежская Бесѣда 1861 г.)» Безспорно, въ высшихъ слояхъ древне-русскаго общества, пока оно не измѣнило своему корню и не передѣлалось на иностранный ладъ, пѣсни пѣлись лучше, обработаннѣе, краше, отборнѣе языкомъ, отчасти богаче и содержаніемъ, согласно высшему образованію и лучшимъ, обильнѣйшимъ средствамъ, чему образцы—записанные своевременно для бакалавра Ричарда Джемса при Московскомъ Дворѣ (см. ихъ ниже). Понятно также, что, уцѣлѣвши нынѣ въ одномъ только *простомъ* народѣ, крестьянствѣ, слояхъ низшихъ, пѣсни эти, если прошли сюда тѣ же или равнозначущія, измѣнились здѣсь, поиспортились, такъ сказать обѣдняли или, по древнему выраженію, захудали, но что есть же возможность отличить нѣкоторыя отборныя, лучшія, какія могли одинаково принадлежать въ старину общественному высшему слою, или прямо оттуда заняты, судя по извѣстнымъ признакамъ. Съ этой стороны мысль писательницы нашей весьма счастлива, плодотворна и одновременна съ нашей первой въ литературѣ попыткою—выдѣлить пѣсни «Княжескія.» Но дѣло въ томъ, что г-жа Кохановская, къ сожалѣнію, привела образцы почти исключительно изъ пѣсней «свадебныхъ:» а въ нихъ, какъ извѣстно, «боярами» и «боярскими дѣтьми» сплошь называются члены свадебнаго торжества и поѣзда, извѣстные сваты, а отчасти отсюда и женихъ, какъ главный членъ торжества и поѣзда (такъ что даже, на примѣръ, въ гадальной пѣсни «Не груздочекъ скачетъ, боярскій сынтъ,»—значитъ просто женихъ).

Такимъ образомъ «боярскія» пѣсни г-жи Кохановской оказываются просто «свадебныя.» И нужно прибавить, что въ нихъ даже «Дворянство, Дворянинъ, Дворяночка, Дворянскій,»—все это не больше, какъ хозяинъ, хозяйскій сынъ, хозяйская дочь, о хозяйствѣ двухъ земскихъ дворовъ, между коими въ свадьбѣ происходитъ сочетаніе, а ужь никакъ не Дворъ Государевъ и не служилые при немъ люди.—Еще опаснѣе «Князь, Княгиня, Княжескій:» какъ извѣстно, это повсюду у насъ (и у Славянъ другихъ) значитъ жениха, невѣсту, свадебное торжество (откуда это названіе,—дѣло другое, болѣе древнее). И такъ вотъ какую опасность должны счастливо миновать мы, если хотимъ отдѣлять Пѣсни «Княжескія.» Потому мы рѣшаемся въ пополненіе ихъ привести здѣсь пока только *одну* пѣсню, и то съ оговоркою. Вторая половина ея видимо переходитъ въ простыя свадебныя и въ этомъ значеніи такъ или иначе поется. Но 1) дѣло идетъ «середь Царства Московскаго, Государства Россійскаго;» 2) герой—«государь» и опредѣленно «Семіонъ Ивановичь;» 3) нравъ его «тяжелый,» снискавшій извѣстному Московскому Князю прозвище «Гордаго;» а главное, 4) о томъ же Князѣ именно мы имѣемъ уже другую Былину, или вѣрнѣе, Стихъ (Кир. вып. 5-й и «Калѣки Перехожіе» вып. 3). А потому рѣшаемся заглавить:

Князь Московскій Симеонъ Ивановичь.

1.

(Москва).

Какъ середь Царства было Московскаго,
Государства Россійскаго,

Стояли палаты бѣло-каменны.
Во тѣхъ во палатахъ бѣло-каменныхъ

5. Наставлены столы все дубовы,
Разостланы скатерти Нѣмецки,
Разставлены кушанья сахарны.

За тѣми за столами за дубовыми,
За тѣми кушаньями сахарными,

10. Сидѣлъ тутъ Семіонъ Государь:
Играетъ во цынбалы въ золотыя,
Выигрываетъ волю батюшкину,
Наигрываетъ нѣгу матушкину.

Подошедши Анна послушала,

15. Отошедши она заплакала:
«Какъ привыкати къ обычью Семіонову,
«Ко тяжелому праву Ивановичеву!»

(Запис. П. В. Квр.).

*

За симъ слѣдуетъ выпускъ 6-й и съ нимъ начинаются Бы-
лины *Московскія*.

* * *

Выпускъ 6.

Помочь Грозному Царю подь Казанью.

1.

(Земля Войска Донскаго).

- «Пойдемте мы, братцы, на Куму рѣку:
 «На Кумѣ рѣкѣ зимовать будемъ,
 «Мы подѣлаемъ балаганы камышевые,
 «Разѣзды имѣть будемъ дальнѣе,
 3. «До того-то мѣстечка до урочнаго,
 «До того-то кургана высокаго,
 «Мы будемъ бить, братцы, куницъ-лисицъ,
 «Куницъ-то, лисицъ и черныхъ соболей *)»

- Погодя немножко на единый часъ,
 10. Не буря шумить и не громъ гремитъ,
 Отъ Царя къ Ермаку (курьеръ) бѣжитъ,
 Прибѣгаетъ къ Ермаку Тимофеевичу,
 Подаетъ онъ указы государевы.
 Принималъ Ермакъ указы, самъ вычитывалъ,
 15. Прочитавши указы, рѣчь возговорилъ:
 «Я тебя, посланничка, не слушаю,
 «А я самъ къ Царю на отвѣтъ пойду.»

- Надѣваетъ Ермакъ свою кунью шубу,
 Подпоясываетъ сабельку булатную,
 20. А шапочку вдѣваетъ, молодецъ, трухмѣночку **).
 Идетъ Ермакъ вдоль по улицѣ,

*) Это слова Ермака или вообще атамановъ въ козацкомъ кругу.

**) Передѣлано изъ древняго—мурманочку, мурмолку.

У куней шубы полы развиваются *),
 Князя—то бояры удивляются,
 Что хорош—пригожъ молодецъ уродился.

25. Тутъ сталъ государь его спрашивать:
 —Не ты ли Ермакъ сынъ Тимоеевичъ,
 —Не ты ли воровской Донской атаманушка?
 —Не ты ли гулялъ тамъ по синю морю,
 —Не ты ли разбивалъ мои корабли?—
30. Тутъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
 «То—то я—то Ермакъ сынъ Тимоеевичъ,
 «То—то я—то казачій атаманушка,
 «То—то я—то гулялъ по синю морю,
 «То—то я—то разбивалъ корабли:
35. «Но корабли были не орлёные,
 «Не орлёные были, не таврѣные **),
 «Не платили государю дани—пошлины.»
 —За всѣ загадочки, за всѣ прошлыя,
 —И за эту бѣду тебя Богъ простить:
40. —Заслужи ***) ты, Ермакъ, мнѣ службу вѣрную,
 —Возьми ты, Ермакъ, мнѣ Казань городъ!—

(Ср. Сборн. г. Савельева 1866 г., а у насъ Отдѣлы I—III, стр. 23—35 и далѣе).

*

Былины сего рода тѣсно связаны со всѣми прочими былинами объ Ермакѣ и покореніи Сибири, какія слѣдуютъ у насъ въ 6-мъ выпускѣ со стр. 36 до 54-й въ 4-хъ отдѣлахъ: такое же разнорѣчіе у Рыбникова въ Ч. II № 38. Но, какъ самъ

*) Въ 1-мъ изд. «развиваются.»

**) Безъ царскаго орла и безъ всякой опредѣленной и таможенной мѣтки.

***) Конечно: «Сослужи.»

Ермакъ, сдѣлавшись любимымъ лицомъ пѣснотворчества у нашего народа, перенесенъ имъ во всѣ почти старшія былины, изображающія нашу борьбу съ Татарами и прочими Восточниками, а чрезъ это близко связанъ и съ Ильей Муромцемъ, и кругомъ Владиміра (ср. прежніе выпуски и собраніе П. Н. Рыбникова): такъ на оборотъ, спускаясь въ исторіи ниже и позднѣе, въ былины объ Ермакѣ обыкновенно вставляются неразлучно имена и прочихъ, дальнѣйшихъ удалцовъ, хотя бы и «воровскихъ» лицъ, запечатлѣнныхъ въ народной памяти изъ козацкаго круга,—Разина, Каина, Пугачева, даже Мазепы и т. п. Потому, какъ образъ Ермака можемъ встрѣтить еще и ниже, въ другихъ былинахъ изъ ряду Козацкихъ, такъ обратно судьбы Разина, Пугачева и подобныхъ описываются отчасти и въ Былинахъ Ермаковскихъ; выпускъ 7-й и дальнѣйшіе должны въ этомъ случаѣ возвращаться часто къ 6-му.

Съ покореніемъ Казани и пріобрѣтеніемъ Сибири, въ былевомъ народномъ изображеніи Грознаго, связывается постоянно, какъ послѣдующее, покушеніе Царя на убійство сына. Но поелику поводомъ къ тому выставляется закравшееся первое подозрѣніе въ измѣнѣ, то переходомъ промежуточнымъ служить народное сказаніе, помѣщенное у г. Рыбникова во II-й Части подъ № 39-мъ, о томъ, «Отчего на Руси завелась измѣна» и что самъ Царь былъ первой ея виною и образцемъ. За симъ, соответственно 54—101 страницамъ нашего 6-го выпуска, помѣщены у Рыбникова о покушеніи на сына: Ч. I, №№ 65,—67; Ч. II, 34; Ч. IV, 14, а въ III-й, какъ помянуто выше, въ образцѣ подъ №№ 57, 58 и особенно подъ послѣднимъ 58—событіе это возведено въ сказочную область или въ область древнѣйшаго, Придунайскаго и Черноморскаго былеваго творчества, гдѣ и связано съ тамошними героями.

Былина, помѣщенная у насъ въ 6-мъ выпускѣ, Отд. VII-мъ, стр. 102—109, служитъ уже переходомъ къ тѣмъ, въ коихъ изображается смерть первой супруги Грознаго, повтореніе же-

нитьбы и вмѣстѣ борьба Московскихъ борцовъ съ Царскимъ новымъ шуриномъ, Мамстрюкомъ Темрюковичемъ, который преобращенъ народомъ въ прихотливыя имена отъ «Кострюка» до «Севрука:» вып. 6, стр. 109—186. У Рыбникова: Ч. I, № 68; Ч. II, 35—37; Ч. III, 44; Ч. IV, 15 и 16. Вновь можемъ присоединить только слѣдующее разнорѣчіе:

Царь Грозный еще женится.

Кастрюкъ—Севрукъ.

1.

(Земля Войска Довскаго).

А кто бы то дозналъ,
Когда бѣлый свѣтъ насталъ,
Праведно солнце взошло,
Ясенъ мѣсяцъ восходилъ *)?

5. Севрукъ тое дозналъ,
Когда бѣлый свѣтъ насталъ,
Праведно солнце взошло,
Ясенъ мѣсяцъ восходилъ.

—А вы люди стародавше **),

10. —А давно вы живете,
—Ничего не смыслите:
—Либо мнѣ хлѣба—соли ставьте,
—Либо мнѣ борцовъ дайте,

*) Начало это есть обобщеніе известнаго начала Былины о Грозномъ Царѣ:

Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозный Царь.

***) Это слова Севрука, а за тѣмъ Московскихъ людей и борцовъ.

—Либо мнѣ голову срубите.—

15. «Вотъ тебѣ хлѣбъ—солъ на столѣ,
«И бойцы на дворѣ:
«А головушки не будемъ рубить.»»
Распилился Севрукъ,
Разгулялся Севрукъ,
20. Семьсотъ казаковъ заборолъ,
Восемьсотъ Татариновъ,
Девятьсотъ удалыхъ—добрыхъ молодецвъ.

- Что идутъ—пройдутъ Донцы,
Добры—удалы молодцы,
25. На бокъ колпаки поскривляючи,
Подъ бокъ кулаки зазымляючи *),
Своего Бога похваляючи:
«А дай намъ, Боже, Севрука подолѣтъ
«И съ кореньями повывертѣтъ!»»
30. Пришли они, подивилися **),
За бѣлыя груди взялися.
Какъ подымутъ Севрука
Вонъ повыше себя,
Какъ ударятъ Севрука
35. Объ сыру землю,—
Севрукъ глаза вытращилъ,
Севрукова кожа лопнула,
Всѣ ребрушки посыпались,
Всѣ косточки повывломались.
40. А Севрукова мать
По новымъ сѣнцамъ похаживаетъ,
Бѣлыя ручки поламливаетъ:
—А скурвій сынъ,
—А проклятый сынъ!

*) Подшарая.

**) Посмотрѣли на Севрука, другъ на друга.

45. —И на что было заводиться *),
—И на что было зазымливаться **)!—

Пошла слава по всему Сѣверу ***)
Очутилася и въ Кіеву.

(Ср. сборн. г. Савельева 1866 г.).

* ●

Разнорѣчія къ «Осадѣ Пскова,» перенесенныя къ осадѣ Волока, см. въ Дополненіяхъ къ слѣдующему 7-му выпуску.

Еще при изданіи II-й Части собранія П. Н. Рыбникова, замѣчено было, что былина, помѣщенная тамъ подъ № 42-мъ, хотя и отнесена пѣвцомъ къ Петру 1-му, «Объ удаломъ-добромъ молодцѣ и ограбленной имъ казнѣ,» но по складу и чистотѣ языка очевидно не подлаживается подъ такое опредѣленіе и восходитъ древнѣе: дѣйствительно, въ 6-мъ выпускѣ, стр. 194—201, приведены нами былины того же самаго рода, о «Правежѣ,» выставяющія Грознаго Царя Ивана Васильевича. Такимъ образомъ, хотя изъ времени Петра 1-го повторяется въ былинахъ тотъ же, близкій разсказъ (см. Ч. III, вып. 8), но всѣ разнорѣчія, пусть перешедшія въ Безъимянныя и Молодецкія, получаютъ основу старшую, куда мы и относимъ:

*) То же, что ссориться, старинное *вада, ваэль*, Серб. *гадати се*.

**) Подпираться, гордиться, набираться духу, надмеваться.

***) Здѣсь разумѣется извѣстная «Сивера,» промежутокъ между Русью Великою и Малою, съ Сѣверскимъ Козачествомъ.

Правезь.

1.

(Самарскій край).

Изъ—подъ цвѣтика *) да каменной Москвы,
Каменной Москвы да земляной тюрьмы,
Какъ изъ той ли тюрьмы да ведутъ мѡлодца,
Ведутъ мѡлодца да вѣдь ко вѣшанью.

5. Идетъ мѡлодецъ—да самъ не качнется,
Его буйная головушка не тряхнется,
Его русые кудерки не шелѡхнутся,
Во рукахъ—то онъ несетъ да воскову свѣчу,
Бѣлы рученьки да воскомъ залило.
10. Какъ на встрѣчу ему да православный Царь **);
Еще сталъ государь его спрашивать:
«Ты скажи—ко, скажи мнѣ, добрый мѡлодецъ,
«Скажи, съ кѣмъ ты воровалъ,
«Съ кѣмъ разбой держалъ?»
15. —Ужъ ты батюшка да благовѣрный царь!
—Я не самъ—то воровалъ, не самъ разбой держалъ:
—Воровали—то твои да Донски казѡки,
—Донски казѡки да все казѡченъки,
—Все казѡченъки дуванъ дуванили ***),
20. —Дуванъ дуванили да казну дѣлили,
—Казну дѣлили да казну—денежки;
—Ужъ какъ я ли, мѡлодецъ, при томъ случѣѣ былъ,
—При томъ случѣѣ былъ да все пѡю просилъ;

*) Безобразная обстановка, выродившаяся изъ выраженія старшихъ былинъ того же рода: «бѣла—горюча каменн, колодичка, ключа,» и т. п.

**) Въ старшихъ Былинахъ къ этому прибавлено: «Грозный Царь Иванъ Васильевичъ.»

***) Положили полонъ и дѣлили его.

- Ужь какъ мнѣ-то, молодцу, да паю нѣ дали *)....
 25. —Всѣ казаченьки да испугались,
 —По низкимъ мѣстамъ да разбѣжались,
 —По низкимъ мѣстамъ да по болотичкамъ:
 —Одному-то мнѣ казна досталася.—

(Ср. сборн. г. Варенцова, Сиб. 1862 г.).

Соотвѣтствующія сему Безъимянные, Молодецкія пѣсни, кои см. ниже въ изданіи на своемъ мѣстѣ, развили отвѣтъ молодца съ особымъ лирическимъ характеромъ.

Отсѣль слѣдуетъ уже настоящей выпускъ 7-й, по обстоятельствамъ, изложеннымъ и не разъ помянутымъ выше, отпечатанный въ первыхъ четырехъ листахъ не съ тою полнотою, какъ предполагалось при его черновомъ изготовленіи. Ошибки, оказавшіяся на сихъ листахъ и перечисленные ниже подробно въ Погрѣшностяхъ, нисколько не завися отъ печатавшаго, произошли большею частію отъ того, что, не имѣя подъ руками подлинныхъ листочковъ оригинала, онъ въ точности слѣдовалъ копіямъ, рукописи П. И. Якушкина, а у сего послѣдняго, какъ не разъ мы замѣчали и какъ теперь представляется во очію, при всѣхъ заслугахъ, оказанныхъ народу собираніемъ пѣсень по порученію и при пособіи П. В. Кирѣевскаго, — тѣ только коснется дѣло дальше черновой тетрадки, записанной со словъ, нигдѣ уже нельзя достовѣрно положиться почти ни на одну строчку.—Потому мы теперь пойдемъ уже шагъ за шагомъ, страница по страницѣ, пополняя всюду опущенное на первыхъ четырехъ листахъ и разясняя связь между отдѣльными образцами.

*) За сими пропущено разсказанное въ старшихъ былинахъ, какъ обдѣленный и разсерженный молодецъ схватывалъ вязъ или дубину и перепугалъ грабителей.

Выпускъ 7.

Федоръ Ивановичъ и Борисъ Годуновъ.
Неудача Крымскаго царя.

1.

(Москва).

- А не сильная туча затучилася,
А не сильніи громы грянули:
Кудѣ ѣдетъ собака Крымской царь?
А ко сильному царству Московскому *):
5. «А нынѣчи **) мы поѣдемъ къ каменной Москвѣ,
«А назадъ мы пойдѣмъ, Рязань возьмемъ.»
А какъ будутъ онѣ (у) Оки рѣки,
А тутъ онѣ станутъ бѣлы шатры роставливать ***):
«А думайте вы думу съ цѣла ума ****),
10. «Кому у насъ сидѣть въ каменной Москвѣ,
«А кому у насъ въ Володимерѣ,
«А кому у насъ сидѣть въ Суздаль,
«А кому у насъ держать Рязань старая *****),
«А кому у насъ въ Звенигородѣ,
15. «А кому у насъ сидѣть въ Новѣ-городѣ?»

*) За сими слѣдуютъ слова и предположенія Крымскаго царя.

**) Въ другомъ спискѣ: «нынѣчи.»

***) Послѣ сего опять слова хана и одинаковый приемъ, въ предположительномъ дѣленіи добычи, какъ въ былинѣ о Татарахъ и Князяхъ Тверскихъ, у насъ въ 5-мъ выпускѣ, стр. 186—190.

****) Хорошенько.

*****) Обыкновенный въ гѣснотворествѣ эпитетъ Рязани, соответственный и тому, что дѣйствительно позднеѣ отстроилась Рязань Новая, на новомъ мѣстѣ, новый «городъ.»—Употребительный въ древности падежъ при неокончат. наклоненіи.

Выходитъ Диви-Мурзы сынъ Улановичъ *):

- А еси государь нашъ, Крымской царь!
 —А тобѣ, государь, у насъ сидѣть въ каменной Москвѣ,
 —А сыну твоему въ Володимерѣ,
 20. —А племеннику **) твоему въ Суздаль,
 —А сродичу въ Звенигородѣ,
 —А боярину конюшему держать Рѣзань Старая,
 —А меня, государь, пожалуй Новымъ-городомъ:
 —У меня лежать тамъ свѣтъ добры-дни ***) батюшка,
 25. —Диви-Мурза сынъ Улановичъ.—

Прокличеть съ небесъ Господень гласъ ****):

- «Ино еси собака, Крымской царь!
 «То ли тобѣ царство не свѣдомо?
 «А еще есть на Москвѣ семьдесятъ Апостоловъ,
 30. «Оприщено *****) Трехъ Святителей;
 «Еще есть на Москвѣ православной царь!»»

Побѣжалъ еси, собака, Крымской царь,
 Не путемъ еси *****)—не дорогою,
 Не по знамени не по черному *****)!

(Изъ бумагъ Ричарда Джемса, записано въ Москвѣ 1619 года, привезено К. А. Вос-
 совичемъ, отпечатано въ 1-йъ году Января. А. Н. II отд; ср. у насъ 7-й вып. стр. 1—3).

*

*) То есть одинъ изъ мурзъ и улановъ, совѣтниковъ и молодцовъ ополченія, называемыхъ у насъ по пѣснямъ собирательно «дивьи мурзы-улановы.» *Диви, дивий*,—осмыслено, дикой: но вѣроятно это *дали*, удалецъ.—По друг. списку: «улановы.»

**) По друг. списку: «племеннику.»

***) Покойный, блаженной памяти (противоположно «злы-дни»): съ этимъ согласовано «лежать».

****) Прелесть и достоинство сихъ былинь состоитъ именно въ этой мастерской краткости и во внезапности оборотовъ.

*****) Опречь, кромѣ еще.

*****) Т. е. побѣжалъ.

*****) Не стройно, не въ рядахъ и не въ ротахъ подъ ихнимъ чернымъ знаменемъ.

Былины сіи, числомъ 5, и 6-я пѣсня о службѣ служилыхъ людей, составляющія истинные перлы нашего народнаго пѣснотворчества, въ то же время старше и важнѣе всѣхъ другихъ, какъ потому, что записаны отъ современниковъ тогдашнихъ (слѣдующій за тѣмъ Кирша Даниловъ позднѣе), по самой свѣжей памяти, тотчасъ послѣ событій, непосредственно за годами, въ кои были сложены, такъ и потому, что записаны на самомъ мѣстѣ событій. Записаны прежде, чѣмъ успѣли разойтись далеко по Русской землѣ и широко въ устномъ употребленіи, прежде, чѣмъ могли измѣниться или исказиться. Оксфордскій бакалавръ Ричардъ Джемсъ, священникъ при Англійскомъ посольствѣ, бывшемъ въ Россіи 1618—1620 гг., въ Москвѣ 1619 г., воспользовался досугомъ, чтобы ознакомиться съ Русскимъ языкомъ, и вывезъ съ собою книжечку означенныхъ пѣсень, конечно по его желанію записанныхъ для него въ Москвѣ. Открылъ въ Англій Академикъ г. Гамель, списокъ его вмѣстѣ съ другимъ, вновь сдѣланнымъ, привезъ К. А. Коссовичъ, получилъ и отпечаталъ въ «Извѣстіяхъ» Предсѣдательствовавшій во II-мъ Отд. А. Н. И. И. Давыдовъ.—Печатая ближайше и другія былины, мы дозволили себѣ только выставить ударенія, разставить стихи, приведенные сплошь, а при этомъ знаки препинанія.

Плачь Ксеніи.

1.

(Москва).

Сплачетца мала птичка,
Бѣлая пелешка:
«Охте мнѣ молоды *) горевати!

*) Молодѣ: *ы и и* вм. *ь*, какъ и въ другихъ мѣстахъ.

«Хотятъ сырой дубъ зажигати,

5. «Мое гнѣздышко разорити,
«Мои малыи дѣти побити,
«Меня пелепелку поимати *)»

Сплачетца на Москвѣ Царевна:

«Охте мнѣ молоды горевати,

10. «Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
«Ино Гриша Отрепьевъ Рострига,
«Что хочеть меня полонити,
«А полонивъ меня, хочеть постритчи,
«Чернеческой чинъ наложити!

15. «Ино мнѣ постритчи ся не хочеть **),
«Чернеческого чину не здержати:
«Отворити будетъ темна келья ***),
«На добрыхъ молодцовъ ****) посмотри

«Ино охъ, мильи наши переходы *****)!

20. «А кому будетъ по васъ да ходити
«Послѣ царского нашего житья
«И послѣ Бориса Годунова?

«Ахъ, мильи наши теремы *****)!

25. «А кому будетъ въ васъ да сѣдѣти
«Послѣ царьского нашего житья
«И послѣ Бориса Годунова?»

(Оттуда же, запис. 1619 г.).

*

*) Сравнительное Вступленіе, съ концѣмъ сопоставлено положеніе Царевны: и вступленіе, и дальнѣйшіе приемы въ описаніи гора имѣютъ сходство съ другими Великорусскими Заплачками, отчасти свадебными Причитаньями, а всего ближе съ Купальскими и нѣкоторыми древнѣйшими пѣснями Бѣлой Руси.

**) Ся относится къ обонимъ глаголамъ: не хочется постриться.

***) Древній падежъ при неокончательномъ.

****) Въ спискахъ «молодцовъ.»

*****) Галлерей, крытыя сѣни по бокамъ дома.

*****) Вѣроятно «теремы.»

(Москва).

А сплachtetца на Москвѣ Царевна *),
Борисова дочь Годунова:

«Ино Боже, Спасъ милосердой!
«За что наше царство загибло,

5. «За батюшково **) ли согрѣшенье,
«За матюшкино ли немоленье?

«А свѣты вы, наши высокіе хоромы!
«Кому вами будетъ владѣти
«Послѣ нашего царьского житья?

10. «А свѣты, бранны убрusy ***)!
«Береза ли вами крутити ****)?
«А свѣты, золоты ширинки *****)!
«Лѣсы ли вами дарити?
«А свѣты, яхонты—сережки *****)!
15. «На сучье ли васъ задѣвати,—
«Послѣ царьского нашего житья,
«Послѣ батюшкова преставленья,
«А свѣта Бориса Годунова?

- «А что ѣдетъ къ Москвѣ Рострига *****),
20. «Да хочеть теремы ломати,

*) Это такое же продолженіе послѣ Вступленія, какъ въ предъидущемъ образцѣ со стиха 8-го: доказательство, что даже и тогда былина раздѣлялась уже на два разнорѣчія, изъ коихъ оба здѣсь записаны.

**) По друг. списку: «За батюшкино;» вѣроятно по вліянію сего ниже «матюшкино» вм. «матушкино.»

***) Полотенца.

****) Наряжать: надежь при неокончателномъ какъ выше.

*****) Платки, ручники, вышитые золотомъ.

*****) Въ спискѣ: «сережки.»

*****) Въ предъидущемъ образцѣ это мѣсто въ средѣ былинны.

«Меня хочеть, Царевну, поимати,
 «А на Устюжну на Желѣзную отослати,
 «Меня хочеть, Царевну, постритчи,
 «А въ рѣшетчатой садѣ засадити *)».

25. «Ино охте мнѣ горевати:

«Какъ мнѣ въ темну келью ступити,
 «У игумены **) благословитца?»

(Оттуда же, запис. 1619 г.).

*

Такъ какъ оба эти образца очевидно сложены (а тѣмъ болѣе записаны) уже *послѣ* совершившагося, оплаканнаго здѣсь событія, то есть, послѣ смерти Бориса, пріѣзда Лжедмитрія, поруганія Ксеніи и ссылки ея, то Плачь, исчисляя послѣдовательность событій, является не лирическимъ (женскимъ), какъ другія подобныя Заплачки и Причитанья, а дѣлается настоящей Былиной (подобно какъ выше, въ 6-мъ выпускѣ, Плачь Царицы и вообще Плачь по Царѣ; ср. и ниже). Отъ того же, по мотивамъ и складу, онъ близко сходится съ Купальниками, пѣснями о роковой потерѣ дѣвичьяго вѣнца и счастья подъ наитіемъ Купалы въ Купальскую ночь.

Отпечатанная у насъ, въ семъ выпускѣ, вслѣдъ за Годуновымъ, стр. 3—4, 1-я былина о Лжедмитріѣ отличается, кромѣ спутанности, сильнымъ вліяніемъ книжности и письменнаго языка, такъ, какъ, замѣчательно, отличаются симъ весьма многія былины Московскія: ср. выше, въ 5-мъ вып., о Симеонѣ, Невскомѣ, о Годуновѣ № 2, и т. д. Это даже болѣе Стихи, чѣмъ Былины. Собственно народная былина слѣдуетъ изъ

*) Въ засаду, заключеніе за рѣшеткой.

**) У игумены.

Кирши, № 2, стр. 5—6. Но прежде ея мы поставимъ здѣсь старшую, чрезвычайно драгоценную и имѣющую полное право на мѣсто тотчасъ послѣ Джемсовыхъ и раньше Кирши: къ величайшему счастью, мы успѣли ее извлечь изъ бумагъ незабвеннаго К. Θ. Калайдовича (напечатавшаго и Киршу), разбирая сіи послѣднія. Она написана на листѣ старой бумаги, безъ раздѣленія стиховъ, почеркомъ и правописаніемъ XVII вѣка; поправлена и дополнена другою позднѣйшею рукою и другими чернилами; но эта послѣдняя рука и этими позднѣйшими чернилами написала: «въ 196^М году въ 7^И тысяче,» то есть, 1688 года. Слѣдовательно, первая, непоправленная рукопись старше 1688 года и, по всѣмъ признакамъ, современна; по крайности, близка періоду Самозванцевъ.

Мы печатаемъ ее вдвойнѣ: 1) точь въ точь съ рукописи, раздѣляя только на стихи, но соблюдая правописаніе (кромѣ надстрочныхъ знаковъ) и знаки препинанія, а вмѣстѣ, въ примѣчаніяхъ, упоминая, какія сдѣланы перемѣны рукою 1688 года; 2) съ бѣльшею свободой расположенія словъ и нынѣшняго правописанія, а вмѣстѣ съ добавочными разнорѣчіями изъ ближайшей былинны у Кирши, что напечатана у насъ выше подъ № 2-мъ, обозначая ее буквой а), и изъ сходной былинны, записанной въ Нижегородской губерніи, обозначая ее б). И такъ:

Григорій Отрепьевъ и Марина.

1.

Ты боже мой боже спасъ милостивой,
владыко царю вседержителю ¹⁾,
за что на насъ господь богъ прогневался,
какъ ²⁾ спустилъ на насъ великъ ташкой грѣхъ ³⁾,

¹⁾ Болѣе поздней рукою поставлены ударенія: «Боже, Спасъ, царю, вседержителю.» — ²⁾ Зачеркнуто. — ³⁾ Исправлено въ два стиха: «Спустилъ на насъ господи, Великъ ташкой грѣхъ.»

5. 1) вора гришку ростригу атрепьева;
 прелстилъ онъ воръ сабака три земли,
 первого прелстилъ караля в литве,
 другаго прелстилъ землю полскую,
 третье сильно царство московское.
10. не успелъ воръ сабака на царство сестъ,
 поизволилъ воръ сабака жениться 2):
 ни у князя онъ беретъ не у боярина:
 не у насъ онъ беретъ в комянной москве,
 беретъ воръ сабака в проклятой литвѣ:
15. проклятой литвѣ 3), у юрья пана стредомирского 4),
 беретъ онъ маринку дочь юрьеву,
 а свадьба была на вешней празднигъ,
 миколинъ день былъ в пятницу 5),
 а у гришки свадьба в четвертокъ была:
20. стали благовестить к 6) заутрине,
 у святаго михайла архангела,
 где кладутся цари благоверныя,
 благоверныя 7) благочестивыя,
 бояра пошли ка 8) заутринѣ,
25. ко святому михайлу архангелу:
 а гришка рострига в баню пошелъ,
 с своею маринкою дочь юрьевой 9),
 бояря идуть от заутрини,
 а гришка рострига из бани идетъ,
30. шуба на немъ сабакина,
 на маринке саянъ краснаго 10) золота,
 входитъ 11) на крылечко на красное,
 вскричить онъ взвопитъ громкимъ голосомъ 12),

1) Прибавлено: «того ли вора.» Удареніа: «воръ сабака.» — 2) Удареніа: «воръ, жениться,» послѣ «воръ» поставлена запятая. — 3) Оба слова зачеркнуты. — 4) Исправлено: «сендомирского.» — 5) Исправлено такъ: «На вешней празднигъ, Миколинъ день, Миколинъ день былъ въ пятницу.» — 6) «Ко.» — 7) Вставлено: «благоверныя цари благочестивыя.» — 8) «Ко.» — 9) Исправлено: «дочью юрьевой.» — 10) Зачеркнуто го. — 11) Исправлено: «онъ входитъ.» — 12) Удареніа: «голосомъ», а выше «золота.»

- есть ли у меня пушкарн ¹⁾,
35. свезите снарядъ ²⁾ пушки за городъ,
за те ли ворота серпуховския ³⁾,
завтре у меня пиръ будетъ,
для ради тестя любимого,
какъ пошелъ на крылечко на заднѣе,
40. скрычить онъ возвоилъ громкимъ голосомъ,
есть ли у меня поворы ⁴⁾, -
мой батюшковы приспешнички,
варите вы яству скоромную, и посную,
скоромную еству гуси лебеда,
45. а посную еству рыбу бѣлюю,
завтре у меня пиръ будетъ,
ради тестя любимова,
про юрья пана стредомирскаго ⁵⁾,
скоромную еству самъ кушаетъ,
50. а посну еству роздачей даютъ ⁶⁾,
а местные иконы под себя стелеть,
а чюдны кресты под пяты кладеть:
и тутже бояра домышлялися,
и думны дьяки догадалися.
55. брасалися кидалися в девичей монастырь:
ко иноке к марфе ивановиъ,
ты свѣтъ наша матушка
инака марфа ивановна,
прямой ли царь на царстве сидитъ,
60. твое дитя рожденное ⁷⁾,
что дмитри царевичь углицкой,
только дѣлаеть не по царскому,
скоромную еству самъ кушаетъ,
а посную еству в роздачи даютъ,

¹⁾ Третьею, новою рукою, но только не Калайдовича, прибавлено: «и зати-
щики.» — ²⁾ Исправлено: «снарядъ.» — ³⁾ Прибавлено: «за серпуховския.» — ⁴⁾ Т. е.
повары, но исправлено не повѣвши: «поворы,» то есть, воры, которые поворо-
вывають. — ⁵⁾ Оставлено неисправленнымъ. — ⁶⁾ Писавшій хотѣлъ выразитъ:
«даеть». — ⁷⁾ Исправлено: «порожденное.»

65. а местные иконы под себя стелеть ¹⁾,
а чудны кресты под пяты кладють,
что зговорить наша матушка,
инока марфа ивановна,
вы глупы бояря неразумные,
70. вестима богу ²⁾ всей земли,
что потерянь князь дмитрей на угличе,
ево мощи лежать в коянной москвѣ,
у светого михайла архангела,
гдѣ кладутца цари благоверные:
75. благоверныя благочестивыя,
что зговорить наша матушка,
что инока марфа ивановна,
приезжаетъ с угрозою,
привозить ³⁾ нагало саблю вострую,
80. велить называти своимъ сыномъ,
княземъ димитриемъ царевичемъ углицкимъ.
и тутже бояря догадалися,
и думныя дьяки домышлялися,
выбирали себе дьяка думнова:
85. того ли петрушку басманикова,
посылають в полаты во царские,
велять говорить не с упаткою,
помниши гришка спомятуешли,
вместе мы грамоте с тобой училися,
90. во томъ монастыре во чудове,
ты былъ гришка чернымъ дьякономъ,
а я былъ на крылосе псаломщикомъ,
видить же гришка не-минучею,
пошелъ в полаты во набережны,

¹⁾ Поставлены, какъ и въ другихъ мѣстахъ, ударенія особенныя: «Кушаетъ, стелеть.» — ²⁾ Здѣсь перегибъ бумаги посередкѣ въ четверо, отъ того образовалась скважина и конечно вытерто: и. — ³⁾ «привозить.»

95. из набережных на житной ¹⁾
*идь онъ упалъ и самъ пропалъ,
 отмынь и проклятъ до вѣку.*

Конецъ.

*

Такимъ образомъ, очевидно, первая рука, главная, хотя не совсемъ грамотна, но совершенно народна и, судя по всему, писала со словъ, съ устнаго пѣнія или пересказа.—Вторая, исправлявшая, судя по мѣсту удареній, по видимому принадлежала Малоруссу или Бѣлоруссу, никакъ не Великоруссу и не Москвичу. Проверила ли она образецъ по своей собственной памяти, или по новымъ слышаннымъ образцамъ, или же прямо исправляла по собственному соображенію, во всякомъ случаѣ видно, что была знакома съ народнымъ творчествомъ, именно изъ повторяющихся концовъ стиха стремилась сложить новый цѣлый стихъ, или укорачивала его, или удлиняла по требованію размѣра; притомъ образованнѣе первой, какъ на примѣръ исправила «Сендомирскаго.»—Третья, новая, нашего вѣка, по видимому женская, пробы французскихъ словъ, а на полѣ: «Наталья Волк...», Волкова или Волконская; вставка «и затинчики» обличаетъ знаніе; приписанный конецъ остается недостоверенъ.—Теперь вотъ какъ восстанавливаемъ мы нынѣшними средствами:

¹⁾ Здѣсь кончается листочекъ; на слѣдующемъ конечно продолжалось: «дворъ.» За нимъ напечатанное курсивомъ приписала уже третья, помянутая новая рука: списала ли она со слѣдующаго листочка конецъ былинны, или придумала отъ себя, не можемъ рѣшить; по крайности она пропустила слово *дворъ*; а въ вариантѣ былинны конецъ другой.

1.

Ты Боже мой, Боже, Спасъ милостивой,
 Владыко Царю Вседержителю ¹⁾!
 За что на насъ Господь Богъ прогнѣвался,
 Какъ спустилъ на насъ великъ тяжкой грѣхъ,

5. а) Сослалъ намъ, Боже, прелестника ²⁾,
 Вора Гришку Ростригу Отрепьева ³⁾?
 Прелстилъ онъ, воръ—собака, три земли,
 Первого прелстилъ Короля въ Литвѣ,
 Другаго прелстилъ—землю Полскую,
 10. Третье сильно царство Московское ⁴⁾.

- Не успѣлъ воръ—собака на царство съѣсть ⁵⁾,
 Поизволилъ воръ—собака женитися:
 Ни у князя онъ беретъ, не у боярина,
 Не у насъ онъ беретъ въ каменной Москвѣ,
 15. Беретъ воръ—собака въ проклятой Литвѣ ⁶⁾,

¹⁾ Этотъ стихъ есть и въ б), имъ и начинается. — ²⁾ Этотъ стихъ варианта а) не лишній; въ б) «послалъ намъ, Господи, прелестника.» — ³⁾ б) „Того ли Гришку,“ доказательство, что вторая рука приписала это слово не даромъ. —
⁴⁾ Очевидно, на сколько хуже и позднѣе современный вариантъ б):

Онъ прелстилъ собака цѣлы три орды,
 Перва орда—проклята Литва,
 А друга орда—Хана Крымского,
 Третья орда—басурманы Запорожскіе.

Вариантъ а), тоже какъ болѣе поздній, нашелъ здѣсь уже нужду въ поясненіи:

Называется Разстрига прямымъ царемъ,
 Царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ.

⁵⁾ Въ вар. а) это выражено уже двумя стихами: „Ужели онъ Разстрига на царство съѣлъ? Не долго Разстрига на царствѣ сидѣлъ.“ — ⁶⁾ Слѣдующіе стихи короче, какъ на примѣръ въ вар. а); то есть до настоящей мѣры должны быть пополнены концомъ предыдущихъ, какъ и есть у насъ въ главномъ текстѣ. Кромѣ того напѣвъ былинъ, сохраненный у Кирши, показываетъ, что конецъ стиха каждаго повторялся: этотъ повторяемый отрѣзокъ и есть въ настоящемъ случаѣ „проклятой Литвѣ.“

- Проклятой Литвѣ, у Юрья пана Стредомірскаго ¹⁾,
 Беретъ онъ Маринку дочь Юрьеву.
 А свадьба была на вешней праздникъ,
 а) На вешней праздникъ Миколинъ день ²⁾:
20. Миколинъ день былъ въ пятницу,
 А у Гришки свадьба въ четвертокъ была ³⁾;
 Стали благовѣститъ къ заутринѣ,
 У святаго Михайла Архангела,
 Гдѣ кладутся цари благовѣрныя,
25. Благовѣрныя, благочестивыя ⁴⁾,
 Бояра пошли ко заутринѣ,
 Ко святому Михайлу Архангелу,
 А Гришка Рострига въ баню пошелъ
 Съ своею Маринкою дочь-Юрьевой ⁵⁾;
30. Бояря идутъ отъ заутрини,
 А Гришка Рострига изъ бани идетъ,
 Шуба на немъ соболиная ⁶⁾,
 На Маринкѣ саянъ ⁷⁾ краснаго ⁸⁾ золота.

¹⁾ Осмыслено, подобно словамъ „средокрестный, средопостный;“ показываетъ народное употребленіе былинны; б) „Сендофорсково.“ — ²⁾ Это повтореніе, сохраненное вариантомъ а), непременно было; но, какъ повтореніе, не записано въ нашемъ текстѣ, тѣмъ болѣе, что слѣдующій стихъ опять начинается словами: „Миколинъ день.“ — Вар. б), какъ позднѣйшій, современный намъ, обобщилъ: „не въ удобной день.“ — ³⁾ Вар. а) обратно: „Въ четвергъ у Разстриги свадьба была, А въ пятницу праздникъ Николинъ день.“ — ⁴⁾ Всѣ эти мѣстныя черты объ Архангельскомъ соборѣ уже опущены въ вар. а), записанномъ вѣроятно въ Сибири, между сѣверовосточными украинами, и въ вар. б), записанномъ въ Нижегородской губ. — ⁵⁾ Этотъ старый оборотъ, мы видѣли, уже въ концѣ XVII вѣка потребовалъ исправленія. — ⁶⁾ Вар. а) добавляетъ: „рубашка кноейная,“ особенность женственная, странная нашимъ предкамъ: барокъ накрахмаленный, тогда употреблявшійся въ Польшѣ и Литвѣ. — ⁷⁾ Обыкновенно объясняется словомъ восточнымъ: но мы убѣдились, по Бѣлорусскимъ и Польскимъ памятникамъ, что это отъ матеріи, привозившейся съ юга, Итальянская *Соя* или *Сал*, травчатая, шолковая; такъ и называлась у насъ одежда, обыкновенно женская, а самая матерія—извѣстная *камка*; отъ того въ вар. а), какъ и въ другихъ пѣсняхъ, „соянъ хрущатой камки,“ а у насъ „краснаго золота,“ протканая золотомъ; легче парчи, попаламъ съ шолкомъ, или легкая, не чисто-металлическая парча. Сравнительно

Входитъ на Крылечко на Красное,

35. Вскричитъ онъ—взвонитъ громкимъ голосомъ:

«Есть ли у меня пушкари!

«Свезите снарядъ—пушки ¹⁾ за городъ,

«За тѣ ли ворота Серпуховскія:

«Завтрѣ у меня пиръ будетъ,

40. «Для ради тестя любимого ²⁾»

Какъ пошелъ на крылечко на заднее,

Скрычитъ онъ—возвопитъ громкимъ голосомъ:

«Есть ли у меня повары ³⁾,

«Мои батюшковы приспѣшнички!

45. «Варите вы яству скоромную и посную,

«Скоромную ѣству—гуси—лебеди,

«А посную ѣству—рыбу бѣлую:

«Завтрѣ у меня пиръ будетъ,

«Ради тестя любимова,

50. «Про Юрья пана Стредомірскаго ⁴⁾»

Скоромную ѣству самъ кушаетъ,

А посну ѣству роздачей даѣтъ ⁵⁾;

А мѣстные иконы подъ себя стелеть,

А чудны кресты подъ пяты кладѣтъ ⁶⁾.

же съ прочими шелковыми матеріями, она была плотнѣе, хрустѣла, производила шелестъ, откуда названіе „хрущатой.“ Впослѣдствіи названіе перешло и на бумажныя матеріи, и шерстяныя травчатые, а нынче это у простаго народа по нѣкоторымъ губерніямъ всякая исподница и крашенннй сарафанъ; вар. б) обобщаетъ: „рытово бархата.“ Восточное, извѣстное Сербамъ, „Дибба и Кадибба.“ — ³⁾ Для разиѣра, вторая рука исправила „красна.“

¹⁾ *Снарядъ, нарядъ*, техническое имя для древней артиллеріи. — ²⁾ Эти послѣднія подробности, извѣстныя изъ исторіи Лжедмитрія и знакомыя Москвичу, уже опущены въ вар. а) и б). — У насъ же, судя по слѣдующему, опущено дополнение: „Про Юрья пана Стредомірскаго.“ — ³⁾ Вар. б) счелъ уже полезнымъ прибавить и пояснить: „кушари и повары.“ — ⁴⁾ Вар. а) помнитъ еще, что „Юрья панъ — гость дорогой;“ а новый б) представляетъ его уже незванымъ: „незваной гость.“ — ⁵⁾ Прочимъ Русскимъ, за столомъ и на домъ въ жалованье. — ⁶⁾ Доказательство народнаго склада былинны: такова была молва въ народѣ, распущенная сверху.

55. И тутъ же бояра домышлялися,
И думны дьяки догадалися ¹⁾.
Бросалися—кидалися въ дѣвичей монастырь ²⁾
Ко инокъ къ Марѣ Ивановнѣ ³⁾:
«Ты свѣтъ наша матушка,
60. «Инока Марѣа Ивановна!
«Прямой ли царь на царствѣ сидитъ,
«Твое дитя рожденное,
«Что Дмитрій Царевич Углицкой?
«Только дѣлаеть не по царскому ⁴⁾:
65. «Скромную ѣству самъ кушаетъ,
«А посную ѣству въ роздачи даётъ,
«А мѣстные иконы подъ себя стелеть,
«А чудны кресты подъ пяты кладётъ.»»
Что зговоритъ наша матушка,
70. Инока Марѣа Ивановна ⁵⁾:
—Вы глупы бояря—неразумные!
—Вѣстимо ⁶⁾ Богу (и) всей Земли,
—Что потерянь ⁷⁾ князь Дмитрей на Угличѣ ⁸⁾

¹⁾ Опять доказательство современности и Московскаго мѣсторожденія нашей былины въ старшей редакціи: перечислены неподобныя дѣйствія Разстриги, и какъ слѣдствіе, догадки бояръ и дьяковъ; въ вар. а) вмѣсто того уже „стрѣльцы,“ а въ б) „клязья и бояря,“ притомъ они испугались единственно *кривзда Юрьева*: „За то-то слово спохватилися,“ „всѣ князья и бояря *ислужалася*.“—²⁾ Опять: вар. а) поставилъ „Боголюбовъ,“ любимый, такъ сказать, „техническій“ въ нашихъ былинахъ; а б) еще хуже—„Чудовъ.“—³⁾ Вар. а) „Марѣа Матвѣевна,“ вар. б) „Олена Михайловна.“—⁴⁾ Вар. б) „А ведеть сея не по царскому,“ подробности же, чѣмъ не по царскому, въ обонхъ вариантахъ уже затеряны. — ⁵⁾ Позднѣйшіе варианты ввели уже черту мелодраматическую: „заплакала, горючїи слезы, во слезахъ.“ — ⁶⁾ Слово, уцѣлѣвшее доселѣ въ простонародьѣ: вѣдомо, извѣстно. — ⁷⁾ Убитъ: „Князь Романъ жену *терля*.“ — ⁸⁾ Здѣсь кончается первая, старшая редакція былины, современная событію: даннѣйшая прибавка о мощахъ въ соборѣ принадлежитъ уже эпохѣ послѣ Шуйскаго и потому вставлена нами въ скобни. Ту же прибавку вставляютъ оба варианта а) и б), а вар. а), по отдаленности мѣста, гдѣ записана былина, предполагаетъ соборъ „у чудной Софїи Премудры,“ какъ въ Новгородѣ, и дополняетъ еще болѣе позднія подробности, распространенныя въ народѣ,

(—Ево мощи лежать въ комяной Москвѣ,

75. —У святаго Михайла Архангела,
—Гдѣ кладутца цари благовѣрные,
—Благовѣрныя, благочестивыя).—

.....¹⁾

Что зговорить наша матушка,

80. Что инока Марѳа Ивановна:
—Прѣзжаетъ съ угрозою,
—Привозитъ наголо саблю вострую²⁾,
—Велитъ называти своимъ сыномъ,
—Княземъ Димитріемъ Царевичемъ Углицкимъ.—

85. И тутъ же бояря³⁾ догадалися

И думныя дѣяки домышлялися.

Выбирали себѣ дѣяка думнова,

Того ли Петрушку Басманикова⁴⁾,

Посылаютъ въ полаты во царскіе,

90. Велятъ говорить не съ упадкою⁵⁾:

—Помнишь ли, Гришка, спомятѣешь ли,

—Вмѣстѣ мы грамотѣ съ тобой училися,

о томъ, что Царевичъ потерявъ „отъ бояръ Годуновыхъ“, о томъ, что въ соборѣ каждый праздникъ панихиды и Годуновымъ проклетія, столь долго, какъ извѣстно, длившіяся.

¹⁾ Тутъ очевидный перерывъ и пропускъ: въ вар. б) былина знаменательно здѣсь и кончается, а вар. а) пропускаетъ стихи, у насъ въ старшей редакціи еще уцѣлѣвшіе. Именно, въ ней уцѣлѣлъ еще отвѣтъ Марѳы Ивановны, доказывающій, по былинѣ, что ее, послѣ признанія, естественно спрашивали: „За чѣмъ же прежде назвала ты его своимъ сыномъ?“ Но такая историческая подробность была уже слишкомъ тонка и мелка для памяти народнаго творчества: уцѣлѣлъ отрывочно только „отвѣтъ“ Марѳы Ивановны, а слѣдующій по времени вар. а) потерялъ и самый отвѣтъ. — ²⁾ То есть: „Что же мнѣ было дѣлать, когда онъ прямо прѣзжаетъ ко мнѣ съ угрозою, грозитъ вострой саблей, велитъ называть сыномъ,“ и т. д.? — ³⁾ Вар. а) опять „стрѣльцы.“ — ⁴⁾ Конечно вмѣсто „Басманнова,“ по недослышкѣ записавшаго былинну или опискѣ. — ⁵⁾ Безъ страха, смѣло: обычное выраженіе въ нашихъ былинахъ.— Вся эта подробность совершенно потеряна въ вар. а). Но она, сколько мы знаемъ, неизвѣстна и въ исторіи по памятникамъ, а между

- Во томъ монастырѣ во Чюдовѣ ¹⁾?
 —Ты былъ, Гришка, чернымъ дьякономъ ²⁾,
 95. —А я былъ на крылосѣ псаломщикомъ ³⁾?—

Видитъ же Гришка (бѣду) неминучею ⁴⁾,
 Пошелъ въ Полаты во Набережны,
 Изъ Набережныхъ на Житной (дворъ) ⁵⁾
 ⁶⁾

*

тѣмъ необыкновенно важна. Съ одной стороны она свидѣтельствуетъ, что попала въ былинѣ уже нѣсколько позднѣе, послѣ Шуйскаго и при Романовыхъ, когда второе по Самозванцѣмъ поколѣніе стадо забывать, кто былъ Петръ Басмановъ; во вторыхъ ясно показываетъ, какіе слухи были пущены тогда въ народъ сверху. Это вариантъ къ извѣстному провозглашенію: „винится, самъ повинился!“

¹⁾ Выраженія и складъ сихъ трехъ стиховъ совершенно такіе же, какіе извѣстны по другимъ нашимъ Былинамъ и Стихамъ: а по содержанію, тотъ же мотивъ повторяется въ старшихъ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и его училищномъ товарищѣ Калѣчицѣ, см. вып. 1 и 4. — ²⁾ Иеродиаконъ. — ³⁾ Независимо отъ сей вымышленной обстановки, нѣкоторыя основанія къ ней могли быть тѣ, что конечно Басмановъ могъ пѣвать на крылосѣ и—якобы—видать Гришку, и—якобы—потомъ уличить его. — ⁴⁾ Считаемо себя совершенно въ правѣ вставить опущенное слово „бѣду“, по смыслу и подобнымъ примѣрамъ другихъ былинъ. — ⁵⁾ Также очевидно, что за прерваннымъ листикомъ слѣдовало здѣсь „дворъ“, нами и вставленное. — ⁶⁾ Ничто не замѣнитъ намъ отсутствія конца этой драгоценной былинны, хотя конечно нѣсколькихъ только словъ: новой приписки, нами выше помянутой, мы не признаемъ достовѣрною, а вариантъ а), по отдаленности мѣста и времени, ударился въ образы совершенно произвольные; у него Гришка „въ верхні чердаки убирается и на крѣпко запирается,“ потомъ „догадливъ былъ, бросался онъ со тѣхъ чердаковъ на коня острыя (вмѣсто „брошень“),“ а про Марину, какъ она обернулась въ сороку и вылетѣла, рассказано то же, что про знаменитую соблазнительницу Добрыни, и на оборотъ въ былинѣ о Добрынѣ вставлена *Маринка* Сендомірская (см. у насъ вып. 2-й и Рыбниковское собраніе).

*

При всей той важности, какую мы придаемъ устному народному творчеству и памятникамъ его, уцѣлѣвшимъ въ устахъ доселѣ, при всей самобытной и самостоятельной подлинности его, авторитетъ которой столь извѣстенъ и постоянно доказуется нашими изданіями, тѣмъ не менѣе и даже тѣмъ болѣе придаемъ мы важность, вѣроятно теперь очевидную и читателямъ, когда тѣ же памятники устнаго творчества *записаны* и уцѣлѣли до насъ въ извѣстныхъ, болѣе или менѣе старинныхъ *рукописахъ*, съ явными признаками времени ихъ, мѣста и происхожденія. Рукописи эти 1) убѣждаютъ насъ, что былины слагались въ народѣ, цѣломъ народѣ, непосредственно въ слѣдъ за событіями, тотчасъ же или близко къ нимъ, и столь же быстро распространялись: все равно, слагались ли въ слояхъ высшихъ, — отсюда шли по всемъ направленіямъ, и къ низшимъ слоямъ, по однородности народной жизни съ сими послѣдними, до самаго простанародья, которое въ старину отличалось лишь *степенью* образованія, развитія и средствъ; слагались ли внизу, — отпечатлѣвали въ себѣ все черты и образы жизни, шедшей по видимому или, съ нашей точки зрѣнія, въ области высшей, въ области политической, государственной, привилегированной, крупной, рѣшавшей все судьбы государства, судьбы общества, народа, быта. 2) Рядами послѣдовательныхъ рукописей и потомъ сравненіемъ съ современными памятниками въ устахъ народа, указывается путь, какъ и въ чемъ былины измѣнялись, смотря по отдаленности мѣста и времени, а съ другой стороны, какъ многое и сохранялось, сохранялось столь бережно, что на примѣръ, по приведеннымъ выше образцамъ, Сибирь прошлаго вѣка и Нижегородская область нашихъ дней повторяетъ точь въ точь многія слова и выраженія (не говоря уже о содержаніи и складѣ общемъ), имѣвшія мѣсто и записанныя въ Москвѣ лѣтъ за сто и за двѣсти. 3) Рукописи сего рода, опредѣленнаго времени, въ пособіе къ разъясненію новыхъ поющихъ былинъ и прочихъ пѣсней, даютъ неопровер-

жимыя данныя языка, чтобы видѣть, какъ онъ—отчасти—измѣнялся, а гораздо еще болѣе, какъ онъ уцѣлѣлъ доселѣ почти цѣликомъ, видоизмѣняясь лишь по областнымъ нарѣчіямъ, а въ сущности, на нѣсколько сотъ лѣтъ, составляя единый, особенный *Эпическій* языкъ, языкъ Былеваго народнаго творчества, съ своеобразными приемами, складомъ, формами, оборотами, даже удареніями слова. Тутъ конечно замѣтны послѣдовательныя эпохи, своего рода періоды: но именно *своего рода*, въ одномъ и томъ же эпическомъ, былевомъ или былинномъ языкѣ, и объ сихъ измѣненіяхъ мы отчасти упомянемъ вкратцѣ еще ниже. За то теперь столько уже данныхъ для науки, что всякій, чуть не ребенокъ, можетъ отличить языкъ древней Былины отъ позднѣйшей, языкъ Былины и Стиха отъ другихъ Пѣсней, языкъ чисто-устнаго творчества отъ примѣси книжнаго, а тѣмъ болѣе подправки или поддѣлки въ родѣ конца прошлаго вѣка, въ родѣ Державинскихъ и Дмитріевскихъ, въ родѣ Макаровскихъ и Сахаровскихъ, вплоть до самаго Лукояна Берендѣевича и до извращенія въ Стихахъ и Сказаніяхъ Старообрядческихъ или вообще раскольничьихъ. Неопровержимыя данныя, о коихъ мы говоримъ, конечно послужатъ отрезвеніемъ и для тѣхъ нашихъ критиковъ, кои, сами нѣкогда издававши (хотя и съ ошибками, и опечатками) народные памятники, не усумнились голословно, въ печати или громкой рѣчи, заявлять, по мѣрѣ появленія изданій, что языкъ собранія Кирѣевскаго и Рыбникова измѣненъ, подправленъ и поддѣланъ, что такъ же ненадеженъ языкъ «Калѣкъ Перехожихъ», что присочиненъ языкъ въ Толковомъ Словарѣ нашего ветерана В. И. Даля, что измѣненъ языкъ памятниковъ въ изданіяхъ О. М. Бодянскаго. Изъ одной и той же избы шли и идутъ онѣ, однѣ и тѣ же вѣсти: другіе издатели отвѣчали на нихъ столь же открытыми возраженіями и вызовами на указаніе фактовъ; мы полагаемъ, что даже признавать такія сомнѣнія серьезными значило бы ронять собственное достоинство, и достоинство подлинниковъ, и достоинство сомнѣвающагося; просто—

такому языковѣду и ученому, по цѣху и привилегіи, должно быть стыдно передъ лицомъ науки.

Теперь приведемъ цѣликомъ помянутый выше вариантъ былинны о Лжедмитріѣ изъ современнаго намъ устнаго употребленія:

1.

(Село Памово, Нижегород. губ.).

Владыко Царю Вседержителю!

Да за што Ты на насъ, Господи, прогнѣвилса,

Послалъ намъ, Господи, прелѣсника,

Тово ли Гришку Отреплева?

5. Онъ прельстилъ собака цѣлы три брды:

Перва брда—проклятá Литва,

А друга брда—хана Крымсково,

Третья брда—басурманы Запорожскіе;

Онъ взмутилъ собака православну Русь.

10. Не успѣлъ онъ собака воцарѣтиса,

Захотѣлъ собака женитиса:

Не у насъ—та онъ, братцы, беретъ въ каменнóй Москвѣ,

Онъ беретъ—же, братцы, въ проклятóй Литвѣ,

У тово ли у Юрья пана Сендофорсково,

15. Ту ли Маринку дочь Юрову.

Онъ и дѣлатъ сварьбу не въ удобной день,

На тотъ ли на праздникъ на Николинъ день:

Всѣ князя—бояря къ заутренѣ пошли,

А Гришка съ Маринкой въ баню пошолъ;

20. Всѣ князя—бояря отъ заутрени идуть,

А Гришка съ Маринкой изъ бани идеть,

На Гришкѣ одѣжа чѣрново соболя,

- На Марингѣ одежда рыгово бархата.
Онъ восходитъ собака на Красенъ Крылецъ,
25. Онъ воскликнетъ собака громкимъ голосомъ:
«Ишша есь ли у меня кухари и повары!
«Стряпали бы посно и скоромное:
«Прійдетъ ко мнѣ незваной гость,
«Незваной гость, любимой тестъ.»
30. Всѣ князья и бояря испужалиса,
Во Чудовъ монастырь набросалиса *)
Къ той ли нашей государынѣ:
««Ужь ты матушка наша государыня,
««Православная Олёна Михайловна!
35. ««Твоя-тъ сынъ на Царство съль:
««А ведеть сея не по царскому.»»
Тутъ заплакала государыня горячіи слезы:
—Ужь вы глухие бояря—неразумные!
—Моя-тъ сынъ на Угличѣ убить,
40. —Лежать ёво мошши въ каменной Москвѣ,
—Въ тѣмъ ли соборѣ Михайла Арханъела.—

(Запис. свѣд. Озворскѣмъ; ср. Изв. А. Н. т. I).

Ничто не вознаградитъ насъ за тотъ уронъ въ Русской литературѣ, что древнія наши Былины, преимущественно изъ круга Владимірова и области Кіевской, вообще Юго-западной, а также Новгородскія и отчасти древнѣйшія Княжескія, не записаны *современно* ихъ происхожденію, по крайности *благовременно*, по рукописямъ, и остались только въ современномъ устномъ употребленіи простаго народа нашихъ дней: знаменитое «Слово о Полку Игоревѣ,» изложенное «по Былинамъ» то-

*) Вѣроятно опечатка вмѣсто „добросалиса.“

го времени, все-таки есть сочиненіе, а не самыя Былины, и притомъ дошло къ намъ въ рукописи относительно младшей; «Сказаніе о Мамаевомъ Побойцѣ» и всѣ «Слова» того же рода, возникшія на томъ же основаніи народнаго творчества, представляютъ еще болѣе книжную обработку; записанное Киршей Даниловымъ слишкомъ опоздало передъ этой до-Московской древностью. «Горе-Злочастіе» долею Стихъ, а что есть въ немъ мірскаго Былиннаго, служить родоначаліемъ конечно старшихъ, но всё же Безымянныхъ или Молодецкихъ гвсень, въ родѣ помянутыхъ нами выше Былинъ о Горѣ и Безвременномъ Молодцѣ, притомъ носить на себѣ печать той же книжной обработки и уцѣлело въ рукописи XVII вѣка. Стихи духовныя, между коими иные близки къ Былинамъ, записывались конечно въ большемъ обиліи, но также не раньше: намъ неизвѣстно сборника ихъ старше XVII вѣка по рукописи, а въ нашемъ частномъ собраніи сосредоточено все, что есть въ семь отдѣлѣ самаго старшаго. Наконецъ изъ Владиміровыхъ, Богатырскихъ Былинъ напечатана нами въ 4-мъ выпускѣ, изъ «Памятн. старин. русск. литер.», одна совершенно разрушившаяся въ Побывальщину и даже Сказку, а потому и названная «Сказаніемъ о семи русскихъ богатыряхъ», пр рукописи не старше конца XVII вѣка.

Итакъ, *рукописная* документальность выпала на долю лишь *Московскихъ*, сравнительно младшихъ, Былинъ: въ этомъ отношеніи онѣ всѣхъ счастливѣе.—Изъ нихъ немногіе отрывки до Грознаго относятся еще къ особому разряду Княжескихъ Былинъ о Грозномъ, коими начинаются Московскія, напечатанныя въ нашемъ 6-мъ выпускѣ, дышатъ всею современностію сложенія ихъ, шагъ за шагомъ событія: но также еще ни однимъ образцемъ не записаны по рукописямъ XVI вѣка. Собственно первая Московская былина, здѣсь выше помѣщенная и документально записанная въ старой рукописи, о нашествіи Крымскаго хана, восходитъ по событію къ 1591-му, по времени рукописи къ 1619 или не дальше какъ 1620-му году. Распро-

страшеніе ли книжности, или поспѣшность уберечь остатки народнаго творчества среди наступившаго и долго длившагося тогдашняго разгрома и переполоха, только отселѣ рукописи уже не покидаютъ народнаго былеваго творчества на превратности единственнаго устнаго употребленія. Послѣ рукописи Ричарда Джемса, вскорѣ намъ сберегается рукопись, съ коею печатали мы выше текстъ о Лжедмитріѣ, не моложе, по происхожденію, временъ Михаила Федоровича. Она пересматривается, рукописно же, въ 1688 году. Слѣдующій за тѣмъ собиратель былинъ, записавшій намъ ихъ, Кириша Даниловъ жилъ конечно въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, судя по тому, что сборникъ его кончается былинами о свѣжихъ событіяхъ конца XVII вѣка, о Разинѣ, рожденіи Петра 1-го, атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ и т. п. Рукопись его, съ которой печаталъ Якубовичъ, потомъ К. Θ. Калайдовичъ «Древнія Россійскія Стихотворенія,» по несчастнымъ судьбамъ нашей литературы, нынѣ всё-таки пропала (изъ Импер. Публ. Библиотеки, при директорствѣ, какъ говорятъ, незабвеннаго А. X. Востокова). Мы можемъ предполагать съ вѣроятностью, что подлинникъ ея восходилъ къ концу XVII вѣка. Та, съ которой печаталось, отнесена самовидцемъ К. Θ. Калайдовичемъ къ половинѣ XVIII вѣка. Изъ нея-то впервые познакомилась образованная и изучающая Русь съ драгоценнымъ наследіемъ своего древнѣйшаго былеваго народнаго творчества: стало быть, по рукописи, съ половины XVIII, по печати съ 1804 и 1818 года, если не считать здѣсь нѣсколькихъ образцовъ въ старшихъ печатныхъ пѣсенникахъ. Такимъ образомъ, послѣ рукописи «о семи Русскихъ богатыряхъ,» для старшихъ своихъ Былинъ, Владиміровыхъ, Богатырскихъ, Кіевскихъ, Новгородскихъ и отчасти Княжескихъ (изъ сихъ послѣднихъ замѣтна основа и въ Сл. о П. И.), нынѣшняя Русь имѣетъ *рукописную* основу съ половины XVIII вѣка: Московскія Былины опять счастливѣе и старше своимъ *рукописнымъ* возрастомъ. Онѣ и у Кириши несравненно свѣжѣе, яснѣе чертами близкой современности, и даже опредѣленнѣе, ибо съ Грозна-

го. идуť шагъ за шагомъ до Петра I-го и даже выражаютъ стремленіе творчества опредѣлить свою эпоху юдами. Такъ въ былинѣ о Скопинѣ, напечатанной у насъ выше на стр. 41—46 изъ Кириши, хотя и ошибочно въ отношеніи лица Скопина, опредѣляется время—«во сто двадцать седьмомъ году осьмей тысяччи,» 1619 года,—замѣчательно, того же самаго, съ котораго начинается Джемсова рукопись былинъ. Немаловажнымъ обстоятельствомъ служить и то, что въ рукописи Кириши, хотя бы она была и копія съ подлинника, впервые получили мы ноты для нашихъ Былинъ. Для Стиховъ есть старше, крѣпкіе XVII вѣка и даже собственноручная музыкальная рукопись знаменитаго знатока нашей древней музыки, Александра Мезенца (въ нашемъ собраніи; см. Предисловіе въ 6-му вып. «Калѣкъ Церехожихъ»). Но для Былинъ, для напѣва ихъ, опять первая данная въ рукописи Кириши, съ половины XVIII-го. И, хотя аккуратнѣйшій К. Ѳ. Калайдовичъ допустилъ, что въ печатномъ наданіи Шпревичъ «исправилъ (!) азбучныя ошибки» подлинника, тѣмъ не менѣе главный характеръ напѣвовъ не оставляетъ сомнѣваться въ высокомъ достоинствѣ ихъ и глубокой древности, по крайности въ существенныхъ, *неисправлен-ныхъ* частяхъ. Какъ бы то ни было, только въ слѣдъ за Рукописью собранія Кириши, тотчасъ же, съ половины же XVIII вѣка, начинаются у насъ уже Печатныя изданія Пѣсенъ, Чулокора, Трутовскаго, Новикова и т. д., притомъ также съ нотами, каковы пѣсенники Трутовскаго, Герстенберга, Прача (лучшіе и старшіе всѣ появились въ Петербургѣ, съ половины до конца прошлаго вѣка). Здѣсь, какъ извѣстно, отпечатано, и до второй четверти нашего вѣка неизмѣнно перепечатывалось, между прочимъ нѣсколько Былинъ: замѣчательно—не Кіевскихъ, не Новгородскихъ и Княжескихъ, а именно Суздальскихъ и Московскихъ, о Суровцѣ, Грозномъ и Скопинѣ, потомъ изъ времени Алексѣя Михайловича, а съ Петра I-го уже шагъ за шагомъ, въ слѣдъ за событіями. Этимъ доказывается, да и безъ того извѣстно, что собранія сіи, преданныя печати, составля-

лись именно въ Россіи срединной, Московской, Царственной и Императорской. Притомъ, какъ извѣстно, издатели всѣхъ первыѣхъ, старшихъ нашихъ печатныхъ пѣсенниковъ, за исключеніемъ весьма немногихъ образцовъ, при случаѣ ими записанныхъ и вставленныхъ, сами изъ устъ народа не собирали, не добывали по разнымъ краямъ Россіи, а напротивъ печатали съ *готовыхъ рукописныхъ сборниковъ*, составленныхъ, несомнѣнно по всѣмъ признакамъ, въ срединной Россіи, особенно въ Москвѣ и, по радіусамъ ея вліянія, преимущественно въ окрестныхъ помѣстьяхъ. Такихъ рукописныхъ сборниковъ, изъ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, дошло много и до насъ, хотя, правду скавать, противъ печатныхъ изданій, дѣлавшихся со многихъ рукописей, сборники сіи представляютъ мало особеннаго (они есть въ собраніи П. В. Кирѣвскаго, Н. С. Тихонравова и у насъ). Замѣчательнъ былъ, между прочимъ, рукописный сборникъ, конца прошлаго вѣка, *Сомиковскій*, отчасти давшій содержаніе 4-му изданію Сопиковскаго Пѣсенника, а потомъ затерянный, снова найденный С. А. Соболевскимъ, переданный имъ П. В. Кирѣвскому и въ библиотекѣ его послѣдняго снова для насъ затерянный. Слѣдовательно и здѣсь опять, въ эпоху уже болѣе позднюю, счастье послужило преимущественно, почти исключительно, *Былинамъ Московскимъ*: сберегло для нихъ рукописную и печатную документальность.—Такъ длилось до второй четверти нашего вѣка: съ тѣхъ поръ, въ обратномъ отношеніи къ громадному обилію печатныхъ изданій, пѣсенники наши, крайне бѣдные относительно содержанія, не подновлялись—и даже доселѣ не подновляются—ни заимствованіями изъ рукописей, ни новою запискою изъ устъ народа, изъ неподдѣльнаго (хотя конечно и измѣнчиваго) источника. Изданія Сахарова и Терещенки (послѣднее крайне почтенное) въ дѣлѣ Былеваго творчества или только перепечатали старое, или скрыли свои источники, то есть бумаги, мѣсто, дѣлѣ записавшихъ и т. п., такъ что все это нынѣ исчезло безъ слѣда и—документальности нѣтъ. Новая же эпоха собира-

нія и записыванія,—говоримъ здѣсь преимущественно о памятникахъ Былеваго Творчества,—началась для Россіи со 2-й четверти нашего вѣка, съ трудовъ П. В. Кирѣвскаго. Его собраніе отличается тѣмъ, что 1) исключительно обратилось къ устному современному употребленію, записавъ только то, что сохранилось доселѣ въ устахъ народа; 2) совершенно, черезъ самого собирателя или содѣйствовавшихъ лицъ, по всѣмъ главнымъ краямъ Россіи; 3) по тому самому между прочимъ вошли сюда по возможности всякаго рода Былины, гдѣ либо уцѣлѣвшія, и Кіевскія, и Новгородскія, и Княжескія, что только разнесено было по разнымъ краямъ изъ главныхъ средоточій древней жизни. Московскія Былины, какъ можно видѣть изъ 6-го и 7-го выпуска, нашли здѣсь себѣ также важныя пополненія или долотѣ неизвѣстные образцы. Послѣ явилось уже много собирателей въ томъ же родѣ, хотя и не столь счастливыхъ, или не столь обширнаго объема. Счастливѣе другихъ оказался новѣйшій, П. Н. Рыбниковъ: печальный, но благословенный случай перенесъ его въ уголокъ, невѣдомый Кирѣвскому, но въ коемъ именно, въ глуши, по мхамъ и болотамъ, уцѣлѣли перлы нашего древнѣйшаго Былеваго Творчества, Владимірова-Кіевскаго, Новгородскаго и Княжескаго. Московскія Былины: по отдаленности потеряли тамъ много своихъ историческихъ подробностей, даже перешли, какъ помянуто, въ Сказки или связались съ отдаленнѣйшимъ, Черноморскимъ и Придунайскимъ эпосомъ: но за то, рядомъ съ симъ эпосомъ и другими старшими былинами, во многомъ уберегли древній характеръ Былеваго склада и стиха. Однимъ словомъ, изъ всѣхъ прочихъ собраній, болѣе отрывочныхъ или не столь ясныхъ по способу изданія, собраніе Кирѣвскаго и Рыбникова, да еще собраніе, издаваемое неразрывно при сихъ обоихъ или же особо въ «Калѣкахъ переходящихъ»,—вотъ что нынѣ остается преимущественно документальнымъ: взятое прямо изъ устъ народа, оно бережется въ массѣ рукописей, кои, по мѣрѣ изданія, предназначаются или прямо переходятъ въ Музеи и другія публичныя учрежденія, гдѣ будутъ

во убѣжденіе всѣмъ и на глаза каждому храниться какъ письменный документъ народнаго устнаго творчества.

Изъ всего этого должно быть ясно всякому, что Московскія Былины составляютъ нѣчто особое въ ряду другихъ: и по содержанію своему, и по относительно-позднѣйшему явленію, а потому и по близости къ событіямъ, ими воспѣтымъ, еще не такъ давнимъ для насъ самихъ; и по той послѣдовательности, съ какою сопровождаютъ онѣ теченіе нашей исторіи непрерывно шагъ за шагомъ; и по особенно-счастливымъ судьбамъ собранія на собственномъ мѣстѣ ихъ происхожденія; и по документальности непрерывныхъ почти рукописей и печатныхъ изданій, въ коихъ уцѣлѣли онѣ или уцѣловѣчены; и по срединности, общезвѣстности, общепонятности и общинтересности, какую имѣетъ Московское средоточіе для 'всей Россіи,—однимъ словомъ, по тѣмъ подробностямъ, кои слагаютъ характеръ въ подлинномъ смыслѣ *историческій*. П. В. Кирѣевскій называлъ еще «Историческими» всѣ вообще Былевыя пѣсни или Былины: мы достаточно имѣемъ данныхъ и образцовъ для сравненія, чтобы это названіе утвердить на всегда, какъ преимущество, за Былинами «Московскими.» Въ этомъ смыслѣ и ввели мы, и установили, и продолжаемъ поддерживать названіе,—всѣ другія произведенія Былеваго творчества, какъ старшія, Кіевскія, Новгородскія, Княжескія, такъ и младшія, Козацкія, Солдатскія, Безъимянныя, Молодецкія и т. п., именуя въ тѣсномъ смыслѣ *Былинами* или *Пѣснями Былевыми*, а Московскія именуя столь же тѣсно и собственно «*Былинами Историческими*» или «*Пѣснями Былевыми — Историческими.*»

Вмѣстѣ съ симъ главнымъ отличіемъ, историческимъ характеромъ, легко выступаютъ наружу и другія тѣсныя связанныя отличія Московскихъ былинъ: послѣ первыхъ шестнадцати выгус-

ковъ, къ заключенію Московскихъ былинъ, именно мѣсто напомнить и вкратцѣ перечислить сіи отличія.—Здѣсь рукопись, спасшая отъ забвенія былинъ, стоитъ близко къ живому устному творчеству, съ коего снята какъ копія; устное творчество, по самому времени происхожденія, особенно близко къ востпѣтому событію; событіе сравнительно близко къ намъ, и оно же, какъ событіе срединной Русской жизни, Московской, одинаково близко всей Руси, еще многимъ памятно, а еслибы и нѣтъ, то живетъ во очю въ тысячѣ уцѣлѣвшихъ другихъ памятниковъ или продолжается доселѣ по своему вліянію и послѣдствіямъ. Уже этимъ самымъ устанавливается громадное отличие отъ былинъ о событіяхъ и явленіяхъ, или отдаленныхъ по мѣсту и времени, или поглощенныхъ Московскою жизнію (которая много отшибла памяти у старины до-Московской), или слишкомъ отрывочныхъ и частныхъ, узко-мѣстныхъ или узко-личныхъ, а потому не столь общепонятныхъ, общедоступныхъ и общинтересныхъ въ наше время. Судьбы эти конечно ближе всего отражаются на самомъ языкѣ Московскихъ былинъ. Старшая, до-Московская былина, хотя бы была записана со словъ сегодня и какъ бы ни была близка къ народу, всегда почти вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько словъ, выражений и даже цѣлыхъ реченій или стиховъ, далекихъ отъ современнаго употребленія языка, мало понятныхъ или даже вовсе непонятныхъ, вообще требующихъ поясненія и примѣчанія. Какъ ни вѣрно преданіе, то есть послѣдовательная, бережная передача изъ устъ въ уста, но, по отдаленности времени, при случайно или невольно пропавшей ошибкѣ, недомолвкѣ, перемолвкѣ, пропуску и излишеству, сама стойкость преданія заставляла часто поющаго съ косоностью повторять непонятное, утратившее современный смыслъ, или же на оборотъ выходить изъ сей трудности крутымъ поворотомъ къ произвольной передѣлкѣ, къ рѣзкой вставкѣ, портящей старину. Совсѣмъ противоположное съ Московскими былинами. Какъ ни родственны онѣ со старшими, по одному и тому же въ сущности, былевому (эпическому) языку,

какъ, невольно или даже намѣренно, ни стараются поддержать сіе родство, а съ другой стороны, какъ ни окрашены идиотизмами нынѣшнихъ мѣстныхъ Русскихъ нарѣчій, — языкъ ихъ вообще такъ простъ, ясенъ и близокъ къ нашей современности, что легко и повторяется въ устахъ, не плода ошибокъ, и до ступень устамъ и уму каждаго современнаго Русскаго чело-вѣка, лишь бы онъ былъ народенъ. Идиотизмы нарѣчія легко объясняются, вкравшіяся ошибки слишкомъ замѣтны, подлинность удобно и безъ особеннаго труда восстанавливается. За то въ нихъ есть другая особенность: до-Московскія Былины сами въ себѣ не имѣютъ рѣшительно нигдѣ признаковъ и слѣдовъ стараго книжнаго языка, отчасти и потому, что древнѣйшая книжность не столько дѣлилась отъ господствовавшаго народнаго говора. Если онѣ записаны и вставлены въ *сочиненіе*, то замѣтно отъ него отдѣляются языкомъ, и сейчасъ вездѣ видно книжное вліяніе, какъ это случилось со Словомъ о полку Игоревѣ, а еще болѣе въ позднѣйшихъ, о Дмитріѣ и Мамаѣ. Въ собственныхъ же Московскихъ Былинахъ, весьма во многихъ и притомъ *внутри* самихъ былинъ, хотя бы онѣ употреблялись нынѣ устно, весьма замѣтно вліяніе языка книжнаго, и даже именно языка Московскихъ лѣтописей. Помянутые образцы и весь почти подлежащій 7-й выпускъ до очевидности въ томъ убѣждаютъ. Тутъ безъ труда убѣждаемся, что Былина возникла *рядомъ* съ прочими письменными памятниками, легко могла составляться подъ вліяніемъ ихъ, еще легче переходить въ нихъ, и отъ того-то, почти съ самаго начала, эти былины записываются, переходятъ постепенно въ печать, и даже указываютъ намъ путь, какъ изъ нихъ могли выродиться позднѣйшія Военныя, Солдатскія, Петербургскія, съ вычурными книжными выраженіями, а наконецъ и произведенія отдѣльныхъ сочинителей въ этомъ родѣ. Вліяніе личности, съ ея образованіемъ, книжнымъ и письменнымъ, здѣсь вообще замѣтнѣе въ творчествѣ, по самому языку. — Это какъ нельзя соответственнѣе согласуется и съ *характеромъ* самого *содержанія*, съ возрѣніемъ, его проникаю-

цимъ. Содержаніе ближе отвѣчаетъ лѣтописямъ, а вмѣстѣ съ ними извѣстному историческому ходу событій: здѣсь же весь тотъ характеръ, который отличаетъ рѣзко событія Московскія, все Московское и вмѣстѣ съ тѣмъ Обще-Русское, позднѣе Россійское и Всероссийское. Нѣтъ мѣста той кажущейся широтѣ Кіевскаго періода, которая, имѣя свои отличія и притязая на объединеніе Руси, не исключала однако такихъ особенностей, какъ Новгородскія и Суздальскія, рѣзко-мѣстныя. При Московскихъ былинахъ не мыслимы рядомъ мѣстные отдѣлы: все постепенно сливается къ общему единству; развѣ только Литва упоминается еще, и то не на долго, самостоятельнымъ цѣлымъ, противувѣсомъ Москвѣ. Современное Югозападное, послѣ общей Старой Руси Кіевской, отдѣляется какъ нѣчто особое, Малорусское, съ кругомъ своихъ козацкихъ пѣсень и съ особымъ нарѣчіемъ: то и другое не заходитъ въ Московскія былины. Но лишь только простерлось туда общее Московское объединеніе съ конца XVII вѣка,—и въ новомъ періодѣ Руси Малороссія является, по былинамъ Московскимъ, не какъ Малороссія, а какъ поприще явленій и поступательныхъ шаговъ Московскаго государства. Конечно уже не мыслимы древніе богатыри и представители старыхъ мѣстностей, стараго состава Руси: они смѣняются, не теряя героизма, лицами историческими, дѣятелями, сосредоточенными около Московскаго центра, со стороны ли его государства, общества или народа. Князья, давшіе намъ особый разрядъ былинъ Княжескихъ, также точно поглощаются постепенно въ государство Московскомъ, и вотъ почему скоро потомъ затериваются въ Безымянныхъ удалцахъ и молодцахъ. Однимъ словомъ, *государственность* на первомъ планѣ, съ Московскимъ царемъ и цѣлымъ царствомъ. Конечно при семъ не исчезаетъ народъ, ни общество и его отдѣльныя лица: но все это, и самый образъ ихъ, и даже драматизмъ, получаютъ свое значеніе и характеръ лишь по отношенію къ главному средоточію, къ господствующему воззрѣнію творчества. Прежде, въ Старшихъ былинахъ другихъ отдѣловъ, цѣ-

лый народъ известной области можно созерцать и слѣдить по
 всѣмъ эпическимъ переходамъ независимо отъ Князя, свобод-
 но отъ Кіева, такъ что имя Князя, общее Владимірово, или
 имя Кіева является часто одной обстановкой, декорацией; столь
 же свободно и независимо тамъ проходитъ передъ нами яв-
 леніе известнаго героическаго лица, со всею его былевой жиз-
 нью, иногда достигающей драматизма, но исключительно при-
 ковывающей къ себѣ наше вниманіе; въ Княжескихъ былинахъ
 еще болѣе мы въ состояніи забыть все внѣ положенія част-
 ныхъ, хотя и крупныхъ, лицъ; за Новгородскими готовы не
 видать остальной Руси. Въ Московскихъ же, явно, выиграна
 уже одна главняя сфера, одна господствующая постановка, все
 къ себѣ привлекающая въ известныя отношенія, все обуслов-
 ливающая, на все кладущая свою единую печать. Пожалуй,
 здѣсь даже яснѣе распредѣляются разные слои общества, и
 даже что-то похожее на своего рода сословность, и земство,
 отличающееся отъ царства-государства, и народъ, близко совпа-
 дающій съ земствомъ, а скоро отдѣляемый въ простанародіе,
 и судьбы лицъ, отдѣльныхъ личностей: но именно, потому это
 и отдѣляется для взора, и распредѣляется, что въ основѣ
 выработано нѣчто общее, по Московскимъ воззрѣніямъ глав-
 ное, государство съ его интересами. Только эта, государствен-
 ная, централизирующая сфера, опредѣлившись сама, дала воз-
 можность опредѣлять точнѣе и различать другія части Рус-
 скаго организма. Не мѣсто здѣсь судить, на сколько это было
 успѣшно, хорошо или худо. Только очевидно, что лишь въ
 эту эпоху наступила пора совнанія болѣе яснаго, распредѣ-
 ленія и разграниченія сферъ, не разлучнаго съ окрѣпшимъ со-
 знаніемъ общаго, политически связующаго начала. Можетъ
 быть и политическое еще далеко было да своего полного объ-
 единенія, можетъ быть и терпѣли отъ первыкъ наступатель-
 ныхъ шаговъ его другія части организма: только ясно уже,
 что этого политическаго ничѣмъ теперь не заслонишь, а оно
 еще не успѣло заслонить собою область общественную, народ-

ную и личную. Это всего виднѣе по слѣдующему признаку: съ одной стороны явно, что начинается особый, второй послѣ Киевскаго и Новгородскаго, эпическій періодъ; но онъ не дошелъ до исключительности, до того, чтобы поглотить въ себя другія проявленія творчества, или повиснуть надъ ними депотическою апофеозой. Нѣтъ прежней плодovitости, безграничной широты, распылчивости, цвѣтистости, яркихъ юго-западныхъ картинъ, богатырскихъ образовъ, мѣстныхъ или индивидуальныхъ рѣзкостей, подобныхъ Новгородскимъ или Княжескимъ: однако не менѣе выразительности, не менѣе силы изображения, величавыхъ подвиговъ, опредѣленно очерченныхъ лицъ. Довольно уже сказать, что не только не менѣе, а еще болѣе является здѣсь драматизма: прежнія былины, исключительно выдерживающія отличія эпоса, даютъ конечно возможность *цѣлковать* изъ нихъ положенія, образы и черты драматическія; Московскія напротивъ сами *преисполнены* драматизма, дышать имъ, ихъ появленіе—первый рѣшительный шагъ изъ эпоса къ Русской драмѣ. И вотъ почему конечно все наши нынѣшнія драмы, подъ перомъ Чаева, Островскаго и Толстаго, начинаютъ *отсюда*; вотъ объясненія превосходной попыткѣ Чаева, его *Пьесы въ лъцахъ* о Грозномъ царѣ и покущеніи на сына. Только отсюда мы начинаемъ пока свою драму, и только съ точки зрѣнія сей эпохи стали намъ раскрываться драматическія стороны въ эпохахъ старшихъ, въ родѣ Чаевова «Свекрови» основанной на Княжескихъ былинахъ. Былины до-Московскія представляютъ богатое содержаніе Русской оперѣ, вообще сценической постановкѣ съ музыкой и пляскою: Московскія прямо приводятъ къ самостоятельной Русской драмѣ, готовятъ намъ на первый случай Еврипидовъ, и только на ихней почвѣ способны приготовить въ далекомъ будущемъ Софомовъ и Эсхилова, тѣхъ ху дожниковъ, кои сочетаютъ драматизмъ съ эпическими обликами древнѣйшихъ богатырей. Нужно лишь помнить, что въ Московскихъ былинахъ драматизмъ *лицъ* есть всегда драматизмъ

не частнаго быта, не безграничной, неопредѣленной массы и не исключительной мѣстности, а всегда и вмѣстѣ—драматизмъ извѣстнаго *событія*, и притомъ событія *историческаго*, составляющаго звено въ ходѣ общей, центральной и главной, политической Русской исторіи. Одно лишь *Козачество*, начинающееся въ Московскихъ предѣлахъ и въ предѣлахъ Московскихъ былинъ собственно съ Грознаго и Ермака (см. 6-й выпускъ), какъ будто представляетъ что-то въ родѣ отдѣльной, самостоятельной области, отчасти даже несродной и враждебной съ главной. Но, стоить только сравнить сію область съ Малороссийскою, съ Былинами или Думами Малорусскими, чтобы видѣть все отличіе. Когда, по запусьніи прежней Югозападной или Кіевской государственной области, обращенной въ становище Восточныхъ выходцевъ, старожилы, одного племени и языка съ общимъ Русскимъ или Великорусскимъ, ушли отсюда на всегда и размѣстились вокругъ занятаго уже Московскаго средоточія, по окраинамъ его, болѣе или менѣе отдаленнымъ, гдѣ и сберегли былины богатырскаго періода,—ихъ смѣнили новые поселенцы, того племени и нарѣчія, которое съ тѣхъ поръ понинѣ отличается болѣе узкимъ именованіемъ *Мало-Русскаго*. Подвинувшись въ старую область, по мѣрѣ ослабленія Восточниковъ, изъ Волыни и Подолія, а еще далѣе изъ нынѣшней Галиціи и Карпатъ, они ничего не знали, какъ не знаютъ доселѣ, изъ былинъ о древнемъ Кіевскомъ періодѣ: ихъ Думы прямо начинаются съ *Козачества*, не старше его, не выше и не иначе, съ Козачества Малорусскаго, Украинскаго, потомъ Запорожскаго. Начало ихъ—не старше XVI вѣка, языкъ—нынѣшнее Малорусское нарѣчіе, содержаніе—подвиги Козачества, главные герои, около коихъ сосредоточены лучшія Думы,—герои того же козачества, гетманы, предводители полковъ. Главная идея, все проникающая,—конечно Русь и Вѣра Православная, но безъ опредѣленности политической или, лучше, съ одной опредѣленностью—Козаческою. Даже Земство, а съ нимъ собственно и Народъ, поглощаются Козачествомъ: это зем-

ство и народъ въ подвижномъ военномъ составѣ, въ формѣ дружинной, въ формѣ Краишниковъ или, что тоже, Козаковъ. Общества разумѣется нельзя и искать. Все сосредоточено на Козацкой дружинѣ и герояхъ ея, лицахъ. Бѣдствія или благо дружины, а чрезъ то бѣдствія или благо всѣхъ обитателей. борьба за Русскую народность, племенную и языковую, да за Вѣру, величавые образы главныхъ героевъ борьбы, со многими личными и частными ихъ особенностями, да богатая картины богатой природы,—вотъ и все, хотя конечно совершенно достаточно и даже много для отдѣльной области, отрѣзавшейся въ Украину или Краину, для нарѣчя, для пѣвцовъ на семь нарѣчя. Думы или былины сего рода отчасти повторяются и сберегаются понынѣ: общая, срединная, Великая Русь, какъ сказано, не принимаетъ въ нихъ участія, не вѣдаетъ ихъ, да и образованный слой узналъ объ нихъ сравнительно лишь недавно, черезъ печатныя собранія, съ начала нынѣшняго вѣка. То Козачество, нѣсколько болѣе позднее, которое, въ отличіе отъ Малорусскаго, слѣдуетъ вообще назвать Великорусскимъ или даже Московскимъ,—Донское, Яицкое и Гребенское, Сибирское, со всѣми его развѣтвленіями, конечно по происхожденію, а въ началѣ и характеромъ своимъ, довольно близко связывается съ Юго-Западнымъ, Малорусскимъ, и потому же сходны ихъ старшія Былины: такіе же подвиги дружинъ, выражающихъ или, по нуждѣ, смѣняющихъ мѣстное земство и народъ, по извѣстнымъ, требовавшимъ того, украинцамъ; тѣ же главные герои, атаманы, смѣнившіе гетмановъ, и около нихъ весь главный интересъ Былины; тѣ же картины круговъ, вольницы, вольнаго раздолья, степей, рѣкъ и моря; всего болѣе—тотъ же элементъ неопредѣленности, подвижности, расплывчивости, не совпадавшихъ ни съ государственнымъ средоточіемъ, ни съ интересами сѣлаго земства, ни съ выгодами развивающагося общества, и потому, сказали мы, въ творествѣ нѣкоторая особенность отъ собственныхъ Московскихъ Былинъ, особенность, дѣлающая изъ Козацкихъ Былинъ нѣсколько отличный отдѣлъ. Но за то въ семь, Москов-

скомъ періодѣ, приобрѣтено уже и вездѣ выражено главное средоточіе, а потому и Козачество, съ его Былинами, поставлено къ сему средоточію въ болѣе ясныя, а постепенно и совсѣмъ *опредѣленные отношенія*: это оказываются то слуги и помощники, то рѣзкіе враги Московской исторіи, ея государства, общества, земства, народа. Самый первый представитель, Ермакъ, является, какъ мы видѣли въ 6-мъ выпускѣ, сперва врагомъ, загулявшимъ и даже заворовавшимся удалцомъ, потомъ поставленъ творчествомъ въ услуги и пособіе Царю подѣ Казанью, въ службу ему и въ покореніе ему цѣлаго новаго Края; въ смутное время Козачество разноситъ въ рознь Московскіе интересы; потомъ оно періодически покоряется, и Разинъ, сколько ни выражалъ собою подвижныхъ интересовъ мѣстныхъ,—относительно главнаго средоточія опредѣленно выставленъ врагомъ; за тѣмъ Флоръ Минаевъ снова выступаетъ пособникомъ, и съ нимъ, при началѣ Руси Новой, преобразованной, исчезаетъ почти всякая отдѣльность, независимость и такъ сказать прекословность Козачества, ибо остальные, позднѣйшіе, такъ называемые «бунты,» суть уже чисто «народныя мѣстныя возстанія,» только *связанныя* съ Козачествомъ. Потому и Былины Козацкія, до извѣстнаго предѣла времени, видѣли мы и видимъ, дополняютъ собою прочія и главныя «Московскія,» приводятъ къ нимъ, вставляются какъ отдѣльныя части общаго «Московского» состава. Московскія Былины XVI вѣка не полны, даже не мыслимы безъ пополненія.— безъ былинъ объ Ермакѣ, XVII вѣка— безъ Былинъ о козацкихъ смутахъ, безъ повѣсти о Карамышевѣ, безъ Разина, а подѣ конецъ безъ Флора; языкъ же ихъ, въ самомъ началѣ рѣзко отдѣлившійся отъ Малорусскаго нарѣчія, есть Обще-Русскій или Великорусскій, съ отгѣнками мѣстныхъ подрѣчій, и то вскорѣ теряющимися. Такимъ образомъ Московское Былевое или Историческое пѣснотворчество постепенно вобрало въ себя Козацкую область, до того предѣла, когда, съ Петра 1-го, совершенно уже разложило всѣ Козацкія особенности подѣ одинъ общій уровень Русскихъ пѣсень. То

же, замѣтили мы, совершила Московская Русь, съ конца XVII вѣка вступивши державною стопою своею на Югозападъ: съ тѣхъ поръ, на тамошней почвѣ и мѣстности, въ Русскомъ языкѣ, а не въ Малорусскомъ нарѣчїи, движется содержаніе «Московскихъ Былинъ» со всею ихъ особенностью. Подвиги Петра 1-го и Полтава изображены на юго-западной почвѣ совершенно тѣми же чертами и тѣмъ же языкомъ, какъ прочія Московскія Былины. За этимъ-то господствомъ Москвы въ Былевомъ творествѣ, стерлись въ Малороссїи старыя Козачскія, Гетманскія Думы, или снисшедши глубоко внизъ, къ слѣпымъ, нынѣ вымирающимъ пѣвцамъ, или отъ всего цвѣтущаго періода, по всемъ признакамъ обильнаго образцами творчества, оставивши намъ одни отрывки. Самостоятельное Былево творчество съ тѣхъ поръ совершенно тамъ подорвано: Думы разложились на мелкія Козачскія пѣсни, отчасти еще Былевыя, но совершенно уже такія же, какъ у насъ Безъимянныя и Молодецкія, съ козаками и козачками безъ имени. Когда позднѣе такъ называемая Литва подверглась той же политической и общественной участи, Московская или Общая, Великая Русь не нашла уже тамъ Былинъ о древнемъ періодѣ самостоятельной жизни: ихъ гораздо болѣе уцѣлѣло частями въ нашемъ же, Княжескомъ и Московскомъ творествѣ, гдѣ столько разъ видѣли мы и Литву вообще, и Литовскихъ Королевичей, Князьковъ и Королей, и Настасью Политовскую, и т. п. Нынѣ въ устномъ Былевомъ творествѣ Сѣверо-западный Бѣлорусскій Край представляетъ лишь размельчавшія «Козачскія пѣсни,» одинакія съ Малорусскими помянутыми и съ нашими Безъимянными или Молодецкими. Такимъ образомъ, съ прошлаго вѣка, весь сей послѣдній отдѣлъ совершенно сблизился, и въ Малорусскихъ, и Бѣлорусскихъ, и Великорусскихъ, образцахъ: вездѣ Безъимянный герой, Козакъ или Молодецъ. Тутъ еще можно, путемъ изслѣдованія, вскрывать черты и слѣды старыхъ атамановъ, гетмановъ, князей и даже богатырей; есть еще мелкія особенности, опредѣляющія отдѣлъ пѣсень «Быле-

выхъ,» и мы даже особенно поставимъ его послѣ Московскихъ Историческихъ: но все это уже образцы *разложившагося* былаго творчества. А то, что ихъ разложило, а то, что продолжаетъ надъ ними господствовать, составляя для нихъ уясняющее средоточіе и опредѣленную мѣрку,—все это тѣ же Былины «Московскія,» о конхъ ведемъ мы рѣчь. Сюда же впоследствии, изъ самой области Московской, перешли многіе, хотя поблѣднѣвшіе и потерявшіе имя образы Московскихъ Бояръ и Дворянъ, и здѣсь—то помянутые нами слѣды гѣсенъ «Боярскихъ». Итакъ, все сводится къ тому, что Московскія Былины начали, и опредѣлили, и создали совершенно отличный отъ прежняго періодъ Русскаго Былеваго Пѣснотворчества. Теченіе сего творчества располагается въ слѣдующей постепенности:

Отдаленнѣйшее начало нашего Былеваго Творчества, Эпосъ Черноморскій или Придунайскій, нѣкогда несомнѣнно весьма развитой, но, при нашемъ расселеніи въ нынѣшней мѣстности, отодвинувшійся въ памяти народа слишкомъ далеко, перешедшій въ область Сказочную, и оставившій намъ либо Сказочныя Былины, либо чисто-Сказки (см. о немъ выше и въ нашихъ «Замѣткахъ» къ прежнимъ выпускамъ, особенно же ко 2-й части собранія Рыбниковскаго).

Былины, или, лучше, одни скудные отрывки ихъ, связующіе помянутое начало съ Киевомъ и Владиміромъ, какъ вступленіе къ семъ послѣднимъ: о богатыряхъ «Старшихъ,» стихійныхъ или космическихъ.

Въ *собственномъ* смыслѣ *Первый*, Старшій періодъ нашего Былеваго пѣснотворчества, неотъемлемый спутникъ и выразитель слагавшейся и сложившейся Руси въ нынѣшнемъ ея мѣстопребываніи, со складомъ, языкомъ, стихомъ и напѣвомъ, опредѣлившимъ все дальнѣйшее Эпическое теченіе Русскаго пѣснотворчества: собственно *Былины* (съ разложившимися Побывальщинами и Старинами), круга Владимірова, Богатырскія, Юго-западныя, Кіевскія (въ собирательномъ смыслѣ), рядомъ Новгородскія, начало Суздальскихъ и отчасти Княжескія.

Второй періодъ, Былины *Историческія*, Московскія (и собирательно, и въ тѣсномъ смыслѣ): періодъ, начинающійся съ Грознаго; неизмѣнно, хотя и съ поступательнымъ развитіемъ, продолжающійся до XVIII вѣка, а отчасти и понынѣ, ибо послѣ него еще ничего новаго не порождено въ области Былеваго, народнаго, устнаго, общерусскаго пѣснотворчества. Сюда, сказали мы, какъ неотъемлемая часть, входятъ и современныя двумъ вѣкамъ былины Козацкія, примыкающія къ «Московской» области творчества.

Былины Новой Руси, съ Петра 1-го, составляютъ или послѣдовательное ихъ продолженіе, или же, въ образцахъ Военныхъ и Солдатскихъ, постепенное искаженіе, мельчаніе и извращенія, до новаго, книжнаго уже сочиненія «поэмъ» и до произведеній искусства «посредственнаго,» до художественныхъ поэмъ въ родѣ «Полтавы.»

«Безъимянныя» или «Молодецкія» относятся къ обоимъ главнымъ періодамъ, какъ разложеніе Былинъ до простой *Пѣсни*, съ героемъ безъ имени и опредѣленной мѣстности, хотя и съ наслѣдованными отъ древности, былевыми чертами. Мѣсто имъ въ изданіи само собою указывается послѣ Историческихъ новѣйшихъ, Военныхъ и даже Солдатскихъ.

Малорусскія Думы стоятъ отъ сего теченія пѣснотворческой общерусской исторіи совершенно въ сторонѣ, какъ особнякъ: онѣ только рождаются позднѣе, когда, за одно съ Бѣлорусскими, входятъ въ общую область Русскихъ пѣсней Козацкихъ, Безъимянныхъ и Молодецкихъ, занимая съ сими послѣдними одно мѣсто.

Новый относительно перваго, Второй періодъ былинъ, Московскій, разумѣется долженъ былъ выразить и отпечатлѣть свои особенности въ самомъ *складѣ, стилѣ и напѣвѣ.*

Сколько можемъ судить по дошедшимъ къ намъ образцамъ, древнѣйшій, самый главный и лучший нашъ Былевой или Былинный Складъ, согласно Сербскому творчеству, продолжающемуся доселѣ, основывался и покоился у насъ на *десяти-*

сложныхъ Стихахъ. Вотъ образцы изъ всѣхъ эпохъ творчества, даже до художественной, книжной поэзіи:

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ.

Ужь ты батюшка, Ярославъ городъ,
Ярославъ городъ на красѣ стоять.

На Васильевскомъ славномъ островѣ.
Молодой матросъ корабли снастилъ.

Ужь какъ палъ туманъ на сине море.

Сяду я за столъ да подумаю.

Каждый такой стихъ видимо дѣлится на *дѣль половины* замѣтнымъ *переломомъ* (нѣсколько похожимъ на цезуру), по срединѣ, но совершенно свободно, при слогѣ съ удареніемъ или безъ ударенія (что равняется древнему, долгому и краткому, слогу), до того свободно, что переломъ допускаютъ на себя всѣ четыре среднихъ слога, и отъ того въ разныхъ стихахъ, иногда рядомъ; переломъ случается на любомъ изъ сихъ слоговъ, слѣдовательно движется по разнымъ мѣстамъ, а въ подвижности своей и бѣглости не рѣзокъ, расплывчивъ, едва слышимъ въ цѣломъ произведеніи. Цѣльность десятисложнаго стиха симъ ни сколько не надрѣзается, не надсѣкается: стихъ *единый*, не смотря на свои, иногда ровныя, иногда неровныя половины. Половины образуются въ 5+5, въ 4+6, въ 3+7 слоговъ: но въ каждой повышеніе голоса или удареніе (равное древней долготѣ) приходится непремѣнно на *третій* слогъ съ обоихъ концовъ, и это уравниваетъ ихъ, сдерживаетъ цѣльность стиха, не смотря на разное мѣсто перелома:

—	с	—	с	—		с	с	—	с	с
с	с	—	с	с		—	с	—	с	с
—	с	—	с	—		—	—	—	с	—

И т. п.

Всякое измѣненіе въ семь основномъ складѣ есть, когда еще не нарушеніе, то по крайности колебаніе, волненіе Былеваго или Былиннаго покоя. Впрочемъ, еще не выходя изъ Былеваго Склада, творчество допускаетъ протяженіе или сокращеніе Стиха, до *опредѣленной мѣры*; еще любимымъ и законнымъ остается размѣръ съ одной стороны въ 9, съ другой въ 11 и *особенно въ тринадцать* слоговъ:

Ты тулупъ ли мой, тулупчикъ, шуба новая....

Что не бѣлая берѣза къ землѣ клонится.

Кто не слыхивалъ у насъ таковыя славы?

Рѣже размѣръ въ 8, плохъ уже въ 15 слоговъ.

Но, при всякомъ удлинненномъ противу основнаго размѣрѣ, и, какъ водится, именно отъ того, что въ концѣ его образуется отрѣзокъ, слуху пѣвца и чутью слагателя представляющійся какъ бы излишнимъ противу основнаго размѣра въ 10 слоговъ, отрѣзокъ сей повторяется изъ конца предыдущаго стиха въ началѣ слѣдующаго. Образуются *повторенія*, Впрочемъ еще не нарушающія главнаго типа:

Вы скажите мнѣ про старое,
 Про старое про бывалое,
 Про того ли Илью Муромца,
 Илью Муромца сынъ Ивановича.

По этому образцу, одному изъ тысячи, видно, что Повторенія, первоначально, какъ думаемъ, происшедшія изъ отрѣзковъ отъ стиха удлинненнаго, перешли потомъ и въ стихи сокращенные (противу основнаго склада), въ стихи по 9 и 8 сло-

говъ. Повторенія сіи привились къ Эпическому Складу: они сдѣлались принадлежностью Былеваго Стиха. Къ сожалѣнію, они же послужили ближайшимъ началомъ или явнымъ поводомъ къ разстройству склада и къ порчѣ стиха: по мѣрѣ ослабленія творчества и творческой силы, забвенія основныхъ приѣмовъ и напѣвовъ, исчезанія былевыхъ (струнныхъ) инструментовъ, развитія пѣсень другого разряда, бытовыхъ и женскихъ, по мѣрѣ всего этого, постепенно складъ портился, гармонія цѣлаго ослаблялась и подрывалась. Прибавка въ концѣ стиха слишкомъ удлиняла его; съ перенесеніемъ ея въ другой стихъ, трудно было соблюсти соразмѣрность; повтореніе окончности предыдущаго стиха удлиняло и отягчало послѣдующій; изъ послѣдующаго приходилось переносить въ третій, изъ третьяго въ четвертый и такъ далѣе; отрѣзки плодились, то повтореніемъ прибавляясь къ началу слѣдующаго стиха, то занимая весь слѣдующій стихъ; стихи выходили неровные, одинъ въ 9, 10, 11, 13 слоговъ, другой короче или длиннѣе. Примѣровъ тому тысяча: это такъ называемая въ народномъ языкѣ, техническимъ терминомъ нашего пѣснотворчества, *Побывальщина*, гдѣ страдаетъ основной складъ, равенство стиховъ и однообразіе напѣва, примѣняющагося то къ длинному, то къ короткому стиху, а вмѣстѣ открывається широкое поле утратѣ старины, забвенію древнихъ частей и вставкамъ новымъ, для пополненія или по произволу.

Былъ еще другой путь измѣненія, конечно нарушавшій собою складъ основной, но за то дававшій начало образованію новыхъ видовъ творчества; это не одно уже разложеніе древней Былины: а вмѣстѣ и созиданіе новыхъ ея формъ, и приближеніе къ другимъ родамъ творчества.—Когда удлиненіе стиха совершалось въ одну мѣру, на примѣръ до 13, и отрѣзки приходились одинакіе, на примѣръ въ 4 или 5 слоговъ: тогда они могли не переноситься къ началу слѣдующаго стиха, не вызывали необходимыхъ повтореній, а просто *прибавлялись* къ каждому стиху. Однообразно являлся стихъ *главный*

съ ненамѣннымъ его переломомъ (цезурою) и двумя половинами, а рядомъ *добавочный*, какъ его продолженіе, болѣе краткій; главный, на примѣръ, въ 8 и 9, добавочный въ 5 и 4. Такіе стихи можно располагать и мы въ изданіи Кирѣвскаго, Рыбникова, Калѣкъ Перехожихъ, приняли за правило писать слѣдующимъ образомъ:

Какъ изъ далеча далеча
 Изъ чиста поля,
 Изъ того было раздольца
 Широкаго,
 Что не грозная бы туча
 Накаталася,
 Что не буйные бы вѣтры
 Подымалися:
 На передь-то выбѣгаетъ
 Лютой Скимень-звѣрь.

(Второй, добавочный стихъ можно печатать и малою, не заглавною буквой). Очевидно, здѣсь образуется уже такъ называемая *строфа*: одинъ стихъ, однообразно, болѣе длинный, другой, столь же однообразно, болѣе короткій. Однообразіе прибавки, слагая однообразную, но уже *новую* мѣрку, сямъ самымъ, относительно *древняю* основнаго склада, пораждаеть разнообразіе, появленіе *новыхъ* формъ творчества.

Новыя же формы раздраждаются все болѣе и обильнѣе слѣдующимъ способомъ. *Напѣвъ* Былинъ, сколько мы знаемъ его по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, Былинъ старшихъ и лучшихъ, однообразенъ: изъ всѣхъ Русскихъ напѣвовъ сего рода можно извлечь развѣ только три-четыре главныхъ образца, а построже разбирать, даже какихъ ни будь два; у Сербовъ для *всѣхъ* Былинъ доселѣ *одинъ*. Разнообразіе допускалось лишь *внѣ* самой былинны, во Вступленіи или (музыкально) въ Прелюдіи, да потомъ, когда, пропѣвши нѣсколько стиховъ до извѣстной точки, пѣвецъ и игрокъ вставлялъ варіаціи уже

безъ словъ, одною струнной игрой (такъ поютъ и играютъ доселѣ Малорусскіе бандуристы). Соответственно основному складу стиха, и въ напѣвѣ (мелодіи) есть два колѣна: но это, какъ и въ стихѣ, два колѣна *одного* ствола, одного цѣлаго, какъ «повышеніе» и «пониженіе» (греческое «протасисъ» и «апотасисъ»). Теперь же, когда къ двумъ половинамъ основнаго стиха прибавилась третья—добавка, то и напѣвъ нарастаетъ: къ двумъ колѣнамъ прибавляется третье, обыкновенно какъ пониженіе обоихъ первыхъ, или новая вариация изъ обоихъ, или уже повтореніе послѣдняго колѣна. Вотъ начало такъ называемаго *Припѣва*: онъ выражается и въ стихѣ, какъ помннутая, удлиняющая, прибавка, или же повтореніе окончности главнаго стиха; выражается и въ напѣвѣ, ибо къ одному главному напѣву въ его-двухъ колѣнахъ присоединяется болѣе краткое третье колѣно или, иначе, второй *добавочный* напѣвъ, хотя бы только повторяющій соббою второе колѣно. Такъ въ приведенномъ выше примѣрѣ,— *Изъ чиста поля, Широкаю, Накаталася*, и т. п., можно разсматривать какъ отдѣляющійся припѣвъ, можно напѣть—и обыкновенно напѣвается уже—особо. Еще болѣе видно это на другихъ, особенно «Московскихъ», Былинахъ, гдѣ конецъ стиха повторяется, и повторяется съ тѣмъ же напѣвомъ, какъ второе колѣно главнаго стиха или какъ пониженіе обоихъ колѣнъ:

Ты Боже, Боже, Спасъ милостивый,
Милостивый,
Къ чему рано надъ нами прогнѣвался,
Прогнѣвался,
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Прелестника,
Злаго Разстригу Гришку Отрепьева,
Отрепьева?

Напечатанное курсивомъ—припѣвъ.—Еще шагъ,—и припѣвъ въ Былину можетъ вставляться *со стороны*, иной, какъ дѣй-

ствительно и видимъ нѣкоторыя Былины (см. прежніе выпуски и выше 7-й):

Здуниной, най!

или:

Съ Дону, съ Дону, съ-за Дунаю! и т. п.

Это уже вставка со стороны, припѣвъ въ *собственномъ* значеніи, который есть ничто иное, какъ отрѣзокъ отъ пѣсни, или сама коротенькая пѣсня, сложившаяся еще въ дѣтствѣ чело-вѣка или народа, а потомъ вставляемая особо въ болѣе длинную, развитую и позднѣйшую (см. объ этихъ элементахъ въ нашемъ изданіи «Дѣтскихъ пѣсень»). Конечно, съ такими припѣвами Былины уже немногія и худшія: болѣе древнія, въ лучшемъ складѣ, далеко здѣсь не зашли. Но всё же и онѣ въ самихъ себѣ зародили уже возможность и показали путь къ формамъ инымъ. Это путь, сближающій Былины съ прочими Пѣснями вообще, путь разнообразія, но путь уже болѣе поздній, выводящій къ *иному* полю, и все дѣло въ томъ, далеко ли извѣстная Былина ушла по сему пути, гдѣ остановилась, еще не переставая быть Былиной.

Третій видъ измѣненія въ складѣ, стихѣ и напѣвѣ Былинъ, есть опять, какъ и первый, путь разложенія, а не созиданія. Именно, вмѣсто прежняго перелива или плавнаго перелома, не нарушающаго цѣлости, образуется переломъ рѣзкій, дѣлятся рѣзко двѣ половины и въ собственномъ смыслѣ является *цезура*, притомъ однообразная, въ одномъ мѣстѣ между двухъ одинакихъ половинокъ, въ каждой же половинкѣ болѣе или менѣе одинаково количество слоговъ. Это уже не прежній перегибъ, а скорѣе надломъ, даже *расколъ* стиха и склада. Впрочемъ сначала онъ еще держится однообразной мѣрки, и вотъ складъ, вотъ стихъ, который мы вездѣ въ изданіяхъ подъ нашей редакціей технически именовали *двойнымъ*. Можно такой стихъ писать и печатать сплошь, подъ рядъ, какъ одинъ:

Въ гридню идетъ незнамъ человекъ,
Шуба на немъ струйчатой камки.

Праведное солнце въ раю просвѣтилось,
Расплакался Адамъ, передъ раемъ стоя:
«Ты раю мой, раю, прекрасный мой раю!»

и т. п. .

Или же пополамъ, двумя стихами:

Въ гридню идетъ
Незнамъ человекъ,
Шуба на немъ
Струйчатой камки.

Праведное солнце
Въ раю просвѣтилось,
Расплакался Адамъ,
Передъ раемъ стоя:
«Ты раю мой, раю,
«Прекрасный мой раю!»

Но здѣсь, хоть и писать, и печатать порознь, единство цѣльнаго стиха еще не совсѣмъ утратилось, можетъ быть восстановлено, и самый напѣвъ держится еще одинъ, хотя въ двухъ уже расходящихся рѣзче колѣнахъ.

Можетъ быть еще ступень: когда единство утрачено безвозвратно, когда двухъ половинокъ ни чѣмъ уже не склеишь въ одну, когда онѣ разной величины, потянули врознь, и нельзя ихъ ни пѣть, ни читать, ни писать, ни печатать иначе, какъ порознь. Это такъ называемая въ народѣ, технически, *Старина*, выродившаяся изъ Былины:

Какъ далече ли далеченько
Во чистомъ полѣ....
Какъ кланяется сынъ
Своей матери:
«Не прощу я у тебя
«Не злата и не серебра,
«Ты пожалуй мнѣ

«Великое благословеньице,
 «Какъ поѣду я, поищу
 «Своего брата названого,
 «Какъ стараго казака,
 «Илью Муромца»....

Напросили они
 Душу красную дѣвицу,
 Князей родную сестрицу.

Увѣжалъ-то младъ Щелканъ
 Въ дальнюю землю Литовскую,
 За моря синія,
 Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
 Дани-невыходы,
 Царски невыплаты,
 Съ князей бралъ по сту рублей,
 Съ бояръ по пятидесять,
 Съ крестьянъ по пяти рублей.

При нынѣшнихъ при царяхъ,
 При досюлѣшнихъ короляхъ,
 При блаженныхъ памяти,
 Царица-то Крымская,
 Паленица удалая,
 Татарка упалая,
 Съ Кострюкомъ сговорилася.

И пришла же купавушка,
 И пришла же не Русская...
 Со своимъ ли сынкомъ
 Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ,
 Искать сопротивника
 Поборотися...
 Возговорилъ же Царь
 Иванъ Васильевичъ

Своему ли слугѣ вѣрному,
Неизмѣнному:

«Ужь ты слуга мой,
«Вѣрный мой,
«Неизмѣнный мой!
«Ужь ты выйди
«На Красно крыльцо,
«Воструби же
«Во золоту трубу,
«Чтобы собирались всѣ,
«Князья и бояре.»

Бесѣда ли, бесѣда,
Смиренная бесѣда,
Во той во бесѣдѣ
Сидѣли тутъ два брата,
Два брата родные,
Хвалились сестрою,
Своей сестрой родною.

И т. п.

Тутъ уже не можетъ быть и рѣчи о струнной игрѣ, ухо отвыкло отъ напѣва, напѣвъ оставалось бы приладить къ напѣву другихъ Пѣсень, не Былинъ: напѣвъ совершенно исчезаетъ, образуется скороговорка, лишь съ плавной интонаціей, положей на сказочную. Былинъ не переродиться въ иную пѣсню: остается ее забыть, утратить, какъ именно симъ путемъ и совершается, или остается перевести ее въ Сказку, сказывать,—какъ именно и сложились нами Былевыя Сказки изъ древнѣйшаго, Черноморскаго и Придунайскаго, Эпоса; или, наконецъ, является за симъ проза,—такъ называемыя «Сказанія,» каковы и есть о Мамаевомъ побоищѣ съ его товарищами. Это по видимому краше, какъ-то опредѣленнѣе спутанной Побывальщины: но въ самомъ дѣлѣ хуже, ибо утрачиваются самыя слѣды древности въ складѣ и напѣвѣ, упраздняются да-

же повторенія, кои разлагають цѣльную Былину, но въ разложившейся указываютъ еще на первобытныя черты и позволяютъ даже искусственно воссоздавать отдѣльныя части первообраза. Побывальщина еще напѣвается, а если уже сказывается, то все-таки больше мужчинами: Старина же переходитъ въ удѣлъ женщинъ, отъ того въ народѣ именуется *Бабьей*, и въ женскихъ-то устахъ, при другихъ любимыхъ «женскихъ» пѣсняхъ, совершенно исчезаетъ.

Вотъ главные періоды въ исторіи нашихъ Былинъ, относительно склада ихъ, стиха и напѣва, сколько позволило намъ коснуться того мѣсто и время, не входя подробно въ связь Былинъ съ другими Пѣснями и въ судьбы сихъ послѣднихъ. По всѣмъ означеннымъ путямъ, относительно Старшихъ нашихъ, до-Московскихъ Былинъ, слѣдуетъ замѣтить, что 1) многія изъ нихъ держатся еще основнаго, главнаго, древнѣйшаго состава и стиха, но, дошедши до насъ большею частію въ современномъ устномъ употребленіи, а не въ тогдашнихъ рукописяхъ, почти вездѣ представляютъ собою ослабленіе и паденіе основы своей; 2) вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе или менѣе, онѣ разложились уже на Побывальщины и Старины; 3) крѣпче еще другихъ своимъ складомъ и стихомъ Кіевскія, круга Владимірова, потомъ Новгородскія: но Княжескія, по изложеннымъ выше причинамъ, почти всѣ уже разложились, и больше на Старины; 4) по мѣсту, уцѣлѣла болѣе основа ихъ по отдаленнымъ краямъ, въ захолустѣ; 5) но, при видимыхъ судьбахъ разложенія, весьма рѣдки, почти незамѣтны приемы-того пути, который поставили мы вторымъ: то есть признаки, чтобы изъ древнихъ формъ переродились новыя, чтобы развился припѣвъ, чтобы явилась строфа, наступило разнообразіе. Отживаютъ или уже отжили онѣ вѣкъ свой безвозвратно, не оставивъ прямаго наслѣдія, которое продолжало бы ихъ дѣло по тому же самому способу. Судьба ихъ—гибнуть и исчезать: чтобы переродиться во что ни будь иное, слишкомъ много въ нихъ неподдающейся упругости и однообразнаго своеобразія, недостаточно уступчивости, податливости и ковкости. Содер-

жаніе ихъ еще во многомъ вошло въ Пѣсни Безымянныя, Молодецкія: но складъ и стихъ, можно сказать, совершенно и безслѣдно бы сгибъ, какъ сгибъ почти напѣвъ, еслибы на смѣну ихъ не явились Былины *Московскія*.

Какое же отношеніе сихъ послѣднихъ къ Старшимъ, какія особенности и отличія въ складѣ, стихѣ и напѣвѣ? Постараемся указать вкратцѣ: провѣрить наши указанія можно данными на лицо.

Глядя на Московскія Былины, начинающіяся Грознымъ, можно бы съ перваго раза сказать, что онѣ составляютъ неизмѣнное *продолженіе* Старшихъ и лучшихъ Кіевскихъ: такъ онѣ тѣсно примыкаютъ туда по складу и стиху, такъ цѣльны, полны и крѣпки составомъ. Но мы сейчасъ же должны вспомнить, что Московскія Былины, съ половины XVI вѣка, дѣлятся отъ Кіевскихъ и Владимірова круга по крайности двумястами лѣтъ (ибо происхожденіе тѣхъ во всякомъ случаѣ приходится до господства Татарскаго). Новгородскія, слишкомъ исключительныя и мѣстныя, не могли служить образцомъ и посредствующимъ звѣномъ. Промежутокъ вѣковъ въ творествѣ и зарожденіи Былинъ могъ наполняться только Былинами Княжескими: а мы знаемъ, еслибы имъ служили Московскія непосредственнымъ продолженіемъ, то это была бы лишь исторія крайняго разложенія и паденія. Между тѣмъ въ Московскихъ Былинахъ, даже изъ Смутнаго Времени, имѣемъ такіе превосходные, цѣльные образцы творчества, такая видна сила, такъ крѣпокъ еще основной стихъ въ 10 слоговъ съ двумя половинами, такъ своеобразны приемы всѣ и языкъ, такъ далеко отъ Сказки и Сказанія, даже отъ Бабьей Старины (изъ времени Грознаго въ Старину разложились лишь Былины о Кастрюкѣ), что остается принять твердо одно: дѣйствительно, Московскій періодъ Былинъ есть *второй*, есть *новый* періодъ Былеваго общерусскаго творчества послѣ старшаго Владимірова; творчество не продолжалось только, а *воспрянуло* съ новыми силами и средствами; Москва явилась тѣмъ же, что для древ-

ности Кіевъ, Грозный своего рода Владиміромъ, а историческіе герои—наслѣдниками старыхъ богатырей.

Мало того, что творчество воспрянуло: оно облеклось новыми образами, оборотами и приемами, пошло дальше, открыло себѣ новые пути. Такъ, на примѣръ, Кіевскія всѣ широки, плодovиты, даже растянуты: посмотрите же на лучшія Московскія, на примѣръ записанныя для Ричарда Джемса или о Лжедмитріѣ,—неизвѣстная прежнему творчеству *краткость, точность и законченность*; въ этой сжатости и опредѣленности сжатая могучая сила; характеръ сей силы драматическій, блестящій драматизмомъ въ нѣдрѣ творчества еще эпическаго. Языкъ, складъ, стихъ, напѣвъ примѣняются къ симъ внутреннимъ свойствамъ. Лаконизмъ Новгородскихъ Лѣтописей не оправдался подобною краткостью и сжатостью въ Новгородскихъ Былинахъ: дѣло другое лаконизмъ обиходной рѣчи, дѣло другое краткость, точность, выразительность въ созданіи творческомъ. Былины Княжескія, большею частію Побывальщины и Старины, почти та же семейная и женская Пѣсня, бытовая дума: Былина Московская, являясь превосходнымъ и особымъ образцомъ Былины, зараждаетъ въ себѣ Драму, обильна движеніемъ, столкновеніемъ (конфликтomъ), завязкою и развязкою, хотя еще пока и связанной крѣпко эпическимъ узломъ.

Согласно тому, впервые является разнообразіе *напѣва*: что былина, то особый напѣвъ, и притомъ различный по характеру; впервые обозначается различіе напѣва протяжнаго и скорога, заунывнаго и веселаго. Является *притѣвъ*, какъ повтореніе окончности стиха, или втораго колѣна, или даже припѣвъ *особый*, вставочный. А такъ какъ Старшія Былины изъ другихъ періодовъ дошли къ намъ большею частію черезъ руки Московской области, чрезъ потокъ Московскаго времени, то самое разнообразіе ихъ, если гдѣ замѣчаемъ въ складѣ, стихѣ и напѣвѣ, вѣроятно есть дѣло главнымъ образомъ Московскаго вліянія.

Лучшія Старшія Былины дали основу сочиненію Слова о Полку Игоревѣ; Княжескія, ослабѣвшія, породили Сказанія, Ста-

рины и Слова о Дмитріѣ и Мамаѣ; Новгородскія остались безъ слѣда въ книжныхъ и прозаическихъ сочиненіяхъ; иныя Былины выродили изъ себя Сказку, какъ на примѣръ объ Ильѣ Муромцѣ: Московскія Былины породили не Сказку, не книжныя Сказанія, а во первыхъ, въ той же художественной области, цѣлый рядъ Историческихъ Пѣсень, съ постепенными переходами Былеваго творчества, отъ Петровскихъ до Александровскихъ и даже Николаевскихъ; цѣлый рядъ Безымянныхъ и Молодецкихъ; вообще цѣлый разрядъ всякихъ Пѣсень, болѣе или менѣе съ Былевыми чертами, съ разнообразіемъ формъ въ складѣ, стихѣ и напѣвѣ, но вездѣ съ замѣтнымъ, заданнымъ однажды на всегда пѣвцомъ Московскимъ. Еще болѣе: онѣ послужили очевиднымъ переходомъ къ созданію *художественныхъ эпопей* новаго времени, къ *повмамъ* искусства вторичнаго, посредственнаго. Онѣ-то, смѣло скажемъ, привели насъ къ Борису Годунову, Полтавѣ, даже къ Мертвымъ Душамъ. И онѣ же отчасти уже породили, а еще больше конечно породятъ Русскую народную *драму*.

Наконецъ, отличаясь общепонятностью, общедоступностью и такъ сказать обязательностью для всей Россіи, если она желаетъ исторически развиваться далѣе, Московскія Былины, со всѣми ихъ порожденіями, въ то же время, говоря нынѣшнимъ способомъ, чрезвычайно локальны, разумѣя подъ сими, что онѣ запечатлѣны единымъ главнымъ характеромъ и налагаютъ свой типъ рѣзкою печатью. Вотъ почему, если онѣ заходятъ на отдаленныя края и тамъ отчасти забываются въ подробностяхъ, то не остается пѣвцамъ ничего болѣе, какъ восполнять пробѣлы чертами Старшихъ, Кіевскихъ Былинъ. Вотъ почему, возвращаясь къ прерванному, видимъ, что Былина о Лжедмитріѣ и Маринѣ въ окраинѣ Сибирской (у Кириши) перешла своимъ концомъ въ Былину о Добрынѣ, а у Рыбникова, въ двухъ сходныхъ образцахъ, въ Ч. I-й № 69 и въ Ч. III-й № 45, пѣвецъ прямо сознается въ своемъ невѣдѣніи по отдаленности поприща воспѣваемаго историческаго событія: «Скажутъ (говорятъ, есть слухъ), Дмитрія убили въ каменной Мо-

сквы, Его мощи схоронили подъ Божью церкву, Гришка Разстрижка въ тюрьмы сидить», и т. п. Но и при этомъ, историческія черты творчества такъ выразительны, обязательность ихъ столь сильна, что, не смотря на отдаленность, пѣвецъ Бутышка такъ опредѣлялъ въ Петрозаводскѣ г. Рыбникову эпоху Годунова, въ началѣ Былины о Лжедмитріѣ:

Во стѣ было во седьмомъ году,
 Во седьмомъ году въ восьмой тысячѣ,
 Не было въ Москвѣ содержатая,
 Содержатая въ Москвѣ, сбережатая.

То есть въ 1599 году: спрашиваемъ, гдѣ, кромѣ Московскихъ Былинъ, возможна такая историческая опредѣленность?

Пойдемъ далѣе.—Былины о Скопинѣ, одномъ изъ любимѣйшихъ народныхъ героевъ Московскихъ, начинаютъ еще связью его съ исторіей Лжедмитрія: такова напечатанная выше, подъ № 3, стр. 7—9. Но гораздо обильнѣе Былины объ его трагической смерти. Изъ нихъ 4-я (стр. 9—11) имѣетъ при себѣ очень хорошее разнорѣчіе въ Новиковскомъ Пѣсенникѣ, въ части III-й:

Смерть Скопина.

1. •

У князя было у Владиміра,
 Было шированье почетное *),
 Ой кстили дитя княженецкое.
 Ахъ, кто кумъ-тотъ **) былъ, кто кума была?

*) Почетное.

**) Вѣроятно, какъ и ниже, „кумо-тъ.“

5. Ай кумо-тъ былъ князь Михайла Скопинъ,
Князь Михайла Скопинъ сынъ Васильевичъ,
А кума-та была дочь Скурлатова.
Они пили-бли, проклажались,
Пивши-ѣвши похвалялися.
10. Выходили на крылечко на красное,
Ужь какъ учили похвалу чинить князья-бояра:
Одинъ скажетъ, «У меня много чистаго серебра;»
Другой скажетъ, «У меня больше красна золота.»
А что взговорить князь Михайла Скопинъ,
15. Михайла Скопинъ сынъ Васильевичъ:
«Еще что вы, братцы, выхвалаетесь?
«Я скажу вамъ не въ похвалу себѣ:
«Я очистилъ Царство Московское,
«Я вывелъ вѣру поганскую,
20. «Я сталъ за вѣру христіанскую *)»

То слово кумѣ не показалось,
То крестовой не пондравилось:
Наливала она чару водки крѣпкія,
Подносила куму крестовому.

25. Самъ же онъ не пилъ, а ее почтилъ **):
Ему мнилось, она выпила,
А она во рукавъ вылила.
Наливала еще куму крестовому:
Какъ выпилъ князь Михайла Скопинъ,
30. Рѣзвы ***) ноги подломилса,
Бѣлы руки опустилися.
Ужь какъ брали ево^о слуги вѣрныя,
Подхватили ево подъ бѣлы руки,
Повезли ево домой къ себѣ.
35. Какъ встрѣчала ево матушка:
—Дитя мое, чадо милое!

*) Эта похвала одинакова съ тою, какая влагается Грозному: см. 6-й выпускъ.

**) Потчевалъ, поднесъ.

***) Въ печати ошибочно: „Трезвы.“

—Сколько ты по пирамъ не ѣжжалъ,

—А таковъ еще пьянъ не бывалъ.—

«Ахъ ты гой еси, моя мать родная!

40. «Сколько я по пирамъ не ѣжжалъ,

«А таковъ еще пьянъ не бывалъ:

«Съѣла меня кума крестовая,

«Дочь Малюты Скурлатова!»

(Норм. пѣсел. изд. 2, М. 1783 г., ч. III, № 159).

Въ «Летоп. Р. лит. и др.» т. IV, въ сборн. гг. Костомар. и Мордовц., этотъ образецъ, безъ замѣтки впрочемъ, откуда взятъ онъ, приведенъ въ качествѣ двухъ *вариантовъ*, а сама Былина восстановлена съ помощію того образца изъ Кирицъ Данилова, какой напечатанъ у насъ выше подъ № 2, стр. 11—16. Однако Былина такъ подробно и тщательно восстановлена сочинителями, что ее можно здѣсь привести изъ любопытства:

2.

У насъ было въ каменной Москвѣ,

У князя было Воротынскаго,

Было пиrowанье великое,

Кстили дитя княженецкое.

5. Кумомъ былъ князь Михайло Скопинъ,

Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ,

А кумсю была дочь Скурлатова.

Много было тутъ князей-бояръ,

Князей-бояръ, гостей званыхъ,

10. Они ѣли-пили, прохлажались.

Напивались гости до пьяна,

Выходили на красень крылецъ,

И учили они хвастатися:

Сильный хвастается силою,

15. Богатый богачествомъ;

Одинъ скажетъ: «у меня много чиста сѣребра,»
 Другой скажетъ: «у меня больше красна золота.»
 Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ

- Онъ и не пилъ зеленá вина,
 20. Не пригубливалъ пива крѣпкаго *),
 Только пилъ одни меды сладкіе.
 А и съ мѣду князь захмѣлѣлъ **),
 Во хмѣлю онъ похваляться сталъ:
 «Да и што-й-то больно, братцы, вы расхвастались!
 25. «Полно, есть ли вамъ чѣмъ хвастать-то?
 «А ужь я ли могу похвалитися:
 «Я очистилъ Царство Московское,
 «Я вывелъ вѣру поганскую,
 «Я сталъ за вѣру христіанскую,
 30. «И за то мнѣ князю слава дó вѣку.»

- И то слово кумѣ не полюбилися,
 То слово крестовой не показалось.
 Втапоры она дѣло сдѣлала:
 Наливала чару зеленá вина,
 35. Подсыпала въ чару зелья лютаго,
 Подносила чару куму крестовому.
 А князь отъ вина отказывался,
 Онъ самъ не пилъ, а куму почтилъ:
 Думалъ князь, она выпила,
 40. А она въ рукавъ вылила.
 Брала же она стаканъ меду сладкаго,
 Подсыпала въ стаканъ зелья лютаго,
 Подносила куму крестовому.
 Отъ мѣду князь не отказывается,
 45. Выпиваетъ стаканъ меду сладкаго:

*) Пиво называется у насъ не «крѣпкимъ», а «пьянымъ». Въ другихъ Былинахъ: «Только одно пиво пилъ и сладкой медъ.»

**) Въ другихъ, *народныхъ*, Былинахъ на оборотъ: «Не съ большого хмѣлю онъ похваляется.» И ниже въ этомъ состоитъ трагизмъ противоположенія: мать сочла его хмѣльнымъ, когда онъ вовсе не былъ такимъ.

Какъ его тутъ рѣзвы ноженьки подломлился,
Его бѣлыя рученьки опустилися.

Ужъ какъ брали его тутъ слуги вѣрные,
Подхватили подъ бѣлы руки,

50. Увозили князя къ себѣ домой.

Какъ встрѣчала его матушка:

— Дитя ты мое, чадо милое!

— Сколько ты по пирамъ не ѣзжалъ,

— А таковъ еще пьянъ не бывалъ.—

55. «Охъ ты гой еси, матушка моя родимая!

«Сколько я по пирамъ не ѣзжалъ,

«А таковъ еще пьянъ не бывалъ:

«Съѣла меня кума крестовая,

«Дочь Малюты Скурлатова!»

(„Лѣтоп. Р. л. и др.“ сборн. Костомар. и Морд.)

Подобнымъ образомъ и Сахаровъ, перепечатывая означенную Былину изъ Кирши, искусился сдѣлать нѣкоторыя, по его мнѣнію и обычаю необходимыя, поправки и дополненія (означимъ ихъ курсивомъ):

Стихъ 11: «Какъ были въ *Москвѣ* припасы многіе.» — 18: «Изъ великаго государства Россійскаго.» — 22: «И всей нашей земли *свѣтло*—Русскія (вмѣсто «свѣто—Русскія,» «свето—Русскія,» т. е. «свято—Русскія»).» — 23: «*Какъ* (вмѣсто «Что») ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ.» — 28: «во *Новгородѣ* (вм. «во Новѣградѣ»).» — 30: «*Входилъ* (вм. «Походилъ»).» — 32, 33: «А и беретъ чернилицу золотую, *А и въ ней-то* (вм. «Какъ бы въ ней») перо лебединое.» — 36: «Во *Свицкую* землю, *заморскую* (вм. «Саксонскую»).» — 42: «А и смилуйся, *смилосердуйся* (вм. «смилосердися»).» — 53: «А съ ярлыками послалъ скорого *ямыцика* (вм. «почтаря;» почтъ тогда, думалъ Сахаровъ, не было, это Нѣмецкое слово).» — 55: «А того *Ивана Ивановича* (вм. «Митрофана Фунтосова;» Сахаровъ не понялъ искаженнаго имени Делагарди).» — 56, 57:

«Какъ и будетъ *лицикъ* (вм. «почтарь») въ *Свицкой* земль,
 У честна короля, честнаго Карлуса (вм. «въ Половецкой Ордѣ»
 какая, дескать, тамъ Орда? Правильнѣе Швеція).»—81: «А
 третія силы *Шкодскія* (то есть, полагалъ И. П. Сахаровъ,
 Скоттскія, Шотландскія; онъ не догадался, что въ подлинникѣ
 «Школьскія» значитъ, по нашему древнему, «Стекольскія,
 Штокгольмскія»).»—89: «Въ соборѣ Скопинѣ онъ заутреню
отслушалъ (вм. «отслужилъ»: служатъ, дескать, попы, а Ско-
 пинѣ былъ князь).»—101: «*Прекрашми* Черкесѣ (перекроши-
 ли, вм. «прекrotили», укротили, утомили).»—Сказавши о
 Черкесахъ или Черкасахъ, Былина справедливо прибавила за-
 мѣчательный стихъ (103): «Еще новѣ тутъ Малороссія»; Са-
 харовъ этотъ стихъ выпустилъ: какая, де, Малороссія у Чер-
 кесовъ на Кавказѣ?—106: «А на западну сторону *походомъ*
 пошли (вм. «и въ ночь», т. е. на сѣверъ: они, дескать, шли
 конечно днѣмъ, къ чему же тутъ ночь?).»—126: «Крестили
млада княжевича (вм. «младаго князевича»; стремленіе гра-
 матики Греча и забота о претвореніи звука).»—157, 158:
 «Она-то, кума его крестовая, Подносила стаканъ меду слад-
 каго (вм. «Она *знавши*», т. е. съ вѣдома, съ сознаниемъ, что
 это ядъ; эту замѣчательнѣйшую черту призналъ Сахаровъ
 неловкою по грамматикѣ Греча).»—160: «*Прикимаеть* (вм. *суль-
 жармаю* «примаеть»).»—Стихъ 168 въ подлинникѣ: «Голова съ
 плечъ покатила,» то есть отъ дѣйствія яду свалилась на
 грудь, повисла; И. П. Сахаровъ счелъ это за то, будто сруб-
 ленная голова покатила на землю: какая несообразность!
 Потому онъ исправилъ, и прекрасно: «Голова *на плечахъ*
зашаталася.» Запрыгала на плечахъ, разгулялась!—172 въ
 подлинникѣ: «А только успѣлъ съ нею (матерью) скоро про-
 ститися,» какъ скоро, какъ только успѣлъ проститися,—«И
 матушка ему пѣнять стала.» Какъ, думалъ г. Сахаровъ, за
 чѣмъ онъ прощался *скоро*? Разумѣется, выпустилъ это слово.—
 Очевидно, эти поправки не такъ ловки, какъ въ сборникѣ г.
 Костомар. и Мордовц. при свѣтѣ *нынешней* науки.

Другое разнорѣчіе къ сей же Былинѣ, именно къ началу ея, гдѣ разсказывается о подвигахъ Скопина, представляется въ Сборникѣ Рыбникова, Ч. I, № 70, къ сожалѣнію безъ конца: какъ Скопинъ возведенъ во времена Владиміра, такъ здѣсь онъ отнесенъ къ эпохѣ Грознаго и поставленъ въ товарищахъ съ такимъ же любимымъ народнымъ героемъ, Никитой Романовичемъ.

Но перлъ народнаго нашего пѣснотворчества и лучшей образецъ Московскаго, съ особымъ складомъ въ 10 и 12 слоговъ стиха, съ необычайной художественной сжатостью, находимъ въ той же книжкѣ Ричарда Джемса, въ рукописи по горячимъ слѣдамъ событія:

3.

(Москва).

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося,
Съ полуночи у насъ въ колоколь звонили?

А росплачютца гости Москвичи *):

«А тепере наши головы загибли,

В. «Что не стало у насъ воеводы,

«Висильевича князя Мухомла!»»

А съѣзжались князи-боляре супротиво къ нимъ,
Мъстисловской **) князь, Воротынскоіи,
И между собою онѣ слово говорили ***),

*) Торговцы, торговавшіе въ Москвѣ, мѣстные, приписные и заѣзжіе; но особенно тогда собранные съ разныхъ краевъ подъ предводительство Скопина.

**) Въмѣсто «Мъстиславской».

***) Стихи по происхожденію вѣроятно таковы:

А съѣзжались князи-боляра.

Супротиво къ нимъ становилися,

Мъстиславской князь, Воротынской,

Межь собою онѣ слово говорили.

10. А говорили слово, усмѣхнулись *):
 «Высоко соколь поднялся **),
 «И о сыру-матеру землю ушибся!»»

- А расплаютца Свѣцкіе ***) Нѣмцы:
 «Что не стало у насъ воеводы,
 15. «Васильевича князя Михаила!»»
 Побѣжали Нѣмцы въ Новъ-городъ,
 И въ Новъ-городъ заперлися,
 И многой мѣръ-народъ погубили,
 И въ Латынскую землю превратили ****).

(Изъ запис. Рич. Дженса, Изв. Ак. Н. Т. Д.)

* * *

Былины о Скопинѣ замѣчательны еще въ томъ отношеніи, что подтверждаютъ еще разъ, какъ въ Москвѣ слагались тогда Былины тотчасъ за событіями, или, по техническому народному выраженію, документально идущему отъ Слова о Полку Игоревѣ, «пѣли славу» извѣстному героическому лицу, славили его Былиной о подвигахъ его, величали. Послѣ разсказа о подвигахъ Скопина, послѣ духовныхъ торжествъ Москвы, прибавлено, что тотчасъ «На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ — У Скопина князя Михайлу Васильевича—и велику славу до вѣку (таково опять техническое выраженіе,—Былину

*) Это, плохо сдержанная, радость бояръ-князей, изъ зависти къ Скопину, выражена и въ предыдущей Былинѣ, гдѣ заготовленіе яду приписывается имъ, а Екатерина является лишь орудіемъ: «А и тутъ боярамъ за бѣду стало —они дѣло сдѣлали—подавали кумъ его».

**) Стихъ въ 8 слоговъ совершенно соответствуетъ господствующему смыслу въ 10 и 12; таковъ же и стихъ 8-й; таковъ же долженъ быть 6-й:

Васильевича князь-Михаила.

***) Свейскіе, Шведскіе.

****) Отторгли къ западнымъ странамъ; стихъ долженъ быть:
 И въ Латынску землю превратили.

слагають, дабы увѣковѣчить событіе и подвиги) поютъ Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.» Этимъ же хвалится и самъ Скопинъ, перечисливши свои подвиги: «Еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку, Отъ стараго до малаго (всѣ поющіе), Отъ малаго до вѣку моего (на всю мою жизнь).» Это же представляется и главной виной ненависти къ нему: «А и тутъ боярамъ за бѣду стало.» Погибъ Скопинъ, и тотчасъ же опять сложена Былина, какъ предыдущая, сейчасъ приведенная, такъ и та самая, гдѣ упомянуто о «славѣ» въ честь Скопина; ее также пѣли пѣвцы, гуслиры («веселые молодцы»), и также на пиру, что явствуетъ изъ припѣвки въ концѣ:

То старина, то и дѣянье—
 Еще намъ, Веселымъ Молодцамъ, на потѣшенье,
 Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
 Испиваючи медъ, зелено вино:
 Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
 Тому боярину великому (можетъ быть Скопину)
 И хозяину своему (у кого на пиру пѣли) ласкову.

То же самое извѣстно о Ксеніи: по однимъ историческимъ извѣстіямъ прямо говорится объ ней, что она любила «воспѣваемые гласы (книжное выраженіе вмѣсто простаго—«пѣсни»);» по другимъ, она «причитала,» когда Шуйскій переносилъ тѣла Годуновыхъ; эти самыя «Причѣты» и облечены въ форму, они-то, какъ Былины, съ рассказомъ о всей уже судьбѣ Ксеніи, и записаны въ 1649 году, они-то и приведены нами выше какъ памятникъ творчества.

Вѣроятно къ тѣмъ же подвигамъ, какъ Скопинскіе или Ляпуновскіе противу Литвы, или же къ осадѣ Волока (см. ниже), относится Былина, съ началомъ «Ай ты безгодье, безгодье зло,» напечатанная въ «Національномъ Пѣснопѣніи,» Ч. I: изданія этого, впрочемъ бывшаго нѣкогда у насъ въ собственности, но утраченнаго, къ сожалѣнію теперь не могли мы достать и не имѣли подъ руками. Конечно тамъ была книжная подправка.

Такой же, къ сожалѣнію, подправкою досужаго книжника конца прошлаго вѣка отличается занесенная въ наши пѣсенники Былина о Снопинѣ; гдѣ ему приписывается руководство первыми нашими покушеніями на Азовъ, подобно какъ, мы видѣли, отнесено его имя, въ качествѣ любимаго народнаго героя, и къ эпохѣ Грознаго, и даже Владиміра:

Первыя покушенія на Азовъ.

1.

У насъ было во Кремлѣ во городѣ,
У того у собора Успенскаго,
Соѣжжались князья и бояра,
Всѣ сильные воеводы Московскіе.

8. Ужь какъ Царь говоритъ, какъ въ трубу трубить:

«Охъ вы гой еси, князья-бояре!
«Какъ намъ, братцы, на приступъ итти,
«Какъ намъ взять будетъ Азовъ городъ?
«Азовъ городъ во крѣпнѣ *) стоитъ,

10. «Нельзя къ нему подойти, ни подъѣхать.»

Какъ тутъ ли бояре испужались,
Большой за меньшова хоронится,
А меньшихъ за большими давно не знать **).

Ахъ что взговорить Михайла Снопинѣ:

15. —Охъ ты гой еси, грозный Царь!

—Благослови мнѣ слово молвити

—Или цѣлу рѣчь выговорить:

—Дѣлайте телѣжки бурмицкія ***),

—Убивайте телѣжки кунами собольими ****),

*) Укрѣпленъ, крѣпко.

**) И подавно не видать, не узнаешь.

***) Бурмистровскія, большія, въ какихъ ѣздятъ Головы.

****) Кунами-собольими.

20. —Сукнами багрецовыми и гвоздьми полуожеными,
—Сажайте въ телѣжки по пяти человекъ,
—Я поѣду въ тотъ городъ—могучій гость *),
—Я возьму тотъ городъ во единъ **) часъ.—

Пріѣхали они къ синему морю,

25. Кричитъ онъ ***) перевозчикамъ:
—Перевезите гостя могучаго
—Что во тотъ ли во Азовъ городъ!—
Стали бурмистры и головы,
Стали пошлины спрашивать;
30. —Ахъ вы гой еси, бурмистры и головы!
—Погодите вы до утра:
—Дамъ вамъ по таксъ полную.—

Со полуночи до вечера могучій гость

Черезъ сине-море переправился,

35. Осмотрѣлъ крѣпость Азовскую,
И донесъ Царю о возможности ****).

(Пѣсенникъ Новик. 2-е изд. 1783 г. ч. III, № 158, Кузнецовскій 1822 г. № 824 и друг.).

Если исключить отсюда вставленное имя Скопина, то происхождение Былины скорѣе можно отнести къ послѣдующему собору объ Азовѣ, и даже къ знаменитымъ Азовскимъ походамъ, а самый способъ соглядаяства и приближенія къ городу, правильнѣе на лодкахъ, чѣмъ на телѣжкахъ, одинаково разсказывается въ другихъ Былинахъ и объ Астрахани, и объ разныхъ козацкихъ подвигахъ (см. ниже).—Прочія Былины объ Азовѣ, хотя по видимому и раншія Петровскихъ, приведемъ при сихъ послѣднихъ, въ началѣ ихъ.

*) Поѣду туда какъ богатый гость, торговецъ.

**) Въ другихъ пѣсенникахъ: «во единый».

***) Въ другихъ: «Кричитъ онъ вопить».

****) Стихъ о возможности—невозможный въ устахъ народа.

Былина о Тушинскомъ Ворѣ известна намъ только въ одномъ образцѣ, каковъ ни есть онъ:

Тушинскій Воръ.

(Саратовск. губ.).

- Изъ-за Шведскія, изъ Литовскія изъ земелюшки,
 Выѣзжаетъ воръ-собачушка на добромъ конѣ,
 На добромъ конѣ во чисто поле.
 Становился воръ-собачушка подъ столицею,
 5. Подъ столицею въ славномъ Рубежѣ.
 Онъ разставлятъ бѣль-тонкой шатеръ,
 Разстилаетъ во шатрикѣ шелковой коверъ,
 Разсыпаетъ на коврикѣ золоты бобы,
 По бобамъ сталъ воръ-собачушка угадывати:
 10. «Не казнять-то насъ и не вѣшаютъ,
 «Ужъ и много насъ жалованьемъ жалуютъ.»

- Садился воръ-собачушка на добра коня,
 Онъ поѣхалъ воръ-собачушка во чисто поле,
 Изъ чиста поля во царевъ дворець.
 15. Подъѣзжаетъ онъ ко цареву дворцу,
 Пріѣзжаетъ онъ на широкой дворъ,
 Слѣзаетъ воръ-собачушка со добра коня,
 Онъ свою коня не привязывать,
 Не привязывать, никому не приказывать.
 20. Восходитъ воръ-собачушка на красенъ крылець,
 Входитъ онъ воръ-собачушка во царевъ дворець,
 Онъ самимъ боярамъ не кланятся
 И самой государынѣ челомъ не бьетъ.
 Онъ садился воръ-собачушка за дубовый столъ,
 •25. Вынимаетъ воръ-собачушка ярлыки на столъ,
 По ярлыкамъ воръ-собачушка сталъ расписываться:
 «Я самихъ же то бояръ во полонъ возьму,
 «А съ самою царицею обвѣнчаюся.»

(„Литов. Р. Литер. и Др.“ изъ Сбора. гг. Костомар. и Мордовц.).

Слѣдующія за тѣмъ и выше отпечатанныя, стр. 17, 18, Былины о Шуйскомъ и Ляпуновѣ, крайне драгоцѣнныя, весьма впрочемъ пострадали, испорчены и извѣстны доселѣ по одному лишь образцу. Гораздо болѣе сохранилось разнорѣчій изъ Смутаго Времени о попѣ Емелѣ. Къ напечатаннымъ на стр. 19—21, подъ №№ 1—3, приведемъ слѣдующія:

Смутное Время. Попъ Емеля.

1.

(Тверск. губ.).

- Бхала свадьба, семеры сани,
 Семерыг сани, по семеру въ сѣняхъ,
 Семеро пѣшками, а всё съ бердышками,
 Семеро верхами, а всё съ мѣшками.
5. На ветрѣчу той свадьбѣ попо-гъ Емеля,
 Попо-гъ Емеля, крестъ на ремѣни,
 Крестъ на ремени полуторы сажени:
 «А Боже *) вамъ въ помочь, духовныя дѣти,
 «Духовныя дѣти, въ чужія-то клѣти,
 10. «Въ чужія-то клѣти, молебны пѣти:
 «Добро-то берите, а душъ не губите.»

(Запис. Туринимъ).

2.

(Тверск. губ., Старица. у.).

Какъ во полѣ-полѣ,
 Во чистомъ во полѣ,
 Ай ли, да ой ли,
 Во чистомъ во полѣ,

*) А Богъ же.

5. Во чистомъ во погѣ
Собралися воры,
Ай ли да ой ли,
Сбиралися воры *),
Сбиралися воры,
10. Воры не чужіе,
Ближніе сосѣди.
Не много, не мало,
Ихъ семеро саней.
Во первыхъ—то саняхъ
15. Атаманы сами **).
Во седьмыхъ—то саняхъ
Сидитъ погѣ Емеля,
У попа Емели
Крестъ на ремѣни,
20. Крестъ на ремѣни
Въ волторы сажени.
Батька благославляетъ,
Крестомъ ограждаетъ:
«Повѣжайте, дѣти,
25. «Во чужія клѣти,
«А что ни до будете,
«Попа не забудете.»
Попадья Олёна
На воду смотрѣла ***),
30. Ворами говорила:
—Не ѣздите, дѣти,
—Во чужія клѣти,—
—Будетъ вамъ невзгода,
—Будетъ непогода!—
35. Не слушались воры

*) Такъ идетъ прищѣвъ и каждый слѣдующій стихъ поется трижды.

**) Далѣе перечисленіе саней и сѣдковъ забыто.

***) Гаданья такого рода упоминаются въ Былинахъ Смутаго Времени часто, и о Самозванцахъ, и Сигизмундѣ.

Попали Олены,
Съли—засвистали,
Коней нахлыстади.

(Записано нами отъ А. А. Панина 1868 года).

На стр. 21—23, драгоценная, по единственному образцу ея, Побывальщина о Мининѣ, Пожарскомъ, освобожденіи Москвы и избраніи Михаила, къ большому горю едва уцѣвѣла въ устахъ 70-лѣтней старухи и весьма разрушена.

Чтобы покончить со временемъ и событіями Смуты, съ битвами противу Поляковъ и Литвы, приведемъ здѣсь въ отрывкахъ уцѣлѣвшія Былины о нападеніи на Волокъ Ламскій. Въ 6-мъ выпускѣ, на стр. 187—190, приведена нами, еще прежде печатанная самимъ П. В. Кирѣевскимъ, Былина объ осадѣ Пскова, къ которой примѣшана осада Волока и вставлено имя Карамышева. Тогда же, послѣ подробныхъ замѣчаній о происхожденіи и составѣ Былины, обѣщали мы привести подлѣвшія ея разнорѣчія, что и исполняемъ:

Нападеніе на Волокъ Ламскій.

1.

(Сибирск. губ., с. Станшное).

Собирался Король на святую Русь,
Не дошедши Москвы остановился за пятьсотъ верстъ,
За пятнадцать верстъ городу Волоку,
Во уѣздѣ, селѣ Федоровскитъ,
5. Во любимамъ дворцѣ государевомъ.
Писалъ ерлыки скорописные,
Отсылалъ ерлыки въ каменну Москву
Ко тому ли къ воеводѣ Московскому,

- Корамышину Семіону Костентинновичу:
10. «Охъ ты гой еси, воевода Царевъ,
 «Корамышинъ Семіонъ Костентиннович!
 «Ты отдай мнѣ Москву *) безъ бою,
 «Безъ тово ли кроволитья великаго.»
 Что отвѣтъ держитъ ему воевода Царевъ:
15. —Ты б.... сынъ, Король и съ Королевою!
 —Не дошедши Москвы ты похваляться сталъ:
 —Я силу твою конемъ потопчу,
 —Кольчужниковъ и латниковъ всѣхъ въ полонъ возьму.—

За досаду Королю показалось,

20. Взволновался Король, самъ боемъ пошолъ:
 Да на силу Король самъ—третей ушолъ.
 Бѣгучи Король заклиналъ самъ себя:
 «Не дай, Боже, ходить на святую Русь,
 «Ни мнѣ Королю, ни брату моему!»
25. И еще этимъ Король обещистилъ самъ себя **).

Дворянамъ—боярамъ—имъ выслуга,
 А служивымъ солдатамъ—имъ жалованье,
 Донскимъ казакамъ сукна на кованъ,
 А намъ, молодцамъ, по стакану пивца:

30. Кто бы намъ поднесъ, мы бы выпили,
 Хозяина съ хозяйошкой проздравствовали!

(Запис. А. М. Языковимъ).

*

2.

(Оттуда же):

Собирался Король на святую Русь,
 Всѣмъ нанамъ, всѣмъ пановичамъ ***),

*) Въ Былинѣ 6-го выпуска: «Волокъ».

**) Отсега начинается припѣвка пѣвцовъ, величавшихъ Былинною воеводъ, служилыхъ людей и козаковъ, передъ слушающими хозяевами.

***) Со всѣмъ панамъ—пановичамъ: т. е. со всѣми панамъ—пановичами.

Со любезнымъ своимъ шуриномъ съ Вороновичемъ *).

По утру спать ложился,

5. Ко полуночи пробудился;

Онъ со вечера росую умывался,

Онъ кавтанною полою утирался,

А Московскому Чудотворцу, Богу молился,

И на всѣ четыре стороны поклонился:

10. «Вы здорово ли, мои братцы, спали-ночевали?

«Одинъ-то я, доброй молодецъ, не здоровъ спалъ **):

«Будто я хожу, доброй молодецъ, по край синя моря,

«Я правою ногою въ море оступился,

«А лѣвою рукою за древо схватился,

15. «За скропкое ***) дерево, за крушину;

«Спасибо, мое скропкое дерево крушина,

«Да на томъ спасибо, что въ море не пустила!»

(Занес. тѣмъ же).

Эти Былины, о подступѣ къ Волоку, поются доселѣ въ Волоколамской области. См. описаніе Волоколамскаго уѣзда въ Моск. Губернск. Вѣдомостяхъ 50-хъ годовъ.

Послѣ прекрасной, хотя и немного книжной по языку, Былины о смерти Василя Шуйскаго и избраніи Михаила (стр. 24), наиболее замѣчательная слѣдуетъ о пріѣздѣ Филарета Никитича и Шеина. Она записана также для Ричарда Джемса въ 1619 году, слѣдовательно тотчасъ при самомъ событіи, на которое и сложена. Потому же она представляетъ какбы набросанный очеркъ, еще не успѣвшій развиться и разукраситься, а вмѣстѣ, какъ это бываетъ, и попортиться:

*) Въ Былинѣ 6-го выпуска это имя воронатаго коня: но кажется это перелѣтано изъ «Хотеновича», а послѣднее изъ «Ходкевича».

**) И видѣлъ во снѣ...

***) Хрушкое, крушкое (откуда и имя крушины), что крошится и крушится (у Южныхъ Славянъ «крѣшко»).

Привѣдъ Филарета Никитича и Шенна въ Москву.

1.

(Москва).

- Зрадовалоя Царство Московское
 И вся земля свято-Руская:
 Умолилъ государь, православной царь,
 Князь великій Михайло Федоровичъ.
5. А что скажутъ, въѣхалъ батюшка ^{*)},
 Государь Филаретъ Микитичъ,
 Изъ невѣрной земли изъ Литовской;
 Съ собою онъ вывезъ много князей-боярь,
 Еще онъ вывезъ государева ^{**)} боярина,
10. Князя Михайла Борисовича Шенна.
 Съѣжались многіи князя-бояря,
 (Князя-бояря) и многіе власти,
 Ко сильному Царству Московскому:
 Хотятъ встрѣчать Филарета Микитича.
15. Изъ славнаго града каменной Москвы,
 Не красное солнце катилося,
 Пошелъ государь православной царь;
 Встрѣчати своего батюшка,
 Государя Филарета Микитича;
20. Въ государемъ пошелъ его дядушна ^{***)},
 (Его дядушна) Иванъ Микитичъ бояринъ ^{****)}:
 «Дай, Споди ^{*****)}, здоровъ былъ государь мой батюшко,
 «А батюшко государь Филаретъ Никитичъ!»

*) А отъ того радость, тѣмъ умолилъ царь, что, говорятъ, пріѣхалъ его батюшка.

**) Вѣроятно «государь» и тогда стихъ не нарушается въ развѣрѣ.

***): Дядушка.

****) Слѣдуютъ пріѣзженныя слова Михаила отцу.

*****) Господи.

- А какъ будутъ онѣ въ каменной Москвѣ,
 25. Не пошли онѣ въ хоромы въ царскіе,
 А пошли онѣ къ Пречистой соборной *)),
 А пѣти чesныхъ молебеновъ.
 Благословлялъ своего чада милаго **):
 —И дай Господи, здоровъ былъ православной царь,
 30. —Князь великій Михаилъ Федоровичъ,
 —А ему здержати Царство Московское
 —И вся земля свято-Руская ***)!—

(Извѣст. Ак. Н. Т. I).

Текущій складъ Былины, только что сложенной и не успѣвшей ни окрѣпнуть, ни опредѣлиться, выразился тѣмъ, что стихи ея состоятъ то изъ 9, 14 и 13-ти, то изъ 10 и 12-ти слоговъ.

Былина на стр. 24, 25, о битвѣ подъ Астраханью, съ именемъ Царя Михаила, имѣетъ при себѣ еще другую, о взятіи Астрахани, которую однако считаемъ мы умѣстнѣе въ эпохѣ Разина, гдѣ и помѣстимъ ее.

На стр. 25—30, три Побывальщины о князѣ Пожарскомъ и о дѣлѣ подъ Конотопомъ должны бы, разумѣется, помѣститься ниже, а въ печати нацли себѣ теперешнее мѣсто по особому недоразумѣнію и обстоятельствамъ 7-го выпуска, о комъ сказано выше. Но онѣ кромѣ того имѣютъ при себѣ довольно похожихъ произведеній о другихъ герояхъ, на примѣръ Краснощочковъ и простыхъ, Безымянныхъ Козакахъ.

Коротенькія, въ духѣ Московскомъ, Былины о Московскомъ пожарѣ, стр. 30—32, по древности склада своего отнесены

*) Въ Успенскій соборъ.

**) Слѣдуютъ слова благословлявшаго Филарета, при встрѣчѣ сына.

***) Извѣстный древній падежь при неокончательномъ наклоненіи.

нами къ Московскимъ пожарамъ Романовской эпохи XVII вѣка, хотя не скроемъ, что случаи, увѣковѣченные Былиною, имѣли мѣсто и позднѣе, даже въ XVIII вѣкѣ, особенно съ домою Шереметева на Никольской улицѣ. При нихъ есть еще различія:

Московскій пожаръ.

1.

(Тулск. губ.).

Ты хозяинъ, ты хозяинъ,
Своему дому господинъ!
Намъ не дорого, хозяинъ,
Пиво пьяное твое,
5. Дорога намъ, хозяинъ,
Пирь-бесѣдушка твоя *).

Во бесѣдѣ сидятъ люди,
Люди добрые сидятъ,
Они баютъ-разсуждаютъ,
10. Рѣчь разумну говорятъ:
«Отчего это, братцы,
«Каменна Москва загоралась?»
• Загоралась отъ князей отъ бояръ,
Отъ большаго господина

15. Шереметьева:
Ходила его вѣрная ключница
Вы новы подвалы,
Заронила она, заронила
Воску яраго свѣчу.

20. Отъ того каменна Москва
Загорѣлась.

*

*) Это запѣвъ, обращеніе пѣвцовъ къ хозяевамъ на пирю, какъ и въ предъидущихъ нѣкоторыхъ Былинахъ.

У Сахарова въ «Сказаніяхъ» еще нѣсколько иначе:

2.

Мнѣ не дорого, хозяинъ,
Пиво пьяное твое,
Дорога мнѣ, хозяинъ,
Смиренная бесѣдушка твоя.

5. Во бесѣдѣ у насъ, хозяинъ,
Люди добрые сидятъ,
Они говорятъ—разсужаютъ,
Рѣчь хорошую говорятъ:
«Отчего наша каменна Москва
10. Загоралась?»
Загоралась каменна Москва
Отъ большихъ господъ,
Отъ большого господина
Графа Шереметева:
15. Выходила его ключница
Во новые выхода,
Зоронила она искру
Воскояровой свѣчей.
Оттого у насъ каменна Москва
20. Загоралась.

За симъ у Сахарова непосредственно присоединяется совсѣмъ уже другая Былина изъ времянь Елисаветы.

Изъ эпохи Михаила Федоровича, по Былинамъ, всего болѣе посчастливилось *Семену Константиновичу (Ивану) Карамышеву*. Это самое любимое, самое народное имя той поры, второй половины XVI и первой XVII вѣка. Народныя имена любимѣйшихъ героевъ, воспѣваемые Московскими Былинами и вставляемые при всякомъ удобномъ случаѣ, на перечеть. Кромѣ государей и вообще царскихъ особъ, неизмѣнно привлекаю-

щихъ вниманіе сихъ Былинъ по ихъ особому, государственному или державному характеру, какъ-то *Грозный Царь Иванъ Васильевичъ*; *Борисова дочь Годунова*, царь и князь великій *Михайло Ѳедоровичъ*, православный царь *Алексій Михайловичъ* и государь *Петръ Алексѣевичъ*, кромѣ сихъ, говоримъ, царственныхъ именъ, таковы въ Московскихъ Былинахъ всюду любимѣйшія народныя: *Никита Романовичъ* и, какъ злодѣй, *Малюта Скурлатовъ сынъ*; *Ермакъ Тимоѣевичъ* и, опять какъ злодѣй, но весьма привлекательный удалю, *Степанъ*, *Степыка Разинъ Тимоѣевичъ*; князь *Скопинъ Михайло Васильевичъ* и злой *Разстрига Гришка Отрепьевъ сынъ*; князь *Голицынъ* (Василій Васильевичъ) и графъ *Борисъ Петровичъ Шереметевъ*; *Краснощочковъ* и *Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ*, наконецъ *Платовъ генералъ* и тому подобныя, менѣе важныя или болѣе новыя. Именно таковъ же точно *Карамышевъ Семѣнь Константиновичъ* (всѣ имена сіи замѣтно укладываются въ стихъ съ большимъ удобствомъ, а иныя цѣликомъ составляютъ цѣлый стихъ и размѣромъ своимъ опредѣляютъ размѣръ въ теченіи всей Былины). Какъ скоро въ старшихъ Московскихъ Былинахъ, XVI и XVII вѣка, попадаетеся выраженіе (и дѣйствующее лицо) «воевода Царевъ» или «большой бояринъ», такъ ужъ всегда ожидайте, что гдѣ-нибудь по привычкѣ прибавитъ имя — «Карамышевъ Семѣнь Константиновичъ.» Онъ является какъ Персидскій (въ Персію) посолъ, убійство котораго послужило Ермаку и товарищамъ его поводомъ къ завоеванію Сибири; онъ же является Воеводой при осадѣ Пскова Баторіемъ (см. 6-й вып.); онъ же при подступѣ къ Волоку; онъ же наконецъ, историческій (Иванъ), при Михайлѣ Ѳедоровичѣ, какъ извѣстно, убитъ Донскими козаками. Можно полагать, что имя его (Семѣна) перешло въ Московскія Былины еще изъ Княжескихъ, изъ исторіи Тверскихъ князей, Борисовичей, и унаслѣдовано еще съ тѣхъ поръ народной памятью. Московскихъ же Былинъ о немъ много, и всѣ онѣ, какъ сейчасъ убѣдимся, дѣлятся, въ рассказѣ объ убіеніи

его, на двѣ главныхъ редакціи: въ одной событіе передано точнѣе и опредѣленнѣе, съ ясными чертами лица и мѣстности; въ другой рѣзкіе признаки стерты, мѣстность, поприще событія передвигается, и на Камышенку, и Самару, и общѣе на Волгу, и подѣ Астрахань. Первыя Былины явно объ историческомъ лицѣ и событіи 1630 года, на Дону; вторыя же, должно думать, связуются именно съ преданіями о старшемъ героѣ, Персидскомъ послѣ, а отчасти видимо переходятъ даже въ эпоху Разина, чему поводомъ вѣроятно была извѣстная судьба воеводы, сходнаго по имени, *Семена Беклемишева*. Разумѣется, мы сначала пошлѣмъ 1-ю, потомъ 2-ю редакцію:

Убить Карамышевѣ.

1.

- Ужь не травушка въ чистомъ полѣ зашаталась,
 Не муравая ко сырой землѣ приклонялась,
 Подымается съ Москвы большой бояринъ,
 Онъ на Тихой Донѣ на Ивановичь гуляти.
5. Не доѣхавши онъ Тиха Дону становился:
 Похвалялся онъ козаковъ всѣхъ тамъ перевѣшать.
 Во единой кругъ козаки тотчасъ собирались,
 Посередъ круга становился царевъ бояринъ:
 Онъ началъ читать государевы для нихъ указы.
10. Дочитался онъ до царскаго только титула,
 Козаки тотъ часъ всѣ шапки тутъ снимали,
 А большая—тѣ царевъ бояринъ шляпы не снялъ;
 Отъ тово—то всѣ козаки тотчасъ взволновались,
 Разъярившись они на боярина вдругъ бросались,
15. Буйну голову отъ бѣла тѣла отрубили,
 А бѣло тѣло во Тихой онѣ Донѣ бросали;
 А убивши, они ево тѣлу говорили:
 «Почитай ты, большой бояринъ, государя,
 «Не гордися ты передъ нимъ, бояринъ, и не славься!»»

20. Ко царю они съ повинною приходили:
 «Ты гой еси, нашъ батюшка, православной царь!
 «Ты суди, государь, насъ праведной расправой,
 «Поведи надъ нами дѣлатъ, что изволишь,
 «Ужь ты воленъ надъ нашими головами *)»»

(Старшій пѣсенникъ Трутовскаго, ч. II.; повторялась и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ).

*

2.

(Сибирск. губ.).

- Подымался съ Москвы большой бояринъ,
 Онъ на Тихой Донъ Ивановичъ гуляти.
 Не доѣхавши Тиха Дона становился:
 Похвалялся всѣхъ козаковъ перевѣшать.
5. Козаки, братцы, тотчасъ догадались,
 Во единой кругъ они собиралися,
 Среди круга становился царевъ бояринъ:
 Онъ сталъ читать государевы указы.
 Дочитался онъ до царскаго титула,
10. Козаки всѣ шапки поснимали,
 А большой царевъ бояринъ шляпы не снѣлъ;
 Отъ тово козаки взволновалися,
 На боярина они бросалися,
 Буйну голову ево срубили,
15. А бѣло тѣло въ Тихой Донъ бросили.
 И убивши, тѣлу говорили:
 «Почитай ты, баринъ, государя,
 «Не гордись ты передъ нимъ и не славься.»»

*) Такъ, извѣстно исторически, козаки извиняли убіеніе Карамышева, съ своей точки зрѣнія; но могъ быть правъ съ своей стороны и Карамышевъ: при послѣ Андреѣ Савинѣ и Кантакузинѣ, онъ собственно былъ Воеводою царскаго войска, и слѣдовательно, какъ воевода, могъ оставаться въ шишахъ.

Ко царю они съ повинной приходили:

20. «Ты гой еси, батюшка православной царь!
 «Ты суди насъ праведной расправой,
 «Поведи надъ нами дѣлать, что изволишь,
 «Ты воленъ надъ нашими буйными головами.»»

(Запис. Языковъ).

* *

Въ слѣдующемъ образцѣ на концѣ есть книжная подправка издателей старшихъ нашихъ пѣсенниковъ: не зная хорошенько подлиннаго событія, они хотѣли и смягчить поступокъ козаковъ, и вывести нравственное поученіе касательно «гордости» Карамышева.

3.

- Еще внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
 Сопротивъ тово *) было устьяца Самары рѣки,
 Что плыветь тутъ, выплываетъ лёгкая лодочка,
 Лёгкая лодочка выплываетъ, братцы, коломенка;
 5. Хорошо больно лёгкая лодочка изукрашена,
 Серебромъ—златомъ лёгкая лодочка изнасъчена;
 Посередѣ стоитъ лёгкой лодочки знамя царское,
 Что во лодочкѣ сидитъ молодой посланникъ царевъ,
 Карамышевъ князь Семенъ сынъ **) Константиновичъ.
 10. Во правой рукѣ держитъ онъ государевъ указъ,
 Во лѣвой рукѣ онъ держитъ саблю вострую.
 Приставаетъ ***) онъ ко крутому красному бережку,
 Ко сыпучему ко крупному ли желту песку.

*) Разнорѣчіе: «Супротивъ—то.»

**) «сударь.»

***) «пристаётъ.»

- Козаки всѣ собираются во единой кругъ,
 15. Становится младъ посланничекъ среди *) круга,
 Козакамъ читаетъ посланничекъ **) государевъ указъ.
 Козаки всѣ для указа шапки сняли,
 Младъ посланничекъ не снимаетъ шляпы черныя.
 Козаки тутъ всѣ въ минуту ***) взволновались,
 20. И со всею его гордостью изъ стану выгнали ****).

(Старшій пѣсenniкъ Трутовскаго, ч. I.; разворота изъ 1-го пѣданія Праца 1791 г.;
 то же повторяется и въ нѣкоторыхъ другихъ пѣсenniкахъ).

* *

Въ слѣдующемъ образцѣ еще болѣе стираются черты и, хоть
 удержано имя, но передвигается поприще событiя, дѣло идетъ
 на лодкахъ, щекотливыя обстоятельства убиенiя обойдены:

4.

(Симбарск. губ.).

- Внизъ то было *) по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
 Супротивъ то была устьяца Самары рѣки,
 Что плаваетъ тутъ легка лодочка коломенка;
 Что въ лодонки **) сидитъ младъ посланникъ царевъ,
 5. Карамышевъ князь Семенъ сударь ***) Константиновичъ,
 Въ лѣвой онъ рукѣ держитъ государевъ указъ,
 А во правой рукѣ держитъ саблю острую.

*) «посреди.»

**) «Что читаетъ имъ посланникъ.»

***) «всѣ удалые.»

****) «И за его гордость изъ стану его выгнали.»

) Разбор. «Ужъ какъ внизъ-то было.»

***) «Что въ той лодочкѣ.»

****) «сударь» опущено.

- Что по крутому, по красному берегу,
 Что по желтому сыпучему песочку,
 10. Что *) ходили тутъ—гуляли добрые молодцы,
 Добрые молодцы гуляли, все Донскіе казаки,
 Все Донскіе, Гребенскіе, Запорожскіе,
 Да и славны казаки, братцы **), Яицкіе.
 Они думали крѣпку думушку за едино ***),
 15. Что сказали всѣ словечушко во единый гласъ,
 Становили они пушку, братцы, мѣдную,
 Закатали въ нее ядрушко чугунное,
 Что палили они въ лодочку коломенку:
 Никого они въ лодочкѣ не ранили,
 20. Только убили одного царскаго: посланника.

(Отъ Ямкова; равнорѣч. изъ Кузнецовскаго писанника 1822 года, то же есть
 и въ другихъ).

Другія того же рода Былины мы относимъ къ эпохѣ, къ
 которой вслѣдъ за симъ и переходимъ.

Ко времени царя Алексѣя Михайловича, кромѣ приведен-
 ныхъ выше Былинъ о Семенѣ Пожарскомъ, въ собраніи Рыб-
 никова, Ч. II № 40 и III №№ 46 и 47 (въ печати ошибкою
 42), относятся три замѣчательныхъ Былины о Земскомъ Собо-
 рѣ, держать ли за собою Смоленскъ. Хотя мы имѣли бы пра-
 во относить ихъ къ царствованію Михаила, но въ семъ случаѣ
 слѣдуемъ опредѣленію, выраженному съ точностію въ самихъ
 Былинахъ.

*) «Какъ.»

**) «Еще славные козаки.»

***) «Они думали за едино крѣпку думушку.»

Главнымъ героемъ, занявшимъ народное вниманіе Былинъ, слѣдуетъ за симъ при Алексѣѣ Михайловичѣ Стенька Разинѣ. Превосходная, извѣстная монографія г. Костомарова, «Бунтъ Стеньки Разина,» гдѣ расположено въ порядкѣ и нѣсколько Былинъ, сюда относящихся, можетъ служить хорошею нитью и помощью въ нашемъ собственномъ дѣлѣ. Нужно только прибавить, что сочинитель относитъ сюда нѣкоторыя Былины по догадкамъ, тогда какъ онѣ не имѣютъ при себѣ опредѣленнаго имени Разина или имя это вставилъ Сахаровъ. Потому здѣсь необходима въ пользованіи нѣкоторая осторожность. Исторія Козачества въ «Московской» области Былинъ начинается собственно съ Ермака: но мы имѣли случай уже достаточно убедиться, что многое тамъ, при Ермакѣ, покореніи Сибири и взятіи Казани (см. 6-й выпускъ), вставлено изъ эпохи Разина, даже имя сего послѣдняго. Очевидно также, что кое-что и изъ времени Ермака, и царствованія Михаила, перенесено потомъ на Разина, какъ мы упомянули при Карамышевѣ и еще увидимъ сейчасъ при разсказѣ о самыхъ первыхъ судьбахъ Разина. Съ другой стороны конечно и въ Безъимянныхъ Козацкихъ Былинахъ много дошло до насъ такого, что собственно истекаетъ изъ эпохи Разина, хотя и потеряло его имя. Поэтому надежнѣйшій путь въ дѣлѣ изданія Былинъ представляется намъ слѣдующій: отъ Былинъ о Разинѣ читателямъ придется непременно и часто восходить за подробностями въ 6-й выпускъ и во все предыдущее сему въ выпускъ 7-мъ; за тѣмъ Былины безъ имени и опредѣленнѣйшихъ признаковъ, хотя здѣсь и было бы много сходства съ Разинскими, приходится въ изданіи оставить и отложить до болѣе удобнаго, своего имѣющаго мѣста, развѣ только кое-гдѣ прибѣгая къ сличенію; наконецъ, избирать въ настоящемъ случаѣ лишь тѣ Былины, гдѣ есть имя Разина и прочіе несомнѣнные его признаки, не выводя притомъ историческихъ выводовъ, кои составляютъ предметъ критикующаго историка, а болѣе слѣдуя воззрѣнію самого творчества, какъ оно понимаетъ и распредѣляетъ ту эпоху, какъ даетъ о ней свои собственныя показанія.

Плѣнь въ Азовѣ, чѣмъ начинается г. Костомаровъ преданія о Разинѣ, по Былинамъ относится къ Ермаку; назовемъ это просто

**Донской козаць
въ плѣну Азовскомъ.**

1.

(Карша Давыловъ).

- А и по край было моря синяго,
 Что на устьѣ *) Дону-то Тихаго,
 На крутомъ-красномъ бережку,
 На желтыхъ-разсыпныхъ пескахъ,
5. А стоитъ крѣпкой **) Азовъ городъ
 Со стѣною бѣлокаменною,
 Земляными розкатами и ровами глубокими,
 И со башнями караульными ***).
 Среди Азова города
10. Стоитъ темная ****) темница,
 А злодѣйка—земляная тюрьма;
 И во той было темной темницѣ
 Что двери были желѣзныя;
 А замокъ былъ въ три пуда;
15. А пробой были булатные,
 Какъ засовы были мѣдныя;
 Что во той темной темницѣ
 Засажень сидитъ Донской козаць
 Ермакъ Тимофеевичъ.
20. Мимо той да темной темницы
 Лучилося царю итти, самому царю,
 Тому Турецкому Салтану Салтановичу.

*) Разнорѣчіе: «А на усть.» — **) «туть славной.» — ***) «Со стѣной бѣлокаменной, И со башнями наугольными, И со рвами глубокими, Съ земляными розкатами, И съ рогатками желѣзными.» — ****) «Туть стоитъ темна.»

- А кричить Донской козакъ
 Ермакъ Тимофеевичъ:
25. «А ты гой еси, Турецкой царь
 «Салтанъ Салтановичъ!
 «Прикажи ты меня поить—кормить,
 «Либо казнить, либо на волю пустить.»
 Постоялся *) Турецкой царь
30. Салтанъ Салтановичъ:
 —А мурзы, вы, улановья!
 —А вы згаркайте изъ темницы
 —Того тюремнаго старосту.—
 А и мурзы—улановья металися черезъ голову,
35. Привели его, улановья они, старосту тюремнаго;
 И сталъ онъ, Турецкой царь,
 У тюремнаго старосты спрашивать:
 —Еще что за человекъ сидитъ?—
 Ему староста рассказываетъ:
40. «А и ты гой еси, Турецкой царь
 «Салтанъ Салтановичъ!
 «Что сидитъ у насъ Донской козакъ
 «Ермакъ Тимофеевичъ.»»
 И приказалъ скоро Турецкой царь:
45. —Вы мурзы—улановья!
 —Ведите Донскаго козака
 —Ко палатамъ моимъ царскимъ.—
- Еще втапору Турецкой царь
 Напоилъ—накормилъ добраго молодца
50. И тожно **) сталъ его спрашивать:
 —А ты гой еси, Донской козакъ!
 —Еще какъ ты къ намъ въ Азовъ поцагъ?—
 Рассказалъ ему Донской козакъ:
 «А и я посланъ изъ каменной Москвы
55. «Къ тебѣ, царю, въ Азовъ городъ,

*) Остановился.

**) Въ слѣдъ за тѣмъ.

- «А и посланъ былъ скорымъ посломъ,
 «И гостинцы дорогіе къ тебѣ везъ:
 «А на заставахъ твоихъ меня всего ограбили,
 «И мурзы-улановья моихъ товарищей
60. «Разсадили, добрыхъ молодцовъ,
 «И по разнымъ темнымъ темницамъ.»
 Еще втапоры Турецкой царь
 Приказалъ мурзы-улановьямъ
 Собрать добрыхъ молодцовъ,
65. Ермаковыхъ товарищей.
 Отпускаетъ добрыхъ молодцовъ,
 Ермака въ каменну Москву;
 Снарядилъ добраго молодца
 Ермака Тимоѣевича,
70. Наградилъ златомъ-серебромъ,
 Еще питьями заморскими.

- Отлучился Донской козакъ отъ Азова города,
 Загулялся Донской козакъ
 По матушкѣ Волгѣ рѣкѣ,
 75. Не явился въ каменну Москву.

* .

Рукопись Кирши Данилова оканчивалась началомъ такой же Былины (откуда мы выше привели разнорѣчія), со словъ «А и по край» до «Тутъ стоитъ темна темница.» Было ли въ рукописи при ней заглавіе, или отъ себя, К. Ѳ. Калайдовичъ замѣтилъ, что это «начало пѣсни о *Стенькѣ Разинѣ.*» Въроятно на семъ основаніи, исправивъ, какъ водится, Былину, перепечаталъ ее въ «Сказаніяхъ» г. Сахаровъ, поставивши вездѣ вмѣсто «Ермакъ Тимоѣевичъ» имя «Степанъ Тимоѣевичъ.» Это подѣйствовано и на г. Костомарова. Но такія же точно Былины являются о другихъ, Безъимянныхъ Козакахъ, и даже о Краснощочковѣ, о Чернышевѣ, при чемъ вмѣсто Султана Прусскій Король, а вмѣсто Азова Кистринъ или Берлинъ (см. ихъ ниже). Потому собственно началомъ Былинъ о Разинѣ мы

признаемъ только тѣ, кои и напечатаны у насъ выше, на стр 32, 33, подъ №№ 1 и 2-мъ, о томъ, какъ породился, проявился и къ другимъ козакамъ относился Разинъ. Ко 2-й изъ нихъ маленькія разнорѣчія у г. Костомарова.

Слѣдующая г. Костомарова, Былина о переходѣ на Волгу, не имѣетъ при себѣ имени Разина и относится вообще ко всѣмъ прочимъ Козацкимъ.

Былина, отнесенная г. Костомаровымъ къ возвращенію Разина изъ Персіи на Волгу, опять не всегда имѣетъ при себѣ имя сего послѣдняго, напротивъ ставитъ старше имя Ермака, отсюда ведетъ его на помощь Грозному Царю подъ Казань, а также вставляетъ всевозможныя козацкія имена. Нѣсколько образцовъ ея уже напечатано нами въ выпускѣ 6-мъ, стр. 23—35, потомъ 36 и 39. Впрочемъ мы прибавимъ здѣсь разнорѣчіе Костомаровское (въ Сборн. пѣс. Самарскаго края, 1862 года, приведенъ вариантъ одинаковый съ нашимъ въ 6-мъ вып. стр. 29, № 4, съ именемъ *Ивана Тимошеева*):

Стенька Разинъ.

Переходъ на Волгу.

1.

Какъ далеченько—далеченько во чистомъ полѣ,
 Да еще какъ подалѣй на синемъ морѣ,
 Какъ на синемъ морѣ было на Хвалынскомъ,
 Что на славномъ было островѣ на Персидскомъ,
 5. Собирались музуры *), добры молодцы.
 Они думушку гадали всѣ великую,
 Думу крѣпкую гадали за единую:
 «Вотъ кому изъ насъ, ребятушки, атаманомъ быть,
 «Да кому изъ насъ, ребятушки, есауломъ слыть?

*) См. вып. 6-й.

10. «Атаманомъ быть Степану Тимоѣевичу,
«Есауломъ быть Василью Никитичу.»»
Атаманъ рѣчь возговоритъ, какъ въ трубу трубить,
Есауль—то рѣчь возговоритъ, какъ въ свирѣль играть:
«Не пора ли намъ, ребята, со снѣга моря,
15. «Что на матушку на Волгу на быстру рѣчку?»»

*

Гораздо дѣйствительнѣе выводъ г. Костомарова, что извѣстная Былина о Соколѣ кораблѣ, а на немъ о Разинѣ съ Ильѣю Муромцемъ (она напечатана у насъ по нѣсколькимъ разнорѣчьямъ въ вып. 1-мъ, 1-го и 2-го изд., стр. 22, 23, № 7), имѣеть очевидное отношеніе къ исторіи Разина, ибо, извѣстно, корабль его носилъ имя Сокола, а врагами являются Восточные народы (противъ Разина Персіяне). Вариантъ, который при семъ приводитъ г. Костомаровъ, есть тотъ самый, что напечатанъ въ «Лѣтопис. Р. Литер. и др.» изъ сборник. гг. Костомар. и Мордовц., подъ № 1-мъ, и уже помянуть нами выше, въ Приложеніяхъ стр. 9. Къ сожалѣнію только, во всѣхъ образцахъ сей Былины врагами Сокола являются «Татары съ *Калмыками*,»—такъ и по сборнику г. Костомарова въ «Лѣтопис.»: а въ монографіи о бунтѣ Стеньки Разина совершенно неожиданно явились вмѣсто того «Татары съ *Персіянами*.» Признавая всѣ права за симъ вариантомъ, подходящимъ къ исторіи Разина, мы въ замѣнъ того имѣемъ право прибавить, что въ лучшихъ, очевидно старшихъ, образцахъ, вмѣсто Разина стоитъ Святогоръ и Полканъ, что главная роль во всей Былинѣ отдана Ильѣ, а не Разину, что, независимо отъ Разина, есть особые преданія о подвигахъ Ильи на Соколѣ, а на Соколѣ же является и другая, древнѣйшая героиня, Настасья Никулична (см. Приложенія къ нашему 1-му вып. стр. 34 и во II-й части собр. Рыбникова стр. 317, 318, № 61). О ошибкѣ же Сокола съ Орломъ см. ниже.

Присутствіе Настасья Никуличны на Соколѣ кораблѣ могло бы послужить для монографовъ выгоднымъ поводомъ къ объясненію, что здѣсь разумѣется Персіянка, извѣстная любовница Разина, имѣ послѣ убитая. И вѣроятно изслѣдователямъ неизвѣстно, что у насъ есть цѣлая куча, конечно Безъимянныхъ и позднѣйшихъ, Былинъ, гдѣ именно, въ плаваніи, при атаманѣ выставляется дѣвушка любовница, которая то горюетъ, то кается въ разбояхъ, то пророчить другу своему спасеніе отъ бѣды, то сама спасаетъ его, или же, наконецъ, варварски убита имъ. Не отрицаемъ, что сюда вѣроятно проникли нѣкоторыя черты изъ судебъ Разина: но, зная, что это все обычно бывало и у другихъ козаковъ, особенно атамановъ, и притомъ не имѣя нигдѣ прямого имени *Разина*, мы всѣ такіе образцы отлагаемъ до будущаго, къ Безъимяннымъ.

Въ теченіе всѣхъ переходовъ Разина, съ Волги къ Персіи и оттуда обратно, извѣстны разныя затруднительныя стоянки его на островахъ и даже зимовка. Къ ней конечно эпохѣ относится Былина, неизвѣстная г. Костомарову:

Стоянка Разина.

1.

Тихохонько сине море становилося,
Ничѣмъ наше Каспійское не шевельнулося,
Что осеннимъ ледочкомъ покрывалося:
Замерзъ—то нашъ воровской стружокъ.

5. Что на томъ ли на стружкѣ атаманъ сидитъ,
Что по имени Степанъ Тимошеевичъ,
По прозванью Стенька Разинъ сынъ.
Онъ рѣчь говоритъ, братцы, какъ въ трубу трубить:
«Ахъ вы гой еси, удалы—добры молодцы!
10. «Вы берите еловчатя *) веселечки,
«Вы бейте—пробивайте тонкой осенней лѣдъ:
«Ахъ, какъ бы намъ добиться до тихихъ мѣстъ,

*) Испорчено вм. яровчатя, яворчатя, изъ явора (обычное прозвище гусей.)

- «Что до той ли до проточинки Червоцкая,
 «Что до славнаго до острова Кавалерскаго!
 15. «Ахъ, тамъ ли вамъ, братцы, дуванъ *) дѣлать,
 «Намъ отласу и бархату по размѣру всѣмъ,
 «Золотой парчи по достоинствамъ,
 «Жемчугу по молодечествамъ,
 «А золотой казны сколько надобно.»

(Ср. Новиковскій песенникъ, ч. III).

*

Первоначальныя отношенія Разина къ Астрахани и искушенія или опасности, коимъ онъ подвергался съ сей стороны, прекрасно изображены въ Былинѣ, которую приводитъ г. Костомаровъ:

Искушеніе и опасность Разину въ Астрахани.

1.

- Ужь вы горы мои, горы!
 Прикажете-ка, вы, горы,
 Подъ собой намъ постояти:
 Намъ не годъ-то годовати,
 5. Не недѣлюшку стояти,
 Одну ночьку ночевати,
 И тою намъ всю не спати,
 Легки ружья зарядати,
 Чтобы Астрахань намъ городъ
 10. Во глуху полночь проѣхать,
 Чтобы цыкто насъ не увидѣлъ,
 Чтобы никто насъ не услышалъ.

*) Половъ, добычу.

Какъ увидѣлъ и услышалъ
Астраханскій воевода.

18. Приказалъ же воевода
Сорокъ пушекъ заряжати,
Въ Стеньку Разина стрѣляти:
«Ваши пушки меня *) не возьмутъ,
«Легки ружьица не прѣймутъ;
20. «Ужь какъ возьметъ ли, не возьметъ,
«Астраханска дѣвка Маша.»

По бережку Маша ходитъ,
Шелковѣвымъ платкомъ машеть;
Шелковѣвымъ платкомъ махала,

25. Стеньку Разина прельщала:
Стеньку Разина прельстила,
Къ себѣ въ гости заманила,
За убранъ столъ посадила,
Пивомъ—медомъ угостила
30. И до пьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству объявила.

Какъ пришли къ нему солдаты,
Солдатушки молодые,

35. Что сковали руки—ноги
Желѣзными кандалами,
Посадили же да Стеньку
Во желѣзную во клѣтку:
Три дни по Астрахани возили,
40. Три дни съ голоду морили.
Попросилъ же у нихъ Стенька
Хоть стаканъ воды напиться
И во клѣткѣ окатиться:

*) Судя по складу, въ пѣсни должно стоять «насъ», и это совершенно согласуется со всею пѣсней, очевидно пѣтою отъ лица козаковъ.

Онъ во клѣткѣ окатился—
45. И на Волгѣ очутился.

*

Начало сей Былины сходно съ помѣщенной у насъ выше на стр. 33, 34, подъ № 3: она кончается именно тѣмъ, что Астраханскій воевода узналъ подступившаго Разина.

Но съ нею тѣсно связана другая, гдѣ изображается судьба подосланнаго Разинымъ въ Астрахань передоваго человѣка, агента или шпіона, какъ полагаютъ историки, *сыма*,—какъ единогласно увѣряютъ народныя Былины. Если въ самомъ дѣлѣ у Разина не было такого сына, то онъ могъ явиться въ Былинахъ, полагаемъ, вслѣдствіе частаго повторенія одного и того же выраженія—«Стенька Разинъ *сымъ*,» «Стеньки Разина *сыма*,» откуда не трудно было уже сдѣлаться «сыну Стеньки Разина.» Первая Былина, которую о немъ приводитъ г. Костомаровъ, одинакова съ нашею, помѣщенной выше подъ № 4-мъ на стр. 34—40, по многимъ вариантамъ; развѣ только остается замѣтить отличія: «Да во нанковомъ халатѣ на распашечку;» «Астраханскимъ купчишкамъ (!) онъ не кланяется, Господамъ ли да боярамъ онъ челомъ не бьетъ;» «Увидалъ же воевода со параднаго крыльца, Приказалъ же воевода къ себѣ его привести;» «Вы подите, поймайте;» «Поимали, соковали удалова молодца, Привели ко воеводѣ незнамова на глаза (!);» «Ужь и чей такой дѣтинка, чей удалой молодець? Ты какого поведенья (!), чьего матери-отца?»—Къ тому же самому, на первую половину приведенной у насъ Былины, помѣщенъ весьма близкій вариантъ у Рыбникова въ Ч. III, стр. 273, № 49.—Вторая половина нашей Былины, начинающаяся со стиха 20-го (стр. 38), представляетъ сборы Разина въ Астрахань, какъ послѣдствіе задержки сына и желаніе отмстить воеводѣ. Эта половина отдѣлена у г. Костомарова какъ особая Былина и мы приведемъ ее какъ разнорѣчіе къ нашей:

Сборы Разина въ Астрахань.

1.

Какъ по матушкѣ по Волгѣ легка лодочка плыветь,
 Какъ во лодочкѣ гребцовъ ровно тридцать молодцовъ,
 Посередѣ лодки сидитъ Стенька Разинъ самъ *)).

Какъ возговорить онъ, Стенька, ко товарищамъ своимъ:

- б. «Ужь и что-й-то это, братцы, мнѣ тошнымъ тошнѣ,
 «Мнѣ сегодняшній денечекъ да грустнехонько?
 «Какъ и знать-то мой сынокъ во неволюшку попалъ!
 «Ужь я въ Астрахань зайду,—выжгу-вырублю,
 «Астраханскаго воеводу я подь судъ возьму.»

(Стихъ двойнаго смысла: можетъ быть думикъ и на двѣ половинки, впрочемъ вторая половина несколько меньше и отдѣляется какъ припевъ. Этотъ смыслъ—самый употребительный въ Былинахъ о Разинѣ).

Другая Былина того же содержанія, приведенная у г. Костомарова, весьма испорченная, представляетъ сбивчивое смѣшеніе той же исторіи Разина сына съ судьбою прочихъ козаковъ, проникавшихъ въ Астрахань:

Сынъ Разина. Попытки проникнуть въ Астрахань.

1.

Изъ славнаго изъ устьяца сина моря,
 Тутъ плыветь-выплываетъ нова выкладна **) ,
 Хорошо кладна **) изукрашена.

Она плыветь-подплываетъ къ Астрахани,

- б. Къ тому ли царству Астраханскому.
 Добры молодцы въ городѣ во Астрахани

*) Стихъ дурень.

**) Расшива, верховое судно.

Погудали, поцарствовали,
Попили-поѣли, на отвалъ пошли.

- Увидали молодцы воеводу изъ окна *)
 10. Закричалъ воевода громкимъ голосомъ:
 «Заловите, поймайте добрыхъ молодцовъ!»
 «Добрый молодецъ **) противности не чинилъ,
 Во дворецъ самъ подскочилъ.
 Стать воевода его спрашивать:
 15. «Ты скажи, скажи, добрый молодецъ,
 «Не утай самъ себя.»
 —Я самъ тебѣ расскажу, всею правду объявлю:
 —Я со Камы со рѣки, Стеньки Разина сынъ.
 —Завтра хотѣлъ къ тебѣ батюшка въ гости побывать;
 20 —Чѣмъ будешь батюшку потчивать?—
 «Я пивушка не кушаю, винца въ ротъ не беру;
 «Есть у меня наготовлены сухари,
 «Они въ Москвѣ крошены, въ Казани сушены:
 «То я встрѣчу его, буду потчивать.»
 25. Испугался добрый молодецъ,
 Отъ него прочь бѣжалъ.

- И подбѣгаетъ къ своей выкладной,
 Закричалъ громкимъ голосомъ:
 —Охъ братцы мои, товарищи!
 30. —Пригряньте ко мнѣ выкладну,
 —Не оставьте меня при бѣдности:
 —На насъ воевода осердился ***).—
 Добры молодцы ужаснулись,
 Заторопились, отгрянули ко крутому берегу ****).

(къ сожалѣнію не замѣчено, гдѣ и изъ какого источника взята или записана сія Былина).

*

*) Конечно на оборотъ: воевода увидалъ молодцовъ.

**) Крутой поворотъ отъ молодцовъ къ молодцу.

***) Хотя бы «прогнѣвался?» Былина замѣтно сложена изъ двухъ частей: одна о козакахъ вообще, въ другую хотѣли прилѣпить Разина, самого или сына.

****) Эти два послѣднихъ стиха вовсе не народны и нигуда не годятся.

Наконецъ помянутое отношеніе любовницы къ атаману изложено въ формѣ особой Былины, напечатанной у насъ выше на стр. 42, 43, гдѣ опять выведенъ «Сынъ Стеньки Разина.»

Теперь, прежде чѣмъ перейдемъ къ Астраханской катастрофѣ, упомянемъ еще одинъ эпизодъ. Извѣстно, что Разинъ, вздвигшій на *Соколъ*, сжегъ *Орла*, старшее наше судно: сопоставленіе само по себѣ разительное и вызывающее поэтическіе образы. Съ другой стороны, можетъ быть не безъ вліянія сего случая, существуютъ преданія о плаваніи Ильи Муромца на *Соколъ* и также шибкѣ съ *Орломъ*, отъ коего на силу ушли (см. конецъ нашего 1-го выпуска). Именно все это конечно и возбудило И. П. Сахарова, вообще склоннаго къ передѣлкѣ пѣсень по разнымъ тенденціямъ, составить и помѣстить въ «Сказаніяхъ» слѣдующую драматическую сцену:

Соколъ и Орелъ.

(№ первый и послѣдній).

- Дотолѣва ¹⁾ про окіанъ море не слыхано,
 А нынѣ на окіанъ море собираются ²⁾:
 Сбирался на окіанъ море Новоторженинъ ³⁾,
 Убиралъ ⁴⁾ онъ тридцать кораблей безъ сдинаго ⁵⁾.
 5. Украшалъ себѣ Соколъ корабль:
 Ужь онъ деревцы ⁶⁾ становилъ кипарисовы,
 Снасточки, бичевочки ⁷⁾ шелковья,

¹⁾ Якобы народное: по смыслу нужно «доселѣва.» — ²⁾ Сочинитель предполагалъ, что это не проза, а народная поэзія. — ³⁾ Взятъ изъ Новгородскихъ Былинъ, потому что управлялъ кораблемъ Буслаева: но зачѣмъ попалъ на Каспійское море, неизвѣстно. — ⁴⁾ По народному «снаряжалъ.» — ⁵⁾ Это въ пѣсняхъ употребляется потому, что тридцатый обыкновенно—самого героя или хозяина: а здѣсь всего 29. — ⁶⁾ Какіе это Божьи «деревцы» и за чѣмъ? — ⁷⁾ Бичевокъ шелковыхъ не слыхано.

- О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Бѣлыхъ, полотняныхъ ¹⁾.
10. Онъ на корму сажалъ Илью Муромца,
На носу Стеньку Разина ²⁾.
Отваливали они Соколъ корабль
Отъ бережку отъ крутаго,
Отъ песочку сыпучаго,
15. Отъ камышку ³⁾ зеленаго.
Плыли они по синю морю,
И несчастьице случилось ⁴⁾:
Билъ ихъ Соколъ корабль
Сизой Орель ⁵⁾, и отъ духу его
20. Соколъ корабль чуть не залился ⁶⁾.
Стенька Разинъ возговорить:
«Ужь ты общий ⁷⁾ большой братъ,
«Илья Муромецъ!
«Ты подай-ко мнѣ лукъ ⁸⁾
25. «Во пятнадцать пудъ.»
Натягивалъ Степанушка
Свой тугой лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу,
Убивалъ сиза Орла
30. Во право крыло, въ ретиво сердце ⁹⁾.

Это такая мастерская Былина, что ее не помѣстилъ при своемъ изслѣдованіи даже г. Костомаровъ.

*

¹⁾ Изъ пѣсни: «Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ.» — ²⁾ Молодецъ Новотѣрженскій, купеческій сынъ, является хозяиномъ надъ Ильєю и Разиннымъ, какъ мальчиками. — ³⁾ Это по народному значить то же, что *камышку* сочинитель вѣроятно хотѣлъ выразить *камышъ*, *камышникъ*, *камышничекъ*. — ⁴⁾ Обычное по ловкости выраженіе въ словарѣ г. Сахарова. — ⁵⁾ У народа это значило бы — безъ смысла, или что пловцовъ билъ собою корабль Соколъ, онъ же Орель; у Сахарова это значить, что ихній корабль Соколъ былъ бить Орломъ. — ⁶⁾ Отъ чьего-то *духу* чуть не захлебнулся: у сочинителя предъ взоромъ носится образъ парящаго державнаго орла. — ⁷⁾ Илья почему-то сдѣлался *общимъ* (*gemein*) и посаженъ; чтобъ подать лукъ Стенькѣ. — ⁸⁾ Въ эпоху Стеньки стрѣляютъ изъ лука. — ⁹⁾ Выходитъ сердце подъ *правымъ* крыломъ.

Астраханское дѣло Разина и убіеніе Прозоровскаго, съ замѣчательными подробностями о *раскатъ* и судьбѣ *дѣтей*, изображено въ слѣдующей Былинѣ, къ сожалѣнію неизвѣстной г. Костомарову и примыкающей, какъ заключеніе, къ помѣщеннымъ нами выше:

Вуйство въ Астрахани.

Убить Прозоровскій.

1.

Что да на матушкѣ на Волгѣ не чернымъ да зачернѣлось.
Не чернымъ да зачернѣлось, не бѣлымъ да забѣлѣлось,
Зачернѣлися на Волгѣ Черноярскіе стружечки,
Забѣлѣлися на мачтахъ тонкіе-бѣлые парусочки.

5. Что не черной воронъ гаркнулъ, что возговорить Стенька
Разинъ:

«Охъ вы гой еси, козачье наше вольное собранье!
«Вы гребите не робѣйте, бѣлыхъ ручекъ не жалѣйте,
«Намъ бы Астрахань городъ ополноче бы пробѣжати,
«Черноярской городочикъ что на утренней на зорѣ,

10. «Чтобъ никто насъ не увидѣлъ и никто бы не услышалъ.»

Какъ одинъ, братцы, увидѣлъ и одинъ, братцы, услышалъ,
Господинъ большой бояринъ, Черноярской Воевода:
Шолъ отъ рання отъ обѣдни, велѣлъ въ колоколъ звонити,
Велѣлъ въ колоколъ звонити во большой во набатной,

15. Чтобъ стрѣльцы да собирались, пушкарни бы снаряжались,
Они пушки бы заряжали и по Стенькѣ бы стрѣляли.

Што возговорить Стенька Разинъ городскому да Воеводѣ:
—И вы пороху не теряйте и снарядовъ не ломайте,
—Меня пулечка не тронетъ, меня ядрышко не возметъ.—

20. Что метался Стенька Разинъ на угольную на башню,
Со великова раскату Воеводу долой збросилъ,
Ево маленькихъ дѣтокъ онъ всѣхъ за ноги повѣсилъ.

(Старшій пѣснопѣвецъ Трутовскаго, ч. III: въ другихъ эта Былина не повторалась).

*

Вмѣсто Астрахани поставленъ здѣсь Черный Яръ конечно потому, что и онъ игралъ во всемъ тогдашнемъ дѣлѣ важную роль. Вообще, какъ извѣстно, по всемъ сосѣднимъ мѣстностямъ, крупныхъ жертвъ падало не мало, то обещенныхъ, то мученныхъ, Унковскій, Тургеневъ, Семенъ Беклемишевъ, Семенъ Львовъ, и т. д. Вотъ почему, какъ, выше мы видѣли, черты Разинскихъ дѣлъ связались съ исторіей Карамышева, такъ сюда же примыкають и другія убійства, помянутыя Былинами, хотя бы имена, въ нихъ вставленные, были изъ другихъ эпохъ, или обстоятельства были только *похожи* на Разинскія.

Чтобъ не возвращаться послѣ для сравненій, мы кстати приведемъ здѣсь сіи Былины:

Убить Астраханскій Воевода (Губернаторъ).

1.

- Что пониже было города Саратова,
 А повыше было города Царицына,
 Протекала рѣка матушка Камышенка,
 Что вела-то за собою берега круты,
 5. Круты-красны берега, луга зеленые,
 Она устьицею впадала въ Волгу матушку.
 Какъ по той ли рѣкѣ матушкѣ Камышенкѣ
 Выплывають ли стружечки есаульскіе.
 На стружечкахъ тѣхъ сидятъ гребцы бурлацкіе:
 10. Все бурлаки, все молодчики Заволжскіе.
 Хорошо всѣ удалыцы были наряжены:
 На нихъ шапочки собольи, верхи бархатны;
 На камкѣ *) у нихъ кафтаны однорядочны;

*) «Изъ камки» или «на плечахъ.»

- Канаватные *) бешметы въ нитку строчены;
15. Галуномъ рубашки шелковы обложены;
Сапоги на всѣхъ на молодцахъ сафьяновы;
Они веслами гребли да пѣли пѣсенки.
Къ островочку среди Волги становилися:
Они ждали—поджидали Губернатора,
20. Губернатора ли ждали Астраханскаго.
Какъ возгворять бурлаки тутъ удалые:
«Еще что то на водѣ у насъ бѣлѣется?
«Забѣлѣлися тутъ флаги губернаторски:
«Кого ждали—поджидали, того лядъ **) несеть.»»
25. Астраханскій Губернаторъ догадался тутъ:
—Ой вы гой еси, бурлаки, люди вольные!
—Вы берите золотой казны, что надобно,
—Вы берите цвѣтно платье губернаторско,
—Вы берите всѣ диковинки заморскія,
30. —Вы берите всѣ вещицы Астраханскія.—
Какъ возговорять удалы люди, вольные:
«Какъ твоя не дорога намъ золота казна;
«Намъ не дорого ни платье губернаторско;
«Намъ не дороги диковинки заморскія;
35. «Намъ не дороги вещицы Астраханскія:
«Дорога намъ твоя буйная головушка.»»
Буйну голову срубили съ Губернатора,
Они бросили головку въ Волгу матушку;
Сами молодцы ему тутъ насмѣхалися:
40. «Ты добръ, вѣдь, Губернаторъ, къ намъ строгонекъ былъ,
«Ты, вѣдь, билъ насъ, ты губилъ насъ, въ ссылку ссылавалъ,
«На воротахъ женъ, дѣтей нашихъ разстрѣливалъ!»»

(Обстоятельства напечатано, съ напѣвомъ, у Кашина, ч. II. изд. I-е 1834 г.; пере-
печатано Бернадомъ и другими).

*

*) Старая узорочная ткань: *καλωφός*, *саппавис*, наше конопъ, конопель (а не шелковая, какъ въ Словарѣ В. Н. Даля).

**) Пустой, кромѣшный (то же, что «чортъ», но по употребленію нѣсколько мягче). «Лядъ его возьми,»—то же, что «пусто ему!»

Эту-то Былинну, не допечатавъ конца, какъ помянуто выше, привелъ г. Костомаровъ о первомъ переходѣ Разина на Волгу: конецъ ея показываетъ другое, прямое примѣненіе къ Астраханскому дѣлу.

Такова же и слѣдующая:

2.

(Кирша Даниловъ).

- Промежь было Казанью, промежь Астраханью,
 А пониже города Саратова,
 А повыше было города Царицына,
 Изъ тоя ли было нагорной сторонушки,
 5. Какъ бы прошла—протекла Камышевка рѣка,
 Своимъ устьемъ она впала въ матушку Волгу рѣку.
 А по славной было матушкѣ Камышевкѣ рѣкѣ
 Выгребали—выплывали пятьдесятъ легкихъ струговъ,
 (Пятьдесятъ легкихъ струговъ) воровскихъ козаковъ;
 10. А на всякомъ стружечку по пятьдесятъ *) гребцовъ,
 По пятьдесятъ гребцовъ, воровскихъ козаковъ.
 Заплывали—загребали въ Коловинскіе острова,
 Становились молодцы во тихихъ заводяхъ,
 Выгулять **) они на зеленые луга.
 15. Разставили майданы ***) Терскіе,
 И раздернули ковры Сорочинскіе;
 А играли козаки золотыми они тавлеями,
 Кто, де, костью, кто, де, картами, всѣ удалы молодцы.
- Посмотрятъ молодцы внизъ по Волгѣ рѣкѣ,—
 20. Какъ бы чернь—то на Волгѣ зачернѣется,

*) Стихъ требуетъ: «по пятьдесятъ.»—Передъ сямъ «стружечку:» конечно опечатка.

**) Выходили, вышли гуляты вѣроятно опечатка.

***) Сборныя палатки, крытыя площадки (собственно майданъ—наше «поле»).

- А идуть гребные изъ Астрахани.
 Дожидались козаки, удалые молодцы,
 Губернатора изъ Астрахани Репнина,
 Князя Данилу Александровича:
25. А на что душа рождена, того Богъ и далъ.
 Подошли тѣ гребные въ Коловинскіе острова,
 И бросали козаки они потѣхи всѣ,
 И бросалися во свои легоньки стружки,
 Напущались козаки на гребные струги,
30. Они всѣ *) тудо торговыхъ перешупали,
 Они спрашиваютъ Губернатора изъ Астрахани:
 «А то коли онъ съ вами, покажите его намъ,
 «А до васъ до купцовъ, удалыхъ молодцовъ, и дѣла нѣтъ.»
 Потапли купцы Губернатора,
35. У себя они спрятывали подъ товары подъ своимъ.
 Говорили молодцы, воровскіе козаки:
 «А вы сами себѣ враги, за что его спрятывали!»
 Обыскали подъ товарами Губернатора,
 Репнина князя Данилу Александровича:
40. Изрубили его во части мелкія,
 Разбросали по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;
 А его-то госпожу, губернаторску жену,
 И со малыми дѣтушками,
 Они всѣ *) молодцы, воровскіе козаки, помиловали;
45. А купцовъ-молодцовъ ограбили,
 Насыпали червонцами легки свои струги,
 Пошли по Камышевкѣ рѣкѣ.

(Ср. Др. Росс. Стихотвор.).

* *

Путь Разина къ Симбирску изображенъ у г. Костомарова
 отрывкомъ той же Былины, которая напечатана у насъ по нѣ-

*) Въскъ?

сколькимъ образцамъ въ 6-мъ выпускѣ (стр. 25—35 и далѣе), относится по старшимъ образцамъ къ помощи Грозному подѣ Казанью и действительно кончается, какъ и у г. Костомарова, Казанью. Не споримъ, что въ ней могутъ быть и черты Разинскія, какъ мы уже и говорили объ ней выше: но по крайности въ приведенномъ у г. Костомарова и въ сродныхъ, у насъ напечатанныхъ, образцахъ, говорится, что Астрахань «пройдутъ мимо» и притомъ тихонько, а это уже не было нужно послѣ завладѣнія Астраханью, и самъ г. Костомаровъ вынужденъ замѣтить здѣсь анахронизмы.

По мѣрѣ распространѣнія шаекъ и сообщниковъ Разина, у нихъ должны были непременно сложиться свои, Круговыя или Хоровыя пѣсни, объ ихъ собственныхъ выгодахъ или подвигахъ, помимо Разина, имя коего только вставлялось для цвѣту и являлось на второмъ планѣ. Вообще у вольницы, козаковъ, это обычай, и конечно многія изъ помянутыхъ Былинъ сего же происхожденія, такъ что черты самого Разина попадали въ нихъ только вставкою. Такова Былина, или, лучше, помянутая Пѣсня Круговая, средоточіе которой составляетъ «построеніе церкви,» обстоятельство, именно въ Черкасскѣ, не безызвѣстное изъ исторіи Разина. У г. Костомарова напечатанъ прекрасный образецъ того:

Пѣсня Разинцевъ.

1.

(Не извѣстно, гдѣ записана).

Ахъ туманы вы мои, туманушки,
 Вы туманы мои непроглядные,
 Какъ печаль—тоска ненавистные!
 Не подыаться вамъ, туманушки, со синя моря долой,

5. Не отстать тебѣ, кручинушка, отъ ретива сердца прочь *)
 Ты возмой, возмой, туча грозная,
 Ты пролей, пролей, часть—крупенъ дождикъ,
 Ты размой, размой земляну тюрьму,
 Чтобъ тюремнички, братцы, разбѣжались,
10. Во темномъ бы лѣсу собиралися.
 Во дубравушкѣ во зелененькой **)
 Ночевали тутъ добры молодцы,
 Подъ березонькой они становилися,
 На восходъ Богу молилися,
15. Красну солнышку поклонилися:
 «Ты взойди; взойди, красно солнышко,
 «Надъ горой взойди надъ высокою,
 «Надъ дубравушкой надъ зеленою,
 «Надъ урочищемъ добра молодца,
20. «Что Степана свѣтъ Тимошеевича,
 «По прозванью Стеньки Разина ***).
 «Ты взойди, взойди, красно солнышко,
 «Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныхъ,
 «Добрыхъ молодцевъ, людей бѣглыхъ:
25. «Мы не воры, не разбойнички,
 «Стеньки Разина мы работнички,
 «Есауловы все помощнички.
 «Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
 «Кистенемъ махнемъ—корованъ собьемъ,
30. «Мы рукой ****) махнемъ—дѣвицу возьмемъ.»»

*

Покойный М. А. Стаховичъ записалъ эту пѣсню не мудрствуя; она отличается необычайно широкимъ, характеристическимъ напѣвомъ; вотъ она:

*) Последніе три стиха не считаемъ мы принадлежностью сей пѣсни: потому, что 1) они черезъ чуръ элегичны; 2) подлаживаются къ сочиненной пѣснѣ „Ужъ какъ палъ туманъ;“ 3) последніе два стиха не согласуются ни со смысломъ, ни съ известнымъ напѣвомъ пѣсни; 4) вносятъ необычное удареніе „отъ ретива“ и т. п. — **) Эти сосѣдніе два стиха не ладятся и усиленно сопоставлены. — ***) Отсюда-то и начинается за снмъ собственно пѣсня, на сколько мы знаемъ ея подлинность. — ****) Вымышлено и прозаично.

Г. Костомаровъ приводитъ пѣсню, которую, говорить, по преданію, Стенька сложилъ сидя въ темницѣ «Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ» и т. д. Но это только отрывокъ, и въ семь видѣ онъ извѣстенъ изстари до новѣйшаго времени въ устахъ всѣхъ Козаковъ и Безъимянныхъ Молодцевъ. Ежели здѣсь и стоитъ въ концѣ имя Разина, то это *прибавлено* къ общей пѣснѣ, или же Разинъ примѣнилъ къ себѣ опять эту *общую* пѣсню. По образцамъ болѣе достовернымъ, изъ губерній Пермской, Симбирской, Калужской, и другихъ, ближайшихъ къ поприщу дѣйствій Разина, пѣсней его собственно нужно считать ту, которая напечатана у насъ выше на стр. 40, 41, подъ № 5-мъ, и начинается словами «Вы лѣса ли мои, лѣсочки.» Въ ней, напротивъ, и естественно, Разинъ выставляется еще «не пойманнымъ,» на волѣ, и оплакиваетъ гибель своихъ товарищей, своего всего дѣла. Тогда-то конечно онъ и сложилъ ее, при отчаянномъ исходѣ подвиговъ, но во всякомъ случаѣ до тюрьмы и заключенія, ибо иначе кто же въ тюрьмѣ, за грозными сторожами, подслушалъ бы, запомнилъ и распространилъ пѣсню? Изображая конецъ всего дѣла, Разинъ могъ пѣть о себѣ и въ третьемъ лицѣ. Вотъ еще разнорѣчія сей пѣсни:

Пѣсня Разина.

Гибель его товарищей и его самого.

1.

(Симбирск. губ.).

Не рябинушка со березенькой совивается,
 А не травенька съ травенькой соплетается:
 Какъ не мы ли, добрые молодцы, совыкалися.
 Какъ лѣса ли мои, лѣсочки, лѣса темные,
 5. Вы куста ли мои, кусточки, кустики таловые *)

*) Изъ таволги.

Вы станы ли мои, станочки, вы станы мои Теплые!
 И еще ли вы, мои лѣсочки, всѣ порубленные,
 Всѣ куста мои, кусточки, всѣ поломанные,
 Всѣ дружья мои, братцы-товарищи, переловленные,
 По разнымъ тюрьмамъ всѣ посаженые:
 Оставался одинъ товарищъ, Стенька Разинъ сынъ.

*

2.

(Оттуда же).

Вы лѣса наши, лѣсочки, лѣса наши темные,
 Вы кусты ли наши, кусточки, кусты наши великіе *),
 Вы станы ли наши, станочки, станы наши Теплые,
 Вы дружья ли наши, братцы-товарищи!
 Лѣса наши всѣ порублены,
 А куста наши всѣ поломаны,
 Всѣ станы наши разорены,
 Всѣ дружья наши товарищи переловлены,
 Во крѣпкія тюрьмы наши товарищи посажены,
 Рѣзвы ихъ ноженьки въ кандалахъ заклепаны,
 У воротъ-то стоятъ грозные сторожи,
 Грозные сторожи, бравые солдатушки:
 Ни куды-то намъ **), добрымъ молодцамъ, ни ходу, ни вы-
 пуску,
 Ни ходу, ни выпуску изъ крѣпкой тюрьмы.

(Запис. П. В. Шейномъ; ср. „Чтенія“ 1859 г.).

*

Такимъ образомъ необходимо раздѣлить слѣдующее: 1) Пѣсню
 самого Разина; 2) ту же пѣсню, гдѣ говорятъ онъ о себѣ въ
 третьемъ лицѣ; 3) ту же пѣсню, когда она пѣлась уже его,
 оставшимися, товарищами и послѣдователями, и конечно уже

*) Тутъ, вѣроятно, опечатка.

**) Здѣсь уже очевидно пѣсня *Разина* пѣта оставшимися въ живыхъ его
 товарищамъ и послѣдователями.

отъ лица ихъ, а объ Разинѣ въ третьемъ лицѣ; наконецъ 4), когда уже казнь и смерть совершилась, а дѣло стало прошлымъ, наступила возможность сложить изъ пѣсни и разказа, или лучше изъ всего теченія событій, цѣлую Былину, подобно какъ, мы видѣли, Плачь *самой* Ксеніи, сложенный и пѣтый сначала ею самою, обращенъ послѣ нея въ Былину, съ разказомъ о судьбѣ героини. Въ этомъ отношеніи крайне замѣчательна Былина, напечатанная нами во II-й части собранія П. Н. Рыбникова, стр. 239, 240, № 41, записанная въ Пермской губерніи. Она только одна, изъ сего разряда, и заслуживаетъ имя *Былины* въ собственномъ смыслѣ, а не простой Пѣсни, ибо послѣдовательно передаетъ теченіе *событій*, а вмѣстѣ вскрываетъ передъ нами способъ, какъ слагаются въ народѣ произведенія сего рода. Нужды нѣтъ, что тутъ, какъ и въ собраніи Кирѣевскаго, въ напечатанномъ выше образцѣ, черты нѣсколько разукрашены, вставленъ *Дунай* и т. п.: дѣло само очень ясно.

Былина начинается именно 1) Пѣснейю Разина; 2) потомъ разсказывается о подвигахъ Разина, отъ лица его самого; 3) далѣе его Завѣщаніе; приведенное, какъ говорили мы выше, г. Костомаровымъ; 4) за тѣмъ Плачь товарищей надъ могилою и погребеніе; наконецъ 5) ихъ распрощанье между собою и рѣшеніе разойтись. Впрочемъ мы обязаны цѣликомъ привести здѣсь этотъ замѣчательный образецъ:

3.

(Пермск. губ., Екатеринбург. уѣзда).

Вы лѣса ль мои, лѣсочки, лѣса темные,
 Вы станы ль мои, станочки, станы Теплые!
 Ужь какъ вы ль, мои станочки, поразломлены,
 Всѣ товарищи, всѣ пріятели поразловлены,
 5. По злодѣйкамъ по тюрьмамъ поразсожены.
 Только я то ли, добрый молодець, не пойманъ былъ,
 По прозваніицу меня звали Стенька Разинъ сынъ.

- Я не годъ гуляль, я не два года,
Я гуляль-то ровно тридцать лѣтъ.
10. Какъ поимель-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-рѣкѣ;
У Дунай-рѣки перевозъ кричалъ:
«Перевезите-ка меня, добра молодца,
«На ту сторону, на бѣлый камешекъ!»
15. На бѣломъ камешкѣ сталь скончатися,
При кончинушкѣ сталь наказывать,
Сталь наказывать и выговаривать:
«Ахъ вы милые сотоварищи!
«Похороните меня, добра молодца,
20. «Промежду трехъ дорогъ, первой [Питерской],
«Другой Владимірской, третьей Кіевской.
«Вовъ правую ручку дайте саблю вострую,
«Вовъ лѣвую ручку калену стрѣлу,
«Въ головахъ поставьте чудень-дивень крестъ,
25. «Вовъ ногахъ поставьте ворона коня.
«Кто ни идетъ, кто ни ѣдетъ мимо молодца,
«Мимо молодца, всякъ помолится:
«—Что не воръ ли лежитъ тутъ, не разбойничекъ,
«—Тутъ лежитъ-то Стенька Разинъ сынъ!—
30. Приходили тутъ сотоварищи,
— Помоллися на чудень-дивень крестъ,
Тому-то братцы сдивовалися,
Стенькѣ Разину поклонялися:
—Ужь ты выстынь-ка, сотоварищъ нашъ,
35. —Ты возьми-ка въ руки саблю вострую,
—Вовъ лѣву руку калену стрѣлу,
—Ты ударь-ка буйной палицей
—По бедрамъ нашимъ широкимъ *)!
—Кабы знали мы ужъ вѣдали,
40. —Выручили бы съ бѣла камня,

*) За то, что не спожватились и не выручили Стеньки Разина.

—Съ бѣла камня, со Дунай-рѣки,
 —Со Дунай-рѣки, со широконой.
 —Покажи-ка намъ златы латы тутъ,
 —Златы латы тутъ серпентинныя!—

45. Погрузили во Дунай-рѣку
 Сотоварищи Стеньку Разина.
 Со Дунай-рѣки сотоварищи
 На Амуръ пошли думу думати;
 У Амуръ-рѣки крута гора,
 50. Крута гора высокая:
 На той горѣ спрошались,
 Другъ другу поклонялися:
 —Ужь мы, братцы, разодейтесь-ка,
 —Разойдемтесь-ка по дикимъ мѣстамъ!—

(Отъ крестьянине; ср. II ч. собр. П. Н. Рыбникова).

* *

Что касается до *пѣсни*, которую г. Костомаровъ ставить при разсказѣ о заключеніи Разина брата *Флора*, какъ будто ему принадлежащей, то она, еще болѣе Разинскаго *завѣщанія*, принадлежитъ одинаково любому Флору и Лавру, рѣшительно всемъ Безымяннымъ Молодцамъ и Козакамъ, а поется вообще какъ олицетвореніе тюремнаго заключенія и пѣсня о подвигахъ заключеннаго, въ сотнѣ видовъ и редакцій.

Теперь идетъ уже *воспоминаніе* о Разинѣ, въ видѣ столь знакомаго намъ *Плача*, какъ поютъ его, на примѣръ, о смерти всѣхъ замѣчательныхъ лицъ, съ Ивана Грознаго до Александра I-го, и какъ могутъ видѣть читатели всюду у насъ, начиная съ 6-го выпуска. Въ настоящемъ 7-мъ выше напечатанъ у насъ образецъ (стр. 41, № 6) изъ Новиковскаго пѣсенника, съ замѣтною книжною придѣлкою на концѣ: «И на славной Красной площади Отрубили буйну голову.» То же, короче, изъ другихъ пѣсенниковъ напечатано и у г. Костомарова, съ началомъ:

Помутился славный-тихий Донъ
 Отъ Черкаска до Чернаго моря,
 Помѣшался весь козацій кругъ, и т. д.

* *

Какъ взятіе Казани, какъ Астрахань при Михайлѣ (ср. выше), такъ конечно не могло миновать народнаго вниманія послѣдовавшее, взятіе и очищеніе Астрахани послѣ Разина. Вѣроятно событіе это отозвалось въ слѣдующей Былинѣ, хотя не скрываемъ, что она можетъ относиться и къ другимъ завоеваніямъ, и не только Астрахани, а даже и другихъ городовъ, какъ, на примѣръ, весьма сходно поется о взятіи Азова (ср. похожій приемъ обмана при взятіи его выше, о Скопинѣ). Мы считаемъ не лишнимъ привести эту Былину здѣсь, въ старшемъ для нея по времени мѣстѣ; имя *Никиты Ѳеодоровича* согласовалось съ тѣмъ, что послѣ Милославскаго прибылъ въ Астрахань Яновъ *Никитичъ Одоевскій*, а въ исторіи Одоевскихъ народу особенно памятно имя *Никиты*.

Взятіе Астрахани.

1.

(Задонскій уѣздъ).

- Собирался князь Никита
 Сынъ Ѳеодоровичъ,
 Онъ во путь во дороженьку,
 Въ Астрахань городъ.
5. Вотъ онъ дѣлалъ телѣжки
 Астраханскія,
 А не мало и не много—
 Сорокъ восемь тысячь.
- Обивалъ онъ телѣжки
 10. Дорогимъ сукномъ,
 Дорогимъ такимъ *) сукномъ,
 Чернымъ бархатомъ.

*) Тонкимъ?

- Онъ сажалъ на тѣ тележки
 По семи человѣкъ,
 15. По восьмому онъ сажалъ
 По кучеру,
 По девятому онъ сажалъ
 Кашеварому,
 По десятому онъ сажалъ
 20. Провожатому.
 Напередъ онъ послалъ
 Своего гонца:
 «Ты гони, гони, гонецъ,
 Въ Астрахань-городъ!»
 25. «Ты воскликни, ты возгаркни
 Громкимъ голосомъ:
 «—Ужь вы гой-еси, купцы
 Астраханскіе!
 «—Отворайте-ка ворота
 30. Вы широкіе,
 «—Мы прѣхали къ вамъ, купцы
 Черноморскіе,
 «—Привезли мы вамъ товары
 Все заморскіе:
 35. «—Черныхъ соболей
 Со куницами,
 «—Съ чернобурыми
 Со лисицами.—»
- Отворяли имъ купцы
 40. Свои ворота,
 Становили купцы гонца
 Во гостинницу.
 Но тамъ гонецъ
 Не уставился;
 45. Очищали для гонца
 Три площади,
 Просили со гонца
 Три пошлины:

- Заплачѹ я вамъ, братцы,
 50. Всѣ три пошлины.—
 Какъ съ перваго часу,
 Со полуночи,
 Выходилъ нашъ гонецъ
 На высокъ балконъ,
 55. Онъ воскликнулъ—возгаркнулъ
 Громкимъ голосомъ:
 —Ты вставай, вставай,
 Живой товаръ!
 —Ты съ перваго конца
 60. Жги—пали,
 —А съ другаго конца
 Сѣки—руби,
 —А съ третьяго конца
 Во полонъ бери,
 65. —На каждаго молодца
 Цѣпь тяжелую клади!—
 Закричали кушцы, кушцы
 Астраханскіе:
 «Какъ ни честь, ни хвала
 70. Царю Бѣлому,—
 «Какъ не взяли Астрахань
 Городъ въ тридцать лѣтъ,
 «А теперь взяли его
 Ровно въ три часа!»»

(Ср. Воронежск. Бесѣду 1861 г.).

Кстати, говоря о Былинахъ, оплакивающихъ смерть народныхъ героевъ, благодѣтелей или враговъ, укажемъ на Былину у Кирши Данилова о смерти *Михайлы Черкашенина*. Не ручаемся, чтобы она была сложена именно для этого лица: она похожа на весьма многія такія же Безъимянные. Но по крайности мы имѣемъ здѣсь *имя* образецъ того, какъ и съ какого времени Московское пѣснотворчество обратилось съ учас-

тіемъ къ представителямъ и событіямъ козачества. «Можетъ быть» даже и сложена она современно, въ одну эпоху съ Ермакомъ. Тогда мы для XVI и XVII вѣка Московскихъ Былинъ получаемъ *Ермака, Михайлу, Стеньку, и Флора Минова*, съ ними Донъ, Волгу и Сибирь, Казань, Астрахань и Азовъ, однимъ словомъ главные лица, поприща дѣйствія, черты и событія тогдашняго, «не-Малорусскаго» козачества.

Смерть Михайлы Черкашенина.

1.

(Кирша Даниловъ).

- За Зарайскомъ городомъ, за Рязанью за Старою,
Изъ далеча изъ чиста поля, изъ раздолья широкаго,
Какъ бы гнѣдаго тура привезли убитаго,
Привезли убитаго атамана Польскаго,
5. Атамана Польскаго, а по имени Михайла Черкашенина.
А птицы ластицы кругъ гнѣзда убиваются:
Еще плачуть малы его дѣти надъ бѣлымъ тѣломъ;
Съ высокаго терема зазрѣла молодая жена,
А плачетъ—убивается надъ его бѣлымъ тѣломъ,
10. Скрозь слезы свои она едва слово промолвила,
Жалобно причитаючи ко его бѣлу тѣлу:
«Козачья вольная *) по здорову пріѣхали,
«Тебя, свѣта моего, привезли убитаго,
«Привезли убитаго атамана Польскаго,
15. «А по имени Михайла Черкашенина!»

*) Вольница, козакъ вольные, отчего и согласовано во множественномъ числѣ.

За Козачествомъ Московскаго періода Былинъ ближайше важное мѣсто принадлежитъ Былинъ объ осадѣ Соловецкаго монастыря: по тремъ образцамъ она напечатана нами въ изданіи «Калѣкъ Перехожихъ,» вып. 3, стр. 675—680, № 157 и дагѣе.

Съ симъ связаны: судьба стрѣльцовъ, переживавшихъ при Алексѣѣ Михайловичѣ послѣднюю годину, и первыя волненія въ средѣ ихъ; но у насъ выше, на стр. 43, 44, напечатана Былина о смерти Стрѣжецкаго Воеводы, *одна*, ибо одна съ именемъ Алексія. Другія же, собственно о возстаніяхъ и гибели, хотя несомнѣнно по многимъ частямъ своимъ истекаютъ изъ эпохи того же царствованія, но, или именемъ вѣнценосца, или общимъ характеромъ прямѣе принадлежатъ времени Петра I-го, гдѣ читатели и найдутъ ихъ, даже съ развѣтвленіемъ Безъимянныхъ.

Былина «подъ Ригю,» помѣщенная у насъ выше на стр. 44, представляетъ собою уже начало простыхъ Пѣсней, такъ называемыхъ Военныхъ или Служилыхъ: такого же рода, хотя безъ всякихъ именъ, помянутая пѣсня о зимовой и весновой службѣ, № 5 въ тетради Ричарда Джемса. Это даже начало, хотя и отдаленное, послѣдующихъ пѣсень *Солдатскихъ*, Руси Новой.—Она же перепечатана въ сборникъ г.г. Костомарова и Мордовцевой, стр. 27, 28, подѣ буквою В, съ нѣсколькими, не совсѣмъ удачными, перемѣнами словъ. Другой тамошній вариантъ, на стр. 27, подѣ буквою А, по своимъ *солдатскимъ* оборотамъ и *фельдмаршалу*, какъ пѣсня Безъимянная, находитъ непремѣнное мѣсто въ Новой Россіи, гдѣ и можетъ свободно воспѣвать о любимыхъ сборахъ подѣ Ригю,—много, много, если въ эпоху Петра. Почтеннымъ собирателямъ *показалась* эта пѣсня *началомъ* той, которая напечатана подѣ буквою В, и вотъ почему конечно сочли они нужнымъ замѣтить, что «нѣкоторыя (женщины?) поютъ, послѣ «православный царь,» — «бывшій царь Алексѣй Михайловичъ.»»

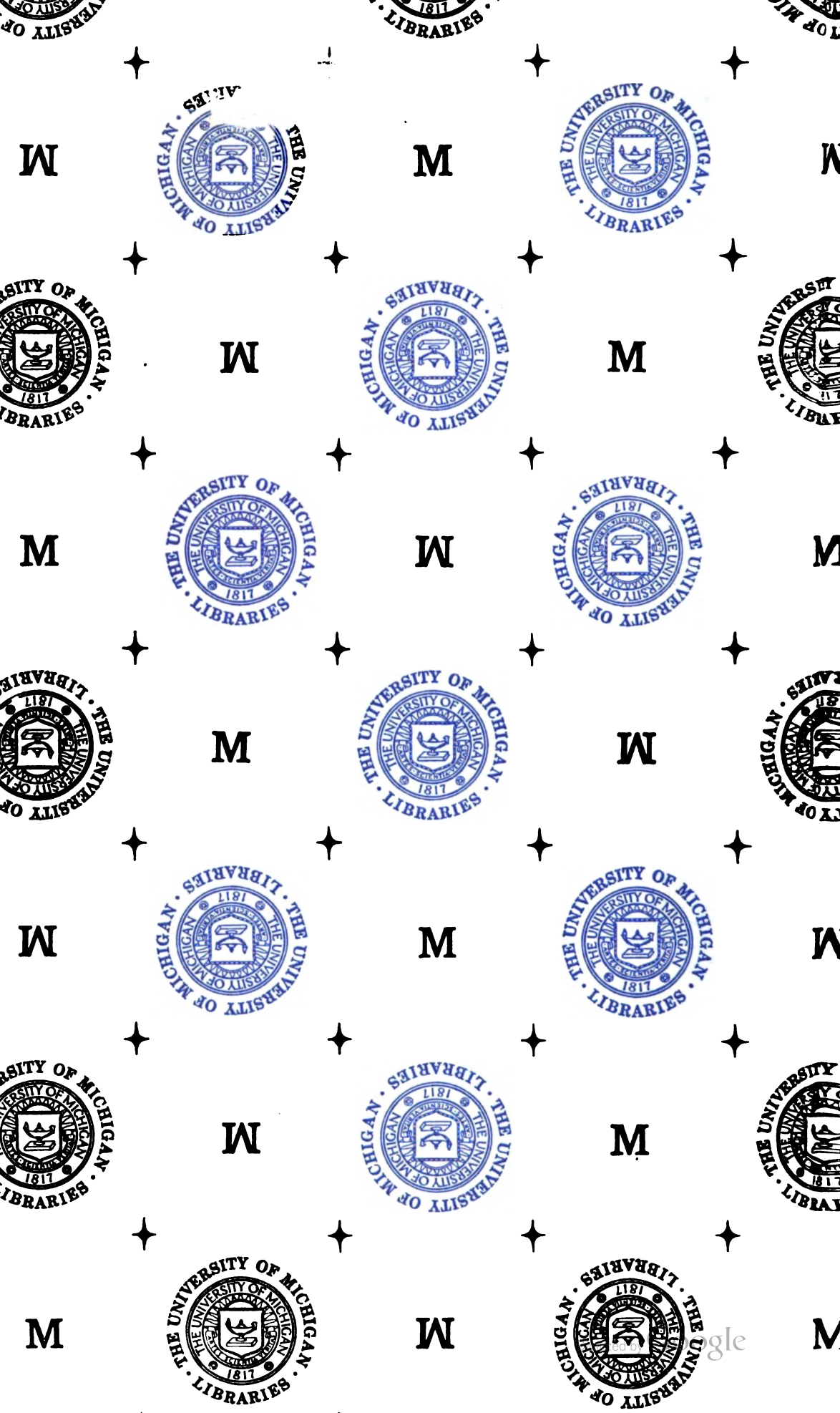
За сямъ, на стр. 45—47, помѣщены у насъ послѣднія Былины Древней Россіи, о смерти Алексѣя Михайловича, въ 4-хъ нумерахъ, изъ коихъ 1-й съ именемъ, три съ подходящими чертами: собственно повтореніе, съ малымъ разнообразіемъ, того же, что начинается въ Московскихъ Былинахъ съ Грознаго и нѣсколько разъ еще повторится предъ читателями въ дальнѣйшихъ выпускахъ, о послѣдующихъ государяхъ и государыняхъ.

Остается намъ сказать о тѣхъ, уже не столько Былинахъ, сколько простыхъ Пѣсняхъ, кои напечатаны въ первыхъ «Прибавленіяхъ» сего выпуска, на стр. 54—62, въ 5-ти образцахъ, и названы *Татарскими*. Ихъ нельзя обойти при заключеніи *Древней Руси*, и мы можемъ здѣсь еще прибавить къ нимъ нѣсколько любопытныхъ образцовъ или разнорѣчій.

Но прежде считаемъ нужнымъ напомнить то, что говорили уже не разъ въ «Замѣткахъ» къ разнымъ выпускамъ, при разныхъ собраніяхъ Пѣсень и Стиховъ нашего изданія. — Съ самыхъ первыхъ годовъ Русской исторіи, а потому и съ первыхъ Былинъ, огласившихъ начало и развитіе Руси въ ея государствѣ и земствѣ, Восточные выходцы, вторгаясь въ наши предѣлы, жизнь и исторію, на промежуточномъ пути между Азіей и Западной Европой, конечно должны были, хотя подъ разными именами и въ разной обстановкѣ, войти эпизодически въ народное пѣснотворчество, какъ лица, обстоятельства и единичныя части въ *содержаніи* Былинъ. Послѣдующее, сравнительно сильнѣйшее, преобладаніе полчищъ Татарскихъ сообщило и всѣмъ старшимъ Восточникамъ, и позднѣйшимъ развѣтвленіямъ ихъ, по преимуществу окликъ, характеръ и колоритъ *Татарскій*. Съ этой только стороны можно и пѣсни, гдѣ они встрѣчаются, именовать, въ узкомъ смыслѣ, *Татарскими*: и только. На само творчество наше, на складъ, стихъ, напѣвъ, приемъ, языкъ и т. п., Татарскаго

вліянія нѣтъ и смѣшно его предположить. Да и въ содержаніи, нужно помнить, что это только вставныя части, эпизоды, при главномъ содержаніи—Русскихъ лицъ, событій и положеній: а потому съ этой общей, широкой стороны, называть пѣсни такія Татарскими, — значило бы по праву называть другія пѣсни Литовскими, третьи Шведскими, четвертыя Французскими, смотря потому, съ какой стороны были на насъ частныя нашествія или вторженія, какія лица и черты выведены въ Русскихъ, Русскихъ самихъ по себѣ, Былинахъ. Не имѣя возможности не видать вліянія на Русь съ Востока, изъ Азии, между прочимъ и отъ Татарщины, всѣ наши историки, отъ Карамзина до послѣдняго, старались пояснить это вліяніе, дать ему настоящее по принадлежности мѣсто и — всегда отдѣлить отъ самой Русской жизни и исторіи, какъ отдѣляется всякое внѣшнее наслоеніе, всякая чуждая сторона и все по стороннее, какъ отличается полчище отъ строя, кочевое племя отъ земства и народа, орда отъ государства, безграмотность и дикость отъ образованія, просвѣщенія и цивилизаціи, нагроможденіе случаевъ и толчковъ отъ исторіи, сѣверные и восточные слитные языки отъ индо-европейскаго и съ тѣмъ вмѣстѣ отъ славянскаго, стадовое накопленіе и безслѣдное исчезаніе среди груды грубыхъ развалинъ отъ органическаго развитія, отъ лѣтописей исторіи, отъ литературы, созданий творчества и вѣковѣчныхъ его памятниковъ. Идя тѣмъ же, общимъ путемъ, путемъ общей науки, еще покойный П. В. Кирѣевскій положительно заявилъ касательно нашего пѣснотворчества: «Особенно замѣчательно совершенное почти отсутствіе пѣсенъ объ эпохѣ такъ называемаго Татарскаго ига. По крайней мѣрѣ въ моемъ Собраніи Пѣсенъ (а оно, безъ преувеличенія, должно быть названо очень многочисленнымъ), нѣтъ ни одной, которую бы можно было несомнѣнно отнести къ этому времени. Такое отсутствіе воспоминаній объ этой эпохѣ можетъ служить сильнымъ свидѣтельствомъ противъ лицъ, называющихъ это несчастное время эпохою Татарскаго влады-

чества, или ига, а не эпохою Татарскихъ опустошеній, какъ было бы справедливѣе. Иноземное владычество, особенно долго-временное, необходимо проникаетъ во всѣ отношенія внутренняго быта, глубоко уничтожаетъ и искажаетъ народный духъ и не можетъ не оставить воспоминаній неизгладимыхъ. Могло бы оно вовсе истребить пѣсни въ Русскомъ народѣ; но, при существованіи такого огромнаго богатства народныхъ пѣсень и преданій, не могло бы стереть подобныя воспоминанія (1-й выпускъ нашей изданія). И мы держимся того же воззрѣнія, а, на основаніи тоневидныхъ данныхъ пѣснотворчества, отчасти успѣли доказать далѣе ту же положительную истину, о долѣ участія, какую занимаетъ Татарщина въ содержаніи нашихъ Былинъ, отчасти приведемъ ниже еще съ пятокъ пѣсень того же значенія.—Послѣ сего, честь внести въ Русь Татарщину, и не только внести, но и поставить *на мѣсто* Руси, честь внести въ нашу исторію и пѣснотворчество Татарскій смыслъ и Татарское воззрѣніе, принадлежитъ единственно, впервые и навсегда, знаменитымъ статьямъ «о происхожденіи Русскихъ Былинъ» г. Стасова въ «Вѣстникѣ Европы.» Мы не писали возраженій и, говоря о семъ теперь, никоимъ образомъ не пускаемся въ разборъ и критику: достоинство такихъ изслѣдованій, какъ г. Стасова, состоитъ именно въ томъ, что они высказываются, дабы собственнымъ изложеніемъ до конца исчерпать себя и на всегда уничтожить. Остается спокойно выжидать, пока договорятся, что все это говорили ради препровожденія времени. До того дошла, нѣкогда господствовавшая у насъ, Скандинавоманія или потомъ привычка черпать объясненія изъ Нибелунговъ и Эдды, выводить Русскія формы языка изъ Западныхъ грамматикъ. Лучшіе, искреннѣйшіе корифеи сего, весьма впрочемъ естественнаго и понятнаго, умеченія, открыто нынѣ признались въ немъ и отступили отъ него: поворотъ къ народности довершилъ дѣло, навсегда отлучивъ насъ отъ корней, цвѣтовъ и плодовъ Запада въ ихъ исключительности Западной и обративъ къ своему родному. Здѣсь же,

M

M

M

M

M

M

M

M

M

M

M

M

M

M

M

M

M

Digitized by Google

